

ANTHOLOGY

mergeFB2

Сборник "Мастер на все руки"
Гарри Гаррисон

Аннотация
Гарри Гаррисон. Мастер на все руки
Гарри Гаррисон. Государственный служащий
Гаррисон Гарри. Значение наблюдательности
Гарри Гаррисон. Если
Гарри Гаррисон. Эскадрилья вампиров
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Гарри Гаррисон. У водопада

Гарри Гаррисон. Конечная станция
Гарри Гаррисон. Ни войны, ни звуков боя
Гарри Гаррисон. Из фанатизма или за вознаграждение
Гарри Гаррисон. Давление
Гаррисон Гарри. Домой, на Землю
Гарри Гаррисон. Предисловие. Передатчик материи
Один шаг от Земли
Гарри Гаррисон. Хранители жизни
Гарри Гаррисон. Трудная работа
Гарри Гаррисон. История конца
Гарри Гаррисон. Источник опасности
Гарри Гаррисон. Последняя встреча
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Гарри Гаррисон. От каждого по способностям
Гарри Гаррисон. Спасательная операция
Гарри Гаррисон. Преступление
Гарри Гаррисон. Вы люди насилия
Гарри Гаррисон. Парни из С.В.И.Н. и Р.О.Б.О.Т.
ПРОЛОГ. Выпускники
Человек из С.В.И.Н.

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Человек из Р.О.Б.О.Т.
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
ЭПИЛОГ

Аннотация

Содержание:

1. Мастер на все руки
2. Государственный служащий
3. Значение наблюдательности *(Перевод: А. Гришин)*
4. Если *(Перевод: А. Чапковский)*
5. Эскадрилья вампиров *(Перевод: Д. Дейч)*
6. Космический врач
7. У водопада
8. Конечная станция
9. Ни войны, ни звуков боя
10. Из фанатизма или за вознаграждение *(Перевод: А. Волнов)*
11. Давление
12. Домой, на Землю *(Перевод: А. Гришин)*
13. Один шаг от земли *(Перевод: А. Волнов)*
14. Хранители жизни
15. Трудная работа
16. История конца
17. Источник опасности
18. Последняя встреча
19. От каждого по способностям *(Перевод: А. Новиков)*

20. Спасательная операция
21. Преступление
22. Вы люди насилия
23. Парни из С.В.И.Н. и Р.О.Б.О.Т.

Гарри Гаррисон
Мастер на все руки

У Старика было невероятно злорадное выражение лица — верный признак того, что кому-то предстоит здорово попотеть. Поскольку мы были одни, я без особого напряжения мысли догадался, что работенка достанется именно мне. И тотчас обрушился на него, памятуя, что наступление — лучший вид обороны.

— Я увольняюсь. И не утруждайте себя сообщением, какую грязную работенку вы мне припасли, потому что я уже не работаю. Вам нет нужды раскрывать передо мной секреты компании.

А он знай себе ухмыляется. Ткнув пальцем в кнопку на пульте, он даже захихикал. Толстый официальный документ скользнул из цели к нему на стол.

— Вот ваш контракт, — заявил Старик. — Здесь сказано, где и как вам работать. Эту пластину из сплава стали с ванадием не уничтожить даже с помощью молекулярного разрушителя.

Я наклонился, схватил пластину и тотчас подбросил ее вверх. Не успела она упасть, как в руке

у меня очутился лазер, и от контракта остался лишь пепел.

Старик опять нажал кнопку, и на стол к нему скользнул новый контракт. Ухмылялся теперь он уже так, что рот его растянулся до самых ушей.

— Я неправильно выразился... Надо было сказать не контракт, а копия его... вроде этой.

Он быстро сделал какую-то пометку.

— Я вычел из вашего жалованья тринадцать монет — стоимость копии. Кроме того, вы оштрафованы на сто монет за пользование лазером в помещении.

Я был повержен и, понурившись, ждал удара. Старик поглаживал мой контракт.

— Согласно контракту, бросить работу вы не можете. Никогда. Поэтому у меня есть для вас небольшое дельце, которое вам наверняка придется по душе. Маяк в районе Центавра не действует. Это маяк типа «Марк-III»...

— Что это еще за тип? — спросил я Старика. Я ремонтировал маяки гиперпространства во всех концах Галактики и был уверен, что способен починить любую разновидность. Но о маяке такого типа я даже не слыхивал.

— "Марк-III", — с лукавой усмешкой повторил Старик. — Я и сам о нем услыхал, только когда

архивный отдел откопал его спецификацию. Ее нашли где-то на задворках самого старого из хранилищ. Из всех маяков, построенных землянами, этот, пожалуй, самый древний. Судя по тому, что он находится на одной из планет Проксимы Центавра, это, весьма вероятно, и есть самый первый маяк.

Я взглянул на чертежи, протянутые мне Стариком, и ужаснулся.

— Чудовищно! Он похож скорее на винокуренный завод, чем на маяк... И высотой не меньше нескольких сотен метров. Я ремонтник, а не археолог. Этой груде лома больше двух тысяч лет. Бросьте вы его и постройте новый.

Старик перегнулся через стол и задышал мне прямо в лицо.

— Чтобы построить новый маяк, нужен год и уйма денег. К тому же эта реликвия находится на одном из главных маршрутов. Некоторые корабли у нас теперь делают трюк в пятнадцать световых лет.

Он откинулся на спинку кресла, вытер руки носовым платком и стал читать мне очередную лекцию о моем долге перед компанией.

— Наш отдел официально называется отделом эксплуатации и ремонта, а на самом деле его

следовало бы назвать аварийным. Гиперпространственные маяки делают так, чтобы они служили вечно... или по крайней мере стремятся делать так. И если они выходят из строя, то тут всякий раз дело серьезное — заменой какой-нибудь части не отделаешься.

И это говорил мне он — человек, который за жирное жалованье просиживает штаны в кабинете с искусственным климатом.

Старик продолжал болтать:

— Эх, если бы можно было просто заменять детали! Был бы у меня флот из запчастей и младшие механики, которые бы вкалывали без разговоров! Так нет же, все, все наоборот. У меня флотилия дорогих кораблей, а на них — чего только нет... Зато экипажи — банда разгильдяев вроде вас!

Он ткнул в мою сторону пальцем, а я мрачно кивнул.

— Как бы мне хотелось уволить всех вас! В каждом из вас сидит космический бродяга, механик, инженер, солдат, головорез и еще черт-те кто — все, что нужно для настоящего ремонтника. Мне приходится запугивать вас, подкупать, шантажировать, чтобы заставить выполнить простое задание. Если вы сыты по горло, то представьте себе, каково мне. Но корабли должны ходить!

Маяки должны работать!

Решив, что этот бессмертный афоризм он произнес в качестве напутствия, я встал. Старик бросил мне документацию «Марка-III» и зарылся в свои бумаги. Когда я был уже у самой двери, он поднял голову и снова ткнул в мою сторону пальцем:

— И не тешьте себя мыслью, что вам удастся увильнуть от выполнения контракта. Мы наложим арест на ваш банковский счет на Алголе-2, прежде чем вы успеете взять с него деньги.

Я улыбался так, будто у меня никогда и в мыслях не было держать свой счет в секрете. Но боюсь, улыбка получилась жалкой. Шпионы Старика с каждым днем работают все эффективнее. Шагая к выходу из здания, я пытался придумать, как бы мне незаметно взять со счета деньги. Но я знал, что в это самое время Старик подумывает, как бы ему обхитрить меня.

Все это не настраивало на веселый лад, и поэтому я сперва заглянул в бар, а уж оттуда отправился в космопорт.

* * *

К тому времени, когда корабль подготовили к полету, я уже вычертил курс. Ближе всех от

испортившегося маяка на Проксиме Центавра был маяк на одной из планет Беты Цирцинии, и я сначала направился туда. Это короткое путешествие в гиперпространстве заняло всего лишь девять дней.

Чтобы понять значение маяков, надо знать, что такое гиперпространство. Немногие разбираются в этом, но довольно легко усвоить одно: там, где отсутствует пространство, обычные физические законы неприемлемы. Скорость и расстояния там понятия относительные, а не постоянные, как в обычном космосе.

Первые корабли, входившие в гиперпространство, не знали, куда двигаться, невозможно было даже определить, движутся ли они вообще. Маяки разрешили эту проблему и сделали доступной всю Вселенную. Воздвигнутые на планетах, они генерируют колоссальное количество энергии. Эта энергия превращается в излучение, которое пронизывает гиперпространство. Каждый маяк посылает с излучением свой кодовый сигнал, по которому и ориентируются в гиперпространстве. Навигация осуществляется при помощи триангуляции и квадратуры по маякам — только правила здесь свои, особые. Эти правила очень сложны и непостоянны, но все-таки они существуют, и

навигатор может ими руководствоваться.

Для прыжка через гиперпространство надо точно засечь по крайней мере четыре маяка. Для длинных прыжков навигаторы используют семь-восемь маяков. Поэтому важен каждый маяк, все они должны работать. Вот тут-то беремся за дело мы, аварийщики.

Мы путешествуем в кораблях, в которых есть всего понемногу. Экипаж корабля состоит из одного человека — этого достаточно, чтобы управляться с нашей сверхэффективной ремонтной аппаратурой. Из-за характера нашей работы мы проводим большую часть времени в обыкновенных полетах в обычном пространстве. Иначе как же найти испортившийся маяк?

В гиперпространстве его не найдешь. Используя другие маяки, можно подойти как можно ближе к испорченному — и это все. Далее путешествие заканчивается в обычном пространстве. И на это частенько уходят многие месяцы.

На сей раз все получилось не так уж плохо. Я взял направление на маяк Беты Цирцинии и с помощью навигационного блока стал решать сложную задачу ориентации по восьми точкам, используя все маяки, которые засек. Вычислительная машина выдала мне курс до примерного

выхода из гиперпространства. Блок безопасности, который я все никак не могу размонтировать и выбросить, внес свои коррективы.

По мне так уж лучше выскочить из гиперпространства поблизости от какой-нибудь звезды, чем тратить время, ползя как черепаха сквозь обычное пространство, но, видно, технический отдел тоже это сообразил. Блок безопасности встроен в машину накрепко, и, как бы ты ни старался, погибнуть, выскочив из гиперпространства внутри какого-нибудь солнца, невозможно. Я уверен, что гуманные соображения тут ни при чем. Просто компании дорог корабль.

* * *

Прошло двадцать четыре часа по корабельному времени, и я очутился где-то в обычном пространстве. Робот-анализатор что-то бормотнул и стал изучать все звезды, сравнивая их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец он дал звонок и замигал лампочкой. Я прильнул к окуляру.

Определив с помощью фотоэлемента истинную величину, я сравнил ее с величиной абсолютной и получил расстояние. Совсем не так плохо, как я думал, — шесть недель пути, плюс-минус

несколько дней. Вставив запись курса в автопилот, я на время ускорения привязал себя ремнями в специальном отсеке и заснул.

Время прошло быстро. Я в двенадцатый раз перемонтировал свою камеру и проштудировал заочный курс по ядерной физике. Большинство ремонтников учатся. Компания повышает жалованье за овладение новыми специальностями. Но такие заочные курсы ценны и сами по себе, так как никогда нельзя заранее сказать, какие еще знания могут пригодиться. Все это да еще живопись и гимнастика помогали коротать время. Я спал, когда раздался сигнал тревоги, возвестивший о близости планеты.

Вторая планета, где, согласно старым картам, находился маяк, была на вид сырой и пористой, как губка. Я с великим трудом разобрался в древних указаниях и наконец обнаружил нужный район. Оставшись за пределами атмосферы, я послал на разведку «Летучий глаз». В нашем деле заранее узнают, где и как придется рисковать собственной шкурой. «Глаз» для этой цели вполне подходит.

У предков хватило соображения сориентировать маяк на местности. Они построили его точно на прямой линии между двумя заметными

горными вершинами. Я легко нашел эти вершины и пустил «глаз» от первой вершины точно в направлении второй. Спереди и сзади у «глаза» были радары, сигналы с них поступали на экран осциллографа в виде амплитудных кривых. Когда два пика совпали, я стал крутить рукоятки управления «глазом», и он пошел на снижение.

Я выключил радар, включил телепередатчик и сел перед экраном, чтобы не упустить маяк.

Иллюстрация Kramer

Экран замерцал, потом изображение стало четким, и в поле зрения вплыла... гигантская пирамида. Я чертыхнулся и стал гонять «глаз» по кругу, просматривая прилегавшую к пирамиде местность. Она была плоской, болотистой, без единого пригорка. В десятимильном круге только и была что пирамида, а уж она определенно никакого отношения к маяку не имела.

А может, я неправ?

Я опустил «глаз» пониже. Пирамида была грубым каменным сооружением, без в сякого орнамента, без украшений. На вершине ее что-то блеснуло. Я пригляделся. Там был бассейн, заполненный водой. При виде его в голове у меня мелькнула смутная догадка.

Замкнув «глаз» на круговом курсе, я покопался в чертежах «Марка-III» и... нашел то, что мне было нужно. На самом верху маяка была площадка для собирания осадков и бассейн. Вода охлаждала реактор, который питал старую уродину. Раз вода есть, значить и маяк все еще существует... внутри пирамиды. Туземцы, которых идиоты, конструировавшие маяк, разумеется, даже не заметили, заключили сооружение я великолепную пирамиду из гигантских камней.

Я снова посмотрел на экран и понял, что «глаз» у меня летает по круговой орбите всего футах в двадцати над пирамидой. Вершина каменной груды теперь была усеяна какими-то ящерами, местными жителями, наверно. Они швырялись палками, стреляли из самострелов, стараясь сбить «глаз». Во всех направлениях летели тучи стрел и камней.

Я увел «глаз» прямо вверх, а затем, в сторону и дал задание блоку управления вернуть разведчика на корабль.

Потом я пошел в камбуз и принял добрую дозу спиртного. Мало того, что мой маяк заключен в каменную гору, я еще умудрился разозлить существ, построивших пирамиду. Хорошенькое начало для работы — такое заставило бы и более сильного человека, чем я, приложиться к бутылке.

Наш брат, ремонтник, старается обычно держаться подальше от местных жителей. Общаться с ними смертельно опасно. Антропологи, возможно, ничего не имеют против принесения себя в жертву своей науке, но ремонтнику жертвовать собой вроде бы ни к чему. Поэтому большинство маяков строится на необитаемых планетах. Если маяк приходится стоить на обитаемой планете,

его обычно воздвигают где-нибудь в недоступном месте.

Почему этот маяк построили в пределах досягаемости местных жителей, я еще не знал, но со временем собирался узнать. Первым делом надо было установить контакт. А для того, чтобы установить контакт, необходимо знать местный язык.

И на этот случай я уже давно разработал безотказную систему. У меня было устройство для подглядывания и подслушивания, я его сам сконструировал. По виду оно походило на камень длиной с фут. Когда устройство лежало на земле, никто на него не обращал внимания, но когда оно еще парило в воздухе, вид его приводил случайных свидетелей в некоторое замешательство. Я нашел город ящеров примерно в тысяче километров от пирамиды и ночью сбросил туда своего «соглядатая». Он со свистом понесся вниз и опустился на берегу большой лужи, в которой любили плескаться местные ящеры. Днем здесь их собиралось довольно много. Утром, с прибытием первых ящеров я включил магнитофон.

Примерно через пять местных дней у меня в блоке памяти машины-переводчика было записано невероятно много всяких разговоров, и я уже

выделил некоторые выражения. Это довольно легко сделать, если вы работаете с машинной памятью. Один из ящеров что-то пробулькал вслед другому, и тот обернулся. Я ассоциировал эту фразу с чем-то вроде человеческого «Эй!» и ждал случая проверить правильность своей догадки. В тот же день, улучив момент, когда какой-то ящер остался в одиночестве, я крикнул ему: «Эй!». Возглас был пробулькан репродуктором на местном языке, и ящер обернулся.

Когда в памяти накопилось достаточное число таких опорных выражений, к делу приступил мозг машины-переводчика, начавший заполнять пробелы. Как только машина стала переводить мне все услышанные разговоры, я решил, что пришло время вступить с ящерами в контакт.

Собеседника я нашел весьма легко. Он был чем-то вроде центаврийского пастушка, так как на его попечении находились какие-то особенно грязные низшие животные, обитавшие в болотах за городом. Один из моих «соглядатаев» вырыл в крутом склоне пещеру и стал ждать ящера.

На следующий день я шепнул в микрофон проходившему мимо пастушку:

— Приветствую тебя, мой внучек! С тобой говорит из рая дух твоего дедушки.

Это не противоречило тому, что я узнал о местной религии.

Пастушок остановился как вкопанный. Прежде чем он пришел в себя, я нажал кнопку, и из пещеры к его ногам выкатилась горсть раковин, которые служили там деньгами.

— Вот тебе деньги из рая, потому что ты был хорошим мальчиком.

«Райские» деньги я предыдущей ночью изъял из местного казначейства.

— Приходи завтра, и мы с тобой потолкуем, — крикнул я вслед убегающему ящерку. Я с удовольствием отметил, что захватить «монеты» с собой он не забыл.

Потом дедушка из рая не раз вел сердечные разговоры с внучком, на которого божественные дары подействовали неотразимо. Дедушка интересовался событиями, которые произошли после его смерти, и пастушок охотно просвещал его.

Я получил все необходимые мне исторические сведения и выяснил нынешнюю обстановку, которую никак нельзя было счесть благоприятной.

Мало того, что маяк заключили в пирамиду, вокруг этой пирамиды шла небольшая религиозная война.

Все началось с перешейка. Очевидно, когда

строился маяк, ящеры жили в далеких болотах, и строители не придавали им никакого значения. Уровень развития ящеров был низок, и водились они на другом континенте. Мысль о том, что туземцы могут сделать успехи и достичь этого континента, не приходила в голову инженерам, строившим маяк. Но именно это и случилось.

В результате небольшого геологического сдвига на нужном месте образовался болотистый перешеек, и ящеры стали забредать в долину, где находился маяк. И обрели там религию. Блестящую металлическую башню, из которой непрерывно изливался поток волшебной воды (она, охлаждая реактор, лилась вниз с крыши, где конденсировалась из атмосферы). Радиоактивность воды дурного воздействия на туземцев не оказывала. Мутации, которые она вызывала, оказались благоприятными.

Вокруг башни был построен город, и за много веков маяк постепенно заключили в пирамиду. Башню обслуживали специальные жрецы. Все шло хорошо, пока один из жрецов не проник в башню и не погубил источник святой воды. С тех пор начались мятежи, схватки, побоища, смута. Но святая вода так больше и не текла. Теперь вооруженные толпы сражались вокруг башни

каждый день, а священный источник стерегла новая шайка жрецов.

А мне надо было забраться в эту самую кашу и починить маяк.

Это было бы легко сделать, если б нам разрешали хоть чуть-чуть порезвиться. Я мог бы стереть этих ящериц в порошок, наладить маяк и удалиться. Но «местные живые существа» находились под надежной защитой. В мой корабль вмонтированы электронные шпионы — я отыскал еще не все, — и они донесли бы на меня по возвращении.

Оставалось прибегнуть к дипломатии. Я вздохнул и достал снаряжение для изготовления пластиковой плоти.

Сверяясь с объемными снимками, сделанными с пастушка, я придал своему лицу черты рептилии. Челюсть была немного коротковата — рот мой мало похож на зубастую пасть. Но и так сойдет. Мне не было нужды в точности походить на ящера — требовалось небольшое сходство, чтобы не слишком пугать туземцев. В этом есть логика. Если бы я был невежественным аборигеном Земли и встретился с жителем планеты Спик, который похож на двухфутовый комок высушенного шеллака, то я бы задал стрекача. Но

если бы на спиканце был костюм из пластиковой плоти, в котором он хотя бы отдаленно походил на человека, то я бы по крайней мере остановился и поговорил с ним. Так что мне просто хотелось смягчить впечатление от своего появления перед центаврийцами.

Сделав маску, я стянул ее с головы и прикрепил к красивому хвостатому костюму из зеленого пластика. Я искренне порадовался хвосту. Ящеры не носят одежды, а мне надо было взять с собой много электронных приборов. Я натянул пластик хвоста на металлический каркас, пристегнув его к поясу. Потом я заполнил каркас снаряжением, которое могло мне понадобиться, и зашнуровал костюм.

Облачившись, я встал перед большим зеркалом. Зрелище было страшноватое, но я остался доволен. Хвост тянул мое туловище назад и книзу, отчего походка у меня стала утиной, вперевалку, но это только усиливало сходство с ящером.

Ночью я посадил корабль в горах поблизости от пирамиды на совершенно сухую площадку, куда земноводные никогда не забирались. Перед самым рассветом «глаз» прицепился к моим плечам, и мы взлетели. Мы парили над башней на высоте 2000 метров, пока не стало светло, а потом

опустились.

Наверно, это было великолепное зрелище. «Глаз», который я замаскировал под крылатого ящера, этакого картонного птеродактиля, медленно взмахивал крыльями, что, впрочем, не имело никакого отношения к тем принципам, на которых зиждилась его способность летать. Но этого было достаточно, чтобы поразить воображение туземцев. Первый же ящер, который заметил меня, вскрикнул и опрокинулся на спину. Подбежали другие. Сгрудившись, они толкались, влезали друг на друга, и к моменту моего приземления на площади перед храмом появились жрецы.

Я с царственной важностью сложил руки на груди.

— Приветствую вас, о благородные служители великого бога, — сказал я. Разумеется, я не сказал этого вслух, а лишь прошептал в ларингофон. Радиоволны донесли мои слова до машины-переводчика, которая в свою очередь вещала на местном языке через динамик, спрятанный у меня в челюсти.

Туземцы загалдели, и тотчас над площадью разнесся перевод моих слов. Я усилил звук так, что стала резонировать вся площадь.

Некоторые из наиболее доверчивых туземцев простерлись ниц, другие с криками бросились прочь. Один подозрительный тип поднял копье, но после того, как «глаз» — птеродактиль схватил его и бросил в болото, никто уже не пытался делать ничего подобного. Жрецы были народ прожженный — не обращая внимания на остальных ящеров, они не трогались с места и что-то бормотали. Мне пришлось возобновить атаку.

— Исчезни, верный конь, — сказал я «глазу» и одновременно нажал кнопку на крохотном пульте, спрятанном у меня в ладони.

«Глаз» рванулся кверху немного быстрее, чем я хотел; кусочки пластика, оборванного сопротивлением воздуха, посыпались вниз. Пока толпа упоенно наблюдала за этим вознесением, я направился к входу в храм.

— Я хочу поговорить с вами, о благородные жрецы, — сказал я.

Прежде чем они сообразили, что ответить мне, я уже был в храме, небольшом здании, примыкавшем к подножию пирамиды. Возможно, я нарушил не слишком много «табу» — меня не остановили, значит, все шло вроде бы хорошо. В глубине храма виднелся грязноватый бассейн. В нем плескалось престарелое пресмыкающееся,

которое явно принадлежало к местному руководству. Я заковылял к нему, а оно бросило на меня холодный рыбий взгляд и что-то пробулькало.

Машина-переводчик прошептала мне на ухо:

— Во имя тринадцатого греха, скажи, кто ты и что тебе здесь надобно?

Я изогнул свое чешуйчатое тело самым благородным образом и показал рукой на потолок.

— Ваши предки послали меня помочь вам. Я явился, чтобы возродить Священный источник.

Позади меня послышалось гуденье голосов, но предводитель не говорил ни слова. Он медленно погружался в воду, пока на поверхности не остались одни глаза. Мне казалось, что я слышу, как шевелятся мозги за его замшелым лбом. Потом он вскочил и ткнул в меня конечностью, с которой капала вода:

— Ты лжец! Ты не наш предок! Мы...

— Стоп! — загремел я, не давая ему зайти так далеко, откуда бы он уже не смог пойти на попятный. — Я сказал, что ваши предки меня послали... я не принадлежу к числу ваших предков. Не пытайся причинить мне вред, иначе гнев тех, кто ушел в иной мир, обратится на тебя.

Сказав это, я сделал угрожающий жест в сторону других жрецов и бросил на пол между ними и

собой крохотную гранатку. В полу образовалась порядочная воронка, грохота и дыма получилось много.

Главный ящер решил, что доводы мои убедительны, и немедленно созвал совещание шаманов. Оно, разумеется, состоялось в общественном бассейне, и мне пришлось тоже залезть в него. Мы разевали пасти и булькали примерно с час — за это время и были решены все важные пункты повестки дня.

Я узнал, что эти жрецы появились здесь не очень давно; всех предыдущих сварили в кипятке за то, что они дали иссякнуть Священному источнику. Я объяснил, что прибыл лишь с одной целью — помочь им возродить поток. Жрецы решили рискнуть, и все мы выбрались из бассейна. Грязь струйками стекала с нас на пол. В саму пирамиду вела запертая и охранявшаяся дверь. Когда ее открыли, главный ящер обернулся ко мне.

— Ты, несомненно, знаешь закон, — сказал он. — Поскольку прежние жрецы были излишне любопытны, теперь введено правило, которое гласит, что только слепые могут входить в святая святых.

Я готов побиться об заклад, что он улыбнулся,

если только тридцать зубов, торчащих из чего-то вроде щели в старом чемодане, можно назвать улыбкой.

Он тут же дал знак подручному, который принес жаровню с древесным углем и раскаленными докрасна железками. Я с разинутым ртом стоял и смотрел, как он помешал угли, вытянул из них самую красную железку и направился ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, когда я снова обрел дар речи.

— Порядок этот, разумеется, правильный, — сказал я. — Ослеплять необходимо. Но в данном случае вам придется ослепить меня перед уходом из святая святых, а не теперь. Мне нужны глаза, чтобы увидеть, что случилось со Священным источником. Когда вода потечет снова, я буду смеяться, сам подставляя глаза раскаленному железу.

Ему понадобилось полминуты, чтобы обдумать все и согласиться со мной. Палач хрюкнул и подбросил угля в жаровню. Дверь с треском распахнулась, я проковылял внутрь; потом она захлопнулась за мной, и я очутился один в темноте.

Но недолго... поблизости послышалось шарканье. Я зажег фонарь. Ко мне ощупью шли три

жреца, на месте их глазных яблок виднелась красная обожженная плоть. Они знали, чего я хотел, и повели меня, не говоря ни слова.

Потрескавшаяся и крошащаяся каменная лестница привела нас к прочной металлической двери с табличкой, на которой архаическим шрифтом было написано: «МАЯК „МАРК-III“ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Доверчивые строители возлагали свои надежды только на табличку — на двери не было и следа замка. Один из ящеров просто повернул ручку, и мы оказались внутри маяка.

Я потянул за молнию на груди своего маскировочного костюма и достал чертежи. Вместе с верными жрецами, которые, спотыкаясь, шли за мной, я отыскал комнату, где был пульт управления, и включил свет. Аварийные батареи почти разрядились, электричества хватило лишь на то, чтобы дать тусклый свет. Шкалы и индикаторы, кажется, были в порядке, они сияли — уж что-что, а непрерывная чистка была им обеспечена.

Я прочел показания приборов, и догадки мои подтвердились. Один из ревностных ящеров каким-то образом открыл бокс с переключателями и почистил их. Он случайно нажал один из них, и это вызвало аварию.

Вернее, с этого все началось. Покончить с бедой нельзя было простым щелчком переключателя, отчего водяной клапан снова заработал бы. Этим клапаном предполагалось пользоваться только в случае ремонта, после того как в реактор впущена вода. Если вода отключалась от действующего реактора, она начинала переливаться через край, и автоматическая предохранительная система направляла ее в колодец.

Я мог легко пустить воду снова, но в реакторе не было горючего.

Мне не хотелось возиться с топливом. Гораздо легче было бы установить новый источник энергии. На борту корабля у меня было устройство, по размерам раз в десять меньше старинного ведра с болтами, установленного на «Марке-III», и по крайней мере раза в четыре мощнее. Но прежде я осмотрел весь маяк. За две тысячи лет что-нибудь да должно было износиться.

Старики, предки наши, надо отдать им должное, строили хорошо. Девяносто процентов механизмов не имело движущихся частей, и износу им не было никакого. Например, труба, по которой подавалась вода с крыши. Стенки у нее были трехметровой толщины... это у трубы-то, в которую едва бы прошла моя голова. Кое-какая

работенка мне все-таки нашлось, и я составил список нужных деталей.

Детали, новый источник энергии и разная мелочь были аккуратно сложены на корабле. Глядя на экран, я тщательно проверил все части, прежде чем они были уложены в металлическую клеть. Перед рассветом, в самый темный час ночи, мощный «глаз» опустил клеть рядом с храмом и умчался незамеченный.

С помощью «соглядатая» я наблюдал, как жрецы пытались ее открыть. Когда они убедились, что их попытки тщетны, через динамик, спрятанный в клети, я прогрохотал им приказ. Почти целый день они пыхтели, втаскивая тяжелый ящик по узким лестницам башни, а я в это время хорошо поспал. Когда я проснулся, ящик уже вдвинули в дверь маяка.

Ремонт отнял у меня немного времени. Ослепленные жрецы жалобно стонали, когда я вскрывал переборки, чтобы добраться до реактора. Я даже установил в трубе специальное устройство, чтобы вода приобрела освежающую рептилий радиоактивность, которой обладал прежний Священный источник. На этом закончилась работа, которой от меня ждали.

Я щелкнул переключателем, и вода снова по-

текла.

Несколько минут вода бурлила по сухим трубам, а потом за стенами пирамиды раздался рев, потрясший ее каменное тело. Воздев руки, я отправился на церемонию выжигания глаз.

Ослепленные ящеры ждали меня у двери, и вид у них был более несчастный, чем обычно. Причину этого я понял, когда попробовал открыть дверь — она была заперта и завалена с другой стороны.

— Решено, — сказал ящер, — что ты останешься здесь навеки и будешь смотреть за Священным источником. Мы останемся с тобой и будем прислуживать тебе.

Очаровательная перспектива — вечное заточение в маяке с тремя слепыми ящерами. Несмотря на их гостеприимство, я не мог принять этой чести.

— Как! Вы осмеливаетесь задерживать посланца ваших предков!

Я включил динамики на полную громкость, и от вибрации у меня чуть не лопнула голова.

Ящеры съежились от страха, а я тонким лучом лазера обвел дверь по косякам. Раздался треск и грохот разваливавшейся баррикады, и дверь освободилась. Я толчком открыл ее. Не успели слепые жрецы опомниться, как я вытолкал их

наружу.

Их коллеги стояли у подножия лестницы и возбужденно галдели, пока я намертво заваривал дверь. Пробежав сквозь толку, я остановился перед главным жрецом, по-прежнему лежавшим в своем бассейне. Он медленно ушел под воду.

— Какая невежливость! — кричал я. Ящер пускал под водой пузыри. — Предки рассердились и навсегда запретили входить во внутреннюю башню. Впрочем, они настолько добры, что источник вам оставили. Теперь я должен вернуться... Побыстрей совершайте церемонию!..

Пыточных дел мастер был так испуган, что не двинулся с места. Я выхватил у него раскаленную железку. От прикосновения к щеке под пластиковой кожей на глаза мне опустилась стальная пластина. Потом я крепко прижал раскаленную железку к фальшивым глазным яблокам, и пластик запах горелым мясом.

Толпа зарыдала, когда я бросил железку и, спотыкаясь, сделал несколько кругов. Признаться, имитация слепоты получилась у меня довольно неплохо.

Боясь, как бы ящерам не пришла в голову какая-нибудь новая светлая идея, я нажал кнопку и появился мой пластиковый птеродактиль. Разу-

меется, я не мог его видеть, но почувствовал, что он здесь, когда защелки на его когтях сцепились со стальными пластинками, прикрывавшими мои плечи.

После выжигания глаз я повернулся не в ту сторону, и мой крылатый зверь подцепил меня задом наперед. Я хотел улететь с достоинством, слепые глаза должны были смотреть на заходящее солнце, а вместо этого я оказался повернутым к толпе. Но я сделал все, что мог — отдал ящерам честь. В следующее мгновение я уже был далеко.

Когда я поднял стальную пластинку и проковырял дырки в жженом пластике, пирамида уже стремительно уменьшалась в размерах, у основания ее кипел ключ, а счастливая толпа пресмыкающихся барахталась в радиоактивном потоке. Я стал припоминать, все ли сделано.

Во-первых, маяк отремонтирован.

Во-вторых, дверь запечатана, так что никакого вредительства, нечаянного или намеренного, больше не будет.

В-третьих, жрецы должны быть удовлетворены. Вода снова бежит, мои глаза в соответствии с правилами выжжены, у жреческого сословия снова есть дело.

И в-четвертых, в будущем ящеры, наверно,

допустят на тех же условия нового ремонтника, если маяк снова выйдет из строя. По крайней мере я не сделал им ничего плохого — если бы я кого-нибудь убил, это настроило бы их против будущих посланцев от предков.

На корабле, стягивая с себя чешуйчатый костюм, я радовался, что в следующий раз сюда придется лететь уже какому-нибудь другому ремонтнику.

Гарри Гаррисон
Государственный служащий

Точно в девять утра двери открывались, и в почтовое отделение входили первые посетители. Ховардс знал это, и все же, аккуратно укладывая Книгу на конторку, он не мог удержаться, чтобы не кинуть опасливый взгляд на большие часы, висевшие на стене. В чем дело? Ведь это был всего лишь рабочий день, точно такой же, как все остальные дни. Слава богу, с последним прыжком длинной черной стрелки страхи скрылись, спрятались куда-то глубоко на дно души.

Да, это просто, очередной рабочий день, почему же он так встревожен? Он нервно хихикнул и повернул ключ в замке стоявшего перед ним кассового пульта, и в этот момент с противоположной стороны барьера появились два человека.

— Я хочу отправить письмо в Сьерра-Леоне, — заявил мужчина.

— А мне надо оплатить страховку, — потребовала женщина.

Они немедленно принялись ругаться — каждый настаивал на том, что пришел первым, — и

их голоса, сливаясь в единый дуэт, звучали все громче и визгливее. Ховардс хлопнул левой рукой по Книге и поднял правую.

— Стоп, — негромко, но внушительно проговорил он, и они сразу умолкли, почувствовав властность, звучавшую в его голосе. — Согласно пункту Б-86-у/234 Книги почтовых инструкций, все разногласия относительно приоритета обслуживания должны разрешаться клерком, находящимся при исполнении служебных обязанностей. То есть, мною. Дама первая. Вот ваша марка, мадам.

Пока он произносил эту речь, его пальцы уже порхали по кнопкам кассового пульта, а он втайне гордился той уверенностью, с которой высказал свою реплику. Мужчина отступил в сторону, женщина робко протянула ему книжку страхования, а он стоял, держа палец на кнопке ввода. Свободной рукой он раскрыл книжку, засунул листок в щель и нажал кнопку.

— Двадцать два кредита восемьдесят, мадам. — Купюры уплыли в приемник, а в лотке загремела сдача. — Следующий, — не без некоторой снисходительности провозгласил он.

Мужчина ничего не сказал; конечно же, он знал, что тут спорить не о чем. В Книге все было

сказано верно. Он протянул свой конверт, расплатился и отошел. Ховардс подумал, что этот день и впрямь начался достаточно бурно, но откуда же этот легкий беспредметный испуг, затаившийся, дрожа, где-то на самом дне души? Он произнес про себя эту фразу и потер костяшками пальцев свою грудь где-то между сердцем и желудком.

Над барьером навис крупный темнокожий человек с густой черной бородой.

Иллюстрации GAUGHAN

— Ты знаешь, что это такое? — взревел он.

— Конечно, знаю, — ответил Ховардс. (Его голос слегка дрогнул или ему это только показалось?) —

Это игольное ружье.

— Ты прав, — теперь человек шипел, и его голос вызывал в сознании вид накатывающейся на берег ядовитой волны. — Оно беззвучно выкидывает иглу, которая летит с такой скоростью, что, втыкаясь в человеческое тело, порождает гидростатическую волну, которая полностью разрушает нервную систему. Тебе этого хочется? — В спутанной черной бороде мелькнули белые зубы.

— Я не хотел бы, чтобы моя нервная система полностью разрушилась.

— Тогда выплати мне четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов.

— У меня в кассе столько нет. Наличные деньги выдаются централизованно…

— Болван! Я все это знаю. Я знаю также, что на выплату любой суммы больше пяти тысяч кредитов в любом пункте нужно получить специальное подтверждение. Поэтому гони четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов. Живо.

— Выполняю, — решительно сказал Ховардс и принялся нажимать кнопки. При этом он громко говорил:

— Четыре, девять, девять, девять…

— Теперь нажми ввод!

Ховардс заколебался на долю секунды, затаил дыхание, а затем, подавшись вперед всем телом, нажал пальцем на самую большую кнопку.

В лотке для мелочи раздался звон высыпающихся монет, человек невольно перевел туда взгляд, и в этот момент ему в лицо ударила струя белого пара. Он закричал, скорчился и сразу же упал, сраженный смесью газов раздражающего, слезоточивого и кожно-нарывного действия.

— Глупец, — проговорил Ховардс в носовой платок, которым поспешно прикрыл лицо, и отошел в сторону, подальше от облачка газа. — Охранники оказались рядом с ним, как только я набрал четыреста девяносто девять миллионов девяносто девять тысяч кредитов. Просто нажать переключение десятичного разряда…

Было уже почти девять; совсем скоро должен был появиться первый посетитель. День как день… но почему же он так странно себя чувствует? Как? Как будто он заключен в тюрьму в глубине своего собственного мозга, вопит, но его никто не слышит. Ну и глупость; государственному служащему совершенно не к лицу иметь такие мысли.

— Помогите мне, — попросила старуха, как только черные руки стрелок часов коснулись

одна девятки, а другая двенадцати.

— Ну конечно, мадам. — Интересно, откуда она взялась так быстро?

— Это моя пенсия, — она трясущейся костлявой рукой подтолкнула к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенсионную книжку. — Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — сказал Ховардс, листая засаленную книжку и стараясь при этом прикасаться к ней одними лишь кончиками пальцев. Вот она, причина затруднений. Он указал на вырванный листок. — Мы нашли объяснение. Страница отсутствует. Чтобы возобновить выплаты, вы должны получить форму 925/1к (43) и заполнить ее.

— Она у меня есть, — ответила женщина и сунула ему — нет, скорее, бросила — еще более изжеванный и замызганный листок. Ховардс взял его и принялся читать, надеясь, что чувства, которые он испытывает, не отражаются на его лице.

— Это та самая форма, мадам, но она не полностью заполнена. Вот тут, в этой графе, вы должны указать номер страхового свидетельства вашего покойного мужа.

— Я не знаю этого номера! — срывающимся

голосом выкрикнула старуха и навалилась всем телом на край барьера. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять!?

— В таком случае вы должны получить форму 276/по(67), которая является заявлением, в ответ на которое надлежащие органы выдадут вам нужную информацию. — Он положил перед старухой ее бумаги и, как ему хотелось верить, любезно улыбнулся. — Вы можете получить форму для этого заявления в…

— Я раньше помру! — завизжала старуха и швырнула все свои бумаги в воздух — они плавно опускались, словно грязное конфетти. — Я не ела целую неделю. Я требую своего. Я должна получить свои деньги, чтобы есть…

Эта сцена была до крайности неприятной.

— Я был бы рад помочь вам, но эта проблема находится вне пределов моей компетенции. Вам следует обратиться за соответствующим форменным бланком к представителю, занимающемуся неотложными вопросами…

— Я раньше помру! — повторила она и перегнулась через барьер. Он ощутил ее кислое дыхание и поспешно отодвинулся. — Неужели вы не сжалитесь над человеком моих лет? Я ведь могла бы быть вашей матерью!

— Слава богу, мадам, вы ею не являетесь. У моей матери все бумаги…

— Бумаги! — Она так взвизгнула, что ее голос сорвался. — Вам бумаги важнее человеческой жизни. Я поклялась, что покончу с собой, если сегодня не добуду денег на еду. Спасите меня!

— Прошу вас не угрожать. Я сделал все, что мог. — А так ли это? Может быть, у него были какие-то полномочия, которыми он должен был воспользоваться? Правильно ли он…

— Лучше быстро умереть сейчас, чем медленно издыхать от голода. Деньги или я умру!

В руке у нее вдруг оказался большой хлебный нож. Это была угроза? Следовало ли вызвать охрану?

— Я не могу… — Ховардс сбился; его пальцы в нерешительности висели над кнопками пульта. Охрана? Врач? Полиция?

— Тогда я умираю, и мне совсем не жаль расстаться с этим миром!

Она положила левую руку на барьер и резко ударила по ней ножом, почти полностью перерубив запястье. Из глубокой раны хлынул густой поток крови.

— Что вы наделали?! — закричал он и потянулся к кнопкам. Но она принялась вопить,

размахивая рукой. Кровь заливала все вокруг, текла на конторку…

— Книга! — взвизгнул Ховардс. — Вы испачкали кровью Книгу. — Он схватил ее с осквернённой конторки и принялся оттирать носовым платком, но тут вспомнил, что все еще не вызвал помощь. Он заколебался в растерянности, затем положил Книгу подальше от залитого кровью барьера и кинулся на свое место. Там все было в крови — неужели он допустил ошибку? — а женщина, похоже, свалилась на пол, он не видел ее, но все еще слышал стоны.

— Медицинская помощь, — быстро проговорил он в микрофон. — Немедленно нужен врач. Срочно.

Следовало ли ему что-то сделать для нее? Но он не мог покинуть свое место. И кровь, повсюду кровь, и на его руках, и на рубашке. Он в ужасе глядел на себя. Он никогда еще не видел так много крови, человеческой крови…

А ровно в девять часов почтовое отделение должно было открыться. Еще один день, точно такой же, как и все остальные.

Что с его руками было не так? Может быть, он забыл нечто такое, что ему следовало помнить? Ему казалось, что в его памяти что-то мелькнуло

и растаяло, подобно замершему эху — эху чего? Все шло, как полагается: он стоял на своем месте, где ему полагалось находиться, рядом, под рукой, лежала Книга, а впереди сверкала светлая панель кассового пульта. Он был на своем месте, готовый к выполнению своих обязанностей — но тогда откуда снова и снова возникало мимолетное, неуловимое, пугающее воспоминание о том, что свершилось что-то неподобающее? Почему он то и дело смотрел на руки? Ховардс содрогнулся, отпер пульт, сбросил память, щелкнув ручкой, включил тест, затем перевел аппарат в рабочий режим — загорелась зеленая лампочка, — проверил очистку регистров и набрал 4,999…

Нет, что-то было не так. С какой стати он набрал это число? Украдкой бросив взгляд через плечо, он снова очистил регистры. Длинная черная рука часов, щелкнув, перепрыгнув на следующее деление, стала вертикально, и сразу же перед ним образовалась огромная очередь. Люди теснились друг к другу, все глаза смотрели на него. Было тихо, хотя откуда-то из хвоста очереди уже доносился ропот.

— Доброе утро, сэр, — обратился он к краснолицему джентльмену, стоявшему первым. — Чем я могу…

— Только без дурацкой болтовни. Мне нужно обслуживание, а не пустые разговоры. Это письмо, специальной доставкой, срочно, в Капителло, Салерно, Италия. Сколько это будет стоить?

— Это зависит… — начал было Ховардс, протягивая руку к конверту. Мужчина быстро придвинул его к себе.

— От чего зависит, черт бы вас побрал? Я хочу отправить эту штуку, а не трепаться о ней.

Из очереди послышались голоса недовольных задержкой людей. Ховардс неискренне улыбнулся.

— Зависит от веса, сэр. Специальная доставка осуществляется орбитальными ракетами, и стоимость отправления определяется его весом.

— Тогда прекратите наконец молоть языком и взвесьте его! — рявкнул краснолицый, швырнув конверт по барьеру.

Ховардс поймал его, сунул на весы и назвал высветившуюся сумму.

— Это чертовски дорого! — крикнул мужчина. — Я отправлял письмо в Капителло только вчера, и оно стоило куда меньше.

— Вероятно, оно весило меньше, сэр.

— Я хочу отправить посылку, — сказал маленький ребенок, с усилием выкладывая на барьер

неопрятный сверток.

— Вы назвали меня лжецом? — возмутился первый клиент, покраснев еще сильнее.

— Нет, сэр… подожди минутку, малыш… я просто сказал, что раз оно стоило меньше, значит, меньше весило.

— Какая наглость! Назвать человека лжецом! Я должен немедленно увидеть вашего начальника!

— Мой начальник не встречается с посетителями. Если желаете, то можете оставить жалобу. Бюро претензий находится в комнате восемь девять три четыре… Не делай этого! — воскликнул он, увидев, что ребенок толкнул свой пакет дальше, и он, соскользнув с внутреннего края, упал на пол. Внутри что-то с громким звоном разбилось; потянуло ужасным зловонием.

— Вы сломали мою посылку! — завизжал ребенок.

— Я этого не делал, убери это немедленно, — ответил Ховардс, поднимая сверток за конец веревки.

Ребенок не обратил никакого внимания на его слова и громко разревелся.

— Человека, который так обращается с детьми, нужно высечь кнутом!

— Комната восемь девять три четыре, — повторил Ховардс сквозь сжатые губы, надеясь, что человек уйдет.

Высокий рыжий молодой человек, стоявший в очереди за ребенком, уже давно подпрыгивал от нетерпения.

— Я хотел бы послать моему дяде телеграмму такого содержания: «Дорогой дядя, срочно требуется в долг сто…»

— Будьте любезны заполнить телеграфный бланк, — прервал его Ховардс. Он нажал кнопку, и на барьер выполз отпечатанный бланк.

— Будет трудновато, — ответил молодой человек, поднимая обе руки; они были замотаны в бинты, скрепленные лентами лейкопластыря. — Я не могу писать, но мог бы продиктовать вам текст. Это займет всего одну минуту. «Дорогой дядя…»

— Мне очень жаль, но я не могу принимать телеграммы под диктовку. Однако вы можете продиктовать ее из любого телефона-автомата.

— Я не могу засовывать монеты в щель. «Дорогой дядя…»

— Это жестоко и бессердечно, — возмущенно фыркнула молодая девушка из очереди.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал Хо-

вардс, — но это запрещено инструкциями. Однако я уверен, что кто-нибудь из стоящих дальше согласится написать для вас текст на бланке, и тогда я с удовольствием приму вашу телеграмму.

— Как вы суровы, — заметила девушка. Она была чрезвычайно привлекательна, и когда она наклонилась, ее груди впечатляюще приподнялись на краю барьера. Она улыбнулась. — Я хотела бы купить несколько марок.

Ховардс ответил ей улыбкой; на сей раз совершенно искренней.

— Я был бы счастлив удовлетворить вашу просьбу, мисс, если бы не тот факт, что мы больше не выпускаем марок. Стоимость пересылки теперь печатается машиной прямо на конверте.

— Как хорошо придумано. Но разве нельзя купить юбилейные марки, которые все еще сохраняются на почте?

— Конечно, это совсем другое дело. Продажа публике юбилейных изданий марок… пункт В — 23X/48 Книги.

— Какой вы умный. Столько всего помните! Так вот, я хотела бы серию, посвященную столетию Службы по доставке пеленок на дом…

— Наглец, проклятый наглец! Хотели избавиться от меня! — вновь загремел голос краснолицего.

Он орал издалека, протискиваясь через толпу. — Комната восемь девять четыре четыре закрыта.

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что комната восемь девять четыре четыре может быть закрыта, — спокойно ответил Ховардс. — Я не знаю, что находится в комнате восемь девять четыре четыре. А Бюро претензий находится в комнате восемь девять три четыре.

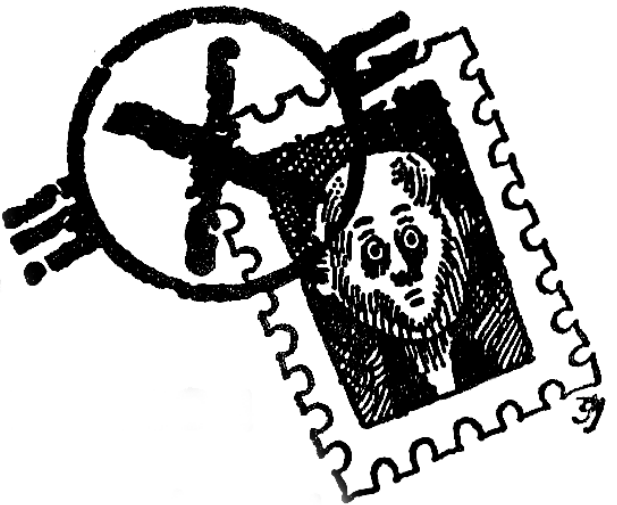
— Тогда, почему, будьте вы прокляты, вы сказали мне восемь девять четыре четыре?

— Я вам такого не говорил.

— Нет, сказали!

— Исключено. Я не мог допустить такой ошибки. «Ошибка? — подумал Ховардс. — Ошибка! О, нет, только не это». Он почувствовал, что бледнеет.

— Боюсь, что я допустил небольшую ошибку, — сказал он, обращаясь к девушке. — Существует дополнительный приказ, отменяющий продажу всех юбилейных марок в почтовых отделениях.



— Но ведь это же глупость. — Девушка мило надулась. — Разве вы не можете продать мне маленькую марочку с пеленками…

— Если бы я имел на это право, то ничего не доставило бы мне большего удовольствия, но

нарушение инструкции недопустимо.

— Башку тебе разбить, как ты разбил посылку! — рявкнул огромный разъяренный детина. Оттолкнув девушку, он сунул прямо под нос Ховардсу растрепанный пакет. Зловоние было ужасающим.

— Уверяю вас, сэр, что я не разбивал ее. Будьте любезны, уберите…

— Мой сын сказал, что это ты.

— Однако я этого не делал.

— Ты хочешь сказать, что мой сын солгал?! — оглушительно взревел детина и, перегнувшись через барьер, схватил Ховардса за грудки.

— Прекратите! — задыхаясь, воскликнул Ховардс. Он попытался вырваться и услышал треск материи. Он пошарил рукой на столе, нащупал кнопку вызова охраны, попытался нажать на нее, но она отломилась и свалилась на пол. Ховардс дернулся сильнее, и большая часть его сорочки осталась в кулаке детины.

— Отправьте, пожалуйста, — сказал кто-то и в щель пульта просунулось письмо.

— Два кредита, — отозвался Ховардс. Он пнул ногой упавшую кнопку и набрал на пульте стоимость отправки письма.

— Вы сказали: комната восемь девять четыре

четыре! — кричал краснолицый.

— Не умеете обращаться с приборами, — с кислым выражением на лице проворчал ремонтник, появившись из-за спины Ховардса.

— Вовсе нет. Я только прикоснулся к ней, и она отломилась.

— Эти устройства никогда не ломаются.

— Помогите мне, — попросила хилая старуха, трясущейся костлявой рукой подтолкнув к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенсионную книжку. Это моя пенсия. Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — ответил Ховардс. Он за мгновение прикрыл глаза — почему? — а потом потянулся за книжкой. Краем глаза он заметил проталкивавшегося к барьеру человека с густой нечесаной черной бородой и выражением ненависти на лице.

— Я знаю, что… — начал Ховардс, затем остановился. Возможно ли, чтобы это ему уже было знакомо? В голове начали оформляться какие-то мысли, похоже, что наступала какая-то ясность.

— Я не знаю этого номера, — визжала старуха. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять!

— Ты знаешь, что это такое? Это игольное ру-

жье.

— Нет, вы сказали: комната восемь девять четыре четыре.

— Всего одна марочка с пеленочкой… Ховардс с силой стиснул виски ладонями. Он не знал, то ли это он завизжал, то ли кто-то другой. А затем его поглотила благословенная тьма.

* * *

— А теперь сделайте глоточек-другой и через несколько секунд станете как новенький.

Ховардс взял чашку, которую Экзаменатор протягивал ему, и с удивлением обнаружил, что может удержать ее лишь двумя руками. Он заметил, что его руки тыльные стороны кистей — густо усыпаны крупными каплями пота. Потягивая напиток, он почувствовал, как шлем поднимался с его головы, а запрокинув голову успел кинуть на шлем быстрый взгляд, прежде чем он скрылся в отверстии в потолке.

— Экзамен… разве мы не будем продолжать? Экзаменатор хихикнул и постучал толстыми пальцами по столу.

— Распространенная реакция, — заметил он. — Экзамен окончен.

— Я ничего не помню. Мне показалось, что

шлем опустился, а потом снова поднялся. Хотя мои руки покрыты потом. — Он посмотрел на них, а потом содрогнулся, осмыслив сказанное. — Значит, экзамен окончен. И я…

— Вы должны запастись терпением, — сказал Экзаменатор с тяжеловесным достоинством. — Результаты необходимо проанализировать, сравнить, составить отчет. Даже электроника не может сделать этого сразу. Вам не следует жаловаться.

— О, я не жалуюсь, Экзаменатор, — быстро ответил Ховардс, опустив глаза. Я благодарен.

— Вы и должны быть благодарны. Только подумайте о том, каким все это было прежде. Многочасовые устные и письменные экзамены, на которых лучшие отметки получают зубрилы, у которых нет ничего, кроме хорошей памяти. А при экзамене на симуляторе зубрежка не поможет.

— Я знаю это. Экзаменатор.

— За какие-нибудь несколько минут, которые вы проводите в гипнотическом сне, машина помещает вас мысленно в различные ситуации и определяет, как вы ведете себя в них. Реальные ситуации, в которых оказывается почтовый клерк при исполнении своих повседневных обя-

занностей.

— Ну да, повседневных обязанностей, — повторил Ховардс. Он хмуро посмотрел на свои руки и быстро вытер их о бока.

Экзаменатор уставился на цифры, пробегавшие по стоявшему перед ним дисплею.

— Не так хорошо, как я ожидал, Ховардс, — медленно проговорил он. — В этом году вы не станете почтовым клерком.

— Но… я был совершенно уверен… двенадцатый раз.

— Для этой службы требуется больше, чем одно только знание Книги. Идите. Учитесь. Готовьтесь. Ваша оценка в этот раз достаточно высока для того, чтобы оставить вас в студентах еще на год. Работайте упорнее. Очень мало таких студентов, которым не удается сдать после пятнадцати лет обучения.

Ховардс стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу, но не уходил.

— Жена просила меня поговорить с вами, сэр… Мы становимся все старше… Разрешение на ребенка…

— Не может быть никаких разговоров. Вы же знаете, что все определяется демографической ситуацией и вашим общественным положением.

Если бы вы были клерком, то могли бы рассчитывать, что ваше заявление рассмотрят.

— Но ведь клерков так мало, — подавленно сказал Ховардс.

— Для них так мало рабочих мест. Будьте счастливы, что вы являетесь зарегистрированным студентом, имеете квартиру и рацион. Вы знаете, что такое быть утвержденным безработным?

— Спасибо, сэр. До свидания, сэр. Вы были очень добры, сэр.

Ховардс быстро закрыл за собой дверь — почему ему продолжало казаться, что у него на руках кровь? Он помотал головой, чтобы прогнать наваждение.

Будет трудно рассказать это Доре. Она так надеялась. Но по крайней мере у него все еще остается его Книга. И целый год, чтобы заново заучить ее. Это будет полезно. А также изменения и дополнения, что может быть еще полезнее.

Мимо почтового отделения, расположенного в вестибюле, он прошел, старательно отводя глаза.

Гаррисон Гарри
Значение наблюдательности

На самом деле это зависит только от врожденных способностей. Я прошел то же самое обучение, что и многие другие парни, и, возможно, торчу в этой забытой богом дыре здесь, где восток целуется с западом, а они протирают штаны за столами в Вашингтоне, только потому, что лучше запоминаю то, что вижу, да дальше прыгаю.

Наверно, первое, чему меня обучили в департаменте, было замечать необычное. Я прошептал про себя несколько теплых слов благодарности моим инструкторам, когда заметил, как этот здоровый, белокурый, похожий на Аполлона тип проходит по пляжу.

Его ноги погружались в песок!

Да именно так оно и было, и не надо долдонить мне, что, мол, это ничего не значит. Песок на пляже в Макарске точно такой же, как и на любом другом пляже Адриатического побережья Югославии, — мелкий и плотный. Ваши ноги могут оставлять на нем следы — но не настолько

глубокие.

Ладно, ладно, валяйте, смейтесь, если уж невмоготу, но не забывайте, что я говорил о моем обучении. Так что лучше на минуточку поверьте мне. Эти следы были необычными. Я сидел и глядел на море, когда он прошел мимо, и я даже не повернул голову, чтобы посмотреть на него. Но на мне были темные очки, и я, не шевеля головой, долго провожал его взглядом. Это был абсолютно нормальный парень: блондин спортивного вида, около шести футов росту, в голубых нейлоновых плавках, со шрамом от операции аппендицита, нахмуренный… На любом пляже каждое лето подобных по миллиону. Но все прочие не оставляют таких следов.

Знаете что: хорош смеяться, я же просил. Я все объясню в несколько секунд. Я дал ему пройти мимо и свернуть к отелю, а сам встал, и, как только он скрылся из виду, прошел вдоль его следа до небольшой палатки, в которой сидела старуха, продававшая разничи. Наверняка я мог сделать это проще, я был тогда почти уверен, что за мной никто не следит, но это уже закон. Ведь могли и следить! К тому же все знают — если ты ни при чем, так уж ни при чем. Веди себя так, чтобы было видно — ты ни при чем. Чистый, как вынутый

из моря спасательный круг, — это я. Я пошел и купил немного разничи, четвертую порцию за день. Не скажу, чтобы мне оно так уж нравилось, но палатка была хорошим прикрытием, оправданием случайного действия.

— Йедан, — сказал я и показал один палец на тот случай, если из-за американского акцента мой сербский язык окажется непонятным. Она кивнула, вытянула деревянный вертел из ведра с тлеющими угольями и большим ножом столкнула несколько кусков жареного мяса с вертела на тарелку с сырым луком. Не очень изысканное блюдо, но через некоторое время к нему привыкаешь. Те, кто мог наблюдать за мной, заметили бы только, что я внимательно следил за действиями торговки и искал монеты, но на самом деле меня интересовали только следы. С того, места, где я стоял, я видел двенадцать отпечатков ног, двенадцать, в которых я был полностью уверен. Пока на тарелку накладывали еду, пока пересчитывали стертые алюминиевые динары, два из них затоптали другие купальщики, я быстро прикинул, сколько времени у меня осталось. Экстраполяция дала шесть минут для оставшихся следов. Или три минуты со стопроцентным запасом прочности — я предпочитаю действовать

именно так, если есть возможность. Не так уж плохо. Я взял сдачу, разжевал последний хрящ и пошел по пляжу, пересчитывая монеты.

А было ли случайностью то, что мой курс шел параллельно трем сохранившимся следам? Или то, что я шел с такой же скоростью, как и белокурый незнакомец? А случайным было создание атомной бомбы?

Моя правая нога опустилась на песок на одной линии с отпечатком его правой ноги — и на расстоянии нескольких дюймов от него, — и, как только ступня оказалась на месте, я рассыпал монеты. Мне потребовалось ровно три и восемь десятых секунды, чтобы подобрать монеты, и пока я этим занимался, то приложил указательный палец к отпечатку пятки белокурого человека и к следу моей собственной пятки. Вот и все. Это было бы рискованно, если бы за мной кто-нибудь наблюдал, но рассчитанный риск — часть этого занятия.

Я не улыбался и не менял походку. Я просто шел дальше и снова уселся на свое полотенце.

Я вел себя как ни в чем не бывало. А внутри

меня царил Mardi Gras, Четвертое июля,[1] фейерверки, конфетти и ленты серпантина из окон.

Это было по-детски просто. Мой рост пять футов десять дюймов, вес сто восемьдесят фунтов,[2] и я ставил ногу на песок в том же самом месте, что и блондин. Сжимаемость песка там, где я стоял, могла, конечно, отличаться от того места, где был след, но, несомненно, лишь на совсем небольшой процент, и я предполагал, что можно все наложить на синусоиду. А уж в измерении глубины следов я не ошибся, и, даже если накинуть плюс-минус пять процентов на ошибку, то выходило, что шестифутовый[3] шутник весил что-то порядка четырехсот двенадцати фунтов.[4]

Это называется — сорвать банк!

Пришло время действовать. И думать. Я мог

---

[1] notes: 1

День перед началом Великого поста, вторник на масленой неделе. В этот день в некоторых городах, в частности, в Новом Орлеане и Париже, устраивают карнавал. Четвертое июля — День независимости — один из крупных праздников в США. Отмечается в день подписания Декларации независимости (4 июля 1776 г.)

[2] notes: 2

5 футов 10 дюймов и 180 фунтов — приблизительно 175 см и 80 кг.

[3] notes: 3

6 футов — 182 см.

[4] notes: 4

412 фунтов — приблизительно 185 кг.

одновременно заниматься и тем и другим. Он вошел в отель, и мне тоже предстояло войти в отель. «Ядран» был большим новым международным отелем, и там жили почти все, кто пасся в этой части пляжа. Когда я, забрав полотенце, медленно тащился к отелю, то обдумывал следующий шаг. Связь, доклад, ответ приходит немедленно. Департамент наверняка очень заинтересуется тем, что я обнаружил, и как только я скину информацию, то снова окажусь свободным агентом и смогу изучать вопрос дальше. Если блондин-тяжеловес зарегистрирован в гостинице, то найти его будет совсем не трудно.

После ослепительного солнечного света вестибюль гостиницы казался совсем темным. Он был пуст, если не считать жирных немца и немку, которые не то спали, не то уже померли, развалившись в паре кресел, которых тут было чересчур много. Мимоходом я взглянул на дверь бара — там тоже было пусто; лишь бармен Петар вяло полировал стаканы. Я свернул туда, не меняя шага, как будто именно туда и стремился, уходя с пляжа, а не в самый последний момент решил заглянуть. Больно уж хороша была возможность, и грех был бы ее упустить. Ведь Петар был моими глазами и ушами в этой гостинице — за хорошие

деньги.

— Buon giomo, — сказал я.

— Guten Tag, — вздохнув, отозвался он. Петар родился на острове Црес, который до 1918 года принадлежал австрийцам, а затем, до 1945 года, итальянцам, и с детства владел немецким и итальянским языками так же свободно, как и родным сербскохорватским. Имея такую подготовку, он освоил еще и английский язык, а также немного французский и в качестве бармена пользовался большим спросом в прибрежных гостиницах с их международной клиентурой. Ну а так как ему сильно недоплачивали, да и чаевых перепадало негусто, он был очень счастлив при виде моих новехоньких баксов.

— Дай мне пьивва, — попросил я, и он вытащил из холодильника бутылку восточногерманского темного пойла. Я забрался на высокий табурет, и, когда он принялся наливать пиво в стакан, наши головы почти соприкоснулись.

— За десять долларов, — сказал я, — номер, в котором живет один человек: блондин, шесть футов роста, одетый в голубые плавки, со шрамом после удаления аппендикса, и его имя.

— Шесть футов — это сколько?

— Сто восемьдесят два сантиметра. — Я быстро

взглянул назад через плечо.

— Ах, этот… Русский, по имени Алексей Свирский. Номер сто сорок шесть. Имеет болгарский паспорт, но приехал на «Татре» с польскими номерами. Кто же еще, как не русский?

— И впрямь, кто же еще. — Я подтолкнул к нему стакан с недопитым пивом и смятую тысячединаровую бумажку, под которую засунул сложенную вдвое свеженькую зеленую десятку. Взамен появилась сдача, хотя доллары, конечно, исчезли в мгновение ока, и я направился было к двери, но, не сделав и двух шагов, резко обернулся. И поймал исчезающий след улыбки, которая крайне редко появлялась на харе Петара; ее выражение обычно было заискивающим.

— Еще десять долларов, — сказал я, позволив уголку банкноты высунуться из-под ладони, которой я оперся на стойку, — если скажешь, сколько тофарисч Свирски платит тебе за то, чтобы ты докладывал о тех, кто будет им интересоваться?

— Пять тысяч динаров, крохобор долбанный. И не он сам, а его друзья. Он не из разговорчивых.

— Вот десять тысяч, а еще пять получишь, когда скажешь мне, что они подходили к тебе, и ты ответил им, что вопросов никто не задавал.

Чуть заметный кивок, бумажки перешли из

рук в руки, и я ушел. Фланги я прикрыл. Я всегда свободно обращался с деньгами Дядюшки Сэма, тем более что динары вообще-то и считать не стоило. Я поднялся в свой номер, запер дверь, проверил, не натыкали ли туда «жучков» в мое отсутствие — их не оказалось, — и высунулся в открытое окно. Грязно-розовая бетонная стена уходила на шесть этажей вниз, в пустынный внутренний дворик, покрытый плотно утоптанной пересохшей глиной, на фоне которой выделялось несколько заплат желто-серой травы. Вдоль стены тянулся ряд мертвых кустов, на солнце грелись четыре пустых бочки из-под пива, возле которых вился густой рой мух. Ни одной души не было видно, и микрофонов на стене за моим окном тоже не оказалось. Я сел в кресло, стоящее перед окном, и уставился на ряд окон в противоположном крыле отеля.

— Как понимаете меня? — негромко произнес я. На той стороне занавеска закрылась, потом снова открылась. Это было в окне рядом с открытым окном.

— Я установил подозреваемого. Он может быть и не тем, кого мы должны разыскивать, но есть серьезные основания считать, что это именно он. Болгарский паспорт, но может быть и русским.

Имя Алексей Свирский, живет в номере сто сорок шесть и весит четыреста двенадцать фунтов. По грубой оценке. — Занавеска дернулась, дескать, повторите. — Именно так. Четыреста двенадцать фунтов. Я собираюсь присмотреться как следует.

Закончив говорить, я отвернулся, чтобы не видеть истерического подергивания занавески. Мне нравилось такое положение: я не мог услышать ни слова в ответ. Агент на той стороне имел параболический звукоуловитель и направленный микрофон. Он мог услышать любой шепот в этой комнате. Но сказать мне не мог ничего.

Пока я стоял под душем, зазвонил телефон, но я сделал вид, что не слышу. Ведь мог же я выйти, в конце концов, верно? Двигаясь уже немного быстрее, я натянул слаксы и спортивную рубашку, надел тапочки с рубчатой подошвой. Потом я вышел в холл и спустился по лестнице на третий этаж, где, против всякой логики, находился сто сорок шестой номер. По дороге никого не встретил. Раз я передал старую информацию, настало время раздобыть что-нибудь новенькое. Я нашел комнату и постучал в дверь.

Может быть, это и наглость, но приносит результаты. Я промямлю что-нибудь, дескать, дверью ошибся, а сам смогу поближе присмотреться

к Свирскому и его номеру. Если мое посещение встревожит его и он смоется, мы кое-что узнаем, ну а если останется, то узнаем что-нибудь другое.

Никто не открыл. Я постучал еще раз, приложил ухо к двери и прислушался. Ни шума воды в душе, ни голосов — тишина. Значит, дело дошло до небольшого рассчитанного риска. Хорошей стальной отмычкой этот примитивный замок можно открыть так же быстро, как и ключом, а то и быстрее. Я перешагнул через порог и закрыл за собой дверь. Комната была пуста.

Моя птичка упорхнула. На покрывале еще виднелись следы от чемоданов — их ставили на кровать, чтобы уложить. Дверь большого деревянного платяного шкафа была раскрыта настежь, и если бы плечики еще продолжали раскачиваться, то меня это не удивило бы. Все произошло очень быстро. Не осталось ничего, что говорило бы о пребывании здесь мистера Свирского. Я вошел в ванную. Раковина была суха, и душевая кабина тоже, свернутые полотенца аккуратно висели на вешалке — не новые, но совершенно чистые. И все остальное тоже было слишком чистым и аккуратным — горничные здесь не бывают настолько старательными. А Свирский прожил здесь несколько дней — такова

была положительная информация. В раковине можно было даже заметить слой пыли. Я потрогал ее пальцем, и в этот момент дверь номера, выходившая в коридор, открылась.

Вернее, приоткрылась, на какую-нибудь пару дюймов, а потом снова закрылась. Но она была открыта достаточно долго — и достаточно широко, — чтобы бросить в комнату ручную гранату.

Пока она катилась ко мне, я узнал ее тип (XII), вспомнил место изготовления (Пльзень) и время задержки (три секунды). Но даже прежде, чем этот последний факт проявился в сознании, я успел отскочить назад, захлопнул дверь и скрючился на полу душевой кабины. Быстрое соображение и быстрые рефлексы — такого сочетания ничем не одолеть. По крайней мере я надеялся на это, согнувшись как можно ниже и обхватив голову руками.

Граната наделала много шума, когда взорвалась.

Дверь ванной вышибло, осколки гранаты врезались в стену надо мной, а зеркало разлетелось вдребезги и засыпало весь пол. Один дымящийся осколок железа застрял в кафельной плитке приблизительно в шести дюймах от моего носа. Это было самое близкое попадание — достаточно

близкое, премного благодарен. Я не стал терять времени на изучение обстановки, а, наоборот, сразу же вскочил на ноги и, пока эхо взрыва все еще отдавалось в пустом номере, уже вылетел через разбитую дверь ванной. Скорость была сейчас важнее всего, потому что я не хотел, чтобы меня застали в этой комнате. Проскочив сквозь густое облако дыма, я дернул дверь — она обрушилась мне под ноги — и оказался в коридоре. До меня доносились крики, хлопанье дверей, но появиться никто не успел. Лестничная клетка находилась в пяти шагах; я добрался до нее, никем не замеченный, и припустил вверх. Флери ожидал меня на следующей площадке.

— Свирский очистил помещение, — сообщил я. — Он выехал очень поспешно, но оставил кого-то, чтобы бросить гранату мне на голову. — Снизу послышался топот бегущих ног и многоголосые изумленные крики. — Это означает, что они были предупреждены обо мне, и мне не остается ничего другого, как только признать моего осведомителя, бармена Петара, двойным агентом.

— Я знаю. Именно он бросил гранату в комнату. Мы посадили его в грузовик и собираемся задать ему несколько вопросов под скополамином, прежде чем отправим его домой. Но я сомнева-

юсь, что у него удастся что-нибудь узнать, — он здесь самая последняя буква.

— А что насчет Свирского?

— Я как раз пришел, чтобы рассказать о нем. Наш дорожный наблюдатель в Задварье — это следующий город — сообщает, что большая «Татра» с польскими номерами только что промчалась там, как снаряд из пушки, направляясь на север, к Сплиту. Два человека спереди и один сзади. Они ехали слишком быстро, так что больше ничего разглядеть не удалось.

— Ну что ж, это больше чем достаточно. Я возьму джип и отправлюсь за ними. Теперь, когда мы установили контакт, мы не можем потерять его.

Флери нервно пожевал губу.

— Вообще-то я не знаю… Это опасно…

— В наши дни через улицу перейти и то опасно. Есть у нас на севере кто-нибудь, кого можно было бы бросить на перехват?

— Только команда «Умная собака» в Риеке.

— Это далековато. Передай им, пусть едут на юг по прибрежному шоссе, и если «Татра» не свернет раньше, то мы зажмем их в клещи. Мы все же посмотрим на тофариса Свирского вблизи.

Через пять минут я уже мчался на север, проскакивая на джипе крутые повороты извилистого

шоссе. Это был не обычный джип, а полноприводная «Тойота Лендкруизер», тяжелая и мощная. Японский автомобиль с австрийскими номерами и американским водителем. Мы были почти такими же интернационалистами, как и другая сторона. Я вдавил акселератор до пола и надеялся, что водитель «Татры» не забудет, насколько плохи дороги в глубине страны.

Югославия похожа на правую руку ладонью вверх, и Адриатическое море лежит вдоль нижней стороны этой ладони и мизинца. Прибрежное шоссе, которое местные жители называют Магистраль, тянется вдоль берега, нигде не удаляясь от него. И сейчас я находился на этом самом шоссе возле основания мизинца и двигался на север, к кончику пальца, куда, как я надеялся, направлялся другой автомобиль. Это был самый быстрый и простой путь, чтобы выбраться из страны, потому что Риека находится там, на кончике мизинца, и оттуда на запад идет хорошая дорога к Загребу — на верхний сустав среднего пальца — и далее в Венгрию, через кончик указательного пальца.

Имелся, правда, и другой путь туда, но я надеялся, что «товарищи» не станут его рассматривать. Чуть подальше к морю спускаются дикие и крутые горы Велебит, через которые проходит

несколько самых старых и самых плохих дорог на свете. Этих козьих троп было всего несколько, и автомобиль, направлявшийся по одной из них, было бы очень легко выследить и перехватить. Я был уверен, что водитель «Татры» знал об этом не хуже меня и должен был принять правильное решение.

Я гнал прямо. «Тойота», повизгивая шинами, разгонялась на прямых до восьмидесяти с лишним миль[5] и широко и уверенно проходила повороты по левой стороне. Я на повороте обошел «Альфа-Ромео» с миланскими номерами; водитель погрозил мне кулаком из окна и несколько раз злобно квакнул сигналом. Сплит был уже совсем недалеко, и я сбросил скорость, чтобы не привлекать внимания милиции. Черной «Татры» нигде не было видно, хотя я и держал глаза широко раскрытыми. Проезжая поворот на Синь, я постарался не обращать на него внимания. Хотя на протяжении миль пятидесяти дорога и была хорошей, но потом она переходила в ухабистый горный проселок, по которому можно было разве что коров гонять. Я об этом знал и полагал, что водитель «Татры» тоже знает. Выбравшись из

---

[5] notes: 5
Миля (США) — 1,60934 км, т. е. 80 миль — это около 130 км

Сплита, я снова нажал на газ изо всех сил, надеясь, что гонюсь за автомобилем, а не только за догадками.

В Задаре я наконец их увидел. Шоссе здесь дает большой крюк направо, в обход города, и прямо на середине этого крюка находится большая бензоколонка «Югопетрол». В тот самый момент, когда я разглядел ее далеко впереди, из нее, как большой черный таракан, выскочила «Татра». Они остановились, чтобы заправить бак, а может быть, вымыть руки, и дали мне фору, чтобы я смог положить на них глаз. Я пролетел, как пришпоренный, по дуге и выскочил на прямую, которая вела к Масленичному мосту. У меня было много вариантов дальнейших действий, каждый из них, в общем-то, стоил другого. Подъезжая к мосту, я размышлял, который из них выбрать, и тут у меня лопнула правая передняя шина.

Ну, в этот момент я шел за семьдесят, а по-европейски, больше ста десяти километров, так что тут мне могли помочь только хорошие рефлексы, хорошие тормоза — и удача. Меня вертело и мотало по всей ширине дороги, так что, будь на дороге хоть какое-нибудь движение, тут мне и пришел бы конец. Но стремительно удалявшаяся «Татра» была единственным автомобилем в поле зрения,

поэтому, проскочив с обочины на обочину, сбив пару столбиков ограждения и подняв тучу пыли, я вкатился на мост, прополз немного, обдирая краску и наконец остановился.

Лопнула? Теперь, когда у меня появилось немного времени, чтобы подумать, я промотал память назад и явственно увидел облачко дыма, появившееся над задним окном «Татры» как раз перед тем, как меня понесло. Или это было потрясающее совпадение, или же у них была сзади проделана бойница, возле которой сидел некто, очень неплохо владевший стрелковым оружием. Ну а в совпадения я не верю.

Долго, наверно, секунды две, я раздумывал об этом и восхищался видом каменного обрыва, уходившего внизу в синюю воду морского пролива, и ярко-оранжевого моста, упиравшегося в известняковый утес на дальней стороне. Очень драматично. Я был совершенно один, и единственными звуками были замиравший вдали гул «Татры» да потрескивание остывавшего двигателя моей машины. Затем я оторвал пальцы от баранки и вытащил домкрат.

Если кто-нибудь затеет, чемпионат мира по замене шин у «Тойоты», то я запишусь в участники. Я бросил инструменты в багажник, врубил

зажигание и отправился вслед за тофарисчами, более, чем когда-либо, желая взглянуть поближе на напуганного Свирского. Дорога здесь не походила ни на какое другое место на земле — пейзаж скорее напоминал лунный. Сплошные скалы, к которым кое-где прицепились редкие полумертвые кусты, обрывались прямо в море, а поперек утеса проходила царапина — Адриатическое шоссе. Но я сосредоточился на управлении, а не на пейзаже. «Татру» я больше не видел, хотя и проскочил Луково и Карлобаг, представлявшие собой беспорядочные нагромождения кривобоких серых домов, наглухо запертых от палящего полуденного солнца и похожих на могильные склепы. Отъехав около пяти миль от Карлобага, я увидел двигавшийся навстречу коричневый «Мерседес» и ударил по тормозам так, что они взвизгнули, а покрышки задымились. Развернувшись, я приткнулся в хвост «Мерседесу», который остановился на узкой обочине вплотную к ограждению.

— Привет, умные собаки! — воскликнул я. — Видели недавно какую-нибудь черную «Татру»?

Мартине — я никогда еще не видел, чтобы он улыбался, — печально покачал головой, мол, не видел. Его партнер Бейкер тоже кивнул.

— Они должны были проехать здесь, — сказал я, разворачивая дорожную схему. — Они были всего в нескольких милях передо мной. — Я провел пальцем по схеме и вздохнул. — Вы правы. Они не проезжали. Они свернули в Карлобаге. Они знали, что за ними «хвост», и даже самый тупой из них мог допетрить, что впереди их ожидает делегация. Смотрите.

Я ткнул пальцем в схему.

— Проселочная дорога идет в горы, а затем, за хребтом, соединяется с хорошей дорогой на Госпич. А оттуда они могут прямиком лететь к границе. Им нужно только справиться с первым отрезком пути.

— Первая часть отмечена желтым, — сказал Мартине. — Что это означает?

— Боюсь, что догадываюсь. — Схема, выпущенная издательством «Туристички савез Югославии», была на итальянском языке и подпись в таблице условных обозначений около желтого кусочка дороги гласила: «Strada in macadam in cativo stato». В вольном переводе это значило: немощеные и в поганом состоянии.

— Это плохо, — сказал Мартине с таким видом, будто собирался расплакаться. — Здесь, в Югославии, это очень плохо.

— Вы получите полное описание из моего отчета…

— Нет, — возразил Мартине.

— Приказ, — добавил Бейкер. — Предполагается, что мы, после встречи с тобой, включимся в преследование. Это передали оттуда, — он ткнул пальцем в небо, — прямо сверху.

— Несправедливо! Я начал это дело, и заканчивать его тоже должен я.

Они пожали плечами, вскочили в «Мерседес» и погнали по дороге. Я забрался в «Тойоту» и поехал следом. Ладно, Пусть они будут первыми. Но ведь никто не сказал, что мне нельзя быть вторым.

В Карлобаге стрелка на ржавом знаке с надписью «Госпич, 41» указывала на холм, полускрытый тучей пыли. Я свернул на дорогу, одновременно ударив по тормозам, и поплыл вперед на пониженной передаче. Эта полоса кое-как выровненных камней — некоторые размером с крышку письменного стола — больше напоминала карьер, чем дорогу. Чтобы не нарываться, я полз на каких-нибудь пяти милях. И вдруг впереди, за поворотом, раздался громкий взрыв. Я нажал на газ и выскочил к месту происшествия.

«Мерседес» соскочил с дороги и стоял, уткнувшись капотом в кювет.

Его передние колеса перекосились, будто машина очень устала и у нее подогнулись ноги, а оба бампера валялись позади, словно пара смятых консервных банок. Но события еще не закончились. Человек в темном костюме, стоявший за валуном на противоположной стороне дороги, поднимал длинноствольный пистолет. Прежде чем он успел нажать на спуск, Мартине, сидевший за рулем, высунул свой пистолет в окно и выстрелил всего один раз. Это выглядело очень драматично. Черный костюм пронзительно взвизгнул, подбросил свое оружие в воздух, повернулся на месте и упал.

— Позаботься о Бейкере, — крикнул я, — а я присмотрю за твоим другом!

Я быстро, но тихо обежал кругом и подошел к человеку в черном костюме сзади. Он, лежа ничком на земле, зажимал здоровой рукой рану, из которой хлестала кровь, и одновременно пытался дотянуться до оружия.

— Повторять не будем, — сказал я, забирая пистолет. Он перевернулся, посмотрел на меня и проревел:

— Свииньйя!

— Это на всех языках звучит одинаково, — ответил я, засовывая оружие в карман. — А вообще

кто вы такой, чтобы браниться? Разве приличные люди возят мины в своих автомобилях? — Я оставил его подумать в одиночестве над моими словами, а сам вернулся, чтобы помочь Мартинсу. Он положил Бейкера на землю около дороги, раскрыл аптечку и уже намазывал антисептиком глубокую кровоточащую рану на лбу своего молодого напарника.

— Без сознания, — сказал он. — Дыхание ровное, и дела, кажется, обстоят не так уж плохо… но ведь никогда не знаешь заранее…

— Отнеси его обратно к дороге — до нее не больше сотни ярдов — И тормозни какой-нибудь автомобиль. В этом городе должен иметься доктор. Если не окажется, то большая больница есть в Задаре. И, если не забудешь, постарайся послать кого-нибудь осмотреть твою мишень — там, в траве. А я поеду дальше и поговорю со Свирским. Мне кажется, что он выбирает себе не слишком хороших друзей.

Я не дал Мартинсу времени на споры, а просто сел в «Тойоту» и покатил дальше. На этом этапе погони моя полноприводная, колымага наконец-то должна была получить преимущество. Нужно было только избегать самых впечатляющих надгробных памятников, торчавших из дороги,

и я мог держать двадцать миль, а на некоторых отрезках даже двадцать пять. Я был почти уверен, что «Татре», какой бы прочной она ни была, это не под силу. Особенно когда я снова увидел ее на извилистой, как змея, дороге всего в двух поворотах впереди меня.

Все точно так, как я и думал: идет нормально, подпрыгивает, качается и поднимает пыль на добрых десяти милях в час. Эти автомобили, которых никогда не видели на Западе, являются гордостью завода «Шкода». Громоздкие, округлые и солидные, они предназначены только для высших чинов партии и таких вот типов. Они спроектированы так, чтобы хорошо держать удар. Сзади торчит высокий плавник, словно на ракетном автомобиле Флэша Гордона, а спереди три фары, и вид у них куда более безумный, чем у любого автомобиля, который вы могли бы ожидать встретить в этой части света. А может быть, как раз такой. Но в любом случае, ни плавник, ни фары не помогали «Татре» оторваться. Я медленно догонял. Мы подпрыгивали, скрипели и грохотали по валунам, и я был менее чем в двух сотнях ярдов позади, когда увидел перед следующим поворотом столб с указателем, который вполне мог быть вершиной горы. Если он добе-

рется туда первым и выскочит на прямую дорогу, то вполне сможет уйти от меня.

Тут дорога уходила в сторону от направления на указатель, спускалась вниз, делала петлю и вновь возвращалась к тому месту, где я находился, только уровнем выше. Два отрезка дороги разделял довольно крутой склон, на нем я разглядел утоптанную тропу, по которой пешеходы, козы и собаки срезали путь, чтобы не бить носи по длинной петле дороги. Где прошли четыре ноги, четыре колеса тоже пройдут. Я резко вывернул баранку направо, перевалился через канаву и выехал на землю.

По правде говоря, почва здесь оказалась куда ровнее, чем на дороге, и ехать было лучше; разве что уклон крутоват. Двигатель взревел, шины пробуксовали было, зацепились за грунт, и мы рванули прямо вверх. Я заорал «ура!» и покрепче вцепился в баранку.

Когда я вскарабкался к следующему изгибу дороги, «Татра» уже миновала поворот и, сверкая всеми тремя глазами, ползла в мою сторону. В этот момент «Тойота» запнулась на крутом выступе, передние шины проскользнули по гладким камням, но все обошлось: задние колеса нашли упор и вытолкнули нас на вершину.

Поскольку «Татра» намеревалась проскочить мимо меня, я сделал единственную возможную вещь: на всем ходу врезался в нее.

Мне удалось ударить в капот, так что «Татру» развернуло. Звук нашего столкновения напоминал взрыв на фабрике мусорных бачков, а затем «Татра» впилилась носом прямо в оказавшуюся в нужном месте груду камней. Я затормозил и выключил двигатель, уже выскакивая из машины, но Свирский оказался быстрее. Он открыл заднюю дверь еще до столкновения и выскочил наружу, словно газель-тяжеловес. Водитель, что-то бормоча, неуклюже выбирался со своего места, одновременно пытаясь вытащить точно такой длинноствольный пистолет, как тот, что лежал у меня в кармане. Я отобрал у него оружие и как следует стукнул его сзади и сбоку по шее: это должно было погрузить его в сон на некоторое время и избавить от куда больших неприятностей. А затем я отправился вслед за Свирским.

Он бежал, пригнув голову, и топотал по дороге, словно беглая паровая машина. Но оказалось, что я бегаю побыстрее. Добежав до указателя на вершине, он свернул с дороги, а я уже нагонял его. Я тоже поравнялся с указателем, пробежал мимо и тут же метнулся назад. Пуля со звонким пением

отрикошетила от камня, возле которого я только что находился. Наверно, именно Свирский был тем самым стрелком с заднего сиденья, который продырявил мою шину, и глаз у него был все так же хорош. Рядом с моей головой была надпись на немецком — что-то насчет того, что эта дорога посвящается нашему благородному императору Францу-Иосифу. Я верил этой надписи. И готов держать пари, что к вывеске никто не прикасался с тех самых пор, как на глазах императора работяги закатили на место последний валун.

Низко пригибаясь, я обежал постамент надписи с другой стороны и увидел, как спина Свирского скрылась в сосновой роще. Грандиозно! На дороге он мог бы держать меня на расстоянии, угрожая своим пугачом. А в лесу мы были на равных.

Это был знакомый с детства широколиственный лес, очень похожий на альпийский. Мы поднялись уже достаточно высоко, чтобы оставить позади прожаренное субтропическое побережье, и теперь находились в приятном зеленом сумраке. Ладно, пусть я буду Кожаный Чулок,[6] а он

[6] notes: 6

Кожаный Чулок, он же Зверобой, Следопыт, Соколиный Глаз — Натаниэль Бампо, непревзойденный охотник и следопыт, герой нескольких романов Фенимора Купера из времен освоения Североамериканского континента.

будет американский лось. Или, скажем, медведь. Я собирался устроить ему небольшую, но хитрую ловушку. Мне было хорошо слышно, как моя добыча ломится вперед через подлесок, сам же я свернул в сторону, чтобы обойти его с фланга, и бежал, низко пригнувшись, тихо и быстро.

Иллюстрация Leo Summers

Мой друг Свирский не был ни индейским разведчиком на тропе войны, ни даже бойскаутом. Он проламывался своими четыреста двенадцатью фунтами через лес, словно танк, и я все время сохранял с ним звуковой контакт. Когда треск прекратился, я продолжал двигаться дальше, пока не миновал то место, откуда он послышался в последний раз, а затем беззвучно вернулся назад.

Вот это да! Он спрятался за деревом и вглядывался в ту сторону, откуда только что прибежал; пистолет в руке, готов стрелять. Я прикинул, как мне поступить, решил, что лучше всего будет разоружить его, и бесшумно подкрался к нему сзади.

— Можно я это подержу, товарищ? — сказал я и, нагнувшись, хорошим рывком выхватил оружие из его рук.

Несмотря на весь его вес, этот парень имел хорошие рефлексы. Он развернулся, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы не получить удар.

— Руки вверх, hande hoch, ну и так далее! Свирский проигнорировал и меня, и оружие. С угрюмым выражением на роже он шел на меня в борцовской стойке: пригнувшись и вытянув руки

вперед. Я попятился.

— Если мы будем так продолжать, — сказал я ему, — то кто-нибудь может поцарапаться, и, пожалуй, на это больше шансов у тебя.

И опять ни слова, а лишь упорное, машинообразное движение вперед.

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал. Стой, стой, стой… Даже три раза.

Он не обратил никакого внимания на мои слова, так что я выстрелил ему в ногу. Пуля отскочила рикошетом и пропела вдали, а он продолжал наступать. Я отчетливо видел дыру в штанине и точно знал, что не промахнулся.

— Ну ладно, Железный человек, — сказал я, тщательно прицеливаясь, — давай посмотрим, насколько крепкие у тебя суставы.

На сей раз я целился ему в коленную чашечку — с тем же самым результатом. Ничего. Моя спина уперлась в дерево. Я выстрелил еще раз, точно в то же самое место. На этот раз получилось — нога подвернулась. Но он уже навис надо мной и падал на меня, как скала. Отскочить вовремя не удалось, и он ударил меня. Но я успел отбросить оружие как можно дальше, прежде чем он обхватил меня ручищами.

Что касается силы, то мышцы у этого весельча-

ка были по-настоящему стальными. Я извивался, выворачивался и дергался, но не пытался бить его, потому что знал, что у него не было нервов, вообще никаких нервов. Я только выворачивался и все же сумел вырваться из этой механической медвежьей хватки, почти выскользнув из собственной рубашки.

Теперь пришла моя очередь. Я просто забрался ему на спину, обхватил его ногами вокруг талии и принялся сворачивать ему шею. Он продолжал молчать сомневаюсь, умел ли он вообще говорить — и лишь размахивал ручищами, стараясь скинуть меня. Но дотянуться до меня ему никак не удавалось. А я поворачивал и поворачивал его голову, пока его глаза не уставились на меня через правое плечо. Тогда я нажал еще немного. Его лицо оказалось теперь повернуто прямо ко мне, и он щелкал зубами мне в лицо. А я продолжал нажимать. Послышался резкий скрежет, его глаза закрылись, и весь его боевой дух иссяк. Ну а я еще немного довернул, и голова оторвалась.

Конечно, там оказалось множество проводов, трубок и тому подобного, но я выдернул все это и положил лишенную туловища голову на землю. Некоторые из проводов заискрили, прикоснувшись к земле.

Теперь я должен был выяснить, где находится мозг. Нельзя считать, что мозг находится в голове, только потому, что робот внешне похож на человека. Свирский, возможно, думал животом. С тех пор как до нас дошли слухи, что человекоподобный робот проходит полевые испытания, мы разработали подробный план действий, вплоть до этого самого момента. Мы уже знали о том, где находятся сервомоторы, источник электропитания и прочие агрегаты. Но какой мозг они использовали? Именно это мы и собирались выяснить. Я расстегнул его рубашку — они даже не потрудились как следует наложить на него пластмассовую плоть при последнем техобслуживании. Должно быть, очень торопились удрать. Кожа была свободно наброшена сверху и доходила только до пупа; я подцепил ее пальцем и потянул. Она снялась легко, как кожура банана, открыв широкую металлическую грудь, покрытую сверху слоем мягкой пластмассы. Это была защитная панель, напоминавшая кожух самолетного двигателя, с большими винтами по углам. Согнув пополам монету в десять динаров, я открутил их, снял панель и отбросил в сторону.

Отлично, отлично! Я улыбнулся и даже потер руки. Двигатели, коммутирующие устройства,

модуль электропитания и так далее — все подсоединено к связке проводов, очень реалистично расположенной там, где должен был проходить спинной мозг, и выходившей через шею. Мозг находился в голове, ну а голова была у меня.

— Спасибо тебе, тофарисч, — сказал я, поднимаясь и отряхивая пыль с колен. — Ты очень помог мне. Я собираюсь позаимствовать твою рубашку, потому что ты порвал мою, а также запечатлеть кое-какие фрагменты твоих внутренностей, чтобы осчастливить наших инженеров.

Я снял рубашку с безголового туловища и положил его так, чтобы солнце светило прямо в раскрытую грудь. Теперь камера. Я внимательно осмотрелся вокруг, убедился, что поблизости никого нет, и отбросил в сторону свою разорванную рубашку.

— У нас тоже есть свои тайны, — сказал я ему, но он снова не потрудился ответить.

Я подцепил ногтем большого пальца кожу у себя на груди, а потом потянул обеими руками. Пластиковая оболочка с чавканьем раскрылась.

Из отверстия в груди выглянул объектив фотокамеры.

— Диафрагма два и пять при выдержке одна сто двадцать пятая, — сказал я себе и, конечно,

не ошибся, а затем принялся фотографировать, посылая нервные импульсы на соленоид, приводящий в действие затвор. Голову я мог без труда спрятать в «Тойоте», а на этих фотографиях будут все недостающие подробности устройства тела. Поскольку в пределах видимости никого не было, я не отказал себе в удовольствии похвастаться вслух.

— Здесь все точно так же, как и в космической гонке, тофарисч. Идем ноздря в ноздрю. Точно так же и ты вышел на соревнования роботов. Крепкий, с заложенным избытком энергии, двойным и тройным дублированием систем на случай отказа. Получился мощный тяжелый робот. Не удалось даже втиснуть речевую функцию. Тогда как мы строим, используя микро-микроминиатюризацию. Куда более сложные схемы. Получается, что в точно такую же коробку набито гораздо больше всякого добра. И тоже действует. Когда Вашингтон услышал, что ты будешь проходить здесь испытания, там не могли удержаться, чтобы не устроить одновременно с тобой здесь же полевые испытания мне.

Я направился было к «Тойоте», но тут же повернулся и помахал свободной рукой.

— Если у тебя есть какие-то сомнения насчет

того, чей подход удачнее, весело крикнул я, — то обрати внимание вот на что: кто из нас несет под мышкой чью голову?!

Гарри Гаррисон
Если

— Мы прибыли, мы точны. Все расчеты верны. Вон оно, это место, под нами.

— Ты ничтожество, — сказала 17-я своей коллеге, отличавшейся от нее только номером. — Место действительно то. Но мы ошиблись на девять лет. Взгляни на приборы.

— Я ничтожество. Я могу освободить вас от тяжести своего бесполезного присутствия. — 35-я достала из ножен нож и попробовала лезвие, необычайно острое. Она приставила нож к белой полоске, опоясывающей ее шею, и приготовилась перерезать себе горло.

— Не сейчас, — прошипела 17-я. — У нас и без того нехватка рабочих рук, а твой труп едва ли пригодится экспедиции. Немедленно переключи нас на нужное время. Ты что, забыла, что надо экономить энергию.

— Все будет, как вы прикажете, — сказала 35-я, соскользнув к пульту управления. 44-я не вмешивалась в разговор — она не спускала фасетчатых глаз с пульта, подкручивая своими плоскими

пальцами различные ручки в ответ на показания многочисленных стрелок.

— Вот так, — произнесла 17-я, радостно потирая руки. — Точное время и точное место. Мы приземляемся и решаем нашу судьбу. Воздадим же хвалу всевышнему, который держит в руках все судьбы.

— Хвала всевышнему, — пробормотали ее коллеги, не спуская глаз с рычагов.

WORLDS OF
if
SCIENCE FICTION
combined with
WORLDS OF TOMORROW
Praiseworthy Saur
by HARRY HARRISON

Прямо с голубого неба на землю спускалась сферическая ракета. Ракета, если не считать широкого прямоугольного люка, расположенного сейчас снизу, ничем не отличалась от шара и была выполнена из какого-то зеленого металла, возможно, анодированного алюминия, хотя и казалась тверже. Почему ракета движется и как тормозит, по ее внешнему виду было непонятно. Все медленнее и медленнее ракета опускалась ниже, пока не скрылась за холмами на северном берегу озера Джексона, над рощей корабельных сосен. Вокруг раскинулись поля, где паслись коровы, нимало не встревоженные ее появлением. Людей видно не было. Холмы прорезала заросшая лесная тропинка, которая тянулась от озера к роще и дальше до шоссе.

Иволга села на куст и ласково запела; маленький кролик прискакал с поля погрызть траву. Эту буколическую идиллию нарушили шаги, раздавшиеся на тропе, и резкий, необычайно монотонный свист. Птичка — беззвучный цветной комок — тотчас вспорхнула, а кролик исчез за оградой. От озера по склону холма шел мальчик. Одетый в обычную одежду, он держал в одной руке портфель, а в другой — самодельную проволочную клетку. В клетке сидела крошечная

ящерица, которая прижалась к проволоке и вращала глазами, выискивая возможную опасность. Громко насвистывая, мальчик шагал по тропе, углубляясь в тень сосновой рощи.

— Мальчик, — услыхал он резкий дрожащий голос. — Ты слышишь меня, мальчик?

— Конечно, — ответил мальчик, останавливаясь и оглядываясь в поисках невидимого собеседника. — Где ты?

— Я возле тебя, но я невидима. Я фея из сказки...

Мальчик высунул язык, насмешливо свистнул.

— Я не верю в невидимок и сказочных фей. Кто бы вы ни были, выходите из леса.

— Все дети верят в сказочных фей, — обеспокоенно и без прежней вкрадчивости сказал голос. — Я знаю все секреты. Я знаю, что тебя зовут Дон и...

— Все знают, что меня зовут Дон, и никто больше не верит в сказки. Теперь ребята верят в ракеты, подводные лодки и атомную энергию.

— А в космические полеты?

— Конечно.

Немного успокоенный голос зазвучал тверже и вкрадчивей:

— Я боялась испугать тебя, но на самом деле я

прилетела с Марса и только что приземлилась...

Дон снова издал насмешливый звук.

— На Марсе нет атмосферы и никаких форм жизни. А теперь выходите, хватит играть со мной в прятки.

Немного помолчав, голос сказал:

— Но в путешествия во времени ты веришь?

— Верю. Вы хотите сказать, что пришли из будущего?

— Да, — ответил голос с облегчением.

— Тогда выходите, чтобы я мог вас увидеть.

— Существуют вещи, недоступные для человеческого глаза.

— Враки! Человек отлично видит все, что хочет. Или вы выходите, или я ухожу.

— Не уходи, — раздраженно сказал голос. — Я могу доказать, что свободно передвигаюсь во времени, ответив на твою завтрашнюю контрольную по математике. Правда, здорово? В первой задаче получается 1,76. Во второй...

— Я не люблю списывать, а даже если бы любил, с математикой такие штуки не пройдут. Либо ты ее знаешь, либо — нет. Я считаю до десяти, потом ухожу.

— Нет, ты не уйдешь! Ты должен помочь мне! Выпусти эту крошечную ящерицу из клетки, и я

выполню три твоих желания — вернее, отвечу на три вопроса.

— Почему это я должен ее выпускать?

— Это твой первый вопрос?

— Нет. Но я люблю сначала понять, а потом делать. Это особая ящерица. Я никогда прежде не видел здесь такой.

— Правильно. Это акродонтная ящерица Старого Света из подотряда червеязычных, обычно называемая хамелеоном.

— Точно! — Дон действительно заинтересовался. Он сел на корточки, вынул из портфеля книгу в яркой обложке и положил ее на дорогу. Потом повернул клетку так, что ящерица оказалась на дне, и осторожно поставил клетку на книгу. — А что, ее цвет правда изменится?

— Ты это сам увидишь. Теперь, если ты отпустишь эту самку...

— Откуда вы знаете, что это самка? Опять фокусы со временем?

— Если хочешь знать — да. Эту ящерицу в паре с еще одной купил в зоомагазине некий Джим Бенан. Два дня назад Бенан, ополоумев от добровольного поглощения жидкости, содержащей этиловый спирт, сел на клетку, и обе ящерицы оказались свободны. Но одна из них погибла, а

эта выжила. Отпусти...

— Хватит шутить шутки, я пошел домой. Или выходите наружу.

— Я предупреждаю тебя...

— Пока, — Дон подобрал клетку. — Смотри-ка, она стала красной, как кирпич!

— Не уходи. Я сейчас выйду.

Дон с любопытством глядел на странное существо, показавшееся из-за деревьев. Существо было голубого цвета, с громадными выпученными глазами, которые глядели в разные стороны, и носило коричневый тренировочный костюм, а за спиной держало ранец с аппаратурой. Росту в нем было дюймов семь.

— Не слишком-то вы похожи на человека будущего, — заметил Дон. — Правильнее сказать, вы вообще непохожи на человека. Вы слишком малы.

— Я мог бы ответить тебе, что ты слишком велик: размеры — вещь относительная. А я действительно из будущего, хотя и не человек.

— Это точно. Вы куда больше похожи на ящерицу, — неожиданно сообразив, Дон перевел взгляд с пришельца на клетку. — Вы, правда, страшно похожи на хамелеона. В чем тут дело?

— Это тебя не касается. Подчиняйся команде,

или тебе придется худо. — 17-я повернулась к лесу и сделала знак. — 35-я, я приказываю! Подойди и сожги кусты.

Дон со все большим интересом смотрел, как из-за деревьев выплыл зеленый металлический шар. Вот люк откинулся, и в отверстии показалось сопло, похожее на брандспойт игрушечной пожарной машины. Сопло нацелилось на кусты, стоявшие в тридцати футах от изгороди. Из глубины ракеты раздался пронзительный вой, поднявшийся так высоко, что стал едва слышим. И вдруг тонкий луч света проскользнул от сопла к кустам, раздался сухой треск, и кусты озарились ярким пламенем. Через секунду от них остался лишь черный остов.

— Это смертоносное оружие называется оксидайзером, — сказала 17-я. — Немедленно выпусти хамелеона, или испытаешь его действие на себе...

Дон усмехнулся.

— Хорошо. Кому, в конце концов, нужна старая ящерица.

Он поставил клетку на землю и наклонился над ней. Потом снова выпрямился. Подобрал клетку и пошел по траве к сожженному кустарнику.

— Остановись! — закричала 17-я. — Еще шаг

— и мы сожжем тебя.

Дон пропустил мимо ушей слова пританцовывавшей от злости ящерицы и побежал к кустам. Потом вытянул руку — и прошел сквозь них.

— Я так и понял, что тут дело нечисто, — сказал он. — Все горело, ветер дул в мою сторону, а запаха никакого. — Он повернулся к 17-й, хранившей мрачное молчание. — Это ведь всего лишь проекция или что-нибудь в этом роде, а? Трехмерное кино, к примеру.

Неожиданная мысль заставила его остановиться и вновь подойти к словно замершей ящерице. Мальчик ткнул в нее пальцем — рука прошла насквозь.

— Вот те на — опять тот же фокус?

— Эксперименты ни к чему. Я и наш корабль существуем только в виде, если можно так выразиться, временного эха. Материя не может передвигаться во времени, но ее идея может проецироваться в различные времена. Наверное, это несколько сложно для тебя...

— До сих пор все понятно. Валяйте дальше.

— Наши проекции действительно находятся здесь, хотя для любого наблюдателя вроде тебя мы всего лишь воображение, звуковые волны. Для временных перемещений необходимо гигант-

ское количество энергии, и все ресурсы нашей планеты включены в это путешествие.

— Ну да? Вот наконец-то и правда, так сказать, для разнообразия. Никаких добрых фей и прочей ерунды.

— Мне очень жаль, что приходится прибегать к увертками, но тайна слишком важна, и нам хотелось по возможности скрыть ее.

— Теперь, кажется, мы переходим к настоящим разговорам, — Дон сел поудобнее, подвернув под себя ноги. — Я слушаю.

— Нам необходима твоя помощь, иначе под угрозой окажется все наше общество. Совсем недавно — по нашим масштабам времени — приборы показали странные нарушения. Мы, ящеры, ведем простую жизнь на несколько миллионов лет в будущем, где наша раса доминирует. Ваша раса давно вымерла и так страшно, что мне не хочется говорить тебе об этом. Наша раса находится под угрозой, мы захлестнуты и почти сметены волной вероятности — громадная отрицательная волна движется на нас из прошлого.

— А что такое волны вероятности?

— Я приведу пример из вашей литературы. Если бы твой дед умер холостым, ты бы не родился и не разговаривал сейчас со мной.

— Но я родился.

— В большей ксанвероятностной вселенной это еще спорный вопрос, но у нас нет времени толковать об этом. Наш энергетический запас слишком мал. Короче, мы проследили нашу родовую линию сквозь все мутации и изменения, пока не нашли первобытную ящерицу, от которой пошел наш род.

— Ага, — сказал Дон, указывая на клетку. — Это она и есть?

— Это она, — торжественно, как и подобало случаю, провозгласила 17-я. — Так же как где-то и когда-то находился предок, от которого началась ваша раса, так и она является довременной праматерью нашей. Она скоро родит, и ее потомство вырастет и возмужает в этой прекрасной долине. Скалы возле озера достаточно радиоактивны, чтобы вызвать мутацию. Но все это в том случае, если ты откроешь клетку.

Дон подпер рукой подбородок и задумался.

— А со мной ничего не случится? Все это правда?

17-я вытянулась и замахала передними руками — или ногами — над головой.

— Клянусь всем сущим, — произнесла она. — Вечными звездами, проходящими веснами,

облаками, небом, матриархатом, что я...

— Да вы просто перекреститесь и скажите, что помрете, если соврали, этого хватит.

Она описала глазами концентрические окружности и исполнила требуемый ритуал.

— О"кей, я, как и любой парень в нашей округе, смягчаюсь, когда речь заходит о гибели целой расы.

Дон отвернул кусок проволоки, которой прикреплялась дверца клетки, и открыл ее. Хамелеон выкатил на него один глаз, а второй устремил на дверцу. 17-я глядела, не решаясь нарушить тишину, а ракета тем временем подплыла ближе.

— Иди, иди, — сказал Дон, вытряхивая ящерицу на траву.

На этот раз хамелеон сообразил, что от него требуется, пополз в кусты и исчез там.

— Теперь ваше будущее обеспечено, — сказал Дон. — Или прошлое с вашей точки зрения.

17-я и ракета беззвучно исчезли, а Дон снова оказался один.

— Могли бы, по крайней мере, спасибо сказать, прежде чем исчезать. Люди, оказывается, куда воспитаннее ящериц.

Он подобрал пустую клетку и зашагал домой.

Он не слышал, как зашелестели кусты, и не

видел кота с хвостом хамелеона в зубах.

Гарри Гаррисон
Эскадрилья вампиров

«Главное преимущество человека перед компьютером в том, что человек бывает нелогичным, но разумным там, где компьютер бывает лишь логичным. Но вот что странно, человек бывает не только нелогичным, но и неразумным».

Г. Гаррисон

— Посмотри-ка на них, док, — сказал патрульный Чарли Вандеен, с негодованием сплюнув в сторону огромного серого фургона, что приткнулся у обочины. — Расселись и ждут свою долю падали, как шакалы… Стервятники, да и только…

— За это им и платит Национальный фонд Трансплантации. Такая уж у них работа, — ответил доктор, держа пальцы на сонной артерии девушки. — Что вам ответили в «Скорой помощи»?

— Приедут не раньше чем через десять минут: наш вызов застал их на другом конце города. — Вандеен снова взглянул на девушку. Совсем

молоденькая и почти красивая. На голове — марлевая чалма, дешевенькое хлопчатобумажное платье пропиталось кровью.

Чарли резко повернулся — серая громадина фургона НФТ маячила на том же месте.

— НФТ, — со злостью повторил он. — А вы знаете, док, как их называют в народе?

— Национальный…

— Не-е-е-т, док, вы прекрасно поняли, что я имел в виду. «Эскадрилья вампиров», вот как. Знаете почему?

— Знаю… И еще я знаю, что, находясь при исполнении служебных обязанностей, так говорить не стоит. А ты, Чарли, прекрасно знаешь, что эти парни делают очень важную работу…

Доктор внезапно замолк, пульс девушки резко упал.

— Похоже, что девочка уже не выкарабкается, и никакая «Скорая» ей не поможет. Крови потеряла не так уж много, но ей снесло половину черепа…

— Но хоть что-нибудь вы можете сделать?

— Нет, это не тот случай… — Хойланд расстегнул платье и осмотрел тело девушки. — Нужно записать в отчет, что на ней нет ни ожерелья, ни медальона.

— Вы уверены? Может, он оборвался? — озада-

ченно спросил полицейский, доставая блокнот.

— Вероятно, нет. Цепочки делают достаточно прочными. Хочешь посмотреть сам?

Несмотря на свои тридцать лет, Чарли покраснел.

— Не подначивайте, док. Вы же знаете, это нужно для протокола. Мы должны все точно указать.

Доктор Хойланд тяжело поднялся и махнул рукой серому фургону; он тут же покатился к ним.

— Зачем это, док?

— У нее нет пульса, ни дыхания — она так же мертва, как и те двое. Доктор кивнул в сторону сгоревшего пикапа. — Фактически, она мертва с того момента, как машина врезалась в дерево, хотя агония может продлиться еще несколько минут. Нет ни малейшего шанса, Чарли.

Взвизгнули тормоза, серый фургон остановился позади них, со скрипом откинулась задняя дверца. Из кабины выпрыгнул человек, одетый в аккуратную серую форму, на кардане виднелся значок «НФТ». Он на ходу выдвинул антенну «уоки-токи» армейского образца.

— Восьмое апреля 19… федеральный номер тридцать четыре, в семнадцати милях западнее Логанпорта, штат Джорджия, женщина, кавказский тип, возраст — м-м-м… двадцати лет… — Он

посмотрел на доктора.

— Тяжелая черепно-мозговая травма. Левая часть черепа почти полностью отсутствует.

Пока шофер обходил фургон и открывал дверки, человек в форме повернулся к полицейскому:

— Сержант, все остальное касается только медицины. Спасибо за помощь, полиция здесь больше не нужна.

— Хотите избавиться от меня? — резко спросил Чарли.

Доктор Хойлаид отвел его в сторону.

— Ты же знаешь: у тебя больше нет никаких интересов на этом театре военных действий, а у этих ребят такая работенка, которую нужно проворачивать как можно быстрее.

Как только Чарли услышал сирену, к нему вернулось самообладание. Он повернулся к дороге, чтобы показать машине «Скорой помощи», где свернуть с шоссе.

Пока он стоял спиной к жертве, с нее сорвали остатки одежды, уловили на носилки, покрыли стерильным изопластиком, втолкнули в машину, приподняв штору, что скрывала заднюю дверь фургона. Когда Чарли обернулся, двери фургона уже закрылись, а у его ног остались лежать только клочки платья и одеяло из патрульной

машины. Из выхлопной трубы вылетело плотное кольцо копоти.

— Что они там делают, док?

— Я знаю не больше, чем ты, — буркнул уставший доктор. Поспать этой ночью ему не пришлось, и любой пустяк его раздражал. НФТ делают тяжелую, но жизненно важную работу. А иначе считают только дураки.

— Вампиры, — тихо пробормотал Чарли, подошел к патрульной машине и связался с полицейским участком.

Рождество 19… года запомнится надолго. На горизонте маячил новый век, а отмена налогов по всей стране — подарок президента Гринстайна добавила поводов и денег любителям хмельного. Рождество пришлось на понедельник, 26 декабря стало официальным праздником — следовательно, уик-энд получался четырехдневный и очень веселый. Кто-то сказал, что спиртное, выпитое за эти дни в одном только графстве, могло удержать на плаву военный корабль средних размеров.

«Похоже на правду, — подумал шериф, — если взять не слишком большой корабль».

Неутомимый, в отличии от своих помощников, шериф Чарли Вандеен не жил дома с 23 декабря. В его квартире случился пожар, но этот при-

скорбный случай мало его взволновал: позади служебного кабинета у него была маленькая комнатка с походной кроватью, где он отдыхал не хуже, чем в своей холостяцкой квартире. Его помощники всегда знали, где найти шерифа, и заходили туда по любому вопросу и в любое время.

Ничего, кроме обычной рутины — пожара, драки и пары слишком шумных вечеринок, — в этот уик-энд не произошло, и он хорошо выспался.

Приняв душ, побрившись и надев чистую отутюженную форму, он постоял перед окном, вглядываясь в рассвет нового дня. 26 декабря! Хоть бы этот чертов праздник поскорее закончился! Для него самого появление на свет Спасителя Мира не было каким-то особым событием. Что же касается людей, которые этот день празднуют, то у некоторых из них были более чем странные представления о том, как это надо делать.

Зевнув и отхлебнув кофе из большой чашки, Чарли поудобнее устроился в кресле, и тут снаружи донесся мощный гул. Он взглянул на часы, кивнул удовлетворенно — утренний ховерлайнер шел точно по расписанию.

Чарли откинулся в кресле и погрузился в обычную утреннюю полудрему; перед мысленным взором всплыла давнишняя мечта: отправиться

в фешенебельный центр отдыха, в Маком, что висит в воздухе над рекой Окмальджи. Первонаперво он бросит сумку, потом заберется на верхнюю палубу ховерлайнера «Тойсад Бар», размером и видом похожую на арену цирка. Пытаясь представить себе, как выглядит, когда под тобой несется земля, Чарли пересмотрел кучу снимков, сделанных с борта лайнера. Стаканчиком виски он отметит отправление, а предстоящий отдых — стаканчиком пунша из ямайского рома. Он будет сидеть, всем довольный, глядеть на мелькающие сосновые рощи и болота и ощущать, как все существо наполняется покоем. Потом будет пляж, синий океан, острова золотого песка, роскошный отель и девочки. Конечно же, в мечтах он был моложе, и с бронзовым загаром, и без седых волос, да и талия была дюймов на пятнадцать тоньше… в общем, девушкам на загляденье.

Сквозь полудрему он вдруг осознал, что шум ховера прекратился, что небо и клочья тумана загорелись ярко-розовым.

— О, господи, — простонал он и резко поднялся. Кресло упало, чашка полетела на пол и разбилась вдребезги — он даже не заметил.

— С этой штукой что-то случилось!

Реклама утверждала, что ховерлайнеры абсо-

лютно надежны, что на воздушной подушке они одинаково легко проносятся над сушей и морем. Правда, предполагалось, что, если моторы откажут по какой-то совсем немыслимой причине, ховерлайнер мягко опустится вниз. Предполагалось…

Однако и с ними приключались аварии. Невозможно исключите случайности, коша коробка величиной с атомный ледокол несется над землей со скоростью сто пятьдесят миль в час.

Все это выглядело так, будто рулетка вероятности выдала наконец «зеро».

Чарли потянулся к телефону. Пока помощники организовывали пожарников и «скорую помощь», он успел узнать, что ховер упал в его зоне и не отвечает на вызов. Доложив о катастрофе по команде, он бросил трубку. Особых иллюзий он уже не питал, но еще надеялся, что произошла какая-то ошибка.

Чарли нахлобучил шляпу, натянул сапоги и рванулся к двери, путаясь в ремнях кобуры и рукавах пальто. Эд Холмер клевал носом за баранкой патрульной машины номер три, припарковавшись у обочины. Взрыва он не слышал и встревоженно вскрикнул, когда шериф полез в машину. Как только они тронулись, Чарли пере-

дал всем службам сигнал тревога. Никто толком не знал, что они найдут.

— Шеф, как вы думаете, ховер шлепнулся в болото? — спросил окончательно проснувшийся Эд, утапливая акселератор. Турбина взревела, и машина стрелой понеслась по автостраде.

— Нет. Насколько я слышал, он шел на запад. В болото упасть он не мог, скорее, где-то в районе Канала.

— Тогда поеду по Джрусон-Роуд, а там по проселку вдоль Канала.

— Хорошо, — буркнул Чарли, проверяя оружие.

Начинался серый и мокрый день, но Эд не стал включать фары: над дорогой все еще висели клочья тумана. Чуть притормозив, они свернули на проселок, включили сирену — выезжающий на автостраду молоковоз шарахнулся в сторону. Дальше дорога пошла через трассы ховерлайнеров прямо к Каналу. Здесь не выращивали зерновых: воздушные струи воздуха выдували семена из пашни. Трава там, однако, росла. Канал представлял из себя длинную низину, лишь в самом конце переходящую в болото.

Ховерлайнер упал рядом с фермерским проселком, и там в небо поднимался, клубясь, черный

столб дыма.

Когда они подъехали ближе, Эд Холмер выпучил глаза и механически убрал ногу с акселератора. При падении громадная черная развалина пропахала безобразную борозду длиной не менее пяти сотен ярдов.

Они медленно приближались к ховеру, объезжая огромные обгоревшие куски обшивки. Из-под обломков, помогая друг другу, толпами выбирались пассажиры, многие уже лежали на траве, пытаясь прийти в себя. Когда смолкла турбина и машина остановилась, стали слышны стоны и крики раненых.

— Вызывай всех и объясни, где мы находимся, — приказал шериф, выбираясь из машины. — Пусть поднимут на ноги все медицинские службы, да побыстрее. Потом поможешь этим несчастным. Это он произнес уже на бегу.

Подбежав к рухнувшему лайнеру, он увидел, что подтвердились самые худшие опасения: многие страшно обгорели, многие истекали кровью, некоторые были живы, но находились в тяжелом шоке, были и мертвые.

Два пилота несли третьего, ноги у него свисали под немыслимым углом, а повязка, стягивающая бедра, сильно врезалась в тело. Раненый

глухо стонал, когда его клали на землю, но его товарищи уже бросились обратно, чтоб помочь оставшимся в живых пассажирам выбраться из этого ада. Чарли оставался возле раненого пилота. Несмотря на пятна сажи и кровоподтеки, тот был мертвенно-бледен. Вскоре он очнулся.

— Может что-нибудь загореться или взорваться? — спросил шериф.

— ВРЯД ли… — пилот не сразу справился со слабостью, но ответил достаточно внятно. — Как только моторы загорелись, автоматы сработали. Это предусмотрено программой. Скорее всего, дал течь бак с горючим. Скажите им, чтобы не курили и ничего не зажигали…

— Держитесь, «скорая» на подходе, а за остальным я сам прослежу.

— Люди… внутри остались люди…

— Им помогут.

Шериф направился было к лайнеру, но остановился, увидев, как организованно работает команда лайнера вместе с легко пострадавшими пассажирами. Некоторые взяли носилки. Решив не вмешиваться до подхода помощи, он вернулся к машине, подключил к усилителю микрофон, повернул регулятор на полную громкость.

— Прошу внимания! — Все повернули головы

в его сторону. Медицинская помощь вызвана и уже в пути, — он немного помолчал.

— В баках осталось горючее, и, вероятно, есть течь. Поэтому, хотя пожар почти погас, будет лучше, если вы воздержитесь от курения и не будете разжигать огонь.

Над его головой раздался сильный рев. Он поднял голову. Большой многовинтовой вертолет — прибыли медики. Вертолет снижался, вздымая клубы пыли, и Чарли отвернулся. Когда машина приземлилась и перестали вращаться лопасти, Чарли почувствовал что-то неладное и приглядел ся…

Вертолет был серый. Весь.

В нем поднялась волна гнева, не ослабевшего за все эти годы. На непослушных ногах Чарли рванулся к открывавшейся дверце. Люди, появившиеся в дверях, в недоумении уставились на него.

— Кто вы такой? — спросил один из них: у него даже волосы под цвет формы.

— Вы что, не умеете читать? — Он рукой провел по тому месту, гае на золотистом фоне черными буквами было написано его звание:

— Я шериф, — но тотчас же отдернул руку, так как на привычном месте ничего не было. Одев

чистую форму, он в суматохе забыл приколоть звезду. Вы слышали, что я сказал? — рявкнул он, воспользовавшись замешательством человека, уже обогнувшего его. — В услугах «эскадрильи вампиров» здесь не нуждаются! Во всяком случае, не в моем графстве.

— Так это вы и есть тот самый шериф? — холодно произнес тот, что выглядел постарше. — Как же, наслышаны о вас! Но мы врачи и займемся ранеными, поскольку других медиков пока нет. А если вы решитесь в нас стрелять, — он бросил взгляд на руку шерифа, лежащую на кобуре, — то вам придется стрелять-нам в спину! — Он кивнул своему напарнику, и они, не оглядываясь, двинулись к лайнеру.

Шериф медленно застегнул кобуру. Что ж, они действительно только врачи, так пусть хоть раз поработают по-настоящему. Его это вполне устраивало. Из-за деревьев показались новые вертолеты, и над Каналом разнеслись завывания сирен.

Шериф хотел было помочь Эду Холмеру — тот выносил из разбитого лайнера раненую женщину — но раздумал, решив, что будет полезнее, если он займется другим делом, например, организацией людей, которых вскоре будет здесь

слишком много.

Над лайнером закружил ярко раскрашенный вертолет пожарной службы, проверяя, нет ли огня.

Постепенно возобладала деловитость и организованность. Пассажиров, способных двигаться самостоятельно, выводили из зоны аварии. Ранеными занимались медики всех рангов, даже два местных врача, услышав аварийный вызов по радио, явились на место аварии. Один из них, старый доктор Хойланд, давно был на пенсии, но, несмотря на свои семьдесят лет, всякий раз мчался на место происшествия, как только слышал вызов. Но сегодня он был действительно нужен.

В сторону увеличивающегося ряда тел под накидками и одеялами шериф взглянул только один раз, ибо в этот момент его внимание привлекли двое в сером; они несли носилки в сторону ненавистного вертолета. Разъяренный шериф в мгновение ока оказался у них на пути.

Иллюстрация Leo Summers

— Разве этот парень мертв? — завопил он, заметив вздрагивающие губы и блестящие неподвижные глаза лежащего на носилках.

— Вы что, смеетесь? — Тот, что шел первым, посмотрел на Чарли почти с улыбкой. — Мы таких только и берем. Прочь с дороги!

— Верните его к остальным раненым. — Шериф решительно взялся за револьвер. — Это приказ!

Человек, стоявший перед ним, переступил с

ноги на ногу, не зная, как поступить, но тут вмешался второй.

— Опускай.

Поставив носилки, второй «вампир» выкинул из кармана «уоки-токи» и начал что-то говорить, но разъяренный Чарли не вслушивался в его слова. — Я не шучу! — прорычал он, по-прежнему угрожая револьвером.

К ним торопливо подошел еще один в форме НФТ, тот, что недавно говорил с шерифом, в сопровождении двух десантников из гарнизона штата. Их Чарли давно знал, но не дал им и рта раскрыть.

— Док, будет лучше, если вы погрузите своих вампиров в вертолет и побыстрее уберётесь отсюда. Я не позволю вам охотиться в моих угодьях.

— Мы ничего такого здесь предпринимать и не пытаемся, — почти печально покачал головой доктор. — Я говорил уже, что мы о вас наслышаны, шериф, и всегда держали своих людей подальше от греха, то есть от подвластной вам территории. Мы не любим склок, но сейчас наступил момент поставить все точки над «и». Как и все другие организации, НФТ охраняется федеральным законом… Никакие местные власти не имеют права вмешиваться в его деятельность.

Никакие, вы слышите? Не будем создавать прецедент. Прошу вас отойти в сторону и не мешать моим людям.

— Нет! — прорычал шериф, наливаясь багровым румянцем. — Не в моем графстве! — Он отступил в сторону, но револьвер не убрал. К нему вплотную подошли десантники.

— Мистер Вандеен, доктор прав, — кивнул шерифу старший. — Закон на его стороне. Не причиняйте самому себе неприятностей.

— Назад! — закричал шериф.

Внезапно в его ушах что-то лопнуло, и десантники схватили его под руки. Не обращая внимания на боль в груди, Чарли начал вырываться. Когда прибежал доктор Хойланд, шерифа уже опустили на землю. Над ним склонился врач в форме НФТ.

— Что случилось? — спросил Хойланд, вытаскивая стетоскоп. Выслушав объяснения, доктор расстегнул шерифу воротник и начал его выслушивать; потом достал шприц-тюбик и быстро сделал укол.

— Этого давно следовало ожидать, — сказал доктор, пытаясь подняться на ноги. Десантник помог ему. Лицо доктора, все в морщинах, было похоже на морду старой охотничьей собаки, да

и выражение глаз такое же задумчивое. Не надо было его волновать. Уже много лет он страдал от грудной жабы. Я много раз просил его не нервничать, но вы сами видите, как он выполнял мои рекомендации.

Начал накрапывать мелкий дождик. Доктор спрятал подбородок в воротник пальто и сделался похожим на древнюю черепаху.

Шерифа осторожно уложили на носилки, сняв с них тело парня, и отнесли в вертолет. За носилками последовали оба доктора. Внутри вертолета между отсеками, изолированными упругим стерильным пластиком, проходил узкий коридор. Шериф пришел в себя, хотя дышал тяжело и хрипло.

— Я уже пять лет уговариваю его сделать пересадку сердца, взволнованно говорил Хойланд, поглаживая шерифа по голове, как младенца. — Его собственное сердце не переносит даже слабого коктейля с содовой.

— И он, конечно, отказывался? — спросил врач из НФТ.

— Да. По поводу НФТ и пересадок у Чарли был пунктик.

— Я заметил, — сухо произнес доктор.

— А вы знаете почему?

Голоса доносились до Чарли как бы издалека, но видел он хорошо, поэтому заметил, как внесли носилки с телом, втолкнули в один из отсеков, а пластиковая стена, как большой алчный рот, приоткрылась и проглотила их.

В маленьком отсеке, куда попало тело, стены были сделаны из такого же пластика. Человек в белом, с лицом в маске, ожидал тело, стоя в позе боксера-победителя на ринге. В доли секунды тело обнажили, и человек в маске обрызгал его каким-то составом из шланга. Мокрое тело въехало в большой внутренний отсек, где его ждали «вампиры». Чарли хотел закрыть глаза, чтобы ничего не видеть, но не смог.

Операционный стол. Один единственный взмах руки с ланцетом, отшлифованный практикой — и тело вскрыто от подбородка до паха.

И началось расчленение. Из кровавой раны что-то быстро вынимали и опускали в контейнер. Чарли застонал: из-за страшной вони у него начались спазмы в желудке.

— Конечно, мне известно, почему Чарли так настроен против НФТ, это ни для кого не секрет, хотя все помалкивают. Это произошло с его маленькой сестренкой, когда он только-только поступил в полицию. Насколько я помню, ей бы-

ло шестнадцать лет. Она шла домой со школьной вечеринки. Сами понимаете, школьники-сопляки, старый автомобиль, луна, мокрое шоссе и… авария. Вы знаете, как это бывает…

— Да, да, разумеется, — печально качнул головой его коллега. — А где был медальон?

— Дома. В тот вечер она надела свое первое бальное платье с глубоким вырезом… Медальон к нему не подходил…

Глаза шерифа затягивала плотная красная пелена, но и сквозь нее он еще видел, как из тела вынули что-то трепещущее и тоже отправили в контейнер. Не в силах сдерживаться, Вандеен снова застонал.

— Ему становится хуже, — произнес доктор Хойланд. — У вас есть эти новые переносные реанимационные аппараты?

— Есть, конечно. — Врач НФТ сделал знак ассистенту, и тот тут же вышел. — Сейчас приготовят. Ну а по поводу его ненависти к нам, я могу сказать, что мы не вправе винить его, хотя это и глупо. В семидесятых годах, когда были сломлены общественные предрассудки, почти не было готовых к замене органов, а нуждающихся в срочной пересадке оказалось предостаточно. Таким образом, возникла необходимость в создании таких

запасов. Тогда же в конгрессе прошел закон о легализации НФТ. Те, кто не желал расставаться со своими потрохами, чтобы спасти другого, носили медальоны, удостоверяющие это нежелание, и таких не трогали. Отсутствие медальона означало согласие на то, чтобы у него взяли все нужное для другого человека, нуждающегося в пересадке. Это был вполне справедливый закон.

— И тем не менее это очень коварный закон, — ухмыльнулся доктор Хойланд. — Люди нередко теряли медальоны или забывали их одеть…

— И все-таки, закон этот — справедливый и честный. Ну, вот и прибор. А закон никто не обходит. Большинство религий и атеисты едины во мнении, что после смерти тело представляет собой просто набор веществ. А уж если эти биологические соединения и вещества могут послужить человечеству еще раз, то тут и спорить не о чем. Мы, то есть наша служба, забираем лишь тех, у кого нет медальона, и удаляем органы, жизненно необходимые другим. Их замораживают и отправляют во все хранилища страны. Может быть, вы считаете, что было бы лучше, если б этот здоровенный пилот кормил червей, вместо того чтобы продлить жизнь какому-нибудь бедняге?

— Нет не считаю. Я сказал просто, что думает об

этом Чарли. Мне же всегда казалось, что любой человек имеет полное право жить и умереть, как ему хочется.

Старый доктор, пыхтя от напряжения, склонился над аппаратом искусственного дыхания — нужно было поддерживать слабые легкие умирающего шерифа.

— Н-е-е-т, — выдохнул Чарли. — Уберите эту…

— Чарли, она нужна, чтобы вас спасти, — мягко сказал Хойланд.

— Эта штука будет вашими легкими до госпиталя, а там вам поставят новые. Через две недели вы будете на ногах и со здоровым сердцем впридачу.

— Нет, — простонал шериф, хотя голос его был тверд. — Это не для меня. Я жил с тем, что мне дал бог, и с этим умру. Разве я смогу жить, зная, что у меня внутри чужие легкие? — Слезы бессилия потекли по его щекам. — Может, вы пересадите мне сердце моей маленькой сестры?

— Нет, Чарли, нет. Ведь прошло столько лет. Но я вас отлично понимаю. — Хойланд сделал жест ассистенту, что принес аппарат. Мне очень хочется вам помочь!

— Лучше… не надо, док. Вы очень хороший человек, добрый друг… только у вас много глу-

пых идей.

Шерифу стало хуже. Правый угол рта приподнялся в неестественной улыбке, правый глаз закрылся.

— Вы не можете так просто отказаться от попытки спасти человека… этого человека, — доктор из НФТ был настойчив.

— У меня не было права выбора, — ответил Хойланд, тщательно прослушав грудь шерифа, и сложил стетоскоп. — К тому же, это уже не в нашей власти. Чарли умер.

— Это ничего не меняет. — Врач из НФТ торопливо подтолкнул к телу шерифа аппарат для реанимации. — Если работать быстро, можно избежать необратимых изменений в мозгу.

— Мне кажется, с этим мы тоже опоздали. Чарли много лет болел, но его сердце — это еще не все. Поглядите на его губы и глаза. Разве вы не видите симптомы паралича?

— Я, конечно, видел эти слабые признаки, но отнес их на счет побочных симптомов грудной жабы. Но мы обязаны спасти жизнь человеку, если есть хоть один, хоть маленький шанс.

— Не тот случай, — возразил Хойланд и встал между телом и аппаратом реанимации. — Как его лечащий врач свидетельствую — сердечная

недостаточность и кровоизлияние в мозг. У него есть медальон, следовательно, вам его тело не нужно. Кроме того, его органы в очень плачевном состоянии. А на реанимацию Чарли никогда бы не согласился.

Постояв в нерешительности некоторое время, доктор из НФТ вздохнул:

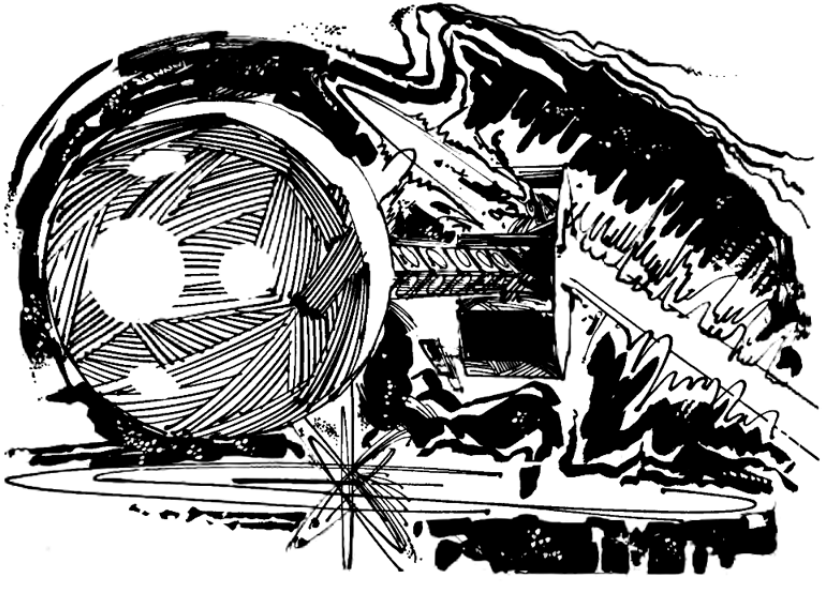
— Что ж, поступайте, как сочтете нужным, но вся ответственность ляжет на вас. Так будет указано в заключении.

— Очень хорошо, меня никто не побеспокоит. Мир меняется чрезвычайно быстро, но вы должны понять, что некоторые люди не могут к нему приспособиться и шагать в ногу со временем. Единственное, что для них можно сделать, — это дать возможность спокойно умереть.

Но его уже никто не слушал. Доктор, из НФТ ушел. Хойланд склонился над телом своего друга и закрыл одеялом застывшее лицо.

1

Полет с лунной станции на Марс представляет собой сплошное удовольствие. Пассажиры поднимались на борт ракетного омнибуса «Иоган Кеплер» и обретали девяносто два дня веселья и вкусной еды, общения и отдыха. После тридцатого дня полета все пассажиры ублажали себя именно таким образом.



И как раз в это время в нос корабля врезался метеорит. Почти смертельный удар. На своем все разрушающем пути метеорит прошел сквозь главную рубку и убил капитана Кардиса и еще двенадцать офицеров и матросов. Так как лазеры не смогли остановить метеорит, внешняя армированная обшивка смогла лишь немного смягчить его скорость, он пропорол на своем пути восемнадцать помещений и похоронил себя в грузовом отсеке, в центре похожего на барабан корабля. Во время внезапно разразившейся катастрофы поблизости оказавшиеся шестнадцать пассажиров тоже погибли и была разрушена большая часть цистерн с водой.

Положение действительно было ужасным.

В момент удара метеорита лейтенант Дональд Чейз, лежа на койке в корабельном лазарете, читал толстую книгу под названием «Повреждение костей в условиях низкой гравитации». Металлический каркас койки завибрировал, сотрясая книгу, но он несколько секунд игнорировал эту тряску.

Затем до Дональда дошел смысл происходящего. Вибрация! При движении корабля в вакууме не должно быть ни вибрации, ни толчков, ни неожиданных сотрясений. Дон отложил книгу и

вскочил на ноги как раз в тот момент, когда ожил сигнал тревоги. По его ушам ударил трубный рев сирены, в глазах зарябило от красного цвета цветовых сигналов. Затем вой сирены сменила усиленная динамиками звукозапись:

«Космическая тревога! Пробита обшивка корабля! Корабль разгерметизирован, и сейчас аварийные перегородки отделят отдельные отсеки один от другого. Выполняйте правило выживания в космосе».

В тот момент, когда зазвучала сирена, в противоположной стене каюты распахнулся аварийный шкаф, приведенный в действие тем же сигналом, что и сирена.

— Снимай и одевай! — выкрикнул Дон, автоматически повторяя выученное когда-то правило. В настоящий момент это было самое важное из того, чему его когда-то учили. Хотя он никогда не думал, что ему когда-либо придется воспользоваться этим правилом.

Он расстегнул молнию на груди своего скроенного из цельного куска корабельного костюма и, прыгая на одной ноге, сорвал его с себя. Отбросив в сторону свои легкие сандалии, он прыгнул к аварийному шкафчику.

Аварийный скафандр раскачивался на вытя-

нутой руке Дона, вынувшей его из шкафа. Это был цельнокроенный скафандр, подогнанный по фигуре так, чтобы он сидел постоянно почти в обтяжку. Шлем свободно свисал спереди, в обратную сторону от Дона, в то время как сам скафандр был почти донизу раскрыт сзади.

— Голова, правая нога, левая нога. Правая рука, левая рука, закрывай! — бормотал себе под нос Дон, повторяя наставление. Неловко ухватившись за вспомогательную подставку, Дон наклонился вперед, сунул в шлем голову. И в тот же момент ткнул свою правую руку в скафандр. Автоматический клапан подал сжатый воздух в штанину, и она разбухла, словно баллон. Как только нога дошла до конца штанин, носок нажал на специальный клапан и поступление воздуха прекратилось. Штанина скафандра плотно облегла ногу.

Затем вторая нога и рука Дона протиснулись внутрь вслед за расширяющим скафандр потоком воздуха. Дон начал засовывать пальцы в предназначенные для них выступы, и как только они оказались там, он протянул руку и нажал красную кнопку с большой белой надписью «Затвор». Запирающее устройство находилось в задней части скафандра. Оно быстро, словно насекомое,

поползло вверх, стягивая и герметизируя открытые края скафандра. Когда оно достигло шлема, тот сжался, и Дон почувствовал себя свободно. Скафандр был теперь загерметизирован.

Весь процесс одевания от начала до конца занял не больше двенадцати секунд.

Шлем Дона походил на круглый аквариум с щелью впереди в том месте, где располагался рот и нос. Металлическое покрытие этой части оставалось открытым, но готовым мгновенно захлопнуться, если давление воздуха упадет ниже пяти фунтов на квадратный дюйм. Скафандр обладал ограниченным запасом кислорода, и его следовало поберечь до того момента, когда в нем действительно возникнет нужда.

В открытом шкафу находилась еще аварийная медицинская сумка. Дон подхватил ее и бегом направился к компьютерному терминалу.

Терминал представлял собой обычную пишущую машинку, подсоединенную прямо к корабельному компьютеру. Дон быстро набрал свой кодовый номер, который идентифицировал его как офицера и корабельного врача, так что компьютер теперь знал, какую информацию ему разрешено получить. Затем Дон набрал:

— Что за тревога?

Последовала менее чем секундная пауза, во время которой компьютер проанализировал вопрос, разыскал запрашиваемую информацию и проверил, вправе ли он ее передать, а затем выдал запрашиваемое. Пишущая машинка ожила, и печатающая головка запорхала по бумаге.

«Дыра во внешней обшивке отсека 107 и еще 17 других лишены воздуха. Безвоздушные отсеки изолированы от остальной части корабля. Лишены воздуха следующие отсеки: 107ИН, 32В, 32-ВИ…»

Дон шагнул еще ближе к схеме судна и ощутил, как у него екнуло сердце, когда он увидел, что отсек 107ИН является пилотской кабиной — могучим мозгом судна.

Как только компьютер закончил выдачу списка поврежденных помещений, Дон оторвал листок и сунул его в карман на штанине скафандра. Подхватив медицинский саквояж, он выбежал из лазарета и направился к рубке.

Вероятно, в каждом из перечисленных отсеков одни мертвецы. А может, там еще есть раненые, которых еще можно спасти, если он будет действовать достаточно быстро, конечно. Но значение имел только один отсек. Пилотская рубка и работающие там люди.

Без жизни там этот огромный корабль станет просто бестолково вращающейся глыбой металла. Он пронесется по пространству, минует орбиту Марса и канет в беспросветную тьму.

Впереди находилась лестница, ведущая с палубы А на палубу Б, где размещалась рубка.

— Что случилось? Что за тревога? — спросил испуганный человек в пурпурном костюме, выскочивший из каюты и попытавшийся преградить Дону путь.

— Авария. Оставайтесь в кабине и действуйте согласно инструкции. — Дон прошмыгнул мимо него, заставив человека посторониться, хотя тот действовал достаточно расторопно. Затем Дон свернул на лестницу и ткнулся в закрытую дверь.

Это были автоматическая воздухонепроницаемая дверь, закрывающаяся, когда отсекам грозила разгерметизация. Дверь отрезала каждый отсек от соседних, чтобы предотвратить распространение этого бедствия.

На панели рядом с дверью горел зеленый сигнал — в отсеке за дверью был воздух. Дон принялся шарить в карманах в поисках специального ключа, когда за спиной послышался топот ног бегущего человека.

— Позвольте мне открыть ее, док, — выкрикнул бегущий. Дон шагнул в сторону. Это был помощник электрика Голд, также облаченный в скафандр с открытым забралом. Все члены экипажа, точнее, выжившие члены экипажа были просто обязаны облачиться в них. Голд сунул в прорезь свой ключ, и дверь тут же открылась. Но когда они миновали ее, дверь тут же захлопнулась у них за спиной. И они, временно объединившись, пошли вниз по лестнице.

В нижней части лестницы тоже оказалась закрытая дверь, и рядом с ней пылал красный сигнал.

— Они должны были выбежать, спасаясь от истечения воздуха, — произнес Голд внезапно своим севшим голосом.

— Мы должны войти туда.

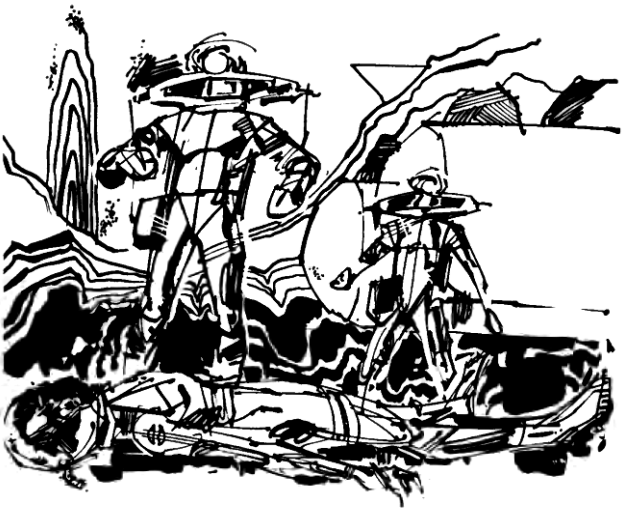
— Лучше воспользуемся этим ключом, док. Мой недостаточен для эвакуируемых помещений.

В летящем космическом корабле необходимо было беречь необходимый для жизни воздух. Лишь немногие офицеры обладали ключом, способным открыть дверь, по другую сторону которой был вакуум. Дон вставил свой ключ и повернул его.

Стало слышно, как заработали электрические

двигатели, борющиеся с воздушным давлением, которое мешало открыть дверь. Затем дверь медленно поползла в сторону. Как только появилась тонкая, как волос, нить отверстия, раздался ужасающий свист. От него едва не лопались барабанные перепонки. Это воздух вытекал из лестничной клетки.

Вдруг раздались звуки «клак», «клак» — это резко захлопнулись щитки на их шлемах. Дверь распахнулась, и они прошли сквозь нее и оказались в секции коридора, расположенной как раз перед пилотской рубкой. Воздухонепроницаемые двери по обеим ее сторонам были закрыты, образовав герметичный отсек. Перед собой они могли видеть полузакрытую дверь пилотской рубки. Закрыться ей мешало тело капитана Кандида.



Иллюстрации Bert Tanner

На них неподвижно глядели глаза капитана — голубые, пустые и замершие. На его лице застыло выражение гнева, словно он злился на них за то, что они не успели вовремя его вытащить.

Дон отвел глаза от этих обвиняющих глаз и вставил свой ключ в замок. Дверь скользнула в сторону, и они шагнули внутрь рубки. В вакууме их подошвы беззвучно хлопали по металлу палубы.

События разыгравшейся здесь трагедии можно было с ужасающей ясностью прочитать по наваленной у двери куче тел. Когда произошла авария, те, кто находился ближе к выходу, попытались им воспользоваться. Тем не менее, хотя они и боролись за свою жизнь, и офицеры, и матросы позаботились о том, чтобы капитан вышел первым. Он был наиболее необходимым человеком на борту. Двое людей, ухватившиеся за двери в попытке помешать ей закрыться и придавить капитана, все еще держались за нее скрюченными руками. Первый помощник сжимал в своей руке ключ. Он пытался вставить его в контрольный замок.

Когда дверь открылась, они упали. Все они были мертвы. Так же как и все скрюченные, в этом отсеке тела носили следы жестокой короткой агонии и были скованы космическим морозом. Дон подошел и осмотрел валяющиеся остатки радиостанции. Большой приемник был полностью выведен из строя и перевернут. Брызги расплав-

ленного металла разлетались во все стороны. Нагнувшись, Дон увидел внизу дыру, пронизывающую и термоизоляцию, и расположенные в стене баки с водой. Во тьме другой дыры виднелись звезды. Обернувшись, он увидел дырку, пробитую метеоритом на своем всесокрушающем пути на другим конце рубки.

Здесь ему нечего было больше делать. Следовало позаботиться о живых. Когда он уже повернулся, чтобы уйти, то заметил, что помощник электрика Голд подает ему знаки левой рукой. Они сблизились и соприкоснулись шлемами.

— Можно ли будет залатать эту дыру? — спросил Дон — его голос передавался колебаниями через материал шлема.

— Конечно, это достаточно легко, док. Здесь имеются временные заплаты, которые будут удерживать герметичность достаточно долго, пока бригада ремонтников не выйдет наружу и не произведет капитальный ремонт. Но все это не так важно.

— Что вы имеете в виду?

— Взгляните на эти тела. Их слишком много. Не может столько людей находиться одновременно в рубке. И взгляните на эти золотые галуны.

В спешке, охваченные благоговейным стра-

хом, они переворачивали каждого мертвеца и заглядывали ему в лицо. Когда они снова соприкоснулись шлемами, Дон высказал мысль, уже давно мучившую их:

— Капитан, по-видимому, проводил собрание всех офицеров. И они здесь все до единого!

Голд серьезно кивнул в ответ, и его шлем при этом скользнул по шлему доктора.

— Все палубные офицеры, — заговорил Голд. — И даже второй инженер. Остается надеяться, что мы не найдем здесь главного инженера Хольтца, и что с ним все в порядке.

— Не может быть, чтобы и он…

— Это правда, доктор. Если главный инженер мертв или только ранен, то вы единственный из оставшихся в живых офицеров корабля.

— О, позаботьтесь об этом корабле.

2

В пилотской кабине пилот был уже не нужен. Путь преграждали обломки разрушенного пульта, и как только они расчистили проход к двери, Дон отправился назад, к сохранившим воздух отсекам. К двери в верхней части лестницы был уже приделан временный воздушный шлюз, и Дон направился к нему. Как только давление вдавило клапан на его груди, его щиток моментально раскрылся, и Дон полной грудью вдохнул воздух корабля. Он набрал номер на ближайшем к нему видеофоне, предварительно сверившись со справочником. Это был номер аварийной рубки. Линия была занята, но зеленый цвет индикатора недвусмысленно сигнализировал, что вызов его зафиксирован и его соединят при первой же возможности.

Дон нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Путешествие оказалось совсем не таким, на какое он рассчитывал. В те дни космическая служба растеряла почти весь свой романтический ореол. Множество молодых врачей, таких же выпускников медицинского колледжа, как и Дон,

пользовались бесплатным проездом на космических лайнерах, чтобы обеспечить свое будущее. Для врачей было много вакансий на орбитальных станциях и планетных базах. Поступление на корабль давало удобную возможность присмотреться к ним, прежде чем принять окончательное решение. Кроме того, это давало приятное разнообразие после многих лет, проведенных в мединституте. Приятное! Дон улыбнулся своему отражению на экране — и как раз в этот момент зазвучал сигнал выхода в эфир.

— Говорит доктор Чейз, — произнес Дон, обращаясь к измученному старшине, чье изображение появилось на маленьком экране.

— Для вас есть работа, док. Пассажир в тяжелом состоянии лежит возле отсека 32. Пока вы будете заниматься им, я получу сведения о других нуждающихся в вашей помощи.

— Понял, бегу!

И он побежал. При несчастном случае минуты и даже секунды могут провести грань между жизнью и смертью.

В конце коридора рядом с отсеком 32 лежал седовласый человек и над ним склонилась юная девушка. Она была одета в желтый спортивный костюм с одним рукавом. Когда она отодвину-

лась, Дон заметил, что она оторвала левый рукав, чтобы перевязать голову лежащего на полу человека. Сквозь повязку проступали пятна крови.

— Я не трогала его, доктор, только постаралась остановить кровотечение.

— Вы поступили совершенно правильно, — ответил Дон, опускаясь на колени и открывая сумку.

Первым делом он натянул медицинский анализатор на безжизненное запястье больного. Ремешок сжался и автоматически поместил инструмент в нужное место. Дрогнули, оживая, шкалы прибора, и Дон сразу увидел, что давление крови у пациента совсем низкое, пульс слабый, а температура нормальная. Кожа была холодная и липкая. Шок. Это было единственно возможным предположением. Прежде чем взглянуть на рану, Дон достал пульверизатор для подкожных впрыскиваний и ввел прямо через кожу, не проколов ее, антишоковый препарат, Когда он снял самодельную повязку, то с облегчением увидел, что рана гораздо менее серьезная, чем это можно было предполагать по состоянию больного.

Рана была неглубокой, всего лишь неровный разрез кожи. Но кровотечение было настолько обильным, что для ее нетренированного взгляда

положение казалось удручающим. Дон прыснул на рану кожным коагулянтом. Коагулянт засохнет и предохранит кровотечение до тех пор, пока он не сможет заняться пациентом в условиях операционной.

— С ним все будет в порядке, — успокоил девушку Дон. Были ли вы с ним рядом, когда все это случилось? Не ранены ли вы сами?

— Нет, со мной все в полном порядке. Я просто спускалась по коридору и обнаружила его лежащим в луже крови. После того, как я наложила повязку и вызвала помощь, я обнаружила эту штуку в стене. Но я не имею ни малейшего представления о том, как она там оказалась.

Она указала на зазубренный край куска металла, врезавшийся в стену коридора напротив двери в отсек 32B. Рядом с запертой дверью пылал красный сигнал.

— Это просто невезение, — заметил Дон. — Как раз в тот момент, когда он проходил мимо двери, в этом отсеке произошел взрыв, и этот кусок металла пролетел свободно через дверь и ударил его. — Дон не добавил, что кусок металла был порождением метеорита и что этот отсек сейчас лишен воздуха. Металл, видимо, успел пролететь через дверь еще до того, как она успела захлоп-

нуться.

Из говорящего коридорного динамика раздались сигналы, предшествующие объявлению, которое было слышно одновременно во всех отсеках огромного корабля. Последовала секундная пауза, потом кто-то откашлялся и начал говорить:

— Прошу внимания! Говорит главный инженер Хольтц. Меня просили информировать всех находящихся на судне, и пассажиров, и членов команды, что наш лайнер попал в аварию. В нас врезался метеорит.

Пораженная девушка задохнулась и в ужасе спрятала лицо в ладонях.

— Все в порядке, — быстро произнес Дон. — Это не опасно. Пробито несколько отсеков, но их быстро починят. — Про себя же он подумал, что Хольтц, конечно, хороший инженер, но однако же, совершенно не знает людей, раз делает подобные пугающие заявления. Усиленный динамиком голос тем не менее продолжал:

— Аварийная бригада информировала меня, что пробитые отсеки изолированы и уже ремонтируются. Пассажирам приказываю оставаться на своих местах или там, где они сейчас находятся. Ни в коем случае не перемещаться по кораблю.

Члены экипажа хорошо знают свое дело, и вы будете только мешать им. Это все.

К ним поспешно приблизился одетый в скафандр матрос, несущий носилки.

— Меня послали из аварийной бригады, сэр, — начал он. — Они передали также и сообщение для вас.

Он достал из кармана сложенную узкую полоску бумаги и передал ее Дону. Это была машинная распечатка, содержащая сведения о всех раненых, о которых успели получить сведения в столь короткое время. Дон взглянул на лежащего рядом человека.

— Этого человека следует немедленно доставить в лазарет, приказал он. — Но вам нужен еще кто-нибудь, кто бы мог помочь отнести эти носилки…

— Я могу помочь, — вмешалась девушка.

Дон оглядел ее и быстро принял решение. Она выглядела молодой и достаточно сильной, чтобы выдержать этот груз.

— Хорошо, — согласился он. — Кстати, можете остаться с пациентом в лазарете.

— А как насчет меня, док? — спросил матрос.

— Принесите носилки назад. Я буду возле отсека 89НА. И постарайтесь по дороге подобрать

кого-нибудь себе в пару.

Человек в отсеке 89НА был мертв. Так же как и двое следующих в списке. Это была супружеская пара. Холод вакуума безжалостный убийца, который не щадит никого. Но были и уцелевшие люди в отсеках, которые подверглись разгерметизации последними, и из которых воздух уходил достаточно медленно, чтобы среагировать на это и спастись. Дон выводил их из шока. Сшивал порванные кровеносные сосуды и серьезные раны. Раненых было ничтожно мало по сравнению с числом мертвых. Он как раз бинтовал обмороженные руки, когда ожил громкоговоритель:

— Лейтенант Чейз, немедленно вернитесь в рубку управления. Совещание командного состава.

«Очень маленькое совещание», — с грустью подумал Дон. Все пациенты в лазарете лежали спокойно. Некоторые спали. Юный матрос как раз убирал носилки на место, когда Дон окликнул его:

— Рама, как ты думаешь, сможешь ли ты присмотреть за ними, пока я схожу в рубку?

Рама Кизим служил матросом, но мечтал стать врачом. Он отдавал большую часть своего жалованья, чтобы иметь возможность в будущем

поступить в один из мединститутов в своей родной Индии. В свободные от вахты часы он всегда был рядом с Доном, стараясь выучить все, что только мог.

Аварийная команда еще раньше сообщила, что все дыры залатаны, так что скафандр можно было снять. Но у Дона не было времени, пока он занимался ранеными. И теперь он с удовольствием вылез из жаркого скафандра и, прежде чем надеть чистый мундир, быстро сполоснулся.

Он проделал тот же, что и раньше, путь в рубку управления. Только все двери теперь были открыты. Ступив на нижние ступени лестницы, ведущей на палубу А, он обнаружил, что поручни холодны на ощупь. Стены были покрыты сконденсировавшейся из воздуха влагой. Они, правда, должны были достаточно быстро нагреться, и влага испарится.

Тела из рубки были уже убраны, а на пробитую в рубке дыру наварена тяжелая металлическая плита. Кто-то трудился над разрушенной радиостанцией, и ее детали в беспорядке были разложены прямо на полу. Вначале Дон подумал, что находится здесь один, но потом услышал покашливание и заметил, что кто-то сидит в пилотском кресле. Это был главный инженер

Хольтц.

— Входи и закрой дверь, — приказал хладнокровно Хольтц, когда оглянулся и заметил вошедшего Дона. — Садись, лейтенант, у нас много о чем есть поговорить, — он казался очень несчастным, когда указал на кипу бумаг, зажатую в руке.

Дон опустился в кресло и стал ждать, пока Хольтц продолжил бы разговор. Ожидание затянулось. Хольтц, склонившись над бумагами, медленно перелистывал их, словно в них был спрятан ответ на все вопросы, которые в настоящий момент мучили его. Инженер был немолодым человеком и казался еще старше из-за обрушившихся на него шокирующих событий нескольких последних часов. Под глазами у него были большие черные мешки, а кожа под большим подбородком свисала складками.

— Все складывается очень плохо, — начал он.

— Что вы имеете в виду, сэр? — подавляя жгучее нетерпение, спросил Дон. Хольтц был старшим из оставшихся членов команды корабля и теперь автоматически становился его капитаном.

— Достаточно взглянуть сюда, — гневно тряс бумагами Хольтц. — Все офицеры, кроме нас двоих — мертвы. Как это могло случиться, я вас

спрашиваю? И этот летящий кусок скалы разрушил к тому же нашу радиостанцию, так что теперь мы оказались и без связи. Спаркс возится с аварийным устройством, но его мощность весьма и весьма ограничена. Но дело не только в этом. Почти половина нашей воды улетучилась, вытекла наружу в образовавшуюся дыру. И на этом маршруте нет ни единого судна, которое могло бы оказать нам помощь. Кошмар!

Дон почувствовал, что надо что-то сделать, чтобы прервать этот список свалившихся на него несчастий.

— Дело плохо, сэр, не спорю, но это еще не смерть судна. Смерть капитана и других офицеров — это, конечно, трагедия, но мы просто обязаны научиться жить без них. Мы просто обязаны и можем довести корабль до цели. Корабль на верном курсе, и когда мы достаточно приблизимся к Марсу, то сможем радировать сигнал бедствия и они вышлют спасательную команду. Корабль герметичен и исправен. Вы можете рассчитывать на любую помощь с моей стороны, на которую я только способен, — он улыбнулся. — Мы выкарабкаемся, капитан.

— Капитан! — Хольтц вскочил на ноги с вытаращенными от удивления глазами.

— Конечно. Что тут удивительного, вы старший офицер, и теперь это звание автоматически переходит к вам…

— Нет! — энергично замотал головой Хольтц. — Я — главный инженер! Мое дело — атомный реактор и другое оборудование. Я ничего не знаю об управлении судном, абсолютно ничего! Прошу прощения, но я не могу покинуть машинное отделение. Если хотите назвать кого-то капитаном, то назовите капитаном себя.

— Но… я просто врач, — запротестовал Дон. — Это мой первый космический плановый полет, к тому же… Вы должны…

— Не учите меня, как я должен поступать. Я сам скажу вам, я должен быть в машинном отделении и не могу его покинуть. Вы являетесь капитаном этого судна до той минуты, пока на его борт не ступит другой офицер. Рядовые знают свое дело, и вы можете рассчитывать на любую помощь с их стороны, — гнев Хольтца внезапно испарился, но когда он сложил на коленях свои руки, Дон увидел, что они дрожат.

— Вы молоды, — пояснил Хольтц. — И найдете возможность проделать все эти работы. А я не могу. Вы же знаете, что я ухожу в отставку. Чего греха таить, это был мой последний полет. Я хо-

рошо знаю реактор и инженерное оборудование. И я отдаю себе отчет, где я нужнее. — Он выпрямился и поглядел в глаза Дону. — Именно так и должно быть. Так что принимайте командование судном.

Как раз в тот момент, когда Дон начал протестовать, открылась дверь и в рубку вошел математик Бойд. Он быстро отсалютовал в сторону капитанского кресла и повернулся к двум офицерам.

— У меня есть данные наблюдения, — начал он, но Хольтц прервал его.

— Вы доложите их лейтенанту Чейзу. Я же должен вернуться в машинное отделение. Мы договорились, он принимает командование кораблем. До появления на корабле другого офицера. Доложите ему.

Когда Хольтц кончил говорить, он поднялся и щелкнул каблуками. Говорить было не о чем. Главного инженера нельзя было заставить принять на себя командование кораблем. Выход не было. Вычислитель повернулся к Дону и протянул ему кусочек бумаги.

— Это коррекция курса, док. Выведена из предыдущих измерений. Первая, после столкновения с метеоритом.

Дон тупо уставился на ряд чисел в этом листке.

— Что все это означает? Вам следует об этом внести мне хоть какие-то разъяснения.

— Я и сам не больно уж разбираюсь в этом, док, — признался вычислитель. — Но я работал вместе с пилотом. Он говорил, что нужно провести эту коррекцию во время следующей вахты. Но теперь — не знаю. Эта, сказал, нанесла нам удар как раз в плоскости вращения и она имела достаточную массу и скорость, чтобы как-то воздействовать на корабль. Не замедлить вращение настолько, чтобы оно стало заметным. У нас все еще около одного «же», но все же изменить его ось, так чтобы корабль стал прецессировать.

Дон вздохнул и протянул лист назад.

— Вы должны попробовать объяснить все попроще, чтобы я понял хотя бы половину из всего этого, или хотя бы хвост проблемы.

Вычислитель не принял шутки.

— Так вот, главная ось корабля в направлении тяги атомных сопел совпадает с нашим курсом. По крайней мере так всегда было и должно быть при любой коррекции курса. Но сейчас мы начали кувыркаться — это, понимаете ли, такое движение, когда корабль вращается в направлении нос — корма. Пока это происходит, мы не имеем возможности провести коррекцию

курса. А если мы не проведем коррекцию, док, то промахнемся мимо Марса и навечно уйдем в межзвездное пространство.

Дон кивнул. Это он мог понять. Что-то нужно было предпринять и притом быстро, и он был единственным человеком на борту, который мог это сделать. Хольтц не поможет, а больше на борту «Иогана Кеплера» не было ни единого офицера и человека, к которому он мог бы обратиться за помощью.

— Ладно, Бойд, — ответил он. — Я позабочусь об этом. Но, если я справлюсь, вы должны перестать называть меня док.

— Есть, сэр, — ответил вычислитель, выпрямляясь и отдавая честь. — Я понял, капитан.

3

— Вы вызывали меня, сэр?

Дон поднял глаза и увидел стоящего у входа в офицерскую кают-компанию главстаршину Курикку. Дон сделал ему знак приблизиться.

— Входите, старшина. Через полчаса я должен провести здесь собрание, но для начала хотел бы переговорить с вами. Если кто и способен ответить на мои вопросы, касающиеся «Иогана Кеплера», то это можете быть только вы. — Дон указал на стоящую перед ним на столе модель лайнера. — Я слышал, вы летаете на этом корабле со дня его выпуска?

— Больше, сэр. Я работал в бригаде монтажников, которые собирали «Большого Джо» на околоземной орбите. Затем я перешел на космическую службу и остался на его борту.

Высокий финн с огненными волосами и голубыми глазами выглядел моложе своих лет.

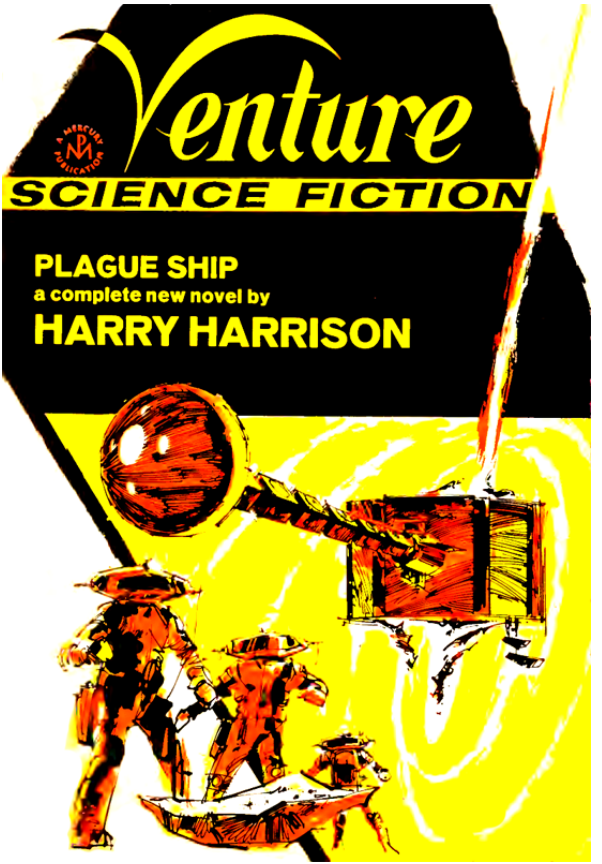
— Это лучше, чем я думал, — сказал Дон. — Думаю, вы сможете разъяснить мне, что это за прецессия и качание и почему это так беспокоит вычислителей.

Курикка кивнул, отцепил модель корабля от подставки и поднял на уровень груди.

— Способ, с помощью которого нам описали «Большого Джо», когда мы его строили, лучший из известных мне способов. Большой барабан, связанный топливопроводом с баскетбольным мячом.

— Вы правы, однажды услышав такое, потом невозможно забыть.

— Топливопровод проходит сквозь торцы барабанов, образуя небольшой выступ с одной стороны, а все остальное расположено с другой.


A MERCURY PUBLICATION
Venture
SCIENCE FICTION
PLAGUE SHIP
a complete new novel by
HARRY HARRISON

Шар находится на длинном конце трубы. В нем расположен атомный реактор и машинное отделение. Там, где шар прикрепляется к трубе, за слоем изоляции и расположено машинное отделение. Все остальное, что есть на корабле, помещается в барабане. Когда мы находимся в полете, весь корабль вращается вокруг главной оси центральной трубы.

— Пока мне все понятно, — произнес Дон и щелкнул пальцами по барабану. — И барабан вращается так быстро, что центробежные силы генерируют здесь на поверхности палубы А гравитационное поле, эквивалентное одному «же». Это самая наружная палуба и она, так же как и все остальное, тянется вокруг всего барабана. Пол под ногами — это внешняя обшивка корабля. Поднявшись на один этаж вверх на палубу, мы на самом деле просто приближаемся к оси вращения. Еще выше расположена С-палуба, последняя герметичная палуба, на которой расположены грузовые отсеки и склады. Внутренняя часть барабана не герметична и предназначена только для груза. Так?

— Абсолютно, сэр! — бесстрастное лицо Курикки, — казалось, вот-вот расплывется в улыбке. Но этого не произошло. Дон крутнул рукой трубу,

так что модель начала вращаться, и одновременно направил барабан на висящую над столом лампу.

— Вот так и летит корабль, вращаясь в полете. И он направлен на эту лампу, которую мы будем считать Марсом.

— Это не совсем верно, сэр. После старта и остановки двигателей корабль разворачивают кормой вперед, так что наши главные сопла направлены теперь в сторону Марса. Обсерватория расположена здесь, в коротком отрезке проходящей через барабан трубы, и смотрит назад, на пройденный нами путь.

Дон повернул модель и внимательно посмотрел на нее.

— Значит, вот так мы движемся и одновременно вращаемся? Так что же не в порядке?

— Ось нашего вращения, проходящая через центральную трубу, должна быть строго параллельна нашему курсу, — ответил старшина. — Только в этом случае проходящие через нос или корму дюзы могут ускорить или замедлить скорость корабля, не изменяя его курса. Мы придем в ту же точку пространства, но либо раньше, либо позже. Если же необходимо изменить курс, то используют расположенные в плоскости баланса

центральной трубы боковые дюзы, способные изменить курс на нужный градус. Сейчас ничего этого сделать нельзя.

— Почему?

— Потому, что под воздействием метеорита сместилась ось нашего вращения. Она больше не параллельна нашему курсу, и это отклонение продолжает расти. Это движение очень медленное, но оно существует. Мы кувыркаемся в пространстве и не имеем возможности провести коррекцию, пока не устраним это кувыркание.

— И если не произвести коррекции, то мы промахнемся мимо Марса?

Старшина Курикка, сразу посерьезнев, утвердительно кивнул головой. Последовавшее за этим продолжительное молчание было прервано оживленным стуком в двери кают-компании. Старшина подошел и открыл ее. За дверью стоял вычислитель Бойд.

— Три ноль-ноль, капитан, — произнес он. — Каптенармус здесь со мной, а командор Хольтц велел передать, что скоро будет.

— Тогда входите. Мы сможем начать и без него.

Они вошли в комнату, сопровождаемые человеком, которого Дон никогда не видел. То был

меднокожий парень с прямыми, черными, чуть тронутыми сединой волосами и большими волнистыми усами. Явно один из пассажиров, но что ему здесь надо? Но прежде чем он успел задать этот очевидный вопрос, вперед шагнул каптенармус Дженнет. Он родился в Швейцарии и был обучен делу управления гостиницами. Так что даже после многих лет, проведенных в космосе, он все еще распространял вокруг себя ощущение роскоши гостиниц, в которых работал. Но на этот раз он ограничился легким поклоном и представил пришедшего с ним человека.

— Надеюсь, вы простите мою вольность, капитан, выразившуюся в том, что я позволил привести с собой этого человека, с которым я желал, чтобы вы познакомились. Это доктор Угалде из университета в Мехико. Он один из самых известных математиков Земли. Я подумал, что, — продолжал он, понизив голос, — что в связи с гибелью офицеров он сможет оказать столь необходимую для нас помощь.

Дон не мог сердиться. Конечно же, каптенармус не имел права принимать какие-либо ответственные решения, не испросив на это его согласия. Но и он, доктор медицины, не имел права действовать, как капитан. Оба поступка уравновешивали

друг друга.

— Благодарю вас, — сказал Дон, — Хорошая мысль, и я должен был и сам подумать об этом. Тем более, что математика, кажется, и является сутью наших проблем.

— Не ожидайте от меня слишком многого! — возбужденно размахивая руками, произнес Угалде. — Математика, которой занимаюсь я, и математика космических полетов по сути совершенно разные вещи, между ними дистанция огромного размера. У меня нет опыта…

— Ни у кого из нас нет нужного опыта, — прервал его Дон. — Мы должны добыть его сами, так что нам непременно понадобится ваша помощь. Я прошу только не рассказывать пассажирам, как много мы потеряли офицеров и в каком положении очутились.

— Слово чести, — ответил Угалде, застыв по стойке смирно и вытянув руки по швам. — Мои предки сражались за свободу своей родины. И многие сложили головы в этой борьбе. Я могу сделать не меньше.

Дон не совсем уловил связь между словами Угалде о его предках и нынешнем положении, в котором они очутились, но тем не менее утвердительно кивнул и пригласил всех садиться. Затем

он изложил их проблемы и трудности, учитывая то, что по существу все они дилетанты в подобном вопросе.

— Такова картина, — закончил он. — И она не больно радостна. Бойд, расскажите, как обычно проводится коррекция курса.

Вычислитель прикусил губу и стал нервно оглядываться по сторонам.

— На самом деле я ничего не знаю и не могу рассказать об этом, сэр. Пилот давал мне уже подготовленные для машины данные, а я лишь проверял правильность набивки и скармливал их компьютеру. Иногда, в сомнительных случаях, мы передавали эти цифры в Марсианский центр для дополнительной проверки. У них там более мощный компьютер и штат математиков. — Его глаза неожиданно расширились, словно в голову только что пришла неожиданная идея. — Скажите, а нельзя ли сейчас сделать то же самое? Я имею в виду, запросить помощь по радио?

Дон уныло покачал головой.

— Мы не можем этого сделать, и я не хочу, чтобы информация об этом вышла за пределы комнаты. Главный передатчик уничтожен. Радисты собирают аварийный передатчик и приемник, но мы не знаем, когда они будут готовы

и какова мощность сделанного ими аппарата. Так что, по крайней мере сейчас, мы должны забыть о помощи извне. — Он повернулся к математику. — Можете ли вы помочь нам в этой проблеме? — спросил он.

Доктор Угалде тут же вскочил и стал вышагивать по каюте, заложив руки за спину. Видимо, так ему лучше думалось.

— Невероятно, немыслимо, — бормотал он. — Астронавигация, как и вся прикладная наука, далеко отошла от чистой математики. Я ничего не знаю о силах и системах измерений, включаемых в нее. Проблема трех тел… Это, конечно же, не трудно, но…

— Но вы думаете, что поговорив с Бойдом и просмотрев материалы предыдущих расчетов, вы, возможно, доберетесь до сути?

— Я попытаюсь, вот все, что я могу обещать, я попытаюсь.

— Хорошо. Сообщите мне, к какому заключению вы придете. — Дон взглянул на исписанный второпях лист бумаги. — Перед нами стоит еще одна проблема. Когда была пробита обшивка, мы потеряли слишком много воды.

— Мы умрем от жажды! — вскричал доктор Угалде, снова вскочив на ноги. Видимо, он во-

очию увидел перед собой безводные пустыни Мексики.

— Нет, проблема не в этом, — улыбнувшись, ответил Дон. — Корабль — это замкнутая система, и вода в ней непрерывно регенерирует. Но я говорю о воде, которая выполняет другую функцию. Она циркулирует в двойной внешней обшивке и выполняет функции радиационного экрана, защищающего нас от радиации поясов ван Аллена, а при отлете с Земли — от солнечной радиации все остальное время. Сейчас период спокойного солнца, так что я думаю, нам нечего опасаться радиации. Однако мы должны все время дышать. А вода является необходимой частью, составляющей систему очистки воздуха «Большого Джо». Вода, в которой живут водоросли, непрерывно циркулирует за прозрачной обшивкой. Эти водоросли поглощают выдыхаемый нами углекислый газ и перерабатывают его в кислород, без которого мы не можем жить. Множество этих водорослей погибло, и они не смогут быстро восстановить свою численность.

— Что тут мы сможем сделать? — спросил каптенармус.

— Мы не можем перестать дышать, — ответил Дон. — Но мы должны исключить горение,

которое очень сильно поглощает кислород. Я заметил, что многие пассажиры и матросы курят. Сейчас эта привычка, после того, как из табака были удалены летучие внешние канцерогены, кажется, снова становится популярной. Я хочу, чтобы все сигареты, трубки, спички и прочее были конфискованы и отданы мне. Можете позаботиться об этом?

Каптенармус кивнул.

— Мне в помощь потребуется по крайней мере двое матросов, но я могу все это взять на себя.

— Хорошо. Значит, я возлагаю это на вас.

Дон взглянул на свой лист и нахмурился.

— Следующий вопрос печален, но необходим. Тела погибших пассажиров, офицеров и матросов следует поместить в безвоздушный трюм для последующей доставки на Марс. Однако я обнаружил в сейфе капитана Кандида его завещание. Сказано там, и довольно ясно, что он хочет быть похороненным в космосе. И, если возможно, то из своего корабля. Я думаю, это не оставляет нам выбора. Кто что-либо знает об этом ритуале?

— Я, сэр, — ответил Курикка. — Если позволите, я с удовольствием возьму эту церемонию на себя. Я десять лет сумел прослужить с капитаном Кандидом.

Прежде чем Дон сумел ему ответить, зазвонил стоящий на столе телефон. Дон согласно кивнул старшине и поднял трубку.

— Капитан слушает, — ответил он, слегка стесненно, так как еще не привык употреблять этот титул в присутствии людей, хотя никто и не думал протестовать. Он выслушал сообщение, ответил, что понял, и повесил трубку.

— Это нужно знать нам всем, — спокойно проговорил он. — Звонил радиооператор. Он собрал радиоприемник и сумел поймать Марсианский центр. Сигнал был очень слаб и почти потерялся на фоне помех, но он записал его на пленку и попытается выудить из него кое-какую информацию. Он сказал, что они все время повторяют одно и то же сообщение. Наши позывные, он сумел разобрать это, и краткое сообщение. Он не сумел разобрать детально, но кое-что понял. Они снова и снова повторяют слово «опасность». И какие-то кодовые слова типа «солнечные пятна».

— Это совсем не кодовые слова, — произнес входящий в кают-компанию главный инженер Хольтц. — Именно это я и пришел вам сказать. Я обнаружил это с помощью встроенных в обшивку инструментов. Идет солнечный шторм. — Прежде чем окончить свою речь, он сделал паузу и

судорожно вздохнул.

— Солнечный шторм! Это значит, что мы можем считать себя мертвецами прямо сейчас!

4

— Это не причина для паники, и я не хочу, чтобы мы поддались ей! — Голос Дона перекрыл гомон голосов. — Я хочу, чтобы стало тихо!

Это сработало. Вышколенные члены экипажа привыкли следовать приказам, так что они тут же выполнили и эту команду. Доктор Угалде затих, так же как и все остальные. Дон вскочил на ноги и продолжал стоять, переводя взгляд с одного на другого, заставляя их сесть силой этого взгляда. Хольтц все еще стоял в дверном проеме. Но, как только он открыл рот, чтобы заговорить, Дон гневно ткнул пальцем в его сторону.

— Главный инженер Хольтц, закройте дверь и сядьте. Затем подайте рапорт в надлежащей форме. И без лишнего фатализма, если сможете!

Дон не хотел обижать старого человека, но он и не хотел, чтобы тот излишне распространял панику. Инженер вспыхнул и стал что-то объяснять, но Дон прервал его:

— Я сказал — сядьте. — Приказ был вполне ясен. Дон гневался, и гнев этот явственно прослушивался в его голосе.

Мгновение Хольтц колебался, затем его плечи поникли. Он закрыл дверь и рыхлой массой опустился в кресло. Когда он заговорил снова, то говорил тусклым, смирившимся с поражением голосом:

— К чему бороться? Этот полет должен был бы быть последним для меня, а теперь он будет последним и для всех нас…

— Что показали ваши приборы? — прервал его Дон.

Голова главного инженера, по мере того, как он говорил, опускалась все ниже и ниже, а голос настолько ослаб, что все вынуждены были напрягать слух, чтобы разобрать его слова.

— Солнечная радиация растет и растет постоянно. Я знаю почему. Солнечные пятна… Солнечный шторм… и нет возможности защититься.

— О чем он говорит? — спросил каптенармус. — Мы много раз проходили через солнечный шторм и всегда без каких-либо осложнений. Почему же мы должны беспокоиться сейчас?

— Можно я отвечу? — спросил Курикка, и Дон утвердительно кивнул головой.

— Наша главная беда в том, что мы потеряли слишком много воды. Вода, циркулирующая в двойной обшивке корабля, задерживает большую

часть заряженных частиц, из которых и состоит солнечный шторм, замедляя и останавливая их. Действуя так же, как и атмосфера Земли. Теперь же, после потери почти половины воды, ее толщина стала недостаточной, чтобы задерживать радиацию. И раз Марсианский центр объявил тревогу, значит, этот шторм сильнее обычного. Он должен быть достаточно силен, чтобы справиться с нами.

— Но мы должны справиться с ним! — вмешался Дон. — Имеются ли какие-нибудь специальные меры на случай небывало сильного шторма?

— Имеются, сэр. Мы разворачиваем корабль шаром с реактором в сторону Солнца. Таким образом, между Солнцем и машинным отделением оказывается вся масса реактора и защищает его. А вся вода впрыскивается в аварийные камеры в той стенке барабана, которая обращена в сторону Солнца. До тех пор, пока корабль сохраняет правильную ориентацию, такой защиты вполне достаточно.

— Хватит ли у нас воды для подобного трюка? — спросил Дон.

Выражение лица главстаршины не изменилось во время этого вопроса. Не изменилось оно и во время ответа:

— Нет, сэр, не хватит.

— Но машинное отделение все же будет защищено?

— Это верно.

— Тогда это решит половину наших проблем, — улыбнулся Дон. — Поместив пассажиров и команду на опасное время в инженерный отсек, мы по мере возможности гарантируем им выживание. Каптенармус, возьмите это на себя.

Главный инженер стал что-то возражать насчет места, но Дон жестом призвал его к молчанию.

— Теснота нам не повредит. И радиация не убьет нас. Для каждого найдется место. Но сначала мы должны найти способ развернуть корабль. Мы должны работать теперь как можно быстрее, так как не знаем, сколько времени у нас еще есть в резерве. Да, Бойд?

— Я думаю, что смогу помочь в этом немного, — произнес вычислитель. — Те сообщения, что мы принимали раньше, во время солнечных вспышек, необходимо внести в компьютер. Так как эти сообщения многократно повторялись, неизбежно должно было произойти накопление информации. Машина выловит смысл в предложенных ей фрагментах и скомпонует из них текст сообщения.

— Звучит разумно, — согласился Дон. — Ну что же, попробуйте расколоть эту запись.

— Есть, сэр, — ответил Бойд и двинулся к двери, стараясь не бежать до тех пор, пока хотя бы не минует дверной проем.

Так как работы хватало на всех, то все получали надлежащие инструкции и по очереди удалялись. Только когда все ушли, Дон обнаружил, что он ничего не может сделать с мучившими его проблемами до тех пор, пока они не вернутся с новыми данными. Его медицинские проблемы были решены мгновенно. Он еще раньше залечил все мелкие царапины и раны, а двое, пострадавших относительно тяжело, находились в лазарете под наркозом. Оба они были подключены к автоматическому диагносту, непрерывно контролирующему давление крови, температуру, дыхание, пульс, мозговые излучения и все остальное, за чем следовало следить. Если хоть один из них изменится в худшую сторону, его мгновенно предупредит об этом висящий на поясе сигнализатор.

Некоторое время его никто не беспокоил, и он решил, что некоторое время может побыть один. О сне не могло быть и речи. Для него найдется время и позднее, если они сумеют избежать

внешних опасностей. Но пока он раздумывал над этим, ноги сами приняли решение, вынесли его в коридор и понесли к ближайшему лифту. Обсерватория! Конечно же, именно туда ему хотелось пойти. Пока лифт медленно полз по своей шахте, Дон связался с рубкой и сообщил, куда он направился.

Лифт поднимался от внешней обшивки судна к центральной трубе, соединявшей воедино обе секции космического корабля. Когда лифт остановился и дверь скользнула в сторону, Дон ухватился за дверной проем и кинул свое тело вперед. С натренированной легкостью он вылетел из лифта и поплыл в воздухе. Как только его руки коснулись дальней, обитой кожей стенки трубы, он ухватился за одну из размещенных здесь гибких петель и швырнул свое тело по направлению к обсерватории. С тех пор как корабль выключил двигатели и перешел на свободный полет, здесь не было ни ощущения веса, ни гравитационных сил. Вращение корабля порождало на внешних палубах центробежные силы. Но здесь, вблизи оси корабля, эти силы не ощущались, и он мог плыть по воздуху, как рыба в воде. Как только он коснулся кнопки, дверь в лабораторию открылась и он вплыл внутрь.

Как всегда при виде этого невероятного зрелища у него перехватило дыхание. Звезды, звездные реки, целые скопления медленно вращались перед ним.

Обсерватория представляла собой большой шар, размещенный на конце центральной трубы, на выходе из барабана. Так как за его стенами не было воздуха, который размывал и размазывал бы очертания звезд, то здесь они не мерцали. Они казались горячими точками света различных цветов и яркости, заполняющих шар тьмы вокруг. Легко забывалось прозрачное покрытие, и человек переполнялся ощущением, что он с ними, среди них, является частью бесконечной Вселенной.

Здесь сбоку было и Солнце, свет которого автоматически приглушался материалом купола. Оно напомнило Дону о шторме, уже сорвавшемся в стремительном рывке с этой огненной поверхности, и он глянул на свой счетчик радиации. Уровень ее слегка вырос, но не настолько, чтобы стать опасным. Хольтц говорил о равномерном нарастании. Сколько же у них времени до удара частиц собственно шторма? И что он может сделать, чтобы сохранить жизнь всех этих людей, оказавшихся на его попечении? Дон прижал свои

кулаки к прохладной поверхности купола.

Если и существовало время предаться отчаянию, то именно сейчас, когда он был один и никто не мог его увидеть. Он чувствовал себя уставшим, почти опустошенным и страстно желал вновь оказаться на своем месте. Здесь во тьме он лишь улыбнулся этой мысли. На корабле больше никого не было — остались лишь матросы. Как врач, он был приучен к ответственности брать на себя жизнь и смерть людей. Принимая клятву Гиппократа, он никак не мог предположить, что она может включать в себя необходимость стать капитаном космического корабля. В мединституте он не проходил этого! Дон снова улыбнулся при этой мысли и почувствовал себя лучше. Он должен выполнить эту работу наилучшим образом, на какой только способен. Ничего другого ему просто не оставалось.

Зазвонил телефон, и этот звонок показался ему громом в тишине погруженного в Галактику зала. Дон поднял трубку.

— Капитан слушает, — автоматически, когда решение было принято, сказал он.

— Рубка, сэр. Ленты с сообщением марсианского центра обработаны компьютером. У меня здесь запись полного сообщения. Зачитать вам его?

— Только цифры: какой силы ожидается шторм, и когда он ударит по нам.

— Одну секунду… вот оно. Сила восемь баллов по Хойлу. В максимуме — десять. А я раньше никогда и не видел ничего силой больше шести.

— Так силен? Я возьму это сообщение. А теперь — когда это должно произойти?

— Самое большее через полтора часа. Возможно на несколько минут позже, но не намного.

Дон обнаружил, что он непроизвольно задерживает дыхание и выдохнул воздух.

— Хорошо, я на пути в рубку. Свяжитесь с пассажиром по имени Угалде и передайте, что я жду его в рубке. И старшине Курикке тоже.

Девяносто минут на то, чтобы развернуть корабль! Это кажется совершенно невозможным и, тем не менее, это необходимо сделать. Глубоко задумавшись, весь обратный путь в рубку Дон проделал чисто автоматически, и лицом к лицу столкнулся с разъяренным доктором Угалде.

— Вы просите у меня невозможного, капитан. И, притом, немедленно! А затем мешаете мне! Такие вещи не могут…

— Меньше чем через полтора часа шторм будет здесь, — тихо произнес Дон. — Шторм не будет ждать. Наше время истекает, доктор.

Лицо Угалде посерело, и он рухнул в стоящее перед ним кресло.

— Тогда… все слишком поздно, — прошептал он.

— Я так не думаю. Мы все еще можем маневрировать, не выпрыгивая из собственных штанов. — Дон улыбнулся, увидев удивленное лицо Курикки и вахтенного. — У нас нет другого выхода, я не хочу, чтобы вы смотрели на меня так удивленно. Как вы знаете, все коммерческие ракетные лайнеры управляются исключительно автоматически. Тем не менее, я готов поспорить, что все вы летали на собственных космических яхтах или катерах. Первым астронавтам, когда автоматика выходила из строя, приходилось пилотировать вручную. Мы сделаем то же самое… Так что же, Курикка, что надо предпринять в первую очередь, чтобы начать изменять положение корабля?

Старшина казался еще более хмурым, чем обычно.

— Этим всегда занимается компьютер, сэр. Пилот лишь скармливал ему данные и команды, а затем мы просто сидели и смотрели, что происходит.

— Предусмотрено ли ручное управление на

случай аварии?

— Да, хотя мы никогда им не пользовались. Оно находится здесь.

Дон подошел к пульту управления и посмотрел на шкалы и переключатели.

— А теперь не можете ли вы мне сказать, что здесь происходит при коррекции судна?

Этого, конечно, не было в инструкции, а старшина Курикка привык действовать строго по инструкции. Однако он был достаточно образован, чтобы понять, что бывают ситуации, когда инструкции следует отложить в сторону. Неохотно борясь сам с собой, он подошел к пульту и включил экран.

— У нас две специальные телекамеры, — начал он свое объяснение. — Одна на носу в обсерватории, а другая на корме. Она расположена на главной оси между ходовыми дюзами. Перед вами изображение носовой камеры, — он указал на экран, на котором было сдвинутое к одному из краев Солнце. Это была та же картина, что Дон видел из обсерватории.

— Здесь, в основании центральной трубы, — продолжал Курикка, — вокруг реакторной сферы расположен направляющий рельс. По нему в обратном направлении вращения корабля ез-

дят малые ракетные двигатели. Их движение нейтрализует наше вращение, так что их сопла направлены всегда в одном и том же направлении. Достаточно небольшого выхлопа, чтобы корабль начал переворачиваться до тех пор, пока не займет нужного положения в пространстве. А затем компьютер выдает команду на другой выхлоп, нейтрализующий вращение, вызванное первым.

Дон взглянул на свои часы, но заставил себя отвести взгляд раньше, чем успел посмотреть, сколько же именно осталось времени. Ответ был почти такой же простой, как он и ожидал. Дон обернулся и обратился к мексиканскому математику:

— Доктор Угалде, подойдите, пожалуйста, сюда и проверьте мои рассуждения. Вы слышали, что сказал старшина, так что вы в курсе наших рассуждений. Солнце сейчас нам светит в нос, так что корабль нужно развернуть примерно на 180 градусов. Если сейчас дать выхлоп, то корабль начнет совершенно терять свое положение в пространстве. Когда Солнце окажется в центре кормового экрана, мы будем сориентированы так, как нужно, с реактором между нами и солнцем. И если в этот момент дать выхлоп из дюзы

в направлении в сторону нашего движения, то поворот прекратится, и мы окажемся в нужной нам позиции. Это верно?

Угалде насупился от напряжения, затем стал быстро писать короткие уравнения в своем большом блокноте с кожаным переплетом.

— Все достаточно просто, — ответил он. — Второй выхлоп должен по длительности в точности совпадать с первым и быть так сориентированным в пространстве и во времени, чтобы закончиться именно в тот момент, когда корабль примет нужное положение в пространстве.

— Пожалуйста, без деталей, доктор, просто скажите нам, сработает это или нет.

Математик посмотрел на них удивленно.

— Конечно, сработает. Почему бы и нет? Разве это же самое не делает компьютер? Вы просто сделаете то же самое, только немного грубее.

— Грубо или нет, но в этом спасение наших жизней!

Дон возбужденно стукнул кулаком по ладони.

— Если хотите, начинайте прямо сейчас. Ваше знание теории и навыки старшины Курикки в управлении судном сделают эту работу вполне выполнимой для вас двоих.

Только теперь Дон позволил себе взглянуть на

часы и едва не присвистнул от удивления, поняв, как мало у них осталось времени. Меньше сорока пяти минут было до того времени, как на корабль обрушится смертельный фотонный шквал.

— Каптенармус Дженнет просит вас подойти к телефону. — произнес чей-то голос, прервав его размышления. Вахтенный протягивал ему телефонную трубку.

— Капитан слушает.

— Это каптенармус, сэр. С пассажирами, кажется, возникли небольшие неприятности. Я хотел бы знать, смогли бы вы прийти сюда и потолковать с ними.

— Нет, сейчас на это нет времени. Как только я смогу, сразу присоединюсь к вам в машинном зале. Там побеседуем с ними. Последовала секундная пауза.

Когда каптенармус заговорил снова, в голосе его явственно проскальзывали беспокойные нотки:

— Как раз об этом я и хотел, чтобы вы потолковали с ними. Они не в машинном отделении. Они собрались в столовой и ультимативно заявили, что не двинутся отсюда до тех пор, пока не поговорят с капитаном или старшим офицером.

— Но разве пассажиры не знают, что все старшие офицеры погибли?

— Я не хотел пугать их, — голос каптенармуса стал тише. Он явно шептал прямо в трубку телефона, чтобы никто не мог его услышать. — Я умышленно не стал вдаваться в детали, кроме тех, что непосредственно относятся к делу. Не можете ли вы спуститься сюда и разъяснить им?

«Сумеет ли он?» — лихорадочно думал Дон.

Сейчас он ясно отдавал себе отчет, что, забыв о пассажирах, он совершил ошибку. Отнесся к ним как к бессловесному грузу или стаду баранов. Все следовало объяснить сразу же. Сейчас он должен сказать им правду и побыстрее.

Остались считанные минуты.

— Я скоро буду, — ответил он и повесил трубку.

— Капитан, здесь есть кое-что поважнее, — окликнул его доктор Угалде, увидев, что Дон поднялся на ноги.

— Что? — спросил Дон и подошел к пульту управления. Он увидел, как Солнце медленно раскачивалось по кормовому экрану.

— Посмотрите сами. В терминах теории легко сказать, что мы развернем корабль на глаз, пользуясь ручным управлением. На практике же это выглядит несколько по-иному. Это можно сделать, и мы почти все сделали. Но ведь мы не

можем делать столь точные расчеты, как компьютер, а корабль к тому же обладает огромной массой. Мы правильно нацелились на Солнце, но оно медленно дрейфует по экрану. Кто-нибудь должен постоянно вводить поправки, до тех пор, пока дрейф не прекратится и мы не займем нужное положение в пространстве.

— Как вы думаете, через сколько времени это произойдет? — с надеждой спросил Дон, хотя и знал ответ заранее.

— Наверняка часы! Это очень тонкая работа.

— Часы! Но ведь это означает, что кто-то безо всякой защиты должен остаться у пульта управления во время шторма и, следовательно, будет обречен на верную смерть.

— Я осознаю это… Кто-то должен умереть, чтобы спасти остальных. Разве это не хорошая смерть для мужчины?

Дон сквозь растущую дымку отчаяния взглянул на свои часы. Оставалось всего лишь немногим более получаса… Ничего нельзя было сделать, ни на что не оставалось времени.

И членов команды, и всех пассажиров можно было считать мертвецами.

5

— Один должен умереть, чтобы все остальные остались живы, — произнес доктор Угалде, расправив плечи. Он шагнул вперед.

— Я с удовольствием останусь в рубке. Все остальные могут отправляться в машинное отделение.

Маленький математик мог бы показаться смешным, со своей гордо поднятой головой и скрещенными на груди руками, но ему так не казалось. Он говорил то, что думал — он не колебался умереть ради совершенно незнакомых ему людей, летящих в этом корабле.

— Я не считаю это необходимым, доктор, — обратился к нему Дон. — Мы найдем способ выпутаться из этого положения, не жертвуя ничьей жизнью.

— Могу я спросить, каким образом, капитан?

И в самом деле, как? Дон задумался, и на мгновение его охватила легкая паника. Как это можно сделать? Члены команды лучше, чем он, знают корабль. Нужно заставить их думать.

— А как насчет противорадиационных ска-

фандров, старшина? — спросил Дон. — Я знаю, что они у нас имеются. А что, если надеть его на того, кто останется корректировать положение корабля?

Лицо Курикки, когда он отрицательно покачал головой, нахмурилось так, как это свойственно только жителям Скандинавии.

— Никаких шансов. Имеющиеся на борту противорадиационные скафандры предназначены только для низких уровней радиации. Против приближающегося шторма это все равно, что папиросная бумага.

Дон отказался сдаться охватившему его отчаянию.

— Способ должен быть! Нельзя ли, к примеру, оборудовать в машинном зале дублирующий пульт управления?

— Если нам дадут достаточно времени, то мы, возможно, и протянем туда кабели.

— Тогда, раз на это не хватит времени, нужно искать что-то другое. — Дон в поисках укрытия посмотрел по сторонам. Дверь в стене, ведущая в маленькую служебную душевую. Дон подошел и открыл ее.

— Как насчет этого помещения? Протащите кабель сюда, здесь всего несколько футов. Мы

сможем заэкранировать ее чем-то, что остановит радиацию. Листами свинца и…

Вдруг ему стало все ясно. Теперь он знал, что нужно делать. Он обернулся и посмотрел на раздумывающего в одиночестве старшину,

— Скафандр! Он удерживает воздух внутри, так что он спокойно удержит воду снаружи. Разве я не прав!

Курикка в задумчивости потер подбородок.

— Полагаю, удержит. Но вода не очень-то полезна для скафандров. Ржавчина и…

— Ничего с ним не случится за пару часов, — прервал его Дон, чувствуя, как стремительно утекают минуты. — Вам следует сделать вот что: установите в десять минут в душевой дублирующий пульт управления и закрепите его там. Если дверь в душевую не герметична, возьмите уплотнитель и загерметизируйте ее. Принесите скафандр и убедитесь, что баллоны полностью заряжены, — он двинулся к двери. — Пилот будет работать в душевой, наполненной водой.

— Но, сэр, — крикнул ему вслед Курикка. — Как же мы защитим от воды пульт?

— Найдите способ. Если хотите, поместите его в пластиковый футляр. Но сделайте вот что. — Дон бросил взгляд на часы. — Не позднее, чем через

двадцать минут я вернусь.

Он выскочил за дверь и побежал вниз по коридору по направлению к столовой. С пассажирами все еще надо было встретиться, и на это оставалось уже мало времени. Вообще не было времени на дебаты. Они должны были пойти сразу. Дон остановился у ближайшего телефона и набрал номер сети общего оповещения.

— Говорит капитан. Я хочу, чтобы все матросы, свободные от вахты в рубке и в машинном отделении, собрались в столовой. Прямо сейчас, в течение этой минуты, — из громкоговорителя наверху раздался его скрипучий голос.

Когда Дон достиг столовой, матросы уже начали вливаться в нее через расположенные в разных концах входы.

Столы как обычно в неурочное время были сдвинуты в сторону, так что столовая была пуста. Один из пассажиров залез на стул, а остальные сгруппировались вокруг него. Они в замешательстве оглянулись, когда Дон вбежал в столовую.

— Слушайте меня, — выкрикнул Дон, — я врач корабля, лейтенант Чейз. Прошу прощения, что не могу четко изложить вам все подробности, я сделаю это позднее, но я требую, чтобы вы все немедленно перешли в машинное отделение.

— Мы не желаем слушать вас, — выкрикнул стоящий на стуле человек. — Нам нужен капитан. И пусть он объяснит нам, что здесь происходит.

Дон узнал этого человека. Бригс, отставной генерал Матей Бригс. Его коротко остриженные волосы, серые, выглядевшие столь же прямыми и твердыми, как куски проволоки, торчали в разные стороны. Его угрюмые взгляды и сердитое выражение лица были знакомы Дону по многочисленным газетам и телевидению. Человек, всегда высказывающий свое мнение, нисколько не интересующийся мнением других, и твердо придерживающийся собственной точки зрения.

Дон холодно произнес, глядя на него:

— Как вы уже знаете, у нас произошел несчастный случай. Большая часть офицеров погибла. Сейчас капитан — я, — среди пассажиров начались суетливые движения и послышались вздохи. — Через несколько минут по кораблю ударит солнечный шторм. Единственное безопасное место — машинное отделение. Весь остальной корабль должен быть немедленно покинут.

Пассажиры потянулись к выходу, но это движение немедленно прекратилось, как только генерал заговорил снова:

— Недостаточно ясно и недостаточно обоснова-

но, лейтенант… Я требую…

— Вы двое, — сказал Дон, указывая пальцем на ближайших матросов. — Стащите этого человека со стула и тащите в машинное отделение.

— Вы не сделаете этого, слышите, не сделаете! — завопил генерал, пятясь к стене и принимая оборонительную стойку.

Рослые матросы подошли к Бригсу с разных сторон и согласованно бросились на него. Борьба была недолгой, и через секунду Они уже несли громко протестующего генерала к двери.

Худой человек с большим носом и длинными усами двинулся было вперед, словно собираясь вмешаться, но остановился, когда к нему шагнул ближайший член команды. Остальные пассажиры суетились вокруг; из толпы донесся взволнованный возглас.

— Может возникнуть паника, — произнес каптенармус столь тихим голосом, что услышать его мог только Дон.

— Я знаю, что у нас нет времени для длительных разъяснений. Мы должны были быстро и мирно вытащить их отсюда. — Дон задумчиво оглядел столовую. — У нас приблизительно один матрос на десять пассажиров. Я пойду вперед, а вы пойдете к двери и объясните, что матросы

будут показывать дорогу. Собирайте их в группы с этим же соотношением: десять к одному. Матросы окажут успокаивающее влияние. В центральной трубе два лифта, так что направляйте группы к обоим по очереди.

— Отличная идея, капитан… — Дон ушел, прежде чем каптенармус успел закончить фразу.

Дон догнал генерала с его бдительными охранниками возле двери.

— Вы пожалеете об этом, — с ледяным спокойствием заявил Бригс, когда Дон вошел в лифт. Как только закрылась дверь, генерал тут же стряхнул с себя руки охранников.

— Прошу прощения, генерал, но у нас не было выхода. Судно в опасности, и времени на споры не оставалось. Надеюсь, вы примете мои извинения?

— Не приму. Вы начали это дело, а я постараюсь закончить его. Я обращусь в суд.

— Это ваше право, — ответил Дон, и в этот момент лифт остановился и двери открылись. Дон и матросы держались за поручни на стенах лифта, но ноги Бригса оторвались от пола и он беспомощно задрыгал ногами в воздухе.

— Помогите генералу, — приказал Дон.

С выработанной долгими годами тренировки

сноровкой, матросы ухватили генерала за руки, оттолкнулись ногами и понеслись по центральной трубе. Дон последовал за ними, но гораздо медленнее и держась за стенку. Он не воспользовался, как они, свободным парением. В корабле не было силы тяжести, лишь ее имитация, вызванная вращением судна. Здесь же, у оси вращения, центробежная сила практически отсутствовала.

Толстая дверь машинного отделения открылась сразу же, как только они достигли ее. За ней их встретили главный инженер, столь же неулыбчивый, как и генерал.

— Размещение пассажиров здесь затруднит нашу работу, это вызовет дополнительные трудности и опасность, — сказал Хольтц.

— Я уверен в этом, — сказал Дон, пытаясь сдерживаться. — Но здесь хватит матросов, чтобы помочь вам. Расставьте их у всех пультов управления и опасных точках. Здесь будет тесно и неудобно, но, по крайней мере, все останутся в живых.

Начали прибывать первые пассажиры, некоторые беспомощно болтались в воздухе. У одной пожилой женщины лицо было зеленого цвета, и она явно была лишь первой из многих. Матрос успел подать ей пластиковый мешочек до того,

как произошел инцидент.

Дальняя стена, за которой размещался двигатель, была заполнена сверкающими приборами. Небольшая часть пространства внутри зала была свободна. На полу всем места не хватит, так что некоторым придется летать по воздуху. Здесь будет тесно, грязно и неудобно. Дон ретировался прежде, чем начались первые жалобы.

Когда прибыла следующая партия пассажиров, Дон вплыл в опустевший лифт и опустился вниз. Он торопился в рубку. Одна проблема была решена — пассажиры в безопасности, но оставалась другая, еще большая. Автоматически глянув на часы, он почувствовал, что по телу поползли мурашки, потому что до того момента, как шторм всей своей силой обрушится на корабль, осталось чуть больше тринадцати минут.

— Как раз кончаем, капитан, — отрапортовал Курикка. Он с дымящимся паяльником в руках согнулся над пультом управления. Кабели выходили из пульта, пересекали рубку и исчезали в отверстии, просверленном в металлической трубе. Старшина приподнял последнее соединение и выпрямился.

— Все будет работать, — сказал он и повел Дона в душевую. — Мы разместили здесь две ручки

ручного управления, поместив их, как вы нам посоветовали, в пластиковые футляры. Самый легкий способ сделать их водонепроницаемыми. И здесь экран монитора, связанный с кормовой камерой. — Они проскользнули мимо человека, смазывающего дверь серой мазью. — Посмотрите, это силиконовая шпаклевка. Как только дверь захлопнется и прижмет слой шпаклевки, она станет водонепроницаемой. Пока душевая будет заполняться водой, воздух будет уходить через вентиляционное отверстие. Скафандр уже здесь. Я добровольно вызываюсь остаться здесь, капитан.

— Отлично. У нас осталось девять минут. Отправьте остальных, как только они закончат работу. Можно ли здесь внутри узнавать уровень радиации?

Курикка указал на экран монитора — один из экранов, выдранных со своего места, был помещен в пластиковый пакет.

— Компьютер выводит данные на нижнюю часть экрана. Вот эти цифры, как раз в левом нижнем углу под Солнцем — уровень радиации по Хойлу.

— Один и четыре, пока не слишком много, нет… прыгнул до двух и одного.

— Край шторма, скоро станет опасно. Думаю, вам лучше уйти, сэр. — Они уже остались одни, последние техники стремительно двигались в безопасное место, в машинное отделение. Шесть минут на дорогу.

— Закройте на мне скафандр и уходите, старшина, это приказ!

— Но… — старшина был поражен.

— И без возражений. Гораздо важнее сохранить ваши инженерные способности, чем мои знания медицины. Как командир я приказываю вам идти вниз, Курикка не стал терять времени на пререкания. Он помог Дону одеть скафандр и загерметизировать его. Дон схватил старшину за кисть и посмотрел на часы. Две минуты!

Дон почти силой вытолкнул старшину из душевой и налег на дверь, тогда как старшина тянул ее снаружи, преодолевая сопротивление наложенной шпаклевки. Наконец, дверь стала на место и старшина умчался. Дон остался один. Он открыл на полную мощность душ и краны над раковиной. Все стоки были предварительно закрыты. Вода достигла края раковины и полилась на пол. Солнце упорно слезало с перекрестья нитей в центре экрана. И прежде чем взглянуть на цифру внизу, он включил сопла, чтобы выров-

нять корабль.

2,8. Сила шторма нарастала, Солнце опять уползло из центра, и Дон подкорректировал его положение. На телевизионном экране Солнце, этот находящийся за сто миллионов миль шарик, казался раскаленным и нестрашным шариком. Однако бушующий сейчас за бортом шторм был порождением как раз этого маленького и нестрашного шарика, факел пылающего, заброшенного сюда за миллионы миль газа. Картина была слишком величественной, чтобы ее можно было представить. Но факты были понятны. Первые, порожденные взрывами радиоволны и рентгеновские лучи достигли корабля уже через восемь минут. Они были предвестниками движущихся облаков бушующей плазмы. Еще через несколько минут появились протоны высоких энергий — бахрома ужасающей бури. Затем, через некоторое время, подходили и протоны низких энергий — главная сила шторма. Ускоренные частицы, которые могли сжигать и убивать… Дон оторвал взгляд от Солнца и счетчика радиации и глянул на воду, которая теперь достигала его лодыжек.

Ее уровень поднимался недостаточно быстро.

А уровень радиации поднялся уже до 3,2. Метал-

лические стены корабля пока еще защищали его. Он желал бы знать, находятся ли в безопасности другие в машинном отделении. На его шлеме был тумблер радиостанции, но когда он ее включил, то услышал только несущую частоту. Конечно же, передатчик скафандра был бесполезен здесь, где стены экранировали любой радиосигнал. В те стремительно несущиеся секунды он не отдал приказ присоединить телефон и теперь оказался отрезанным от всего остального мира.

Вода поднялась до колен, а цифры на экране начали стремительно расти: 3.9, 4.2, 5.5… Шторм обрушился на корабль всей силой.

Дон отпустил рукоятки управления и лицом вниз погрузился в воду. Чтобы не всплыть, он был вынужден ухватиться за рубчатое основание раковины, так как находящийся в скафандре воздух выталкивал его. Дон использовал всю силу рук, чтобы воспрепятствовать всплытию. Он боролся изо всех сил, так как знал, что воздух над ним наполнен невидимой смертью.

Он должен удержаться на дне. Вода поднималась ужасно медленно, и Дон спрашивал себя, далеко ли корабль уклонился от центра. Он убил бы себя, если бы поднял голову взглянуть. Но если не посмотреть, то можно убить всех. Как

долго он должен находиться внизу? Старшина говорил, что защита достаточно надежна, чтобы защитить людей и при отклонении от заданного положения на десять или даже на пятнадцать градусов. Это означало, что изображение Солнца на экране без малейшей угрозы для людей могло сдвинуться почти к самому краю экрана. Но сколько для этого нужно времени? Дон не знал этого и не имел возможности измерять уходящее время. Что он может? Что он должен сделать?

Сейчас вода была достаточно высоко, чтобы он мог повернуться на спину и приподняться на локтях. Сквозь волнующуюся поверхность воды Дон мог разглядеть комнату, так как освещение было нормальным. Монитор находился достаточно близко, всего лишь в нескольких футах над головой Дона.

Он должен взглянуть! Остальные надеются на него. Сейчас! Однако, если он поднимет голову над водой, то совершит самоубийство. Но может, если он высунет хоть часть шлема… Дон, насколько это было возможным, отвернул голову назад и начал медленно подниматься. Осторожно… лицевой щиток коснулся поверхности… На щитке осталась лишь тонкая пленка воды. Наконец вода стекла и с центра шлема и Дон смог увидеть экран

монитора и свисающие рукоятки управления. Изображение Солнца покинуло центр экрана и было на полпути к его краю. Уровень радиации поднялся до 6.7 по Хойлу.

Вода сомкнулась над Доном, как только он нырнул в глубину. Так как шкала заканчивалась на десяти, то это был самый сильный шторм из всех, когда-либо слышанных Доном. Вода поднималась мучительно медленно.

Когда он глянул в следующий раз, уровень был уже 9.3, а Солнце добралось до края экрана. Он должен развернуть корабль. Поверхность воды заволновалась, и он увидел, что над ним плавают два пластиковых пакета. Конечно же, рукоятки управления. Действуя крайне осторожно, он сжал пластик своими закованными в железо руками и потянул их вниз на всю длину, которую только позволяли их кабели. Крепко сжав их, он снова высунул щиток шлема и обнаружил, что если не делать резких движений, то он сможет вернуть корабль в нужное положение.

— Мы выпутались! — закричал он, услышав лишь собственный голос, отразившийся от поверхности шлема и напомнивший ему о его одиночестве. Больше он не проронил ни слова.

С исчезновением непосредственной опасности

он ощутил внезапную усталость, хотя и знал, что для нее время еще не наступило. Хотя и до крайности изнуренный, он должен оставаться бодрствующим и быть наготове. Под водой он был в полной безопасности, но жизни остальных зависели от него. Вода неуклонно поднималась. Она достигла экрана монитора и поднялась еще выше. Когда вода поднялась до потолка и начала медленно выливаться в вентиляционное отверстие, Дон закрыл водопроводные краны. Он моргнул и в первый раз пожалел, что не может протереть свои глаза.

Прошел неопределенный промежуток времени, и Дон с ужасом заметил, что неуловимо, но неуклонно он проваливается в сон и никак не может узнать, как долго он спал. Изображение Солнца уже коснулось края экрана. Пока он возвращал его на место, руки у него дрожали. Уровень радиации устойчиво держался на 8.7. Ниже, чем в максимуме, но тоже опасно.

Сколько же уже длится сон и шторм? Наверняка, несколько часов. Впервые за это время он забеспокоился о кислороде. Скафандр был незнакомого ему типа, он ранее никогда не носил такого, и поэтому едва отыскал индикатор уровня воздуха. Светящаяся шкала, казалось, плавала

вне его шлема, прямо в воде.

Кислородный баллон был на три четверти пуст!

Сон как рукой сняло. Он осторожно манипулировал рукоятками управления, сохраняя нужную ориентацию корабля. По мере того как исчерпывались колебания, корабль отклонялся все меньше и меньше.

8.6, уровень падал, но падал очень и очень медленно. Его кислород исчерпывался значительно быстрее. Дон дышал экономно, как только мог и ограничивал свои движения. Это снижало расход кислорода. И тем не менее указатель давления на баллоне неумолимо полз к нулевой отметке. Дон знал, что даже после того, как указатель достигнет нуля, у него еще останется небольшой резерв. Но ведь и он когда-нибудь кончится. Что же ему тогда останется? Выбрать себе род смерти? Либо от удушья, либо от радиации.

Хуже всего, что не будет никаких признаков кислородного голодания. Жертва просто теряет сознание. И смерть…

7.6. Он должен правильно оценить, сколько кислорода у него осталось, и в последний момент спустить воду до того уровня, чтобы можно было открыть шлем.

6.4. Теперь скоро. Указатель давления достиг нулевой отметки и застыл на ней. Сколько? Сколько же еще осталось?

5.3. Время спускать воду… воду… воду.

Рукоятки управления выскользнули у него из рук, и он безвольно поплыл в воде, задыхаясь и теряя сознание. Его «я» скользнуло в темный тоннель, ведущий к смерти.

6

— Он шевельнулся? — спросил голос.

— Думаю, да, — ответил другой. — Он приходит в себя.

Дон не мог видеть людей, беседующих рядом с ним, но почувствовал, что знает их голоса. Наконец, до него стало доходить, что они говорят о нем. Хотя для этого и требовались определенные усилия, он все же исхитрился открыть глаза. Он лежал на кровати в собственном лазарете, причем под кислородной палаткой. Сквозь тонкий пластик можно было разглядеть обеспокоенное лицо инженера Хольтца и стоящего за ним Раму Кизима.

— Наконец-то Рама заполучил себе пациента, — произнес Дон и был шокирован слабостью своего голоса. — Что он тут делает?

Внезапно память вернулась к нему, и он попытался сесть.

— Что случилось? Я наверняка потерял сознание?

— Осторожно, сэр, — прервал его Рама, мягко, но решительно укладывая обратно на подуш-

ки. — Все в порядке. Сидя в машинном отделении, мы непрерывно следили за уровнем радиации. И как только он стал достаточно низким, мы со старшиной облачились в защитные костюмы, чтобы добраться до вас, и чтобы вытащить вас, нам пришлось залить почти всю рубку управления водой. За это время уровень радиации опустился настолько, что вас можно было уже изъять из скафандра. Вы были близки к смерти, но так как нам удалось быстро доставить вас к диагностической машине, то теперь вы в полном порядке.

Голова Дона все еще не прояснялась, мысли путались.

— Что заставило вас отправиться за мной? — поинтересовался он. — Откуда вы узнали, что я попал в беду?

— Изображение, полученное кормовой камерой, было выведено на размещенный в машинном отделении экран. Вначале мы пережили несколько ужасных минут, когда нам начало казаться, что вы утратили управление судном. Но вы справились. Позже, когда шторм уже почти закончился, мы увидели, что солнце неуклонно уходит на край экрана. Тогда-то мы и отправились за вами, — Рама улыбнулся. — И видите,

все сработало как следует и теперь вы в полном порядке.

И, словно насмехаясь над его словами, раздался вой сирены и по кораблю раздались слова:

— Пожарная тревога! Пожарная тревога! — гремел записанный на пленку голос компьютера. — Пожар в отсеке 64А!

Дон попытался вскочить на ноги и только теперь обнаружил, насколько же он устал и ослаб. В чрезвычайных обстоятельствах он будет лишь помехой. Значит, он должен передать кому-то свои полномочия.

— Хольтц, посмотрите, что там происходит, и сообщите мне. Рама, возьми аварийный медицинский комплект и пойди с ним, на случай, если есть раненые. Может, авария оборудования…

— Не с оборудованием, — усмехнулся Рама, добравшись до двери, — 64А — пассажирский отсек.

Дон чувствовал себя слишком усталым, чтобы заниматься каким-либо кризисом, но он знал, что необходимо делать. Он перекрыл кислород и несколько минут сидел, собираясь с силами. Пожар. И как раз тогда, когда запасы кислорода и так ограничены. И курс корабля — об этом тоже не следует забывать. Во время шторма все забыли

об этом. Если они в ближайшее время не найдут способ скорректировать свой курс, то будет слишком поздно и они, пролетев мимо Марса, канут в безбрежность мирового пространства. Зазвонил телефон. Дон потянулся к трубке и, преодолев головокружение, приложил ее к уху.

— Капитан слушает, — уже автоматически и совершенно не смущаясь, воспользовался он этим титулом. С маленького экрана смотрел старшина Курикка.

— Капитан, главный инженер Хольтц у вас? Было сообщение о пожаре и…

— Я знаю, он этим занимается. А вы где?

— В рубке, сэр. Временно командую судном. Дело в том, что мы получили Сообщение о том, что дым заполняет А-палубу. Но мы не установили, есть ли еще очаги или дым распространяется из отсека 64А по вентиляционной системе. Прошу разрешения отключить и изолировать систему вентиляции на А-палубе и очистить палубу.

— Свяжитесь со мной, как только что-нибудь узнаете. Разрешаю действовать.

Дон поднялся на ноги и повесил трубку. Игнорируя вызванное этим движением головокружение, он подошел к двери и прежде чем открыть ее, постоял, держась за ручку, отдыхая.

Он был в изоляторе, примыкавшем к его каюте. Шкафчик с лекарствами висел на дальней стене. Когда он добрался до него, то двигался уже несколько увереннее. Дон прижал большой палец к идентификатору, и шкафчик открылся — его можно было открыть только отпечатком большого пальца Дона. В шкафчике имелся очень сильный наркотик, который снимет всю усталость Дона и придаст ему запас энергии. Дон не любил пользоваться наркотиками, так как отдавал себе отчет, что позже за это он расплатится еще большей усталостью, но сейчас у него не было выбора. Стеклянная ампула скользнула в приемник подкожного впрыскивания. Когда он закрыл шкафчик с лекарствами, снова зазвонил телефон.

Это снова был Курикка, и его лицо, Дон даже немного удивился, как это возможно, выглядело еще угрюмее, чем обычно.

— Циркуляция воздуха прекращена, и палуба изолирована. Все пассажиры эвакуированы. Я отправил на помощь несколько человек, не можете ли вы спуститься туда, сэр. Им нужен врач.

— Что случилось?

— Имеется отравление дымом.

— Я иду.

Наркотик начал свое действие. Дон еще чувствовал легкое головокружение, но уже мог передвигаться вполне уверенно. В аварийном медицинском комплекте, который взял с собой Рама, был запас кислорода, но этого могло оказаться недостаточно. Дон снял со стены баллон с маской и поспешил к месту происшествия.

Выход на А-палубу перекрывали воздухонепроницаемые двери, но они не были задраены и открылись, как только Дон подошел к ним. В воздухе за дверью висела легкая дымка и явственно ощущался запах гари. На палубе рядом с отсеком 64А лежал какой-то человек, а Рама, согнувшись над ним, прижимал к лицу кислородную маску. Рама сильно кашлял, и его лицо и руки были перемазаны сажей. Приблизившись, Дон узнал в лежащем главного инженера.

— Вынуждены… выломать дверь… — прохрипел Рама между приступами кашля. — Полно дыма… думали, кто-то мог остаться.

— Больше ни слова, — приказал Дон. — Воспользуйтесь кислородом сами. Я займусь инженером лично.

tanner

Дон был напуган. Он защелкнул ремешки кислородной маски, затем приоткрыл веко одного глаза Хольтца. Плохо. Он одной рукой нащупывал пульс Хольтца, а другой рылся в аварийной сумке. Наконец, он нашел нужный шприц и прижал его к шее инженера. Рама, следивший за действиями Дона, отнял от лица кислородную маску ровно настолько, чтобы разговаривать.

— Укол Алакревира, — произнес Рама, — сердечно-сосудистая стимуляция. Значит, у него…

— Больное сердце? Верно. Не многие знают об этом. Поэтому он и уходит в отставку после этого рейса.

— Как он?

— Плохо. Это худшее, что могло с ним случиться. Был кто-нибудь в этом отсеке?

— Нет, мы никого не увидели. Затем дым добрался до нас. Из двери отсека вышел матрос с тяжелым огнетушителем в руках. Из сопла огнетушителя все еще медленно капала пена.

— Все в порядке, сэр. Огонь погашен.

Дон поднялся и заглянул внутрь обгоревшей каюты. Стены были закопчены, все вокруг покрыто пеной. На полу виднелись груды обугленных обломков.

— Как мог начаться пожар? Я думал, что ко-

рабль полностью пожарозащищен.

— Так и есть, но багаж-то горюч. Горели два чемодана, одежда, обстановка.

— Есть ли у вас какие предположения, из-за чего начался пожар?

Матрос колебался, затем раскрыл ладонь.

— Я не хочу никого обвинять сэр, но вот это я нашел на столе.

На его ладони лежала промокшая пачка сигарет. Дон с отвисшей челюстью несколько секунд молча смотрел на них.

— Отнесите это сами к главстаршине Курикке и подайте подробный рапорт о происшествии, — приказал Дон. — Сначала свяжитесь с рубкой и передайте, чтобы сюда прислали двух человек с носилками.

— Доктор, — позвал Рама, — быстро сюда. Кажется, его пульс становится нерегулярным.

Дон быстро осмотрел инженера и крикнул матросу:

— Отставить вызов. Помогите нам. Этого человека следует немедленно отправить в лазарет.

Главный инженер Хольтц был уже далеко не молод, и его сердечная болезнь, скорее всего, развивалась уже довольно долгое время. Его вполне можно было спасти, но лазарет корабля

не был оборудован для этого всеми необходимыми приборами, обычными в расположенных на планетах базовых госпиталях. Здесь не было установки сердце-легкие. И конечно же, здесь не было замороженных органов на случай жестокой необходимости в пересадке. Но Дон сделал все, что было в его силах. Рама Кизим, тоже отравившийся дымом, несмотря на его протесты, тоже был помещен на койку. В маленькой больничной палате оказались занятыми уже четыре койки.

Двумя часами позже Дон вызвал рубку, чтобы получить рапорт, он был врачом, но одновременно командовал этим судном.

— Все локализировано, — отрапортовал Курикка. — Ни возгораний, ни неприятностей с дымом вне этого отсека.

— Как у вас с системой воздухоснабжения?

— Уровень кислорода немного понизился, но ничего страшного. Я только что обследовал груду остатков и обнаружил в них горелую сигарету. Похоже, она вывалилась из пепельницы и подожгла багаж.

Дон на секунду задумался.

— Есть ли на этом судне гауптвахта? — спросил он.

Глаза Курикки распахнулись от подобного во-

проса, но ответ был строгим и четким.

— В некотором смысле есть, сэр. Отсек 84В можно задраить снаружи, так что его невозможно открыть изнутри. Ранее этот отсек уже использовали в качестве гауптвахты.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы разыскали обитателя каюты и заперли его или ее в отсеке 84В. Этого человека следует заставить понять всю серьезность нашего положения. Если бы никто не нарушал запрета на курение, несчастный случай никогда бы не случился.

— Хорошо, сэр. Но если бы вы знали, кто является этим человеком…

— Мне это совершенно безразлично. Это приказ, старшина!

— Все будет немедленно исполнено, сэр. Могу я спросить, как командор Хольтц. Я слышал, он наглотался дыма.

Дон бросил взгляд на кровать, стоявшую поперек палаты.

— Главный инженер Хольтц мертв. Сохраните пока эту информацию при себе. Я не хочу, чтобы стало известно, что мы потеряли последнего дипломированного специалиста.

7

Действие стимулятора заканчивалось, и Дон был измучен и мрачен. Для этого у него несомненно имелись причины. Он обвел взглядом кают-компанию, взволнованные лица людей в ней, и если бы он не был так измучен, то наверняка бы расхохотался. Офицеры межпланетного лайнера достигли желанного единства.

Капитан, бывший до недавнего времени лишь врачом и поступивший на борт космического корабля не далее чем несколько недель назад. Его помощник, бывший всего лишь главстаршиной. И, тем не менее, в настоящий момент, видимо, самый важный человек на корабле.

Технический консультант — бывший гражданский человек и гениальный математик, но несколько рассеянный, так что запросто мог сделать ошибку в сложении.

Испуганный помощник инженера реактора, второй класс, отвечающий ныне за инженерное оборудование корабля стоимостью в два миллиарда долларов.

Дон налил себе еще чашку кофе, стараясь со-

хранить видимость спокойствия. Он посмотрел на помощника инженера и заставил себя улыбнуться.

— Поздравляю, Трублевский, вы теперь главный инженер «Большого Джо».

Трублевский был маленьким блондином, имевшим совершенно невыразительную внешность, если бы не большие уши, торчащие по бокам его головы, словно ручки кувшина.

Он нервно жевал собственную губу.

— Не знаю, сэр, — ответил он, — я всего лишь рядовой специалист по атомной технике. Я могу выполнять приказы, но…

— Значит, выполните и этот приказ, — сказал Дон. — Главстаршина говорил мне, что вы знаете свое дело, а тем более вы сейчас единственный специалист на борту судна, имеющий хоть какой-то навык в обращении с оборудованием. Вы обязаны справиться с этим делом.

Трублевский открыл рот, словно собираясь возразить, но тут же закрыл его. Он молча кивнул головой в знак согласия. Дон терпеть не мог играть роль солдафона, но у него не было выбора. Корабль и пассажиры прежде всего.

— Ну, ладно, — произнес он, окинув взглядом всех присутствующих. — Теперь я обрисую ны-

нешнее наше положение. Солнечный шторм прошел, и о нем можно забыть. Ситуация с кислородом пока не угрожающая. Хотя мы и потеряли много фитопланктона вместе с водой, и концентрация кислорода внутри корабля медленно падает, но тем не менее ее уровень пока что далек от опасного и в настоящий момент мы можем игнорировать эту опасность. Наиболее важная проблема — наш курс. Мы давно пропустили момент коррекции. Если мы останемся на прежнем курсе, то промахнемся мимо Марса на добрый миллион миль и продолжим полет в никуда. Доктор Угалде, доложите нам ваши успехи.

Темноволосый математик находился в подавленном состоянии — его лоб испещрили морщины, а лицо прорезали линии, исходящие из уголков рта.

Он в жесте отчаяния поднял руки ладонями кверху.

— Что я могу сказать! Солгать, что я могу помочь? Я сделаю все, что могу, но боюсь, этого недостаточно. В теории я могу управлять этим большим судном. Математически все просто. Но практика — это выше меня. Я изучаю книги по навигации, но это требует времени. А еще я должен изучить программирование компьютера,

а это тоже достаточно серьезная проблема, — он снова пожал плечами. Дон обнаружил, что может управлять своим голосом лучше, чем он считал раньше.

— Не скажете ли, доктор, сколько времени потребуется на приобретение необходимых знаний?

— Недели! Месяцы! Не знаю. Прошу прощения, но я лучше продолжу обучение.

«Не очень обнадеживающе, — подумал Дон, — но у нас нет выбора».

— Тогда нам лучше подумать о радио, — произнес он вслух. — Спаркс прошелся по складам запчастей и сейчас с помощью помощника электрика заканчивает аварийный передатчик. Собранный им ранее приемник будет сейчас работать лучше, хотя солнечная активность сейчас и достаточно высока, и она порядочно снижает качество приема. Она же сильно повлияет и на передачу, а также у нас нет достаточного количества энергии, чтобы пробиться сквозь помехи. Однако это почти все, что мы имеем. Никто не хочет ничего добавить?

— Две вещи, сэр.

— Какие, Курикка?

— Вопрос о похоронах капитана… капитана

Кандида. До сих пор у нас не было времени подумать об этом.

— Мы сделаем это сразу же, как все будет готово.

— Все готово. Мы ждали только вашего распоряжения.

— Тогда приступайте сразу же по окончании данного совещания. Каков второй вопрос?

— Арестованный помещен на гауптвахту. Но он протестует. Он хочет поговорить с вами.

— Наш поджигатель! Должен признаться, я совсем забыл о нем. Даже не спросил его имени.

— Это генерал… Матей Бригс, сэр.

— Мог бы и догадаться. В любом случае это ничего не меняет. Он там и пусть пока там остается. Я побеседую с ним, как только появится возможность.

Больше вопросов не было, и Дон закрыл совещание. Похороны капитана Кандида должны были состояться через час после закрытия совещания, и до того момента, пока до церемонии осталось пятнадцать минут, Дон отдыхал на своей койке. Он пытался заснуть, но не мог. Неотложность ситуации держала его мозг в напряжении. Он пожелал и не в первый раз, чтобы кто-то другой сделал эту работу, за которую он так неохотно

взялся. Он делал все, что было в его силах, но положение продолжало ухудшаться. Может, с самого начала следовало признать, что корабль поврежден настолько, что все усилия обречены на провал. Они все мертвецы, так почему же не признать это сразу!..

В его сон ворвался пронзительный гудок сирены. Он находился в каком-то полусне, в котором все его наихудшие предположения превратились в реальность. Являлись ли они реальностью на самом деле? Он встряхнулся, стараясь вырваться из состояния черной депрессии, но это не помогло.

Однако душ, обдав его горячей, а потом холодной водой — помог. Вода была высушена успокаивающим потоком сухого воздуха. Подсохнув, Дон облачился в парадную форму и отправился к расположенному на А-палубе шлюзу. Все уже собрались и ждали лишь его. Он отсалютовал в ответ на салют Курикки.

— Все уже готово, сэр, — отрапортовал Курикка. — Похоронная команда на месте, а экипаж построен. Вахтенные остались на своих местах. — Он подал книгу в черном переплете и продолжал шепотом, так что только Дон мог слышать его: — Я буду руководить церемонией, она не очень длинна. Как только я призову к вниманию, и они

снимут головные уборы, прочитайте подчеркнутый мной абзац в корабельном уставе.

— Вольно, старшина.

Это была простая, но трогательная церемония, берущая свое начало, несомненно, от ритуала древних морских похорон. Команда космического корабля, почти сорок человек, то есть почти все члены экипажа, за исключением немногочисленных вахтенных, застыли по стойке смирно, в то время как покрытое флагом тело капитана пронесли вперед под мерный рокот барабана. Только горстка пассажиров была выбрана для присутствия на церемонии. Они слишком недавно сами были на волосок от смерти и, возможно, не хотели, чтобы им снова об этом напоминали. Шесть человек медленно пронесли тело и мягко опустили его на палубу рядом с люком.

— Шапки долой, — подал команду главстаршина. Послышался шорох снимаемых головных уборов. Дон сунул шапку под мышку и выступил вперед с открытой книгой в руках.

— Мы вверяем глубинам космоса этого человека, командующего «Иоганом Кеплером» — капитана Кандида, первопроходца в этих нехоженых морях…

Ритуал был невелик, всего страница в книге,

но тем не менее, читая ее, Дон понял, что это нечто большее. Кандид командовал одним из самых больших в истории судов, плавающих в просторах космоса на расстоянии не в тысячи, а в миллионы и миллионы миль. Судьба сразила его, но команда и судно продолжают путь. Они выполнят свой долг до собственного конца, как и капитан. И он, Дональд Чейз, доктор медицины из США, стал частью этого, выйдя в космос.

Он не сознавал до конца ни ответственность, которую добровольно взвалил на себя, ни то братство, в которое влился. Он кончил читать и поднял взгляд на людей, которые в свою очередь смотрели на него, как на одного из них. Это был момент, о котором Дон никогда не сможет забыть.

— Надеть головные уборы. Похоронная команда, вперед.

Раздался шум электромоторов, шипение, скольжение металла по смазанному металлу, и внутренний люк пространственного шлюза поднялся вверх. Носильщики двинулись вперед и опустились со своей ношей по лестнице и поместили ее на внешний люк, образующий пол цилиндрической камеры. Когда они появились снова, то несли с собой тщательно сложенное бело-голубое

полотнище знамени Земли. Внутренний люк закрыла плита, застучали откачивающие воздух насосы.

— Внешний люк должны открыть вы, капитан, — произнес Курикка и отошел от пульта управления шлюзом.

Дон подошел к пульту и стал ждать, пока зажжется сигнал готовности. Затем прикоснулся к кнопке, которая бесшумно, так как все происходило в вакууме, открыла внешний люк. Центробежные силы, вызванные вращением судна, вынесут тело и унесут его прочь от корабля.

— Все свободны.

Дон, и так уже истощенный предшествующими событиями, повернулся и двинулся прочь, к своей каюте. Но не успел он сделать и дюжины шагов, как услышал за своей спиной топот ног безуспешно нагоняющего его человека.

— Капитан, сэр, могу ли я переговорить с вами?

Это был Спаркс. Руки его были чем-то перемазаны, под глазами виднелись черные круги, следствие переутомления, он, видимо, не спал уже очень продолжительное время.

Спаркс помнил приказ Дона не обсуждать корабельные дела в присутствии пассажиров и молча

прошел с Доном в рубку.

— Мы установили передатчик, — произнес он, как только за ними закрылась дверь.

— Превосходно! Давайте посмотрим, сможем ли мы вызвать Марсианский центр.

Из приемника доносился только шелест фона, ставший ниже, как только Марсианский центр стал вещать записанный им текст на частоте корабля. Они снова и снова повторяли, что плановые сеансы не были приняты, и «Кеплер» должен ответить. Спаркс поднял уровень приема, так, чтобы сразу услышать, если Марсианский центр примет их сообщение и записанная на пленку передача сразу прервется.

— Выглядит неказисто, — вставил помощник электрика Голд, — но работает хорошо.

— Просто не хватает мощности, — вставил Спаркс, взглянув на разложенную на столе коллекцию всевозможных блоков. Здесь были блоки от радара и усилитель от стоящего в кают-компании магнитофона высшего класса, и даже детали, снятые с электронной печи. Вся эта куча была оплетена проводами и волноводами, а из нее выходили толстые кабели, ведущие к источнику питания.

— Вы уверены, что это работает? — недоверчи-

во спросил Дон.

— Абсолютно, — ответил Спаркс, осторожно подстраивая переменные конденсаторы. — Я хочу послать сигнал на нашей приемной частоте. Этот сигнал будет пойман нашей приемной антенной, и я смогу подстроить частоту.

Он щелкнул по микрофону и что-то зашептал в него. Его слова загремели из приемника, заглушая Марсианскую передачу.

— Для меня звук достаточно силен, — сказал Дон.

— Да, — Голд был очень угрюм. — Но мы передаем с антенны на антенну, может, с расстояния всего в сто футов. А сколько миллионов миль до Марса?

— Но у них там намного более чувствительные антенны, — отпарировал Спаркс. — У них там огромные параболические антенны, которые могут усиливать принимаемый сигнал и…

— Достаточно, — вмешался Дон. — Давайте посмотрим, сможем ли мы пробиться.

Их разговор мог выйти за пределы рубки, так как в этот момент в дверь входили Курикка и Угалде, а за ними спешил капитенармус Дженнет. Спаркс мучительно медленно вел точную настройку частоты, все время проверяя сигнал,

пока тот, наконец, не удовлетворил его. Наконец, он подал полную мощность и подключил микрофон. Он смущенно откашлялся, затем щелкнул тумблером передачи.

— «Иоган Кеплер» вызывает Марсианский центр. Жду ответа… Как вы меня слышите, прием…

Он, отчетливо выговаривая слова, повторял свой вызов снова и снова. Бормотание приемника, воспроизводящего его слова, аккомпанировало передаче. Затем он отключил энергию и выпрямился. В принимаемой ими передаче не произошло никаких изменений.

— Ничего не вышло? — спросил Дон.

— Пока рано говорить об этом, сэр. На таком расстоянии нашему сигналу требуется несколько минут, чтобы добраться до Марса. Да еще столько же их сигналу, чтобы проделать обратный путь. — Спаркс включил установку и начал передавать снова сообщение.

Записанная передача не менялась, а большая красная секундная стрелка на циферблате висящих в рубке часов неумолимо продолжала свой бег времени.

Минуты летели. Никто не отваживался задать вопрос, а тишина стала хуже слов, И Спаркс в

конце концов рассеял чары. Он опустил микрофон и отключил питание. Когда он обернулся, все увидели его лицо, покрытое бисеринками пота.

— Прошу прощения, капитан, но у нас ничего не вышло. Излучаемому нами сигналу не хватает мощности. Шторм оставил изрядный шумовой фон, и мы никак не можем сквозь него пробиться.

Он остановился, так как приемник вдруг замолк, и перед тем, как появился текст нового сообщения, установилась мертвая тишина.

— «Иоган Кеплер» — это ваша передача? Мы уловили очень слабый сигнал на частоте корабля, но совершенно не можем разобрать сообщение. Это ваша передача? Повторяю — слышите ли вы нас? Марсианский центр вызывает «Иоган Кеплер». Мы приняли очень слабый сигнал на вашей частоте. Но не можем разобрать его.

— Это шторм, — пояснил Спаркс. — Видите, нам не хватает мощности.

— Вы сделали все, что смогли, — подбодрил его Дон. — Никто вас не обвиняет.

Винить было некого.

Но это ничего не дает.

Если они не смогут связаться с Марсом, то можно считать себя мертвецами прямо сейчас.

8

Все отвернулись, и лишь Дон не отрывал взгляда от грубого передатчика, уставившись, словно хотел заставить его работать силой собственной воли. Способ должен быть — этот передатчик являлся единственной их надеждой.

— Нельзя ли увеличить мощность? — спросил он.

Спаркс отрицательно покачал головой.

— Я и так уже перегрузил все схемы на сорок процентов. Некоторое время они могут выдержать это и не сгореть. Вы же видите, я каждые пять минут отключаю питание. Перегрузи их еще чуть-чуть, и они сгорят сразу, как только я включу напряжение.

— Нельзя ли подобрать другие схемы?

— Боюсь, что нет. Собрать эту штуку было самой легкой частью работы. Большую часть времени мы с Голдом потратили на поиски среди того хлама, который мы только смогли обнаружить. Но по мере того, как мы будем приближаться к Марсу, сигнал будет улучшаться. В конце концов нас услышат.

— В «конце концов» — не очень обнадеживающий срок, — заметил Угалде. Он подошел к передатчику и встал рядом с ним, покачиваясь на носках и заложив руки за спину, словно перед студенческой аудиторией. — В данный момент, хотя и с величайшей досадой, я должен признать, что навигация пока что недоступна для меня, но я тем не менее способен рассчитать любую орбиту. Я не хотел бы разубеждать вас, но я выудил все, что мог из записей последних расчетов погибшего навигатора. Ошибка в нашем курсе возрастает с каждой секундой, а чем больше ошибка, тем труднее ее исправить. Сейчас я попытаюсь провести кое-какую аналогию.

Представьте себе, если сможете, длинный пологий стол, по которому скатывается шар. Если шар скатится точно вниз, то он попадет в колышек, вбитый в футе от стола. Если шар сбить слегка в сторону, он покатится под углом к правильной траектории. Но достаточно легкого толчка, чтобы он опять покатился прямо и все же попал в колышек. Но легкий толчок сразу после отклонения. Если же коррекция не будет сделана сразу, то через некоторое время шар на несколько футов отклонится от нужной траектории, и чтобы исправить ее, потребуется уже сильный удар.

Чем дольше заставим корабль ждать, тем больше расчетов понадобится. Вы, конечно же, поняли, что шар — это наш корабль, а колышек — Марс. Мы потеряли уже довольно много времени. Если ждать еще дальше, может оказаться так, что мы не сможем провести коррекцию полета, требующуюся, чтобы вывести корабль на нужную орбиту. Контакт с Марсом должен быть установлен и немедленно.

После этих слов уже больше нечего было добавить, и в рубке повисло такое плотное и унылое молчание, что его можно было резать ножом. Спаркс оглянулся вокруг и, переводя взгляд с одного на другого, вернулся к столу.

— Не смотрите на меня, — защищаясь от пытливых взглядов, громко произнес он. — С теми частями, что у нас были, я сделал все, что мог! Я смастерил передатчик, и он работает. Вы это слышали. Он дает все, что можно. Больше я ничего не могу сделать. Не забывайте, что это речевой передатчик с модулированием сигнала, а не радар или генератор сигналов, просто излучающий импульс энергии. Это все, что у нас есть.

Дон ткнул его в плечо, причем сильнее, чем наверняка намеревался это сделать.

— Вы упомянули радар? — Дон быстро отошел,

увидев изумление на лице радиста.

— Ничего, сэр. Ничего, что бы нам пригодилось. Если выдать простой сигнал, то возможно получить большей мощности сигнал, чем мы имеем. Но чтобы сигнал нес информацию, мы должны его промодулировать. Иначе Марсианский центр не примет ничего с нашего сигнала, кроме импульса энергии. Они узнают, что мы еще живы, но ничего больше.

— Нет, — ответил Дон, — это не все. — Он шагал вперед и назад, ударяя по раскрытой ладони другой руки. — Кое-что можно сделать. Я знаю, я читал в книге что-то насчет первых шагов радио. Существовал какой-то код…

— Верно, — ответил Спаркс. — Код. Им пользовались, верно, меньше пары сотен лет назад. Мы изучали это в училище по истории радиотехники. До того, как люди научились модулировать сигнал, они для передачи сообщений пользовались одной несущей, разбивая ее в соответствии с кодом на длинные и короткие импульсы. Я уже вспомнил, что для каждой буквы у них был свой особенный сигнал. А на приемном конце они должны были переводить его в буквы. Но мы не можем этого сделать.

— Почему же?

Спаркс собирался улыбнуться, но, увидев выражение лица Дона, переменил это выражение.

— Ну, видите ли, никто больше не знает кода… Так что если бы мы знали его и воспользовались для передачи сообщения, на приемном конце никто нас не поймет. Это была грандиозная мысль, и мы могли бы ей воспользоваться, но…

— Никаких но!.. Мы этим воспользуемся. Сможете ли вы передавать длинные и короткие сигналы?

— Думаю, что смогу. Я могу поставить выключатель и просто включать и выключать передатчик. Или, если мы сможем записать все на пленку, это будет даже проще, и подать запись на обмотку реле. Я полагаю, это можно сделать.

— Тогда делайте. Я вскоре принесу вам послание. Сооружайте свое устройство. Курикка, за мной!

Старшина молчал до тех пор, пока они не вышли из рубки, И лишь в коридоре позволил себе заговорить.

— Сообщите ли вы, сэр, что у вас на уме? — старшина выглядел несколько сбитым с толку, и от этого Дон едва не рассмеялся.

— Все просто. Мы направляемся в библиотеку. Код должен быть там. Если не в книгах на полках,

то в периодической печати.

В конце концов все это оказалось не таким уж и сложным делом. Ни одна из книг, большинство которых являлось беллетристикой для развлечения пассажиров, не выглядела многообещающей, так что Дон набрал индекс энциклопедии. Раздел Ка-Кя содержал целый список кодов, и ему пришлось посмотреть три или четыре раздела, прежде чем он наткнулся на статью «Международные коды». Статья и содержала копию кода.

— Вот он, — сказал Дон, указывая на колонки букв, точек и тире и нажимая на кнопку «печать». –Давайте посмотрим, сможем ли мы перевести сообщение в этот вздор.

Решение предложил доктор Угалде, математик, когда они уже вернулись в рубку.

— Мы сможем задать задание компьютеру. Это одна из тех задач, для решения которых и была задумана эта дурацкая машина. Если позволите, я запрограммирую компьютер на решение преобразования введенного сообщения в этот код, и тогда он сам запишет результат на пленку для передачи. Я думаю, будет легче разобраться, что это за код, если перед сообщением передать числа от одного до десяти, набранные сериями точек. Это поможет им определить, что это разумное сооб-

щение, а не случайный набор точек и тире. Имея такую путеводную нить, им не понадобится много времени, чтобы разобраться, в чем здесь дело.

— Мне кажется — это разумно, — согласился Дон. — После чисел поместим простое сообщение, типа, смогут ли они понять наш код, а затем можно будет передавать и более сложную передачу. Но мы можем ответить только кодом, так что передайте, что мы слышим их передачу. — Он обратился к остальным:– Соберите это приспособление как можно быстрее. Я схожу в лазарет взглянуть на своих пациентов. Как только все будет готово, вызовете меня.

Потребовался весь его врачебный такт, чтобы ответить на все вопросы. Да, шторм прошел и больше не повторится. Нет, слух о том, что у них ушел весь воздух, неверен. Воздух ведь есть и пахнет прекрасно, не так ли? Он сменил повязки на ранах, снял повязку с обмороженных мест, велел больному приходить на перевязки раз в день и как можно быстрее вернулся в свой кабинет. Как только он вошел туда, зазвонил телефон и опять надо было возвращаться к роли капитана. Все было готово к передаче.

— При проверке прекрасно работало, — щелкнув переключателем, доложил Спаркс. Когда Дон

вошел в рубку, неспешная серия точек и тире доносилась из приемника. — Мы прогоняем ленту через вот этот переключающий контур. Я подаю на антенну почти вдвое большую мощность, чем раньше.

— Передавайте, — приказал Дон и опустился в капитанское кресло перед пультом управления. Каптенармус принес кофе и теперь раздавал чашки.

Спаркс перемотал ленту и что-то подрегулировал. Катушки завертелись, и послание умчалось в космос. Приемник все еще повторял записанное на пленку сообщение, которое они и без того уже слышали несколько дней. Прежде чем выключить аппарат, Спаркс еще дважды перемотал пленку и послал сообщение.

— Теперь осталось лишь ждать, — подвел он итог.

Доктор Угалде произвел какие-то быстрые вычисления на листке бумаги.

— Учитывая наше вероятное положение относительно Марса, — сказал он, — я прикинул, что мы сможем уловить ответ не менее чем через полминуты.

Все уставились на часы, на стремительно бегущую секундную стрелку. Она, казалось, ползла

все медленнее и медленнее, наконец проползла полминуты и поползла дальше. Угалде смял свой листок бумаги.

— Возможно, мои расчеты неверны. Ошибка…

Он оборвал фразу, так как внезапно исчез монотонный голос, доносящийся из приемника. Все обернулись. Обернулись чисто автоматически, уставясь на молчащий сейчас динамик. Несколько секунд длилась тишина, затем раздался новый голос.

— Алло, «Иоган Кеплер»… слышите нас? Мы приняли на вашей частоте сообщение в виде серии импульсов. Вы передали их? Если да, то передайте пять импульсов. Повторяйте их, так как у нас очень неуверенный прием.

— Выполняйте, — приказал Дон.

Спаркс встроил в схему нажимную кнопку. Теперь он воспользовался ею для передачи. Пять точек. Пять, еще пять, еще…

Затем они опять погрузились в ожидание, на долгие минуты, пока их сообщение, мчащееся со скоростью света, достигнет Марса. И пока передадут ответ.

— Мы приняли ваше сообщение, «Иоган Кеплер», — комнату заполнили импровизированные аплодисменты. — Это означает, что у вас

трудности с радио. Кто-то здесь уже установил, что ваше сообщение записано кодом и в библиотеке затребована его копия. Если вы считаете, что эта копия у нас будет и мы сможем понять передачу, то пожалуйста, передавайте подробности. Повторяйте ваше сообщение не меньше пяти раз. Повторяю, передавайте ваше сообщение по крайней мере пять раз, так как у нас возникли трудности с приемом. Итак, мы на приеме.

Так как сообщение, которое необходимо было передавать сейчас, было относительно сложным, подготовка к его передаче потребовала много времени. Дон ввел в компьютер сообщение, объясняющее их положение и происшедшие на корабле события, и тот записал его на пленку в виде точек и тире. Была подготовлена еще одна передача, на которой были записаны как предыдущие, так и нынешние результаты астрономических наблюдений. Компьютер на Марсе обработает их и определит необходимое изменение курса. Время шло, а с каждой секундой они все больше отклонялись от правильной траектории.

Они снова ждали, но вместо данных для изменения курса приняли сообщение-запрос о запасах, оставшихся в танках реактивной массы.

Ответ был передан с максимально возможной скоростью, и в полной тишине потекли минуты ожидания ответа данных коррекций, которая вернет их на траекторию, ведущую к Марсу.

Наконец, сообщение пришло.

— Алло, «Большой Джо», — заскрипел голос, и хотя говорящий старался, чтобы его голос звучал оптимистично, в нем проскальзывали тревожные нотки. — Мы не утверждаем, что это окончательный ответ, так как расчеты будут повторены, и что-нибудь будет проделано. Но правда состоит в том, что… ну… вы находитесь на неверной траектории слишком долго. Из этого следует, что имеющейся у вас реактивной массы недостаточно, чтобы направить корабль к Марсу. Вы не можете увести свой корабль с траектории, ведущей во внешнее пространство.

9

В установившейся вслед за этим шокирующим сообщением тишине легкий стук в дверь прозвучал неестественно громко. Помощник механика вошел внутрь, отсалютовал и окинул быстрым взглядом группу потрясенно молчащих людей. Затем протянул Дону полоску бумаги.

— Я подумал, что будет лучше передать эти показания приборов прямо сейчас, сэр. Я как раз провел тестирование несколько минут назад.

Дон встряхнулся. Чтобы размышлять о других проблемах после того, что они только что услышали, приложить требовалось значительные усилия. Он взял полоску бумаги и непонимающе уставился на этот документ.

— Извините, но не могли бы вы объяснить, что означают эти цифры?

Помощник радиомеханика отметил ряд цифр справа и остановил внимание на последней из них, обведенной красным кружком.

— Это процент кислорода в нашем воздухе. Вы видите, он неуклонно снижается. Эти данные получены через каждые пять часов, начиная с мо-

мента аварии. Изменения были медленными, но сейчас появился внезапный провал — вот здесь, в последнем числе. Я думаю, радиация Солнца убила большое количество фитопланктона. Это добавилось к тому, что мы потеряли в результате аварии вместе с водой, и значительно нарушило равновесие.

— Что это такое?

— Ну, сэр, просто люди на корабле превращают кислород в углекислый газ значительно быстрее, чем водоросли могут возобновлять его. Наш воздух становится все более непригодным для дыхания.

Дон вздрогнул. Слишком много проблем вот так сразу.

— Сколько потребуется времени, чтобы это стало опасно?

— Дни, наверное, не могу сказать точно. Но что-то надо предпринимать уже сейчас.

— Не в настоящую минуту. Я спущусь в рефкамеру, как только будет время. Кто там командует?

Матрос, ему было никак не больше двадцати лет, сконфузился.

— Ну, лейтенант Хонг умер, и я решил, что остаюсь только я.

— Как ваше имя?

— Хансен. Помощник рефмеханика третьего класса Хансен.

— Так вот, Хансен, сейчас вы являетесь рефмехаником. Работайте хорошо, так как мы на вас надеемся.

— Есть, сэр, — Хансен вытянулся по стойке смирно и отдал честь.

— Он справится, — подумал Дон, глядя в спину уходящего парня. Затем он вспомнил о сообщении с Марса и почувствовал, как его снова охватывает болезненная депрессия. Он повернулся к Курикке.

— Что это за реактивная масса, о которой беспокоится Марсианский центр? — спросил он. — Сожалею, что вынужден задавать глупые вопросы, но изучение медицины оставляет мало времени на изучение других дисциплин. Я считал, что корабль движется с помощью атомной энергии.

— Так и есть, сэр, но тем не менее, мы нуждаемся и в реактивной массе. Ракеты движутся, не отталкиваясь от чего-то, но отбрасывая что-нибудь от себя. То, что отбрасывается, и называется реактивной массой. В химических ракетах им является раскаленный газ. Газ вылетает в одном направлении, ракета движется в другом. Чем

большую массу вы выбрасываете, тем больший импульс получите и тем, без сомнения, быстрее будете двигаться. Можно получить большой импульс и выбрасывая что-то с большой скоростью. Именно это мы сейчас и делаем. Наша реактивная масса — тонко измельченные частицы кремния. Они получаются выпариванием в вакууме шлаков металлургических предприятий и имеют микроскопические размеры. В двигателе эти частицы разгоняются до невероятных скоростей. Они-то и обеспечивают наше движение.

— Достаточно просто, по крайней мере в теории, — кивнул Дон. — Хотя в нашем распоряжении неограниченная энергия атомного реактора, у нас не хватает реактивной массы для необходимой коррекции курса?

— Верно, сэр. Обычно нам не требуется много реактивной массы, так как все изменения мы производим гораздо раньше. Чем дальше корабль отклонится от курса, тем большая масса потребуется, чтобы вернуть его на этот курс. Мы ждали чересчур долго.

Дон отказался подчиниться заполнившему рубку унынию.

— Нельзя ли в качестве реактивной массы использовать что-то другое?

Курикка отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что нет, ничто другое не будет достаточно мало, чтобы пройти через инжекторы. И двигатель наш сконструирован для работы именно на этом виде реактивной массы. — Он отвернулся, и впервые со времени их знакомства Дон увидел, что твердый как гранит главстаршина может признать себя побежденным. — Боюсь, что мы ничего не сможем сделать.

— Мы не можем опустить руки! — настаивал Дон. — Если мы не можем выйти на правильную траекторию, то курс ведь мы можем изменить, чтобы максимально приблизиться к ней?

— Возможно, и можем, капитан, но это, говорю вам, ничего не даст. Если мы истратим всю массу на коррекцию курса, мы не сможем затормозить.

— Ну, по крайней мере, подойдем ближе к Марсу. Там могут оказаться другие корабли, которые состыкуются с нами и снимут с судна. Запросите об этом Марсианский центр.

Ответ потребовал раздражающе много времени и оказался не слишком обнадеживающим.

— Мы здесь рассмотрели все возможности на компьютерах, но, тем не менее, не получили обнадеживающего ответа. У нас здесь нет лайнеров дальнего следования, способных добраться до вас,

а орбитальные челноки не способны добраться до вас даже после того, как вы смените орбиту. Не теряйте надежду, мы все еще работаем над этим вопросом.

— Большое спасибо за заботу о нас, — пробормотал Спаркс. — Но вы не на нашем месте.

— Боюсь, что я должен не согласиться с главстаршиной Куриккой и хочу сказать, что его последнее утверждение ошибочно, — произнес Угалде. Он был настолько погружен в расчеты, что не заметил, что с тех пор, как Курикка произнес свое «последнее утверждение», прошло не менее пятнадцати минут. — Кое-что можно сделать. Я рассмотрел ситуацию с нескольких сторон и, если вы позволите мне сказать, то вы увидите, что рассматривали ситуацию лишь с одной стороны. Это произошло потому, что вы ее неверно сформулировали, — он тут же стал расхаживать взад и вперед по рубке. — Проблема не в том, чтобы найти добавочную массу, а в том, чтобы скорректировать наш курс. Если сформулировать вопрос так, что ж, проблема становится ясной и ответ очевиден.

— Не для меня, — заметил Курикка, и говорил он от имени всех присутствующих.

Угалде улыбнулся.

— Раз мы не можем найти добавочную реактивную массу, значит, мы должны уменьшить ту массу, против которой действует реактивная масса.

— Конечно! — в свою очередь улыбнулся Дон, — нам просто следует облегчить наш корабль!

— Важно, чтобы все, что мы будем выбрасывать, сначала взвесили, — предупредил Угалде. — Это важно для расчетов. — И чем быстрее мы начнем это делать, тем лучше для нас.

— Мы начинаем прямо сейчас, — сказал Дон, вытаскивая дощечку для письма и электрическую авторучку. — Я хочу составить список всего того, что является необходимым для управления судном и сохранения жизни находящимся на борту людям. Ваши предложения?

— Багаж пассажиров, конечно же, — сказал Угалде. — Они могут сохранить только то, что на них, остальное должно быть выброшено.

— Я уже ясно вижу все эти иски! — застонал каптенармус.

— Я уверен, что компания застрахована, — ответил Дон, делая пометку. — Багаж или жизнь — не очень-то богатый выбор. Они могут оставить себе ценности и личные вещи, но все громоздкое должно быть выброшено. Соберите-ка их в

главной столовой через пятнадцать минут. Я поднимусь туда и поговорю с ними.

Каптенармус кивнул и вышел, а Дон повернулся к остальным.

— Обеденные столы, стулья, посуду и кухонное оборудование, — перечислял Курикка. — Все мороженое мясо и остальные замороженные продукты. Мы можем прожить и на дегидрированном аварийном пайке, использующем циркулированную воду.

— Хорошая мысль, что следующее?

Как только они задумались над этим, сразу же нашлось потрясающее количество вещей, без которых можно прожить. Ковры, украшения, перила лестниц, мебель, запасные блоки, детали. Список рос, и Дон начал помечать галочкой вещи. Но одна немаловажная часть была упущена.

— А как насчет груза? — Курикка отрицательно покачал головой на вопрос Дона.

— Хотел бы, чтобы это было возможным, — сказал он. — Там тяжелое оборудование, тюки с одеждой — множество вещей, от которых мы могли бы избавиться. Но для экономии места весь груз загружен в контейнеры и прочно закреплен для защиты от перегрузок. В челночных ракетах установлено специальное оборудование, чтобы

освободить контейнер и вытащить его, но у нас этого нет. Я полагаю, мы сможем кое-что сделать и вытащить все же контейнеры, но на это уйдет как минимум пара дней.

— Которых у нас нет. Груз останется, но все остальное должно быть выброшено.

Как только члены команды получили приказание, что выбрасывать за борт, Дон отправился, и притом неохотно, в столовую. Он представлял себе, как его там встретят, и не ошибся в реакции пассажиров. Все 112 пассажиров уже ждали его в весьма скверном настроении. Из-за шума, который создавали матросы, уже начавшие вытаскивать столы, Дон вынужден был кричать, чтобы его услышали. Он кратко изложил испытываемые ими трудности. Факт, что они из-за аварии слишком отклонились от курса и теперь вынуждены облегчить корабль. Когда он сказал им, что их багаж тоже должен быть выброшен, они гневно зашевелились.

— Вы не имеете права и не можете это сделать! — гневно закричала пожилая матрона, и со всех сторон раздались возгласы одобрения. Прежде чем заговорить снова, Дон подождал, пока крики умолкнут.

— Прошу прощения, если кажусь чересчур

властным. Но уверяю, у нас нет иного способа выпутаться из нынешнего положения. Это не мое заключение, вы знаете, я всего лишь врач и принял командование этим судном всего лишь потому, что все остальные офицеры погибли. Но мы связались с Марсианским центром, и это их вывод. Мы не сможем развернуть корабль, если не облегчим.

Выкрики недовольства стали громче, но Дон перекричал их.

— Я являюсь капитаном, и это приказ. Вы оставите только те вещи, которые я перечислил, все остальное принесите сюда в течение получаса. От этого зависят ваши жизни.

Пассажиры неохотно разошлись, недовольно переговариваясь. Дон улыбнулся про себя, подумав, что ему никогда не добиться популярности, если в опросах общественного мнения будут участвовать эти люди. Но он должен спасти их жизни, нравится им это или нет. Один человек остался и сейчас приближался к нему. Он выглядел знакомым — худой, загорелый мужчина с пышными усами.

— Мое имя Дойле, капитан, — представился он, — я секретарь генерала Бригса.

— Что я могу для вас сделать?

— Не для меня, а для генерала, — улыбнулся Дойле, игнорируя слышавшуюся в голосе Дона гневную интонацию. — Он желал переговорить с вами. Так ли чрезмерна его просьба?

Дон колебался. Он помнил о своем обещании переговорить с Бригсом. Ему все равно придется заниматься этим, и не все ли равно, когда это произойдет, сейчас либо после того, как будет выброшен излишний груз.

— Хорошо, я пойду прямо сейчас.

— Я уверен, генерал оценит это. Спасибо.

Они зашли в рубку за ключами и направились к временной тюрьме.

Как только они зашли, генерал сразу же поднялся с койки.

— Очень хорошо с вашей стороны, что вы пришли сюда, капитан, — произнес он.

— Вы желали переговорить со мной, генерал?

— Да, если у вас есть на это время. Но что я действительно желал, так это извиниться за инцидент в моей каюте. Я, конечно же, отдал все свои сигареты — я так же хорошо умею подчиняться приказам, как и отдавать их. Однако я забыл одну пачку и закурил, даже не отдавая себе в этом отчет. Это и явилось причиной инцидента. Я очень сожалею, что так произошло.

— Так же, как и все мы.

— Уверен в этом. А сейчас, если можно это спросить, я хотел бы выяснить, как долго вы планируете держать меня в этом отсеке? Я не протестую против заключения, ваши действия полностью оправданы, но полагаю, срок заключения должен быть объявлен.

Дон быстро оценил ситуацию. Он нуждался в сотрудничестве с пассажирами, а перетянуть генерала на свою сторону было бы значительным подспорьем. Обуревавший ранее этим человеком гнев исчез, и он, казалось, каялся совершенно искренне. Больше не было смысла держать его взаперти.

— Вы можете уйти прямо сейчас, генерал. Это было не наказание, а лишь временная мера, пока мы не выяснили причину пожара.

— Очень любезно с вашей стороны.

Последние слова были сказаны холодным, формальным тоном, без теплоты, которую генерал высказал в своих объяснениях несколькими минутами раньше. Он и Дойле повернулись и тут же ушли. Дон посмотрел им вслед — его тревожило какое-то смутное воспоминание. Что же сказал тот матрос? Что в багаже было множество сигарет. Ладно, даже если генерал и соврал для

того, чтобы выйти из-под заключения, это не так уж важно. Инцидент исчерпан, и ему следует подумать о судне.

Как только он ступил на последний марш лестницы А-палубы, он увидел потрясающее зрелище. Так как эта палуба являлась внешней обшивкой судна, то иллюминаторы из толстого вязкого стекла были вделаны прямо в пол. Они казались вделанными в раму кругами тьмы, двух ярдов в диаметре, испещренными точками миллиардов звезд. Из-за вращения корабля, которое возвращало его обитателям иллюзию веса, звезды, казалось, равномерно двигались. Исключая время отлета и прибытия, звезды были единственными предметами, которые можно было увидеть в иллюминаторы.

Нет, кое-что и еще — яркий свет далекого Солнца, не рассеиваемый атмосферой, отражался от множества предметов, текущих через пространство: столы, чемоданы, окорока, ковры, туфли, консервные банки, посуда — список можно было бы продолжить до бесконечности. Они медленно уплывали прочь, уменьшаясь и исчезая, а новые предметы занимали их место. Выбрасывание лишнего веса началось.

На площадке рядом с воздушным шлюзом ца-

рил организованный беспорядок. Над открытой дверью шлюза загружалась очередная партия. Каждая вновь прибывающая партия взвешивалась, вес записывался, а затем бесцеремонно бросался в открытую пасть люка. Когда шлюз наполнялся, люк закрывали, откачивали воздух и раскрывали створки наружного люка. Центробежная сила выталкивала груз, присоединяя его к длинному шлейфу обломков, медленно движущихся вслед за кораблем.

Контролирующий всю эту операцию главстаршина Курикка направился к Дону для доклада, как только увидел его.

— Пока все идет как надо, капитан. У нас были небольшие неприятности с пассажирами, но теперь все урегулировано.

— Что за неприятности?

Главстаршина оглянулся по сторонам, а затем понизил голос:

— Я — реалист, сэр, но когда от этого зависит моя жизнь, я не привык полагаться на честное слово. Я взял каптенармуса и кое-кого из матросов, и мы прошлись по каютам после того, как пассажиры выбросили весь свой багаж. Мы нашли множество необходимых вещей, которые вовсе не являются таковыми. Их тоже выбросили.

— Вы — безжалостный человек, старшина, и будущий судебный процесс несомненно докажет это. Но в любом случае я поддержу вас.

— Есть, сэр. Мы уже заканчиваем и сейчас просуммируем весь выброшенный вес для Марсианского центра.

— Заканчивайте поскорее. Вы знаете почему.

Курикка молча кивнул и вернулся к своим обязанностям. Дон повернулся, чтобы уйти, и запнулся. Чтобы не упасть, он вынужден был ухватиться за стену. Он чересчур устал, но все равно об отдыхе нельзя даже мечтать, пока не будет скорректирован курс.

Двигаясь медленно и осторожно, он миновал пассажирские каюты и добрался до рубки, где с облегчением рухнул в капитанское кресло.

— Данные для запуска двигателей, — произнес голос, и Дон рывком поднял голову. Он задремал, даже не подозревая об этом. Из полуопущенных ресниц он уставился на лист бумаги, который протягивал ему Спаркс.

— Что они сказали?

— Десять минут до короткого включения двигателей. Старшина и доктор Угалде обеспечат их работу. Марсианский центр заявил, что теперь они «оптимисты» по поводу необходимой

коррекции.

— Хорошо бы они оказались правы в своем оптимизме, — ворчливо заявил Дон. — Спасибо, Спаркс, без сомнения, команда проделала огромную работу.

— Надеюсь, что все будет как надо, сэр, — ответил Спаркс, опуская бумагу и отворачиваясь.

Всю работу выполнили машины. Компьютер на Марсе рассчитал команду включения, и эти цифры были введены в корабельный компьютер. Раз он теперь знал требуемую коррекцию, то и быстро рассчитал требуемое положение сопел и развернул огромный корабль в пространстве. Дон глядел в иллюминатор на перемещение звезд в новом положении и криво улыбался, вспоминая, сколько часов наблюдений потребовалось ему, чтобы выполнить эту работу, и притом значительно хуже.

Затем началось ожидание.

Стрелки на контрольной панели атомного реактора ожили, как только реактор увеличил отдачу энергии. Минуты тянулись мучительно медленно, пока компьютер не решил, что пора дать импульс. Он не информировал людей об этом. Они узнали об этом только тогда, когда ожили двигатели и на них обрушился внезапный

толчок.

— Ну вот и оно, — сказал Дон. — Доктор Угалде, как скоро мы сможем узнать, что мы на верной орбите?

Математик погрузился в размышления.

— Должен сказать, что пройдет по меньшей мере час, прежде чем мы сумеем установить значение боковой линии. Мы проведем наблюдения для Марсианского центра, и как только их компьютер установит наш курс, нас проинформируют.

— Телефон, капитан, — произнес Курикка, и Дон включил стоящий перед ним аппарат. С экрана на него смотрело расстроенное лицо Рамы Кизима.

— Не могли бы вы прийти в лазарет, сэр? Тут пациент с высокой температурой. Я не знаю в точности, что делать.

— Другие симптомы?

— Я ничего не смог обнаружить. Только общая слабость и, знаете ли, расстройство желудка.

— Я обязательно приду, пока здесь все в порядке. Многие легкие инфекции начинаются подобными симптомами. Немного терпения, и я приду и осмотрю его.

Это было почти облегчением, беспокоиться о

чем-то, связанным со здоровьем пассажиров, а не беспокоиться о корабле.

Он был обученным врачом и знал, что справится с любой болезнью. И только в управлении судном он чувствовал свою беспомощность.

— Я буду в лазарете, старшина, созвонитесь со мной, как только в этом будет необходимость.

Он открыл дверь и едва не сбил с ног рефмеханика Хансена. Тот тоже был измучен до предела и выглядел испуганным.

— Прошу прощения, капитан, — начал он, — я пришел сюда для встречи с вами. Наедине, если возможно.

Дон закрыл за собой дверь и бросил взгляд направо, потом налево. Коридор был пуст.

— Здесь никого нет. В чем дело?

— Кислород, капитан. Его воспроизводство снова упало. И сейчас люди дышат кислородом, запасенным в атмосфере судна. Я успешно изымаю углекислый газ, так что концентрация не растет, но…

— Как скоро это станет заметно?

— Это заметно уже сейчас. Если вы побежите, то вам придется дышать намного чаще, чем обычно. И вскоре, дня через два или три…

— Ну?

— Люди начнут умирать, сэр.

10

— Ничего не болит, мистер Приц? — спросил Дон. Он ощупал шею и под мышками сидевшего перед ним мужчины. Припухлостей лимфатических узлов, свидетельствующих о серьезной болезни, не было.

— Нет, но если бы болело, я сказал бы об этом значительно раньше. — У мистера Прица было худое лицо с орлиным носом. По нему не видно было, что он привык, чтобы его распоряжения выполнялись. — Я потратил на это путешествие уйму денег, но оно оказалось далеко не приятным. Метеориты, кошмарная еда, потеря багажа. Теперь еще это. Если бы вы перед отлетом как следует вычистили корабль, я ничего бы не подхватил.

— Все корабли, чтобы не перенести болезни с одной планеты на другую, обладают стерильной чистотой. — Температура этого человека уже перевалила за 38, но дыхание и пульс оставались нормальными. — Более вероятно, что вы притащили эту инфекцию с Земли. После инкубационного периода она и дала о себе знать

— Что же это? — спросил пациент.

— Ничего опасного в этом нет, можете быть уверенными. Так долго она не дает знать о себе ничем, кроме высокой температуры. Я собираюсь просто попросить вас остаться на несколько дней в лазарете, в основном для того, чтобы защитить других пассажиров. Я выпишу вам лекарство с противомикробным действием. И жаропонижающее, чтобы сбить температуру. Вам не о чем беспокоиться.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Дон делал подкожное впрыскивание. Спеша ответить, Дон едва не выронил шприц.

— Капитан слушает.

— Мы это сделали, — сказал Курикка. Его обычная сдержанность рухнула под напором внезапно меняющейся ситуации. — Марс сообщил, что теперь мы летим прямо на них или же по крайней мере так близко от них, что наш курс можно исправить минимальной коррекцией. Так как у нас мало реактивной массы, то они примут нас не на обычной орбите, а на орбите захвата.

— В чем разница?

— Обычно мы подлетаем к орбите Фобоса и начинаем торможение до тех пор, пока не выйдем на подходящую орбиту. Но для такого состояния

у нас не осталось реактивной массы. Поэтому мы устремимся к Марсу. Не настолько близко, чтобы вонзиться в атмосферу, но, тем не менее, достаточно близко, чтобы гравитационное поле Марса захватило нас и завернуло на круговую орбиту вокруг Марса.

— Очень хорошие новости, старшина. Передайте мою благодарность всем, кто помогал проделать эту успешную работу.

— Теперь все пойдет прекрасно.

Дон повесил трубку и задумался. Все было далеко не прекрасно. Что хорошего в том, что они доберутся до орбиты Марса, если к тому времени все умрут от удушья.

Дон закончил инъекцию и поднялся по ступенькам на С-палубу, где размещался пульт кондиционирования воздуха. Эта палуба была предназначена для размещения служебных помещений и хранилищ, и звуки шагов звучали в ней сейчас словно в гробнице. Он проходил мимо пустых хранилищ, даже двери с которых были сняты, и где с палубы было отвинчено все оборудование. Хансен ждал его.

— Это таблицы, сэр. Можете посмотреть сами.

Дон посмотрел на ряды и столбики цифр, расплывающиеся у него перед глазами от чрез-

мерного переутомления, и протянул таблицы назад.

— Будет скорее, если я не стану сам разбираться в них. Вы специалист, и я собираюсь обратиться к вам за разъяснениями. Что, по существу, явилось причиной такого падения кислорода?

Хансен указал рукой на освещенную, кажущуюся почти прозрачной жидкость.

— То, что можно видеть в иллюминатор, это и есть фитопланктон. Просто плавающие в воде одноклеточные водоросли. Улавливая углекислый газ, они снова превращают его в кислород. Скажем, мы потеряли слишком много водорослей во время аварии. И еще больше умерло или мутировало во время шторма. Их осталось недостаточно для воспроизводства необходимого нам кислорода.

— А нет возможности вырастить их еще?

Хансен отрицательно покачал головой.

— Я сделал все, что мог. Удалил мутировавшие клетки и поддерживал деление и рост остальных. Но это слишком медленно. У нас достаточно питательных средств для добавления в воду, но скорость деления клеток невозможно увеличить.

— Это я могу понять, — Дон обвел взглядом

размещенное здесь оборудование.

— Большая часть оборудования предназначена для обработки воды: производство анализов, текстов, автоматическая система контроля и тому подобное, — пояснил Хансен. — Здесь наверху установка для первичной обработки воздуха. Фильтры и восстановитель углекислого газа.

— Он не может помочь нам?

— Может, но этого недостаточно. Сейчас его действие постепенно сходит на нет. Он хорошо разлагает углекислый газ на кислород и углерод, но он сконструирован для неспешной работы в составе большой системы. Например, когда необходимо убрать кратковременный излишек окиси углерода.

Дон попытался взбодрить свой уставший мозг.

— У нас есть еще запас кислорода. Он не поможет?

— Нет, сэр. Всего запаса кислорода хватит нам не больше, чем на двенадцать часов.

— Так что же мы тогда сможем сделать?

— Я не знаю, — ответил Хансен, и лицо его побелело от страха. Дон пожалел, что задал этот вопрос. Этот парень достаточно хорошо выполнил то дело, на которое его поставили, но он не мог справиться с большой проблемой.

— Тогда не беспокойтесь об этом, мы что-нибудь придумаем.

Легко сказать, но что они могут сделать? Где взять кислород в глубине межпланетного пространства? Думай! Он вбивал все это в свой утомленный мозг, но там была лишь полная пустота.

И тем не менее, его терзала мысль, что ответ находится прямо перед глазами.

Единственной вещью, находящейся перед ним, были водоросли в их водяной купели. Они делали все, что могли, он знал это, и, тем не менее, ответ где-то здесь. Но где?..

Внезапно Дон громко рассмеялся.

— Ответ прямо перед глазами, — произнес он и хлопнул пораженного рефмеханика по спине. — Взгляните сюда. Что вы видите?

— Почему… планктон, сэр.

— Что-нибудь еще?

— Нет, ничего, только плавающие в воде водоросли.

— Какое слово вы произнесли?

— Вода.

— Из чего состоит вода?

Внезапно понимание осветило лицо Хансена.

— Из водорода и… кислорода.

— Абсолютно верно. Атомный реактор даст всю энергию, что вам будет нужно. Если мы подвергнем воду электролизу, то в процессе реакции вода разложится на составляющие ее водород и кислород.

— Водород мы выпустим в космос, а кислород используем. Но, капитан, вода ведь тоже нужна. Планктон все еще необходим.

— Я и не думаю отбирать воду в этом месте. Но я предвижу множество жалоб со стороны пассажиров. Вся вода на корабле циркулирует по замкнутому циклу. Но у нас ее намного больше, чем необходимо для выживания. Мы рассчитаем минимальное количество и оставим его. Всю остальную воду мы превратим в кислород. Они будут неумыты и, возможно, будут испытывать легкую жажду, но им по крайней мере будет чем дышать.

— Какое оборудование нам потребуется?

— В первую очередь емкость типа ванны. Химической реакции не будет, так что емкость не надо герметизировать. И еще нужен источник сильного тока. Кабели от генератора должны быть максимально большого диаметра. Обычная щелочь, растворенная в воде.

— Столовая соль подойдет?

— Как раз ее не хотелось бы. Это хлористый натрий, а это означает, что в полученном кислороде будет присутствовать некоторое количество хлора, а нам несомненно не нужен этот ядовитый газ. Нам нужна щелочная соль. Нет ли ее среди питательных веществ?

Хансен вытащил список запасов и пробежался по нему взглядом.

— Магний необходим для воспроизводства хлорофилла, так Что у нас есть небольшой запас сульфата магния. Он подойдет?

— Горькая соль? Это лучше всего. Единственная сложность — сделать катод, то есть отрицательный электрод, и заключить его в трубу, в которую проникал бы раствор. Это тот электрод, который будет выделять водород. Мы должны отвести его и выбросить в космос. Кислород может вытекать прямо в воздух. — Дон быстро набросал схему и передал ее рефмеханику.

— Это должно прекрасно работать, — сказал Хансен. — В качестве сосуда мы можем воспользоваться стеклянным отстойником. Я вычищу его и приготовлю слабый раствор электролита. Но я не уверен насчет проводки и откачки водорода.

— Я берусь в этом помочь вам. Главстаршина Курикка должен знать, как это все устроить. А

если и не знает, то несомненно подскажет, кто из команды смог бы помочь тебе в этом. Вызовите его сюда.

Курикка привел с собой Спаркса, а затем вызвал и нынешнего главного инженера Трублевского. Кабели из пустых ныне морозильных камер были протянуты под палубой и выведены в нужном месте. Пока это делалось, стеклянный купол, бывший ранее иллюминатором в обсерватории, был водружен на катод и связан трубкой с клапаном, сообщающимся с вакуумом за бортом корабля. Его можно было настроить так, чтобы он выпустил наружу водород, но не делал утечки электролита.

— Готово, — наконец доложил Спаркс.

— Ладно, включайте, — приказал Дон, едва не падающий от усталости.

Курикка перекинул мощный рубильник, и Трублевский медленно повернул рукоятку реостата; как только ток потек через погруженные в воду электроды, тут же возле них стали образовываться крохотные пузырьки.

Затем, по мере увеличения тока, пузырьки стали увеличиваться, большие пузыри стали подниматься и лопаться на поверхности. Дон нагнулся над сосудом и глубоко вздохнул.

— Превосходно, — произнес он, как только чистый кислород прояснил его мысли. — Наши проблемы, наконец, решены.

Он счастливо моргал в насыщенной кислородом атмосфере над сосудом и лишь смутно сознавал, что зазвонил телефон и ему протягивают трубку.

— Говорите, — сказал он и только потом разобрал на крошечном экране встревоженное лицо Рамы Кизима.

— Не могли бы вы прийти в лазарет, сэр. Тут еще четыре пациента со столь же высокой температурой. А с первым я уже не знаю что делать. Он без сознания, и я не могу привести его в чувство.

11

Дон отпустил Раму, отослав его спать, так как хотел побыть наедине со своими мыслями. Четверо новых пациентов с высокой температурой лежали в общей палате, но первый, больной Приц, был помещен в изолятор. Дон стоял у его кровати, слушая тяжелое медленное дыхание больного и глядя на показания группы прикрепленных к его телу приборов.

Пульс слабый, но устойчивый, сердце, несомненно, в норме. Температура за сорок и, несмотря на дозы жаропонижающего, которые, несомненно, должны были ее сбить, постоянно растет. Антибиотики тоже не дали никакого эффекта. Чем это было вызвано? Незадолго до этого он гордился, что сможет справиться с любой неприятностью по медицинской части, которая только может возникнуть. Он не слишком удачно действовал в этом случае. Может, это от чрезмерной усталости…

Подавив зевок, он вышел в свой кабинет, тщательно вымыл руки, сунул их под ультразвуковой стерилизатор. Рама оставил термос с горячим

кофе, и он налил себе чашку. Потягивая горячий кофе, он попытался подогнать факты под то, что знал ранее.

Какие же у него были факты, кроме тех, что у него пять пациентов, госпитализированных с высокой температурой, вызванной неизвестно чем. Только у одного Прица, болезнь которого зашла дальше, имелся специфический синдром, особое подергивание лица и нижней челюсти. Очень похоже на синдром Коливера, хотя и не столь ярко выраженный. Но этот синдром встречается только на стадии паралича при полиомиелите.

Других симптомов полиомиелита не было, и это никак не могла быть эта болезнь. Так что же это тогда?

Словно собака, терзающая обглоданную кость, он постоянно возвращался к мысли о этой болезни, о которой никогда раньше не слышал, что было совершенно невозможно. Мутированная, изменившаяся, или очень редкая болезнь? На поиски в библиотеке можно было потерять не один день, так что ему нужно хоть немного сузить поле поисков. Приц был единственной для него путеводной нитью. Так как он был первой жертвой, то очень велики были шансы на то, что он и явился разносчиком этой болезни. Дон поднял

трубку и набрал номер каюты каптенармуса.

— Дженнет, мне нужна информация об одном из пассажиров.

— Что вам нужно, сэр? Записи рядом со мной.

— У меня тут пассажир по имени Приц. Я хочу знать, откуда он родом и где был перед тем, как подняться на борт этого судна. Потом, вообще, вся информация, которая у вас имеется.

— Одну минутку, сэр. Вы подождете или мне перезвонить вам?

— Я буду у себя в лазарете.

Он как раз вешал трубку, когда вошел Рама с накрытым подносом.

— Я как раз обедал, сэр, и мне пришла в голову мысль, что вы уже давно не ели. Так что я взял на себя смелость…

Дон сосредоточился, но не мог вспомнить, когда он в последний раз ел. Но он слишком устал, чтобы чувствовать голод.

— Спасибо, но мне кажется, что я вряд ли смогу есть. Я видел восстановленные дегидрированные продукты и уверен, что они питательны. Но внешне они чересчур похожи на опилки. Нет, не сейчас…

Он запнулся, так как Рама поставил перед ним поднос и открыл его. На тарелке лежал дымящий-

ся бифштекс, и выделяемый им аромат привел к тому, что Дон чисто автоматически облизал губы. Он уже потянулся к серебряной вилке, когда его внезапно охватил гнев.

— Я приказал выбросить все запасы продуктов, кроме дегидрированных. Я не допущу фаворитизма и особых привилегий ни для кого, включая и себя самого.

— Ни в коем случае, сэр, — Рама отшатнулся и поднял руки, словно защищаясь. — Все очень просто. Главстаршина Курикка накрыл одного из поваров, готовящего этот бифштекс для себя. Тот, по-видимому, припрятал мясо для собственного плотского удовольствия. Главстаршина справедливый, но очень сердитый человек, и я не в состоянии передать вам все наказание, которое обрушилось на прожорливого повара. Самой малой было приготовление этого бифштекса со всей тщательностью, но не для себя. Все присутствующие там единогласно решили, что выбрасывать его будет расточительностью. И если кто на «Большом Джо» имеет на него право, так это только вы. Несогласных не было, сэр. Съешьте его, пожалуйста, пока он не остыл.

Дон секунду помедлил, затем взялся за вилку. Когда он заговорил снова, то заговорил запинаю-

щимся голосом:

— Это наименьшее, что я могу сделать. Пожалуйста, поблагодарите всех от моего имени. Прекрасный бифштекс.

Дон уже прикончил бифштекс и запивал последним глотком кофе, когда зазвонил телефон. Это был каптенармус.

— Информация, которую вы затребовали, капитан. Очень короткая. Человек, о котором вы запрашивали, покинул Землю через Чикагские озера, и он также постоянно живет в Большом Чикаго. Он не покидал Чикаго уже по меньшей мере год. Вам нужна была эта информация, сэр?

— Да, спасибо, это то, что меня интересовало, — Дон медленно положил трубку.

Тупик. В Большом Чикаго не было никаких экзотических болезней.

— Что-нибудь не в порядке? — спросил обеспокоенно Рама.

— Постоянно ложный след. Я пытался определить природу болезни, которой больны эти люди. Если быть совершенно честным, я просто не представляю, что же происходит. Так как ты, Рама, мечтаешь стать врачом, то сейчас имеешь шанс убедиться, что врачи тоже люди. Мы не можем знать всего. То есть, ни один из нас не

может знать всего. Поэтому у каждого из нас есть специализация. И я сейчас пойду и свяжусь со специалистами. А тебе лучше остаться здесь на посту. Если я понадоблюсь, я буду в рубке.

Или коридоры вдруг стали длиннее, или же он совершенно вымотался. Он встретил одну из пассажиров миссис та-или-другая, но даже не вспомнил ее имени. Поравнявшись с ней, он приветливо кивнул, но она лишь презрительно фыркнула и отвернулась. Дон не улыбнулся. Он почти прочитал ее мысли: «Дутый капитан, который украл воду, пищу и багаж».

В рубке находился один Курикка. Скрестив руки на груди, он сидел в пилотском кресле, следя за шкалами и циферблатами находящегося перед ним пульта. Если бы Курикка был таким человеком, которого можно было подозревать, что он может уснуть на посту, то можно было подумать, что он сейчас спит. Хотя Дон даже не обратился к нему, тот вытянул свое шестифутовое тело и застыл по стойке смирно.

— Мы на курсе, капитан. Все в порядке. Реф-механик докладывает, что уровень кислорода в воздухе постоянен.

— Вольно, старшина, садитесь. — Дон взглянул на без единой морщинки форму главстаршины.

Он всегда выглядел безупречно, но выдавали его темные мешки под глазами. — Когда ты последний раз спал?

— Не помню точно. Но чувствую себя отлично. Совсем не устал. Несомненно потому, что я не пью, не курю и в девять часов уже в постели.

— Вы — лжец, — ответил Дон, и оба улыбнулись. — Вы уже имеете контакт с Марсом?

— Еще нет. Но доктор Угалде показал мне, как программировать компьютер, чтобы он выдавал ленту с нужными сообщениями. Так что, запросто давайте мне сообщение, и я его отправлю.

— Оно достаточно простое. Попросите их связаться с Землей и вызвать диагностический центр в Лондоне. Мне нужна консультация. Я дам вам еще список симптомов, но вначале передайте это сообщение. Им может понадобиться время, чтобы установить связь.

— Врачебную консультацию? Это имеет отношение к вашим пациентам?

— Конечно, имеет. Я собирался рассказать вам, как моему заместителю, но не хотел бы, чтобы эта новость распространилась. Первый случай, кажется, становится серьезным. Насколько я могу понять, у всех них одно и то же. И я не имею ни малейшего представления, что это может быть

за болезнь.

Старшина молча повернулся к панели связи с компьютером и набрал сообщение. Дон опустился в капитанское кресло и попытался упорядочить свои мысли. Болезни, лекарства, симптомы — все перемешалось, и не все выстраивается в разумный порядок.

Голос не дошел до него, и лишь настойчивое потряхивание за рукав привело Дона в чувство. Он раскрыл свои затекшие глаза и увидел склонившегося над ним старшину.

— Объединенный диагностический центр на связи, — сказал Курикка.

— Сколько я спал?

— Около четырех часов, сэр. Я связался с лазаретом и узнал, что вы там не нужны. Так что я дал вам возможность немного поспать.

— Видимо, вы правильно сделали, старшина. Я несомненно нуждался в этом, — он огляделся. Спаркс поправлял аварийный передатчик, а какой-то матрос вносил записи в журнал. — А теперь я хочу, чтобы вы передали мое послание.

Дон продиктовал все симптомы таинственной болезни и все медицинские данные своих пациентов. Все известные ему факты, даже имена пассажиров и их адреса, так что на Земле могут

свериться с их медицинскими картами. Затем, когда лента с посланием уже была введена в передатчик, он зевнул и потянулся.

— Пойду умоюсь, — сказал он. — У нас полно времени до того, как придет ответ. И узнайте, нельзя ли принести сюда немного кофе.

Дон чувствовал себя лучше, чем когда-либо с того момента, как начались все эти кошмарные события, последовавшие за встречей с метеоритом. Он хоть немного поспал, и сейчас для разнообразия не было никакой угрозы. Была неприятность с этой болезнью, но он мог разделить ответственность за нее и с другими. Раньше он был вынужден действовать в одиночку, а сейчас за его спиной были все гигантские возможности Земли. Это слегка смахивало на стрельбу из пушек по воробьям, но давало ощущение безопасности.

Марсианский центр перетранслировал телеграмму из Лондона с просьбой дополнительных подробностей, и Дон передал всю информацию, которую только мог собрать. Рама доложил, что в состоянии пациентов не произошло никаких изменений, и Дон позволил себе расслабиться — впервые за несколько дней. И маленькими глотками смаковал свой кофе. Когда сообщение

из диагностического центра, наконец, пришло, оно застало его врасплох.

— Хелло, «Большой Джо», говорит Марсианский центр. У меня послание для доктора Чейза из Объединенного диагностического центра. Передаю это сообщение: «Сожалеем, но нам совершенно неизвестно заболевание, происходящее с переданными вами симптомами. Пожалуйста, ведите подробные записи, так как эта болезнь, похоже, является неизвестной. Конец сообщения!».

Дон вскочил на ноги, и чашка из небьющегося стекла покатилась по палубе, расплескивая черные капли кофе.

Помощи извне не будет. Он снова один на один со своей проблемой, и более одинок, чем когда-либо ранее.

— Не больно-то хорошие новости, — мрачно сказал Курикка.

Дон устало улыбнулся.

— Не очень хорошие — сильное преуменьшение. По каким-то причинам они, кажется, не могут определить природу лихорадки, доставляющей нам столько неприятностей.

— Коли это лихорадка, то не столь и важно. Через пять-шесть дней мы будем на орбите Марса и нам смогут доставить сколько угодно врачей.

— Это прекрасно, если это только лихорадка, Дон запнулся, так как зазвонил телефон. Курикка поднял трубку и, прослушав несколько минут, прикрыл трубку рукой.

— Это Рама из лазарета, — сказал он. — Он хочет, чтобы вы немедленно явились к нему.

— Он сказал, почему?

Курикка принял решение, предварительно окинув взглядом всех присутствующих в рубке.

— Да, он сказал, что этот пациент, Приц, умер.

12

— Вы здесь ничего бы не смогли сделать, — утешающе сказал Рама.

— Возможно, — начал было Дон, но запнулся, он знал, что Рама прав. Когда Рама натягивал простыню на лицо трупа, Дон отвернулся.

Они испробовали все. Внутривенные вливания, охлаждающую ванну, сердечные стимуляторы, наркотики-все, что могли, и ничего не помогло. Приц умер, просто умер, его жизнь угасла, как электрическая лампочка, вся мощь современной медицины оказалась бессильной повернуть этот процесс вспять.

— Теперь я могу сказать вам, — понизив голос, зашептал Рама, — что мы имеем еще двух пациентов. Я впустил их, пока вы были заняты здесь. Сообщил ли Лондон, что это за болезнь? Что мы можем сделать, чтобы остановить ее?

Дон отрицательно покачал головой, внезапно осознав, что в неистовых попытках спасти жизнь их пациенту он так и не сообщил Раме о полученном из Лондона ответе.

— Они тоже не имеют понятия, что это такое.

Мы один на один со всем этим.

— Но они обязаны знать, — настаивал Рама, почти с религиозным фанатизмом веривший в неограниченные возможности медицины, — Они знают обо всех болезнях, так что они должны знать и об этой.

— Они не показались мне знающими что-либо об этой болезни.

— Это невозможно, если это только не новая болезнь.

— Что вполне возможно. Как Приц заразился перед тем, как подняться на борт, представляет теперь чисто академический интерес. Так как помощи извне не будет, мы должны основать ее прямо здесь. В первую очередь следует приостановить распространение инфекции. Мы объявим лазарет на карантине, затем сделаем кое-какие приготовления, чтобы предотвратить заражение остальных. Мы должны установить, с кем контактировали пациенты, а затем посмотреть, не сможем ли мы изолировать и этих людей.

— Это очень трудно сделать на судне такого размера, как наше.

— Видимо, да, а может и вообще невозможно. Но по крайней мере мы должны попытаться. Я пойду в рубку и вернусь как только смогу.

Перед выходом он позвонил, и когда вошел, все новоиспеченные офицеры его уже ждали. У радиостанции — Спаркс, Трублевский из машинного отделения, каптенармус и Курикка. Старшину, видимо, вызов застал во время бритья, так как одна щека его была гладкой, а вторая покрыта жесткой щетиной.

— Вольно, садитесь, — скомандовал Дон и подумал, как же говорить с ними. Единственной возможностью была откровенность. Они были закаленными космонавтами и не боялись смотреть правде в лицо.

— Я вызвал вас потому, что все вы являетесь добровольцами. В лазарете лежит несколько человек с высокой температурой, и их состояние непрерывно ухудшается. А первый пациент уже умер. Я могу с полной ответственностью заявить, что никто пока не знает, что это за болезнь. Я собираюсь объявить на карантине лазарет и капитанскую рубку. Я должен раскрыть, что же это за болезнь, и потому должен подвергнуть в лазарете карантину и себя и, причем, одного. Однако, я все еще командую этим судном. Я действительно не знаю, как велик риск заразиться, но боюсь, что вынужден попросить вас заступить на вахту в рубке, пока я буду в лазарете.

— Это все, что можно сделать, капитан, — сказал Курикка, — другого выхода действительно нет. Как устанавливается этот карантин?

— Я хочу изолировать лазарет. Там имеются водопроводные краны, и если туда доставить несколько ящиков с обезвоженной пищей, то он станет изолированным. Затем я хочу, чтобы все пассажиры были собраны в дальнем от лазарета отсеке. Я знаю, это вызовет очередной приступ недовольства, но, тем не менее, сделать это необходимо. И, наконец, я хочу образовать еще одну карантинную зону для тех людей, которые находились в контакте с заболевшими. Партнеры по каюте, жены, друзья. Мы не знаем, как распространяется эта болезнь, но если мы проделаем это достаточно быстро, то возможно, успеем приостановить ее распространение. Каптенармус, список пассажиров у вас с собой?

Дженнет кивнул и раскрыл папку.

— Хорошо, тогда все за работу. Мне нужны два списка названных лиц, и как можно скорее.

Связь подметил главстаршина Курикка, человек, помогавший еще строить «Иогана Кеплера»; когда начали вслух называть номера кают, он внезапно оторвал взгляд от пульта. Он нахмурился и, по мере того, как назывались все новые

каюты, он становился все более хмурым. Никем не замеченный, он подошел к шкафу со схемами и начал там рыться. Найдя большой план корабля, он разложил чертеж на столе и начал внимательно его просматривать. Когда он проверил свое предположение, то немедленно сделал это достоянием всех остальных:

— Капитан, не будете ли вы так добры взглянуть сюда.

Дон подошел и уставился на план одного из поперечных сечений корабля.

— При чем здесь он? — спросил Дон.

Старшина стал тыкать по плану своим широким пальцем, затем воспользовался огрызком карандаша.

— Вот эти отсеки, которые были пробиты метеоритом. Те, которые были открыты в космос, потом снова заполнены воздухом, — он обвел кружками каждый из них.

— Дженнет, — сказал он, — зачитайте-ка мне имена людей, которые сейчас находятся в лазарете?

Как только назывался номер, Курикка тыкал в отсек на плане. Дон смотрел на все это с растущим недоверием. Только когда список кончился, он поднял глаза на старшину.

— Вы хотите предположить…

— Я ничего не пытаюсь предполагать, сэр, — хмуро ответил Курикка, — просто указываю на очевидные факты.

— На какие факты? Все лежащие сейчас в лазарете пациенты жили в каютах, которые были так или иначе повреждены метеоритом. Во время столкновения с метеоритом им посчастливилось находиться в других отсеках корабля. Но что это может означать? Это наверняка совпадение.

— Я не очень-то верю в совпадения, капитан. Особенно, когда оно включает в себя так много людей. Один, может быть, двое. Но все они.

Дон рассмеялся.

— Это должно быть совпадением. Иначе можно прийти к выводу, что существует какая-то связь этой болезни и метеорита.

— Вы сами пришли к этой мысли, сэр Я только указал на факты.

— Здесь наверняка не может быть никакой связи. — Дон расхаживал взад и вперед по рубке, в то время как остальные молча наблюдали за ним.

— Из этих отсеков улетучился весь воздух. Температура упала. Затем их залатали, вновь наполнили воздухом. Никто не возвращался туда, пока температура и все остальное не пришло

в норму. Не могло быть переохлаждения или чего-то другого. — Он внезапно замер, широко раскрыв глаза. — Нет, об этом не стоит и думать… Старшина, каково было наше положение в пространстве в момент столкновения?

— Приблизительно здесь, сэр, — ответил Курикка, достав другую карту и ткнув в нее пальцем. Дон взглянул в нее и одобрительно кивнул.

— В плоскости эклиптики между Землей и Марсом, верно? — Курикка подтвердил это. — Тогда еще один важный вопрос, что еще есть в пространстве между Землей и Марсом?

— Ничего.

— Не надо спешить с ответом. А как насчет астероидов?

Курикка улыбнулся и снова ткнул пальцем в ту же карту.

— Астероиды здесь, капитан, между Марсом и Юпитером.

— Насколько я помню уроки астрономии, нет ли астероидов, вроде Аполлона или Эроса, чьи орбиты пересекают не только орбиту Марса, но и орбиту Земли?

Улыбка исчезла с лица Курикки.

— Вероятно, я забыл о них.

— А тогда и это важный вопрос, если в этой

части космоса имеются крупные астероиды, то, возможно, мы столкнулись с небольшим астероидом, одним из тех обломков, что образуют поле астероидов.

— Вполне возможно, сэр, очень велики шансы, что так оно и было. Но почему это так важно?

— Потому, что наиболее распространенная теория происхождения астероидов утверждает, что они некогда были осколками планеты, существовавшей между Марсом и Юпитером. И кусок, столкнувшийся с нами, как раз и был осколком этой планеты.

Со всех сторон на Дона смотрели озадаченные глаза, но первым понял, куда ведут эти предположения, Дженнет.

— Бог мой! — внезапно выдохнул он, и лицо его побелело, — Не хотите ли вы сказать, что эта болезнь, эта лихорадка попала к нам в метеорите? Что это болезнь с планеты, разрушенной миллионы лет назад?

— Именно это я и имел в виду. Эта мысль не так уж и нелепа, как кажется. Вы должны понять, я проделал все мыслимые тесты, сделал анализы крови, кала, слюны, мочи. Этот корабль оборудован малым электронным микроскопом, и если бы это были какие-то микроорганизмы, я не мог не

найти их. Но на этом микроскопе нельзя увидеть вирусы. Я уверен, что инфекция, с которой мы боремся, является вирусной, но я не имею понятия, что это за вирус. Сейчас я сообщу вам некоторые факты о природе вирусов, которые вы, возможно, не знаете. Они являются мельчайшими формами жизни и расположены на границе между живой и неживой материей. Многие ученые вообще не считают их живыми организмами. Их можно создать в лаборатории из обычных химикатов, и было доказано, что искусственно созданные формы идентичны природным. Некоторые из них, будучи высушенными становятся очень устойчивыми и их можно вернуть к жизни после многих лет пребывания в этом состоянии. Мы знаем, что они могут храниться так сотни лет, так может быть в нейтральных условиях они могут сохранять свою силу и тысячи, а то и миллионы лет.

— Не удивительно, что эту болезнь не смогли идентифицировать. Хотя она, возможно, существует дольше, чем мы можем представить себе это. Но для Земли она является новой. Если мое предположение верно, что скорее всего именно так, то мы стали жертвами чумы другого мира. Болезнь, против которой мы не обладаем никаким иммунитетом, а наши медикаменты совершенно

не эффективны.

Дженнет выдохнул слова, которые громко прозвучали в нависшей тишине рубки:

— Значит, мы обречены…

— Нет! — выкрикнул Дон, пытаясь разбить установившееся в рубке гнетущее молчание. — У нас есть шанс. У меня имеется достаточно оборудования, чтобы собрать генератор РНК и дубликатор. Я не думал об этом раньше, потому что для этого необходим чистый вирус. А в крови заболевших, так же как и в нашей, имеется множество их типов. Я не имел возможности выделить тот, который ответственен за болезнь, так как эта процедура очень длительна и возможна только в лабораторных условиях. Но сейчас у меня появился шанс приготовить антивирус. Старшина, насколько я помню, вы говорили, что ударивший нас метеорит до сих пор находится здесь, где-то внутри корабля. Не так ли?

— Да, где-то здесь, в негерметичном трюме, — он указал на пятно на плане. — Здесь, в центре колеса, расположены открытые в космос трюмы, где расположены сыпучие грузы, контейнеры и все прочее. Он где-то здесь.

— Сможем ли мы его найти?

— Полагаю, что да. Но зачем?

— Чтобы заполучить образец этого вируса в сухой форме. Если частицы этой штуки, пролетевшей через корабль, смогли восстановиться сами по себе и вызвать заболевание, то я не вижу причин, по которым я не мог бы проделать то же самое в лаборатории. А если мне это удастся, то появится хороший шанс создать средство против этой болезни. Это рискованно, но я не вижу другого шанса остановить эпидемию.

— Мне это нравится, — сказал Курикка, — я возьму скафандр и отправлюсь за этой штукой. Если она все еще там, я принесу ее.

— Возьмите два скафандра, так как я пойду с вами. Я хочу быть там, где мы ее возьмем, чтобы осмотреть все на месте. Я должен удостовериться, что притащив ее сюда, мы не вызовем новых неприятностей.

— Вы

— капитан и не должны рисковать.

— Сейчас куда важнее то, что я врач. Полет проходит достаточно гладко. Но я — единственный, кто может что-то сделать с этим вирусом, если он только существует. Я пойду с вами, старшина.

Пока они беседовали, дверь рубки открылась, но никто не заметил этого. Они обернулись только тогда, когда раздался голос.

— Никто никуда не пойдет!

В проеме двери стоял генерал Бриге с револьвером в руке, Дойле и еще двое человек полезли за ним, не выпуская из рук полосы металла.

— Сейчас я вступаю в командование этим судном, а вы, док, вернетесь в лазарет, где вам и надлежит находиться. Своим самонадеянным командованием вы наделали массу глупостей, и я могу вас заверить, что все пассажиры чувствуют то же самое, что и я. Они согласны, что капитаном может быть только человек, умеющий командовать. А именно я. А теперь возвращайтесь к своим обязанностям и забудьте этот дикий план и любую другую идею, которая может прийти к вам в голову. Вы снова просто врач, а я командир «Иогана Кеплера».

Все были настолько шокированы этим заявлением, что в наступившей тишине никто не помешал генералу и его спутникам протиснуться в рубку. Очнувшийся первым главстаршина Курикка шагнул вперед, не обращая внимания на следующий за ним ствол пистолета.

— То, что вы пытаетесь совершить, является пиратством, — произнес он суровым, привыкшим к подаче команд, голосом. — Согласно Всемирной конвенции, пиратство в космосе является столь

же суровым преступлением, как и пиратство в воздухе, и карается даже более сурово. Минимальное наказание — пожизненное заключение. Вам его не избежать. Сложите оружие сейчас, пока вы не зашли очень далеко. Я заберу этот ваш револьвер.

Он почти что достиг успеха. Некоторые из стоящих позади Бригса людей опустили свои импровизированные дубины и обменялись встревоженными взглядами. Курикка решительно шагнул вперед, протягивая руки к оружию.

Генерал отступил перед его напором.

— Если вы попытаетесь отнять этот пистолет, я буду вынужден застрелить вас, — произнес генерал не менее решительно, чем Курикка.

— Тогда вас будут судить не только за пиратство, но и за безжалостное убийство, и вы проведете остаток своей жизни в тюрьме. Давайте его сюда.

Бригс снова отступил.

— Дойле, убери его, — приказал он, даже не повернув головы.

Дойле тут же опустил свой брусок на плечо старшине, припечатав его к полу.

— Мы решительные люди, — сказал Бригс, — нас не остановить.

Сопротивление кончилось. Старшина лежал на

полу, не будучи в состоянии подняться. Все больше вооруженных пассажиров вливалось в рубку.

— У вас ничего не выйдет, — заявил Дон, — вы ничего не смыслите ни в пилотировании, ни в обслуживании корабля. И вы не можете рассчитывать даже на малейшую помощь со стороны экипажа.

Губы Бригса искривились в холодной усмешке.

— Наоборот, у нас есть, по крайней мере, один человек, который знает, как управлять этим судном. Матросы, свободные от вахты, будут заперты, а рядом с каждым стоящим на вахте, по крайней мере, неотлучно будут находиться по два охранника. Они не откажутся выполнять наши приказания, так как этот отказ столь же угрожает их жизням, как и нашим. Я думаю, с этим не будет никаких неприятностей, доктор. Особенно с моим первым помощником. Вы встречались с доктором Угалде? Угалде пробился сквозь толпу, не выпуская из рук хорошо наточенный кухонный нож.

Он коротко кивнул, подошел к капитанскому креслу и опустился в него. Дон был потрясен. Он никак не мог подумать, что мексиканец-математик способен предать их. Ощущение крушения сломило его, и он снова повернулся в сторону

генерала.

— Ладно, Бригс, вы захватили корабль. Но зачем вы это сделали?

— Для того чтобы безопасно добраться до Марса.

— Этот путь приведет вас в тюрьму, — вмешался Курикка, с трудом поднимаясь на ноги. — Тайный пронос оружия на борт космического корабля — серьезное преступление.

— Я всегда вооружен несмотря ни на какие мелочные постановления.

— Меня не заботит ваше оружие и даже ваша дурацкая выходка, — гневно выкрикнул Дон. — Но я беспокоюсь о жизни всех людей на борту. Я должен разыскать этот метеорит.

— Нет. Отправляйтесь к своим пациентам, доктор. Я не стану повторять вам это еще раз.

— Вы не понимаете, я не могу их вылечить, если мы не сможем исследовать метеорит. Но если мы это сделаем, я, возможно, сумею найти…

— Уберите его, — приказал Бригс двум стоящим впереди людям. — Я вполне достаточно услышал из вашей дурацкой теории, чтобы понять, что она столь же сумасшедша, как и другие планы. Первое, что я сделаю, когда мы прибудем на Марс, так это предложу, чтобы вас обследовала психиат-

рическая комиссия. А пока попытайтесь быстро стать врачом, если вы еще способны на это.

Оцепеневший от крушения всех своих планов Дон не сопротивлялся, когда двое дородных пассажиров вытолкали его в коридор. Пока он шел в лазарет, они осмотрительно следовали за ним и остались снаружи, когда он вошел внутрь.

— Что случилось? — спросил Рама, испугавшийся при одном взгляде на лицо Дона. Он испугался еще больше, когда Дон ввел его в курс дела.

— Мы должны сопротивляться, драться! Вы спасли им жизнь несколько раз, и вот награда! Как может существовать в мире подобная неблагодарность? — Рама начал перерывать содержимое шкафов в поисках самых больших скальпелей. Дон попытался утихомирить его.

— Это не поможет. Эти люди начеку и вооружены. И они сильно напуганы, иначе никогда бы не позволили Бригсу втянуть их в этот мятеж, фактически, имеет очень малое значение то, кто командует судном, если мы благополучно доберемся до Марса. Что важно, так это то, что я думаю о том, что нашел средство создать лекарство от этой болезни, но Бригс не позволяет мне осуществить эту попытку. Мы должны что-то сделать!

Но они были бессильны. Охранники снаружи

сменялись через регулярные промежутки времени и были постоянно начеку. Первые несколько часов телефоны не работали. Генерал, пока не захватил весь корабль, отключил их. Как только он надежно захватил корабль, он, видимо, почувствовал себя уверенным, так как телефонная связь снова заработала. Дон попытался вызвать машинное отделение, но ему ответил кто-то из людей Бригса. То же самое произошло, когда он попытался вызвать рефмеханика и все остальные места, где находились на вахте члены экипажа. Члены экипажа были заперты, а все те, кто находился на вахте, были под надежным присмотром по крайней мере двух охранников.

С глубоким чувством крушения всех надежд Дон попытался помочь своим пациентам. Сейчас их было уже четырнадцать, и те, кто заболел первым, быстро угасали. Он испробовал все мыслимые комбинации лекарств и антибиотиков в тщетной попытке натолкнуться на требуемое лекарство. Ничто не сработало.

Измученный физическим и нервным потрясением, он наконец не раздеваясь лег и попытался уснуть. Была как раз середина корабельной ночи. Это не только давало возможность установить четкий распорядок в приеме пищи и обществен-

ных мероприятий, но и было необходимо для здоровья людей на борту. Хотя вокруг корабля был непрерывный день с постоянно светившим солнцем, на корабле регулярно чередовались дни и ночи. Человеческое тело требовало четкого режима, чередования дня и ночи, и его нарушение порождало определенные трудности. Поэтому-то весь корабль спал «ночью» и бодрствовал днем. Ночью не спали только члены экипажа, стоящие на посту.

Дон уснул, но в четыре часа утра по корабельному времени его разбудил настойчивый телефонный звонок. Он нашарил телефон, и на маленьком экране появилось лицо Дойле, секретаря генерала.

— Позовите сюда охранников, — произнес он. — Я хочу поговорить с ними.

Вначале Дон подумал отключить телефон. Позволить им передавать сообщения — нет, он не думал помогать им. Но он от этого ничего не выигрывал и даже не получал никакого удовольствия. Так что он направился к двери. Охранники были настороже, и один из них пристально следил за Доном, пока другой беседовал по телефону. Он все выслушал и повесил трубку.

— Они приказали доставить доктора в рубку, —

сказал он. — Я доставлю его туда, а ты останешься здесь.

— Они не назвали причину? — спросил второй.

— Кто-то заболел. Берите свой маленький черный чемодан и пошли.

Дон промыл свои глаза и взял со стола аварийный комплект. Еще один случай лихорадки? Он задал себе вопрос, кто бы это мог быть, хотя и отдавал себе отчет, что это противоречит профессиональной этике, но он надеялся, что это генерал. Если убрать его с дороги, бунт, несомненно, утихнет. Дон зашагал в рубку с охранником, следующим за ним по пятам.

Стоящий на часах охранник распахнул двери рубки и жестом велел им войти. Первым, кого увидел войдя в рубку Дон, был Спаркс. Он лежал на полу, глаза его были закрыты, и он стонал, обхватив рукой живот. Доктор Угалде находился в капитанском кресле, а Дойле, сжимая в руке пистолет, находился у противоположной стены.

— Позаботьтесь о нем, — приказал Дойле. — Он болен. Он вдруг сложился и рухнул на пол. Я коснулся его лба и обнаружил, что у него жар.

Обычно лихорадка не начиналась таким образом, но с новой болезнью все было возможно.

Дон опустился возле Спаркса на колени, открыв застежки своего саквояжа. Достав датчик анализатора, он провел тыльной стороной ладони по лбу Спаркса и удивился. Кожа Спаркса была холодной, а температура совершенно нормальной. Прежде чем Дон успел что-либо сказать, Спаркс открыл глаз и подмигнул Дону. В этот момент открылась дверь, и Дон опознал голос Курикки:

— Бросайте оружие, Дойле, и никому не будет причинено вреда.

Дон обернулся и увидел, что обстановка изменилась, словно на театральной сцене.

Курикка остановился в дверном проеме, толкая перед собой обезоруженного охранника из коридора. Он держал в руках большой черный автоматический пистолет, твердо нацеленный на Дойле. Угалде стоял сейчас за спиной второго охранника, прижав острие кухонного ножа к его шее.

— Бросай оружие! — прорычал Угалде голосом, резко отличавшимся от того, каким он обычно разговаривал. — Или я загоню нож тебе в глотку, и ты мгновенно умрешь.

Брусок лязгнул о палубу.

Дойле заколебался, смутился, перевел взгляд с одного на другого, затем поднял пистолет.

Пистолет старшины тут же выстрелил, и Дойле завыл от боли. Пистолет выпал из его пальцев, и он прижал окровавленную кисть к груди. Кровь медленно сочилась у него между пальцами.

Спаркс моментально поднялся на ноги и, немного поаплодировав, поднял с пола оружие.

Дон был потрясен.

— Курикка, как это ты устроил? — спросил он.

Старшина улыбнулся и опустил автомат.

— Благодарите доктора Угалде. Он все это придумал и руководил контрзаговором.

Сияющий от удовольствия Угалде слегка поклонился, когда взоры всех присутствующих обратились на него,

— В истории моей страны полно прецедентов. Генерал Бригс, введенный в заблуждение революционными традициями моих предков, обратился ко мне за помощью. Я принял его предложение, потому что он упустил из виду историю контрреволюции на моей родине.

Намного легче работать изнутри злонамеренной организации. Я присоединился и вошел к нему в доверие, а затем дождался ночи. Всегда следует учитывать, что любые движения всегда легче разрушить в самом начале, пока они еще не успели окрепнуть. Ну, а в этом случае нужно

было, если вы извините меня за эти слова, лишь подождать удобного случая. Как только генерал ушел и оставил с оружием своего приближенного — Дойле, я понял, что нам пора атаковать. Телефонный звонок предупредил Курикку о его роли, чтобы поделиться со мной сведениями, где в капитанской каюте спрятано оружие. Хорошо хоть, что не все знают, что на борту любого космического корабля всегда имеется некоторое количество оружия на случай непредвиденных осложнений. Сумасшествия или чего-нибудь еще. Весьма предусмотрительно, знаете. Затем раз, два, три — Спаркс по сигналу падает и вас вызывают сюда. Прибывает старшина Курикка, и дело сделано.

— Не совсем. Вы все еще имеете дело со мной.

В дверях с побледневшим от гнева лицом стоял генерал Бригс.

Он шагнул в комнату и хладнокровно стал оглядываться по сторонам.

— Вы оказались неспособными скрыть этот маленький заговор, — сказал он. — Меня проинформировали о нем сразу же, как только доктор покинул лазарет. Всегда имелся шанс, что этот сумасшедший в припадке безумия попытается снова вернуть власть над судном. Этого не долж-

но произойти.

Он указал назад на дверь, где ждало множество людей, вооруженных дубинами и стальными полосами.

— А теперь сложите свое оружие, и не будет никакого насилия. — Бригс даже снисходительно улыбнулся. — Сделайте это сразу, и не будет никакого кровопролития, никаких ответных мер. А сейчас — руки прочь от этого ружья!

Он поднял руку и двинулся к Курикке. Сразу же старшина поднял свой автомат и уставил ствол прямо в лоб генералу.

— Еще один шаг, и вы умрете.

Генерал остановился.

— Я хочу избежать кровопролития, — сказал он. — Это ваш последний шанс. В моем пистолете хватит пуль, чтобы перебить вас всех, и мы решительные люди.

Все в рубке не шевелясь следили друг за другом и за двумя людьми, вставшими один против другого.

— Этого не произойдет, Бригс, — сказал Дон властным и твердым тоном. — Вы обманщик, и вы это знаете. Жестокий, злобный и ничтожный человечишко и неуклюжий пират, к тому же. Никто не станет умирать ради вас. Я капитан этого

корабля и обещаю отнестись снисходительно к лицам, если они тут же бросят оружие.

— Не слушайте его, — закричал трескучим от ярости голосом Бригс. Лицо его залила краска. — Хватайте их! Атакуйте!

Но слова Дона разрушили чары, и вооруженные люди заколебались. Они бы дрались за свои жизни, если бы от этого что-то изменилось. Если бы они могли выиграть. Но они не могли встать лицом к лицу с черной смертью, глядевшей из дула автомата Курикки. Они обеспокоенно переступали с ноги на ногу, поглядывая друг на друга, но никто из них не решался выступить вперед.

— Трусы! — прохрипел генерал Бригс. Он нагнулся и подхватил стальную плиту, брошенную ранее охранником. — Нет мужчин среди вас! Следуйте за мной, он не станет стрелять, хладнокровно убивая вас. Он еще больший трус, чем вы. — Генерал начал продвигаться вперед.

— Не стал бы, если бы был вами, — резко ответил старшина и взвел затвор. В тишине громко клацнуло, и автомат был готов к стрельбе.

— Вы не выстрелите, — прохрипел Бригс.

— В кого-нибудь другого, но не в вас, — ответил старшина, опуская автомат. — Я хочу видеть вас стоящим перед судом.

Издав победный вопль, генерал попытался опустить свою импровизированную дубину на голову старшине.

Для такого крупного парня, старшина двигался весьма и весьма проворно. Что-то в нем было от большой кошки. Он сделал всего один шаг назад и сблокировал этот сокрушительный удар своей поднятой рукой, позволяя предплечью генерала врезаться в рукоять автомата. Раздался вопль, и полоса выскользнула из разжавшихся парализованных пальцев генерала. Развернувшись на носках, Курикка нанес короткий, свирепый удар кулаком в солнечное сплетение. Генерал сложился пополам и рухнул на палубу. Курикка, больше не обращая на него внимания, навел свой автомат на стоящих в коридоре людей.

— Сейчас я пристрелю каждого, кто не бросит оружия! Ну!

Не было никакого сомнения, что он выполнит свою угрозу. Полосы и дубины лязгнули о пол, и с бунтом было покончено. Курикка перевел взгляд на то, что еще было генералом, и его лицо искривила насмешливая улыбка.

— Вы не представляете, какое удовольствие мне доставили, — сказал он.

Дон подошел к скрюченному в кресле Дойле

и заметил аккуратное пулевое ранение у него в предплечье.

— Я чемпион страны по стрельбе из пистолета, — заявил Курикка, — и никогда не промахивался.

Дон насыпал на рану антибиотик и вскрыл перевязочный пакет. Как только пальцы его коснулись кожи Дойле, он резко отпрянул и натянул на его запястье анализатор.

— О, Дойле заразился, — сказал он, — температура 41 градус.

— Я не удивлен, — сказал доктор Угалде. — Я не хотел говорить этого раньше, так как это могло быть вызвано только волнением. Но теперь я вынужден признаться, что моя температура в последние часы несколько выше нормы, и я ощущаю явные боли неприятного свойства.

— Курикка, — быстро произнес Дон, — нам нужно как можно скорее найти этот метеорит. Время уходит.

Они посмотрели Друг на Друга, и каждый мог увидеть в глазах другого отражение собственных страхов.

13

— Еще одна самоделка, — заметил Спаркс. — Как вы думаете, это будет работать?

— Она ведь собрана тщательно, не так ли? — заметил Дон, стараясь не падать духом, взирая на коллекцию набранного отовсюду оборудования, небрежно расставленного вокруг крошечного верстака в большой лаборатории. — В теории все верно, и ее схема одобрена в госпитале Марсианского центра. Они собрали дубликат, и она прекрасно сработала на контрольном прогоне. Если мы будем следовать инструкции, то сможем размножить любое ДНК, которое найдем, и приготовим сыворотку. Если мы что-нибудь найдем, — добавил он про себя.

Вся лихорадочная деятельность последних десяти часов окажется бесполезной, если на корабле не будет найден метеорит. Или если его теория окажется ошибочной, и этот кусок скалы не имеет к его болезни ни малейшего отношения. Здесь было слишком много если…

Но это был их единственный шанс. Когда вошел Курикка, Дон уже всовывал ногу в скафандр. Ку-

рикка, одетый в скафандр с открытым шлемом, держал в руках стальную канистру.

— Надеюсь, она достаточно велика, — сказал он.

— Должно быть. Она больше входного отверстия, проделанного метеоритом, так что бы мы ни нашли, это должно уместиться в ней. Как она действует?

Курикка отщелкнул плоскую металлическую крышку, прикрепленную на размещенных сбоку шарнирах.

— Достаточно просто. Мы поместим метеорит внутрь, а затем покроем поверхность крышки биоэпоксидным клеем. Это вещество прекрасно работает в вакууме. Через две минуты канистра станет совершенно герметична. Чтобы достать из нее метеорит, нам придется ее разрезать. Но это не проблема.

— Как только мы найдем метеорит, все перестанет быть проблемой. — Дон загерметизировал скафандр и потянулся к шлему. — Пошли.

— Сколько сейчас больных? — спросил Курикка.

— Я бросил счет на шестидесяти. Больше половины людей на борту. Трое уже умерли.

Весь путь до лифта, ведущего к центральной

трубе, они проделали молча. Послышался скрип ведущих шестерен, и лифт начал двигаться к центру корабля. Вес их все уменьшался, и когда лифт остановился, они просто выплыли из него. Дон следовал сзади, так как двигался намного медленнее, чем привычный к условиям невесомости старшина, легко плывущий по воздуху с помощью редких прикосновений к направляющим поручням. Когда Дон настиг его, старшина уже открыл воздушный люк шлюза..

— Мы войдем в трюм как можно ближе к точке, где в него попал метеорит. Всего в тридцати футах отсюда мы наварили заплату на С-палубу. Но мы ни разу не входили в трюм. Мы проследили путь метеорита изнутри судна. Я понятия не имею, на какую глубину он проник в трюм. Мы только знаем, что он оттуда не вылетел.

— Внутри корабля, если он вылетел вбок, не пронзая палубы, разве мы могли бы узнать об этом?

— Нет, — мрачно ответил Курикка. — Мы можем только надеяться, что этого не произошло. Герметизируйте скафандр. Я начинаю откачку воздуха.

Они защелкнули щитки лицевых линз и начали молча ждать, пока закроется дверь и из

шлюза будет откачан воздух. Когда это произошло, вспыхнул зеленый сигнал и автоматически открылась вторая дверь. Он вплыл в темноту громадного люка.

Это был кошмарный мир света и тени, когда они отошли на несколько футов от края двери. В лишенном воздуха и веса трюме любое темное пятно могло оказаться и тенью, и жидкостью, и не было возможности определить это, пока не прикоснешься ладонью, либо не направишь на него луч света. В их шлемы были вделаны фонари, но Дон обнаружил, что ими трудно пользоваться. И он, ухватившись за стальную скобу, попытался вернуть себе чувство ориентации. Старшина поплыл вверх, и его фонарь давал узкий луч света. Голос его загремел в наушниках Дона.

— Вначале это трудно, но вы скоро освоитесь.

— Здесь нет ни верха, ни низа, и как только я начинаю двигаться, сразу же теряю ориентацию.

— В этом вы не одиноки, сэр. Со всеми в первый раз происходит то же самое. Вам следует сконцентрировать свое внимание на каком-либо предмете и игнорировать все остальное. Сейчас я медленно двинусь в заданном направлении, а вы следуйте за мной. Сфокусируйте свой взгляд на мне, на моей спине. Если вы захотите на что-то

взглянуть, поворачивайте глаза, а не всю голову. Готовы?

— Готов. Поехали.

Курикка двинулся вдоль балки, направляя свое движение легкими прикосновениями к ней. Здесь было очень тесно, и по обе стороны теснились большие контейнеры неясной из-за тьмы формы. Старшина добрался до поперечной балки и, развернувшись, последовал вдоль нее. Над его головой тянулась ровная плоскость, и он все время освещал ее лучом фонаря.

— Взгляните сюда, — сказал он, показывая на разрыв в металле, заделанный с обратной стороны блестящей плитой. — Вот здесь он и прошел. Это та заплата, что мы наложили на палубу.

Они повернули головы, и лучи света пересекались на поверхности стоящего перед ними алюминиевого контейнера. В нем виднелась черная дыра в виде диска.

— Что это? — спросил Дон.

— Неважно. Но прежде чем перерывать этот контейнер, давайте убедимся, что он внутри. Оставайтесь здесь, в одиночку я смогу двигаться немного быстрее. Я хочу осмотреть всю оболочку этой штуки.

Старшина был прав, так будет быстрее. Дон

осветил дыру, но внутри была лишь тьма.

— Я обнаружил выходное отверстие,

— признался голос у него в наушниках. — Сейчас я приведу вас сюда.

Метеорит вылетел из контейнера и нырнул в соседний люк, плотно упакованный в сеть из пластиковых нитей.

— Одежда, — произнес старшина, прочитав этикетку. — Нам повезло. Внутренние слои замедлят, а возможно и вовсе остановят эту штуку. Воспользуйтесь своим ножом, разрежем сеть и вытащим этот тюк.

Разрезать пластик оказалось несложно, но вытащить тюк, плотно запакованный среди других, оказалось практически невозможным делом.

— Нам придется освободить все тюки, — сказал Курикка, разрезая канат, — а потом растащить их в разные стороны.

Тюки, по мере ослабления стягивающих их канатов, начали двигаться самостоятельно, наползая один на другой и сталкиваясь друг с другом. Вскоре вокруг них, мешая им и нанося удары в спину, плавали тюки. Когда давление ослабло, Курикка и Дон ухватились за нужный тюк и вытащили его из контейнера.

В тюке имелось выходное отверстие.

— Метеорит прошел в соседний трюм, — констатировал Курикка.

Мешающие тюки летали вокруг, замедляя движение. Второй слой был упакован еще более плотно.

— Нам никогда не освободить его, — сказал Дон.

— Возможно, нам это и не потребуется, — сказал старшина, — Взгляните!

— он направил в отверстие луч фонаря, и свет отразился от шероховатой поверхности. — Он здесь, внутри!

Резким ударом ножа он раскроил тюк, и тяжелое обмундирование потекло вниз. Роясь словно мыши в зерне, они разбрасывали обмундирование по сторонам, зарываясь все глубже и глубже, пока не добрались до метеорита.

— Вот он! — произнес Дон. Он был совершенно опустошенный и ничего не чувствовал.

Метеорит выглядел совершенно банально. Грязный обломок скалы. Дон оценивающе ткнул его своим ножом, и он тут же всплыл вверх, поворачиваясь при подъеме. Когда метеорит повернулся, стала видна его обратная сторона. Она была вогнута и покрыта линиями белесых кристаллов.

— Банку, быстро, — приказал Дон, отпрянув назад. — И не касайтесь его своими перчатками.

— Эти кристаллы, они как раз вам и нужны? — спросил старшина, ткнув ножом метеорит так, чтобы он вплыл в контейнер.

— Я думаю и надеюсь на это, — Дон был залит потом, голова кружилась. — Запечатывайте контейнер.

Слегка надавив на тюбик с биоэпоксидным клеем, старшина выдавил на кружку кружок клея и с легким хлопком закрыл ее. Затем с силой прижал крышку и проверил, заполнил ли клей щель по окружности.

— Всего через две минуты он станет тверже стали, — пообещал он.

— Хорошо. Давайте оставим здесь наши ножи, так как они могут оказаться зараженными. И будем осторожны при снятии наших скафандров, они наверняка касались зараженных ранее материалов.

— Верно. Следуйте за мной. Эта штука застынет раньше, чем мы доберемся до шлюза.

И он начал продираться сквозь плавающие тюки с одеждой, и Дон последовал за ним.

— На что похож этот смертельный вирус? — спросил старшина, когда они уже находились в

шлюзе и воздух начал заполнять его.

— Понятия не имею. Он может не походить ни на что известное нам. Возможно — эти кристаллы, — Дон провел перчаткой по всему шлему, пытаясь удалить пленку воды, сконденсировавшуюся на нем, когда в камеру был впущен воздух. — Когда мы сможем открыть скафандры?

— Не раньше, чем вспыхнет зеленый сигнал. Мы сделаем это после выхода из шлюза. Сейчас металл холодный и может обжечь нас.

Как только открылся внутренний шлюз и они выплыли в центральную трубу, Дон протянул руку.

— Давайте контейнер мне, — сказал он. — Затем отплывите в сторону и снимите скафандр, не касаясь его внешних стенок. Если вам потребуется помощь, я просто стяну его. Затем покиньте это место и возвращайтесь в рубку. Я последую за вами, как только вы уйдете.

— Вам потребуется помощь, чтобы снять свой скафандр, — запротестовал Курикка.

— Нет, не нужна. Я не боюсь заражения. Я достаточно опытный врач, чтобы установить симптомы. И я не боюсь подхватить эту болезнь, потому что я уже подхватил ее.

14

Они могли бы наполовину достигнуть своей цели днем раньше, когда они собирались изолировать незараженных людей от зараженных, а сейчас уже четверо из каждых пяти лежали внизу с большой температурой.

Марс был всего в двух днях полета. Там уже стояли наготове ракеты с добровольцами: врачами и медицинскими сестрами. Никому не будет позволено покинуть «Иоган Кеплер». Он был зачумленным кораблем и будет заперт в карантине до тех пор, пока не будет найдено средство — если когда-нибудь будет найдено — лекарство от этой болезни. На его борт можно доставить все, что угодно: пищу, лекарство, оборудование. Но ничего нельзя будет вывезти.

На борту уже двадцать два мертвеца.

Дон принял еще одну обезболивающую таблетку и влажным полотенцем вытер лицо. Он уже принял намного больше таблеток, чем это было позволено, но отдавал себе отчет в том, что ему нельзя свалиться. Не сейчас. Оборудование расплылось у него в глазах, и Дон, прищурясь,

вернул резкость в окуляре микроскопа.

— Доктор, давайте это сделаю я, — предложил Рама.

— Если вы еще не заразились, то не имеете никакого права находиться здесь.

— Это не важно, сэр. В любом случае один-единственный человек, способный мало-мальски помочь вам — это я. Каковы сейчас условия дублирования?

— Не знаю, я уже давно не уверен, идет ли вообще этот процесс, и есть ли вирус в этом растворе. У нас нет подопытных кроликов, кроме самих себя, чтобы проверить это. Но я растворил эти кристаллы в питательных растворах, причем в разных и при разных температурах. Я отфильтровал их, смешал и пропустил полученную жидкость сквозь эти аппараты. Не знаю, может, это просто чистая вода. — Он захрипел и закашлялся, затем снова потрогал свой лоб. — Как дела в рубке?

— Я только что беседовал с ними. Там главстаршина Курикка и вычислитель Бойд. Ни один из них пока не заболел. Так что они уверены, что доведут корабль. К несчастью, я должен сообщить, что доктор Угалде в коме, так что он не сможет помочь. Но Марсианский центр заверил, что они могут действовать через наш компьютер. Они

проведут финишное маневрирование даже в том случае, если в рубке вообще никого не останется. Оставшаяся у нас реактивная масса будет использована, чтобы вывести корабль на возможно более низкую орбиту.

Зазвонил таймер, и Дон двинулся через лабораторию к ультрацентрифуге. Внезапно, совершенно неожиданно для себя, он растянулся на палубе. У него просто отказали ноги. Рама обхватил его руками и посадил в кресло.

— Рама, через секунду я буду в полном порядке. Выключи центрифугу.

По мере того, как машина замедляла свое вращение, пронзительный вой перешел в глубокий стон.

— При некотором везении, — сказал Дон, — это может оказаться как раз тем, что мы ищем. Это результат первой возгонки.

— Мы сразу воспользуемся тем, что получилось? — взволнованно спросил Рама.

Дон отрицательно покачал головой.

— Но очень скоро. Сначала помогите мне с этим супом из других банок, — он приподнял флягу и посмотрел на плещущуюся внутри мутную жидкость. — Здесь большинство кристаллов в питательном растворе. Я бросил их сюда тогда,

когда использовал первые. Если в первом прогоне ничего не окажется, то вирусы просто еще могли и не ожить, и мы можем обнаружить их здесь. Мы ищем вслепую.

Он тщательно отрегулировал дубликатор ДНК, влил в него жидкость и начал второй прогон. Только после этого он вернулся к центрифуге и хлопком открыл крышку. Затем достал одну из ампул и поднес ее к свету. На дне виднелся коричневый осадок, а над ним прозрачная жидкость.

— Подайте мне шприц с иглой двенадцатого размера.

Вставив острие иглы в ампулу, он, отводя свой большой палец, наполнил цилиндр.

— Возьми, — сказал он Раме, — и введи его тем, кто наиболее плох.

— Доза?

— Не знаю. Это концентрированный раствор. Думаю, не больше двух-трех кубиков. По крайней мере этого хватит. Сначала тем, кто в наиболее тяжелом состоянии. Затем остальным. Того, что в центрифуге, вполне хватит на всех. Я должен проследить за вторым прогоном.

Звонок. Что теперь? Что делать? Холодную воду на лицо, голову под душ. Это всегда помогало. Это я в зеркале? Давно не брился, а, док? С таким

лицом можно перепугать пациентов. А теперь что же дальше?

Звонок. Теперь температура 42 градуса. Фильтрация. Осторожно, если разольешь, то больше этого раствора у тебя нет. Было бы легче, если бы не тряслись руки. Но они трясутся, как их ни удерживай. Перелить раствор, не разлить его.

Лежу на полу, соленый привкус крови во рту. Лицо смотрит вверх. Что-то жжет щеку.

— Рама?..

— Вы упали, сэр. Небольшой порез. Я перевязал рану. Страх! — Приборы! Я не разбил их?

— Нет, вы словно чувствовали, где они. Вы отбросили свое тело в сторону и упали на спину. Я услышал, как звонок звенит не переставая. Что делать дальше?

— Помоги мне подняться, и я тебе покажу.

Тяжело думать, серая мгла, бывшая раньше лишь в голове, теперь стоит перед глазами. Очень трудно глядеть через нее. Очень трудно думать. Пациенты!

— Давно ли была сделана инъекция?

— Прошло более восьми часов, сэр. Я сделал ее вам, когда…

— Как больные? Последовало долгое молчание, а лицо Рамы Дон смог разглядеть только в виде

кляксы.

— Никаких изменений, — наконец ответил Рама. — Совсем никаких изменений. Двое умерли. Главстаршина Курикка почувствовал себя в рубке плохо и пришел сюда.

— Неужели конец? Неужели мы все умрем? — охрипшим голосом произнес Дон, обращаясь сам к себе. — Неужели все кончится подобным образом? Другого ответа быть не может.

Это был подходящий момент, чтобы сдаться, рухнуть и умереть. Но он не сделал этого. Усилием воли, одной лишь воли, он выпрямился, так как это его тело предало его. Его глаза могут видеть, они ДОЛЖНЫ видеть! Он яростно тер их кулаком до тех пор, пока не почувствовал боль даже сквозь окутывавшую его мозг дымку, вызванную наркотиками. Слезы потекли по его щекам, и он снова, правда смутно, стал видеть.

Затем он проковылял к верстаку.

— Выключи звонок. Здесь. Отведи сюда эти пробирки. Охлади их. Затем помести на центрифугу. Четыре минуты вращения. Затем используй.

— Это будет уже лекарство?

Дон думал, что он улыбается, но его губы лишь запали назад, как у больной лошади, обнажив зубы. Каждое слово требовало огромных усилий.

— Получится прозрачная жидкость. Точь-в-точь, как дистиллированная вода. Мы должны, мы должны…

Тьма, и он падает в ней. Это конец.

15

Во тьме Вселенной имелись лишь два черных холма, каждый величиной с целый мир. Хотя они двигались то туда, то сюда, их движение было трудно разглядеть на фоне течения несущихся мимо чернильно-черных потоков. И они разговаривали — на неизвестном языке неизвестные слова — это не могло быть интересным. Холмы бормотали что-то, укачивая своим бесконечным движением…

Но слова можно понять. Для чего же тогда существуют слова…

— …может начаться…

— …или…

— …это выше…

Фрагменты. Не связанные друг с другом слова. От холмов? Нет, не только от холмов, привидений. И они разговаривали.

Долго, бесконечно долго Дон придерживался этой мысли и, наконец, она ему надоела. Она уплыла, и он забыл о ней, а голоса остались и должны были что-то значить.

В какой-то момент этого периода он обнаружил,

что его глаза закрыты. Его память представляла собой сплошное белое пятно, а тело оцепенело и совершенно не повиновалось мозгу. Глаза были первыми, потому что эти холмы были людьми, приведшими его в сознание, и он хотел увидеть, кто они. С огромным трудом он открыл глаза и уставился на окружающую его дымку. Белое сновидение.

— Доктор, его глаза открыты.

Голос помог ему сосредоточиться, и в поле зрения всплыло девичье лицо и белая униформа медсестры. Он ни разу в жизни не видел эту девушку раньше. Как мог оказаться на корабле человек, которого он никогда раньше не видел?

И тот, другой, в белом — еще один врач. Дону захотелось рассказать, что он видит их, но язык не повиновался ему.

— С вами еще не все в порядке, но главное, что вы живы и скоро поправитесь. Я хочу, чтобы вы думали об этом, прежде, чем вы снова уснете.

Он снова, словно ребенок, подчинившийся приказанию, закрыл глаза и погрузился в сон.

Проснувшись в следующий раз, Дон понял, что он в полном сознании. Его мутило, он был словно выжатый лимон, но с полной ясностью в голове. На сей раз вместо незнакомца он увидел перед

собой знакомые черты Рамы Кизима, склонившегося над ним.

— Старшина! — закричал он, — Идите сюда! Он проснулся! Раздались тяжелые шаги, и Дон увидел улыбающегося Курикку.

— Мы сделали свое дело, капитан. Вы спасли всех нас!

Именно эти слова Дону хотелось услышать больше всего. Они в безопасности, все остальное не в счет. Дон попытался заговорить, но кашель прервал его слова. Рама поднес к его губам стакан с водой.

Вода была прохладной, и Дон почувствовал себя значительно лучше. На этот раз ему удалось заговорить.

— Что произошло? Расскажите мне все, — он говорил лишь хриплым шепотом, но тем не менее его понимали.

— Мы были на волоске от гибели — это уже точно, — Рама серьезно кивнул при этих словах старшины.

— Когда вы свалились, Рама сразу же позвал меня. Я находился уже в лазарете и чувствовал себя весьма скверно. К тому времени заразились уже все, находившиеся на корабле. Мы уложили вас на койку, и Рама показал мне второй

приготовленный вами раствор. Когда кончила работать центрифуга, Рама первый укол сделал вам, а затем я помог ему с пациентами. Один из них был уже мертв. Я помню это совершенно точно, потому что этот человек умер последним. Это был, верите или нет, тот самый Дойле, так что теперь, когда настанет день суда, он не будет сидеть рядом с генералом на скамье подсудимых.

— Генерал?

— Жив и здоров, — Курикка холодно улыбнулся. — Находится в прекрасной форме для трибунала. Но сейчас важно не это. День и ночь мы беспокоились о вас, капитан. Никогда не поверил бы, если бы не видел все собственными глазами. Мы опустошили свои шприцы и вернулись за новыми. Рама зашел взглянуть на вас, и я услышал, как он испустил вздох облегчения. Могу вас заверить, что я не медлил.

— Несколько минут, — вставил Рама, — всего лишь несколько минут. Жар спал, и вы лежали спокойно и даже похрапывали в обыкновенном сне. Хотя разрушительное действие болезни кончилось не сразу, жар исчез мгновенно.

— Вторая партия приготовленного вами раствора была именно тем, чем надо. Да, люди, которых этот микроб уже свалил, поднимались с кроватей

тут же после инъекций. Прекратились смертельные случаи. Мы сделали инъекцию всем бывшим на борту на следующий день, когда корабль выходил на орбиту. И мы сами управляли судном. Не Марс вывел нас на орбиту, «Большой Джо» сделал это сам.

— Вы утомляете его, — произнес новый голос, — вам следует удалиться.

Дон посмотрел на стоявшего в дверном проеме врача и улыбнулся, отрицательно покачав головой на подушке.

— Это действует лучше любой вакцины, доктор.

— Уверен в этом, но думаю, на сегодня достаточно. Когда вы поспите, они смогут прийти сюда еще раз.

Когда они вышли, врач взял с прикроватного столика шприц. Когда Дон повернулся, чтобы взглянуть на него, он впервые заметил, что лежит не на своей койке. Кровать была большой, так же как и комната. Когда он увидел на стене большое фото «Иогана Кеплера» и приборы, повторяющие приборы пилотской рубки, он понял, что это была каюта капитана.

— Всего лишь несколько вопросов, прежде чем я усну? — спросил Дон, и врач согласно кивнул

головой. — Как мои пациенты?

— Все лучше, чем вы. И все до сих пор на борту. Ваше чудесное лекарство действует отлично, но корабль все еще на карантине до тех пор, пока мы не сделаем необходимые анализы и не убедимся окончательно. Вы в наихудшем из всех состоянии. Вы напичкали себя наркотиками, перегрузили свой организм и, буду откровенен, все это сейчас сказывается на вашем состоянии.

— Но я был вынужден так поступить, не так ли?

Врач открыл было рот, чтобы ответить, но ничего не сказал, а только улыбнулся.

— Полагаю, что да. Я рад, что на борту были именно вы, потому что сильно сомневаюсь, что смог бы проделать все это самостоятельно. А сейчас — укол.

— Секунду, пожалуйста. Насчет так называемого бунта. Что правительство собирается сделать с этими людьми? Вы должны объяснить, что они были спровоцированы…

— Правительство знает это и, сомневаюсь, чтобы кто-то еще, кроме генерала Бригса, конечно, предстал перед судом. Это мое личное мнение, но я знаю, и люди наверху чувствуют это. Это был пиратский шаг. Вы — корабельный офицер

и командовали этим судном по праву. Вы все еще пребываете в этом качестве, так как новый командующий еще не прибыл. Так что не знаю, называть ли вас врачом или капитаном — в любом случае сейчас вы будете спать.

Дон уснул улыбаясь.

На следующее утро, после того, как он поел, сестра натерла его лицо волосоудаляющей пастой, чтобы снять отросшую бороду, и приподняла его с помощью дополнительных подушек.

— Зачем это? — с подозрением спросил Дон.

— У вас будут гости, и вы должны выглядеть как можно получше.

— Какие могут быть сейчас гости? Я думал, что я все еще болен для официальных визитов. По крайней мере именно это вы и должны были мне сказать. А взамен это должен говорить вам я…

— Врач, который берется предписывать сам себе, становится посмешищем для пациентов, — ответила сестра и выскочила из палаты. Дон улыбнулся ей вслед.

— Позвольте войти, сэр? — раздался с порога голос Курикки.

— Что? Старшина? Входите же. Но почему?

Он осекся, когда увидел, что старшина одет в серый мундир. Это была форменная одежда

космонавтов. Погоны были отделаны золотым шнуром, а высокий воротник врезался в шею. Дон подумал, что старшина, видимо, одолжил мундир на другом корабле, так как его собственная одежда была выброшена за борт в космос. Старшина вошел строевым шагом, и за ним вошли все остальные.

Они были все в сером. Рама Кизим, помощник инженера и будущий врач.

Каптенармус Дженнет и вычислитель Бойд, Спаркс и инженер Трублевский, рефмеханик Хансен. А позади всех, тоже в форменной одежде, высоко подняв голову, шествовал, как и все остальные, строевым шагом доктор Угалде. Когда все остальные остановились и отдали честь, он приложил руку к сердцу.

— Они не смогли все прийти сюда. То есть, я хочу сказать, вся команда. Но мы их представители. И доктор Угалде здесь потому, что он сейчас представитель нашей команды.

— Несомненно, — ответил твердо Дон, вспомнив все происшедшее. И коррекцию курса, и историю с контрпереворотом.

— Мы чувствовали то же самое, и потому он сейчас находится здесь, когда я, то есть мы, представляем всю команду. Вашу команду, капитан.

Курикка ослабил свою стойку и взглянул вниз, на Дона.

— Я знаю все надлежащие торжественные церемонии, которые есть в уставе. Не то чтобы эта церемония была надлежащей, но ее просто нет в уставе. То, что я пытаюсь сказать, это то, что карантин будет снят через несколько дней. И они хотят перевести вас в госпиталь Марсианского центра. Командор Доправа сейчас находится на базе и прибудет скоро, чтобы перегнать «Большой Джо» на доки для капитального ремонта. Но пока он не принял командование, — капитан все еще вы, — он щелкнул пальцами, и сейчас же была подана прямо в его руки какая-то коробка.

— Они никогда не смогут отнять это у вас. Космонавты хорошо знают, что на корабле нет никого выше капитана. Не многие люди были на этом посту. А вы

— да, сэр, вы и вытащили нас, а только это и считается. –Курикка открыл коробку и вытащил оттуда форменную фуражку с золотой ракетой над козырьком.

— Это капитанская фуражка. Теперь ваша, так как мы купили ее у командора орбитальной станции. Это от команды, капитан. Все мы приняли в этом участие, Дон взял фуражку в обе руки,

повернул козырьком к себе и обнаружил, что не может произнести ни слова. Моряки отсалютовали ему. С эмоциями, которые он никогда раньше не испытывал, он отсалютовал им в ответ.

Не существовало слов, которыми можно было выразить то, что он чувствовал, и они поняли это по его лицу. Это был и их момент тоже, и теперь их скрепляли узы, которые невозможно было разорвать. Молча, по одному, они ушли. Старшина Курикка шел последним и уже на пороге он, слегка помявшись, заставил себя задать один вопрос:

— Капитан, сэр, не можете ли вы сказать мне, каковы ваши планы? Я имею в виду после госпиталя. Большинство врачей начинают свою карьеру в космосе, но потом становятся изменниками, принимая должности на планетах, то есть переходят в разряд наземников. Я полагаю, ничто их не может удержать в пространстве. И я хотел бы знать ваши планы… я имею в виду…

Дон планировал работать на одной из планет, в этом не могло быть никаких сомнений. Однако в одно мгновение он обнаружил, что об этом даже подумать невозможно. Наземники — единственно подходящее для них слово. Что значили эти пылевые глобусы по сравнению с кристальной

чистотой космоса? Служба на дальних лайнерах, орбитальных научных станциях — бесконечные возможности, если хоть раз задуматься над этим. Однако он ответил еще до того, как эта мысль успела оформиться.

— Не верьте старым сплетням, старшина. Я имею желание работать наземником не больше, чем, скажем, вы.

— Не может быть более определенного ответа, чем этот! — широко улыбаясь, произнес Курикка. Он щелкнул каблуками и удалился.

Дверь закрылась, и Дон остался один.

Он развернул фуражку и провел пальцем по гладкому цилиндрику эмблемы. Он почти сожалел, что этот полет окончился.

Будет немного скучно снова стать просто врачом.

— Трудный полет, и я рад, что он уже позади, — грустно сказал он сам себе. — Я очень рад, что мы достигли, наконец, безопасной гавани. Но я обладаю этой фуражкой и помню, что она означает. Они никогда не смогут отнять это у меня.

Гарри Гаррисон
У водопада

Картер оступался и падал на крутом склоне — тропинка была покрыта сочной, влажной травой, скользкой, словно мыльная пена. Задолго до того, как он добрался до гребня, весь перед его плаща стал мокрым от росы, а ноги были по колено в грязи. С каждым его шагом вперед и вверх заметно нарастал ревущий звук. В тот момент, когда Картер достиг вершины, он чувствовал себя усталым и разгоряченным, однако тотчас забыл о неприятных ощущениях, когда перед ним открылся широкий вид на залив.

Он слышал об этом водопаде еще в детстве, видел бесчисленные фотографии и фильмы о нем по телевидению. И, несмотря на все это, эффект был ошеломляющий.

Иллюстрация GAUGHAN

Он увидел низвергающийся океан, вертикальную реку, как кто-то подсчитал, ежесекундно падало вниз несколько миллионов галлонов воды... Водопад вытянулся вдоль залива длинной подковой — его противоположная сторона едва просматривалась в тучах водяной пыли. Залив кипел и бурлил под действием огромной падающей массы воды. Покрытые шапками белой пены волны разбивались об утесы внизу. Картер всем телом чувствовал мощь удара воды о твердое дно: земля под ним вибрировала. Рев водопада перекрывал все посторонние звуки. Он был таким яростным и всепоглощающим, что человеческие уши не могли к этому привыкнуть. От постоянного звукового давления Картеру сразу же заложило уши, но звук передавался в его черепную коробку и таранил его мозг. Картер попробовал зажать уши ладонями, но с ужасом понял, что рев водопада от этого нисколько не уменьшился. Он стоял на склоне раскачиваясь и широко раскрыв глава. Внезапно снизу, от самой воды, налетел мощный порыв ветра, поднявший вверх столб водяной пыли. Никакой ливень не мог с этим сравниться — Картер моментально задохнулся. Ветер стих, а он все еще хватал ртом

воздух — такой густой была обрушившаяся на него водяная пыль.

Картера охватила дрожь — ничего подобного он до сих пор не испытывал. Он отыскал глазами почерневшую от влаги гранитную скалу и увидел, что у ее подножия примостился каменный дом, похожий на нарост на стволе дерева. Дом был построен из того же самого гранита, что и скала, и казался таким же прочным. Картер почти бегом направился к дому, скользя на склоне и не отнимая ладоней от ушей.

В какое-то мгновение порыв ветра, напоенный водяной пылью, устремился через залив к морю, а золотое послеполуденное солнце вдруг осветило почти отвесную крышу дома. На ней стали видны поднимавшиеся к небу струнки пара. Дом выглядел солидно, как скала, у которой он приютился. На темном фасаде, обращенном к водопаду, виднелось всего два окна. Небольшие и глубоко сидящие, они были похожи на маленькие подозрительные глазки. Со стороны фасада двери не было, однако Картер заметил, что за угол дома вела дорожка из каменных плит.

Он пошел но ней и обнаружил в дальнем конце дома, с противоположной от водопада стороны, низкий, заглубленный в стену вход. Над ним не

было свода, но он был защищен сверху широкой каменной притолокой размером в добрых два фута.

Картер подошел к двери вплотную и принялся искать молоток на массивных деревянных стояках, схваченных железными болтами. Неутихающий, всепоглощающий рев водопада отбивал всякую охоту думать. Однако Картер вдруг понял, что никакой молоток здесь не поможет. Хоть из пушки пали — никто не услышит. У него опустились руки, он попробовал собраться с мыслями.

Ведь должен же быть какой-то способ дать о себе знать. Он отошел от двери и вдруг заметил, что в нескольких футах от входа из стены торчит заржавевшая железная рукоятка. Он крепко за нее ухватился, но она не поворачивалась. Тогда он потянул за рукоятку, она не поддавалась. Но потом все же медленно он начал вытаскивать ее из стены. За ней тянулась цепь — густо смазанная, в хорошем состоянии. То был добрый знак. Картер продолжал тянуть, пока из стены не вышло около ярда цепи. Затем, однако, как он ни старался, цепь больше не поддавалась. Он отпустил рукоятку, и она со стуком ударилась о шершавую поверхность каменной стены. Она висела там несколько мгновений. Затем рывком

цепь ушла в стену и рукоятка снова очутилась на прежнем месте.

* * *

Это был странный механизм, но он, видимо, произвел желаемое действие. Не прошло и минуты, как тяжелая дверь отворилась и в проеме ее появился человек. Не произнося ни слова, он стал разглядывать посетителя.

Человек, открывший дверь, чем-то напоминал сам этот дом и скалы позади него: он был твердый, основательный, обветренный, морщинистый, с сединой в волосах. Но было видно, что он не поддавался годам, оставившим на нем свой явственный след. Спина у него была прямая, молодецкая, а в руках с узловатыми пальцами ощущалась недюжинная сила. Глаза у незнакомца были голубые и очень напоминали цвет воды, которая непрестанно низвергалась сверху. На человеке были рыбацкие сапоги до колен, темные вельветовые штаны и застиранный серый свитер. При виде Картера выражение его лица нисколько не изменилось. Он жестом пригласил гостя войти.

Хозяин закрыл тяжелую дверь на многочисленные задвижки и запоры. Внутри Картер ощутил

какую-то особую тишину, присущую всему дому. Ему уже приходилось в других местах испытывать отсутствие звука, но здесь тишина казалась своеобразной. Это был оазис покоя, расположенный в непосредственной близости от ревущего на все голоса водопада. Его немного оглушило, и он знал об этом. Но Картер сразу почувствовал облегчение, оказавшись в доме. Грохот остался снаружи. Хозяин, должно быть, понял состояние своего посетителя. Он принял у Картера плащ и подбадривающе ему кивнул, затем указал на удобное кресло у стола, неподалеку от пылающего очага. Картер устало сел. Хозяин отвернулся и куда-то исчез, но тут же вернулся с подносом, на котором стояли графин и два стакана. Он налил вино в стаканы и один из них поставил перед гостем. Картер кивком поблагодарил его и схватил стакан обеими руками, пытаясь унять дрожь. Вначале он сделал большой глоток, а затем уже потягивал вино маленькими глотками, по мере того как дрожь успокаивалась и к нему медленно возвращалась способность воспринимать собеседника. Хозяин двигался по комнате, управляясь с какими-то мелкими делами. Картер вдруг почувствовал себя значительно лучше. Он взглянул на хозяина.

— Я должен поблагодарить вас за гостеприимство. Когда я вошел сюда, я был сам не свой.

— Как вы сейчас себя чувствуете? Вино помогло? — громко спросил хозяин. Он почти выкрикивал слова, и Картер понял, что сказанное им не было услышано. Ему лишь показалось, что здесь тихо. Удивительно, что хозяин до сих пор не оглох совсем.

— Очень хорошо, спасибо! — выкрикнул Картер. — Вы очень добры. Меня зовут Картер. Я репортер и прибыл к вам по делу.

Хозяин кивнул, слегка улыбаясь.

— Меня зовут Бодум. Вы, наверное, знаете, раз пришли со мной поговорить. Вы из газеты?

— Меня сюда послали, — ответил Картер и закашлялся — от напряжения у него першило в горле. — И конечно же я знаю вас, мистер Бодум, то есть слышал о вас. Вас называют Человеком с Водопада.

— Вот уже сорок три года, как я здесь, — с достоинством произнес Бодум. — Постоянно тут живу и не отлучался отсюда ни на одну ночь. В общем-то жить здесь не просто. Когда ветер дует с водопада, дом по нескольку суток окатывает потоками водяной пыли, так что бывает трудно дышать, а в очаге гаснет огонь. Трубу я

сложил сам, в верхней ее части имеется изгиб с перегородками и заглушками. Дым свободно проходит вверх. Но если туда попадает вода, ее задерживают перегородки. Вода своим весом давит на заглушки, они открываются — и вода выливается наружу по специальной трубе. Я могу показать вам место, где она выливается, — стена там покрыта сажей.

Картер слушал Бодума и разглядывал комнату. Она была слабо освещена подвижным пламенем очага и светом из двух небольших окон, врезанных в стену. В полутьме проступали расплывчатые контуры какой-то мебели.

— Вы сами сделали эти окна? — спросил Картер. — Можно посмотреть, что из них видно?

— Каждое из них я делал по году. Встаньте на эту скамейку. Тогда вы до них дотянетесь. Они из небьющегося, специально изготовленного стекла, такого же прочного, как эта стена. Они в ней крепко сидят. Не бойтесь. Поднимайтесь на скамейку. Стекло небьющееся. Взгляните, как крепко они сидят в стене.

Картер смотрел не на стекло, а на видневшийся за окном водопад. Он только сейчас понял, как близко находился дом от низвергавшейся сверху воды. Дом примостился на самом краешке скалы,

и отсюда можно было увидеть только потемневшую от влаги гранитную скалу с правой стороны и кипящий водоворот залива далеко внизу. А перед ним и над ним, заполняя все видимой пространство, ревел водопад. Ни толща стены дома, ни прочные стекла не могли полностью заглушить этот рев. Картер притронулся кончиками пальцев к тяжелой оконной раме и почувствовал, что она вибрирует.

Даже в доме водопад действовал на него. Но здесь он по крайней мере мог стоять, наблюдать и думать, а снаружи это было невозможно. Впечатление было такое, будто он заглядывал в замочную скважину, пытаясь рассмотреть этот адский водоворот. Это окно открывалось в холодный ад. Отсюда он мог наблюдать и ничего не бояться. Однако картина за окном наполняла его невольным страхом.

Вдруг в воде промелькнуло что-то темное и скрылось...

— Что это, вы видели? — громко спросил Картер. — Что-то попало в водопад. Что это могло быть?

Бодум понимающе кивнул.

— Я здесь больше сорока лет и могу вам показать, что обычно попадает в водопад.

Он сунул в очаг конец лучины и зажег от нее лампу. Затем взял лампу в руки и жестом пригласил Картера следовать за собой. Они пересекли комнату, и в углу хозяин поднял лампу повыше. Она осветила большой стеклянный конус.

— Лет двадцать назад на берег выбросило это животное. Все его кости были переломаны. Я сделал из него чучело.

Картер вплотную приблизился к конусу, стараясь рассмотреть широко раскрытую пасть с острыми зубами и блестящие глаза-пуговки. Все члены чучела были неподвижны и выглядели ненатурально. Мех на теле выпирал в неподобающих местах. Бодум, очевидно, не был искусным набивщиком чучел. И все же, по всей вероятности случайно, ему удалось передать ужас во всем облике животного, в его загнанном виде и позе.

— Это собака, — сказал Картер. — Такая же, как другие.

Бодум моментально оскорбился, и голос его зазвучал враждебно:

— Похожая на других — может быть, но не такая. Я же вам сказал, что у нее все кости были переломаны. После падения с водопада другого и быть не могло.

— Извините, я ни на секунду не сомневался,

что эта собака попала в водопад. Я просто хотел сказать, что она очень похожа на наших собак, но там, наверху, наверное, целый новый мир. Собаки и все прочее, вроде наших.

— Я никогда не строю никаких догадок, — примирительно сказал Бодум. — Приготовлю-ка я кофе.

Он взял лампу, чтобы посветить себе у плиты, а Картер, оставшись в полутьме, вернулся к окну. Оно его прямо-таки притягивало.

— Мне нужно будет задать вам несколько вопросов в связи со статьей, — сказал он, однако, по-видимому, говорил недостаточно громко, так что Бодум его не услышал. Вид водопада сбивал репортера с толку, дела как бы отходили на второй план. Ветер резко изменил направление. Водяные брызги отнесло в сторону, и водопад снопа предстал перед ним, словно могучая река, низвергавшаяся с неба. Картер склонил голову набок — ему показалось, что он наблюдает реку с сильным течением.

Вдруг вверху показался корабль — огромный лайнер с несколькими рядами иллюминаторов. Он плыл по поверхности реки с невероятной скоростью, так что Картеру пришлось резко повернуть голову, чтобы проследить за его дви-

жением. Корабль пронесся мимо на расстоянии каких-нибудь нескольких сотен ярдов, и в какое-то мгновение Картер отчетливо его разглядел. На поручнях вдоль борта повисли люди — некоторые с широко раскрытыми ртами, словно кричали от страха. В следующую секунду корабль исчез, и осталась только вода, кипевшая в водоворотах.

— Вы видели? — крикнул Картер, рывком поворачиваясь к хозяину.

— Скоро будет готов кофе.

— Там, вот там! — кричал Картер, хватая Бодума за руку. — В водопаде. Там был корабль! Клянусь, он там был, он свалился в водопад! На нем были люди... Там, наверху, наверное, целый мир, о котором мы ничего не знаем!

Резким движением Бодум освободился от хватки Картера и направился к полке, где стояли чашки.

— Моя собака тоже попала в водопад. Я нашел ее и сделал из нее чучело.

— Конечно, я не отрицаю, что так оно и было с вашей собакой. Но на корабле были люди, и я могу поклясться — я ведь не сумасшедший, — что их кожа была несколько иного цвета, чем у нас.

— Кожа есть кожа, она имеет цвет.

— Я знаю. Что есть, то есть. Но кожа может

иметь другой цвет, даже если мы об этом но знаем.

— Сахар?

— Да, пожалуйста. Два кусочка.

Картер глотнул кофе — он был горячий и крепкий. Против воли его тянуло обратно к окну. Он потягивал кофе, выглядывал в окно и успел заметить, как что-то черное, бесформенное обрушилось с гребня водопада вниз. Затем еще что-то. Он не мог бы объяснить, что это было, — все снова скрыла водяная пыль, которая летела к дому под напором ветра.

На дне чашки показалась гуща, Картер не стал допивать последние капли и осторожно отодвинул чашку от себя.

Резкие порывы ветра снова отогнали завесу из водяной пыли — как раз вовремя: он смог разглядеть, как мимо проплывали разнообразные предметы.

— Это был дом! Я видел его так же отчетливо, как вижу вот этот. Он, наверное, из дерева, не из камня, и поменьше. И какой-то почерневший, наполовину сгорел. Идите взгляните, может быть, прибьет еще...

Бодум гремел чашками, споласкивая их в мойке.

— Что вы, газетчики, хотите обо мне знать? — недовольным тоном спросил он. — Я здесь больше сорока лет, так что могу вам немало порассказать.

— Что там, наверху? Что находится на вершине скалы, с которой низвергается водопад? Там живут люди? Может быть, там существует целый мир, о котором мы ничего не знаем?

Бодум заколебался и, хмурясь, задумался, прежде чем ответить.

— Думаю, что у них там, наверху, есть собаки.

— Да, — ответил Картер, дубася кулаком по оконной раме и не зная, плакать ему или смеяться. Вода неслась мимо. Пол и стены дома дрожали от гигантской мощи водопада.

— Все больше и больше предметов попадает в водопад, — негромко рассуждал сам с собой Картер. — Не могу понять, что это такое. Вот это вроде дерево, а там — обломки забора. Более мелкие предметы, вероятно, животные, бревна, все что угодно. Выше водопада существует какой-то иной мир, и в этом мире происходит что-то ужасное. А мы об этом даже не знаем. Мы не знаем, что это за мир.

Он принялся снова и снова бить по раме, пока рука его но заныла от боли.

Над водным простором засияло солнце, и он заметил, как все переменилось. Что-то необычное появилось на поверхности воды.

— Почему, — удивлялся он, — почему мне кажется, будто вода меняет цвет? Она вдруг стала розовая, нет, красная. Все больше и больше красного цвета. Глядите-ка, на мгновение все окрасилось в красный цвет. Это цвет крови...

Он снова обернулся лицом к полутемной комнате и попытался улыбнуться, но губы ему не повиновались.

— Кровь? Нет! Столько крови не может быть во всем мире! Что происходит там, наверху? Что там случилось?

Бодум никак не реагировал на его крики. Он лишь кивал головой.

— Я кое-что вам покажу, — предложил он. — Только обещайте, что не будете об этом писать. Люди станут смеяться надо мной. Я живу здесь уже сорок лет в не вижу причины смеяться.

— Честное слово, не напишу ни строчки! Покажите. Вероятно, это имеет отношение к происходящему?

Бодум снял с полки тяжеленный том, положил его на стол, рядом с лампой, и раскрыл. Шрифт на страницах был очень черный и внушительный.

Бодум листал книгу, пока не обнаружил между страницами обрывок обыкновенной бумаги.

— Я нашел ее на берегу. Зимой было дело. Несколько месяцев сюда никто не заглядывал. Ее мог принести только водопад. Я не утверждаю, что так оно и было, но это возможно. Вы согласны, что это возможно?

— Да, конечно, вполне возможно. Как еще она могла сюда попасть? — Картер потрогал клочок. — Согласен, это обыкновенная бумага. С одной стороны надорванная. Сморщившаяся там, где она подмокла, а затем просохла. — Он перевернул бумажку. — Здесь что-то написано.

— Да. Но это бессмыслица. Такого слова я не знаю.

— Я тоже, а ведь говорю на четырех языках. Какой в этом смысл?

— Просто невероятно. Что за слово?

— Это нечеловеческий язык. — Он попытался произнести буквы, выпячивая вперед губы; — *Пе-о-эм-о-гэ-и-тэ-е*.

— Это может означать *ПОМОГИТЕ*, — вдруг догадался Бодум. — Ребенок мог нацарапать. Бессмыслица...

Он схватил записку, скомкал и швырнул в огонь.

— Вы хотите написать обо мне рассказ, — с достоинством произнес он. — Я живу здесь уже сорок лет, если в мире существует хоть один человек, которого можно назвать специалистом, знающим этот водопад, так это я. Мне известно все о тех, кто живет наверху.

Гарри Гаррисон
Конечная станция

Выйдя из экрана передатчика материи, Джомфри сразу понял, что произошла ужасная ошибка. Во-первых, он почти ослеп от головной боли — классический симптом разгадки ПМ. А во-вторых, он явно попал не туда — в какую-то серую пыльную камеру, а направлялся домой. Пошатываясь и прикрывая рукой глаза, он ощупью добрался до привинченной к стене скамейки и сполз на нее. Обхватив голову руками, он стал ждать, когда же стихнет боль.

Худшее было позади, и стоило благодарить судьбу за то, что он вообще остался в живых. Джомфри многое знал о неисправностях ПМ, насмотревшись фильмов по стереовизору, поскольку такие драматические случаи, хотя и очень редкие, служили естественным материалом для роботов-сценаристов. Сбой единственной микросхемки — и несчастный путешественник попадал не в тот приемник, да еще получал легкое повреждение нервной системы, которое вызывало резкую головную боль. Работники системы ПМ называли это «минимальной разладкой». Когда боль проходила, пострадавший мог набрать код ближайшей аварийной станции, сообщить о разладке и отправиться дальше. Худшее же, что могло случиться, страшно было

даже вообразить: прибывали люди, вывернутые наизнанку или вытянутые в тонкие многометровые трубки кровоточащего мяса. Или еще хуже. Джомфри сжал голову руками и сказал себе, что хорошо отделался…

Свет больно ударил в приоткрытые глаза, но Джомфри вытерпел. Ноги еще дрожали, но стоять он мог, глаза немного отошли — пора обращаться за помощью. На аварийной станции должно найтись средство от головной боли. И нужно сообщить о разладке передатчика, пока кто-нибудь еще не пострадал. Он несколько секунд ощупывал онемевшими пальцами гладкую стену, пытаясь отыскать панель с кнопками.

— Не может быть! — вскрикнул Джомфри и широко открыл глаза, забыв о боли. — Здесь должна быть панель!

Но панели не было! Экран оказался только приемником. Хотя теоретически существование однонаправленного экрана ПМ было возможно, Джомфри никогда еще подобного видеть не приходилось.

— Надо выйти отсюда, — сказал он себе, отворачиваясь от пустого экрана в пустой комнате.

Держась за гладкую стену, Джомфри вышел за дверь и побрел по пустому коридору. Повернув

направо, коридор вывел его на пыльную улицу. Ветер нес по ней обрывки пластикового мусора и теплый запах гнили.

— Чем скорее я отсюда выберусь, тем лучше. Нужно найти другой передатчик. Солнце ударило ему в глаза, и он застонал от резкой боли в темени. Зажав глаза руками и глядя сквозь узкую щелочку между пальцами, он, спотыкаясь, выбрался на улицу. Из глаз бежали слезы, и сквозь их мутную пелену он тщетно рассматривал унылые серые стены, отыскивая знакомую эмблему ПМ — красную двуглавую стрелу. Но ее нигде не было.

У дверей сидел человек, на его лицо падала тень.

— Помогите, — попросил Джомфри, — мне плохо. Где тут станция ПМ — не подскажете?

Человек подобрал одну ногу и вытянул другую, но ничего не сказал.

— Вы что, не понимаете? — раздраженно продолжал Джомфри. — Я болен! Ваш гражданский долг…

По-прежнему не говоря ни слова, человек подцепил Джомфри сзади пальцами ноги за лодыжку, а другой ногой ударил в колено. Джомфри упал, а незнакомец сразу поднялся.

— Геенне, сука, — сказал он, с размаху пнул

Джомфри в пах и зашагал прочь.

Джомфри долго лежал, скорчившись, тихо постанывая и боясь шевельнуться, словно яйцо с треснувшей скорлупой: тронь — и растечется. Наконец он смог сесть, осторожно вытирая горечь с губ, — и обнаружил, что все это время мимо него шли люди, но ни один из них не остановился. Нет, ему не нравилось это место, этот город, эта планета — или куда еще он попал. Он хотел выбраться отсюда. Стоять было больно, идти — еще больнее, но он пошел. Найти ПМ-станцию, выбраться, найти врача. Убраться отсюда.

В другой ситуации Джомфри мог бы заметить, что город выглядел каким-то пустынным, что на улицах совсем нет машин, обратить внимание на бесцельно слоняющихся пешеходов и полное отсутствие дорожных знаков и табличек с названиями улиц, как будто неким указом была установлена всеобщая неграмотность. Но сейчас его интересовало только одно — как отсюда выбраться.

Проходя мимо какой-то арки, он остановился, осторожно — один удар научил его быть неназойливым — заглянул внутрь и увидел двор с расставленными в беспорядке грубыми столами. Скамьями служили доски, прибитые к ножкам

столов. На некоторых сидели люди. На центральном столе стоял маленький бочонок, и сидевшие шестеро мужчин и женщина наполняли из него кружки. Все присутствующие выглядели так же уныло, как и окружавшие их стены, и были одеты по большей части в какую-то серую униформу, хотя некоторые детали их одежды были сделаны из коричневого холста.

Вдруг Джомфри заметил, что к нему направляется косматая старуха, и отпрянул в страхе. Но старуха прошаркала мимо, глядя себе под ноги и держа обеими руками пластиковую кружку. Усевшись на ближайшую скамейку, она припала к своей кружке.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил Джомфри, остановившись у дальнего угла стола, где она не могла достать его ни рукой, ни ногой и откуда он при необходимости мог легко удрать.

Она посмотрела на него с удивлением и подвинула к себе кружку. Увидев, что он не пытается подойти, старуха моргнула воспаленными веками и облизала потрескавшиеся губы.

— Помочь можете? — повторил он, чувствуя себя пока в безопасности.

— Новенький, — прошамкала она. — Не нравится?

— Нет. Разумеется, мне здесь не нравится, и я хочу уехать. Если вы мне скажете, как пройти к ближайшей ПМ-станции…

Старуха хихикнула и шумно отхлебнула из кружки.

— В одну сторону, геенне. Ты это знал до того, как тебя сюда послали. Здесь Геенна! Оставь надежду всяк сюда входящий.

От этих знакомых слов у него перехватило дыхание и вдруг стало очень холодно. Вспомнился священник с поднятым в угрозе пальцем: так отец обращается к заблудшей дочери. Неужто здесь Геенна?

— Не может быть, — произнес он, безуспешно пытаясь убедить себя в обратном и затравленно озираясь по сторонам, точно загнанный зверь.

— Здесь Геенна, — повторила женщина. Ему показалось, что она сейчас уронит голову на стол и заплачет, но она только отхлебнула снова.

— Но это ужасная ошибка! Я не должен был попасть сюда.

— Все так говорят, — презрительно сказала старуха, махнув скрюченной рукой. — И ты скоро перестанешь. Мы все здесь преступники, отвергнутые своими мирами, осужденные на жизнь и на вечность — и забытые. Раньше нас убивали.

Это было милосерднее.

— Я слыхал о Геенне, — торопливо сказал Джомфри. — Мир, находящийся неизвестно где. Вечный полдень. — Он бросил испуганный взгляд на улицу, залитую неизменным светом, и опустил глаза. — Лишних, приговоренных, грешников, неисправимых преступников — всех посылают туда. Ладно, сюда, добавил он, увидев ее кривую и невеселую ухмылку. — Я не буду с вами спорить. Наверное, вы правы. Но в любом случае произошла большая ошибка, и она должна быть исправлена. Я не преступник. Я возвращался с работы домой. Меня жена ждала. Я набрал свой номер и попал… сюда.

Она больше не смотрела на него, уставившись в свою кружку. Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле.

— Что вы пьете? Можно мне тоже попить?

Старуха вскочила, прижав кружку к высохшей груди.

— Мое! Я это заработала. Можешь пить воду, как все геенцы. Я рубила дрова и поддерживала огонь на краю болота, пока он капал. Моя доля!

Кружка была почти пуста. От старухи разило перегаром.

— Вон туда иди. Вниз по улице. Давай отсюда!

Еда и вода у Стражи. Катись!

Она потеряла к нему всякий интерес. Он тяжело поднялся и поплелся восвояси, от греха подальше.

«Стража, ну конечно же! — сказал он себе, ощутив теплый прилив надежды. Я им все объясню, и они что-нибудь предпримут».

Джомфри пошел быстрее. Улица упиралась в пологий пыльный склон холма с круглой вершиной, окруженного одинаковыми низкими невзрачными зданиями. Вершину холма венчал гладкий купол из дюробетона, твердого, как алмаз, и вечного, как алмаз. Впереди тащился тощий человек в грязных лохмотьях. Джомфри крался за ним, готовый в любой миг броситься наутек.

Из дюробетонной трубы непрерывно струилась вода и уходила в отверстие внизу. Тощий закрепил на трубе пластиковый пакет, а пока тот наполнялся, достал из глубокой ниши рядом какой-то большой сверток. Дождавшись, когда он снимет пакет с водой и скроется за куполом, Джомфри подошел поближе. Неясную тишину нарушал только плеск падающей воды, и Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле. Он сунул голову под струю и стал пить,

подставляя под воду лицо и руки. Напившись, он отдышался и обнаружил, что чувствует себя гораздо лучше. Он протер глаза и заглянул в нишу. Она была пуста. Справа висела истертая блестящая металлическая пластина, а в глубине ниши виднелось темное отверстие, в которое можно было просунуть руку. На пластине едва различалась полустертая надпись: «НАЖАТЬ». Эта надпись была единственной повстречавшейся ему здесь. Он нерешительно коснулся пальцем холодной поверхности металла. Что-то скрипнуло, послышался нарастающий скрежет. Джомфри быстро отдернул руку; из отверстия вывалился какой-то сверток в пластиковой обертке и мягко шлепнулся на дно ниши. Он поднял сверток — это был пакет с пищевой пастой.

— Давай ешь, я тебя не трону.

Джомфри обернулся и едва не выронил пакет: перед ним стоял тощий. Джомфри не слышал, как он вернулся.

— Ты здесь новенький, как я вижу, — сказал тощий с притворной улыбкой на морщинистом и рябом лице. — Поздоровайся со Стариком Рури, он может стать твоим другом.

— Возьмите, — сказал Джомфри и протянул пакет с пастой, словно отвергая любую возмож-

ность какой бы то ни было связи между собой и Геенной. — Это, должно быть, ошибка. Машина дала мне чью-то порцию по ошибке. Я вообще не местный.

— Разумеется, юный геенец, — замурлыкал Старик Рури. — Многих жизнь загублена политиками, невинных людей сюда пославших. Однако машине все равно, кто здесь живет, или кто ты такой, или кто такой я. У нее память на пять часов, и пока они не пройдут, второй порции она тебе не выдаст. Она кормит любого, каждые пять часов, бесконечно. Не правда ли, эффективное средство, чтобы человек почувствовал себя червяком?

Джомфри судорожно вцепился в мягкую оболочку пакета.

— Да нет, я серьезно. Я попал сюда из-за сбоя ПМ. Если вы и в самом деле хотите мне помочь, скажите, как связаться с властями.

Старик Рури сокрушенно пожал плечами.

— Невозможно. Они запечатаны в этом гробу, а появляются и исчезают с помощью собственного ПМ. С нами они не общаются. Мы кормимся с этой стороны Стражи — а уходим с той.

— Уходите? Значит, это возможно? Отведите меня туда.

Сморкнувшись, Старик Рури вытер нос паль-

цем, тщательно его осмотрел и вытер о борт куртки.

— Если трупоедом хочешь стать, это можно устроить. Пошли туда.

Он показал пальцем на подножие холма, где появилось четверо людей, несущих лицом вниз женщину: двое за ноги и двое за руки. Они волокли ее, пока не заметили на склоне Рури и Джомфри. Тогда двое, что несли женщину за ноги, бросили свою ношу в грязь, повернулись и ушли.

— Гражданский долг, — с отвращением сказал Старик Рури, — единственный, который мы выполняем. Если мы будем их бросать где попало или топить в болоте, они будут вонять, а это очень противно.

Они подошли поближе. Старик Рури молча указал Джомфри на левую ногу трупа, а сам взялся за правую. Джомфри заколебался, и трое геенннцев подняли на него холодные взгляды. Вспомнив поучительный пинок, он быстро наклонился, взялся за обнаженную лодыжку и чуть не уронил, почувствовав нечто холодное и твердое, не похожее на плоть. Они пошли дальше вверх по холму, и Джомфри пытался не смотреть на эту ногу с пятнами грязи и голубыми веревками

вен. Может быть, это та женщина, с которой он разговаривал. От этой мысли его передернуло. Нет, та была одета по-другому, да эта и мертва уже давно.

Подножье Стражи огибала глубоко протоптанная в грязи тропа, и они брели по, этой тропе, пока, обойдя примерно половину холма, не дошли до того места, где на высоте колена в стену была встроена металлическая полоса шириной сантиметров тридцать и длиной примерно два с половиной метра. Один из шедших впереди нагнулся и, сунув руку в паз в металле, потянул вверх. Полоса медленно отошла, открыв V-образный бункер из трехдюймового броневого сплава. Весь его край был иззубрен и поцарапан. Каким же отчаявшимся должен быть тот, кто всю жизнь прожил в таком месте? Тело закинули в бункер, и кто-то захлопнул ногой крышку.

— Непревзойденная эффективность, — заметил Старик Рури, настороженно глядя вслед двоим напарникам, которые повернулись и ушли, не сказав ни слова. — Ни общения, ни контакта. Конец. Тела и старая одежда. Тела они увозят, а вместо старых тряпок дают новую мешковину. Вспомни об этом, когда твой новый костюм поизносится.

— Но этого не может быть! — закричал Джомфри, пытаясь оттянуть запертую крышку. — Мне надо связаться с теми, кто внутри, и объяснить ошибку. Я не должен быть здесь!

Внезапно крышка завибрировала — он ощутил это кончиками пальцев — и открылась. Бункер был пуст. Джомфри торопливо забрался внутрь и улегся вдоль стенки.

— Закройте крышку, умоляю, закройте крышку!

Старик Рури склонился над ним.

— Это бессмысленно, — ответил он; однако, вняв мольбам Джомфри, захлопнул крышку.

Свет превратился в узкую полоску и исчез. Воцарилась полная темнота.

— Я не покойник! — закричал Джомфри, вдруг охваченный паникой. — И не лохмотья! Вы меня слышите? Я хочу сообщить об ошибке. Я направлялся домой, и вдруг…

Мягкие рычаги — казалось, что их было очень много, — охватили все его тело. Он слабо вскрикнул. Какая-то щетка прошлась ему по голове и по лицу. Он закричал громче. В темноте раздалось тонкое жужжание.

— Я не правильно набрал номер, произошла разладка ПМ. Я здесь по ошибке, поверьте мне…

Рычаги, охватившие его тело, пропали так же бесшумно, как и появились. Он пощупал вокруг, но всюду был только металл, словно в запаянном гробу. Затем что-то щелкнуло, появилась полоска света, и от неожиданного сияния он зажмурился. Открыв глаза, он увидел Старика Рури, который высасывал остатки пасты из его пакета.

— Твое, — сказал он. — Я подумал, что тебе не захочется. Давай вылезай она не закроется, пока ты там.

— А что произошло? Меня что-то держало.

— Это машины. Они проверили, что ты не мертвый, не больной и не лохмотья. Если бы ты был болен, тебе бы сделали укол и вышвырнули назад. Их не обдурить. Выходят только мертвые.

— Они меня даже не слушали, — сказал Джомфри, выбираясь наружу.

— В этом весь смысл. Современная пенология. Общество более никого не убивает и не наказывает за нарушение законов. Преступников лечат. Некоторые не поддаются лечению. В более варварские времена они были бы повешены, сожжены, колесованы, четвертованы, обезглавлены, расстреляны, посажены на электрический стул, распяты на кресте и так далее. А теперь их просто изгоняют из цивилизован-

ного общества, предоставляя им возможность наслаждаться обществом себе подобных. Что может быть справедливее? Приговоренные получают билет сюда в один конец. Их удаляют из общества, законы которого ими нарушены, и они не обременяют его собой, как обременяли бы в тюрьме. Все миры, пользующиеся этой службой, делают минимальные взносы на питание, одежду и организационные расходы. Высланные и забытые не могут отсюда бежать. Мы находимся на примитивной планете, вечно обращенной к невидимому за облаками солнцу, где нет ничего, кроме болот. Вот и все. Некоторые выживают, некоторые быстро погибают. Места здесь хватит, чтобы без тесноты расселить в сотни раз больше народу. Мы едим, спим и убиваем друг друга. Единственные наши совместные усилия — работа на перегонных кубах на краю болота. Местные плоды несъедобны, но их сок бродит, а спирт — он везде спирт. Поскольку ты новичок, я тебя угощаю и приглашаю в нашу банду пьяниц. У нас многие умерли за последнее Время, и некому собирать дрова.

— Нет. Я не хочу связываться с твоими каторжниками-алкоголиками. Я сюда по ошибке попал. Не то что вы.

Старик Рури улыбнулся и с быстротой, не вязавшейся с его годами, выхватил блестящее лезвие и приставил его к горлу Джомфри.

— Быстро выучи правило, сынок. Никогда не спрашивай у человека, почему он здесь, и сам ему об этом не напоминай. Это скверный вид самоубийства. Я то тебе расскажу, потому что сам этого не стыжусь. Я был химиком и знал все формулы. Я сделал яд, не имеющий вкуса, и отравил свою жену и восемьдесят три ее родственника. Итого восемьдесят четыре. Немногие здесь могут похвастаться таким числом.

Он спрятал нож в рукав, и Джомфри отпрянул, потирая красную полосу на шее.

— Вы вооружены! — поразился Джомфри.

— Это не тюрьма, это мир. Мы делаем все, что можем. Частицы металла собирают годами, и из них куется оружие. Этот нож пережил уже много поколений. Говорят, что он был сделан из железного метеорита. Все возможно. Его прежнего владельца я убил, загнав ему в мозг через ухо кусок заостренной проволоки.

— Я бы сейчас выпил. Благодарю за ваше предложение. Вы очень любезны. Джомфри тщательно подбирал слова, боясь сказать что-нибудь обидное.

Старик двинулся вниз по склону, и Джомфри потащился за ним. Они пришли в дом, похожий на все остальные…

— Хороший напиток, — сказал Джомфри, давясь над стаканом едкой кислятины.

— Свиное пойло, — ответил Старик Рури. — Я мог бы его улучшить. Добавить натуральный вкус. Но другие мне не дают. Они меня знают.

Джомфри сделал глоток побольше. Он тоже знал старика. Когда он допил, в голове у него загудело, а из желудка поднялась тошнота. Лучше ему не стало. Он понимал, что, приведись ему остаться на Геенне, он окажется в числе тех, которые погибают быстро. Такая жизнь была хуже смерти.

— Больной! Вы сказали, что они осмотрели бы меня, если бы я был больной! воскликнул Джомфри, вскакивая.

Старик Рури не обратил на него внимания, но в голову Джомфри уже ударил хмель, и он, осмелев, схватил старика за одежду. Собутыльники не обращали на них внимания до тех пор, пока вновь не сверкнуло длинное зловещее лезвие. Джомфри отпустил старика и отшатнулся. Взгляд его был прикован к стальной полосе в полруки длиной.

— Я хочу, чтобы вы порезали меня этим ножом.

Старик Рури остановился, озадаченный: раньше ему не приходилось получать такие просьбы от будущих жертв.

— Где тебя порезать?

Он окинул собеседника взглядом, выбирая подходящее место.

— Где?

И в самом деле — где? В какое место ты хотел бы получить нож? Какую часть своего собственного тела тебе не жалко?

— Палец… — неуверенно предложил он.

— Два пальца — или ничего. Старик Рури торговался, как настоящий лавочник.

— Тогда — вот. — Джомфри упал на стул и протянул руки. — Два мизинца. — Он сжал кулаки и положил на край деревянного стола два мизинца. — Оба сразу. Сможете?

— Конечно. Точно на втором суставе. Заметив, что вся комната смотрит на него, Старик Рури радостно ухмыльнулся и стал демонстративно разглядывать лезвие ножа; новичок наблюдал за ним влажными кроличьими глазами. Неожиданно нож взлетел и вонзился глубоко в дерево. Пальцы отскочили, брызнула кровь. Только

взвизгнув, новичок бросился к двери. Вслед за ним в распахнутую дверь понеслись громовые раскаты всеобщего хохота.

— Ура Старику Рури! — крикнул кто-то. Подобрав с пола один из пальцев, старик скромно улыбнулся…

— Я ранен — теперь вы обязаны мне помочь! — кричал Джомфри, карабкаясь вверх по холму в бесконечный полдень. — Я не знал, что это так больно. Я кровью изойду! Мне нужна ваша помощь. Мне очень больно.

Когда он потянул за металлическую крышку, боль усилилась. Бункер разверзнулся, и Джомфри свалился в него.

— Я ранен, — скулил он, глядя, как исчезает полоска света. В темноте на нем сомкнулись рычаги, и он почувствовал, как кровь течет по запястьям. — Это кровь! Остановите ее, или я умру.

— Механизм поверил. Джомфри почувствовал укол в шею, и сразу наступило онемение. Боль оставила его, но и все другие ощущения тоже. Он мог говорить, слышать и двигать головой, но все тело ниже шеи оказалось парализовано. Бежать из Геенны было невозможно.

Что-то загрохотало, и он затылком ощутил, что его несет куда-то в сторону. В темноте ни-

чего не было видно — если он вообще еще мог видеть, — но по движению воздуха и по звукам он догадывался, что перед ним одна за другой распахиваются двери, как в многокамерном воздушном шлюзе. Уж наверняка двери толстые и металлические. Последняя из них скользнула в сторону, и он оказался в ярко освещенной комнате.

— Опять членовредительство, — сказал человек в белом, склонившись над ним — Старая история.

За доктором стояли трое охранников с массивными дубинками.

— Может быть, это инициация, доктор. Он наверняка новичок. Я его раньше не видел.

— И одежда у него новая, — добавил доктор, роясь среди бинтов и инструментов.

— Я здесь по ошибке. Я не заключенный!

— Лиха беда начало, доктор. Теперь ампутации пойдут одна за другой. У них всегда все идет сериями.

— Ошибка передатчика материи…

— Вы правы. В моей книге будет несколько графиков, которые это доказывают.

— Выслушайте, вы должны меня выслушать. Я направлялся домой. Я набрал номер, вошел в

ПМ — и оказался здесь. Это страшная ошибка. Я пальцами пожертвовал, чтобы с вами увидеться. Посмотрите по записям, вы увидите, что я прав.

— Записи у нас есть, — сказал доктор, впервые признавая в Джомфри человеческое существо. — Но ошибок никогда до сих пор не было, хотя в своей невиновности клялись многие.

— Доктор, будьте добры, посмотрите. Я умоляю вас. Хотя бы ради приличия просто посмотрите записи. Компьютер сразу вам ответит.

Доктор на минуту заколебался, потом пожал плечами.

— Ладно, для приличия. Посмотрим, пока накладывают повязки. Ваше имя и гражданский номер?

Он набрал данные Джомфри на клавиатуре и бесстрастно посмотрел на экран.

— Видите! — радостно закричал Джомфри. — Это была ошибка. Но я ни на что не жалуюсь. Я только прошу меня освободить.

— Вы виновны, — спокойно сказал доктор. — Вас сюда послали.

— Не может быть! — Джомфри испытывал вполне объяснимую злость. — Это недоразумение. Скажите мне тогда, за что я осужден!

Доктор посмотрел на приборы.

— Артериальное давление и энцефалограмма в норме. Эти приборы не хуже любого детектора лжи. Вы говорите искренне. Травматическая амнезия в такой ситуации вещь весьма вероятная. Неплохое примечание для моей книги.

— В чем меня обвиняют? — закричал Джомфри и попытался шевельнуться.

— Лучше бы вам не знать. Я вас возвращаю обратно.

— Вы должны сказать. Иначе я вам не поверю. Я направлялся домой, к жене…

— Вы убили свою жену, — сказал доктор и включил механизм возврата.

Закрывшаяся дверь отрубила жуткий, воющий вопль.

Вспышка памяти: посиневшее лицо, безумный взгляд, кровь, кровь, кровь…

Открылась крышка металлического гроба, и Джомфри сел, борясь с тошнотой. Его накачали наркотиками, его мутило. Раны были перевязаны.

— Но они же мне не помогли. Они даже в записи не посмотрели, чтобы проверить. А это ошибка. Ошибка передатчика материи, и я расплачиваюсь за нее.

Он посмотрел на окровавленные бинты, и его

поразила страшная мысль. Он всхлипнул:

— Теперь я никогда не вернусь домой, к жене.

Гарри Гаррисон
Ни войны, ни звуков боя

— Боец Дом Приего, я убью тебя! — на всю казарму рявкнул сержант Тот.

Дом, лежавший с книгой на койке, поднял испуганный взгляд как раз в то мгновение, когда поднятая рука сержанта резко опустилась, метнув боевой нож. Натренированные рефлексы сработали, Дом успел поднять книгу, и нож вонзился в нее, пробив насквозь, так, что острие замерло в каких-то нескольких дюймах от лица Дома.

— Тупая венгерская обезьяна! — заорал он. — Знаешь, во что мне обошлась эта книга? Ты хоть соображаешь, сколько ей лет?

— А ты соображаешь, что все еще жив? — ответил сержант, и в уголках его кошачьих глаз собрались морщинки в отдаленном подобии холодной улыбки.

Крадущейся походкой хищного животного он прошел между рядами коек и потянулся к рукоятке ножа.

— Э, нет, — сказал Дом, отдергивая книгу. — Ты

уже достаточно вреда причинил.

Он положил книгу на койку, осторожно извлек из нее нож — и внезапно метнул его сержанту в ногу. Сержант Тот сдвинул ступню ровно настолько, чтобы нож, пролетев мимо, воткнулся не в нее, а в пластиковое покрытие пола.

— Побольше выдержки, боец, — произнес он. — Никогда не теряй выдержки. Иначе начнешь совершать ошибки, и тебе конец.

Нагнувшись, он выдернул сверкающий нож из пола и уравновесил его на кончиках пальцев, пытаясь не уронить. По казарменному отсеку прошел легкий шум — все присутствующие уставились на сержанта, готовые в любой момент сорваться с места.

— Вас теперь врасплох не застанешь. — Сержант сунул лезвие в ножны на сапоге.

— Ты просто-напросто садист, — сказал Дом, разглаживая продранную обложку. — Пугаешь людей и получаешь от этого великое удовольствие.

— Может быть, — невозмутимо откликнулся сержант Тот и присел на койку. — А может быть, я, что называется, «человек на своем месте». Да в общем-то и не важно, кто я. Я тренирую вас, держу в постоянной боевой готовности. Не даю

вам закиснуть. Вам бы благодарить меня за то, что я такой садист.

— Меня этими разговорами не купишь, сержант. Ты из тех, о которых писал вот этот человек, тут, в книге, которую ты так хотел уничтожить...

— Почему же я? Это ты заслонился ею от ножа. Сделал именно то, чему я вас, сосунков, и учил. Сберег собственную шкуру. А только это в счет и идет, и тут уж любой трюк хорош. Жизнь у каждого из вас только одна, так старайтесь, чтобы она получилась длинной.

— Ага, вот они...

— Чего, картинки с девочками?

— Нет, сержант, слова. Великие слова, принадлежащие человеку, о котором ты сроду не слышал. Его звали Уайльд.

— Ну как же! Дотошный Уайльд, чемпион флота в тяжелом весе.

— Да нет, Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд. Твоему костолому он, надеюсь, даже не родственник. Вот что он пишет: «Пока в войне усматривают порочность, она так и будет сохранять свое очарование. Сочтите ее вульгарной, и она утратит всякую популярность».

Сержант Тот задумчиво сощурился.

— Больно просто у него получается. Дело вовсе

не в этом. У войны совсем другие причины.

— К примеру?

Сержант открыл было рот, собираясь ответить, но раскатистый сигнал боевой тревоги опередил его. Пронзительный вой, прозвучавший в каждом отсеке космического корабля, вызвал мгновенную реакцию. Люди моментально пришли в движение.

Члены экипажа опрометью понеслись к боевым постам. И еще до того как отзвучал сигнал, огромный космический корабль изготовился к бою.

Что, впрочем, не относилось к собственно бойцам. До получения приказа и выхода из корабля они оставались не более чем особым грузом. Бойцы замерли по стойке «смирно», две шеренги серебристо-серых мундиров посреди казарменного отсека. У стены сержант Тот, воткнув наушники в телефонный разъем, внимательно слушал, время от времени кивая. Наконец он подтвердил получение приказа, отсоединился и неторопливо повернулся к бойцам. Все взгляды устремились на него. Насладившись паузой, сержант улыбнулся самой широкой из улыбок, когда либо виданных подчиненными на его обыкновенно лишенном выражения лице.

— Стало быть, так, — сказал сержант и потер одну ладонь о другую. — Теперь я могу сообщить вам, что мы дожидались появления эдинбуржцев и что по тревоге были подняты все силы нашего флота. Разведчики засекли их на выходе из пространственного скачка, через пару часов они уже будут здесь. Нам предстоит их встретить. Вот так, мои необстрелянные сосунки.

По шеренгам прошел звук, похожий на рычание. Улыбка сержанта стала еще шире.

— Вижу, вы пребываете в хорошем расположении духа. Продемонстрируйте его врагу, хотя бы отчасти.

Улыбка исчезла так же быстро, как возникла, и сержант с привычно холодным лицом скомандовал «смирно».

— Капрал Стирс лежит в лазарете с высокой температурой, так что у нас в младшем командном составе не хватает одного человека. После сигнала боевой тревоги мы с вами находимся на военном положении, и я вправе производить временные повышения в звании. Боец Приего, шаг вперед!

Дом, вытянувшись, выступил из шеренги.

— С этой минуты ты отвечаешь за доставку мин, если справишься, командир сделает твое

назначение постоянным. Капрал Приего, шаг назад и остаться на месте! Остальным готовиться к бою! Бегом — марш!

Сержант Тот шагнул в сторону, пропуская бегущих бойцов, и, когда исчез последний, наставил на Дома палец.

— Всего несколько слов. Ты ничем не хуже других, ты даже лучше многих. Ты неплохо соображаешь. Но ты слишком много думаешь о вещах, не имеющих никакого значения. Кончай думать, начинай драться. Иначе никогда не вернешься в этот свой университет. Если провалишь дело и эдинбуржцы тебя не достанут, достану я. Или возвращайся капралом, или не возвращайся вообще. Понял?

— Понял. — Лицо у Дома было таким же холодно невыразительным, как у сержанта. — Я боец не хуже тебя, сержант. Свою задачу я выполню.

— Вот и давай выполняй. А теперь — пошевеливайся!..

Дом облачался последним. Он еще возился с затворами, когда остальные уже проверяли уровень давления в скафандрах. Дом старался не позволить этому обстоятельству ни вывести его из равновесия, ни заставить спешить. Мысленно следуя схеме контроля, он с неторопливой тща-

тельностью щелкал затворами и блокировками.

Убедившись, что все анализаторы давления застыли на зеленой отметке, он показал оружейникам большой палец — все в порядке! — и вошел в переходный шлюз. Пока за его спиной закрывалась дверь, пока из шлюза откачивался воздух, Дом проверял выведенные прямо в шлем контрольные шкалы. Кислород — под завязку. Реактивный ранец — заправлен полностью. Радиосвязь — работает.

Наконец из шлюза вытянуло остатки воздуха, и внутренняя дверь беззвучно растворилась. Он вошел в арсенал.

Освещение здесь было тусклым, и скоро ему предстояло погаснуть полностью. Подойдя к стеллажу с оснащением, Дом первым делом стал крепить к скафандру разного рода мелкие принадлежности. Как и у прочих членов минного расчета, броня на его скафандре была не из самых тяжелых, и вооружение он нес лишь самое необходимое. На левом бедре располагалось стрекало, на правом, в специальной кобуре, — щуп, его излюбленное оружие. Если верить данным разведки, кое-кто из эдинбуржцев все еще пользовался мягкими пневматическими скафандрами. По этой причине бойцов снабдили искровыми

пробойниками, которые, вообще говоря, считались оружием устарелым. Пробойник Дом сунул подальше за спину — вряд ли он ему пригодится. Все эти орудия убийства многие месяцы пролежали в вакууме, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Никакой смазки — оружие предназначено для использования именно при этой температуре.

К шлему Дома со щелчком прикоснулся чужой шлем, и сквозь звукопроводящую прозрачную керамику донесся голос Винга:

— Я готов к креплению мины, Дом, приладь ее, ладно? И прими мои поздравления. Как мне тебя теперь называть — капралом?

— Подожди, пока мы вернемся и я официально получу это звание. Тоту я на слово не верю.

Он снял с полки одну из атомных мин, проверил показания датчиков — все на зеленом — и вдвинул ее в держатель, составлявший со скафандром Винга единое целое.

— Порядок, давай теперь подвесим мою.

Едва они покончили с этим, как в арсенале появился крупный мужчина в громоздких боевых доспехах. Дом узнал бы его по размерам, даже если бы на груди скафандра не было выведено «ГЕЛЬМУТ».

— В чем дело, Ген? — спросил он, когда их шлемы соприкоснулись.

— В сержанте. Велел явиться сюда и доложить, что в этом вылете я потащу мину. — По тому, как это было сказано, чувствовалось, что Гел рассержен.

— И отлично. Мы на тебя черную повесим. — Вид у здоровяка счастливей не стал, и Дом подумал, что догадывается почему. — Ты только не переживай из-за того, что пропустишь драку. Там на всех хватит.

— Я боец...

— Мы все бойцы. И у всех нас одно дело — доставить на место мины. Теперь оно стало твоим заданием.

Судя по всему, слова Дома Гельмута не убедили, и, пока на спине его скафандра крепили подвеску и мину, Ген стоял, сохраняя флегматичную неподвижность. Не успели они закончить, как в наушниках щелкнуло, и облаченные в скафандры мужчины зашевелились: заработала оперативная частота.

— Все в скафандрах и при оружии? К переключению освещения готовы?

— Бойцы в скафандрах и вооружены. — Это был голос сержанта Тота.

— Минный расчет не готов, — сказал Дом, и они с Вингом принялись торопливо щелкать последними застежками, понимая, что теперь все ждут только их.

— Минный расчет в скафандрах и при оружии.

— Свет!

Светильники на перегородках стали гаснуть, и вскоре бойцов обступила тьма. Лишь тусклые красные лампы горели под потолком. Разглядеть что-либо, пока глаза не привыкли к темноте, было практически невозможно.

Дом ощупью добрался до одной из скамей, вслепую отыскал муфту кислородного шланга и воткнул ее в шлем — пока длится ожидание, лучше сохранить в неприкосновенности кислородный запас. Теперь для поддержания боевого духа на должном уровне на оперативной частоте звучала бодрая музыка. Сидеть в темноте облаченным в скафандр и обвешанным оружием — это кому угодно подействует на нервы. Музыка должна была хотя бы отчасти снять напряжение. Наконец она смолкла, ее сменил человеческий голос:

— Говорит начальник штаба. Я попробую прояснить для вас происходящее. Эдинбуржцы атакуют нас силами целого флота, и, как только

мы их обнаружили, их посол объявил о начале войны. Он потребовал от Земли немедленной капитуляции, заявив, что в противном случае вся ответственность за последствия ляжет на нас. Ну-с, что ему на это ответили, вы все знаете. Эдинбуржцы и так уже захватили дюжину населенных планет и присоединили их к своей Большой Кельтской Сфере Взаимного Процветания. Теперь они разлакомились и нацелились на главную планету, на саму Землю, которую их предки покинули несколько сот поколений назад. При этом они... минутку, поступило сообщение с поля боя... первая стычка с нашими разведчиками.

Офицер на миг умолк, затем его голос зазвучал снова:

— На нас надвигается целый флот, но не больший, чем мы ожидали, так что мы с ним управимся. Правда, в их тактике появилось нечто новое — оперативный компьютер занят анализом этого изменения. Они, как вы знаете, первыми стали применять для вторжений передатчик материи, рассылая на планеты множество грузовых кораблей с передающими экранами. Через эти экраны с их планеты на ту, что они намереваются захватить, бросаются в атаку штурмовые отряды.

Так вот, на сей раз они изменили тактику. Весь их флот защищает один-единственный корабль, поисковый грузовоз класса «Кригер». Что это означает... не отключайтесь, пошла распечатка компьютера. Тут говорится: «Единственная возможность — доставка одним кораблем ПМ-экрана увеличенной пропускной способности». Стало быть, не исключено, что этот корабль несет единственный ПМ-экран, самый большой из всех, что строились до сих пор. Если это так и если им удастся доставить эту штуку на поверхность Земли, они смогут прогонять сквозь него тяжелые бомбардировщики, стрелять предварительно заведенными межконтинентальными баллистическими ракетами, посылать десантные суда — все что угодно. Если это произойдет, вторжение увенчается успехом.

Дом почувствовал, как в красноватом мраке шевельнулись фигуры в скафандрах.

— Если это произойдет. — В голосе начальника штаба появилась властная нотка. — Для осуществления межпланетного вторжения эдинбуржцы разработали только одно средство. Нам следовало найти контрсредство, которое позволило бы их остановить. Именно вы, бойцы, и являетесь этим контрсредством. Они уложили

все яйца в одну корзинку — значит, вам придется разнести эту корзинку на куски. Вы способны пройти там, где не пройдут ни штурмовые суда, ни ракеты. Сейчас мы быстро сближаемся, с минуты на минуту вам предстоит начать боевые действия. Так что — выбирайтесь отсюда и делайте ваше дело. От вас зависит судьба всей Земли.

Мелодраматические слова, подумал Дом, но тем не менее верные. Боевые корабли, сосредоточение огневой мощи — все зависит от нас. Сигнал к бою прервал его размышления. Дом вскочил.

— Отсоединить кислород! Выходите, как только услышите свое имя, и двигайтесь в пусковую рубку. Тот...

Имена произносились быстро, и так же быстро бойцы покидали арсенал. На входе в пусковую рубку кто-то в скафандре и с шаровидным красным фонариком читал имена, написанные у каждого на груди, сверяя их с ведомостью. Все шло быстро и гладко, как на учениях. Собственно, бесконечные учения и предназначались для того, чтобы подготовить их к этой минуте. Пусковая рубка, в которой они ни разу не бывали, казалась знакомой: их тренажер представлял собой точную ее копию. Боец, шедший впереди, направился к левому борту, Дом двинулся к правому.

Его предшественник уже забирался в капсулу. Дом ждал, пока оружейник поможет ему влезть в нее и отрегулирует поддерживающие опорные штанги. Затем настал его черед.

Дом скользнул в прозрачную пластиковую

скорлупку и, держась за поручни, опустился в кресло. Оружейник подтянул штанги повыше, они крепко уперлись в подмышки, и Дом кивнул: штанги встали как следует. Мгновение спустя он остался в полумраке один. Неяркий красный свет отражался в верхнем кольце капсулы прямо над его головой. Потом капсула дрогнула, пришла в движение, и Дом покрепче ухватился за поручни. Капсула постепенно откидывалась назад, и вскоре Дом оказался лежащим на спине и смотревшим вверх сквозь охватывающие его пластиковую оболочку металлические кольца.

Капсула поехала вбок, резко затормозила, затем снова пришла в движение. Теперь он увидел орудие с полудюжиной капсул, идущих впереди, и подумал, как всякий раз думал на учениях: до чего же оно похоже на древнюю скорострельную пушку — вот только стреляет людьми. Каждые две секунды нарядный механизм подхватывал капсулу — поочередно с одного из двух ленточных транспортеров, которые доставляли их к тыльной части орудия, — и та скрывалась в казеннике. За ней другая, третья. Исчезла капсула, плывшая впереди Дома. Он напрягся — и тут зарядный механизм замер.

Охваченный мгновенным страхом, Дом решил

было, что в сложном орудии возникла неполадка, но тут же сообразил, что это просто первую партию бойцов выбросили в пространство, и компьютер ждет, чтобы освободился путь для минного расчета. То есть отныне — его расчета, поскольку он поведет этих людей.

Ждать, будучи запертым в черной пасти казенника, оказалось куда неприятней, чем двигаться. Компьютер отсчитывал секунды, одновременно отслеживая цель и поддерживая корабль на выверенной траектории. Теперь, когда Дом оказался внутри орудия, магнитное поле вцепится в облекающие его капсулу кольца, а линейный ускоритель прогонит его по всей длине корабля, от кормы до носа. Поле заставит его нестись все быстрей и быстрей, пока не выбросит из жерла орудия с нужной скоростью и на нужную траекторию перехвата...

Капнула взлетела по крутой дуге и ринулась в темноту. Как он ни цеплялся за поручни, перепад давления оказался чувствительным. Свирепое ускорение подминало Дома с такой силой, что он почти перестал дышать.

Жестокая перегрузка, более жестокая, чем все когда-либо испытанные во время учений, — только эта мысль и уцелела в его голове к моменту,

когда он вылетел из орудия.

Переход от ускорения к невесомости совершился мгновенно, и Дом еще сильнее вцепился в ручки кресла, чтобы не выплыть из капсулы. Он почувствовал, что в ногах отдаются неслышные взрывы, увидел дымовое облако. Металлические кольца разнесло надвое, и верхняя половина караулы, треснув, отлетела. Теперь он остался один, невесомый, сжимающий в руках захваты, прикрепленные к расположенному под его ступнями ракетному двигателю. Дом огляделся, надеясь увидеть картину космического сражения, которое, как он знал, разворачивалось вокруг, но смотреть, в сущности, было не на что.

Далеко справа от него что-то горело, перемигивались сверкающие точки звезд, на миг заслоненные пролетающим мимо темным телом. Сражение вели компьютеры и приборы, разделенные огромными расстояниями. Невооруженным глазом мало что обнаружишь. Космические корабли, черные и стремительные, находились в тысячах милях отсюда. Они вели огонь самонаводящимися ракетами и сенсорными снарядами, быстрыми и невидимыми. Дом знал, что космос вокруг него заполнен устройствами, создающими помехи, и генераторами ложных сигналов,

но и тех видно не было. Невидимой оставалась даже цель — тот самый корабль, к которому он несся. Дом в космосе один, неподвижный и всеми забытый, — это все, что воспринимал он собственными органами чувств.

Что-то дрогнуло у него под ногами, из сопла ракетного двигателя вырвалось и тут же исчезло облако газа. Нет, он не забыт и не неподвижен. Оперативный компьютер, по-прежнему отслеживающий цель, зарегистрировал ее отклонение от расчетной траектории и на основе новых данных внес небольшие поправки. Поправки эти должны были одновременно откорректировать движение всех бойцов, раскиданных по космосу. Бойцы были малы и незримы — вдвойне незримы после сброса металлических колец. Металла в пластиковом и керамическом оснащении бойца содержалось не более одной восьмой фунта, да и тот был распределен по всему телу. При таком обилии помех никакой радар обнаружить бойцов не сможет. Они должны были прорваться.

Снова заработали двигатели, и Дом увидел, как звезды разворачиваются над его головой. Скоро посадка. Вмонтированный в ракетный блок крохотный радар обнаружил впереди большую массу и отдал двигателю приказ развернуть Дома

ногами к ней. Дом знал, что вслед за этим оперативный компьютер прервет с ним связь, передав управление маленькому посадочному компьютеру, составляющему единое целое с его радаром. Опять заработал двигатель; на сей раз выброс был посильнее, опорные штанги уткнулись в его подмышки. Дом, глянув под ноги, увидел некий темный силуэт. Он рос, заслоняя звезды.

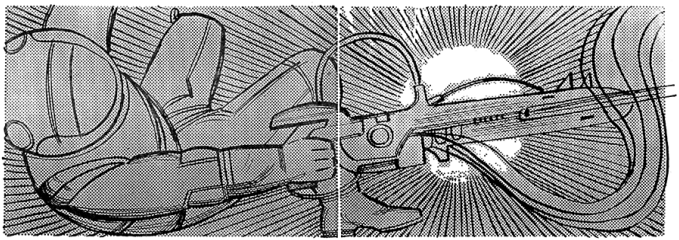
С ревом, в тишине показавшимся громовым, ожили наушники:

— Пошел, пошел — проголодался. Пошел, пошел — проголодался.

И вновь наступило безмолвие, но Дом больше не чувствовал себя одиноким. Краткое сообщение сказало ему о многом. Во-первых, голос принадлежал сержанту Тоту, ошибиться на этот счет невозможно. Во-вторых, само нарушение радиомолчания означало, что они вступили в схватку с врагом и присутствие их больше не тайна. Код сообщения был достаточно прост, но содержание его для любого, кто не входил в их отряд, могло показаться бессмысленным. В переводе на обычный язык сообщение гласило, что штурмовые отряды держатся. Они захватили центральный участок корпуса корабля — лучшее место для встречи, поскольку в такой темноте носа от хвоста все равно

не отличишь, и удерживают его, ожидая подхода минного расчета. Мощно и надолго включились тормозные двигатели, ракетный блок вплотную подошел к темному корпусу.

Дом спрыгнул с него и откатился в сторону. Он увидел нависшую над ним фигуру в скафандре, ясно очерченную на фоне солнечного диска, даром что скафандр покрывала черная, не отражающая света броня. Верхушка шлема была гладкой. Мгновенно осознав это, Дом вырвал из кобуры щуп. Облако газа скрыло от него человеческую фигуру. Дом удивился, но колебаться не стал. Пользоваться в отсутствие силы тяжести огнестрельным оружием значило идти на изрядный риск. Толком прицелиться из него было трудно, да и отдача срывала стреляющего с места. Если же пользоваться оружием без отдачи, выбрасывавшим газы в стороны, облако газа лишало стрелка видимости на несколько жизненно важных мгновений. Но хорошо обученному бойцу всего лишь доля секунды и требовалась.



Иллюстрации ADKINS

Щуп вышел из кобуры, и Дом легко надавил пальцем на кнопку включения двигателей. Оружие имело форму короткого меча, но на месте заточенной грани у него была вибропила, а на противоположной кромке располагались маленькие реактивные двигатели. Выхлопы толкали щуп вперед, увлекая за собой и его владельца.

Едва оружие коснулось ноги противника, Дом включил двигатели на полную мощность. Вибрирующее керамическое лезвие впилось в тонкую броню. Меньше чем за секунду оно прорезало ее

и вонзилось в ногу человека. Дом нажал кнопку реверсного двигателя, чтобы вытянуть щуп назад, воздух струей хлынул наружу, мгновенно конденсируясь в частички льда, противник его содрогнулся, схватился за бедро — и внезапно обмяк.

Подошвы Дома коснулись корпуса корабля и прилипли к нему. Он вдруг сообразил, что вся стычка заняла ровно столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы затормозить вращение и встать...

Не думай, действуй. Как на учениях. Едва прилипнув ногами к корпусу, он резко присел и огляделся. Мощный реактивный топор скользнул над самой его головой, волоча за собой владельца.

Действуй, не думай. Новый противник находился слева от него — щупом не достанешь — и уже разворачивал топор в его сторону. Человеку даны две руки. Стрекало на левом бедре. Дом уже держал его в руке, включив и бур, и реактивное сопло. Твердый, как алмаз, футовый бур яростно вращался, в противоположном направлении вращался на рукоятке противовес, а реактивный выхлоп бросил оружие вперед.

Бур вошел эдинбуржцу прямо под дых, ед-

ва-едва замедлил вращение, продирая в броне дыру, и устремился внутрь скафандра. Противник сложился вдвое, и Дом включил реверсный двигатель, чтобы вытянуть стрекало. Топор, получивший последний импульс от собственного двигателя, вырвался из руки умирающего и исчез в пространстве.

Других врагов в поле зрения не оказалось. Дом перенес вес на одну ногу и качнулся вперед, переводя поверхностную пленку на подошвах из режима прилипания в нейтральный, затем медленно двинулся в том же направлении. Подобное хождение требовало навыка, но навык у него был. Впереди на корпусе корабля лежало несколько распростертых фигур, и он, предосторожности ради, поднял руку и коснулся рожка на шлеме — ошибки ему ни к чему. Этот условный знак ввели всего несколько дней назад, тогда же к шлемам приделали пластиковые рожки. Шлемы эдинбуржцев были гладкими.

Дом нырнул вперед и, оказавшись между разбросанными телами, заскользил лицом вниз. Чтобы не сорваться с корпуса корабля, он активировал поверхностную пленку на животе скафандра, и она остановила скольжение. На несколько мгновений Дом оказался в безопас-

ности, окруженный своими, и потому позволил себе ткнуть пальцем в шлем, чтобы пройтись по частотам. Большинство частот заполонила мешанина разнообразных шумов, своих и вражеских сообщений, искаженных и ложных, транслируемых в записи, чтобы замаскировать обмен подлинной информацией. На частоте минного расчета практически никаких переговоров не шло, и Дом подождал немного, пока эфир очистится. Его люди слышали сообщение Тота, так что место сбора им было известно. Теперь он мог вызвать их к себе.

— Квазар, квазар, квазар, — повторил он кодовый вызов, затем тщательно отсчитал десять секунд и включил на плече голубой сигнальный фонарь. Потом встал ровно на секунду и опять упал на корпус корабля, дабы не вызвать на себя огонь противника. Его люди должны были отыскать в темноте световой сигнал и собраться там, где они обнаружат его. Один за другим они стали выползать из темноты. Дом считал. Показался боец без мины на спине; он упал на корпус и скользил в сторону Дома, пока они не соприкоснулись шлемами.

— Сколько, капрал? — раздался голос Тота.

— Одного пока не хватает, но...

— Без «но». Начинаем двигаться. Установите заряды и взорвите их, как только найдете укрытие.

Прежде чем Дом успел ответить, Тот исчез. Впрочем, он был прав. Дожидаться одного человека, рискуя успехом всей операции, они не могли себе позволить. Если они не уберутся отсюда как можно скорее, то окажутся в ловушке и будут уничтожены. Стычки еще продолжаются по всему корпусу, но пройдет совсем немного времени, и эдинбуржцы сообразят, что это всего лишь сдерживающий маневр и что главный штурмовой отряд уже стягивается в одно место. Минный расчет принялся быстро и искусно делать свою работу, кольцом устанавливая кумулятивные мины. Судя по всему, в бой вступили отряды охранения. Со всех сторон вдруг началась стрельба из тяжелого оружия высокоскоростных безоткатных пулеметов тридцатого калибра. Прежде чем открыть огонь, пулеметчики произвели съемки рельефа корпуса, построив схему настильной стрельбы с таким расчетом, чтобы пули шли как можно ближе к поверхности. Схему ввели в управляющий пулеметами компьютер, который вел огонь, выполняя наводку автоматически, поскольку облака выброшенного пулеметами

газа сводили видимость на нет. Сержант Тот вынырнул из дыма и, едва его шлем коснулся шлема Дома, закричал:

— Все взорвали?

— Уже готовы, отходите.

— Поторопитесь. Там все или залегли, или убиты. Но скоро они саданут по этому дыму чем-нибудь тяжелым, благо мы у них на прицеле.

Минный расчет отошел назад, залег, и Дом нажал кнопку взрывателя. Газ и пламя рванулись вверх, корпус корабля вздрогнул — лежащих на нем подбросило. В дыму встала плотная колонна воздуха, клубясь и превращаясь в вакууме в крохотные кристаллики льда. Теперь корабль был разгерметизирован, и они могли усугубить разгерметизацию, вскрывая взрывами отсеки и перегородки. Дом с сержантом, извиваясь, проползли сквозь дым к краю широкой зияющей дыры, образованной взрывом в обшивке корабля.

— Все на борт! — прокричал сержант и нырнул в отверстие.

Дом протолкался сквозь поток людей, устремившихся за сержантом, и опять пересчитал своих людей. Одного человека по-прежнему не хватало. Стрелок с пулеметом на спине полетел

к пробоине, следом за ним посыпались обслуживающие его подносчики боеприпасов. Облако дыма все росло, пулеметы еще продолжали вести огонь, прикрывая остальных. Пробоину уже трудно было разглядеть. Когда в ней исчезли, по оценке Дома, около половины бойцов, Дом повел туда свой расчет.

Они оказались в темноватом отсеке, каком-то подобии склада; сквозь пробитую в одной из стен взрывом дыру увидели бойца, выполняющего роль дорожного указателя.

— Вниз и направо, пробоина примерно в ста ярдах отсюда, — сказал он, когда шлем Дома прижался к его шлему. — Мы попытались пройти направо, но там слишком сильный заслон. Пока мы их сдерживаем.

Дом и его люди помчались вперед гигантскими скачками — в отсутствие силы тяжести это был самый быстрый способ передвижения. Коридор, в котором тускло горели лампы аварийного освещения, несколько мгновений оставался пустым. В стенах его через равные промежутки взрывами были пробиты дыры, это позволяло выпустить воздух из герметичных отсеков, а заодно уничтожить линии связи и трубопроводы. Когда они проносились мимо одной такой пробоины, из нее

выскочили люди.

Дом пригнулся, уклонившись от удара стрекалом и одновременно выхватив щуп. Удар щупом пришелся нападающему прямо под ребра. Эдинбуржец скорчился и испустил дух, но Дом почувствовал, что ногу его полоснуло острой болью. Он опустил глаза и увидел кусачки, впившиеся ему в икру.

Кусачки — старомодное устройство, применяемое против лишенных защитной брони скафандров. Два искривленных ножа охватили ногу, а маленький, замедленного действия двигатель неторопливо смыкал их. Выключить устройство, приведенное в действие, уже невозможно.

Правда, можно сломать. Едва успев подумать об этом, Дом резко махнул щупом и прижал его к рукоятке кусачек. Кусачки немного перекосило, и боль резко усилилась; Дом едва не лишился сознания. Он попытался не обращать на боль внимания. Из-под лезвий вырывались струйки пара. Дом привел в действие набедренное пережимное кольцо, которое изолировало штанину от скафандра. Затем щуп продырявил кожух кусачек, дождем брызнули искры, и смыкание лезвий прекратилось.

Когда Дом поднял глаза, короткий бой уже

кончился. Нападавшие были мертвы, их опрокинул подоспевший арьергардный отряд. Похоже, несколько убитых были на счету Гельмута. Он держал над головой топор, поигрывая пальцами по кнопкам на его рукояти, отчего двигатели, расположенные прямо под лезвием, попеременно бросали его то вперед, то назад. Оба острия были в крови.

Дом включил приемник: тишина на всех частотах. Схемы внутрисудовой связи были разрушены, а металлические стены глушили любые радиосигналы.

— Доложите кто-нибудь, — произнес он. — Каковы наши потери?

— Ты ранен, — сказал, склонившись над ним, Винг. — Хочешь, я выдерну эту штуку?

— Оставь. Концы ножей почти сошлись, ты заодно отдерешь мне половину ноги. Их прихватило замерзшей кровью, а двигаться с ними я еще могу. Подними-ка меня.

Лишенная кровоснабжения нога быстро немела в вакууме. Оно и к лучшему. Дом пересчитал своих людей.

— Мы потеряли двоих, но мин у нас более чем достаточно.

В следующем коридоре, у пробитой взрывом

дыры на одну из палуб их поджидал сам сержант Тот. Он взглянул на ногу Дома, но промолчал.

— Как дела? — спросил Дом.

— Прилично. Наши потери невелики. У них — больше. Сапер утверждает, что мы сейчас над главным трюмом, поэтому уходим вниз. На каждом уровне направляем наших людей в стороны, пока не доберемся до трюма. Так что топайте.

— А ты?

— А я пойду с арьергардом и буду собирать по всем уровням всех, кого вы оставите. Позаботься, чтобы, когда мы спустимся к вам, для нас дорога была чистой.

— Можешь на это рассчитывать.

Дом всплыл над дырой и, оказавшись прямо над ней, с силой оттолкнулся здоровой ногой и плавно пошел вниз. Расчет Дома последовал за ним. Они миновали одну палубу, вторую, третью. Отверстия в палубах были пробиты аккуратно, друг под другом, чтобы облегчить свободное падение. Впереди громыхнуло, повалил дым — там пробивали очередную палубу. Мимо Дома пролетел Гельмут. Он двигался быстрее, оттолкнувшись от потолка обеими ногами. Он уже обогнал Дома на целую палубу, пролетел в новую пробоину — и вдруг пулеметная очередь почти

перерезала его пополам. Мгновенно расставшись с жизнью, Гельмут сложился вдвое; импульс, сообщенный ему пулями, снес тело вдоль нижней палубы в сторону, и оно скрылось из виду.

Дом включил двигатели на щупе, и они оттащили его в сторону, не дав последовать за Гельмутом.

— Минный расчет, рассредоточиться, — скомандовал он, — пропустить вперед штурмовой отряд.

Он переключился на оперативную частоту и взглянул вверх, на неровную колонну спускающихся бойцов.

— Палуба подо мной отбита противником. Я на последней из захваченных нами.

Он помахал рукой, чтобы показать, кто ведет передачу, — и бойцы стали притормаживать рядом с ним.

— Они подо мной. Стреляли оттуда.

Бойцы молча двинулись в указанную сторону. Где-то за его спиной громыхнул взрыв, пробив дрогнувший металлический пол. Бойцы цепочкой потянулись в ту сторону. Несколько секунд спустя снизу появилась фигура в шлеме — с рожками — и помахала рукой, все чисто. Движение возобновилось.

На нижней палубе люди стояли едва ли не плечом к плечу, и их становилось все больше за счет спускавшихся сверху.

— Прибыл минный расчет, доложите обстановку, — запросил по радио Дом.

Из толпы, оттолкнувшись, выплыл боец с подвешенным к поясу планшетом.

— Мы добрались до грузового трюма — он тут здоровенный, — но нас отбросили назад. У них огромное численное превосходство. Эдинбуржцы готовы на все. Они перебрасывают через ПМ-экраны людей в легких пневматических скафандрах. Без брони, почти без оружия, мы уничтожаем их без особых затруднений, но они попросту выдавили нас собственными телами. Они поступают прямиком с планеты, которая служит плацдармом вторжения. Даже если мы перебьем всех, нам не удастся прорваться сквозь их тела...

— Ты сапер?

— Да.

— Как расположен в трюме ПМ-экран?

— Идет вдоль дальней стены, по всей длине.

— Пульт управления?

— Слева.

— Ты можешь провести нас в обход трюма, сверху или сбоку, чтобы мы ворвались в него

поближе к экрану?

Сапер уперся взглядом в чертежи корабля и разглядывал их довольно долго.

— Да, сбоку. Через машинное отделение. Там можно пробить стену рядом с пультом управления.

— Тогда пошли, — Дом переключился на оперативную частоту и помахал рукой. — Всем бойцам, которые видят меня, двигаться в ту сторону. Мы намерены предпринять фланговую атаку.

Они понеслись по длинному коридору со скоростью, на какую были способны, — впереди бойцы, за ними минный расчет. Через равные промежутки перед ними возникали герметично задраенные двери, которые, впрочем, оказалось нетрудно обойти, взрывая перегородки рядом с ними. Они наталкивались на сопротивление, и число убитых по мере их продвижения все возрастало.

В конце концов Дом увидел, что бойцы впереди сбиваются кучкой, и подплыл к своему изрядно поредевшему отряду, сумевшему забраться далеко внутрь корабля.

Указав на огромную дверь в конце коридора, капрал прижался к шлему Дома.

— За ней машинное отделение. Здесь толстые

стены. Всем отойти в сторону, мы применим восьмикратный заряд.

Люди рассредоточились, заряд взорвался, перегородки вздыбило, вспучило, и Дом увидел, как по коридору хлестнула простыня пламени, а за ней столб воздуха, мгновенно обращающийся в сверкающие шарики льда. Машинное отделение все еще оставалось под давлением.

Большая часть застигнутых врасплох членов экипажа, работавших в машинном зале, была без скафандров. Эти люди умерли внезапной и жестокой смертью. Немногих уцелевших, попытавшихся сопротивляться с импровизированным оружием в руках, перебили почти мгновенно. Дом, двигавшийся со своим минным расчетом следом за сапером, ничего этого почти не видел.

— А вот этот дверной проем на моих планах отсутствует, — сердито сказал сапер. — Его, должно быть, соорудили уже после постройки корабля.

— Куда он ведет? — спросил Дом.

— К трюму с ПМ, больше некуда.

Дом подумал.

— Я хочу попытаться захватить пульт управления ПМ-экраном без боя. Мне нужен доброволец, который пойдет со мной. Если мы уберем со скафандров опознавательные знаки и экипируемся

оружием эдинбуржцев, может быть, нам это удастся.

— Я пойду с тобой, — сказал сапер.

— Нет, это не твое дело. Тут нужен хороший боец.

— Возьми меня, — сказал, протолкнувшись поближе к Дому, незнакомый ему человек. — Я Пименов, лучший боец в моем взводе. Спроси любого.

— Тогда давай поспешим.

Маскировка была несложной. Посшибав со шлемов опознавательные рожки и обвесившись вражеским оружием, они стали похожи на эдинбуржцев. А чтобы имена на скафандрах были не видны, хватило пригоршни машинной смазки.

— Будьте неподалеку и, как только я вырублю экран, постарайтесь как можно быстрее присоединиться ко мне, — сказал Дом и с бойцом-добровольцем ушел за дверь.

Узкий проход между большими емкостями с горючим упирался в дверь из легкого металла. Она была не заперта, но, когда Дом нажал на нее, не открылась. Пименов присоединился к нему, совместными усилиями они сумели сдвинуть дверь на несколько дюймов. Сквозь образовавшуюся щель они увидели, что за дверью полным-полно

людей в скафандрах. Дом с Пименовым нажали посильнее. По толпе прокатилось неожиданное движение, дверь внезапно распахнулась, и Дом ввалился в помещение, ударившись шлемом о шлем ближайшего человека.

— Какого черта? — спросил человек, обернувшись и вглядываясь в Дома.

— Оттуда напирают, — произнес Дом, стараясь выговаривать "р" пораскатистей, на манер эдинбуржцев.

— А ты не наш! — сказал человек и потянулся к оружию.

Дом не мог рисковать, затевая здесь драку, но этого человека следовало заставить умолкнуть. Кое-как дотянувшись до искрового пробойника и вырвав его из зажима; Дом ткнул им эдинбуржца в бок. Пара острых как иглы шипов пронзила скафандр и одежду, впилась в эдинбуржца, эфес пробойника прижался к его телу, произошло замыкание. Рукоять пробойника вмещала множество мощных конденсаторов: Через пару игл прошелся могучий разряд. Эдинбуржец содрогнулся и умер на месте. Пользуясь его телом как тараном, они пробивались сквозь толпу.

В раненой ноге Дома сохранилось ровно столько чувствительности, чтобы ощущать, когда

люди задевали за кусачки. О том, что при этом делается с ногой, Дом старался не думать.

Обнаружив незапертую дверь, эдинбуржцы открыли ее пошире и полезли наружу. В машинном зале их поджидали бойцы. Внезапный взрыв на миг ослабил нажим толпы, и Дом вместе с пробивавшимся сзади Пименовым начал проталкиваться к пульту управления ПМ-экраном.

Казалось, они двигаются во сне. Темная масса ПМ-экрана была не далее чем в десяти ярдах от них — но как добраться до нее? Солдаты выплескивались из экрана, толпа напирала и росла, препятствуя любому движению в обратном направлении. Двое техников стояли у пульта, их наушники были включены в разъемы на его панели. Без силы тяжести любое движение, любая попытка протиснуться сквозь плотную толпу, сквозь чудовищное переплетение рук и ног оказывались напрасными. Пименов прижался шлемом к Дому:

— Я пойду впереди, попробую пробиться. Держись ко мне ближе.

Он прервал контакт, не дав Дому ответить, выставил вперед реактивный топор и врезался им в плотную массу человеческих тел. Включив топор и заставив лезвие колебаться вперед и на-

зад, он прорубался сквозь сдавленные тела. Люди пытались сопротивляться, но он не останавливался, отбиваясь щупом. Дом следовал за ним. Они успели подобраться к пульту управления, прежде чем Пименов исчез в массе вооруженных, выкрикивающих ругательства эдинбуржцев. Он сделал свое дело и умер.

Дом включил двигатель щупа, и тот потащил его вперед, пока не ударился с лязгом о толстенную стальную раму ПМ-экрана прямо над головами операторов. Сунув оружие в кобуру, Дом обеими руками вцепился в раму, стараясь преодолеть напор тел, лезущих из экрана. Вблизи пульта оставалось немного свободного места. Дом опустился туда и ткнул стрекалом в спину оператора. Оператор вздрогнул и почти мгновенно умер. Второй повернулся и получил удар стрекалом в живот. Глаза его, оказавшись прямо перед лицом Дома, расширились, он беззвучно завопил от боли и страха. Пока Дом с огромным трудом извлекал из держателя атомную мину, убитый стоял рядом, прижатый к нему толпой, и смотрел на него мертвыми глазами.

Ну вот.

Он прижал мину к груди, быстрым движением выдернул штифт взрывателя, установил предо-

хранитель на пятисекундный отсчет и резко ударил по кнопке активатора. Затем потянулся к пульту и переключил ПМ-экран с «приема» на «отправку». Экран изверг последних солдат, за их спинами образовался все расширяющийся пустой зазор. Туда, прямо в экран, Дом и швырнул мину.

Потом он просто держал переключатель отжатым, стараясь не думать о том, что случится с солдатами армии вторжения, ожидающими перед ПМ-экраном на далекой планете.

Ему нужно было продержаться на занятой позиции до подхода своих. Заслонившись трупом оператора, он поразил стрекалом нескольких эдинбуржцев, которые находились так близко от него, что сообразили — что-то случилось. Справиться с ними оказалось несложно. Простые солдаты, просто люди, призванные в армию вторжения, они понятия не имели об особенностях боя при нулевой силе тяжести. Вскоре толпа забурлила, раздалась в стороны. Из людской гущи вырвался рассвирепевший боец и взмахнул топором, целя Дому в шею. Дом увернулся от удара и переключил радио на оперативную частоту.

— Отставить! Я капрал Приего, минный расчет. Прикрой меня спереди и постарайся, чтобы боль-

ше никто не делал таких ошибок.

Боец был из тех, кто штурмовал машинное отделение. Теперь он признал Дома, кивнул, повернулся и замер, заслонив его собой. Новые бойцы пробивались сквозь толпу, образуя вокруг пульта управления несокрушимый щит. С ними протиснулся и сапер, занявшийся вместе с Домом перестройкой частоты ПМ-экрана. Рукопашная закончилась быстро.

— Пересылка! — сообщил Дом по радио, как только настройка экрана была завершена, и переключил экран на передачу. Он слышал, как произнесенное им слово повторяется бойцами — сигнал к отходу должен услышать каждый. По другую сторону экрана, настроенного на казармы в лунном кратере Тихо, они будут в безопасности.

Первыми отправили эдинбуржцев — живых, мертвых и раненых. Их заталкивали в экран, чтобы освободить место для стекавшихся в трюм бойцов. Те, кто оказывался ближе к краю экрана, ударялись о его твердую поверхность и падали назад: принимающий экран в кратере Тихо был меньше, чем этот, большой, предназначенный для вторжения. Их снова заталкивали в экран, и они проваливались в него в конце концов.

Бойцам пришлось встать так, чтобы обозначить границы рабочей части экрана.

Дом, тщетно пытавшийся избавиться от красной пелены перед глазами, почувствовал, что кто-то стоит перед ним.

— Винг, — узнал он наконец. — Кто еще из минного расчета добрался сюда?

— Насколько я знаю, никто, Дом. Только я. Нет, не думай о мертвых. Теперь в счет идут только живые.

— Ладно. Оставь свою мину и уходи на ту сторону. Больше одной нам все равно не потребуется.

Он ослабил зажим на держателе, вытащил мину и подтолкнул Винга в спину в сторону экрана. Дом уже закрепил мину на пульте управления, когда рядом опустился сержант Тот и прижал свой шлем к его шлему.

— Управились?

— Сейчас управимся.

Дом установил запал и выдернул шрифт взрывателя.

— Тогда отправляйся. Я сам ее подорву.

— Нет. Это моя работа.

Дом потряс головой, чтобы избавиться от красного облака перед глазами, но очертания предметов все равно оставались неясными.

Тот не стал спорить.

— Каковы установки? — спросил он.

— Пять и шесть. Через пять секунд после активации взрывается химическая мина, она разносит пульт управления. Секунду спустя срабатывает атомная.

— Я останусь до начала фейерверка.

Дому начало казаться, что время идет как-то странно, то быстро, то медленно. Люди торопливо проплывали мимо, к экрану, мощный поначалу поток постепенно редел. Тот вел какие-то переговоры на оперативной частоте, но Дом отключил радио, потому что нестерпимо болела голова. Огромное помещение опустело. На полу остались только мертвые, да автоматические пулеметы все еще постреливали на входах. Один из них взорвался, когда Тот прижался к шлему Дома.

— Все прошли. Пора и нам.

Дому было трудно говорить, поэтому он просто кивнул и с силой ударил кулаком по активатору. Какие-то люди приближались к ним, но Тот обхватил Дома рукой, и включенные на полную мощность сопла реактивного топора плавно поднесли их к поверхности экрана. И сквозь нее.

Когда в глаза Дому ударил слепящий свет казарм Тихо, он зажмурился, и красное облако

заполнило глаза, и его самого, и все остальное.

* * *

— Ну как тебе новая нога? — спросил сержант Тот. Он лениво опустился в кресло рядом с больничной койкой.

— Я ее совершенно не чувствую. Нервные каналы останутся заблокированными, пока она не прирастет к обрубку.

Гадая, зачем Тот явился, Дом отложил книгу, которую читал.

— А я вот зашел навестить раненых, — сказал сержант, отвечая на негаданный вопрос. — Здесь, кроме тебя, еще двое. Капитан велел.

— Он, похоже, садист почище тебя. Нам тут и без твоих визитов тошно.

— Хорошая шутка. — Выражение лица Тота не изменилось. — Надо будет пересказать ее капитану. Ему понравится. Какие у тебя планы? Собираешься уходить?

— Почему бы и нет? — Дом с удивлением обнаружил, что вопрос его рассердил. — У меня на счету боевой вылет, награды, хорошая рана. Оснований, чтобы проситься в отставку, больше чем достаточно.

— Оставайся. Ты хороший боец, когда не заду-

мываешься. Таких немного. Карьеру сделаешь.

— Вроде твоей, сержант? Превращу убийство в работу? Я предпочел бы заняться чем-то иным, чем-нибудь более творческим. Мне, в отличие от тебя, убийства, откровенное душегубство, короче, вся эта грязь удовольствия не доставляет. Это тебе нравится... — Неожиданная мысль заставила его выпрямиться, и он уселся в постели. — Как, возможно, и все остальное. Войны, сражения, все вообще. Я не хочу больше слышать о территориальных правах, об агрессии, о настоящем мужском деле. Я думаю, что люди вроде тебя затевают войны, потому что это горячит им кровь, доставляет удовольствие, которое иными способами они испытать не способны. Тебе нравится воевать.

Тот встал, слегка потянулся и повернулся, чтобы уйти. В дверях он, задумчиво нахмурившись, остановился.

— Может, ты и прав, капрал. Я об этом особенно не думал. Может, это мне и нравится. — На лице его появилась холодная улыбка. — Только не забывай — тебе это тоже понравилось.

Дом вернулся к книге, недовольный, что ему помешали читать. Книгу вместе с лестной запиской прислал его профессор литературы. Он-де

услышал о Доме по радио, весь университет гордится им и так далее. Томик стихов. Мильтон, по настоящему хорошая книга.

И ни войны, ни звуков боя

Сей мир не ведал той порою.

Да, книга хорошая. Только это не было правдой в пору Мильтона, да и сейчас ею не стало. Неужели человечеству действительно нравится воевать? Должно быть, нравится — иначе оно не воевало бы до сих пор. Эта мысль показалась Дому преступной и страшной.

И ему тоже? Чушь. Он хорошо дрался, но лишь потому, что хорошо подготовился к драке. Не может быть, чтобы ему и вправду все это нравилось.

Он постарался вновь углубиться в чтение, но буквы то и дело расплывались у него перед глазами.

Гарри Гаррисон
Из фанатизма или за вознаграждение

Меня очень тревожат насилие и смерть — их слишком много в нашем обществе и в нашем мире. Когда-то я вводил их в больших дозах в собственные произведения — то был рефлекс, оставшийся после работы для дешевых журналов, и, чтобы от него избавиться, мне пришлось приложить определенные усилия. Насилия и так чересчур много в фильмах и литературе.

В нем есть своя притягательность, иначе его бы там не было. Возьмем две крайности. Первая — захватывающий триллер, который мы читаем, чтобы расслабиться. Все описанные в нем взрывы, погони и перестрелки вымышлены, но о них приятно почитать тихим вечерком, особенно если написано добротно. Я это хорошо знаю, потому что сам такое писал.

Другую крайность можно определить как чрезмерно жестокое насилие, к сожалению, привычное по фильмам и телепередачам. Задумайтесь сами, существует ли реальная необходимость

показывать, да еще в цвете, как сжигают людей? Особенно если вскоре какие-нибудь подонки, последовав экранному примеру, сжигают несколько человек? Подобное в самом деле происходило, и над этим стоит задуматься.

Не по душе мне и легенда о наемном убийце — хладнокровном профессионале, убивающем за деньги. Я верю в совесть и законы, которые когда-то вывели нас из джунглей. И рассказ этот именно о них.

Чудесно! Отличная четкость! Электронный прицел был для него новинкой — испытывая оружие, он пользовался оптическим, который электронному и в подметки не годился. Несмотря на дождливую ночь, широкий вход в здание на противоположной стороне улицы был виден четко и ясно. Локти удобно покоились на упаковочных ящиках, уложенных стопкой перед щелью, прорезанной в наружной стене.

«Приближаются пятеро. Тебе нужен самый высокий»,— прошептал микродинамик в ухе.

На противоположной стороне улицы показались люди. Один из них был заметно выше остальных. Он шел, разговаривая и смеясь, и Джейген направил прицел на его белые зубы, потом стал прибавлять увеличение, пока зубы,

рот и язык не заполнили всю прицельную рамку. Человек широко улыбнулся, и тут Джейген плавно и равномерно сжал приклад, одновременно надавливая на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, в плечо ударил приклад.

А теперь скорее; в обойме еще пять патронов. Уменьшить увеличение. Человек падает. Выстрел. Человек дергается. Выстрел. В голову. Еще одну туда же. Выстрел. Кто-то его заслоняет. Стреляем и в него. Выстрел. Так, помехи больше нет. В грудь, в сердце. Выстрел.

— Обойма пуста, — произнес он в торчавшую перед губами пуговку микрофона. — Пять в цель, насчет шестого не уверен.

«Уходи», — послышалось в ухе.

А я и так сматываюсь, подумал он. Была бы нужда напоминать — полиция Великого Деспота работает шустро.

Комнату освещал только тускло-оранжевый свет индикаторной лампочки передатчика материи. Код места назначения он набирал сам. Промахнув тремя шагами пустую пыльную комнатку, он стукнул по пусковой кнопке передатчика и тут же, не мешкая ни секунды, нырнул в экран.

По глазам больно ударил яркий свет, заста-

вив прищуриться. Висящая под потолком голая лампочка освещала сырые каменные стены и металлическую дверь в потеках ржавчины. Он находился в подземелье на какой-то планете, быть может, на другом конце Галактики. Какая, собственно, разница? Здесь — значит здесь. Когда есть ПМ, до любого места в мире всего один шаг. Он быстро встал сбоку от экрана.

Оттуда пыхнула струя газа. И беззвучно рассеялась. Прекрасно. Значит, тот передатчик уничтожен, взорван. Обследовав его обломки, полиция наверняка выяснит, куда он перепрыгнул, но на это уйдет время. А он успеет замести следы и исчезнуть.

Если не считать передатчика, единственным предметом в каменной каморке был большой керамический сосуд, накрытый крышкой. Он взглянул на приклад винтовки, куда наклеил полученные инструкции. Рядом с кодом, который он набрал, чтобы попасть сюда, виднелась пометка: «Уничтожить винтовку». Джейген отодрал липкую карточку с инструкцией и сунул в сумку на поясе, потом снял крышку с сосуда. Из него тут же заклубился едкий пар; Джейген, кашляя, отвернулся. Это пузырящееся адское варево могло растворить что угодно. Отработанным

движением он отсоединил пластиковый приклад и уронил его в контейнер. Жидкость яростно забурлила, выбрасывая густой пар.

Джейген поспешно отступил, доставая из сумки работающую от батарей электропилу размером с кулак и алмазными зубцами. Пила зажужжала, потом тонко взвыла, перепиливая ствол винтовки. Несколько дней назад он тщательно его измерил и сделал легкий надпил. Теперь он резал по этой метке, и через считанные секунды половинка ствола звякнула об пол. Она тут же отправилась следом за прикладом в компании с пустой обоймой. Достав из сумки новую обойму, он вставил ее на место, потом быстрым движением указательного пальца передернул затвор, дослав патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и лишь после этого сунул обрез в просторный рукав куртки, придерживая ладонью шершавый срез ствола.

Прежней точности у обреза уже не будет, но на короткой дистанции убивает он не хуже винтовки.

Покончив с мерами предосторожности, Джейген сверился с инструкцией и набрал код очередного места назначения. После него на карточке значились всего два слова: «Заметай следы».

Джейген шагнул в передатчик.

Шум и звуки, свет и резкие запахи. Где-то рядом был океан — он слышал шум прибоя, нос щекотал солоноватый влажный воздух. Джейген стоял на площади коммуникационного узла, уставленной по периметру передатчиками, и какой-то мужчина, едва не наступив ему на пятки, выбрался следом за ним из того же ПМ и торопливо зашагал прочь, что-то бормоча под нос на незнакомом языке. По площади сновала густая толпа, над головой палило красноватое солнце. Джейген поборол искушение воспользоваться первой же соседней кабинкой и быстрым шагом двинулся через площадь. Потом остановился и стал поджидать первого прохожего, который пойдет мимо него, чтобы отправиться за ним — так он выбирал случайное направление, не зависящее от его желаний. Первой прошла девушка, и он двинулся за ней. Юбочка на ней едва прикрывала ягодицы, зато выставляла на всеобщее обозрение на редкость кривые ноги. Пропетляв за юной кавалеристкой по боковым улочкам и миновав кабинку ПМ, он решил отстать. Свой след он вполне запутал, так что теперь подойдет любая кабинка.

Впереди, над внушительного вида зданием, он

увидел знакомую зеленую звезду, и сердце его забилось — то было Управление полиции Великого Деспота. Джейген чуть заметно улыбнулся. А почему бы и нет? Здание было общественным и служило не только резиденцией полиции. Чего бояться?

Но страх все же оставался, и его преодоление играло немалую роль в игре. Так, вверх по ступенькам мимо словно не замечающих его стражей. Большой холл со справочным столом в центре, вдоль стен вывески и стойки всевозможных служб. А вот и ряд экранов ПМ. Неторопливо шагая, он подошел к одному из средних экранов и набрал следующий код из списка.

От внезапного холода заслезились глаза, разреженным воздухом было почти невозможно дышать. Он быстро повернулся к экрану, чтобы набрать следующий код, но тут заметил торопящегося к нему мужчину.

— Постойте! — крикнул человек на интергалакте. Его нос прикрывала дыхательная маска, вторую он протянул Джейгену, который тут же надел ее. Подогретый свежий воздух успокоил его в той же мере, что и присутствие явно ожидавшего его человека. Осмотревшись, Джейген понял, что стоит на мостике допотопного звездолета.

Приборы были выдранными из стен, экраны не светились. На металлических переборках конденсировалась влага и растекалась лужицами по полу. Человек заметил любопытство во взгляде Джейгена.

— Этот корабль уже несколько веков болтается на орбите. Подключив этот ПМ, мы запустили генераторы атмосферы и искусственной гравитации. Когда мы уйдем, все уничтожит атомный взрыв. И если вас выследили, тут след оборвется.

— Выходит, остальные мои инструкции…

— Не потребуются. Мы не были уверены, что успеем вовремя подготовить корабль, но, как видите, успели.

Джейген уронил на пол карточку с инструкциями и микродинамик. Эти улики исчезнут вместе с остальными. Человек быстро набрал код.

— Прошу вас следовать за мной.

— Уже иду.

Человек кивнул, отбросил маску и шагнул в экран. Они оказались в ничем не примечательном номере отеля — такой можно отыскать на любой из десяти тысяч планет. Двое, облаченные с головы до пят в черное, сидели в креслах с подлокотниками и разглядывали Джейгена сквозь темные очки. Провожатый молча кивнул, набрал

код на передатчике и вошел в экран.

— Дело сделано? — спросил один. Их мешковатую черную одежду дополняли черные же перчатки и капюшоны, а рты прикрывали демодуляторы голоса, делавшие его ровным, лишенным эмоций и неузнаваемым.

— Деньги, — бросил Джейген, отходя в сторону и прислоняясь спиной к стене.

— Мы заплатим тебе, приятель. Не валяй дурака. Мы лишь хотим узнать, как все прошло. Видишь ли, мы вложили в это дело большие средства, — сказал второй. Голос его был механически невозмутим, но пальцы, когда он говорил, сжимались и разжимались.

— Деньги, — повторил Джейген, стараясь, чтобы его голос звучал невозмутимо, как и электронные голоса этих двоих.

— Держи, охотник. — Первый достал из выдвижного ящика стола коробку и швырнул через комнату. Она упала у ног Джейгена и раскрылась. — И выкладывай наконец.

— Я выпустил все шесть пуль в указанную цель, — ответил Джейген, глядя на рассыпавшиеся по полу золотистые банкноты. Крупная сумма. Похоже, обещание они сдержали. — Четыре я всадил в голову, одну в сердце, еще одну в человека,

который пытался его заслонить. Как вы говорили, так и вышло — против реактивных пластиковых пуль защитный экран не устоял.

— Теперь субсидии наши, — бесстрастно произнес второй. Но своим хладнокровием он был обязан исказителю — постукивание руки по креслу и покачивание ноги выдавали его возбуждение.

Джейген наклонился и стал собирать деньги. Со стороны казалось, будто смотрит он только на пол.

Один из людей в черном выхватил скрытый под одеждой энергетический пистолет и выстрелил в Джейгена.

Будучи охотником, Джейген всегда знал, что и он может стать объектом охоты. Он мгновенно откатился в сторону и стиснул ствол обреза. Другой рукой он нащупал под тканью рукава спусковой крючок. Стрелял он в упор, и промах для человека с его опытом на таком расстоянии был просто невозможен.

Получив пулю в живот, стрелявший переломился пополам, очень спокойно и монотонно выдохнул через исказитель «аххххх», выронил пистолет и уже мертвым рухнул на пол.

— Пуля из мягкого сплава, — пояснил Джей-

ген. — Приберег на всякий случай обойму — они куда лучше ваших пластиковых штучек. Входит маленькой, сплющивается, а наружу вылетает уже лепешка. Винтовку я тоже приберег — точнее, тот минимум ее деталей, который еще способен стрелять. Вы были правы, ее следует уничтожить, чтобы избавиться от улики, но только после нашей встречи. А на экране энергетического детектора мой обрез не видно, вот вы и решили, будто я безоружен. Ваш приятель узнал правду довольно неприятным способом. А что теперь делать с вами?

Джейген говорил быстро, пытаясь высвободить застрявший в рукаве обрез, отброшенный назад отдачей. Все, достал.

— Не убивайте меня, — произнес человек спокойным из-за исказителя голосом, вжимаясь спиной в кресло и заслоняя лицо рукой. — Это была его идея, я тут совершенно ни при чем. Он боялся, что если вас выследят, то схватят и нас. — Он взглянул на скрюченную фигуру и быстро отвернулся, увидев на полу лужу крови. — У меня нет оружия. Я ничего против вас не имею. Не убивайте меня. Я вам еще дам денег.

Он молил сохранить ему жизнь, но слова текли монотонно, словно перечень покупок.

Джейген поднял обрез, человек съежился от страха.

— У вас с собой есть деньги?

— Есть. Немного. Пара тысяч. Я могу дать больше.

— Мне некогда ждать. Достаньте то, что есть, — только медленно — и бросьте сюда.

Сумма оказалась приличной. Богатый, должно быть, гусь, раз таскает с собой такие денежки на карманные расходы. Джейген поднял оружие, чтобы застрелить его, но в последний момент передумал. Зачем? Он устал убивать.

Опустив обрез, он подошел и сорвал с человека маску. И был разочарован. Старый, толстый, обрюзгший, невидящие глаза полны слез. Охваченный внезапным отвращением, Джейген стащил его на пол и сильно врезал по физиономии. Потом отошел. Набирая код, он заслонял собой кнопки, чтобы толстяк не подсмотрел номер. Потом шагнул в экран.

И почти в ту же секунду в кабинет начальника полиции на планете, где произошло убийство — за много световых лет от Джейгена, — из экрана ПМ вышла машина.

— Ты Преследователь? — спросил офицер.

— Да, — ответила машина.

Выглядела она красиво и была похожа на человека, только высокого, более двух метров ростом. Вообще-то ей могли придать любой облик, но, когда перемещаешься среди людей, такая форма предпочтительнее. Гуманоидность облика была единственной уступкой ее создателей, и, кроме торса, четырех конечностей и головы, все прочее в машине подчинялось строгой функциональности. Ее корпус, гладкий и обтекаемый, покрывал недавно созданный, чрезвычайно прочный золотистый сплав. Безликость яйцевидной головы нарушала лишь Т-образная щель спереди. За этим узким отверстием скорее всего скрывались зрительные и слуховые устройства вкупе с речевым механизмом, имитировавшим звучный мужской голос.

— Насколько мне известно, Преследователь, ты единственный экземпляр в мире? — спросил офицер — пожилой, седой, похудевший от нервной службы, но не утративший за все годы любопытства.

— Индекс вашего секретного допуска позволяет мне проинформировать вас, что в строй вводятся и другие Преследователи, но точное их количество я раскрыть не могу.

— Весьма разумно. И что ты надеешься сде-

лать?

— Отыскать убийцу. Встроенные в меня детекторы гораздо чувствительнее применявшихся ранее, вот почему мой корпус так велик. В меня встроено запоминающее устройство, сравнимое по объему памяти с крупнейшей библиотекой, и средства для его постоянного пополнения информацией. Я выслежу убийцу.

— Задача может оказаться нелегкой. Он — или она — после убийства уничтожил передатчик.

— У меня есть способы узнать код, исследовав даже обломки передатчика.

— Он мог по-разному заметать следы.

— Его не спасет ничто. Я Преследователь.

— Он совершил отвратительное преступление. Желаю тебе удачи. Если только можно пожелать удачи машине.

— Благодарю за любезность. Я не обладаю человеческими эмоциями, но способен их ценить. Ваши чувства поняты, а в ваше личное дело занесена положительная отметка, хотя вы и не рассчитывали на это, произнося пожелание. А сейчас мне хотелось бы ознакомиться со всеми материалами, связанными с убийством. Потом я отправлюсь туда, куда сбежал преступник.

Двадцать лет беспечной жизни мало изменили

внешность Джейгена: морщины в уголках глаз и седина на висках лишь придали ему солидности. Он давно уже не зарабатывал на жизнь как профессиональный охотник и мог себе позволить часто охотиться ради собственного удовольствия. Многие годы он постоянно переезжал с места на место, заметая следы, и даже десяток раз менял имя и внешность. Как-то он совершенно случайно наткнулся на эту захолустную планету и решил на ней остаться. Охота в местных диких джунглях оказалась просто потрясающей, и он не отказывал себе в этом удовольствии. Добытые и умело вложенные деньги обеспечивали ему приличный доход и удовлетворение всех потребностей, включая парочку пороков, которым он был подвержен.

Как раз сейчас он обдумывал один из них. Проведя более недели в джунглях, он всласть наохотился и теперь — чистый, свежий и отдохнувший — смаковал мысли о чем-то другом. Продается комната наслаждений, дорогая, разумеется, зато он может получить именно то, что желает. Облаченный в золотой халат, задрав ноги на столик и держа в руке бокал, он сидел в кресле и сквозь прозрачную стену дома любовался на садящееся за джунгли солнце. Он никогда особо

не разбирался в искусстве, но лишь слепой не обратил бы внимания на взрывную яркость зелени, подчеркивающую буйство пурпурных и красных оттенков неба. Вселенная — чудесное место.

И тут негромкий звоночек возвестил о том, что чей-то ПМ настроился на аппарат в его доме. Он резко обернулся и увидел шагнувшего в комнату Преследователя.

— Я пришел за тобой, убийца, — произнес робот.

Пальцы Джейгена разжались, бокал покатился по инкрустированному паркету, оставляя за собой влажную дорожку. У Джейгена всегда имелось при себе оружие, но осторожность подсказала ему, что лежавший в кармане халата энергетический пистолет бессилен против столь внушительной машины.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — солгал Джейген, поднимаясь. — Сейчас вызову полицию, пусть они разберутся.

Он сделал несколько шагов в сторону коммуникатора — и внезапно метнулся мимо него в соседнюю комнату. Преследователь двинулся следом, но остановился, когда Джейген секунду спустя появился в дверях.

В руках он держал крупнокалиберное безоткат-

ное ружье, стреляющее разрывными пулями, — с таким он охотился на местных многотонных болотных амфибий. В магазине имелось десять зарядов почти пушечного калибра, и он в упор всадил все десять в робота.

Иллюстрации Leo Summers

От мебели в комнате остались жалкие обломки; пол, стены и потолок ощетинились осколками. Его тоже легко ранило — в шею и в ногу, — но он не почувствовал боли. Машина даже не дрогнула от взрывов, а на золотистом покрытии корпуса не осталось и вмятинки.

— Сядьте, — приказал робот. — Ваше сердце бьется слишком сильно, а это опасно для здоровья.

— Опасно! — Джейген рассмеялся каким-то странным смехом и прикусил губу. Он выронил ружье, проковылял к чудом уцелевшему креслу и без сил свалился в него. — Стоит ли волноваться о здоровье, когда здесь ты… палач?

— Я Преследователь, а не палач.

— Ну, так передашь меня палачу. Но сперва скажи, как ты меня отыскал? Или это секрет?

— Секретны только подробности. Чтобы найти вас, я воспользовался самыми совершенными методами локации и записями в запоминающих блоках передатчиков. У меня безупречная память, а фактов для обработки имелось немало. К тому же, будучи машиной, я не страдаю нетерпеливостью.

Поняв, что немедленная смерть ему не грозит,

Джейген тут же задумался о возможности побега. Машину ему не уничтожить, но вдруг удастся снова от нее удрать? Пусть она продолжает говорить.

— Что ты намерен со мной сделать?

— Задать вам несколько вопросов.

Джейген мысленно улыбнулся, хотя выражение его лица не изменилось. Он ясно понимал, что убийце, которого выслеживали двадцать лет, Великий Деспот уготовил особую участь.

— Так спрашивай. Чего тянешь?

— Знаете ли вы имя человека, которого убили?

— Я не признавался в том, что кого-то убивал.

— Вы признались, когда попытались уничтожить меня.

— Черт с тобой. Так и быть, скажу. — Главное — не прекращать разговора. Говорить что-нибудь, но ни в чем не признаваться. Под пыткой так или иначе вытянут все. — Я не знал, кто он такой. Я даже не знал названия планеты. Дождливая дыра, вот и все, что я могу сказать.

— Кто вас нанял?

— Они не представились. Мы лишь обговорили сумму и задание.

— В это я могу поверить. Могу также сказать, что ваш пульс приближается к норме и теперь

вашему здоровью не угрожает информация о том, что вы слегка ранены в шею.

Рассмеявшись, Джейген коснулся пальцем тоненькой струйки крови.

— Спасибо за неожиданную заботу. Ранка пустяковая.

— Я предпочел бы видеть ее обработанной и забинтованной. Вы мне позволите ею заняться?

— Да делайте что хотите! В соседней комнате есть медицинское оборудование.

Если чудище выйдет из комнаты, появится шанс добраться до передатчика!

— Сперва я должен осмотреть рану.

Преследователь навис над ним — до этого момента Джейген как-то не осознавал, насколько тот огромен, — и коснулся холодным металлическим пальцем кожи на шее. Едва это произошло, Джейгена полностью парализовало. Сердце билось ровно, дышалось легко, но глаза смотрели только вперед, ни шелохнуться, ни вымолвить слово стало невозможно, и ему осталось лишь оглашать бессловесными воплями звенящую пустоту своего мозга.

— Мне пришлось обмануть вас, потому что тело перед операцией должно полностью расслабиться. Как вы вскоре убедитесь, сама операция

совершенно безболезненна.

Машина вышла из фиксированного поля его зрения, и Джейген услышал, как она покинула комнату. Операция? Какая еще операция? Какую непостижимую пока расплату задумал для него Великий Деспот? Насколько важным был убитый человек? Мысли Джейгена захлестнула волна ужаса и страха — но только мысли. Легкие равномерно наполнялись воздухом, размеренно билось сердце, и лишь сознание, бессильное и истеричное, узником металось в крошечном уголке мозга.

Звуки подсказали, что машина вернулась и стоит позади. Джейген ощутил, что его шевелят и покачивают из стороны в сторону. Что этот робот делает? Краем глаза он заметил, как на пол упало что-то темное. Что? ЧТО?

Еще одна темная лепешка упала прямо перед ним — какая-то грязная пена. Миновало несколько секунд, пока смысл увиденного пробился сквозь охвативший его ужас.

То был большой комок депиляторной пены, заполненной растворяющимися остатками его волос. Должно быть, машина извела на него целый баллончик и теперь удаляет с головы волосы. Но для чего? Паника немного улеглась.

Преследователь обошел кресло, встал перед Джейгеном, потом наклонился и вытер металлические руки о его халат.

— Ваши волосы удалены. — *Знаю, знаю! Но для чего?* — Это необходимая часть операции, не наносящая вам непоправимого вреда. Как и сама операция.

Пока робот говорил, его торс начал меняться. Оболочка из золотистого сплава, не пробиваемая разрывными пулями, разошлась посередине и развернулась. Обездвиженный, Джейген мог лишь с ужасом наблюдать за метаморфозой, не в силах отвести глаз. Открылась серебристая ниша, окруженная непонятными устройствами.

— Вы не почувствуете боли, — успокоил Преследователь, делая шаг вперед и стискивая обеими руками голову Джейгена. С неторопливой точностью машина стала приближать его голову к нише, пока затылок не уперся в металлический свод. Природа явила милосердие — Джейген потерял сознание.

Он не ощутил, как острые металлические иглы, выскользнувшие из отверстий в металлической чаше, пронзили кожу, потом кости черепа и глубоко погрузились в мозг. Но мысли, ясные и четкие, словно ощущения только что пережито-

го, тут же заполнили его сознание. Одно за другим всплывали воспоминания, изучались, отбрасывались и сменялись новыми. Его детство, давно позабытые звуки и запахи, комната, прикосновение травы к подошвам, юноша, смотрящий на свое — его — отражение в зеркале.

Поток воспоминаний, управляемый механизмом внутри Преследователя, долго проплывал перед мысленным взором Джейгена. В его мозгу скрывалось все, что машина хотела узнать, и она, кусочек за кусочком, сложила из мозаики цельную картину. Когда все кончилось, иглы вернулись в чехлы, а голова Джейгена освободилась. Он снова сидел в кресле, паралич исчез столь же внезапно, как и появился. Сжав левой рукой подлокотник кресла, он провел правой ладонью по гладкой коже черепа.

— Что ты со мной сделал? Что это была за операция?

— Я изучил твои воспоминания. И теперь знаю людей, заказавших тебе убийство.

Произнеся эти слова, машина повернулась и направилась к передатчику. Ее пальцы уже начали набирать код, когда Джейген хрипло окликнул робота:

— Стой! Ты куда? Что ты намерен со мной сде-

лать?

Преследователь обернулся.

— А что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? Неужели ты страдаешь от чувства вины? Я могу тебя от него избавить.

— Не смей надо мной издеваться, машина. Я человек, а ты всего лишь железяка. Я приказываю тебе отвечать. Ты из полиции Великого Деспота?

— Да.

— Значит, ты меня арестовал?

— Нет. Я просто ухожу. Тебя может арестовать местная полиция, однако у меня есть информация о том, что ты для них не представляешь интереса. Однако для частичной компенсации средств, затраченных на твои поиски, я конфисковал все твои денежные средства.

Робот снова повернулся, намереваясь уйти.

— Стой! — взвизгнул Джейген, вскакивая. — Я еще могу поверить, что ты отобрал все мои деньги. Но не смей держать меня за идиота. Не для того же ты выслеживал меня двадцать лет, чтобы просто так взять и уйти. Я убийца — вспомнил?

— Я сознаю этот факт. Именно поэтому я тебя преследовал. Теперь я знаю и твое мнение о себе. Ты ошибаешься. Ты ничуть не уникален, не одарен и даже не интересен. На убийство способен

любой человек, если у него для этого достаточно сильные мотивы. В конце концов, вы ведь животные. Во время войны славные парни сбрасывают бомбы на совершенно незнакомых людей, просто нажимая кнопку, и убийства их совершенно не тревожат. Люди убивают, защищая свои семьи, и их за это славят. А ты, профессиональный охотник на животных, убил другое животное, на сей раз оказавшееся человеком, когда тебе предложили подходящую плату. В этом нет ничего благородного, отважного или просто интересного. Тот человек мертв, и, если тебя убить, он не воскреснет. Теперь я могу уйти?

— Нет! Если я тебе не нужен, то… зачем было тратить годы на поиски? Неужели ради нескольких жалких фактов?

Робот выпрямился — высокий, словно светящийся неким механическим достоинством, наверняка отражающим достоинство его создателей.

— Да. Фактов. Ты — ничто, и люди, нанявшие тебя, — тоже ничто. Главное в том, почему они на это пошли и как им удалось добиться успеха. Один человек, десять, даже миллион — ничто для Великого Деспота, который считает планеты в своих владениях сотнями тысяч. Для него

единица измерения — общество. И теперь будет изучено общество, в котором ты вырос, а особенно то общество, откуда были нанявшие тебя люди. Что заставило их поверить в то, что насилием можно чего-то добиться? Что это за общество, где на убийство смотрят сквозь пальцы, игнорируют — и даже смиряются с ним? Оно не имеет права распространять эту заразу. Убивает общество, а не личности. Ты — ничто, — бросил робот, входя в экран, и исчез.

А Джейген так и не понял, действительно ли он уловил оттенок злобы в последних словах машины.

Гарри Гаррисон
Давление

Напряженность внутри корабля нарастала по мере того, как снаружи увеличивалось давление, и с той же скоростью. Вероятно, это происходило потому, что Ниссиму и Альдо совершенно нечем было заняться. Времени на размышления у них было более чем достаточно. То и дело они поглядывали на манометры, тут же отводили глаза в сторону и затем вновь, будто нехотя, возобновляли эту процедуру — опять и опять. Альдо сплетал и расплетал пальцы, с досадой ощущая холодный пот на ладонях, а Ниссим курил сигарету за сигаретой. Один лишь Стэн Брэндон — человек, на котором лежала вся ответственность, — оставался спокойным и сосредоточенным. В те минуты, когда он вглядывался в показания приборов, он, казалось, полностью расслаблялся, но стоило ему протянуть руку к панели управления, как в его движениях появлялась скрытая энергия. Непонятно почему, но это раздражало его спутников, хотя ни один из них не решился бы признаться в этом.

— Манометр вышел из строя! — обескураженно воскликнул Ниссим, подавшись вперед из тугих объятий предохранительного пояса. — Он показывает нуль!

— А это ему и положено, док, так уж он устроен, — улыбнувшись, ответил Стэн. Он протянул руку к панели и перебросил тумблер. Стрелка, дрогнула, а на шкале появились новые цифры. — Единственный способ измерять подобные давления. В наружной обшивке у нас — металлические и кристаллические блоки, прочность у них у каждого своя; когда под давлением один из них разрушается, мы переключаем на следующий...

— Да, да, я знаю...

Ниссим взял себя в руки и снова глубоко затянулся. Ну, конечно же, на инструктаже им говорили о манометрах. Просто сейчас это вдруг вылетело у него из головы. Стрелка уже снова ползла по шкале. Ниссим взглянул на нее, отвел глаза в сторону, представил себе, что творится сейчас за глухими, без иллюминаторов, стенками металлического корпуса, потом снова, вопреки собственному желанию, бросил взгляд на шкалу и почувствовал, что ладони у него вспотели. У Ниссима, ведущего физика Проекта, было слиш-

ком богатое воображение.

То же самое происходило с Альдо Габриэлли, и он отдавал себе в этом отчет: он предпочел бы заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не таращиться на шкалу и не томиться в ожидании. Темноволосый, смуглый, носатый, он выглядел как чистокровный итальянец, хотя был американцем в одиннадцатом поколении. Его репутация в области технической электроники была по меньшей мере столь же солидной, как репутация Ниссима в физике. Его считали чуть ли не гением — из-за работ по сканотронному усилению, которые революционизировали всю технику телепортации материи. Альдо испытывал страх.

«Христиан Гюйгенс» погружался во все более плотные слои атмосферы Сатурна. «Христиан Гюйгенс» — таково было официальное название корабля, но монтажники на базе «Сатурн-1» окрестили его попросту Шаром. В сущности он и был шаром — сплошной металлической сферой со стенками десятиметровой толщины и довольно небольшой полостью в середине. Его огромные клиновидные секции были отлиты на заводах Астероидного Пояса и отправлены для сборки на станцию-спутник «Сатурн-1». Здесь, на удаленной орбите, откуда открывался невероятной красоты

вид на кольца и нависшее над ними массивное тело планеты, Шар приобрел свой окончательный вид. С помощью молекулярной сварки отдельные секции были соединены в сплошное, без швов, целое, а перед тем как ввести на место последний клин, внутри тщательно разместили ТМ-экраны — установку телепортации материи. После того как последняя секция была соединена с остальными, попасть внутрь Шара можно было уже только через телепортатор. Поскольку на этом сварщики с их смертоносными излучателями свое дело закончили, можно было приступать к завершающему этапу сборки. Во внутренней полости под палубой были смонтированы огромные, специально сконструированные ТМ-экраны, а на самой палубе вскоре уже громоздились запасы продовольствия, кислородный регенератор и прочая аппаратура, сделавшая Шар пригодным для жилья. Потом были установлены приборы управления, а также наружные резервуары и реактивные двигатели, которые превратили Шар в атомный космический корабль. Это был корабль, которому предстояло опуститься на поверхность Сатурна.

Восемьдесят лет назад такой корабль невозможно было построить: не были еще разработаны

уплотненные давлением сплавы. Сорок два года назад его не удалось бы собрать, потому что не была еще изобретена молекулярная сварка. А еще десять лет назад нечего было и думать о сплошном, без единого отверстия корпусе — ведь именно тогда была впервые осуществлена на практике идея атомного дифференцирования вещества. Прочность металлической оболочки Шара не ослабляли ни проводники, ни волноводы. Вместо них сквозь металл проходили каналы дифференцированного вещества — химически и физически они ничем не отличались от окружающего сплава, но тем не менее способны были проводить изолированные электрические импульсы. В целом Шар был как бы воплощением неудержимо расширявшихся человеческих познаний. А с точки зрения трех людей, которых он должен был доставить на дно сатурнианской атмосферы, на глубину 20000 миль, это была тесная, наглухо закрытая тюремная камера.

Все они были подготовлены к тому, чтобы не ощущать клаустрофобии, но тем не менее они ее ощущали.

* * *

— Контроль, контроль, как меня слышите? — сказал Стэн в микрофон, потом быстрым движением подбородка переключил тумблер на прием. Несколько секунд длилась пауза, пока передаваемая лента, пощелкивая, проходила сквозь ТМ-экран и принятая лента сматывалась в его приемник.

— Один и три, — с присвистом произнес громкоговоритель.

— Это уже сигма-эффект дает себя знать, — оживился Альдо, впервые за все время оставив свои пальцы в покое. Он деловито поглядел на манометр. — Сто тридцать пять тысяч атмосфер, обычно он возникает как раз на этой глубине.

— Я бы хотел взглянуть на ленту, — сказал Ниссим, гася окурок, и потянулся к пряжке предохранительного пояса.

— Не стоит, док. — Стэн предостерегающе поднял руку. — До сих пор спуск шел гладко, но вскоре наверняка начнется болтанка. Вы же знаете, что за ветры в этой атмосфере. Сейчас мы попали в какую-то струю, и нас сносит вбок вместе с нею. Но такое везение не может продолжаться все время. Я попрошу их прислать еще

одну ленту через ваш повторитель.

— Но это же секундное дело! — возразил Ниссим, однако его рука в нерешительности задержалась на пряжке.

— Раскроить себе череп можно еще быстрее, — учтиво напомнил Стэн, и, как бы в подтверждение его слов, всю громадного махину корабля вдруг яростно швырнуло в сторону и угрожающе накренило. Оба ученых судорожно вцепились в подлокотники кресел, пока пилот выравнивал крен.

— Вы отлично пророчите беду, — проворчал Альдо. — Может, вы и благословения раздаете?

— Только по вторникам, док, — невозмутимо ответил Стэн, переключая манометр с очередного раздавленного датчика на следующий, еще целый. — Скорость погружения прежняя.

— Это начинает чертовски затягиваться, — пожаловался Ниссим, закуривая новую сигарету.

— Двадцать тысяч миль до самой поверхности, док, и грохнуться об нее с разгона нам тоже ни к чему.

— Толщина сатурнианской атмосферы мне достаточно хорошо известна, — сердито заявил Ниссим. — И нельзя ли избавить меня от этого обращения — «док»?

— Вы правы, док. — Пилот повернул голову и подмигнул. — Я просто в шутку. Мы тут все в одной упряжке и все должны быть друзьями-приятелями. Зовите меня Стэн, а я буду звать вас Ниссим. А как вы, док, смотрите на то, чтобы превратиться в Альдо?

Альдо Габриэлли сделал вид, будто не расслышал. Пилот мог кого угодно вывести из себя.

— Что это? — спросил инженер, почувствовав, что по корпусу Шара вдруг побежала мелкая непрерывная вибрация.

— Трудно сказать, — ответил пилот, торопливо перебросив несколько тумблеров и проверяя по шкалам приборов, что из этого получилось. — Что-то такое снаружи — может, мы в облака вошли. Какие-то переменные воздействия на корпус.

— Это кристаллизация, — заявил Ниссим, поглядывая на манометр. — В верхних слоях атмосферы температура минус двести десять по Фаренгейту, но там, наверху, низкое давление газов препятствует их вымерзанию. Здесь давление намного больше. Надо полагать, мы проходим сквозь облака кристаллического метана и аммиака...

— А я только что потерял наш последний ра-

дар, — сообщил Стэн. — Снесло...

— Надо было нам запастись телекамерами, — сейчас бы мы могли увидеть, что там творится снаружи, — сказал Ниссим.

— Что увидеть? — переспросил Альдо. — Водородные облака с ледяными кристаллами в них? Телекамеру раздавило бы точно так же, как другие наружные приборы. Единственное, что нам действительно необходимо, — это радиоальтиметр.

— Ну, он-то работает на славу! — радостно возвестил Стэн. — Высота все еще слишком велика для отсчета, но прибор в порядке. Иначе и быть не может, он же составляет одно целое с корпусом.

Ниссим сделал несколько глотков из водопроводной трубки на подлокотнике кресла. Глядя на товарища, Альдо ощутил, что и у него вдруг пересохло во рту, и последовал примеру Ниссима. Бесконечное погружение продолжалось.

* * *

— Сколько я проспал? — спросил Ниссим, удивляясь, что, несмотря на нервное возбуждение, ухитрился все-таки заснуть.

— Несколько часов, не больше, — сообщил Стэн, — зато со смаком. Храпели, как гиппопотам.

— Жена всегда говорит: как верблюд. — Ниссим посмотрел на часы. — Слушайте, вы уже семьдесят два часа подряд бодрствуете! Вы не устали?

— Нет. Я свое наверстаю потом. Я принял таблетки да и вообще мне долгая вахта не впервой.

Ниссим откинулся в кресле и взглянул на Альдо — тот бормотал под нос числа, погруженный в решение какой-то задачи. «Никакое ощущение не может длиться бесконечно, — подумал Ниссим, — даже ощущение страха. Наверху мы оба здорово перетрусили, но это не могло продолжаться вечно».

Когда он поднял глаза на шкалу манометра, в нем было шевельнулось легкое волнение, но тут же улеглось.

* * *

— Давление не меняется, — известил Стэн, — но высота продолжает уменьшаться.

Под глазами у него были темные, будто подведенные сажей, круги, и последние тридцать часов он держался исключительно на допинге.

— Должно быть, аммиак и метан в жидком состоянии, — заметил Ниссим. — Либо в квазижидком — вещество непрерывно превращается из жидкости в пар и обратно. Видит бог, при та-

ком давлении, как снаружи, может происходить что угодно. Почти миллион атмосфер! Просто не верится...

— А мне вполне верится, — откликнулся Альдо. — Слушайте, может, двинемся в горизонтальном направлении, чтобы отыскать какую-нибудь твердь там, внизу?

— Я уже битый час только тем и занимаюсь. Либо нам все-таки придется лезть и дальше в эту жижу, либо нужно прыгнуть вверх и поискать другое место для спуска. Лично мне не очень-то улыбается снова искать — равновесие придется поддерживать реактивными толчками, а внизу нас еще ждет хорошенькая нагрузка...

— А топливо для прыжка у нас есть?

— Да, но я предпочел бы его придержать. Осталась примерно треть.

— Я голосую за погружение здесь, — сказал Ниссим. — Если атмосфера под нами жидкая, то она наверняка покрывает всю поверхность. Уверен, что при таком давлении, да еще с ветром, любые неровности на дне давным-давно сглажены.

— Не думаю, — возразил Альдо. — Но пусть это выясняют другие. Я тоже за погружение, но только ради экономии топлива.

— Итак, джентльмены, трое — за, против — ни

одного. Тогда — вниз.

Неторопливое погружение продолжалось. Они приблизились к неустойчивой границе квазижидкости, и Стэн слегка притормозил громоздкую махину Шара, но изменение плотности было таким плавным, что корабль вошел в жидкость без особых толчков.

— А вот сейчас я поймал отсчет! — Стэн впервые за все время казался возбужденным. — Он устойчиво держится на отметке пятнадцать километров. Может, у этой дыры и вправду есть дно, в конце-то концов!

Все оставшееся время спуска Ниссим и Альдо молчали, боясь отвлекать пилота. Но эта часть пути оказалась самой легкой. Чем глубже они погружались, тем спокойнее становилась атмосфера снаружи. На высоте одного километра не ощущалось уже ни малейших толчков, ни продольных перемещений. Они медленно скользили навстречу приближавшемуся дну. На высоте пятисот метров Стэн передал управление посадкой компьютеру, а сам замер, не отпуская рукояток, готовый в любую минуту взять командование на себя. Двигатели негромко взревели, смолкли, послышался короткий глухой скрежет — и вот они уже были на дне.

Стан щелкнул тумблером и заглушил двигатели.

— Ну вот и все, — сказал он, потянувшись что было сил. — Мы приземлились на поверхности Сатурна. И по такому случаю не худо было бы выпить. — Он недовольно заворчал, обнаружив, что требуется чуть ли не вся его сила, чтобы подняться с кресла.

— Две целых и шестьдесят четыре сотых земного тяготения, — сказал Ниссим, читая показания тончайшего кварцевого балансира на своей приборной панели. — При такой нагрузке работать будет нелегко.

— То, что нам предстоит, не должно занять много времени, — ответил Альдо. — Давайте действительно выпьем. Потом Стэн сможет немного поспать, пока мы займемся наладкой ТМ-экранов.

— Идет. Мое дело сделано, и отныне я простой зритель — до тех пор пока вы, ребята, не доставите меня на базу.

* * *

В конструкции Шара было заранее предусмотрено, что придется работать под прессом почти тройных перегрузок. Альдо с помощью пилота

развернул противоперегрузочные кресла таким образом, что открылся доступ к панели приборов и ТМ-экрану. Когда расслабили предохранительные пояса, кресло Ниссима тоже повернулось так, что теперь и он мог дотянуться до экрана. Еще не успели они окончить эти приготовления, как Стэн распластал свое кресло и вскоре громко храпел. Его спутники даже не заметили этого: им теперь предстояло приступить к своей части задания. Альдо, как специалист по ТМ, занялся контрольной проверкой, а Ниссим внимательно следил за ним.

— Все зонды, которые мы отправляли вниз, натыкались на сигма-эффект, не пройдя и пятой части пути, — заговорил Альдо, подключая контрольные приборы. — Как только эффект достигал значительной величины, мы теряли всякий контроль над зондом и ни за одним из них не сумели с точностью проследить хотя бы до половины пути. Мы попросту теряли с ними связь... — Он дважды проверил показания всех приборов и даже не стал выключать осциллограф, на экране которого луч вычерчивал синусоиду, потому что свалился в кресло, будучи уже не в силах разогнуть спину.

— Синусоида выглядит нормально, — заметил

Ниссим.

— Угум. Остальные показания тоже в норме. Это означает, что твоя теория справедлива минимум наполовину.

— Великолепно! — Ниссим впервые с начала полета улыбнулся. — Значит, погрешности не в телепортаторе?

— Абсолютно исключено.

— Тогда попробуем телепортировать и поглядим, пройдет ли сигнал. На базе уже настроились на нашу частоту и ждут.

— "Христиан Гюйгенс" вызывает «Сатурн-1». Как слышите? Прием.

Они внимательно проследили, как перфорированная лента, пощелкивая, исчезала в зеркале экрана, потом Альдо переключил ТМ на прием. Ничего не произошло. Он выждал шестьдесят секунд и снова послал сообщение; тот же результат.

— Вот тебе и доказательство, — удовлетворенно сказал Ниссим. — Передатчик в порядке. Приемник в порядке — в этом можно не сомневаться. А сигнал не проходит. Значит, срабатывает фактор пространственных искажений, о котором я говорил. Как только мы этот фактор учтем, связь будет восстановлена.

— Надеюсь, это не затянется. — Альдо удрученно поглядел на вогнутые стены каюты. — Ведь пока мы не наладим телепортацию, нам придется торчать здесь, в сердцевине этого гигантского яблочка. Да если б даже отсюда и был выход, податься нам все равно некуда, мы как-никак торчим на самом дне аммиачного моря, а над нами двадцать тысяч миль ядовитой атмосферы.

— Отдохни. Я рассчитаю первую поправку. Если теория верна, то техническая сторона — это уже сущая безделица.

— Угум, — согласился Альдо, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

* * *

Проснувшись, Стэн чувствовал себя по-прежнему обессиленным; сон в условиях такой перегрузки особого удовлетворения не доставлял. Стэн зевнул, переменил позу и попробовал потянуться, но это оказалось не столько приятным, сколько мучительным делом. Повернувшись к своим спутникам, он увидел, что Ниссим сосредоточенно работает у компьютера.

— В чем загвоздка? — спросил Стэн. — Разве ТМ не работает?

— Нет, не работает, — раздраженно ответил

Альдо. — И наш дорогой коллега обвиняет в этом меня, а...

— Но теория безупречна, хромает техническое воплощение!

— ...а когда я высказал предположение, что в его теорию могла затесаться парочка-другая ошибок, он чуть не кинулся на меня с кулаками...

Стэн поторопился вмешаться, чтобы предотвратить разгорающуюся ссору; его зычный командирский голос перекрыл все прочие звуки.

— Немедленно прекратите! И не говорите оба вместе, потому что я ни черта не понимаю. Не может ли кто-нибудь из вас ввести меня в курс дела и внятно растолковать, что тут происходит?

— Разумеется, — ответил Ниссим и замолчал, выжидая, когда Альдо кончит ворчать. — Что вам известно о теории телепортации?

— Попросту говоря — ничего. Мое дело — гонять космических лошадок, этого я и держусь. Одни их строят, другие — налаживают, а я — гоняю. Может, вы мне объясните?

— Попытаюсь. — Ниссим задумчиво закусил губу. — Прежде всего нужно понять вот что: телепортатор ничего не сканирует и не транслирует, как, скажем, происходит в телевизионном передатчике. Никаких сигналов — в том смысле, как

мы понимаем это слово, — он не передает. Вся штука здесь в том, что поверхность передающего экрана находится в таком состоянии, что она не является больше частью нашего пространства в обычном его понимании. То же происходит и с приемным экраном, и стоит посадить эти экраны на одинаковую частоту, как между ними возникает резонанс. Они, если хотите, просто сливаются друг с другом, и расстояние, которое их разделяет, уже не играет никакой роли. Вы входите в один экран и тут же выходите из другого, не ощущая задержки ни во времени, ни в пространстве. Я очень сбивчиво объясняю...

— Да нет же, отлично, Ниссим. Ну и что дальше?

— А то, что хоть расстояние роли не играет, но вот физические условия в пространстве между экранами играют существенную...

— Я за вами не поспеваю, док!

— Попробую пояснить вам на примере, имеющем, кстати, прямое отношение к нашей телепортации. Лучи света в пространстве движутся по прямой, пока не произойдет какого-либо физического искажения: преломления, отражения и тому подобного. Но вспомните: эти же лучи можно отклонить от прямой и в том случае, когда

они проходят через сильное гравитационное поле — такое, как у Солнца, скажем. Мы обнаружили такое же влияние полей на телепортацию и всегда вводим поправки, учитывающие массу Земли и других небесных тел. В этой застывшей жиже, которая именуется сатурнианской атмосферой, возникают иные условия, тоже влияющие на состояние пространства. Невероятное давление меняет энергию связи атомов и вызывает напряжения в структуре вещества. Из-за этого в свою очередь искажаются соотношения теории телепортации. Поэтому здесь, прежде чем перемещать предмет с одного ТМ-экрана на другой, необходимо ввести допущения и поправки, учитывающие эти дополнительные искажения. Поправки эти я уже вычислил, теперь их нужно ввести.

— На словах все выглядит очень просто, — с отвращением сказал Альдо, — а на деле это ни черта не дает. Ни один сигнал не проходит. И наш уважаемый коллега никак не хочет со мной согласиться, когда я говорю, что необходимо повысить мощность телепортатора, если мы хотим что-нибудь протолкнуть сквозь это болото, которое нас окружает.

— Да не в количестве дело, а в качестве! — крик-

нул Ниссим, и Стэн снова поспешил вмешаться.

— Иными словами, Альдо, вы полагаете, что нам не обойтись без того здоровенного экрана, который у нас под палубой?

— Вот именно. Он со всеми своими подвижными секциями как раз для этого и предназначен.

— Да одна его наладка займет месяц! — яростно воскликнул Ниссим. — И со всеми этими пробами мы себя наверняка загоняем до смерти!

— Ну-ну, так уж и месяц, — сказал Стэн, опускаясь в кресло и стараясь не застонать от боли. — А разминка будет только полезна для наших мускулов.

* * *

У них ушло четверо суток на то, чтобы расчистить и разобрать палубный настил, и под конец они были на грани полного изнеможения. Для подобных работ в конструкции были предусмотрены вспомогательные механизмы: рым-болты, чтобы подцеплять груз, и лебедки, чтобы его поднимать, но и при этом нельзя было обойтись без ручного труда. Однако в конце концов почти вся палуба была очищена и разобрана, за исключением узенького кольцевого балкончика вдоль стены, на котором оставались только их кресла да

контрольные приборы. Все остальное пространство занимал теперь огромный ТМ-экран. Лежа на окаменевших под действием силы тяжести подушках, они разглядывали его.

— Ну и громадина! — сказал Стэн. — В него может спокойно пройти посадочный космобот.

— У него есть более важные достоинства, — задыхаясь, проговорил Альдо. Кровь молотом стучала в его висках, и сердце покалывало от усталости. — Он буквально напичкан всевозможными контурами, включая запасные, а маневренная мощность у него в сотню раз больше, чем могло бы понадобиться в любых других условиях.

— Но как же вы доберетесь до его внутренностей, чтобы там ковыряться? Я тут ничего, кроме экрана, не вижу...

— Все продумано. — Альдо ткнул в сторону нарезного отверстия в обшивке, откуда они только что вывернули пробку диаметром в фут. — Все операции проводятся отсюда. Прежде чем покинуть корабль, мы ввернем пробку обратно, а там уж она сама сядет в гнездо. Для наладки придется поднимать отдельные секции одну за другой, поочередно.

— То ли я отупел, то ли все из-за этой проклятой

перегрузки. Я не понимаю.

Альдо был терпелив.

— В этом ТМ-экране — весь смысл нашей экспедиции. Для нас, конечно, наладить здесь телепортацию жизненно важно, но с точки зрения основной задачи Проекта — это дело второстепенное. Как только мы отсюда телепортируемся, сюда явятся монтажники и заменят все временные контуры стандартными твердотельными блоками; потом они тоже выберутся наверх. Тем временем автоматические сверла постепенно пробуравят верхнее полушарие корабля. Подточенная сверлами оболочка треснет, провалится внутрь, прямо на зеркало экрана. Экрану это не повредит, потому что он тут же телепортирует все обломки прямо в космическое пространство. И с этого момента мы получим доступ на дно сатурнианского океана. Специалисты по сверхнизким температурам и сверхвысоким давлениям ждут не дождутся этой минуты...

Стэн кивнул, а Ниссим посмотрел на низкий свод, усеянный циферблатами приборов, и даже рот слегка приоткрыл, словно воочию увидел, как рушится эта металлическая громадина и следом за ней сюда врываются сжатые до миллиона атмосфер волны ядовитого океана.

— Давайте лучше начнем, — торопливо сказал он, делая мучительные усилия, чтобы приподняться. — Поднимем секции и произведем побыстрее наладку.

Ниссим и Стэн помогали Альдо поднимать секции экрана, но все необходимые переделки ему пришлось производить самому. Бормоча проклятия, он сосредоточенно перебирал блок за блоком, которые клал перед ним дистанционный манипулятор. Когда он совсем выбивался из сил, он останавливался и закрывал глаза, чтобы не видеть тревожных взглядов, которые Ниссим бросал то на него, то на потолок каюты. Стэн готовил для всех еду и с шуточками распределял скудный запас противоперегрузочных таблеток и прочих стимуляторов. Время от времени он рассказывал различные случаи из своей космической практики и явно получал удовольствие от этого монолога, чего нельзя было сказать об остальных.

Наконец, наладка была завершена. Были проделаны все контрольные испытания и последняя секция экрана скользнула обратно на свое место. Альдо сунул руку в нарезное отверстие и нажал рубильник: темнота на поверхности экрана сменилась знакомым мерцанием включенного ТМ.

— Телепортирует... — еле слышно пробормотал он.

— Ну-ка, пошли им вот что, — предложил Стан, нацарапав на клочке бумаги: «Как слышите нас?» Он швырнул бумажку на самую середину экрана, и она тотчас исчезла. — А теперь прием.

Альдо переключил рубильник, и поверхность экрана снова изменила свой вид. Однако больше ничего не произошло. Какую-то долю мгновения они ждали, застыв, затаив дыхание, неотрывно глядя на пустую поверхность.

Затем из ничего вдруг возник кусок перфорированной ленты, весь в мягких изгибах, и, согнувшись под тяжестью собственного веса, стал свиваться в кольца. Ниссим был ближе всех — он дотянулся да ленты, схватил ее и стал сматывать, пока из экрана не выскочил оборванный конец.

— Работает! — выкрикнул Стэн.

— Частично, — сдержанно ответил Ниссим. — Качество телепортации наверняка не на высоте, и потребуется более тонкая доводка. Но это они смогут выяснить на приемном пункте, тогда нам пошлют подробные указания.

Он заправил ленту в проигрыватель и включил его. От металлических стен каюты отразился какой-то оглушительный вопль. Лишь с огромным

трудом в нем можно было распознать человеческий голос.

— М-да, тонкая доводка, — слегка усмехнувшись, сказал Ниссим, однако эта усмешка тотчас исчезла, потому что Шар вдруг накренился, а затем медленно стал возвращаться в вертикальное положение. — Нас что-то толкнуло! — задыхаясь, проговорил он.

— Атмосферные течения, наверное, — сказал Альдо, вцепившись в подлокотники и выжидая, когда Шар остановится. — А может, плавучие льдины, трудно сказать. Самое время нам выбираться отсюда.

* * *

Теперь их одолевала бесконечная усталость, но они старались ее не замечать. Конец был так близок и база с ее уютной безопасностью казалась буквально рядом. Ниссим рассчитывал необходимые поправки, а его спутники снова поднимали секцию за секцией и переналаживали отдельные блоки. Это было худшее из занятий, которые можно придумать в условиях почти тройной перегрузки. Однако всего за сутки они добились почти идеального звучания лент, а образцы материалов, которые они телепортировали на

базу, при проверке оказались нормальными с точностью до пятого знака. Время от времени Шар продолжал заваливаться, и они прилагали все усилия, чтобы не думать об этом.

— Теперь мы готовы к испытаниям на живых объектах, — произнес Ниссим в микрофон.

Альдо смотрел, как лента с запечатленными на ней словами исчезает в экране, и боролся с искушением броситься вслед за ней. Нужно ждать. Теперь уже скоро. Он переключил на прием.

— По-моему, мне еще никогда в жизни не приходилось так долго торчать на одном месте, — сказал Ниссим, уставившись, как и его спутники, на экран. — Даже из колледжа в Исландии я каждый вечер телепортировался домой.

— Мы привыкли к ТМ-экранам как к чему-то само собой разумеющемуся, — откликнулся Альдо. — Все время, пока мы на базе разрабатывали этот проект, я по вечерам отправлялся в Нью-Йорк. Мы перестаем замечать все привычное, пока что-нибудь не разладится... как у нас здесь. Вам-то, конечно, легче, Стэн...

— Мне? — Пилот взглянул на него, удивленно подняв брови. — Я ничем не лучше. Я тоже при всяком удобном случае телепортировался к себе, в Новую Зеландию. — Его взгляд снова вернулся

к пустому экрану.

— Я не это имел в виду. Просто вы уже привыкли к длительному одиночеству на корабле, во время полета. Видимо, это дает хорошую закалку. Вы как будто... ну, как будто не так всем этим напуганы, как мы.

У Стэна вдруг вырвался короткий, сухой смешок.

— Не обольщайтесь. Когда вас прошибает холодный пот — меня тоже. У меня просто подготовка другая. В моем деле стоит запаниковать — и вы уже на том свете. А в вашем это означает всего лишь пару лишних рюмочек перед обедом — для успокоения нервов. У вас не было особой нужды в самоконтроле, вот вы и не знаете, что это такое.

— Но это неверно, — возразил Ниссим. — Мы же цивилизованные люди, не какие-нибудь животные, мы умеем владеть собой...

— Что ж вы об этом не вспомнили, когда чуть на кинулись на Альдо с кулаками?

— Один ноль в вашу пользу, — угрюмо ухмыльнулся Ниссим. — Согласен, я способен поддаться эмоциям, но ведь это же неотделимо от человеческой натуры. Но вот что касается вас, то... как бы это сказать?.. Вы, по-видимому, по складу характера не так легко возбудимы.

— Царапните меня — потечет точно такая же кровь. Это все тренировка — вот что не позволяет человеку хвататься за рубильник паники. Космонавты всегда были такими, начиная с первого дня. Надо полагать, в их характере с самого начала заложено нечто необходимое для их будущей профессии, но только постоянная тренировка делает самоконтроль почти автоматическим. Вам не доводилось когда-нибудь слышать записи из серии «Голоса космоса»?

Не отрывая глаз от пустого экрана, Ниссим и Альдо помотали головами.

— Обязательно послушайте. Там записи за полстолетия, но вы ни за что не сумеете определить, когда именно сделана та или иная запись. Самообладание и четкость абсолютно одинаковы. И лучший пример, пожалуй, — это первый в истории космонавт Юрий Гагарин. В этой серии есть много записей его голоса, включая самую последнюю. Он летел тогда на обычном самолете и попал в аварию. Так вот, его голос до самой последней секунды звучал точно так же, как на всех других его записях, — отчетливо и спокойно.

— Но это же противоестественно! — воскликнул Ниссим. — Видимо, он был человеком совершенно иного склада, чем все остальные...

— Вы абсолютно не уловили мою мысль.
— Смотрите! — воскликнул вдруг Альдо.

* * *

Все они разом замолчали, потому что с экрана выскочила крохотная морская свинка и тут же свалилась на его поверхность. Стэн подобрал ее.

Иллюстрация Peter Skirka

— Выглядит просто здорово, — сказал он. — Отличная шерстка, замечательные усы, еще тепленькая. И мертвая. — Он поглядел на их изможденные, испуганные лица и улыбнулся. — Не стоит волноваться. Мы ведь не обязаны сию же секунду нырять в эту электронную душегубку. Очередная наладка, не так ли? Хотите взглянуть на трупик или отправить его обратно для анализа?

Ниссим отвернулся.

— Избавьтесь от нее поскорее и запросите сообщение. Следующая попытка должна дать результат.

Физиологи ответили быстро. Причина смерти функциональные нарушения в синапсах аксонов, соединяющих нервные клетки. Случай, типичный для ранних экспериментов с ТМ, и поправки для него давно уже известны. Поправки были введены, хотя на этот раз в процессе наладки Альдо потерял сознание и им пришлось приводить его в чувство с помощью лекарств. Непрерывное физическое напряжение сказывалось на каждом из них.

— Не знаю, смогу ли я снова перекраивать эти секции? — почти шепотом произнес Ниссим,

включая экран на прием.

На экране возникла еще одна морская свинка — без всяких признаков жизни. Потом она вдруг сморщила нос, перевернулась и стала испуганно тыкаться по сторонам в поисках убежища. Крик восторга прозвучал хрипло, слабо, но тем не менее это был крик восторга.

— До свиданья, Сатурн, — сказал Ниссим. — С меня довольно.

— С меня тоже, — присоединился Альдо и переключил экран на передачу.

— Сначала давайте послушаем, что скажут врачи об этой тварюшке, — напомнил Стэн, опуская морскую новинку на экран. Все следили за ней, пока она не исчезла.

— Ну, разумеется, — неохотно проговорил Ниссим. — Последняя проверка.

Она длилась долго и оказалась мало удовлетворительной. Они прокрутили ленту вторично.

— ...Таковы клинические данные, ребята. Похоже, что все это указывает на какое-то микроскопически ничтожное замедление нервных сигналов и определенных рефлексов у нашей свинки... По правде говоря, мы не можем утверждать наверняка, что произошло какое-то изменение, пока не проведем дополнительных

опытов с контрольными животными. Не знаем, что вам и посоветовать. Решайте сами, как поступать. Тут, похоже, все сходятся на том, что имеются скрытые отклонения, которые, по всей видимости, прямого влияния на животное не оказали, но какого рода эти отклонения, никто не решается гадать, пока не будут проделаны более основательные исследования. Это займет как минимум сорок пять часов...

— Не думаю, что мне удастся продержаться еще сорок пять часов, — сказал Ниссим. — Сердце у меня...

Альдо уставился на экран.

— Положим, я даже продержусь весь этот срок, но что толку? Я знаю, что эти секции мне больше не поднять. Кончено. У нас только один выход.

— Телепортироваться? — спросил Стан. — Рано. Нужно ждать результатов исследования — сколько хватит сил.

— Если мы будем их ждать, нам крышка, — настаивал Ниссим. — Альдо прав: даже если нам сообщат новые поправки, еще одну наладку мы все равно не осилим. Это факт.

— Я думаю иначе, — начал было Стэн, но замолчал, видя, что никто его не слушает. Он и сам был на грани полного изнеможения. — Тогда давайте

голосовать, пусть решает большинство.

Голосование не затянулось: двое против одного.

— Теперь остается последний вопрос, — снова заговорил Стэн, глядя в их изможденные, иссохшие лица — точные копии его собственного лица. — Кто рискнет? Кто пойдет первым? Ясно одно: Альдо должен остаться, потому что он единственный, кто может произвести наладку, если она еще потребуется. Дело не в том, сможет ли он ее произвести фактически, он все равно должен покинуть корабль последним. Так что для роли морской свинки он не подходит. Вы тоже отпадаете, Ниссим, — как я понял из разговоров на базе, вы — главная надежда современной физики. Она в вас нуждается. А космических жокеев вроде меня сколько угодно. Значит, первым идти мне, когда бы мы ни решили это сделать.

Ниссим хотел было возразить, но не нашел убедительных аргументов.

— Отлично! Я первый — в качестве подопытной свинки. Но когда? Сию минуту? Мы все выжали из этого проклятого экрана? Вы уверены, что не сумеете больше продержаться — на случай, если понадобится еще одна наладка?

— Абсолютно уверен, — хрипло сказал Нис-

сим. — Я уже кончился.

— Пожалуй, несколько часов... день... — слабо произнес Альдо. — Но к тому времени мы уже не сможем работать. Эта наш последний шанс.

— Я не ученый, — сказал Стэн, переводя взгляд с одного на другого, — и не мне судить о технической стороне дела. Поэтому, когда вы говорите, что сделали все, что могли, с этим экраном, я обязан верить вам на слово. Но уж об усталости-то мне кое-что известно. Мы можем протянуть гораздо больше, чем вам кажется...

— Нет! — воскликнул Ниссим.

— Послушайте меня. Мы можем затребовать сюда побольше подъемных приспособлений. Мы можем передохнуть парочку дней, прежде чем снова перейти на таблетки. Мы можем затребовать с базы готовые налаженные блоки, чтобы Альдо не пришлось много возиться. Да мало ли что можно сделать!

— Мертвым все это уже не поможет, — сказал Альдо, глядя на свои вздувшиеся вены, в которых тяжело пульсировала кровь, с трудом преодолевая повышенную гравитацию. — Сердце не может долго работать в таких условиях. Наступает перегрузка, разрыв мышечной ткани — и конец.

— Вы и не представляете себе, до чего это могучая штука — наше сердце и вообще наш организм.

— У вас — возможно, — сказал Ниссим. — Вы тренированы и полны сил, а мы, давайте уж смотреть правде в глаза, не сказать, чтобы в отличной форме. Мы ближе к смерти, чем когда-либо. Я знаю, что больше не выдержу, и если вы не хотите — я сам пойду первым.

— А вы что скажете, Альдо?

— То же, что и Ниссим. По мне, если уж выбирать, то лучше попытать счастья с экраном, чем оставаться здесь на заведомую гибель.

— Ну что ж, — сказал Стэн, с трудом опуская ноги с кресла. — Больше, видимо, не о чем толковать. Увидимся на базе, ребята. Мы тут славно поработали, будет о чем детишкам порассказать на старости лет.

Альдо переключил экран на телепортацию. Стэн подполз к самому краю зеркальной поверхности. Улыбаясь, он помахал им на прощанье рукой, не ступил, а скорее упал на экран, и исчез.

* * *

Лента выпрыгнула из экрана мгновенье спустя, руки у Альдо дрожали, пока он заправлял ее в

проигрыватель.

— ...Да вот же он, эй, вы двое, помогите ему... Алло, «Гюйгенс», майор Брэндон уже здесь, и вид у него ужасный, впрочем, вы сами знаете, какой у него вид, а вообще-то я хотел сказать, что он в полном порядке. Сейчас возле него врачи, они с ним беседуют... подождите минутку...

Тут речь перешла в невнятное бормотание, словно говоривший закрыл микрофон рукой. Последовало томительное молчание. Когда он снова заговорил, в голосе его что-то изменилось.

— ...Здесь у нас некоторые осложнения, должен вам сказать. Пожалуй, лучше я подключу к вам доктора Крира.

Послышался отдаленный гул голосов, и заговорил другой человек.

— Это доктор Крир. Мы обследовали вашего пилота. Похоже, что он потерял способность говорить, узнавать других людей, хотя внешне он совершенно невредим, никаких признаков телесных повреждений. Прямо не знаю, что вам сказать, но в общем его дела плохи. Если это связано с торможением рефлексов, как у свинки, то речь может идти о нарушении функций высшей нервной системы. Проверка простейших рефлексов дает нормальные результаты

— с учетом физического истощения. Но высшие функции — речь, сознание — по-видимому, увы, полностью исчезли. Поэтому я запрещаю вам телепортироваться, пока не будут проделаны все без исключения анализы. Боюсь, что вам скорее всего придется пробыть там еще довольно долго и предпринять дополнительную наладку.

Кончик ленты щелкнул, и проигрыватель автоматически отключился.

Двое в Шаре с ужасом посмотрели друг на друга.

— Он все равно что мертв... — прошептал Ниссим. — Хуже, чем мертв... Какая чудовищная нелепость! Ведь он казался таким спокойным, таким уверенным в себе...

— Да... А что ему оставалось делать? Или ты ждал, что он ударится в панику, как мы? Получается, что мы сами уговорили его совершить самоубийство.

— Мы не можем обвинять себя в этом, Альдо!

— Нет, можем. Мы согласились, чтобы он шел первым. И мы убедили его, что в теперешнем нашем состоянии мы уже не можем улучшить работу телепортатора.

— Но... это ведь так и есть.

— Так ли? — Ниссим впервые посмотрел Альдо

прямо в глаза. — А разве мы не намерены сейчас снова взяться за работу, а? Мы ведь не собираемся соваться в такой ТМ-экран! Нет, мы будем работать, пока не появятся надежные шансы выбраться отсюда целехонькими!

Альдо глядел на него, не отворачиваясь.

— Да, я полагаю, мы можем это сделать. Но если это так — выходит, мы его обманули, когда сказали, что готовы телепортироваться первыми?

— На этот вопрос слишком трудно ответить.

— Ах, вот как, трудно! Но если постараться ответить честно, то трудно будет жить. Нет уж, думаю, мы можем признаться себе, что своими руками убили Стэна Брэндона.

— Не умышленно!

— Верно. И это еще хуже. Мы убили его потому, что потеряли самообладание в непривычной для нас ситуации. Он был прав. У него был профессиональный опыт, и мы обязаны были к нему прислушаться.

— Великолепная это штука — рассуждать задним числом. Если б мы вот так же хоть чуточку вперед заглядывали...

Альдо затряс головой.

— Невыносимо думать, что он погиб абсолютно впустую.

— Нет, не впустую, и, может быть, он это понимал уже тогда — он хотел, чтобы мы вернулись на базу невредимыми. Он сделал для этого все что мог. Но на нас не действовали его слова. Даже если б он остался, мы бы все равно ни черта не делали, разве что ненавидели бы его. Мы бы просто свалились здесь, махнули на все рукой и подохли.

— Теперь уж нет, — сказал Альдо, заставляя себя подняться. — Теперь уж мы будем держаться, пока не наладим ТМ и не выберемся отсюда. Хоть эту малость мы обязаны сделать. Если мы хотим, чтоб его поступок приобрел хоть какой-то смысл, мы обязаны вернуться назад живыми.

— Да, мы это сделаем, — согласился Ниссим, с трудом шевеля губами. — Теперь сделаем.

Наладка началась.

Гаррисон Гарри
Домой, на Землю

— Джино… Джино… Помоги! Ради бога, сделай что-нибудь!

Слабый голосок, наполовину заглушаемый ревом солнечного фона, бился в наушниках Джино Ломбарди. Джино лежал ничком в лунной пыли, наполовину погрузившись в нее, и протягивал руку в глубь скальной расселины. Сквозь толстую ткань скафандра он почувствовал, что край обрыва под ним начал подаваться, и торопливо отполз назад. И тут же слой пыли и куски камня в том месте, где он только что находился, рухнули вниз, влекомые слабым лунным тяготением. Пыль, не испытывая сопротивления — ведь воздуха не Луне нет, осыпалась на шлем Глейзера ниже, затенив его измученное лицо.

— Помоги мне, Джино… Вытащи меня отсюда, — вновь взмолился он, потянувшись одной рукой наверх.

— Ничего не выйдет… — ответил Джино. Он вновь прополз вперед, насколько осмелился, по осыпающейся скале и опустил руку в пропасть.

Он не доставал до тянувшейся ему навстречу руки самое меньшее ярд. — Я не дотягиваюсь до тебя, и у меня нет ничего такого, за что ты мог бы уцепиться. Я вернусь на «Жука».

— Не уходи!.. — вскрикнул Глейзер, но его голос умолк, как только Джино отполз от щели и поднялся на ноги. Их крошечные рации, вмонтированные в шлемы, были слишком маломощными для того, чтобы пробиться сквозь камень; они могли использоваться только на расстоянии прямой видимости.

Джино длинными скользящими прыжками мчался к «Жуку». Здесь его внешность еще больше соответствовала названию: красное насекомое, присевшее на четыре тонких ноги, наполовину погруженные в пыль. На бегу он непрерывно ругался: какой черт мог выдумать такое завершение первого полета на Луну! Хороший старт, расчетная орбита, первые две ступени отделились вовремя, лунная орбита идеальная, приземление изумительно мягкое — и через десять минут после того, как они вышли из «Жука», Глейзера угораздило провалиться в эту щель, замаскированную пылью. Проделать весь этот путь сквозь бесчисленные опасности космоса — чтобы провалиться в дыру. Это было совершенно

несправедливо.

Подбежав вплотную к ракете, Джино напрягся, подпрыгнул высоко вверх и ухватился за порог открытого люка кабины, находившейся в верхней части «Жука». План своих действий он составил еще на бегу — больше всего надежды у него было на магнитометр. Развернув прибор на стойке, он принялся дергать за длинный кабель, и тот в конце концов оторвался. Джино, не теряя ни секунды, ринулся обратно. Люк кабины находился очень высоко — по земным меркам, — но он, не задумываясь о возможной опасности, спрыгнул вниз, упруго отскочил от поверхности планеты и перекатился. К глубокой ране в груди Луны вел ряд отчетливых следов, и он изо всех сил побежал по этому пути; он задыхался, несмотря на то что дышал чистым кислородом. Оказавшись рядом с трещиной, он кинулся наземь и, скользя и извиваясь в пыли, как можно быстрее пополз к ее осыпавшемуся краю.

— Все в порядке, Глейзер! — крикнул он и сам чуть не оглох: с такой силой его голос отдался внутри шлема. — Держи кабель…

Трещина была пуста. Уступ из мягкой породы не выдержал, и Глейзер провалился куда-то в глубь планеты.

Долго еще майор Джино Ломбарди лежал там, мигая фарой скафандра в бездонную на вид пропасть, вызывая своего спутника по включенному на полную мощность радио. Единственным ответом ему был треск статических разрядов. Постепенно он начал замечать, что холод остуженных почти до абсолютного нуля камней начал просачиваться сквозь теплоизоляцию его скафандра. Глейзер пропал, и с этим ничего нельзя было поделать.

После этого Джино методически, без всякого интереса проделал все, что было запланировано. Он собирал образцы скальных пород и пыли, снимал показания приборов, идеально точно размещенных в тех точках, которые были ему указаны, пробурил скважину и точно в заданное время взорвал в ней заряд. Затем он свел собранные показания приборов в таблицу, и, когда при следующем прохождении космический корабль «Аполлон» оказался в зоне видимости, вызвал его по радио.

— Дэн, отзовись, Дэн... Полковник Дэнтон Кой, вы меня слышите?

— Ясно и четко, — послышалось из динамика. — Ну-ка, парни, расскажите мне, какое ощущение испытываешь, прогуливаясь по Луне?

— Глейзер погиб. Я один. Я собрал все данные и сделал все фотографии, которые требовались. Прошу разрешения сократить пребывание здесь против запланированного. Нет никакой необходимости торчать здесь целый день.

Несколько долгих секунд из динамика доносилось лишь потрескивание помех, а потом вновь раздался голос Дэна, хорошо знакомый голос, произносивший слова нараспев, с техасским акцентом.

— Понял тебя, Джино… Ожидай сигнала компьютера; я думаю, что смогу забрать тебя на следующем витке.

* * *

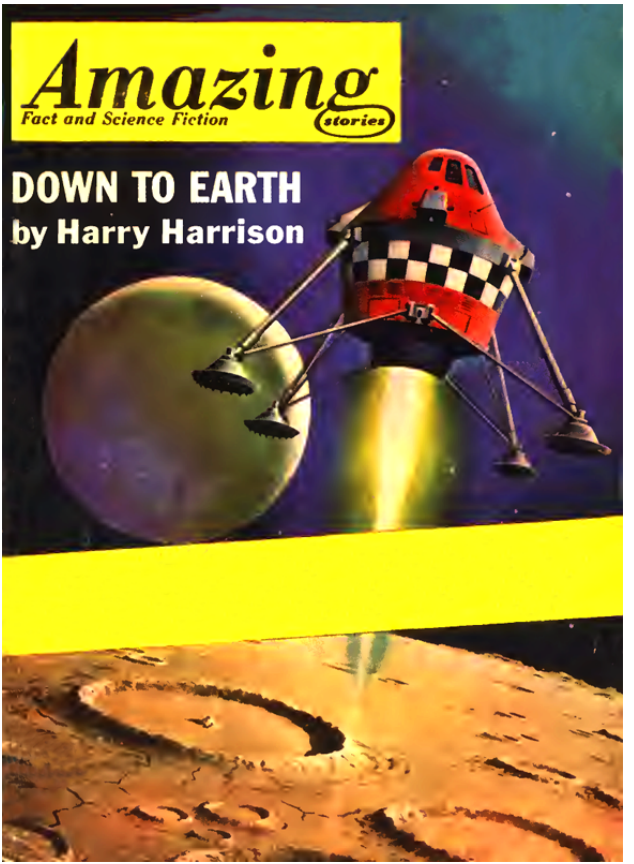

Amazing
Fact and Science Fiction
stories
DOWN TO EARTH
by Harry Harrison

Иллюстрация Alex Shomburg

Старт с Луны прошел так же безупречно, как и тренировки в имитаторе на Земле, а Джино был слишком занят работой за обоих членов экипажа, чтобы иметь возможность думать о том, что произошло. Он едва успел пристегнуться к креслу, когда переданный по радио сигнал корабельного компьютера включил двигатели, которые, обдав яростной струей пламени лунный грунт, подняли «Жука» и понесли его к месту стыковки с двигавшимся по орбите базовым кораблем. В поле зрения астронавта возник стыковочный узел «Аполлона», и Джино понял, что должен пройти перед ним, так как движется слишком быстро; он произвел коррекцию курса, почувствовав при этом, что еще глубже погружается в депрессию. Компьютер не предусмотрел изменения параметров лунного модуля: наличие на его борту всего лишь одного пассажира вместо двух. После коррекции совместить орбиты оказалось не слишком трудно, и спустя всего несколько минут Джино прополз через шлюз центрального модуля и задраил его за собой. Дэн Кой молча и неподвижно сидел за пультом управления, пока давление в кабине не восстановилось, и астронавты смогли снять шлемы.

— Джино, что там стряслось?

— Несчастный случай… трещина в лунной поверхности, слегка присыпанная слоем пыли. Глейзер просто провалился туда. Вот и все. Я хотел вытащить его, но не смог дотянуться. Сбегал на «Жука» за каким-нибудь проводом, но когда вернулся, он сорвался куда-то еще глубже… ну вот…

Джино закрыл лицо ладонями, но и сам не мог понять, то ли он рыдал, то ли его трясло от усталости и напряжения.

— Хочу открыть тебе один секрет, — сказал Дэн, засовывая руку в глубокий карман скафандра — он был совсем не таким, как тот, что был на Джино. Одежда командира экспедиции не предназначалась для вылазки на поверхность спутника Земли. — Я совсем не суеверен. Все считают, что я верю в приметы и всякие амулеты, но это всего лишь пример всеобщего заблуждения. Я завел этот талисман потому, что считается, что все пилоты должны иметь талисманы; это, наверно, придумали репортеры, чтобы им было о чем болтать, когда ничего не происходит. — Он вынул из кармана черную резиновую куколку, прославившуюся к тому времени на миллионах телеэкранов, и помахал ею перед Джино. — Весь мир знает, что я всегда ношу при себе на счастье

мой маленький талисман, но никому не известно, какое счастье он мне приносит. Теперь это узнаете вы, майор Джино Ломбарди, и не только узнаете, но и разделите со мной мое счастье. Прежде всего: эта куколка сделана не из резины, которая могла бы дурно сказаться на ее содержимом, а из химически нейтральной пластмассы.

Джино против воли поднял взгляд и посмотрел, как Дэн ухватил куклу за голову и крутанул ее.

— Обрати внимание на движение запястья, которым я обезглавливаю моего маленького друга, грудь которого наполнена наивысшим счастьем в мире, тем счастьем, которое может дать только сделанный из хорошо перебродившей браги бурбон крепостью в сто пятьдесят градусов. Ну-ка, глотни. — Он наклонился вперед и протянул куклу Джино.

— Спасибо, Дэн. — Он поднял фляжку, сжал ее в кулаке, сделал два глотка и вернул игрушку хозяину.

— За упокой души хорошего пилота и хорошего парня Эдди Глейзера, внезапно серьезным тоном провозгласил Дэн Кой, подняв руку с фляжкой. — Он хотел добраться до Луны, и он сделал это. Она вся теперь принадлежит ему по праву завоевателя. — Он выжал из куклы спиртное до последней

капли, аккуратнейшим образом приладил голову на место и сунул фигурку в карман. — А теперь давай прикинем, как нам лучше установить контакт с Центром управления, ввести их в курс дела и вернуться на Землю.

Джино включил передатчик, но не стал посылать вызов. Пока пилоты разговаривали, орбита увела их к обратной стороне Луны, и планета теперь надежнейшим образом блокировала любые попытки радиосвязи с Землей. «Аполлон» описал через темноту заранее измеренную до доли угловой секунды дугу, и астронавты увидели новый восход солнца над острыми лунными пиками; а затем им вновь явился большой шар Земли. Северная Америка была ясно видна, так что использовать ретрансляторы не было никакой необходимости. Джино передал вызов на мыс Кеннеди и выждал две с половиной секунды — столько времени требовалось для обмена сигналами на расстоянии в 480 000 миль. Но эти секунды давно прошли; время все тянулось, и пилоты с тревогой следили за секундной стрелкой, весело прыгавшей по циферблату.

— Они не отвечают…

— Непрохождение радиоволн, солнечные пятна… Попробуй еще раз. — В голосе Дэна внезапно

прорезалось напряжение.

Центр управления полетами на мысе Кеннеди не ответил и на следующий вызов, более того, ответа не последовало и на сообщение, переданное на частотах, отведенных для чрезвычайных обстоятельств. Они поймали какие-то переговоры между самолетами на более высоких частотах, но их никто не заметил и не обратил ни малейшего внимания на их непрерывные вызовы. Теперь они смотрели на голубую сферу Земли с ужасом, и лишь спустя час, на протяжении которого они в буквальном смысле вспотели, вновь и вновь передавая свои позывные, они согласились признать факт, что по какой-то необъяснимой причине их радиоконтакт со всей планетой оказался нарушен.

— Что-то случилось за время нашего последнего витка вокруг Луны. Я выходил на связь с ними, пока ты рассчитывал орбиту, — констатировал Дэн. Он снял крышку с рации и теперь прикладывал разъемы амперметра к контактам. — Какая-то ерунда…

— Только не на нашем конце, — мрачно сказал Джино. — Но там действительно что-то стряслось.

— Неужели… война?

— Этого нельзя исключить. Но с кем и почему? На неприкосновенных частотах нет ничего необычного, и я не думаю…

— Смотри! — хрипло выкрикнул Дэн. — Огни… Где огни?

Во время последнего витка они ясно видели в свой телескоп мерцающие огни американских городов. А теперь весь континент был совершенно черен.

— Джино, погоди… Видишь Южную Америку? Там города светятся. Что могло произойти дома за время всего-навсего одного витка вокруг Луны?

— Есть только один способ выяснить это. Мы возвращаемся. С помощью или без помощи Земли.

Они отстыковались от «Жука» — лунного модуля — пристегнулись к противоперегрузочным креслам и принялись вводить данные в компьютер. Согласно его инструкциям, сориентировали «Аполлон» в пространстве. Еще раз облетели лишенный атмосферы спутник, и в нужный момент компьютер включил двигатели транспортного модуля. Они возвращались домой.

Несмотря на множество отрицательных факторов, приземление прошло не так уж плохо. Они попали на нужный континент, причем про-

махнулись по широте всего лишь на несколько градусов, хотя и вошли в атмосферу раньше, чем намеревались. А если учитывать полное отсутствие наведения с Земли, то следовало назвать их приземление великолепным.

* * *

Капсула с воем врезалась в густеющий воздух, ее огромная скорость начала быстро снижаться, и на авиационном указателе скорости появились вполне разумные цифры. Далеко внизу сквозь дыры в облачном покрове проглядывала поверхность земли.

— Скоро вечер, — заметил Джино. — Мы едва успеем приземлиться до сумерек.

— Ничего, все равно будет еще достаточно светло. Мы могли приземлиться в Пекине в полночь, так что давай не будем жаловаться. Приготовься, сейчас пойдут парашюты.

Один за другим развернулись огромные купола; капсула дважды вздрогнула. Астронавты откинули забрала шлемов. Спускаемый аппарат спокойно парил в воздушном океане.

— Интересно, как нас встретят... — протянул Дэн, потирая ладонью щетину на массивной челюсти.

Послышался резкий треск, и в металле верхнего сектора капсулы появился ряд отверстий; воздух со свистом ворвался внутрь, уравнивая более низкое давление капсулы с наружным.

— Смотри! — крикнул Джино, указывая на темный предмет, мелькнувший в иллюминаторе. Летающий объект был похож на толстую сигару с короткими стреловидными крыльями и на фоне солнца казался черным. Затем он прокрутил восходящую «бочку» — оказалось, что он покрыт серебристой обшивкой — и, заложив крутой вираж, вновь устремился к беспомощно висевшей на парашюте капсуле. Незнакомый самолет приближался, быстро увеличиваясь в размерах; возле основания крыльев бились алые всплески огня.

Иллюминатор затянуло серым: капсула вошла в облако. Астронавты молча смотрели друг на друга; никто не хотел говорить первым.

— Реактивный самолет, — наконец сказал Джино. — Я никогда еще не видел такого.

— Я тоже… Но там было кое-что знакомое. Скажи-ка, ты разглядел крылья? Ты видел?..

— Если ты говоришь о черных крестах на крыльях, то да, я их видел, но не собираюсь верить своим глазам! Вернее, не поверил бы, но он

убедил меня, проделав в нашем корпусе новые внештатные воздухозаборники. А у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет. Но мне кажется, что мы достаточно скоро все узнаем. Приготовься к приземлению — осталось всего две тысячи футов.

Самолет больше не появлялся. Они подтянули привязные ремни и застыли, ожидая встречи с землей. Она оказалась довольно жесткой: капсула резко стукнулась днищем, перекосилась и задергалась.

— Отстрел парашюта! — приказал Дэн Кой. — Нас несет.

Джино повернул рукоять прежде, чем Дэн успел договорить фразу. Рывки прекратились, и капсула медленно встала вертикально.

— Свежий воздух... — без выражения протянул Дэн и включил отстрел люка. Круглая крышка отскочила, на ребре покатилась по земле и, покрутившись, упала. Пока они отсоединяли от своих скафандров многочисленные провода и разъемы, горячий сухой воздух заполнил капсулу, принеся с собой пыльный запах пустыни.

Дэн поднял голову и фыркнул.

— Пахнет домом. Давай вылезем из этой коробки. Полковник Дэнтон Кой вышел первым, как

приличествует командиру Первой американской экспедиции «Земля Луна». Майор Джино Ломбарди последовал за ним. Они молча стояли бок о бок, глядя на закатное солнце, ярко сверкавшее на их серебряных скафандрах. Вокруг них, на сколько хватал глаз, тянулись чахлые заросли сероватых пустынных кустарников, среди которых выделялись кактусы и мескитовые деревья. Ничто не нарушало тишину; нигде не было видно ни малейшего шевеления, лишь ветер уносил облачко пыли, поднятое капсулой при посадке.

— Хороший запах, прямо как у нас в Техасе, — заявил Дэн, шумно вдохнув носом.

— Кошмарный запах. У меня от него сразу разыгралась жажда. Но, Дэн, что же все-таки случилось? Сначала потеря связи, потом этот самолет…

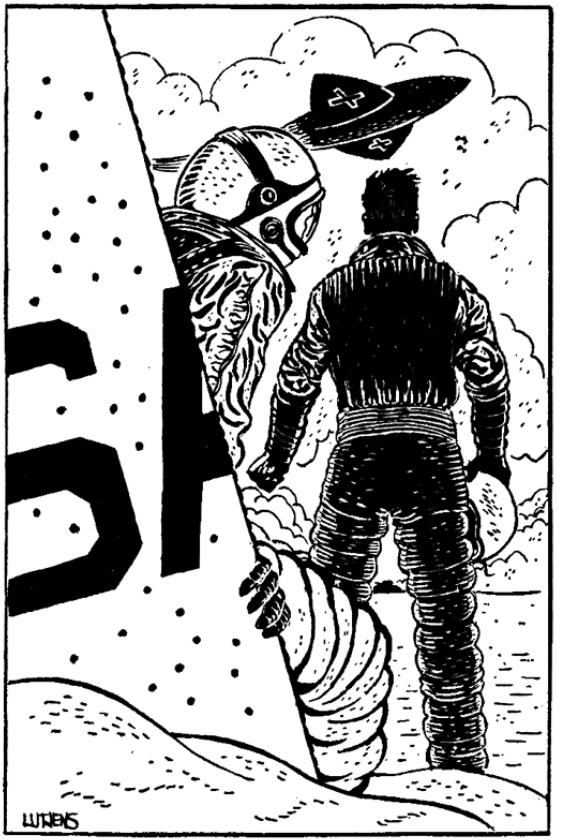

LUTHERS

Иллюстрация LUTJENS

— А вот и ответ на подходе, — внешне спокойно сказал полковник, указывая на быстро удлинявшуюся от горизонта в их сторону полосу пыли. — Незачем строить предположения; мы все выясним через пять минут.

На самом деле времени прошло еще меньше. К ним с ревом подлетел выкрашенный в песочный камуфляжный цвет большой полугусеничный вездеход-фургон, сопровождаемый двумя бронетранспортерами поменьше. Машины резко остановились невдалеке в облаке собственной пыли. Дверь вездехода распахнулась, и оттуда выпрыгнул человек в защитных очках. На ходу он брезгливо отряхивал пыль со своего ладно сидящего черного обмундирования.

— Hande hoch! — крикнул он, указывая на повернувшиеся в сторону астронавтов тяжелые пулеметы, установленные на турелях на кабинах бронетранспортеров. — Руки вверх, и не опускать. Вы мои пленники.

Они медленно подняли руки, словно загипнотизированные, пожирая глазами детали униформы: серебряные зигзаги молний на петлицах, высокая, да к тому же изогнутая вверх фуражка с кокардой — хищный орел, сжимающий в когтях

свастику.

— Вы… вы немец! — задыхаясь, пробормотал Джино Ломбарди.

— Очень точно подмечено, — без тени юмора ответил офицер. — Я гауптман Лангеншайдт, а вы мои пленники, и будете повиноваться моим приказам. Садитесь в Kraftwagen.

— Подождите минуту, — возразил Дэн. — Я полковник Кой, ВВС США, и я хотел бы узнать, что здесь происходит:..

— В машину, — приказал офицер. Он не повысил голоса, зато вынул из кобуры длинный «люгер» и, держа пистолет в согнутой руке, направил его на астронавтов.

— Пойдем, — сказал Джино. Он положил руку на плечо Дэна и почувствовал, как его друг напряжен. — Ты старше его в звании, но, похоже, он здесь главный.

Они вскарабкались в открытую заднюю дверь фургона; капитан-немец забрался следом, указал, куда им сесть, а сам сел впереди лицом к пленникам. Двое молчаливых солдат с автоматами наперевес заняли места у них за спинами. Гусеницы лязгнули, и машина тронулась с места, вздымая густую тучу пыли.

* * *

Джино Ломбарди никак не мог воспринять происходившее как действительность. Полет на Луну, посадка, даже гибель Глейзера — все это были реальные и понятные события. Но дальше… Он посмотрел на часы; в окошечке календаря виднелось число «двенадцать».

— Только один вопрос, Лангеншайдт, — повысил он голос, стараясь перекричать рев двигателя. — Сегодня двенадцатое сентября?

Ответом послужил резкий кивок.

— А год… год, конечно, тысяча девятьсот семьдесят первый?

— Да, конечно. И хватит вопросов. Вы будете говорить с Oberst-..ом, а не со мной.

После этого астронавты сидели молча и лишь старательно щурились, пытаясь уберечь глаза от пыли. Спустя несколько минут машина свернула в сторону и остановилась; в противоположном направлении с тяжелым грохотом протащилось длинное тяжелое тело трейлера для перевозки танков. Очевидно, немцы жаждали заполучить капсулу ничуть не меньше, чем ее пилотов. Пропустив платформу с краном, вездеход двинулся дальше. Уже темнело, когда они увидели впе-

реди контуры двух больших танков; их орудия сопровождали переваливавшуюся в неровных колеях бронемашину. Позади дозорных машин оказался целый парк различной техники, а также множество палаток. В вырытых в песке окопах ярко пылали паяльные лампы. Вездеход остановился перед самой большой палаткой, и двоих астронавтов под прицелом автоматов провели внутрь.

За складным столом спиной к вошедшим сидел офицер и что-то писал. Не обращая на них внимания, он закончил, сложил бумаги, убрал их в папку и лишь потом повернулся. Это был очень худой человек; он не сводил горящего взгляда с пленников, пока капитан быстро рапортовал по-немецки.

— Это чрезвычайно интересно, Лангеншайдт, но мы не должны заставлять наших гостей стоять. Прикажите ординарцу принести стулья. Господа, разрешите мне представиться. Я полковник Шнейдер, командир сто девятой бронетанковой дивизии, которой вы оказали честь своим визитом. Сигарету?

Уголки губ полковника чуть заметно приподнялись — вероятно, это должно было означать улыбку, — и тут же рот вновь вытянулся в тон-

кую прямую линию. Взяв со стола плоскую пачку сигарет «Плейере», он протянул ее Джино. Тот автоматически принял их. Вытряхивая сигарету из пачки, он заметил, что они были сделаны в Англии, но этикетка напечатана на немецком языке.

— Уверен, что вы с удовольствием выпьете виски, — заявил Шнейдер, снова продемонстрировав свою деланую улыбку. Он поставил на стол бутылку «Олд Хайлендер». Джино впился взглядом в этикетку. На ней красовался знакомый горец с волынкой и в шотландском килте, и он сообщал по-немецки: «Ich hatte gem etwas zu trinken WHISKEY!».[7]

Солдат ткнул его сиденьем стула под колени, и Джино с огромным облегчением опустился на сиденье. Ему вручили стакан. Он отхлебнул и с первого же глотка почувствовал, что это хорошее шотландское виски.

* * *

Ординарец вышел, а полковник откинулся на спинку стула и тоже взял со стола высокий стакан виски со льдом. Единственным напоминанием о

---

[7] notes: 7
«Я охотно выпью немного виски!» (нем.).

том, что астронавты находятся в плену, служила застывшая возле входа безмолвная фигура капитана, державшего руку на рукояти лежавшего в кобуре пистолета.

— Вы, господа, прибыли на очень интересном транспортном средстве. Наши технические эксперты, конечно, изучат его, но у меня есть вопрос…

— Я полковник Дэнтон Кой, военно-воздушные силы Соединенных Штатов, личный номер…

— Прошу вас, полковник, — прервал его Шнейдер. — Мы можем обойтись и без этих формальностей…

— Майор Джованни Ломбарди, военно-воздушные силы Соединенных Штатов, выпалил Джино и тоже назвал свой личный номер. Немецкий полковник снова приподнял уголки губ в улыбке и сделал крошечный глоток из стакана.

— Не пытайтесь сделать из меня дурака, — внезапно сказал он, и впервые в его голосе прорезалась холодная властность, соответствовавшая его мрачному облику. — Вам придется подробно объясняться в гестапо, так что вы можете сначала рассказать все это мне.

И хватит ваших ребяческих игр. Я не знаю никаких американских военно-воздушных сил,

только ваш армейский авиакорпус, который поставляет такие прекрасные цели для наших летчиков. А теперь — что вы делали в этом устройстве?

— А вот это вас не касается, полковник, — отрезал Дэн точно таким же тоном. — А вот я хотел бы знать, что немецкие танки делают в Техасе?..

Его прервал яростный треск выстрелов, послышавшийся где-то неподалеку. Затем последовали два оглушительных взрыва, вход в палатку озарился отдаленным заревом. Капитан Лангеншайдт выхватил пистолет и опрометью выскочил из палатки, а все, кто в ней остался, вскочили на ноги. Снаружи раздался приглушенный крик, и в палатку ворвался человек — он показался обоим астронавтам огромным, — одетый в пестрый камуфляжный костюм. Его лицо было вымазано чем-то черным, и руки, в которых он держал большой, незнакомого образца пистолет, направленный на находившихся в палатке, тоже были черными.

— Verdamm... — выругался полковник и потянулся за своим оружием. Пистолет новоприбывшего дважды дернулся и издал два похожих на вздохи звука. Командир танковой дивизии схватился за живот, сложился вдвое и рухнул на пол.

— Вы, парни, только не стойте с раскрытыми ртами, — негромко прикрикнул новый посетитель. — Давайте-ка убираться отсюда, пока сюда не приперся еще кто-нибудь. — С этими словами он повернулся и быстро вышел из палатки, а астронавты последовали за ним.

Они проскользнули за ряд грузовиков, выстроенных в идеальную линию, и присели там, а толпа солдат в железных касках пробежала мимо, направляясь на звук перестрелки. В треск автоматов вмешались орудийные выстрелы, а зарево, кажется, стало ослабевать.

— Это всего-навсего диверсия — шестеро парней, которые наделали шуму на шестьдесят человек, — прошептал их спаситель, наклонившись к астронавтам, всего лишь подорвав один из бензовозов. Но эти кочанные головы быстро раскумекают, что к чему, и устроят на нас пешую облаву. Так что делаем ноги, да поживее!

* * *

Он первым выскочил из укрытия, и все трое ринулись в темную пустыню. Пробежав всего несколько ярдов, астронавты начали спотыкаться, но упорно бежали, пока чуть ли не кубарем скатились в небольшой овраг, где в ночной тьме

выделялась еще более темная масса: джип. Мотор заработал, как только трое людей ввалились в машину. Джип, не зажигая огней, выполз из оврага и с хрустом попер через сухие кусты.

— Вам повезло, что я видел, как вы опускались, — сказал с переднего сиденья их освободитель. — Я лейтенант Ривз.

— Полковник Кой, а это майор Ломбарди. Просто невозможно выразить, как мы благодарны вам, лейтенант. Когда эти немцы захватили нас, мы просто не в силах были заставить себя в это поверить. Откуда они взялись?

— Только вчера прорвались из кольца, блокирующего Корпус. А я с моим патрулем крался за ними следом и извещал Сан-Антонио о движении колонны. Поэтому-то я и увидел, как ваш корабль, или что там такое, весь раскрашенный звездами и полосами, снижается прямо перед носом их разведчиков. Я попытался добраться до вас первым, но был вынужден повернуть, потому что взвод их разведчиков опередил меня.

Но так, пожалуй, вышло еще удачнее. Как только стемнело, мы захватили транспортер для перевозки танков, и двое моих раненых сейчас гонят его в Котуллу, где мы получим боеприпасы и транспорт. Остальных парней я заставил прове-

сти эту диверсию — вы сами знаете ее результат. Ну а вы, наездники из воздушного корпуса, должны повнимательнее следить за ветром и прочими штучками погоды, а то все ваши хитрые новые выдумки так и будут падать во вражеские руки.

— Вы сказали, что немцы прорвались из Корпуса… Это Корпус Кристи-1? спросил Дэн. — Что они там делают, как долго они там находятся и, самое главное, откуда они взялись?

— Вы, летуны, наверно, отсиживались в какой-нибудь очень глубокой дыре, ответил Ривз и громко ухнул: джип особенно резко подпрыгнул на невидимой кочке. — Они высадились на техасском побережье Мексиканского залива уже месяц назад. Мы сдерживали их, но с очень большим трудом. А теперь они прорвались, и мы стараемся оставаться у них на пути. — Он умолк и на мгновение задумался. Пожалуй, парни, я лучше не буду рассказывать вам слишком много, пока мы не узнаем, что вы там делали. Держитесь крепче, и через два часа мы будем далеко отсюда.

* * *

Вскоре после того, как они выбрались на проселочную дорогу, к ним присоединился другой джип, и лейтенант с кем-то связался по полевой

рации. Затем оба автомобиля помчались на север, миновали множество противотанковых рвов и артиллерийских позиций и наконец въехали в небольшой городок Котуллу, уцепившийся за шоссе, ведущее в Сан-Антонио. Астронавтов отвели в заднюю часть местного универмага, где размещался командный пункт. Здесь было много галунов, лампасов, орденов и вооруженной охраны, а за столом сидел генерал с одной звездой на погоне и воинственно выдвинутым вперед могучим подбородком. Прием здесь оказался почти таким же, как в палатке немецкого полковника.

— Кто вы такие — вы, оба, что вы здесь делаете… и что это за непонятная штука, на которой вы прилетели? — строгим голосом спросил генерал.

Дэн сам имел множество вопросов, на которые желал немедленно получить ответы, но он знал, что на свете нет, пожалуй, более бессмысленного занятия, чем спорить с генералом. Он рассказал о полете на Луну, о потере связи, о возвращении. На протяжении всего повествования генерал не сводил с него внимательного взора, а на лице его ничего нельзя было прочесть. Он не произнес ни слова, пока Дэн не закончил, и лишь потом заговорил:

— Джентльмены, я не знаю, как отнестись ко

всему этому рассказу о ракетах, полетах на Луну, русских спутниках и тому подобном. Или вы оба безумны, или я спятил, хотя нельзя не признать, что на трейлере лежит убедительное доказательство истинности вашей совершенно невероятной истории. Я сомневаюсь, что у русских теперь, когда их армии рассечены на части и оттесняются в Сибирь, есть время или ресурсы для развития ракетной техники. Все остальные страны в Европе сдались нацистам, и они перенесли войну в это полушарие, устроили базы в Центральной Америке, заняли Флориду и множество плацдармов на побережье Залива. Я не стану притворяться, будто понимаю, кто вы такие и что с вами произошло, и поэтому утром отправлю вас в Денвер, столицу Штатов.

На следующий день в самолете, где-то высоко над пиками Скалистых гор, они пытались сложить воедино части головоломки. Лейтенант Ривз летел с ними якобы как сопровождающий, но его пистолет наготове лежал в расстегнутой кобуре.

— Сейчас то же самое время и тот же самый мир, из которого мы улетали, объяснил ему Джино, — но имеется много различий. Слишком много. И их становится все больше и больше, пока в конце

концов все не изменяется радикально. Ривз, ведь это вы сказали мне, что президент Рузвельт умер, не дождавшись окончания своего первого срока?

— Да, от пневмонии. Он никогда не отличался слишком крепким здоровьем, и умер, не пробыв и года на своей должности. У него было много различных диковинных проектов, но ни из одного не вышло толку. Вице-президент Гарнер попытался продолжать его линию, но между словами Рузвельта и словами этой бабы в штанах оказалась большая разница. Непрерывные драки, неприятности с Конгрессом, усиление Депрессии и так далее. Никакого улучшения вплоть до тридцать шестого года, когда выбрали Лэндона. Безработных все еще было много, но после того как в Европе началась война, они стали покупать у нас множество всякой всячины: продовольствие, машины, даже оружие.

— Вы говорите об Англии и союзниках?

— Я говорю обо всех. Немцы тоже покупали, хотя от этого у многих здесь крыши съехали. Но политики решили, что следует избегать международных осложнений и вести торговлю со всеми, кто в состоянии платить. И только после вторжения в Англию люди начали понимать, что нацисты не лучшие клиенты в мире, но к тому

времени было уже слишком поздно.

— Это похоже на зеркальное изображение мира — в кривом зеркале, — сказал Дэн, глубоко затягиваясь сигаретой. — Пока мы огибали обратную сторону Луны, случилось нечто такое, отчего весь мир повернул по другому пути, как будто ход истории изменился где-то в начале тридцатых годов.

— Мир нисколько не изменился, парни, — возразил Ривз, — он всегда был таким, каким был, и естественным образом пришел к нынешнему состоянию. Хотя я признаю, что тот вариант истории, о котором вы говорили, кажется, лучше. Но если нужно выбирать, кто сошел с ума — целый мир или вы, — то я выбираю вас. Не знаю, какого рода эксперимент поставили над вами птицы более высокого полета, но в результате у вас, похоже, протухло серое вещество.

— Я этого не приму, — продолжал горячиться Джино. — Знаю, что со стороны кажется, будто у меня шарики за ролики заехали, мне и самому так иногда начинает казаться, но я всякий раз вспоминаю о капсуле, в которой мы приземлились. Как вы собираетесь объяснить это?

— И пытаться не стану. Я знаю, что в ней имеется много приборов и устройств и других

штуковин, за которые инженеры и университетские профессора будут выдирать друг у друга последние патлы, но меня это нисколько не волнует. Я возвращаюсь на войну, где стреляют и где дела гораздо проще. И, пока не доказано обратное, я буду думать, что вы, джентльмены, оба спятили, если, конечно, можно употреблять такое выражение к старшим офицерам.

Официальная реакция в Денвере оказалась примерно такой же. Штабной микроавтобус, набитый охранниками из военной полиции, подкатил к трапу самолета, как только он приземлился на аэродроме Лоури-Филд, и доставил астронавтов прямиком в госпиталь Фицсиммонс. Без долгих объяснений их подвергли лабораторным обследованиям, и, должно быть, добрая половина штата гигантской больницы принялась брать у них анализы, подсоединять электроды и задавать вопросы. Их много раз заставляли рассказывать о своем полете и о своем мире — очень часто при этом подключали датчики детектора лжи, — но ни на один из их вопросов не отвечали. Время от времени их угрюмо рассматривали невесть откуда приезжавшие высокопоставленные офицеры, но никто из них не принимал участия в допросах. Они наговаривали много-

часовые монологи в магнитофоны, отвечали на вопросы, касавшиеся самых различных областей знания, начиная от истории и кончая физикой, а когда они изнемогали, им давали бензедрин и заставляли продолжать. Больше недели они встречались только случайно в коридорах по дороге к кабинетам, где их обследовали и допрашивали, и в конце концов они уже начали падать с ног от усталости и потеряли способность соображать от стимуляторов и других лекарств. На их вопросы все так же не отвечали и лишь убеждали не тревожиться и уверяли, что, как только закончится обследование, о них позаботятся. И когда плавный ход событий нарушился, это оказалось долгожданным сюрпризом; причем, очевидно, неожиданным для всех. Джино вел очередную беседу; на сей раз с мобилизованным профессором истории, носившем на залитом соусом кителе полевой формы блестящие пластинки капитана. Охрипший после многодневного почти непрерывного допроса Джино держал микрофон, почти прижимая его к губам, и говорил шепотом.

— Вы можете сказать мне, кто был министр финансов при Линкольне? — спросил капитан.

— Какого дьявола я должен это знать? И очень сомневаюсь, что в этой богадельне найдется хоть

один человек, который знал бы это, — кроме вас. А вы знаете?

— Конечно…

Дверь без стука распахнулась, и на пороге возник полковник с нарукавной повязкой военной полиции. Очень серьезный мальчик на побегушках; его появление произвело на Джино впечатление.

— Я пришел за майором Ломбарди.

— Вам придется подождать, — возразил капитан-историк, наматывая на кулак свой и так уже ни на что не похожий галстук. — Я еще не закончил.

— Это неважно. Майор немедленно отправится со мной.

Они молча промаршировали через множество залов, пока они не пришли в просторную комнату отдыха. Дэн, расслабленно раскинувшись в глубоком кресле, попыхивал сигарой. Громкоговоритель на стене что-то монотонно бормотал.

— Хочешь сигару? — спросил Дэн и, не дожидаясь ответа, толкнул коробку через стол.

— Чем нас будут развлекать на этот раз? — поинтересовался Джино, откусив кончик и оглядываясь в поисках спичек.

— Очередная конференция, очень большие

шишки и невероятная суматоха. Мы войдем спустя минуту-другую, как только крик немного утихнет. Появилась теория по поводу того, что с нами случилось, но далеко не все с нею согласны, хотя ее выдумал сам Эйнштейн.

— Эйнштейн! Но он же умер…

— Нет, здесь он все еще жив; я его видел. Величественный, очень старый за девяносто — джентльмен, худой, как спичка, но все еще крепкий и бодрый. Он говорит… подожди, кажется, передают новости.

* * *

Один из охранников военной полиции прибавил громкость репродуктора, и все прислушались.

«…Несмотря на упорное сопротивление, город Сан-Антонио теперь находится во вражеских руках. Еще час назад мы получали сообщения их окруженного Аламо, где подразделения Пятой конной отказались капитулировать перед превосходящими силами противника. За этой

второй битвой при Аламо[8] следила вся Америка. История повторилась трагически, потому что теперь, кажется, не осталось никакой надежды на то, что кто-нибудь…»

— Будьте добры, джентльмены, следуйте за мной, — объявил вошедший штабной офицер, и оба астронавта сразу же поднялись. Офицер постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее перед ними. — Прошу вас.

— Рад познакомиться с вами обоими, — сказал Альберт Эйнштейн и указал на пару удобных кресел. Сам он сел спиной к окну; солнечный свет вспыхнул в его совершенно белой шевелюре, образовав нимб вокруг головы.

— Профессор Эйнштейн, — заговорил Дэн Кой, — можете ли вы объяснить нам, что случилось? Что изменилось в мире?

— Ничего не изменилось; это первое, что вам следует понять. Мир остался тем же самым, и вы те же самые, но вы были… за неимением лучшего, скажем, перемещены. Я выражаюсь не совсем

---

[8] notes: 8

Аламо — городок и укрепления при одноименной францисканской миссии в Сан-Антонио, штат Техас. В ходе так называемой Техасской войны за независимость — восстания поселившихся в Техасе североамериканских плантаторов против мексиканских властей — 23 февраля 1836 года Аламо был осажден мексиканскими войсками, а 6 марта взят штурмом. Весь гарнизон при этом был уничтожен.

понятно. Было бы гораздо легче выразить это математически.

— Каждый, кто когда-либо забирался в космическую ракету, должен был хоть немного увлекаться научной фантастикой, а я проглотил свою долю полностью, ответил Дэн. — Мы оказались в одном из этих параллельных миров, о которых столько писали, и все такое, да?

— Нет, с вами произошло совсем не это, хотя, возможно, вам будет легче представить себе случившееся, пользуясь этими словами. Вы находитесь в том же самом объективном, мире, который покинули, — но субъективно он не тот же самый. Существует только одна Галактика — та, в которой мы обитаем, — и только одна Вселенная. Но наше представление о ней изменяет многие из аспектов действительности.

— Я ничего не понимаю, — вздохнул Джино.

— Давайте посмотрим, удалось ли мне понять, — предложил Дэн. — Мне кажется, вы хотите сказать, что вещи являются такими, какими мы их себе представляем, и остаются такими, какие есть, благодаря нашим мыслям. Скажем, то дерево в кадушке, которое я помню с колледжа, может быть только таким, какое существует в моей голове.

— И снова неверно, но сойдет для приблизительного истолкования. Я давно подозревал существование подобного феномена; об этом говорили некоторые отклонения от теории при наблюдении скорости света, укладывавшиеся в пределы ошибки измерения, проявления гравитационного взаимодействия, ход химических реакций. Я кое-что подозревал, но не знал, где искать. И сейчас, господа, пользуюсь случаем поблагодарить вас от всей души за то, что вы на исходе моей жизни предоставили мне такую возможность, дали мне в руки ключ, при помощи которого я смогу найти решение этой проблемы.

— Решение… — Джино непроизвольно раскрыл рот. — Вы хотите сказать, что у нас есть шанс вернуться в знакомый нам мир?

— Не просто шанс, а самая реальная возможность. То, что произошло с вами, было всего лишь несчастным случаем. Вы оказались вдали от своей родной планеты, вне ее атмосферного покрова, а на некоторых отрезках орбиты даже вне ее поля зрения. Ваше ощущение реальности оказалось ужасно напряженным, а ваша физическая реальность и реальность ваших умственных представлений оказались измененными смертью вашего товарища. Все эти

факторы, объединившись, сделали так, что вы вернулись в мир, реалии которого несколько отличаются от реалий того мира, который вы покинули. Историки точно определили точку перелома. Он произошел семнадцатого августа тридцать третьего года, в тот самый день, когда президент Рузвельт умер от пневмонии.

— Ах, так вот к чему были все эти медицинские вопросы, касавшиеся моего детства, — протянул Дэн. — В возрасте пары месяцев я заболел воспалением легких и чуть не умер; мать потом довольно часто вспоминала об этом. Это могло произойти в то же самое время. Но ведь невозможно, чтобы я выжил, а президент поэтому умер…

Эйнштейн покачал головой.

— Нет. Вы должны помнить о том, что оба жили в том мире, который знали. Динамика отношений пока еще далека от ясности, хотя я не сомневаюсь, что существует какая-то двухсторонняя взаимосвязь. Но это не важно. А важно вот что: я думаю, что я выработал метод, позволяющий механически вызвать переход от одного аспекта реальности к другому. Потребуются годы, чтобы развить его, чтобы научиться переносить вещество из одной реальности в другие на выбор, но и сейчас, я уверен, он достаточно жизнеспособен,

чтобы возвратить обратно вещество, прибывшее из другой реальности.

* * *

Джино вскочил на ноги так, что кресло опрокинулось.

— Профессор, если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что можете запихнуть нас обратно, туда, откуда мы прибыли?

Эйнштейн улыбнулся.

— Не волнуйтесь так, майор. Да. Уже приняты все меры для того, чтобы как можно скорее вернуть обратно и вас обоих, и вашу капсулу. Но взамен мы просим вас о помощи.

— Ну конечно, все, что в наших силах, — сказал Дэн, подавшись вперед.

— Вы возьмете с собой аппарат изменения реальности и микрокопии наших трудов по истории, научных теорий и практических разработок. В том мире, откуда вы прибыли, можно будет бросить все силы исследователей и разработчиков на то, чтобы научиться по желанию осуществлять то перемещение, которое вам однажды удалось случайно. Вы сможете сделать это за несколько месяцев; это все время, которое у нас осталось.

— Что вы имеете в виду?

— Мы проигрываем войну. Несмотря на все предупреждения, мы не были подготовлены к ней и считали, что она никогда до нас не доберется. Нацисты наступают на всех фронтах, и их победа является только вопросом времени. Мы тоже пока еще можем победить, но только при помощи ваших атомных бомб.

— У вас еще нет атомной бомбы? — удивился Джино.

Эйнштейн несколько секунд молчал и лишь потом ответил:

— Нет, такой возможности не оказалось. Я всегда был уверен, что ее можно сделать, но никогда не думал над практическим решением этого вопроса. Немцы чувствовали то же самое и одно время даже начали разрабатывать тяжеловодный проект, направленный на осуществление управляемой ядерной реакции. Но их военные успехи оказались настолько велики, что они отказались от этой работы, как, впрочем, и от многих других не правдоподобных и дорогих планов, таких, например, как подземные ходы глобального масштаба. Сам я никогда не хотел видеть эту адскую машину воплощенной в действительность, а теперь, после ваших рассказов, понимаю, что она еще ужаснее моих умозри-

тельных представлений о ней. Однако когда нацистская угроза стала реальной, я обратился к президенту с предложением о ее разработке, но ничего так и не было сделано. Решили, что это слишком дорого. А теперь стало слишком поздно. Хотя при нынешнем стечении обстоятельств, возможно, удастся успеть. Если ваша Америка поможет нам, враг будет побежден. А какое неимоверное богатство знаний мы сможем получить, если между нашими мирами удастся установить контакт! Вы сделаете это?

— Конечно, — ответил Дэн Кой. — Но дяди из правительства потребуют множество доказательств. Я предлагаю сделать несколько кинофильмов, в которых вы и еще кто-нибудь из самых знаменитых ученых выступили бы с объяснениями. И добавить документы, которые помогут убедить их в реальности случившегося.

— Я могу сделать кое-что получше, — сказал Эйнштейн, вынимая из ящика стола маленькую бутылочку. — Здесь недавно созданный лекарственный препарат, который, как доказали опыты, является эффективным при лечении ряда тяжелых форм раковых заболеваний, и его формула. Это пример возможной выгоды от обмена информацией между двумя нашими

мирами; а если такой обмен станет постоянным, то одному только богу известно, во что это может вылиться.

Дэн аккуратно положил драгоценную бутылочку в карман, и оба астронавта поднялись. С благоговейным страхом они обменялись осторожными рукопожатиями с древним стариком, который в их мире, куда, как им стало известно, они скоро вернутся, скончался много лет назад.

Военные повсюду умеют работать быстро. Большой реактивный бомбардировщик был быстро переоборудован для транспортировки одной из американских твердотопливных боевых ракет. Это оружие еще не успели окончательно доработать, и было сомнительно, что им удастся воспрепятствовать движению нацистской армии. Но, учитывая, что бомбардировщик поднимет ее на значительную высоту, она могла выйти за пределы ионосферы и увести на орбиту спутника Земли полезный груз в виде лунной капсулы с двумя пилотами.

Глубокое разрежение атмосферы было необходимым условием для действия аппарата, который должен был возвратить их в пространство, о коем они привыкли думать как о своем собственном мире. Но думать о себе как о людях, способных

изменять миры, все равно казалось обоим чудовищным абсурдом.

— И это все? — спросил Джино, когда они заняли свои места в капсуле. Между ложементами пилотов был закреплен квадратный ящик, в котором содержались записи и катушки кинофильмов. А поверх него стояла небольшая серая металлическая коробка.

— А что ты ожидал увидеть? Может быть, ускоритель диаметром в пять миль? спросил Дэн, не отрываясь от знакомой процедуры проверки систем. Капсула была, насколько возможно, приведена к тому же состоянию, в котором она находилась в день приземления. Астронавты оделись в свои скафандры. — Мы оказались здесь совершенно случайно, только из-за того, что не правильно думали, ну или что-то в этом роде, если я верно понял всю эту теорию.

— Конечно. Так что мы не можем позволить этой ерунде снова сбить нас с толку.

— Ну да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Все эти безумные дела могут быть сколь угодно сложными, зато механизм должен быть простым. И все, что от нас требуется, это в нужный момент перебросить тумблер.

— Вас понял, командир. Эта штука имеет авто-

номное питание. За нами будут следить радаром, и, когда мы достигнем апогея орбиты, они подадут нам сигнал на нашей обычной рабочей частоте. Мы щелкаем выключателем — и идем на посадку.

— Надеюсь, что посадка будет там, откуда мы вылетели в первый раз.

— Эй, груз, привет, — раздался хриплый голос из динамика. — Говорит пилот. Мы готовы отчалить. Как у вас дела?

— Все лампочки зеленые, — доложил Дэн и вновь откинулся в кресле.

Огромный бомбардировщик с ревом пронесся по всей длине взлетно-посадочной полосы и медленно, тяжело — ему мешала большая ракета, закрепленная под брюхом, — поднялся в воздух. Капсула находилась в носовой части ракеты, и астронавты могли видеть лишь светлую обшивку самолета-носителя. Это был не слишком приятный полет. Математики рассчитали, что вероятность успеха будет наибольшей в районе Флориды и Южной Атлантики, где произошел первоначальный переход в иную реальность. А для этого следовало преодолеть вражескую территорию. Пассажиры не могли видеть воздушного боя, который вели сопровождавшие

их реактивные истребители, а пилот наспех переделанного бомбардировщика не стал ничего говорить им. Это был жестокий бой, который мог в один из моментов закончиться плачевно: только самоубийственный таран, предпринятый одним из истребителей, помешал вражескому самолету в упор расстрелять самолет-носитель.

— Приготовиться к отделению, — прохрипело радио, и мгновением позже астронавты ощутили знакомое чувство невесомости; ракета отделилась от самолета. Тут же запрограммированный компьютер включил зажигание, и ракета пошла на расчетную орбиту. Ускорение прижало астронавтов к креслам.

Внезапному возвращению к невесомости предшествовала серия мелких взрывов это самоуничтожались болты, крепившие капсулу к ракете-носителю. В течение времени, которое показалось астронавтам неизмеримо долгим, инерция несла их дальше по орбите, а сила земного притяжения тащила назад. В динамике радиоприемника потрескивал фон несущей частоты, в который вдруг ворвался голос:

— Приготовиться к включению… руку на ключ… пошел!

Дэн щелкнул выключателем — и ничего не про-

изошло. Во всяком случае, ничего такого, что они могли бы почувствовать. Они молча посмотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, перевели взгляды на высотомер, показывавший, что они снижались к отдаленной Земле.

— Приготовиться к выходу парашютов, — напряженно скомандовал Дэн, и в это мгновение динамик взорвался оглушительным криком.

— Эй, «Аполлон», это вы? Это Центр управления с мыса Кеннеди. Вы слышите меня? Повторяю, вы слышите меня? Отвечайте, если можете, ради всего святого… Черт возьми, Дэн, где вы там?! Эй, есть там кто-нибудь?

Голос захлебывался звуками, в нем явственно улавливалась истерика. Дэн щелкнул кнопкой переговорного передатчика.

— Дэн Кой здесь. Это вы, Скипер?

— Да… Но откуда вы взялись? Где вы пропадали? Отбой вопроса, отбой до приземления. Мы видим вас на экране, вы летите в море, в район патрулирования судов…

Астронавты посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Джино поднял большой палец: победа! У них получилось. Они сделали это. За вновь обретенной сдержанностью голоса Центра управления они чувствовали восторженное

волнение, которое должно было породить их неожиданное возвращение. Для наблюдателей на Земле — этой Земле — они наверняка скрылись за диском Луны и не появились из-за него. А теперь совершенно неожиданно появились — по прошествии нескольких недель, после того как у них давно должны были кончиться и кислород, и продовольствие. Им потребуется очень много раз и подолгу все объяснять.

Приземление получилось просто безупречным. Солнце сияло, ветра почти не было, море было совершенно гладким. Спустя две-три секунды после приводнения капсула выскочила на поверхность, и астронавты увидели в иллюминатор ласковые крошечные волны. Всего в нескольких милях над водой поднималась громада крейсера, уже мчавшегося в их направлении.

— Ну, все кончено, — с глубоким вздохом облегчения сказал Дэн, отстегивая привязные ремни.

— Кончено? — придушенно прохрипел Джино. — Кончено? А ты посмотри на флаг.

Крейсер описывал крутую дугу, и кормовой флаг гордо развернулся перед астронавтами. Красные и белые полосы, пятьдесят белых звезд на поле глубокого синего цвета.

А среди звезд, в центре синего прямоугольника,

сверкала золотая корона.

Гарри Гаррисон
Предисловие
Передатчик материи

История человечества — это история транспорта. Возможно, вы посчитаете такое утверждение слишком смелым, но оно, несомненно, точнее принятой схемы истории, сводящейся к перечислению войн, правителей и политиков.

Поначалу все мы были пешеходами. Поколение за поколением homo sapiens уходил все дальше от своей прародины, которой принято считать Центральную Африку, и перебрался по сухопутным перешейкам на другие континенты. Позднее, усовершенствовав искусство плавания под парусом, люди заселили и изолированные места вроде островов Тихого океана — но способ передвижения на своих двоих ничуть не устарел. Как ни крути, он никогда не уступал — да и сейчас не уступает — любому другому. По дорогам Рима ездили повозки и колесницы, но строили-то их для того, чтобы пешие солдаты могли быстро и легко добраться до нужного места, иногда на другом конце континента.

Параллели напрашиваются сами собой. Когда путешествовало лишь незначительное меньшинство, общество застывало на примитивном аграрном уровне. Жизнь европейского крестьянина семнадцатого века почти не отличалась от жизни такого же крестьянина в одиннадцатом веке — всю жизнь ковыряйся в земле, потому что ты обречен родиться, прожить и умереть в одном и том же месте.

Совсем другое дело — мореплаватели. Едва научившись строить корабли, способные проплывать большие расстояния, люди тут же отправились путешествовать. Микенские корабли посещали Англию в пятнадцатом столетии до нашей эры. Викинги добрались до Северной Америки еще в одиннадцатом веке. Несколько сотен лет спустя испанцы первыми проложили регулярные маршруты к обеим Америкам — и мир изменился. К худшему, с точки зрения американских индейцев, но изменился. Но едва европейцы расползлись по земному шару и захапали все, что смогли, ситуация очень быстро стала напоминать прежнюю. Да, корабли усовершенствовались, но по сути своей остались теми же парусными, и мир снова задремал у домашнего очага, мало беспокоясь о будущем. В

Англии зарождалась промышленная революция, в больших муках появляясь на свет. И то сказать, какой смысл создавать машины, способные производить горы продуктов, обреченных гнить на складе рядом с фабрикой? Товар нужно перевозить к покупателю, и перевозить быстро. Каналы немного облегчили ситуацию, их прокопали немало, но и они, по сути, остались лишь вариантом водного пути, и главным результатом их появления стали новые порты на традиционных торговых путях. Люди все еще ездили верхом или запрягали лошадей в медленные повозки, совсем как в седой древности. Требовались радикальные перемены.

И они грянули — железные дороги. Мир изменился за считанные годы. Сырье потоком устремилось на заводы и фабрики, а навстречу таким же потоком хлынули по всему миру готовые товары. Мир стряхнул с себя дрему, преобразившись необратимо. И опять-таки, если призвать в судьи живущих в трущобах фабричных рабочих, к худшему. Должно быть, они испытывали те же чувства, которые охватывали американских индейцев при виде заходящих в залив белопарусных кораблей европейцев. И снова, едва мир начал приспосабливаться к новому об-

разу жизни, порожденному железными дорогами, изобрели автомобиль.

Когда первые из них, извергая клубы дыма, затарахтели по немощеным дорогам, за голову схватились не только производители кабриолетов. Всего за пятьдесят последующих лет целые города стали непригодными для жизни. Некогда теплый и счастливый Лос-Анджелес превратился в наполненную ядовитыми газами душегубку, окруженную бетонными автострадами, забитыми машинами. На сей раз перемены рванулись вперед семимильными шагами, и пока автомобили, захватывая мир, вытесняли железные дороги, к гонке подключились самолеты, легко обойдя прежнего лидера. Сейчас из Нью-Йорка до Лондона можно по воздуху добраться быстрее, чем до любой части штата Нью-Йорк поездом или на машине, до столицы штата города Олбани по воде или до границы Нью-Йорка пешком.

Таково положение дел на сегодня. Непрерывная транспортная революция последнего столетия изменила каждую грань нашей жизни. Но что ждет нас впереди? Разумеется, ракеты и усовершенствованные средства для космических полетов — чуть более практичные и не столь дорогие. Современная научная фантасти-

ка затратила немало усилий на исследование эффектов космических путешествий, и тема эта далеко не исчерпана. Для преодоления расстояния между звездами — во многие световые годы — изобретались удивительные устройства вроде искривителей пространства или субпространственных двигателей, и далекие, еще не изведанные миры становились материалом для рассказов. Но кончается ли здесь человеческая фантазия?

Конечно, нет. Путешествие во времени — тоже, по сути, способ перемещения с места на место, имеющий свою литературу. А кроме него, существует передатчик материи.

Эта добротная, многообещающая тема до сих пор как-то не привлекала к себе заслуженного внимания. А если и привлекала, то сюжет обычно сводился к тому, как некто строил работающий передатчик и что случалось после того, как аппарат ломался. Нечто вроде ранних фантастических рассказов, где ставили последнюю точку после старта ракеты. Идея передатчика материи в том, что он пересылает твердые тела примерно так, как телевидение — световые волны. Изображение принимается телекамерой и преобразуется в сигнал, который передается

далее в приемник, трансформирующий сигнал снова в видимое изображение. ПМ, то есть передатчик материи, обычно представляется в виде устройства, сканирующего исходное вещество на уровне атомов и молекул, а затем передающее сканированный сигнал на приемное устройство, восстанавливающее передаваемый предмет. Иногда этот сигнал не передается, а где-то сохраняется, что приводит к забавным ситуациям, когда из исходной записи появляется несколько копий одной и той же личности.

Большинство рассказов о ПМ сводится как раз к этой забавной схеме — в них конструируется сам аппарат, а потом читатель балдеет от приключений первой жертвы, которую удается в него запихать. Все это, разумеется, очень интересно, но совершенно не дает полной картины возможностей ПМ. Давайте немного поразмышляем о будущем. Если мы в состоянии представить работающий ПМ, то можем оценить и последствия широкого применения таких аппаратов. Если машина работает, ее обязательно со временем сделают дешевле и надежнее, и очень скоро настанет момент, когда ПМ станут столь же привычными, как сейчас телефон. Возможно ли такое? Вне всякого сомнения.

Но какое воздействие окажет подобная ситуация на человека и его общественные институты?

Вот основной вопрос, из которого вытекают остальные. Ничто не останется в стороне: пища и одежда, брак и бизнес, работа и война. Война в первую очередь — военные и сейчас цепляются за любое, даже самое безобидное изобретение, лишь бы оно не дало заржаветь машине войны. Затем медицина — вспомните, как корабли разносили болезни и как с этим еще успешнее справляются самолеты, а теперь представьте, как чуму разносят через ПМ. Язык, обычаи — новый вид транспорта окажет влияние буквально на все.

В рассказах этого сборника я попытался поразмышлять над ответами на некоторые из этих вопросов. Я начал с самого начала, первого применения ПМ, и дошел до самого конца, как и полагается в любом хорошем рассказе. Я не претендую на то, что какие-либо из предсказанных событий произойдут, хотя они, несомненно, могли случиться, имей мы действующие ПМ. Это лишь некоторые возможные картины будущего, которые могли бы стать реальностью при определенных обстоятельствах.

Как раз в этом и прелесть фантастики. Вы мо-

жете полетать на космическом корабле еще до его изобретения, пользоваться необычными, еще не существующими аппаратами и встретиться с удивительными, еще не родившимися людьми.

Пользоваться передатчиком материи очень легко. Нужно лишь набрать нужный номер, совсем как в телефоне, и подождать, пока не загорится лампочка готовности. Потом делаете шаг вперед, зная, что ничего особенного не почувствуете, — и проходите сквозь экран ПМ, как в обычную дверь...

Один шаг от Земли

Ландшафт был мертв. Он и не жил никогда, родившись мертвым, когда начали формироваться планеты, — выкидыш, слепленный из валунов, грубого песка и зазубренных скал. Воздух, разреженный и холодный, скорее походил на космический вакуум, чем на атмосферу, способную поддерживать жизнь. И хотя время близилось к полудню, а крошечный солнечный диск полз высоко над горизонтом, небо было темным и тусклый свет заливал бугристую равнину, никогда не знавшую, что такое след ноги. Тишина, одиночество, пустота.

Двигались только тени. Солнце медленно проползло свой путь и закатилось за горизонт. Наступила ночь, а с ней — еще более жестокий мороз. Под усеянным звездами небосводом в глухой тишине миновала ночь, и над противоположным горизонтом снова показалось солнце.

Затем что-то изменилось. Высоко в небе солнце отразилось от какой-то блестящей поверхности — движение в мире, до сих пор его не знавшего. Искорка выросла в пятнышко света, внезапно

расцветшее длинными лепестками пламени. Пламя приближалось, становясь все ярче, и зависло над поверхностью, взметая пыль и оплавляя камни. Потом погасло.

Приземистый цилиндр пролетел вниз последние несколько футов и опустился на широко расставленные опоры. Спружинили амортизаторы, гася удар, потом медленно распрямились, выравнивая корпус аппарата. Несколько секунд он еще покачивался, потом замер.

Ползли минуты, но ничего больше не происходило. Давно уже улеглась пыль, а расплавленный шлак затвердел и потрескался от холода.

Внезапно короткие взрывы отстрелили кусок боковой стенки цилиндра, отшвырнув его на несколько ярдов. Капсула слегка качнулась, но вскоре она снова замерла. Отброшенная пластина прикрывала несколько небольших приборов, окружавших серую пластину диаметром около двух футов, напоминающую задраенный иллюминатор.

Некоторое время опять ничего не происходило, словно некий потайной механизм отсчитывал время. Наконец он принял решение, потому что из отверстия с тихим жужжанием стала вылезать антенна. Сперва она ползла перпендикулярно

боку капсулы, пока не показалась изогнутая секция, потом стала медленно подниматься и наконец задралась в небо. Она еще поднималась, а на ее конце, прикрепленная к штанге, зашевелилась компактная телекамера, неуверенно поворачиваясь в разные стороны. Поднявшись над круглой пластиной, она повернулась в ее сторону и уставилась на грунт перед нею, после чего удовлетворенно замерла.

С громким щелчком круглая пластина изменила цвет и облик. Она стала совершенно черной; казалось, она шевелится, оставаясь на месте. Секунду спустя сквозь ее поверхность, словно через распахнутую дверь, прошел прозрачный пластиковый контейнер, упал и перекатился.

Сидящая в контейнере белая крыса сперва испугалась, шлепнувшись на бок, когда контейнер упал на грунт. Вскочив, она заметалась, пытаясь уцепиться коготками за гладкие стенки и соскальзывая на дно. Вскоре она успокоилась и уставилась на серую пустыню, помаргивая розовыми глазками. Но смотреть там было не на что, потому что ничто не шевелилось. Крыса уселась и стала приглаживать лапками длинные усы. Холод еще не проник сквозь толстые стенки.

Изображение на телевизионном экране было

сильно смазанным, но, если учесть, что его передавали с поверхности Марса на орбитальный спутник, затем на лунную станцию и лишь потом на Землю, лучшего ожидать не приходилось. Несмотря на помехи и рябь, на экране был четко виден контейнер с шевелящейся внутри крысой.

— Успех? — спросил Бен Данкен, жилистый, плотный мужчина с коротко подстриженными волосами и загорелой, задубевшей кожей. Сеть морщинок в уголках глаз наводила на мысль, что ему часто приходилось щуриться или от сильного холода, или от пылающего солнца — и то и другое имело место. Цветом лица он резко отличался от техников и ученых за пультами и приборами — если не считать нескольких негров и пуэрториканца, все они обладали характерной для горожан бледностью.

— Пока все вроде нормально, — отозвался доктор Тармонд. Он очень гордился своей ученой степенью по физике, полученной в Массачусетском технологическом, и настаивал, чтобы к нему всегда обращались «доктор». — Форма волны превосходная, затухания нет, отклик ровный, отклонение переданного контрольного объекта от расчетных координат — одна и три десятых. Лучше не бывает.

— Когда мы сможем отправиться?

— Примерно через час, может, чуть позже — если биологи дадут добро. Им наверняка захочется изучить поведение первого пересланного животного, а может, послать еще одно. Если все окажется в порядке, вы с Тэслером отправитесь сразу же, пока условия оптимальные.

— Да, конечно, не стоит тянуть, — поддакнул Отто Тэслер. — Извините, — добавил он и торопливо отошел.

Это был маленький человечек в массивных очках, с редеющими светлыми волосами. Он проводил долгие часы у лабораторного стола, а потому сутулился и выглядел старше своих лет. И нервничал. Лицо его покрывали мелкие бисеринки пота, и меньше чем за час он уже в третий раз отлучался в туалет. Доктор Тармонд это тоже заметил.

— У Отто поджилки трясутся, — бросил он. — Но хлопот с ним, похоже, не будет.

— Как только мы окажемся на месте, он сразу придет в себя. Люди обычно волнуются, когда вынуждены ждать, — сказал Бен Данкен.

— А вас ожидание разве не волнует? — полюбопытствовал Тармонд с едва заметным ехидством.

— Разумеется, волнует. Но для меня ожидание — вещь привычная. И хотя мне еще не доводилось отправляться на Марс при помощи передатчика материи, кое в каких переделках побывать пришлось.

— Я думаю. Вы ведь что-то вроде профессионального искателя приключений. — Теперь в голосе Тармонда звучала неприкрытая злость — недоверие человека, привыкшего командовать, к тому, кто сам себе хозяин.

— Не совсем. Я геолог и петролог. Некоторые из редкоземельных элементов, использованных в вашей аппаратуре, добыты из открытых мною месторождений. А они не всегда находятся в самых доступных местах.

— Вот и хорошо. — Ровный тон Тармонда не соответствовал его словам. — У вас богатый опыт по части заботы о себе, поэтому вы сможете помочь Отто Тэслеру. Он будет главным, ему предстоит сделать всю работу, а ваша задача — ему помогать.

— Само собой, — буркнул Бен, повернулся и вышел.

Сотрудники фирмы держались с кастовой замкнутостью и даже не пытались скрывать, что Бен так и остался для них чужаком. Его ни

за что бы не наняли, если бы сумели отыскать нужного человека среди своих. «Трансматерия лимитед» была богаче многих правительств и даже могущественнее некоторых из них, но фирма прекрасно сознавала ценность человека на его месте. Отыскать инженера, досконально знакомого с передатчиком материи, не составило труда — нужно было лишь подобрать подходящего человека из штата и предложить ему стать добровольцем. У Отто, всю жизнь проработавшего в фирме, выбора просто не оказалось. Но вот кто обеспечит его безопасность? В перенаселенном мире 1993 года осталось очень мало неисследованных уголков и еще меньше людей, знающих, как в таких местах выжить.

Вертолет прилетел за Беном прямиком в Гималаи. Под нажимом «Трансматерии» его поисковую экспедицию отменили, а взамен прежнего контракта предложили гораздо более выгодный. Его чуть ли не силой заставили подписать, но Бен не стал возмущаться. Фирма так и не поняла, а Бен им, конечно, не сказал, что он отправился бы на Марс и за одну десятую предложенной ему впечатляющей суммы — или даже бесплатно. Этим кабинетным червям и в голову не могло прийти, что он сам хотел совершить такое путешествие.

Заметив неподалеку дверь на балкон, Бен вышел посмотреть на город. Он набил трубку табаком, но раскуривать не стал — скоро от курения придется отказаться, а начать привыкать можно прямо сейчас. На такой высоте воздух оказался вполне свежим, но внизу его туманила дымка смога. До самого горизонта тянулись мили зданий и улиц — тесных, забитых машинами и людьми. В любом городе Земли с балкона открывался один и тот же вид. Или еще хуже. Сюда Бен летел через Калькутту и до сих пор не избавился от кошмарных снов.

— Мистер Данкен, поторопитесь, пожалуйста. Вас ждут.

Техник переминался с ноги на ногу и взволнованно сжимал кулаки, придерживая ногой дверь. Бен улыбнулся и неторопливо протянул ему свою трубку.

— Сохрани, пожалуйста, до моего возвращения.

Ассистенты почти закончили одевать Отто, когда вошел Бен. К нему тут же бросились, стянули комбинезон, потом белье и принялись облачать в защитный костюм: нижнее белье с подогревом, поверх него обтягивающее шелковое трико, затем электрообогреваемый комбинезон

и такие же носки. Все было проделано быстро. Когда на путешественниках застегивали верхние комбинезоны, появился доктор Тармонд и одобрительно осмотрел их.

— Не застегивайтесь до конца, пока не войдем в камеру, — сказал он. — Пошли.

Похожий на наседку во главе выводка, он повел их через помещение с передатчиком мимо шкафов с аппаратурой. Техники и инженеры оборачивались им вслед, кто-то даже радостно гикнул, но тут же смолк под ледяным взглядом Тармонда. Двое диспетчеров, поджидавших в барокамере, закрыли и загерметизировали дверь за Тармондом и двумя тяжело одетыми мужчинами, которые уже начали потеть. Когда в камеру стал поступать холодный воздух, Тармонд набросил теплое пальто.

— Пошел предстартовый отсчет, — сказал он. — Я еще раз повторю инструкции. — Бен с тем же успехом мог проинструктировать его и сам, но промолчал. — Сейчас мы понижаем температуру и давление, пока они не сравняются с марсианскими. Согласно последним показаниям приборов, температура там стабильно держится на сорока восьми градусах ниже нуля. Атмосферное давление — десять миллиметров ртутного

столба. Сейчас мы снижаем его до этой величины. Измеримые количества кислорода в атмосфере отсутствуют. Не забудьте — маски снимать ни в коем случае нельзя. В камере мы дышим почти чистым кислородом, но перед уходом вы наденете маски… — Он сделал паузу и зевнул, выравнивая наружное давление с давлением во внутреннем ухе. — Мне пора перейти в шлюз.

Он вышел и закончил инструктаж из шлюза, глядя через встроенное окошко. Бен не обращал внимания на монотонное бормотание Тармонда, а Отто, кажется, был слишком испуган, чтобы слушать. В батарее на пояснице Бена замкнулось реле термостата, и он почувствовал, как разогреваются прокладки в комбинезоне. Кислородный баллон висел на спине. Надев маску со встроенными очками, он привычно прикусил загубник шланга и вдохнул.

— Первому приготовиться. — В разреженной атмосфере голос Тармонда казался скрипучим и далеким.

Бен в первый раз посмотрел на встроенный в противоположную стену блестящий черный диск передатчика материи. Когда Бен ложился лицом вниз на стол, один из ассистентов швырнул в него тестовый кубик, и пока стол подкатывали

ближе к экрану, пришло сообщение о том, что все в порядке.

— Погодите, — попросил Бен.

Стол остановился. Бен обернулся, взглянул на Отто Тэслера, сидящего в напряженной позе лицом к стене, и догадался, какой ужас застыл сейчас на его лице.

— Расслабься, Отто. Дело пустяковое, выеденного яйца не стоит. Я тебя буду ждать на том конце. Расслабься и лови кайф, приятель, — ведь мы сейчас историю делаем.

Отто не отозвался, но Бен и не ждал ответа. Чем скорее завершится эта стадия эксперимента, тем лучше. Они неделями отрабатывали этот маневр, и теперь Бен автоматически принял нужное положение. Правая рука вытянута вперед, левая прижата к боку. Стол покатился вперед, экран передатчика материи, похожий на большой черный глаз, становился все больше, пока не заслонил собой весь мир.

— Валяйте! — приказал Бен и ощутил плавный толчок в спину.

Скольжение. Исчезли кисть, запястье, потом рука. Никаких ощущений. Мгновенный ужас и боль, когда проходила голова, — и в следующее мгновение он увидел камешки на грунте.

Отшвырнув тестовый кубик, он вытянул руку, смягчая падение. Затем прошли вторая рука и ноги. Упав и легко перекатившись в сторону, он наткнулся бедром на что-то твердое.

Бен сел, потирая ушибленное место, и взглянул на пластиковый контейнер, на который его угораздило свалиться. Внутри лежала мертвая крыса — окоченевшая, с открытыми глазами. Да, приятное предзнаменование. Он быстро отвернулся и вспомнил инструктаж. Микрофон висел на том же месте, что и на тренировочном макете. Бен нажал кнопку.

— Бен Данкен — Центру управления. Прибыл благополучно, проблем нет.

В этот исторический момент вообще-то следовало бы что-то добавить, но Бена покинуло вдохновение. Он взглянул на пологие темные холмы, на кратер неподалеку, на крошечное яркое пятнышко солнца. Что тут, собственно, говорить?

— Посылайте Отто. Конец связи.

Он встал, отряхнулся и посмотрел на блестящую пластину. Прошло несколько минут, прежде чем динамик едва разборчиво прохрипел:

— Вас поняли. Приготовьтесь к встрече. Посылаем Тэслера.

Рука Отто появилась едва ли не раньше, чем смолк голос. Радиоволны добираются до Марса почти четыре минуты, а передатчик материи действует почти мгновенно, поскольку посылает сигнал через пространство Бхаттачарья, в котором время, в его привычном представлении, попросту не существует. Рука Отто безжизненно висела, Бен обхватил его за плечи и опустил на землю. Перевернув напарника на спину, Бен увидел, что его глаза закрыты, но дышит он ровно. Наверное, потерял сознание. Спецы называют это передаточным шоком — дело известное. Через пару минут очнется. Бен уложил Отто в сторонке и подошел к микрофону.

— Отто прибыл. Отключился, но на вид в порядке. Можете посылать барахло.

Бен ждал. Тонко посвистывал ветер, обдувая маску и прихватывая морозцем щеки. Ну и пусть: было даже нечто почти ободряющее в том, что дует ветер, под ногами прочный грунт, а солнце продолжает сиять. Если довериться ощущениям, легко представить себя на Земле, скажем, на высокогорном плато в индийском штате Ассам, где он был совсем недавно. И хотя сознание подсказывало, что солнечный свет здесь вдвое слабее земного, оно с той же легкостью подбрасывало

воспоминания о пасмурных и туманных днях, когда днем было еще темнее. Сила тяжести? На него навесили столько аппаратуры, что разница почти не ощущалась. Округлые красные холмы у горизонта, полупрозрачные голубоватые облака, медленно ползущими призраками заволакивающие солнце. Ну и что? Просто он сейчас где-то в далеком пустынном уголке Земли. Бен никак не мог ухватить реальность Марса. Он поверил бы в нее, если бы пересек космическую пустоту в корабле, проведя в нем несколько недель или месяцев. Но всего несколько минут назад он стоял на Земле. Поворошив ботинком гравий, он заметил второй пластиковый цилиндр с еще живой крысой внутри.

Ей осталось недолго — мороз не знает жалости. Вскоре она начнет отчаянно царапать стенки контейнера, потом опрокинется на бок, задрожит. Она уже сейчас дышала, широко раскрывая рот. Выбор у нее был невелик — задохнуться или замерзнуть. Обычное лабораторное животное, тысячи таких же крыс умирают каждый день во имя науки. На Земле. Но эта крыса сейчас рядом с ним — возможно, единственное другое живое существо на планете. Бен опустился на колени и отвинтил крышку контейнера.

Конец крысе пришел быстрее, чем он представлял. Животное глотнуло марсианского воздуха, судорожно дернулось и тут же умерло. Бену и в голову не приходило, что получится именно так. Разумеется, на Земле ему говорили, что самая большая опасность марсианской атмосферы — ее абсолютная сухость, поскольку водяные пары в ней содержатся в ускользающе малых концентрациях. Бена предупреждали, что марсианский воздух сжигает слизистые носа, гортань и легкие не хуже концентрированной серной кислоты. На лекциях эти слова казались преувеличением. Но не здесь. Открытый, смотрящий в никуда глаз крысы начал покрываться корочкой изморози. Бен выпрямился и плотнее прижал маску к лицу. Потом подошел ко все еще лежавшему без сознания Отто и поправил его маску. Нет, это не Земля. Теперь он поверил.

— Внимание, — прощебетал динамик. — Сможете ли вы принять оборудование один? Тэслер все еще не пришел в себя? Упаковки грузов рассчитаны на переноску двумя людьми. Доложите.

Бен схватил микрофон.

— Да посылайте наконец барахло, черт бы вас побрал! Пока мои слова до вас дойдут, двенадцать минут уйдет псу под хвост. Шлите немедленно.

Если что и разобьется, всегда можно прислать замену. До вас еще не дошло, что мы тут совсем одни и, кроме кислорода в баллонах, у нас ничего нет? Что мы торчим по ту сторону двери в один конец на расстоянии двухсот миллионов миль от Земли? Посылайте все — немедленно! *Быстрее!*

Бен принялся расхаживать взад-вперед, ударяя кулаком по ладони и пиная тестовые кубики и контейнер с дохлой крысой. Идиоты! Он бросил взгляд на Отто. Вид у него был такой, словно он наслаждался заслуженным отдыхом. Отличное начало! Бен оттащил Отто в сторонку, чтобы случайно не наступить, и подошел к экрану как раз в тот момент, когда из него показался конец канистры.

— Наконец-то!

Ухватившись за канистру, он стал тянуть ее на себя, пока второй ее конец не звякнул о грунт. «КИСЛОРОД И ПИЩА», — прочел он надпись на канистре. Прекрасно. Бен толкнул ее ногой, откатывая в сторону, и подскочил за следующей.

Регулятор расхода на спине равномерно пощелкивал, посылая в маску почти непрерывный поток чистого кислорода, голова слегка кружилась от усталости. Грунт возле экрана усеивали контейнеры, баллоны и свертки разной длины,

но одинакового диаметра. Отто похлопал Бена по плечу, и тот от неожиданности уронил ящик.

— Извини, я тут отключился. Ничего не…

— Заткнись и хватай баллон — видишь, лезет из экрана.

Иллюстрация Vincent diFate

Они приняли баллон, потом еще два, и неожиданно из экрана, звякнув, вывалилась блестящая дюралевая пластинка. Прищурившись, Бен наклонился и заметил на ней буквы, написанные красным восковым карандашом:

«РЕКОМЕНДУЮ ПРОВЕРИТЬ ДАВЛЕНИЕ В БАЛЛОНАХ С КИСЛОРОДОМ. РАЗВЕРНИТЕ ПАЛАТКУ И СМЕНИТЕ БАЛЛОНЫ».

— Ну вот, наконец кто-то начал работать головой, — пробормотал Бен и ткнул пальцем в баллон у себя на спине. — Что показывает манометр?

— Осталась только четверть.

— Тогда они правы — сейчас важнее всего поставить палатку.

Отто принялся рыться в куче канистр, а Бен вытащил на ровное место длинный и громоздкий матерчатый сверток. Легко расстегнулись защелки, и Бен раскатал сверток отработанными на тренировках движениями. Однако на тренировках он проделывал эту операцию бодрым, а не на грани истощения, хватаясь за тяжелую плотную ткань неуклюжими, затянутыми в перчатки руками. Покончив со своей частью работы, он стал наблюдать, как Отто через переходник

подключает шланг палатки к баллону.

— Ты что делаешь, болван? — внезапно прохрипел Бен и пихнул Отто в плечо. Тот растянулся плашмя.

Свалившись, Отто молча уставился на Бена изумленными глазами, должно быть, решил, что напарник сошел с ума. Бен ткнул в переходник трясущимся от гнева пальцем.

— Разуй глаза. Не расслабляйся и будь внимателен, или ты нас погубишь. Ты подключал красный шланг к зеленому баллону.

— Извини… Я не заметил…

— Конечно, не заметил, тупица. А следовало бы. Красный цвет означает кислород, которым мы дышим и которым нужно надувать палатку. А зеленый — изолирующий газ, место которому между двойными стенками палатки. Он не ядовит, но убьет нас не хуже яда, потому что дышать им мы не сможем.

Бен сам занялся подключением баллона, запретив Отто подходить, и даже погрозил ему гаечным ключом, когда тот попробовал приблизиться. Одного баллона с кислородом хватило, чтобы превратить палатку в похожий на пудинг холмик, а после второго она приняла вид прочного купола. Реагирующий на давление клапан

автоматически загерметизировал вход. Бен знал, что кислород в его баллоне почти иссяк, но не мог бросить работу. Подключив зеленый баллон, он сам, не доверяя Отто, заполнил газом пространство между стенками палатки. Теперь печка. Он потащил ее к шлюзу палатки, но неожиданно выронил, споткнулся раз, другой — и упал, потеряв сознание.

— Еще супа? — спросил Отто.

— Не откажусь, — согласился Бен, допив суп и протягивая чашку напарнику. — Извини, что я тебя так изругал. Я виноват вдвойне, потому что ты сразу после этого спас мне жизнь.

Отто смутился и наклонился над печкой.

— Да ладно, Бен, я не в обиде. Правильно ты меня ругал, и даже мало. Должно быть, я перетрухнул. Сам знаешь, я к таким вещам непривычный — не то что ты.

— Но я никогда не бывал на Марсе!

— Бен, ты ведь меня понял. Пусть не на Марсе, но ты многое в жизни повидал. А я учился в колледже, ходил на работу и ездил в отпуск на Багамы. Я типичный горожанин, и мне до тебя далеко.

— Но ты неплохо справился, когда я отключился.

— Знаешь, когда я понял, что могу положиться

только на себя, у меня просто не осталось другого выхода. Твой баллон опустел, и я был уверен, что ты задыхаешься. Я знал, что палатка наполнена кислородом, поэтому я как можно скорее затащил тебя внутрь и сорвал маску. Дышал ты вроде нормально, но холод стоял жуткий, пришлось сбегать за печкой, а потом за едой. Вот и все. Я просто сделал то, что полагалось.

Его слова сочились в тишине, и в конце концов на лице Отто, похожего в массивных очках на сову, снова появилось испуганное выражение.

— Но именно это и следовало сделать. И ничто другое. — Бен подался вперед, четко выговаривая каждое слово. — Никто не смог бы сделать больше. И тебе пора перестать считать себя горожанином и взглянуть правде в лицо: ты один из исследователей Марса. А их в Солнечной системе всего двое.

Отто задумался над словами Бена и слегка расправил плечи.

— А ведь верно!

— Вот и не забывай об этом. Худшее уже позади. Мы целыми и невредимыми вылезли из этого факирского ящика — я всегда его побаивался — и теперь у себя дома, на Марсе. Еды, воды и прочего нам хватит на несколько месяцев. Нужно

лишь соблюдать необходимую осторожность, выполнить работу, и тогда мы вернемся героями. Богатыми героями.

— Сперва придется установить передатчик, но это нетрудно.

— Поверю тебе на слово. Спасибо. — Бен принял чашку и шумно хлебнул — суп еще не остыл. — Вообще-то я понятия не имею, зачем нужен второй ПМ, если один уже здесь. Ты мне не поверишь, но я не представляю, как эта штука работает, а мне никто не соизволил объяснить.

— Принцип довольно прост. — Оказавшись в родной стихии, Отто горел желанием все рассказать и потому расслабился, ненадолго позабыв о прочих проблемах. Именно для этого Бен, немало знавший о теории ПМ, и задал ему вопрос. — Перенос материи стал возможен после открытия пространства Бхаттачарья. Это пространство, или, сокращенно, Б-пространство, аналогично нашему трехмерному континууму, но тем не менее находится вне его. Но мы можем в него проникать. И вот что интереснее всего: где бы мы в него ни проникали — из любой точки нашей Вселенной, — мы всегда попадаем в одну и ту же точку Б-пространства. Поэтому, если произвести тщательную настройку, можно добиться

ситуации, когда два экрана оказываются в одной и той же области этого пространства. По сути, Б-пространству позволяют проникать в нашу Вселенную перед каждым из экранов, и можно считать, что в нашем пространственно-временном континууме экраны не существуют. Предмет входит в один экран, а выходит из другого. Вот и вся хитрость, если не вдаваться в подробности.

— Звучит просто — если не спрашивать о том, как устроен сам передатчик. Но я все равно не понимаю, почему мы не можем выбраться с Марса тем же путем, каким попали сюда.

— Причин много, но самые главные — мощность, расходуемая на настройку, и физическое расстояние.

— Ты же говорил, что расстояние не влияет на работу экранов.

— Непосредственно на работу — да, но с его увеличением настройка затрудняется. Наш экран на Марсе, доставленный ракетой, имеет рабочий диаметр два фута, и это крупнейший из имевшихся у нас. Почти вся энергия уходит на поддержание его в рабочем состоянии. Передатчик на Земле стыкуется с ним и — это трудно описать словами — как бы замыкается на него, поддерживает в рабочем режиме и стабилизи-

рует, обеспечивая пересылку. Но в обратном направлении процесс не пойдет.

— А что случится с предметом, если сунуть его в экран с нашей стороны?

— «Нашей стороны» просто не существует. Все помещенное в наш экран превратится в гамма-излучение и просто-напросто разлетится по пространству Бхаттачарья.

— Приятно слышать ободряющие слова. Слушай, а не заправить ли нам баллоны и не перетащить ли в палатку остаток барахла? А потом вздремнуть?

— Согласен.

Они собрали лишь самое необходимое — пищу, оборудование для очистки воздуха и тому подобное — и забрались в спальные мешки. Отдохнув, наутро они почувствовали себя гораздо бодрее и завершили разбивку лагеря. На третий день им переслали первые детали большого передатчика материи.

Инженеры-конструкторы наверняка будут долго вспоминать эту работу как кошмар. Любая деталь, независимо от назначения, должна была пролезть сквозь двухфутовую дыру. Пришлось пойти на множество компромиссов. Проведя за чертежными досками немало бессонных ночей,

инженеры пришли к окончательному выводу, что дизель-электрический генератор, как его ни разделывай на кусочки, в отверстие не пролезет. Потом некий безымянный чертежник заслужил безмерное уважение начальства, предложив другую идею: можно переслать достаточное количество мощных батарей, чтобы поддерживать работу большого шестифутового передатчика некоторое время, достаточное для пересылки цельного генератора.

Им переслали раму для крепления генератора и согласовали всю операцию пересылки. Бен, гораздо успешнее справлявшийся с физической работой, занимался монтажом рамы, а Отто тем временем собирал в палатке электронные блоки. При необходимости они помогали друг другу. Наконец настал день, когда Бен завернул последнюю гайку на стальной раме, нежно похлопал по ней ладонью и вошел через шлюз в палатку. С утра можно будет начинать подключение электроники.

Отто лежал ничком на рабочем столе, уткнувшись покрасневшим потным лицом в печатную плату. Его ладонь лежала на горячем паяльнике, в воздухе сильно пахло горелым мясом.

Бен перетащил его на койку, ощущая через

одежду, как тело напарника пышет жаром.

— Отто! — позвал он, тряся его за плечо. Отто лежал пластом, медленно и тяжело дыша. Он так и не пришел в сознание. Бен тщательно забинтовал его сильно обожженную руку и попытался привести мысли в порядок.

Он не был врачом, но приобрел достаточно практических знаний по медицине, чтобы распознавать наиболее серьезные болезни и травмы. Болезнь Отто не подходила ни под одно из описаний, и Бен упорно отгонял мысль о том, чем она может оказаться в действительности. Наконец он сделал напарнику инъекцию большой дозы пенициллина и записал его температуру, дыхание и пульс. Надев комбинезон, он выбрался из палатки, подошел к капсуле и вызвал Землю.

— Запишите информацию, которую я сейчас передам. Не отвечайте, пока не закончу, а когда я все скажу, перешлите ответ не по радио, а через ПМ — отпечатанным на бумаге. Начинаю. Отто болен, ему плохо, но причину я установить не могу. Вот подробности.

Бен продиктовал свои наблюдения и стал ждать. Медленно тянулись минуты, пока его сообщение добиралось до Земли и готовился ответ. Получив листок бумаги, он прочитал текст,

гневно смял послание и схватил микрофон.

— Да, я тоже предположил вероятность марсианского заболевания. Но я отказываюсь проводить исследования и отсылать отчеты. Немедленно пришлите врача. Предложите хорошую сумму, и доброволец найдется. А пока вы его ищете и одеваете, начинайте пересылать все, что ему потребуется. И только потом можете прислать микроскоп и приборы для взятия образцов, а я охотно займусь поисками микроорганизмов в почве или где скажете. Мы уже сообщали, что тут есть нечто похожее на растения, но до изучения пока руки не доходили. Пусть ими займутся биологи. Я поищу в них микробов, но только после того, как вы выполните все, что я сказал.

Его сообщение поняли. Компании не меньше Бена хотелось обеспечить безопасность экспедиции — в нее было вложено немало средств, — и они не стали колебаться, когда встал вопрос о том, что ради безопасности нужно рискнуть несколькими жизнями. Врач, растерянный молодой медик из штата компании — он только что подписал документы, обеспечивающие, в случае его гибели, финансовую независимость его жене до конца ее дней, — спрыгнул на марсианскую щебенку всего через полчаса после пересылки по-

следнего ящика с медицинским оборудованием и припасами. Бен, едва сдерживая нетерпение, отвел его в палатку и помог стянуть комбинезон.

— Все ваше хозяйство я уже разложил на столе. Пациент ждет.

— Меня зовут Джо Паркер, — улыбнулся врач. Взглянув в лицо Бена, он опустил протянутую было руку и быстро подошел к больному. Даже после полного обследования ему не хотелось признать правду.

— Это может оказаться необычная болезнь…

— Не ходите вокруг да около. Вы что-либо подобное видели раньше?

— Нет, но…

— Тогда это то, о чем я подумал.

Бен тяжело уселся и налил себе в мензурку выданного для медицинских целей бренди. Мгновение помедлив, налил и врачу — в мензурку поменьше.

— Новая болезнь, совсем новая? Марсианская?

— Вероятно. Очень похоже на то. Я сделаю все, что в моих силах, Бен, но понятия не имею, чем все кончится.

Каким станет этот конец, знали оба, но признаваться не хотел никто.

Ни лекарства, ни поддерживающее лечение

не помогли — через два дня Отто умер. Паркер провел вскрытие и выяснил причину смерти — мозг погибшего разрушил неизвестный микроорганизм. Пока Бен работал над большим передатчиком, врач заморозил образцы и сделал многочисленные срезы тканей. Должно быть, известие о случившемся дошло до персонала компании на Земле, потому что инженер-доброволец прибыл на помощь Бену для окончания монтажа лишь четыре дня спустя. Им оказался испуганный молчаливый мужчина по имени Март Кеннеди. Бен не стал спрашивать, почему он согласился, — откровенно говоря, ему и не хотелось знать, какие меры давления были предприняты. С его прибытием работа пошла быстро, несмотря на ощущение темной тени, словно витающей над ними. Они ели вместе, почти не разговаривая, потом снова хватались за инструменты. Доктор Паркер упорно работал, и наконец ему удалось выделить прозрачную жидкость, содержащую возбудителя болезни. Он намертво закупорил сосуд с этой жидкостью и упаковал в герметичный ящик, намереваясь переслать на Землю, едва заработает экран.

В тот день, когда предстояло начать испытания, Март Кеннеди встал затемно, чтобы полюбо-

ваться на рассвет. Прибыв на Марс, он почти без отдыха работал, собирая передатчик и почти не замечая, что происходит вокруг. А может, оно и к лучшему — так ему некогда было думать о «марсианской заразе». Название неуклюжее, наверняка поначалу шутливое, но оно не могло замаскировать подсознательно связанный с ним ужас. Верная смерть. Марс есть Марс. Даже в самых дерзких мечтах, читая еще мальчишкой фантастику, Март и думать не смел, что когда-либо здесь окажется.

Зевнув, он вернулся, поставил греться кофе и стал будить остальных. Бен мгновенно открыл глаза и, сразу проснувшись, кивнул. Паркер даже не пошевелился. Март потряс его за плечо — и отдернул руку, охваченный внезапным ужасом.

— Бен, — выдавил он, заикаясь, как всегда от волнения. — Т-тут ч-что-то не так.

— Опять. Симптомы те же, — воскликнул Бен, ударяя кулаком по койке и от отчаяния даже не замечая этого. — Он тоже ее подцепил, тут и думать нечего. Закатим ему уколы и пойдем запускать экран. Ничего другого нам не остается.

Большой ПМ был готов к работе еще вчера, но они настолько вымотались, что завершить работу у них не хватило сил. Бен устроил больного

насколько смог поудобнее, дал ему лекарства, которые так и не помогли Отто, и присоединился к Марту Кеннеди.

— Все параметры в норме, — сообщил Март. — Могу включать, как только скажешь.

— Тогда валяй. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Экран замерцал, потемнел и наконец стал абсолютно черным. Бен нацарапал на крышке канистры «посылайте генератор» и швырнул крышку в экран. Она исчезла, тут же попав на Землю — или превратившись в излучение в Б-пространстве. Мучительно утекали драгоценные секунды — батареи могли поддерживать экран в рабочем режиме только минуту.

И тут показался генератор — передний конец платформы на колесиках ударился о грунт, они тут же ухватились за ручки. Наконец тяжеленный генератор протиснулся сквозь экран, Бен и Март откатили его в сторону. Экран за их спинами подернулся рябью, поле отключилось.

— Подключай кабели, пока я его завожу, — велел Бен.

Он открыл клапаны бака с горючим и баллона с кислородом и нажал стартер. Генератор, прогретый перед пересылкой, завелся с полуоборота,

и, как только он выдал ток, экран передатчика снова заработал. Им перекинули контейнер с перепуганной крысой, который они тут же вернули обратно. После нескольких повторных проверок Бен переслал с очередной крысой записку с известием о болезни Паркера. Ответа не пришлось ждать долго.

«Мы отзываем вас всех, — прочел он отпечатанные на машинке строки. — Переключите оборудование на автоматический режим, мы будем управлять им с Земли. Благодарим за помощь. Начинайте возвращение. Первым ждем доктора Паркера».

Бен быстро написал несколько слов и бросил записку в экран.

«Что будет с нами?»

«Мы приготовили карантинное помещение, куда можно попасть только через ПМ. О вас позаботятся. Мы сделаем все возможное».

— Пошли готовить Паркера, — сказал Бен, прочитав ответ.

Они одели так и не пришедшего в сознание врача, и Бен закрепил кислородный шланг, чтобы тот не выскочил изо рта больного. Носилки им переслали заранее, они уложили Паркера и пристегнули его ремнями.

— Берись спереди, — сказал Бен. Они направились к шлюзу и с трудом поместились в нем, даже подняв носилки стоймя. Выйдя, Бен взялся за свой конец носилок молча, и даже не обернулся, пока они тащили носилки к большому ПМ. Экран его был достаточно велик, чтобы пропустить всех сразу.

…Свет показался непривычно сильным, а ноги — тяжелыми. Сняв маску, Бен втянул ноздрями плотный воздух с незнакомыми запахами. Они стояли в пустом коридоре с прозрачной стеной, и не меньше ста человек смотрели на них с той стороны.

— Говорит доктор Тармонд, выслушайте инструкции, — произнес динамик. — Сейчас вы…

— Вы меня слышите? — оборвал его Бен.

— Да. Подождите, пока я…

— Заткнитесь и слушайте внимательно. У вас есть для обследования двое, больной и здоровый. Этого достаточно. Я возвращаюсь на Марс. Если мне суждено умереть, то там ничуть не хуже, чем на Земле.

Он повернулся к экрану, но его остановил голос Тармонда:

— Стойте! Это запрещено. Вы все равно не пройдете — экран выключен. Выполняйте мои

приказы…

— Черта с два, — громко ответил Бен и даже чуть заметно улыбнулся. — Вы свое откомандовали. Эти недели на Марсе помогли мне поразмыслить о своей жизни на Земле. Меня тошнит от толп людей — вонючих, жрущих, плодящихся и загаживающих планету. Она была прекрасной, пока ее не испоганили. Я возвращаюсь в чистый, первозданный мир. Пока чистый. Если повезет, он таким и останется. Я помню первую крысу, попавшую вместе со мной на Марс, — несчастное подопытное животное. Сейчас я для вас такая же подопытная крыса, а мне это не по нраву. Уж лучше я стану первым марсианином.

Толпа расступилась, пропуская Тармонда к прозрачной стене. Он остановился возле нее, в упор уставившись на Бена и с трудом сдерживая гнев. Потом поднес к губам радиомикрофон.

— Все это хорошо, но к вам не относится. Вы служащий, подписавший контракт, и станете делать то, что прикажут. Ваше место в комнате номер три, куда вы отправитесь…

— Я возвращаюсь на Марс, — упрямо повторил Бен, вытаскивая из кармана ломик из хромированной стали и постукивая им по пластику. Кто-то шарахнулся назад, но Тармонд даже не

шелохнулся.

— Это инструмент, — пояснил Бен, — и я им воспользуюсь. Отыщу дверь, трещину в стене, оконную раму и стану ковырять, пока не пробьюсь к вам. И тогда симпатичные микробчики «марсианской заразы» доберутся до вас и сожрут ваши мозги. Так что это у вас, Тармонд, нет выбора. Вернее, выбирайте одно из двух — или вы меня убиваете, или возвращаете на Марс. А теперь решайте.

Лицо Тармонда исказилось от ненависти, но он сумел взять себя в руки.

— Не стану напоминать вам о лояльности, Данкен, потому что для вас такого понятия не существует. Но имейте в виду, что в дело вложено слишком много денег и рисковать ими мы не можем. Вы сделаете то, что вам прикажут.

— Не дождетесь! — рявкнул Бен и с размаху ударил ломом по пластику с такой силой, что отбил кусок. На этот раз даже Тармонд вздрогнул. — Неужели до вас еще не дошло, что меня от всех вас тошнит и что здесь я не останусь? И что именно сейчас вы стоите перед человеком, которому приказывать бесполезно? На Марсе я принесу огромную пользу, если меня не свалит болезнь. Задумайтесь над этим, постарайтесь

осознать. Только побыстрее.

Он ударил по пластику, отколов новый кусок. Тармонд молчал, застыв в напряженном ожидании. И лишь когда на пол упал третий осколок, он внезапно отвернулся.

— Включите передатчик, — бросил он в микрофон.

Экран стал черным. Бен взглянул на мерцающую поверхность, потом на зрителей.

— Не советую вам ошибаться, доктор Тармонд, — сказал Бен. — Я знаю, вы можете сбить синхронизацию экрана и вышвырнуть меня в Б-пространство пучком радиации. Будь что будет. Но я искренне надеюсь, что вы не пойдете на такое расточительство. Я не прошу вашего сочувствия, зная, что вам доставит огромное удовольствие убить меня именно таким способом. Но хочу напомнить, что наш разговор слышали немало свидетелей, а ваше начальство не погладит вас по головке, если вы избавитесь от человека вроде меня — кандидата в начальники вашего будущего марсианского поселения. Готов поспорить, что вас вышвырнут с той же скоростью, с какой вы давали пинка под зад своим подчиненным.

Бен подошел к экрану, потом обернулся к за-

стывшей в молчании толпе.

— Я постараюсь подготовить Марс к прибытию людей и, если выживу, стану продолжать эту работу, так что вы ничего не потеряете. Ведь если я этого не сделаю, вы вряд ли найдете других желающих.

И, не дожидаясь ответа, он натянул на лицо маску и шагнул в экран.

Гарри Гаррисон
Хранители жизни

Чтобы скрыть такой крупный предмет, его в свое время засыпали камешками и разным мусором, а для полной надежности над образовавшимся холмом соорудили пирамиду из крупных камней. Но то ли оттого, что камни были плохо подогнаны друг к другу, или слишком уж часто не благоприятствовала погода — от пирамиды к настоящему времени остались одни развалины, безобразная груда обломков в половину человеческого роста. Дожди, низвергавшиеся с небес в течение столетий, смыли и камешки, и мусор, так что сейчас над покрытым опавшей листвой холмиком возвышался тот самый столь тщательно скрываемый предмет: разъеденная ржавчиной и покрытая выбоинами огромная металлическая рама высотой в три метра и длиной раза в два больше. В раму была вставлена пластина из материала, напоминавшего серо-голубой сланец. Пластина, покрытая густым слоем пыли и налипших на нее мелких частичек, была настолько твердой, что долгие годы не оставили на ней ни

царапин, ни вмятин.

Вокруг пластины в раме и рассыпанных камней раскинулся поросший редкими пучками травы луг, по краям которого росли чахлые низкие деревца. Вдалеке виднелись грязновато-серые холмы, едва различимые сквозь редкий туман и почти сливающиеся с небом такого же неопределенного серого цвета. После недавнего ненастья на земле в ямках лежали, не тая, белые камешки крупного града. На холме среди травинок лениво поклевывала птица с коричневой спинкой и светло-серым брюшком.

Перемена была разительной. В одно мгновение — слишком короткое, чтобы заметить его, — пластина в раме поменяла свой цвет на абсолютно черный. Необычный оттенок черноты говорил скорее об отсутствии цвета, чем о его наличии. Одновременно изменились, по всей вероятности, и свойства поверхности пластины, так как вся пыль и мелкие частички осыпались. Куколка какого-то крупного насекомого упала рядом с птицей, вспугнув ее. Беспорядочно хлопая крыльями, та сорвалась с места и улетела прочь.

Из черноты возник человек, трехмерный и вполне реальный, и шагнул наружу, словно через дверь. Появившись здесь так внезапно, он присел

и начал с подозрением осматриваться. На нем был защитный костюм с множеством сложных приспособлений, а голову защищал прозрачный шлем. В руке человек держал наготове пистолет. Посидев, он встал во весь рост, не переставая настороженно поглядывать по сторонам, и что-то проговорил в микрофон, жестко зафиксированный перед губами. От микрофона через зажимное устройство на шлеме шел гибкий провод, который тянулся к черной поверхности пластины и исчезал в ней.

— Первое донесение. Никакого движения не замечено, в поле зрения никого нет. Мне показалось, что видел что-то вроде птицы, но не уверен. Здесь, должно быть, сейчас зима, или эта планета просто очень холодная. Низкорослая растительность, в том числе и деревья; низкая облачность, на почве снег — хотя нет, это, скорее, град. Все приборы функционируют нормально. Сейчас взгляну на контрольную панель. Она засыпана землей и камнями, так что придется ее откапывать.

В последний раз окинув окрестности изучающим взглядом, он убрал оружие в кобуру на ноге и достал из ранца инструмент, напоминавший по форме стержень. Вытянув руку с инструмен-

том, он включил его и коснулся им почвы в том месте, где она покрывала правую часть рамы. Земля вскипела. Над рамой поднялось облачко распыленной до мельчайших частиц почвы, а мелкие камешки и обломки камней разлетелись во все стороны. Более крупные камни требовали больших усилий. Скрежеща, они отваливались в сторону, когда под них подводился металлический кончик стержня. Рама все больше и больше обнажалась. Ниже уровня земли она расширялась, и в месте расширения обнаружилось повреждение в виде зияющего отверстия. Человек тут же прекратил работу и, еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, наклонился, чтобы как следует все рассмотреть.

— Задача усложняется. Похоже на преднамеренную диверсию. Дыра с рваными краями; причиной может быть только взрыв, мощный. Разнесло все контрольные приборы, экран дезактивирован. Я могу наладить блок…

Его слова прервались мучительным хрипом: в спину ему вонзилась деревянная оперенная стрела с зазубринами. Ноги его подкосились, и он упал на колени, успев все же обернуться, преодолевая боль. Его пистолет выплюнул непрерывную очередь — целый поток крошечных

частиц, которые с удивительной мощью взрывались при соприкосновении с любым объектом. Он возвел эту огненную завесу — дугу из взрывов, пыли и дыма — в двадцати метрах от себя. Что-то давило на ткань защитного костюма над грудью, и он, осторожно дотронувшись до этого места, нащупал острие стрелы, пронзившей его тело. Одновременно он почувствовал, как по коже струится теплая кровь. Как только серия взрывов образовала дугу в сто восемьдесят градусов, он встал и, с трудом сделав один шаг, почти упал в темноту, из которой появился. Он исчез в ней, словно в омуте, не оставив на поверхности ни малейшего следа.

Слабый холодный ветер разогнал пыль. Вокруг снова воцарилась мертвая тишина.

* * *

Разрушенная деревня была местом, где бушевала смерть. Как всегда, действительность намного превосходила самое изощренное воображение; ни один режиссер не смог бы поставить столь ужасающую грубой правдой сцену. Не тронутые огнем дома стояли среди сожженных. На земле в оглоблях лежало мертвое тягловое животное, все еще запряженное в телегу. Вытянутым носом

оно касалось лица очередной жертвы чумы, чьи конечности были уже объедены дикими животными. Вокруг в беспорядке валялись трупы тех, кого смерть застала прямо на улице, и, вне всякого сомнения, еще большее количество трупов было милосердно скрыто от взора в глубине зданий. Рука, безвольно свисавшая из полуприкрытого ставнями окна, была немым свидетельством того, что находится внутри помещений. Трехмерное изображение места действия, проецируемое на одну из стен затемненной аудитории и занимающее всю площадь стены, потрясало реальностью происходящего. Что, собственно, и было целью показа. Голос комментатора звучал ровно и бесстрастно — прямая противоположность демонстрируемым ужасам.

— Все, разумеется, происходило в ранний период освоения, и наши силы были рассеянны. Мы получили и зарегистрировали сообщение о случившемся, но из-за ухудшившейся ситуации на Ллойде не смогли отправить туда подкрепление. Последующий анализ событий показал, что можно было бы послать одно подразделение без видимых негативных последствий нашего вмешательства, и эта акция коренным образом изменила бы ситуацию. К тому времени, когда

кризис пошел на убыль, показатель смертности достиг семидесяти шести целых и тридцати двух сотых процента всего населения планеты…

В кармане у Яна Дакосты тихо прогудел передатчик. Тот приложил его к уху и включил.

— Доктор Дакоста, просьба явиться в Бюро инструктажа.

От радости он чуть не подпрыгнул, несмотря на усиленные тренировки за последние несколько недель. Однако, сдержав себя, он неторопливо поднялся и так же не спеша вышел из аудитории. Несколько человек приподняли голову, когда он проходил мимо, и посмотрели ему вслед, затем снова обратились к экрану, на котором демонстрировался тренировочный фильм. Ян уже достаточно насмотрелся тренировочных фильмов. Этот вызов, возможно, означает начало долгожданной миссии, и он наконец-то сможет хоть что-то делать вместо бессмысленного просмотра бесконечных тренировочных фильмов. В последние дни он, будучи причисленным к резерву, жил в тревожном ожидании. Скорее всего вызов связан с миссией.

Очутившись в безлюдном коридоре, он ускорил шаг. Завернув за угол, он заметил впереди знакомую фигуру человека, припадающего на одну

ногу, и поспешил за ним.

— Доктор Толедано!

Старик обернулся и остановился, поджидая его.

— Миссия, — произнес он, когда Ян подошел поближе.

Он заговорил на их с Яном родном языке, предпочитая его общепринятой интерлингве. Он улыбался, и от улыбки его смуглое морщинистое лицо стало походить на высушенную сливу. Ян, не раздумывая, протянул руку, и старый доктор схватил ее обеими руками. Толедано был чрезвычайно мал ростом, он едва доставал Яну до груди, но зато всегда ходил с таким уверенным видом, что его недостаток никто не замечал.

— Я беру эту миссию под свое начало, — продолжал он. — Возможно, это мое последнее задание. У меня большой опыт работы в полевых условиях. Хотелось бы, чтобы ты был моим помощником. Кроме тебя, будут еще три врача — старше, чем ты. Ты не будешь располагать ни свободой действий, ни возможностью руководить. Но зато тебе будет чему поучиться. Согласен?

— О большем я и не мечтал, доктор.

— Значит, договорились. — Доктор Толедано отпустил его руку и перестал улыбаться. Дру-

желюбное выражение исчезло, стертое с лица, как и улыбка, в одно мгновение. — Работа будет тяжелой, но особых почестей не ждите за нее. Зато вы многому научитесь.

— Большего мне и не надо, доктор.

Дружеские отношения тоже исчезли, отложенные до времени в надлежащее место, пока их вновь не понадобится извлечь оттуда. Оба были родом с одной планеты, имели общих друзей. Но все это не имело никакого отношения к их делам. Приотстав на шаг, Ян поспешил за Толедано в Бюро инструктажа, где уже ожидали другие врачи. Когда вошел старший врач, все встали.

— Садитесь, пожалуйста. Думаю, что сначала вас следует познакомить. Этот джентльмен — доктор Дакоста. Он прибыл сюда недавно и учится на постоянного сотрудника СЭК. Поскольку он является квалифицированным врачом, он будет сопровождать нас в этой миссии в качестве моего личного помощника, подотчетного только мне — вне обычной субординации.

Затем Толедано представил собравшихся врачей Яну.

— Доктор Дакоста! Хочу, чтобы вы знали, что они — весьма выдающиеся люди. Цель нашей миссии — благополучно доставить этих специа-

листов на новую планету, с тем чтобы они смогли заниматься там своими исследованиями. Начну с леди: доктор Букурос — наш микробиолог.

Седовласая, с квадратным лицом женщина коротко кивнула; пальцы ее постукивали по столу. Чувствовалось, что ей не терпится поскорее приступить к работе.

— Доктор Огласити, вирусолог. Вы, несомненно, знакомы с его научными трудами и еще в школе изучали его статьи.

Человек с оливковой кожей тепло улыбнулся, на мгновение обнажив ровные белые зубы. Сидящий рядом с ним высокий блондин, почти альбинос, кивнул, когда настала его очередь быть представленным, — И наконец, доктор Пидик, эпидемиолог. Надеемся, что у него совсем не будет работы.

Все, за исключением сохраняющей серьезный вид доктора Букурос, заулыбались в ответ на шутку; но веселое настроение вмиг улетучилось, когда Толедано открыл папку с бумагами, лежавшую перед ним. Он сидел во главе стола для заседаний рядом с прозрачной стеной, которая разделяла помещение на две части.

— Операция, задуманная нами, скорее всего продлится долго, — сказал Толедано. — По мне-

нию специалистов, контактов не было почти тысячу лет.. — Он подождал, слегка нахмурившись, пока не стихнет возбужденный гул голосов. Можно сказать, своего рода рекорд. А поэтому нам следует приготовиться к любым неожиданностям. Я бы хотел, чтобы вы заслушали сообщение разведчика. Других сведений по планете у нас практически нет.

Он протянул руку и нажал на одну из кнопок на столе. По ту сторону разделяющей стены открылась дверь, и медленно вошел человек. Он сел на стул рядом с барьером, всего в нескольких футах от них. На нем была зеленая форма разведчика службы ПМ; под непривычно расстегнутым воротником виднелись белые бинты, правая рука была на перевязи. Выглядел он довольно усталым.

— Я — руководитель миссии доктор Толедано, а это врачи из моей группы. Нам бы хотелось выслушать ваше сообщение.

— Разведчик Старк, старший офицер. Благодаря скрытым микрофонам и громкоговорителям его слова прозвучали так отчетливо, как будто произносивший их сидел рядом. Это движение электронов было единственной связью между двумя половинами комнаты — отдельными и

совершенно автономными частями центра СЭК. Старк считался биологически загрязненным объектом, поэтому его держали на карантине в бета-секции, «грязной» части центра. Чистая, альфа-часть, была стерильна — по мере возможности, конечно.

— Разведчик Старк, — проговорил доктор Толедано, глядя на пачку бумаг в своей руке, — прошу вас рассказать нам, что случилось лично с вами на этой планете. По показаниям приборов выяснилось, что планета обитаема: кислород, температура, количество загрязняющих веществ — в пределах нормы, что позволяет легко приспособиться к данным условиям. Можете ли вы добавить что-либо к сказанному? Насколько я понимаю, для активирования нуль-передатчика был использован новый Y-проводящий обратный эффект?

— Да, сэр. Существует не более дюжины передатчиков материи, активированных подобным образом. Процесс весьма дорогостоящий, да и слишком уж это тонкая работа. Все другие нуль-передатчики были размещены или на планетах, входящих в Лигу, или в совершенно необитаемых районах…

— Прошу прощения, — прервал его Ян и, почув-

ствовав на себе внимание других, заторопился:

— Боюсь, что я ничего не знаю об этом Y-проводящем обратном эффекте.

— Все пояснения есть в сборнике инструкций, — бесстрастно отметил доктор Толедано. — Мелким шрифтом в конце. Вам следовало бы заглянуть туда. Это способ, с помощью которого можно установить связь с нуль-передатчиком, даже если его контрольная панель отключена или выведена из строя.

Ян не знал, куда деваться от стыда. Он не отрываясь смотрел на свои руки и не решался поднять глаза из опасения увидеть усмешку на лицах коллег. Он собирался прочитать все технические отчеты и донесения, но ему просто не хватило времени.

— Пожалуйста, продолжайте, разведчик!

— Да, сэр. После активации приборы передатчика материи показали вполне приемлемые величины давления, температуры и гравитации на той стороне. Поэтому я, не колеблясь, прошел через экран. Обычно первый после активации контакт стараются провести как можно быстрее. Унылый пейзаж, холод — мои впечатления зафиксированы в отчете — наводили на мысль, что на планете стоит зима. В поле зрения — никого.

Передатчик материи был наполовину засыпан землей и камнями. Впечатление такое, будто его пытались спрятать. Я докопался до контрольной панели и обнаружил, что она взорвана.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Такие рваные края всегда остаются после взрыва. К отчету приобщены фотографии. Пока я подсоединял новый контрольный блок, меня пронзили стрелой. Поэтому я вернулся. Я никого не видел и не имею представления, кто стрелял в меня.

Дальнейший опрос ничего не добавил к уже известной им информации, и разведчика отпустили. Толедано положил перед коллегами прозрачный пластиковый пакет, в котором была запечатана нестерильная стрела. Они с интересом осмотрели ее.

— Выглядит не совсем обычно, — заметил Огласити. — Возможно, все дело в длине: слишком короткая.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Толедано, похлопывая по одной из бумаг, лежавших на столе перед ним. — Ученые-историки сошлись во мнении, что стрела была выпущена не из обычного лука с тетивой, знакомого нам по спортивным соревнованиям, а из его древ-

ней разновидности, называемой арбалетом. Вот его монтажная схема, где ясно видны детали конструкции, а вот схема приведения его в действие. По своей форме стрела относится к так называемым стрелам самострела. Она тщательно сбалансирована и вообще неплохо изготовлена — можно даже сказать, доведена до совершенства. Наконечник сделан из литого железа. По мнению историков, если эта стрела — самое выдающееся на планете творение рук человеческих, то культуру можно отнести к раннему железному периоду.

— Явная регрессия!

— Совершенно верно. Изучение фотографий показало, что этому нуль-передатчику по меньшей мере тысяча лет. Он — одна из ранних моделей первооткрывателей планет. Учитывал уровень культурного развития, можно предположить, что на планете существует лишь этот единственный нуль-передатчик и что связь с остальной Галактикой была прервана вскоре после основания колонии. Естественным результатом обособления стал регресс. Их культура упала до того уровня, который они сами были в состоянии поддерживать. Возможно, мы никогда не узнаем, почему разрушили контрольный блок нуль-пере-

датчика, теперь это чисто теоретический вопрос. Нас прежде всего должна волновать их тысяча лет без связи.

— Мутации, приспособляемость, отклонения, — произнесла доктор Букурос, обращаясь ко всем.

— Да, и мы должны решить эту проблему. На планете живут люди, что означает их успешную адаптацию к местным условиям. Не сомневаюсь, что у них есть свои, только им присущие болезни и инфекции. Переболев ими, они приобрели к ним иммунитет, но для нас их болезни могут оказаться смертельными. А с другой стороны, у них может совсем не быть иммунитета к болезням, которые привычны для нас. Джентльмены — и доктор Букурос, конечно, — сейчас я сделаю небольшое отступление и зачитаю вам несколько слов об истории СЭК. Мы так привыкли пользоваться этой аббревиатурой, что начинаем забывать, что за ней стоит название «Служба эпидемиологического контроля». Данная организация была создана в условиях чрезвычайной ситуации, когда неожиданно вспыхнула эпидемия чумы, и существует для предотвращения подобных ситуаций. Чума стала наступать приблизительно через двести лет после начала

массового применения нуль-переноса материи. Нельзя сказать, что не было попыток проконтролировать распространение болезни, — но все они заканчивались безрезультатно. Из-за огромной разницы в метаболизме и филогенезе живых существ, населяющих планету, на ней не обнаружили практически ни одного заболевания, способного как-то навредить человеку. Зато наши собственные вирусы и бациллы, попав в непривычную для них среду, мутировали и стали представлять собой значительную опасность. Вначале наблюдались лишь отдельные вспышки болезни, которые потом быстро перерастали в эпидемии. Вымирали целые поселения. СЭК была создана для борьбы с этой опасностью, и правительства всех планет в равной мере финансируют ее. После установления контроля над эпидемией, после ужасного урона, нанесенного чумой, СЭК продолжала существовать в целях предупреждения новых вспышек болезни. В организацию входят постоянные сотрудники — я сам и доктор Дакоста — и временные, назначаемые на определенный срок — такие, как вы, призванные помогать нам. Нашей задачей является профилактика заболевания, и мы приложим все силы, чтобы предотвратить возвращение тех

страшных чумных лет. Я подчеркиваю, все силы, поскольку имею в виду именно все силы. Прежде всего мы — стражи на пути эпидемий, и только потом — врачи. Мы защищаем Галактику, а не просто отдельную личность или планету. Эта регрессирующая планета несет в себе величайшую угрозу, скрытую до поры до времени, самую большую из тех, с которыми я встречался за все время своей деятельности. Мы должны позаботиться о том, чтобы эта угроза осталась лишь угрозой, и ничем больше. А сейчас я ознакомлю вас с планом операции.

* * *

За час до рассвета из экрана нуль-передатчика выскочил легкий танк. Подчиняясь явно лихому водителю, в абсолютной темноте он на излишне высокой скорости загрохотал по выбитой земле к ближайшей возвышенности.

Водитель, не отрываясь от окуляра видоискателя, спокойно сидел за рычагами управления. Инфракрасные прожекторы заливали пространство перед танком потоком невидимых лучей, но благодаря специальным линзам водитель различал на местности мельчайшие детали. Одолев подъем, он прокрутил танк по кругу, внимательно

но осматривая близлежащую территорию, и только потом заглушил двигатели.

— Видимость прекрасная. Теперь можешь установить детектор.

Его напарник кивнул и принялся манипулировать рычагами управления. Над танком раскрылся тепловой щит — чтобы нейтрализовать излучение, исходящее из танка снизу; сканирующая головка начала вращаться. Оператор бросил короткий взгляд на экран и включил рацию.

— Находимся на самой высокой точке в двухстах метрах от экрана. Детектор в действии. Наблюдаются многочисленные мелкие источники тепла — вне сомнения, местная фауна. На расстоянии примерно девяноста пяти метров зафиксированы два более крупных источника тепла, сейчас они удаляются от нас. Крупные животные или люди. Поскольку они держатся вместе и передвигаются по прямой линии, можно предположить, что это люди. В пределах видимости других источников тепла не наблюдается. Конец передачи.

Из экрана появился второй танк и ненадолго остановился, чтобы передать сообщение ожидающему по ту сторону экрана транспорту; при

появлении новых машин он отъехал в сторону.

Четырнадцать транспортных единиц — разведывательные танки, бронетранспортеры с солдатами в полной боевой выкладке, грузовики с припасами, трейлеры — являли собой впечатляющее зрелище. Мощные прожекторы вспарывали темноту горящими сегментами света; по мере того как появлялись все новые и новые машины, рев двигателей и трансмиссий усиливался.

Штабная машина остановилась рядом с разведывательным танком, и доктор Толедано встал на специально приподнятую ступеньку, чтобы изучить местность. Справа на горизонте постепенно набухала полоска света — отныне эту часть горизонта они станут называть востоком.

— Что на детекторе? — спросил он Яна, сидящего внизу и поддерживающего радиосвязь.

— Ничего нового. Первые два сигнала ушли с экрана.

— Тогда мы останемся здесь до рассвета. Детектор пусть продолжает работать, и всем быть начеку. Когда сможем передвигаться без прожекторов, мы отправимся в ту сторону, куда перемещались сигналы на экране.

Ждать пришлось недолго. Рассвет вступил в

свои права удивительно быстро они, должно быть, находились возле экватора; первые красноватые лучи солнечного света отбросили на землю длинные тени.

— Выступаем, — приказал Толедано. — Единой колонной, держаться за мной! Разведчики — на оба фланга и вперед! Необходимо раздобыть несколько пленных. Используйте газ — не хочу, чтобы были жертвы.

По рации Ян Дакоста передал сообщение, не убавляя и не прибавляя ни единого слова, хотя в глубине души не был уверен в правильности приказа. Он был врачом, целителем, а роль, которую он сейчас играл, выглядела по меньшей мере странно. До сих пор операция казалась скорее военной, нежели медицинской. Но он отбросил сомнения. В конце концов, Толедано знает, что делает. Самое лучшее, что ему оставалось, — это наблюдать и учиться.

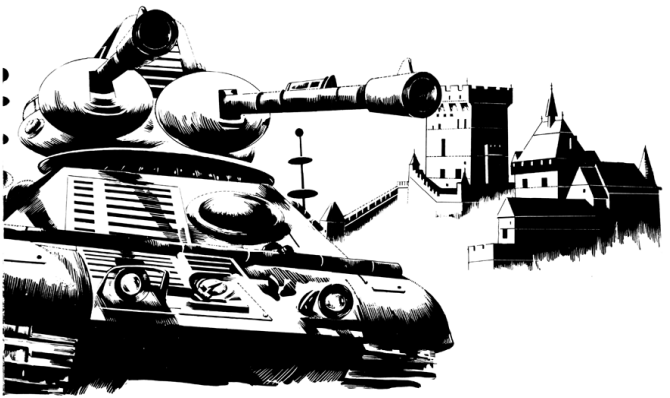
Колонна двинулась вперед. Через несколько минут головной разведывательный танк доложил о поселении прямо по курсу движения транспорта и остановился, поджидая остальных. Когда колонна подошла к нему, взобравшись на гребень горы, вознесшейся над долиной, и заглушила моторы, Ян присоединился к стоявшему в

открытой орудийной башне Толедано.

— Напоминает эпизод из учебника по истории, — заметил Ян.

— И весьма необычный. День, когда мы объявим эту планету доступной для всех, будет поистине знаменательным и для антропологов, исследующих влияние культуры на развитие человека, и для историков, изучающих развитие технологий.

Утренний туман еще лежал в долине под ними, медленно наплывая от реки, которая своими плавными изгибами напоминала змею. Селение, а скорее, небольшой городок, прижавшийся к реке, окружали обработанные поля. Отчетливо различались теснившиеся одна к другой крыши с узкими лентами дымков, поднимающихся от утренних очагов. Такое тесное расположение домов объяснялось тем, что все поселение было обнесено высокой каменной стеной с башнями, бойницами и наглухо закрытыми воротами — и все это окружал заполненный водой ров. На улицах города не было видно ни души, и, если бы не струйки дыма, он вполне мог бы сойти за город мертвых.



Иллюстрации Vincent diFate

— Заперто наглухо, — произнес Ян. — Они, наверное, услышали наше приближение.

— Только глухой мог бы не услышать. Тихонько загудел зуммер радиосвязи, и Ян откликнулся на сигнал.

— Один из фланговых разведчиков, доктор. Они взяли пленного.

— Прекрасно. Пусть его доставят сюда. Несколькими минутами позже танк с грохотом подкатил к ним, и пленника, привязанного к эвакуационным носилкам, спустили на землю. Группа ожидающих врачей с нескрываемым интересом смотрела на носилки. Мужчине, лежавшему на них, казалось, больше пятидесяти. У него была седая борода и прямые волосы. Мгновенно лишенный сознания капсулами с усыпляющим газом, он лежал с открытым ртом, громко похрапывая. Немногие видимые зубы торчали почерневшими пеньками. Одежда состояла из тяжелого кожаного пончо, надетого поверх груботканых шерстяных брюк и рубашки. На ногах — длинные, по колено, сапоги из толстой кожи, с деревянными подошвами. Ни одежда, ни обувь не отличались особой чистотой, а в складки кожи беспомощно свисавших с носилок рук въелась грязь.

— Возьмите, что вам нужно для анализов, прежде чем мы разбудим его, распорядился Толедано, и ассистенты кинулись за необходимыми препаратами и инструментами.

Врачи с присущей им сноровкой действовали быстро. Были взяты пробы крови не менее полулитра, соскобы с кожи, волосы, кусочки ногтей,

пробы слюны и после порядочной возни с толстой тканью одежды — даже пробы спинномозговой жидкости. Хотелось еще взять пробу и на биопсию, но с ней можно было не торопиться — для начала, которое оказалось весьма успешным, и этого было достаточно. Доктор Букурос даже вскрикнула от радости, обнаружив и выловив на теле нескольких вшей.

— Превосходно, — сказал Толедано, когда ученые поспешили в свои лаборатории. — А сейчас разбудите его, и пусть с ним поработает лингвист. Мы ничего не сможем сделать, пока не начнем общаться с этими людьми.

Пленнику сделали укол, и, пока тот просыпался, возле него встали самые крепкие солдаты. Спустя несколько секунд после инъекции веки его затрепетали, и пленник открыл глаза. Парализованный ужасом, он огляделся.

— Спокойно, спокойно, — произнес специалист по языкам, вытянув руку с микрофоном в его сторону и прилаживая к уху наушник.

К компьютеру в трейлере от микрофона с наушником и от ящичка с контрольными приборами, прикрепленного к талии, тянулись провода. Специалист улыбнулся и присел возле пленника, который к тому времени уже сидел и дико озирался по сторонам в поисках возможного пути бегства.

— Скажи что-нибудь, говори, parla, taller, mluviti, beszelni…

— Джонгойко! — закричал человек, порываясь встать. Один из солдат прижал его к носилкам. — Дьябру, — простонал он, закрыв лицо руками и раскачиваясь взад и вперед.

— Очень хорошо, — произнес специалист. — Предварительные сведения по языку я уже получил. Дело в том, что все языки входят в различные языковые семьи, и каждое слово любого языка и диалекта хранится в банках памяти компьютера. Для определения родственных языков и группы достаточно знать всего несколько слов, а затем, с использованием ключевых слов, направление поиска сужается. Вот одно из таких ключевых слов.

Он сначала потренировался в произношении слова про себя, затем громко проговорил:

— Нор?

— Зер? — отозвался пленник, отнимая от лица руки.

— Нор… зу… итс игин.

После этого процесс языковой идентификации стал продвигаться намного быстрее. Чем больше слов выговаривал пленник, тем больше соответствий находил компьютер. Как только определилась языковая группа, стало возможным, опираясь на определенный набор корней, свойственный данной группе, двигаться дальше, определяя язык более конкретно. Через полчаса специалист встал и отряхнул колени.

— Общение налажено, сэр. Вы когда-нибудь пользовались таким устройством?

— Марком-четыре, — ответил Толедано.

— Это шестая модель. Она несколько модернизирована по сравнению с предыдущими, но ее рабочие функции остались прежними. Просто, когда нужен будет перевод, нажмите на микрофоне на кнопку включения. Компьютер будет говорить с пленным на его языке и все, что тот скажет, переведет вам.

Толедано надел наушник, а солдаты повесили

микрофон на шею пленнику и установили перед ним громкоговоритель.

— Как тебя зовут? — спросил Толедано. Через долю секунды переведенный вопрос прозвучал из громкоговорителя, приведя пленника в смешанное состояние изумления и ужаса. Уставившись на громкоговоритель, он молчал. Толедано повторил вопрос.

— Тзакур, — запинаясь, произнес наконец человек.

— А как называется вон тот город?

Допрос налаживался с трудом. На некоторые вопросы человек не мог или не хотел отвечать — то ли из-за пробела в знаниях, то ли из-за несовершенства перевода. Вероятнее всего, причина заключалась в первом, поскольку компьютер совершенствовал знание языка с каждой произнесенной пленником фразой. Но Толедано тем не менее казался довольным результатом допроса.

— Войсковые части выступят через пятнадцать минут, — сказал он Яну. — Но один взвод пусть останется в тылу для защиты вспомогательных узлов. Передайте, пожалуйста, врачам, что я хотел бы видеть их.

Врачи подходили недружно, по одному, отнюдь не проявляя восторга по поводу того, что их ото-

рвали от исследований. Они утешались лишь тем, что приобретение свежей информации все же лучше, чем их бесконечные протесты.

Толедано подождал, пока все соберутся, и начал:

— От нашего пленника мы получили некоторую информацию. Вон тот город носит название Ури — так же, как и окружающие его земли. Думаю, что Ури является городом-государством, примитивной политической единицей. Существует и другой город — или страна — под названием Гудегин, который, по всей видимости, в настоящее время держит под контролем Ури. Полагаю, что в Ури когда-то вторглась армия Гудегина и город был захвачен. Скоро мы выясним это. Жители Гудегина очень воинственны, и пленник, кажется, ужасно их боится, к тому же у них имеется разнообразное оружие. Они уже знают, что мы здесь. Из города было послано предупреждение, но посыльного мы перехватили. Сейчас я собираюсь войти в город и поговорить там с руководителями. Я пошлю за вами, когда между нами и местным населением установятся мирные отношения. А пока продолжайте работу. К вечеру прошу подготовить хотя бы предварительные отчеты о проделанной вами работе.

Штабная машина тронулась в путь, за ней последовал небольшой конвой. Извилистая проселочная дорога, изрытая колеями, пролегала через поля и вскоре привела ко рву. Два ряда свай шли от края рва к тяжелым, наглухо закрытым воротам в городской стене.

— Досадно, — поморщился Толедано, глядя в перископ танка. — Они подняли настил моста. Придется поискать другой путь.

Вздымая каскады брызг, что-то с силой ударилось в воду прямо перед ними. Мгновением позже — новый удар, что-то лязгнуло по броне, тряхнуло танк. Через стрелковую прорезь Ян сумел заметить черный предмет, стремительно и тяжело падающий на землю.

— Похоже на большой камень, сэр.

— Да, действительно. Какая-то мощная катапульта. И хорошо пристрелянная. Нам следует принять меры предосторожности. Отступить на пятьдесят метров и рассредоточиться в линию! Вынудите их рассеивать огонь. А затем выясните, что за дно у этого канала.

Там была грязь, вязкая грязь. Как только они отступили, огонь прекратился, а затем сконцентрировался на одном бронетранспортере, который прогромыхал обратно ко рву, перевалил

через край и съехал прямо в ров. Он оказался не таким уж глубоким: боевая машина так ни разу и не ушла под воду полностью, но и в противном случае ей ничто бы не угрожало — ведь она была водонепроницаемой. Преодолев треть пути, машина завязла, бесполезно вращая гусеницами и все глубже и глубже погружаясь. Но предусмотрительный Толедано заранее приказал прикрепить прочный трос к задней части машины, и только благодаря этому ее, хоть и довольно бесцеремонно, вытащили назад на твердый грунт. Вверху, на городской стене, были видны маленькие фигурки людей, прыгающие и размахивающие руками.

— Хватит экспериментировать, — сказал Толедано. — Всем машинам — вперед, к кромке воды! Кому-то сейчас придется очень плохо, и я бы предпочел, чтобы это были не мы. Запусти-ка эту схему в компьютер.

— А нельзя ли использовать усыпляющий газ? — спросил Ян. — Люди могли бы переплыть на тот берег в водолазных костюмах, усыпить противника, обезопасив тем самым территорию, и открыть ворота.

— Можно было бы. Но могут быть жертвы. Ведь насыщая территорию достаточным количеством газа, невозможно избежать передозировки и не

погубить при этом значительного числа жителей. Они должны сдаться.

Он поднес микрофон ко рту и заговорил. Из громкоговорителя, установленного на корпусе машины, загрохотали переведенные компьютером слова:

— Я обращаюсь к гудегинцам, находящимся в городе Ури. Мы никому не желаем причинять вреда. Мы хотим поговорить с вами. Мы предлагаем вам свою дружбу.

На застывшие в едином строю бронированные машины обрушились новые камни, а в землю рядом с танком вонзилось увесистое двухметровое копье.

— Ответ достаточно ясен. На их месте я и сам, вероятно, поступил бы так же. А теперь посмотрим, сможем ли мы изменить их решение. — Он включил микрофон. — Для вашей же безопасности я прошу вас не сопротивляться. Если понадобится, мы разрушим город. Я прошу вас покинуть орудийную башню над воротами. Высокую башню над входом в город. Оставьте ее сию же минуту. Чтобы показать вам силу нашего оружия, мы сейчас разрушим ее.

Толедано подождал несколько минут, затем отдал приказ тяжелому танку:

— Один снаряд, самый мощный. Хочу, чтобы ее снесло первым же выстрелом. Огонь!

Зрелище было ужасным. Башня и огромная часть стены исчезли, снесенные сокрушительным ударом. Беспорядочно кувыркаясь, в воздух взлетели куски каменной кладки и… тела — и рухнули в ров.

Ян сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Боже праведный, сэр! Там были люди. Живые люди. Вы убили их…

Доктор Толедано повернулся и посмотрел на него с холодным бешенством. Ян поперхнулся и замолчал. Толедано снова включил компьютерный переводчик.

— Теперь вы откроете ворота и позволите нам войти. В знак вашего согласия помашите белым флагом. Если вы этого не сделаете, ворота будут разрушены так же, как и башня.

Ответом был массированный огонь по штабной машине. По корпусу забарабанили громадные камни, оглушая сидящих внутри; тяжелый бронеавтомобиль закачался на рессорах. Массивные копья с металлическими наконечниками лязгнули по броне — и вокруг машины неожиданно вырос целый частокол из стройных древков.

— Канонир, примените легкое орудие. Я совсем не хочу, чтобы все здесь превратилось в обломки. Разрушьте только ворота.

Орудие открыло огонь, посылая в цель снаряд за снарядом. Обитые железом доски, пережеванные и искрошенные снарядами, превратились в труху.

— Там что-то происходит, сэр…

— Прекратить огонь!

— Смотрите — там, на стене! Они так мельтешат, что кажется, будто дерутся друг с другом.

Он оказался прав. Сначала одно безжизненное тело, а затем и другое скатилось со стены и с плеском упало в ров. А еще через несколько мгновений с верхнего парапета во всю длину развернулось и повисло вдоль стены огромное серое полотнище — его великодушно можно было счесть за бывшее когда-то белым.

— Сражение окончено, — произнес Толедано, не испытывая при этом удовлетворения. — Они восстановят настил моста, так что мы сможем въехать в город. С прикрытием, конечно. Я не хочу еще смертей.

Его звали Джостен, а что касается его титула, то компьютер перевел его как «старейшина деревни», или «член совета». Он был в годах и к тому

же толстым, однако меч, который он держал в руках, был красным от крови. Он стоял посреди усыпанной обломками камней площади и, потрясая мечом, указывал на здание напротив.

— Разрушьте его! — кричал он. — Вашими взрывами. Превратите его в развалины! Гудегинцы должны умереть, а с ними и этот злодей из злодеев Азпи-оял. Вы — наши спасители. Уничтожьте их!

— Нет, — отрезал Толедано. Его спокойный твердый ответ был понятен без перевода. Он стоял лицом к Джостену и казался таким маленьким по сравнению с ним: доктор приходился лишь по грудь высокорослому урианцу. Зато распоряжение его прозвучало непреклонно, как не подлежащее обсуждению:

— Вы сейчас же присоединитесь к остальным на другой стороне площади. Не медлите!

— Но мы сражались с ними ради вас. Помогли вам захватить город. Благодаря нашей внезапной атаке на агрессоров мы убили многих из них. Те, которым удалось спастись, спрятались там. Убейте…

— С убийствами покончено. Пришло время мира. Идите.

Джостен воздел руки к небу, взывая к справед-

ливости, в которой ему отказали здесь. А затем, увидев урчащие от нетерпения танки, изменился в лице и замолчал; пальцы его разжались, и меч, выпав из рук, зазвенел о каменные плиты. Он круто развернулся и зашагал к толпе, безмолвно наблюдавшей за этой сценой на другой стороне площади. Толедано включил на всю мощность усилитель и повернулся к забаррикадированному зданию.

— Не бойтесь меня. А также жителей города. Вы знаете, что я могу уничтожить вас прямо в здании. Но я предлагаю вам выйти и сдаться. Обещаю, что вам не причинят вреда. Выходите.

И как бы для придания его словам большей выразительности огромный танк проскрежетал полкруга на заклиненной гусенице и направил на здание зияющее жерло орудия. Наступила тишина, даже жители Ури затихли в ожидании. И тогда раздался пронзительный визг открываемой парадной двери. Из здания вышел высокий человек с надменным выражением лица. Он был один. На груди у него сиял металлический нагрудник, голову украшал шлем, а сбоку свободно свисал меч.

— Азпи-оял! — вскрикнула неизвестная женщина, и толпа всколыхнулась.

Кто-то выбрался из толчеи вперед и нацелил на человека туго натянутый арбалет, но солдаты были наготове. Газовые гранаты разорвались у самых ног лучника и накрыли его плотным облаком газа. Слетевшая с арбалета стрела просвистела в воздухе и звонко ударилась о камни; отскочив, она скользнула почти к ногам Азпиояла. Тот проигнорировал стрелу и спокойно пошел по площади. Толпа отшатнулась. Мускулистый, смуглый, с большой черной бородой, он приблизился к Толедано. Из-под шлема холодно блестели глаза.

— Отдайте ваш меч, — приказал Толедано.

— С какой стати? Что ты намереваешься сделать со мной и с моими людьми? Мы можем умереть с честью, как и подобает гудегинцам.

— В этом нет необходимости. Вам никто не причинит вреда. Все, кто пожелает уйти, могут сделать это без помех. Мы принесли сюда мир и будем его соблюдать.

— Это мой город. Когда вы напали, эти грязные животные восстали и отобрали его у меня. Ты мне его вернешь?

Толедано бесстрастно улыбнулся, восхищаясь про себя крепкими нервами мужчины.

— Нет, не верну. Вашим он никогда не был. А

сейчас он возвращен тем, кто живет в нем.

— Откуда ты явился, коротышка, и что тебе здесь надо? Ты оспариваешь права гудегинцев на три континента? Если так, то тебе не будет покоя до тех пор, пока ты не уничтожишь нас всех. Этот город — одно дело, а наша земля — совсем другое.

— Мне ничего вашего не надо. Ни ваших земель, ни ваших богатств. Ничего. Мы пришли сюда, чтобы лечить больных. Мы пришли сюда, чтобы показать, как наладить связь с другими местами, иными мирами. Мы пришли сюда, чтобы изменить положение дел в лучшую сторону. И ничего из того, что вы цените, мы никоим образом менять не собираемся.

Азпи-оял задумался, держа меч на весу. Он был совсем не глуп, этот гудегинец.

— Мы ценим силу своего оружия и нашего народа. Мы намереваемся и дальше править на трех континентах. Ты желаешь лишить нас наших завоеваний?

— Ваших прежних завоеваний — нет. Но в будущем у вас их больше не будет. Мы ведь лечим болезни, а вашу склонность к убийствам можно считать своего рода заболеванием. Вы должны покончить с войнами. Очень скоро вы убедитесь

в том, что можете обходиться без кровопролития. Сделайте первый шаг по этому пути отдайте мне свой меч. — И Толедано протянул к стоящему напротив него мужчине крошечную, почти детскую ладонь.

Схватившись за эфес, Азпи-оял в гневе отступил назад. И тут же резко заскрежетала башня танка, поворачиваясь следом за ним. Он с ненавистью посмотрел на опустившиеся жерла орудий — и расхохотался. Подбросив меч в воздух, он поймал его за острие и протянул Толедано.

— Не знаю, верить тебе или нет, маленький завоеватель, но думаю, что предпочел бы пожить подольше, чтобы увидеть, что ты собираешься сделать с тремя континентами. А умереть всегда успеется.

Худшее осталось позади. По крайней мере, в политическом смысле. Теперь в их распоряжении будет период относительного мира, в течение которого они смогут спокойно заняться необходимыми анализами и исследованиями. Тысяча лет изоляции — все-таки не шутка!

— Пора начинать, — с неожиданным раздражением произнес Толедано и махнул рукой, подзывая к себе связиста. — Мы и так уже потратили достаточно времени. Пусть подходят другие

подразделения. Мы развернем базу прямо на этой площади.

* * *

— Очередь длиннее, чем когда-либо, — заметил Ян, выглянув из окна. Наберется, наверное, с сотню, а то и больше. Похоже, до них наконец дошло, что мы не делаем ничего дурного здешнему населению, а наоборот, излечиваем людей от их многочисленных болячек…

Они заняли большой склад возле главных ворот и развернули здесь станцию медицинской помощи. Поначалу нехватка добровольцев, желающих подвергнуть себя действию блестящих, необычных инструментов, была довольно ощутимой; но затем число пациентов — на этот раз вынужденных — стало быстро пополняться за счет раненных во время боя. В большинстве случаев они считались уже покойниками. Здешние врачеватели отличались весьма примитивными познаниями в области медицины, ограничиваясь лишь вправлением костей, наложением швов на раны и ампутацией. Понятие об антисептике сохранилось у них издавна, со времени основания колонии. В качестве антисептика использовали спирт, а бинты и инструменты кипятили. Но

заражение крови лечили только ампутацией — другого метода лечения просто не знали, так что смерть была естественным исходом любого тяжелого ранения.

Прибывшие врачи, специалисты своего дела, изменили этот порядок. Никто из пациентов не умер. Они успешно лечили раны в области брюшной полости, раздробленные кости конечностей и пробитые головы, избавляли от гангрены и других не менее опасных инфекций, а однажды даже пришили отрубленную руку. Последнее показалось непривычным к этому людям чудом, и вскоре жители города с почти религиозным рвением стали собираться толпами в надежде получить исцеление.

— Какая напрасная трата энергии, — ворчал доктор Пидик, делая инъекцию фунгицида очередному пациенту — перепуганной девочке. — На первом месте была война, и весь талант и энергию тратили на нее, а медицине доставались в лучшем случае крохи. В результате — неизбежное отставание на века. У них есть инженеры, механики, строители. Вы видите эти паровые баллисты? Котел для нагнетания пара и мили труб, а еще — действующие с помощью поршней штуки, которые швыряют камни прямо из труб

отбора пара. Уж лучше бы они потратили хотя бы мизерное количество своей энергии на благо искусства врачевания!

Высокий светловолосый эпидемиолог низко наклонил голову, осторожно обрезая омертвевшую ткань и промывая раны на чудовищно распухшей ноге девочки. Потемневшая и бугристая, местами разлагающаяся нога раза в два превышала нормальные размеры. Благодаря местной анестезии девочка не чувствовала боли, однако с ужасом взирала на то, что доктор делал с ее ногой.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался Ян. — Не думаю, что в наших учебниках есть даже ссылки на такие случаи.

— Это одно из известных заболеваний, но только очень запущенное; более старые учебники еще упоминают о нем. Да вы и сами увидите немало подобного в тихих омутах Галактики. Это мадуромикоз. Вначале болезнь ничем не проявляет себя — обычное проникающее ранение. Но такое ранение дает возможность спорам грибков внедриться глубоко под кожу, и если болезнь не лечить, да еще в течение нескольких лет, то результат — перед вашими глазами.

— А вот это я встречал, — сказал Ян, беря за руку

человека с пустым взглядом, которого подвели к нему. Продолжая держать его за руку, он описал ею полный круг и отпустил. Рука продолжала вращаться автоматически — вниз-вверх как заведенная машина. — Эхо-праксия, бессмысленное повторение однажды начатых движений, — Да, полагаю, вы это видели, — фыркнул Пидик, подняв голову. — Но только в палатах для душевнобольных. А ваш случай, держу пари, результат физического воздействия, черепно-мозговой травмы, оставшейся без лечения, или чего-нибудь в этом роде.

— Никаких пари, — ответил Ян, слегка касаясь глубокой вмятины на черепе человека. Ткань вокруг вмятины была обезображена рубцами, а рядом виднелась застарелая рана.

У них было всего понемногу: инфекции, раны, острые и хронические заболевания, злокачественные опухоли. Практически все болезни. За окном начинало смеркаться, когда Пидик объявил наконец перерыв.

— Достаточно. Работаем почти двенадцать часов. Они могут прийти и завтра. У планеты слишком длительный период вращения, и к этому надо еще привыкнуть.

Ян передал приказ через компьютер, и охрана,

не обращая внимания на робкие протесты пациентов, стала выпроваживать их на улицу. Те покорно покинули помещение и, кроме тяжелобольных, сгрудились возле стены, не теряя своего места в очереди, чтобы на следующий день сразу обратиться за помощью. Ян подошел к раковине, где уже умывался Пидик.

— Не знаю, как и, благодарить вас, доктор Пидик. С вашей помощью мы осмотрели, наверное, в десять раз больше пациентов, чем если бы я работал один. Здесь так много всего, о чем я ничего не знаю. Думаю, для врачей СЭК следовало бы создать специальную медицинскую школу.

— Такая школа существует. Прямо здесь, в полевых условиях. Вы уже многому в ней научились. После небольшой практики вы сможете лечить здесь все, что угодно. И доктор Толедано увидит, чего вы добьетесь.

— Прием больных не отвлекает вас от вашей работы?

— Это и есть моя работа. Если нет эпидемий, эпидемиолог не нужен. Я просмотрел все взятые нами пробы и определил все виды микроорганизмов, присутствующих в кровотоке этих людей. Пока ничего необычного, ничего чужеродного. Просто стандартный набор бацилл и вирусов,

обитающих в человеке испокон веков. Но здесь, в полевых условиях, я могу увидеть то, что мы пропустили в лаборатории.

Ян стряхнул воду с рук и взял полотенце.

— Мы здесь почти месяц, — заметил он. — Если бы тут были какие-нибудь необычные инфекции, разве мы не обнаружили бы их за столько времени?

— Не обязательно. Мы заглянули только в один уголок огромного мира. Как только мы основательно здесь все изучим, то сможем перейти к более общему исследованию остальной планеты. А когда она будет очищена для контактов, сюда придут политики и торговцы.

— Вы верите Азпи-оялу, что сюда идет вся армия Гудегина?

— Вполне. По всей видимости, его народ покорил почти все население этой планеты, и они не смирятся с тем, что мы отняли у них один из городов. Но доктор Толедано сумеет справиться с ними…

— На одной из улиц начинают шуметь, что-то вроде бунта, — прервал его сержант, просунув в дверь голову. — Похоже, из-за какой-то болезни. Вы не могли бы нам помочь разобраться?

— Иду, — откликнулся Ян, вешая на плечо пе-

редатчик.

— Я тоже, — заявил Пидик. — Что-то мне не нравится весь этот шум.

Снаружи их ждал взвод вооруженных солдат, и, не теряя ни секунды, оба врача с солдатами тронулись в путь. Сержант шел впереди. Не успели они пройти и несколько шагов, как услышали отдаленный гул голосов. Они прошли еще дальше — и в общем шуме стали выделяться отдельные пронзительные возгласы и выкрики, а затем послышался глухой звук взрывавшихся газовых гранат. Остаток пути они почти бежали. Толпу, впавшую в крайне возбужденное состояние, сдерживали только ружья солдат и нацеленные орудия танка. Груда неподвижных тел убедительно свидетельствовала о том, что даже этого было недостаточно. Когда врачи с сопровождавшим их взводом пробились к линии защиты перед зданием, доктор Пидик поманил рукой сержанта.

— Компьютер не может разобраться во всем этом шуме. Схватите кого-нибудь, кто больше всех кричит, и приведите его сюда.

Последовала небольшая потасовка, и сержант снова появился, чуть ли не волоком притащив дородного гражданина Ури, не совсем пришедшего в себя после увесистых аргументов сержанта.

Это был высокий мужчина с широкой грудью и растрепанной бородой, которой он, видно, очень гордился; на одном глазу красовалась повязка, другой — налившийся кровью — злобно глядел исподлобья.

— Что случилось? Почему вы собрались здесь? — спросил его Пидик через переговорное устройство компьютерного переводчика.

— Чума! В том доме чума. Сожгите дом и убейте всех, кто в нем есть. Вы же всегда так расправляетесь с чумой. Смерть врачует все!

— Это крайняя мера, — спокойно ответил Пидик. — Сначала мы посмотрим, что там за больные, а уж потом предоставьте нам самим решать, что делать. Может, нам вообще не придется прибегать к таким крутым мерам. Идемте, — сказал он Яну и направился вверх по ступенькам к дому.

Толпа ахнула, увидев, куда они идут, и заревела в неистовстве. Не обращая внимания на охрану, люди рванулись вперед, расталкивая друг друга.

— Примените газ, если нужно, — приказал Пидик. — Но остановите их во что бы то ни стало.

В воздухе начали вспухать облака газа, и врачи с конвоем смогли беспрепятственно подняться по ступенькам. Пидик несколько раз ударил в дверь

и через компьютерный переводчик попросил открыть. Дом безмолвствовал.

— Откройте дверь, — приказал Пидик ближайшему солдату.

Тот внимательно оглядел дверь и заметил с одной стороны, ближе к косяку, головки болтов для дверных петель. Он прикрепил здесь небольшие взрывные устройства и, включив таймер, отступил от двери.

— Десять секунд, сэр. Заряды создают направленный взрыв, пробивая небольшие отверстия, но возможна и слабая взрывная волна.

Раздался резкий треск двойного взрыва, и они прижались к стене. Толпа взвыла. Оба врача, осторожно ступая по рухнувшей двери, вошли в дом и, услышав, как кто-то побежал по темному коридору, поспешили на звук. Дойдя до конца коридора, они обнаружили сумрачную комнату, едва освещенную последними лучами солнца, пробивающимися через ставни высокого окна. В комнате на кровати лежал мужчина, а в углу молчаливо жалась кучка женщин и детей.

— Капрал, — обратился Пидик к солдату, вошедшему с ними в комнату. Выведите этих людей отсюда и проследите, чтобы никто не входил в здание. Если понадобится, попросите подкрепле-

ния у доктора Толедано.

— Мы справимся, сэр, не беспокойтесь.

— Очень хорошо. Прежде чем пойти, оставьте мне свой фонарик.

Вспыхнул яркий луч света, и человек на кровати застонал, отворачиваясь и прикрывая рукой глаза. Внутренняя сторона предплечья, опухшая и красная, была покрыта сыпью. Доктор Пидик взял его за руку и нахмурился, почувствовав, как от нее пышет лихорадочным жаром. Он мягко отвел его руку от лица. Оно тоже опухло и покраснело, глаза были закрыты, и врачи сначала не узнали лежащего перед ними человека.

— Это Джостен, — сказал Ян. — Глава совета.

— Изури… — пробормотал Джостен, мотая головой по подушке из стороны в сторону.

— Чума, — произнес Пидик. — Вполне понятное слово. Срочно вызовите «Скорую помощь» и передайте, что мне нужно одно место в изоляторе. Да, и расскажите доктору Толедано о том, что происходит в городе, чтобы он успел поднять по тревоге все войсковые соединения.

Джостен позвал их, и Пидик поднес к нему поближе микрофон компьютерного переводчика.

— Оставьте меня… сожгите здание… я умираю. Это чума.

— Мы позаботимся о вас…

— Только смерть может вылечить от чумы! — выкрикнул Джостен, приподнявшись в постели, затем рухнул обратно и тяжело застонал.

— Они все, кажется, убеждены в этом, — заметил Ян.

— А я — нет. Болезнь есть болезнь, а если есть болезнь, то есть и лекарство от нее. Вот и санитары…

Город был охвачен паникой. Машине «Скорой помощи» пришлось передвигаться по улицам очень медленно, чтобы в темноте не наткнуться на лежавших повсюду людей, одурманенных газом. Солдаты пускали в ход усыпляющий газ все чаще и чаще, применяя его в огромных количествах. Лагерная стоянка на площади охранялась по всему периметру; один из постов круговой обороны открыл проход, чтобы пропустить машину.

— Что с ним? — спросил Толедано, когда носилки внесли в госпиталь.

— Пока не знаю, доктор. Как только установлю диагноз, сразу доложу вам.

— Полагаю, вы не заставите долго ждать. У нас уже семь подобных случаев.

Пидик молча отвернулся к носилкам.

— Идемте со мной, — обратился Толедано к Яну.

Быстрым шагом он направился к своей штаб-квартире, разместившейся в сборном домике. Ян поспешил следом. К домику они подошли одновременно с бронетранспортером, остановившимся рядом. Из него выскочил офицер.

— Плохие новости, сэр. Один из постов на стене подвергся нападению, двое нападавших погибли. Была поднята тревога, и мы добрались до того поста, но… — Он замялся. — Мы думаем, что они переправили кого-то через стену. Вот человек, который был у них за старшего.

Из бронетранспортера вытащили и, не слишком церемонясь, бросили к их ногам обмякшее тело. Толедано взглянул на безмятежное лицо спящего и проворчал:

— Азпи-оял. Я мог бы догадаться об этом. Давайте его в мой кабинет. Ян, разбудите его.

В ярко освещенной комнате в глаза бросилось заметное покраснение кожи Азпи-ояла, а когда Ян делал ему укол, то почувствовал под рукой сильный жар.

— Боюсь, что у него то же самое, — произнес он. Азпи-оял моргнул, приходя в сознание, выпрямился и улыбнулся. Но в улыбке не было ни тени тепла.

— Мой курьер ушел, — сказал он в микрофон. —

И ты уже не сможешь задержать его.

— А я и не собираюсь его задерживать. Не вижу причины, почему вам нельзя общаться со своим народом. Ваша армия, очевидно, не более чем в одном дне пути отсюда.

Азпи-оял слегка вздрогнул при упоминании об армии Гудегина.

— Раз ты знаешь о гудегинцах силой в пятьдесят тысяч воинов, то ты должен знать, что пропал. С курьером я послал донесение о событиях в городе и сообщил о необходимости выслать сюда войска и разрушить этот город, а заодно уничтожить всех, кто проживает в нем. А теперь скажи, позволил бы ты переслать это донесение?

— Конечно, позволил бы, — спокойно ответил Толедано. — У вас все равно ничего не получится. Город останется там, где и прежде, а население будет жить, как и жило.

— Больные чумой — такие, как я, — будут убиты. А вас как носителей чумы просто уничтожат.

— Никоим образом. — Толедано сел и зевнул, прикрыв рот рукой. — Мы не приносили чуму. Но мы покончим с ней и вылечим всех заболевших. А сейчас вас отведут туда, где вы сможете отдохнуть.

Он позвал охрану и выключил микрофон. Толе-

дано продолжал говорить спокойно, но в голосе его чувствовалась настойчивость, подчеркивающая значение слов, которые он произносил.

— Отведите этого человека в госпиталь и проследите, чтобы он получал необходимое лечение, но под неусыпным наблюдением. Возьмите для этого столько людей, сколько будет нужно. Его ни на минуту нельзя оставлять без присмотра, иначе он сбежит. Вы поняли?

— Да, сэр.

— Могу я спросить, что происходит? — спросил Ян, когда солдаты вышли.

— Несколько часов назад разведчики донесли об армии Гудегина. Им, видно, не понравилось, что мы отняли один из захваченных ими городов. Я надеялся использовать Азпи-ояла для заключения мира. И если мы найдем способ излечения от этой чумы, можно считать, что еще не все потеряно.

— А что это за чепуха насчет того, что мы занесли чуму?

— Это не чепуха. Наоборот, все очень похоже на правду, хотя я и не понимаю, как такое могло произойти. Если учитывать среднюю продолжительность инкубационного периода, то получается, что заболели именно те люди, кото-

рые первыми вступили с нами в контакт. И от этого факта никуда не деться.

Ян был потрясен.

— Но этого не может быть, сэр. В нас присутствуют только микроорганизмы кишечной флоры. А они безвредны. Оборудование наше стерильно. Нет, просто невозможно, чтобы мы вдруг оказались источником инфекции.

— Тем не менее это так. И сейчас мы должны найти… В комнату стремительно вошел доктор Пидик и бросил на стол диапозитив.

— Вот виновник всего, — объявил он. — Кокк-коба-циллярный микроорганизм. Поглощает анилиновый краситель, грамотрицателен.

— Похоже, вы описываете риккетсию? — задал вопрос Толедано.

— Да. Их кровь кишит этими тварями.

— Тиф? — спросил Ян.

— Вероятнее всего. Возможно, мутировавший штамм. Я думаю, что местные жители к нему невосприимчивы. Некоторое количество подобных микроорганизмов мы обнаружили во многих взятых нами анализах крови. Однако люди были здоровы. А сейчас они больны.

Толедано задумчиво вышагивал по комнате взад и вперед.

— Но это абсурд, — произнес он наконец. — Тиф и все болезни данной группы передаются через насекомых, клещей, платяных вшей. У меня есть основания жаловаться на работу СЭК, но мы никоим образом не можем быть источником инфекции. И тем не менее какая-то связь есть. Возможно, мы подхватили что-нибудь по дороге в город. Правда, среди личного состава заболевших нет. Мы еще выясним это. Прежде всего необходимо найти метод лечения — вот задача первостепенной важности. Вначале вылечите их, а уж источник инфекции мы найдем позже.

— У меня возникла идея по поводу… — начал было Ян. Приглушенные расстоянием звуки страшного треска, сопровождаемого грохотом, внезапно прервали его; вслед за этим послышались вопли и крики. Тут же вбежал дежурный лейтенант.

— Нас обстреливают, сэр. Паровые баллисты, причем гораздо более внушительных размеров, чем в городе. Они, наверное, подтянули их с наступлением темноты.

— Можем ли мы справиться с ними, никому не причиняя вреда?

— Никак нет, сэр. Они вне пределов досягаемости газового оружия. Мы могли бы…

Ему не суждено было закончить. Ужасный грохот ударил по барабанным перепонкам, оглушая всех, кто находился в комнате; свет разом погас. Пол выгнулся, и Ян почувствовал, что падает. Когда он с трудом поднялся на ноги, то первым, что ему бросилось в глаза, оказался луч от фонарика лейтенанта узкая желтая дорожка в темноте, в которой мельтешила пыль. Пройдясь по распростертым на полу неподвижным фигурам, луч уперся в грубую каменную глыбу, обрушившуюся на них.

— Доктор Толедано! — закричал кто-то, и лучик заколебался, словно рука, державшая фонарик, затряслась.

— Бесполезно, никакой надежды, — сказал Пидик, склоняясь над маленькой скорчившейся фигуркой. — Ему снесло полголовы. Мгновенная смерть. — Он встал и вздохнул. — Я должен вернуться в лабораторию. Думаю, это означает одно: вы должны взять на себя руководство, доктор Дакоста.

Он был почти у двери, когда вконец растерявшийся Ян смог собраться с мыслями и окликнуть его:

— Погодите, что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Вы были его ассистен-

том. Кроме того, вы постоянный сотрудник СЭК. А у нас и без того хватает работы.

— Но он не собирался…

— Он не собирался умирать. Он был моим другом. Выполняйте работу, которую он вам поручил. — С этими словами Пидик вышел.

За короткий промежуток времени произошло слишком много событий, которые просто не помещались в сознании. Но Ян, собравшись, все же заставил себя действовать. Субординацию можно будет выяснить позже. А сейчас сложилось крайне критическое положение.

— Доставьте тело доктора Толедано в госпиталь, — приказал он лейтенанту и подождал, пока тот выполнит его распоряжение. — Насколько я помню, последнее, о чем вы говорили, — что нападающие вне пределов досягаемости газа и еще что-то о тех штуках, из которых они нас обстреливают.

— Да, сэр. Они за грядой холмов.

— Можем ли мы точно определить их местонахождение?

— Можем. В нашем распоряжении — минивертолеты с автокорректировщиками артиллерийского огня, снабженные инфракрасными прожекторами и передающими телекамерами.

— Пошлите туда один. Определите дислокацию противника, расстояние до них и поищите паровой котел. Если их оружие похоже на то, что на стенах, — а оно непременно будет таким же, только размером побольше, — значит, должен быть и паровой котел с трубами, идущими к баллистам. Установите его точное местонахождение одним из орудий… как вы называете это?

— Пристрелять?

— Точно. После пристрелки взорвите паровой котел. У них тогда не будет возможности продолжать обстрел. При этом, конечно. Погибнут люди, но здесь погибло еще больше. Включая доктора Толедано.

Офицер отдал честь и вышел. Только сейчас Ян почувствовал безмерную усталость и направился в ванную, чтобы сполоснуть лицо холодной водой. В комнате позади него ярко вспыхнуло аварийное освещение, и в зеркале над раковиной он увидел свои глаза. Заглянув в них, он ужаснулся. Неужели он действительно отдал приказ убивать? Да. Ему пришлось пойти на это. Для общего блага. Он отвел глаза от отражения в зеркале и окунул лицо в воду.

* * *

До рассвета оставалось всего несколько часов. Изможденный вид и покрасневшие глаза у большинства присутствующих свидетельствовали о том, что силы их на исходе. К тому времени потолок в кабинете уже залатали, внесли новый письменный стол и устранили все признаки понесенного урона. Ян сидел за столом в бывшем кресле доктора Толедано и жестом предлагал входившим садиться.

— Кажется, теперь все собрались, — сказал он. — Доктор Пидик, прежде всего доложите, пожалуйста, как у нас обстоят дела по медицинской части.

— Все, что могу сказать: мы держим ситуацию под контролем. — Эпидемиолог потер небритый подбородок. — Пока мы не потеряли ни одного больного; похоже, что поддерживающее лечение эффективно даже в самых тяжелых случаях. Но мы не в состоянии остановить распространение болезни. Это выше наших сил. Если так пойдет и дальше, то вскоре в городе не останется ни одного здорового человека, а нам придется запрашивать помощь, ибо персонала не хватит. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного.

— Какова обстановка с военной точки зрения, лейтенант?

Предельно уставший человек поднял руки и вместо ответа хотел просто пожать плечами, но в последний момент сдержался. Он с усилием выпрямился.

— Население сейчас доставляет нам меньше хлопот. Мы отозвали своих людей с улиц, и теперь они либо на стенах, либо охраняют лагерь. Многие из местных больны, а это значит, что часть жителей не участвует в противостоянии. Остальные, похоже, пребывают в растерянности. Внешний противник все это время перемещался на позиции, с которых удобно переходить в атаку. Полагаю, что в любое время следует ожидать мощного приступа. Вероятнее всего, на рассвете.

— Почему вы так думаете?

— Судя по снаряжению, которое они подтащили к стенам: дополнительные баллисты всевозможных размеров, паровые тараны, средства для наведения мостов, штурмовые вышки — они готовы нанести массированный удар, для этого у них достаточно и людей, и снаряжения.

— Вы сможете сдержать их атаку?

— Ненадолго, сэр. Мы могли бы сопротивляться им с большим успехом, если бы нам помогали

жители города; но сейчас они более чем бесполезны. Нам ведь придется обороняться и против них. У нас просто не хватит личного состава, чтобы расставить людей по стенам. Если вы позволите, я выскажу свои соображения. Здесь возможны два решения. Первое: мы вызываем дополнительные войска. Техники установили нуль-передатчик, и можно доставить сюда и собрать еще один, побольше. Второе: мы оставляем город. Оборона его будет стоить нам да и противнику — жизней; к тому же погибнет боевая техника, аппаратура. Гудегинцы — отчаянные воины и не остановятся, пока не победят.

— В случае нашего отступления — что произойдет с жителями города?

Лейтенант смутился.

— Трудно сказать. По всей видимости, учитывая, что они больны…

— Их всех убьют. Не думаю, что это решение — самое удачное, лейтенант. В то же время мы не можем взять их на базу, так как там не хватит места для больных жителей целого города. А других карантинных станций, где могли бы обеспечить лечением такое количество больных, больше нет. Похоже, ситуация начинает вырисовываться в довольно мрачном свете.

Молчание собравшихся в кабинете людей, их удрученные лица выражали согласие с мнением доктора Дакосты. Ситуация казалась безвыходной. Ведь какое бы решение они ни приняли, люди все равно погибнут. Их смерть оставит черный след в летописях СЭК. Возможно, создадут еще один тренировочный фильм, повествующий об их ошибках и предупреждающий, чтобы другие не повторяли их.

— Но мы еще не проиграли, — сказал Ян, видя, что никто больше не решается взять слово. — Есть у меня один план, и — кто знает — может, он изменит ситуацию. Продолжайте заниматься своими делами, а к рассвету я дам вам знать обо всем. Лейтенант, будьте добры, останьтесь; я бы хотел поговорить с вами.

Остальные молча вышли из комнаты. Ян подождал, пока закроется дверь за последним из них, и только тогда заговорил:

— Мне нужен доброволец, лейтенант, хороший солдат, профессиональный боец. Я собираюсь выйти за пределы города, и мне понадобится квалифицированный помощник.

— Но вам нельзя, сэр! Вы — руководитель.

— Поскольку я руководитель, никто не может воспрепятствовать мне — не так ли? Для задуман-

ного мною дела нужен молодой медицинский работник, которого вполне можно подменить, и я как раз соответствую этим требованиям. Бригады медиков сейчас во мне не нуждаются, а расставить людей для обороны вы сможете и без меня. Если же со мной что-либо случится, сообщите в штаб, и уже через несколько минут вам пришлют намного более квалифицированного специалиста СЭК, чем я. Как видите, нет никакой причины, по которой я не смог бы идти, — не правда ли?

Лейтенант неохотно согласился, хотя ему не по душе была эта затея, и вышел, чтобы подыскать добровольца. Ян начал укладывать ранец. Он еще не кончил, когда раздался стук в дверь.

— Мне приказали явиться к вам, сэр, — доложил солдат, отдавая честь.

Ян уже встречал его — крупного мужчину с шеей, напоминавшей ствол дерева, но умевшего передвигаться с кошачьей легкостью. При себе он имел боевое оружие и выглядел довольно воинственно.

— Как тебя зовут?

— Рядовой Плендир, из охраны СЭК, сэр.

— Если не ошибаюсь, всего несколько дней назад на тебе были сержантские нашивки?

— Да, сэр, и не в первый раз. Разжалование за

проступок в боевых условиях. Пьянка и драка. Но не с нашими людьми, сэр. С местными. Они все разом набросились на меня, а было их около пятнадцати. Большинство из них все еще в госпитале, сэр.

— Надеюсь, ты такой бравый не только на словах, Плендир. Готов ли ты отправиться со мной за город?

— Да, сэр, — решительно ответил тот, и ничто не дрогнуло в его лице.

— Хорошо. Мы, конечно, не собираемся кончать жизнь самоубийством, как это может показаться. Мы выберемся из города не через стену, а посредством нуль-передатчика, которым мы воспользовались, чтобы попасть на эту планету. Он перенесет нас на несколько миль в тыл противника. Я хочу взять одного из них в плен. Как ты думаешь, это реально?

— Звучит замечательно, сэр, — произнес Плендир, почти улыбаясь при мысли, что им удастся пленить вражеского солдата.

Ян надел ранец, и оба отправились в техническую часть. Внутри временное сооружение заливали потоки яркого света, где-то в глубине подвывал генератор, снабжая электрическим током оборудование и подзаряжая аккумулято-

ры всего подвижного состава. Они переступили через кабели и, осторожно обогнув аппаратуру, приблизились к знакомому пластинообразному экрану передатчика материи, предназначенного для переноса людей.

— Все проверено? — спросил Ян проходившего мимо техника.

— До последнего десятичного знака и заблокирован на частоте, сэр.

Ян записал код нуль-передатчика на внутренней стороне запястья, и Плендир машинально сделал то же самое. Запомнив номер вызова данного нуль-передатчика, они смогут действовать, не опасаясь, что не сумеют вернуться тем же путем.

— Могу ли я кое-что предложить, сэр? — спросил Плендир, пока Ян набирал на клавиатуре код другого нуль-передатчика, находящегося за пределами города.

— В чем дело?

— Мы сейчас вступаем, так сказать, в сферу моей деятельности. Мы не имеем ни малейшего представления о том, кто или что ожидает нас по ту сторону экрана. Я пройду первым и перекачусь налево. Вы как можно быстрее следуйте за мной и сразу ныряйте направо. После этого затаитесь.

Осмотритесь кругом, не вставая с земли.

— Как скажешь, Плендир. Но мы ведь очутимся довольно далеко от расположения войск противника, так что, думаю, нам не о чем беспокоиться.

Солдат удивленно приподнял брови, но промолчал. Как только вспыхнула лампочка, сигнализирующая о начале рабочего режима, он махнул Яну рукой — и нырнул головой в экран. Ян прыгнул сразу за ним, приготовившись упасть на землю.

Его встретили холодный воздух и черная звездная ночь, а еще — внезапный оглушительный взрыв и тяжелое падение какого-то предмета рядом с ним. Ян стукнулся о землю сильнее, чем предполагал, и от удара резко выдохнул из легких воздух. Отдышавшись и приподняв голову, чтобы оглядеться, он обнаружил, что короткий бой уже закончился. Рядом с ним лежал человек, не подававший признаков жизни; очевидно, это он рухнул на землю, когда Ян сам не очень удачно приземлялся. Плендир сидел на корточках рядом с человеком, который катался по земле и тихо стонал; от трех других неподвижных фигур медленно отплывало облачко газа, едва различимое на фоне ярких звезд. В кустах неподалеку раздавался треск, который постепенно затихал и

наконец замер где-то вдали.

— Все чисто, сэр. Они здесь стояли на карауле, но я — наверное, подсознательно — ожидал встретить их, а они меня — нет. То есть не сейчас, если вы понимаете, о чем я. Тот, что рядом с вами, вероятно, мертв; тут уж ничего нельзя было поделать — или он, или я. А вот у этого сломана рука; другие — усыплены газом. Кто-нибудь из них подойдет?

— Пожалуй, самым подходящим будет раненый. Дай-ка я взгляну на него. — Ян встал и скинул с плеч ранец. — Несколько человек сбежали, не так ли?

— Да, сэр. Думаю, они приведут сюда своих приятелей. Сколько времени вам понадобится?

— Пятнадцати минут должно хватить. Думаешь, мы сумеем столько продержаться?

— Может быть. Я постараюсь задержать их, насколько возможно. Вам помочь, пока я не ушел?

— Да, немного.

От резкого света пленник вздрогнул и отвернулся. В одежде из грубой ткани и полуобработанных мехов, без привычного металлического шлема, он совсем не походил на солдата. Когда Ян коснулся его руки, пленник дернулся и попытался уползти в спасительную темноту, но внезапное

появление прямо перед глазами острия боевого ножа заставило его изменить решение. Не теряя времени, Ян надел на сломанную руку надувную повязку и через эластичную ткань совместил концы сломанной кости; затем включил нагнетание воздуха. Повязка с коротким шипением раздулась, жестко обхватив сломанную руку, тем самым обеспечив ей неподвижность.

— Ему, пожалуй, не понравится то, что я сделаю сейчас, поэтому свяжи-ка его, пожалуйста, по рукам и ногам и перекати на бок.

Плендир проделал все с привычной сноровкой, пока Ян раскладывал содержимое ранца. Хирургическими ножницами с тупыми концами он разрезал одежду на пленнике. Мужчина стал подвывать, и Ян заклеил ему рот липкой лентой.

— Пойду разузнаю обстановку, сэр, — сказал Плендир, принюхиваясь. — Скоро рассветет.

— Теперь я справлюсь один.

Солдат бесшумно скользнул в темноту, а Ян, укрепив на камне фонарик, обнажил не слишком чистую спину пленника. Послышался сдавленный стон. Из ранца Ян достал заранее подготовленный большой квадрат из многочисленных, склеенных крест-накрест отрезков хирургической липкой ленты. Придержав пленника

коленом, он нашлепнул квадрат ему на спину и как следует прижал его. Мужчина вздрогнул от холодного прикосновения, застонал и попытался отстраниться. Ян встал, отряхивая колени, и взглянул на часы.

Плендир появился, когда на востоке уже начинала алеть робкая заря.

— Они быстро добрались, сэр, — доложил он. — Их лагерь, наверное, где-то неподалеку. Во всяком случае, сюда идет целая банда.

— Сколько времени у нас в запасе?

— Минуты две, ну, может, три — самое большее. Ян посмотрел на часы:

— Мне нужно по крайней мере три минуты. Ты сможешь как-нибудь задержать их?

— С большим удовольствием, — ответил Плендир и быстро отошел.

Минуты ожидания тянулись невыносимо долго; секундная стрелка двигалась так, словно ползла через патоку. Последняя минута еще не истекла, когда вдали послышались разрывы гранат и крики.

— Пора, — вслух произнес Ян и, не теряя ни секунды, склонился над гудегинцем, намереваясь снять с него пластырь. Он отодрал его одним рывком, вырвав множество волосков, и пленник

молча скорчился от боли. Ян засунул квадрат в ранец и рискнул на секунду включить фонарик.

— Замечательно! — воскликнул он.

На спине пленника багровел четкий рисунок из квадратных рубцов; один из них, побольше, так вздулся, что напоминал огромный фурункул.

Примчался Плендир, едва дыша и отстреливаясь на ходу.

— Они прямо за мной!

— Одну секунду, мне нужно доказательство! Солдат развернулся и швырнул несколько газовых гранат в направлении, откуда только что прибежал. Ян тем временем нащупал в ранце фотоаппарат. Вспышка послушно выбросила резкий сноп света, и Ян крикнул:

— Идем!

Мимо уха что-то просвистело.

— Прыгайте… Я сразу за вами!

Ян с силой вдавил клавишу преобразователя энергии на контрольной панели нуль-передатчика, заранее настроенного на нужную программу, и прыгнул в экран. Он ударился об пол, поскользнулся и упал; за ним сразу появился Плендир, вынырнув из экрана в аккуратном сальто. За ними последовала стрела, выпущенная из арбалета, и воткнулась в противоположную стену

комнаты. Плендир поспешно отключил нуль-передатчик, и связь прервалась.

— Последний выстрел войны, — улыбаясь, произнес Ян и посмотрел на стрелу, торчащую из стены. — Теперь ей должен прийти конец.

* * *

Врачи взглянули на увеличенный отпечаток цветной фотографии, затем на квадрат из липкой ленты, который побывал на спине гудегинца.

— Сейчас, задним умом, это кажется очевидным, — нехотя признала доктор Букурос, словно негодуя на то, что не ей пришло в голову, где искать причину заболевания.

— Аллергия, — проговорил доктор Пидик. — Единственное, о чем мы не подумали. Но нужно ли было так рисковать, чтобы получить подтверждение?

Ян улыбнулся:

— Конечно, мог бы подойти любой житель города, но у меня оставались бы сомнения. Поэтому мне нужен был кто-нибудь со стороны, кто никогда не входил с нами в контакт. Как видите, гудегинский солдат оказался идеальным объектом. Взаимодействие с нашими обычными веществами — и результат перед вами: тяжелая

аллергическая реакция. — Он постучал по багровому вспухшему рубцу на фотографии.

— Что же является аллергеном?

— Полистер. Самый обычный пластик. Из него соткана ткань для нашей одежды, наши ремни, детали снаряжения, бесчисленное количество вещей. Местные жители просто не смогли избежать контакта со всем этим. А последствия оказались губительными. Вы дали мне ключ к разгадке, доктор Пидик, когда сказали, что в кровотоке большинства местных жителей обнаружены неактивные формы чумных микроорганизмов. Это мне напомнило кое-что. Тиф — одна из немногих болезней, при которой человек может быть ее носителем, оставаясь здоровым. По всей вероятности, тиф на этой планете, впоследствии подвергшийся мутации, имел в основном летальный исход. В результате болезни человек либо умирал, либо приобретал иммунитет. Заболевших убивали. Следовательно, ныне живущее население происходит от людей с приобретенным после тифа иммунитетом. Все поголовно.

— А наше появление словно нажало на спусковой крючок, — добавил Пидик.

— К несчастью, это так. Между их врожденным иммунитетом и аллергией на полистер суще-

ствует тесная связь. Их организмы впервые так бурно реагируют на аллерген. Тяжелейшая аллергическая реакция взламывает естественную защиту организма и вызывает синергическую, то есть взаимно усиливающуюся, реакцию с тифом, ослабляя врожденный иммунитет. И они заболевают.

— Но отныне с этим покончено, — твердо заявил Пидик.

— Да, покончено. Теперь, когда мы знаем причину, мы знаем и средство лечения. И первым, кого мы вылечим, будет Азпи-оял — наш посол доброй воли в его родном Гудегине. Когда его вылечат, он поверит в лечение. Он увидит, как лечат других и как они выздоравливают. А если нет больше жертв чумы, то нет и причин для войны. У нас с ними могут быть деловые и дружеские отношения, и мы сможем наконец выбраться из того тупика, в который сами себя загнали.

Вдали послышались звуки труб и крики толпы.

— Думаю, вам следует поторопиться, — заметила доктор Букурос и направилась к выходу. — Если мы все погибнем, нам придется изрядно потрудиться, чтобы убедить их в чем-либо.

Молча согласившись с ней, они поспешили

следом.

Гарри Гаррисон
Трудная работа

— Но почему именно ты? — спросила она.

— Ничего не поделаешь — такая уж у меня работа. Он защелкнул последнюю застежку на ранце и надел его, стараясь, чтобы тяжесть равномерно легла на плечи.

— Не понимаю, почему те, кто пилотирует посыльные корабли, не могут заодно ознакомиться с обстановкой на месте. Чтобы хоть чем-то помочь тебе — возможно, дать какое-то представление о том, что тебя там ждет. Думаю, это несправедливо.

— Очень даже справедливо, — отозвался он, стараясь сдерживать себя.

Он подтянул чуть туже лямку на левом плече. Ее появление здесь, как раз в последние минуты перед его уходом на задание, не вызвало у него восторга; но уж если она что-либо задумывала, остановить ее было нелегко. Еще раз он терпеливо разъяснил ей положение дел:

— Во время полетов к звездам разведывательные корабли превращаются в ловушки для тех,

кто их пилотирует; им с трудом удается хотя бы остаться в живых. У них своя специфика работы. Чтобы выжить в длительных полетах, необходима особая склонность к ним. Немногие обладают ею. В то же время именно те качества, которые помогают приспосабливаться к длительным полетам, оказываются совершенно непригодными для исследования планет. Поэтому все, что требуется от пилотов, — это наладить высокочувствительную аппаратуру и фотореле, а затем обеспечить доставку экранов нуль-передатчиков на беспилотной тормозной ракете в какое-нибудь подходящее место на планете. И еще до того, как нуль-передатчик коснется поверхности и пошлет сигнал о благополучном приземлении, они направляются к другой звездной системе. Так вот, свою работу они сделали. Теперь моя очередь.

— Вы уже готовы, специалист Лэнгли? — спросил человек, заглянувший в этот момент в комнату.

— Почти, — отозвался Лэнгли, ненавидя себя за то, что испытал чувство облегчения при виде нарушителя их уединения. — Механик Меер, это моя жена Кериза.

— Большая честь для меня, супруга Кериза. Вы должны гордиться своим мужем.

Меер был молодым улыбчивым человеком приятной наружности. По одной его улыбке можно было предположить, что он говорит искренне. Чуть сдвинутые наушники и жестко зафиксированный около губ микрофон свидетельствовали о том, что он ненадолго прервал свое общение с компьютером.

— Да, честь, — произнесла Кериза, не в силах удержаться от замечания, — но не вечная. Мы обручены впервые, и срок нашей совместной жизни истекает через несколько дней, во время отсутствия мужа.

— Чудесно, — откликнулся Меер, не слыша горечи в ее словах. — Зато вы с нетерпением будете ожидать той минуты, когда он наконец вернется. Неплохой повод для праздника. Мне начинать, специалист?

— Пожалуй, — согласился Лэнгли и кончиками пальцев приподнял флягу, проверяя, полна ли она.

Чтобы не мешать, Кериза молча прислонилась к стене неуютного служебного помещения. Началась сверка контрольного списка, и мужчинам стало не до нее. Компьютер нашептывал свои вопросы прямо в ухо механику, а тот повторял их вслух, непроизвольно копируя монотонные

и бесстрастные интонации механизма. Компьютер, а не она, целиком поглотил внимание обоих мужчин, так похожих друг на друга в своих темно-зеленых униформах на фоне почти таких же зеленых стен. Ее серебристо-оранжевый костюм был здесь как-то не к месту, и она машинально сделала шаг по направлению к выходу.

После быстрого просмотра контрольного списка компьютер полностью одобрил его. Немного больше времени заняла необходимая регулировка снаряжения Лэнгли. Снаряжение состояло из металлической упряжи, снабженной силовым приводом и служащей для поддержки его тела. Упряжь была идеально подогнана по фигуре Лэнгли — нечто вроде гибкого внешнего скелета. Скелет сочленялся с суставами хозяина и мог свободно сгибаться и поворачиваться, следуя любым движениям. Поскольку опорные подкладки были неотъемлемой частью униформы, а тяги, выкрашенные в тон ткани, были достаточно тонкими, упряжь не бросалась в глаза. Запаса атомной энергии в ранце хватало по меньшей мере на год.

— Зачем на тебе эта металлическая клетка? — спросила Кериза. — Раньше ты никогда не надевал ее.

Она была вынуждена громко повторить вопрос, прежде чем мужчины обратили на нее внимание.

— Из-за повышенной гравитации, — откликнулся наконец ее муж. — На этой планете сила тяжести на две целых сто пятьдесят три тысячных g больше земной. Клетка, как ты ее называешь, не в силах устранить гравитацию, но зато в состоянии поддерживать меня и не давать слишком быстро уставать.

— Ты ничего такого не говорил про эту планету. Ты мне вообще ничего не рассказывал…

— Так ведь не о чем и рассказывать. Там, куда я отправляюсь, высокая гравитация, холодно и ветрено. Воздух обычный — пробу его уже брали на анализ, — только кислорода немного больше. Во всяком случае, для дыхания он вполне пригоден.

— А звери, дикие звери — как насчет них? Они не опасны?

— Мы пока не знаем, но, насколько нам известно, планета довольно мирная.

Он солгал ей, но говорить правду он не имел права. На недавно открытой планете были обнаружены поселенцы с Земли; информация об этом сразу попала в разряд засекреченной. Ее решено было предать гласности только после официаль-

ной оценки отчета, который он представит по возвращении.

— Я готов, — сказал Лэнгли, натягивая перчатки. — Не хотелось бы задерживаться, а то я скоро начну потеть внутри этого костюма.

— Температура костюма поддерживается на одном уровне, специалист Лэнгли. Вам должно быть удобно в нем.

Он и сам это знал, просто ему не терпелось поскорее уйти. Керизе не следовало приходить сюда.

— Представь, что я отправляюсь просто на периферию, отсюда то место таким и кажется, — успокоил он жену, взяв ее за руки и быстро поцеловав. — Как только появится время, сразу пришлю тебе письмо.

Он безмерно любил ее, но не здесь и не сейчас, когда он собирался на задание. Тяжелая дверь закрылась за спиной, отгородив их обоих от Керизы, и Лэнгли сразу почувствовал облегчение. Наконец-то он сможет сконцентрироваться на возложенной на него миссии.

— Передано сообщение, — сказал механик, когда они, открыв мощную тройную дверь, вошли в забронированное помещение для нуль-перехода. — Нужны дополнительные образцы почвы

и растительности. Попросили также привезти образцы воды и форм жизни, но два последних заказа могут и обождать.

— Будет исполнено, — ответил Лэнгли, и механик передал его ответ по микрофону.

— Вам желают успеха, специалист, — бесстрастно произнес механик и добавил дрогнувшим голосом:

— И я тоже. Мне выпала большая честь помогать вам при этом переходе. — Он прикрыл микрофон рукой. — Я изучаю курс специалиста, я прочитал все ваши отчеты. Думаю, что вы… Я хочу сказать: то, что вы совершили… — Он запнулся и покраснел.

Его слова были нарушением установленного порядка, и за это его могли наказать.

— Знаю, что вы хотите сказать, механик Меер, и желаю вам всего наилучшего.

Лэнгли протянул руку, и тот, поколебавшись, пожал ее. И хотя больше юноша не произнес ни слова, Лэнгли был тронут. На него всегда угнетающе действовал казенный холод нуль-камеры, где и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь телевизионную камеру или на выступающие сопла дроссельных клапанов. И вовсе не потому, что он жаждал торжественных

проводов на задание с оркестром и флагами. В такой момент ему было достаточно тепла простого человеческого прикосновения.

— Ну что ж, прощай, — произнес он и, отвернувшись от Меера, тронул переключатель на пульте управления, запуская тем самым намеченную программу нуль-перехода.

Решетчатая конструкция камеры исчезла, а вместо нее возникла серая влажная пустота действующего в рабочем режиме поля Бхаттачарьи. Без всякого колебания Лэнгли шагнул в нее.

С невероятной силой его скрутило, протащило вперед и швырнуло лицом вниз. Он машинально вытянул перед собой руки. Предохранительные тяги на запястьях буквально выстрелили вперед, как бы удлиняя собой руки. При соприкосновении с землей тяги сложились наподобие телескопа, что, безусловно, смягчило удар. Если бы не они, руки в запястьях наверняка сломались бы. И все же, несмотря на их неоценимую помощь, от сильного сжатия опорных подкладок у Лэнгли перехватило дыхание. Стоя на четвереньках, он судорожно вобрал в себя воздух, который оказался настолько холодным, что рот сразу обожгло и заслезились глаза. Однако в униформе было тепло, обогрев заработал тотчас после шокового

удара студеной атмосферы по ее термоэлементам. Лэнгли поднял глаза.

На него смотрел человек. Широкоплечий, крепко сбитый мужчина с окладистой черной бородой. На нем была одежда из меха и кожи, бросающейся в глаза красным цветом; пальцы его крепко держали короткий остроконечный дротик — не длиннее предплечья. Человек шевельнулся, и Лэнгли только сейчас понял, что тот стоял, а не сидел, как показалось вначале. Он был до такой степени приземистым и широким, что выглядел каким-то усеченным.

Однако дело прежде всего: руководителям программы нужны образцы. Не сводя с бородача настороженного взгляда, он вытащил из бокового отделения ранца контейнер для образцов и положил его на землю. Земля оказалась твердой, но, к счастью, вся была в складках и бороздах, как засохшая грязь на дорогах. Он отломил изрядный кусок этой грязи и бросил его в середину диска из красного пластика. Через десять секунд, в течение которых протекала реакция химических веществ в составе воздуха и диска, края последнего загнулись внутрь и плотно сомкнулись вокруг куска почвы.

Иллюстрация Vincent diFate

Мужчина перебросил дротик в другую руку и округлившимися глазами наблюдал за происходящим. Лэнгли наполнил почвой еще два контейнера, затем передвинулся на несколько футов и три других контейнера набил травой и ветками, с кустов, на которых слабо трепетали

листья. Образцов было вполне достаточно, чтобы считать свою миссию по их сбору завершенной. Стараясь не поворачиваться к мужчине спиной, он попятился, обходя покореженные останки тормозных двигателей ракеты, пока не уткнулся в экран нуль-передатчика. Тот находился в рабочем режиме, но не был сфокусирован: любой, кто в эту минуту вошел бы в экран, попросту распылился бы гамма-излучением в пространстве Бхаттачарьи. Экран не начнет работать до тех пор, пока он, Лэнгли, не прижмет ладонь к специальной пластине на раме, тем самым посылая кодовый сигнал принимающему устройству; никто другой, кроме него, не смог бы заставить экран функционировать. Он коснулся пластины и забросил образцы внутрь. Теперь можно заняться более важным делом.

— Мир, — сказал он, повернувшись к мужчине, и развел руки в стороны ладонями вперед. — Мир.

Мужчина никак не отреагировал на его слова, разве что приподнял дротик, когда Лэнгли попытался было шагнуть к нему. Лэнгли вернулся на исходную позицию, и тот опустил дротик. На всякий случай Лэнгли решил не делать лишних движений.

— Решил применить стратегию выжидания, да? Ведь тебе хочется поболтать со мной, пока мы ждем?

Ответа на обращение он не получил, да и не ожидал услышать его.

— В таком случае чего или кого мы дожидаемся? Наверное, твоих приятелей. А это уже говорит об организации, что само по себе звучит весьма обнадеживающе. Тут у вас невдалеке есть поселение, вот почему нуль-передатчик опустили именно здесь. Вы его, конечно, обследовали, но тем не менее он остался для вас загадкой, и вы решили поставить у него стражу. Предполагаю, что ты уже сообщил своим о моем прибытии, хоть я и не видел этого, поскольку упал лицом вниз.

Окрестности внезапно огласились пронзительным скрежетом, доносящимся из-за уклона дороги. Ужасный скрежет постепенно нарастал. Лэнгли с интересом наблюдал, как словно из-под земли, медленно, с большим трудом вырастала плотно сбитая вместе группа бородатых людей, на расстоянии удивительно похожих на его стража. Все они были впряжены в странного вида повозку на трех парах деревянных колес; их оси — по всей вероятности, несмазанные — издавали невыносимый скрежет. Повозка представляла

собой платформу, где на мягкой подстилке восседал человек в одежде из ярко-красной кожи. Верхнюю часть его лица скрывал металлический шлем со смотровыми щелями, на грудь ниспадала длинная седая борода. В правой руке человек держал длинный разделочный нож с узким лезвием. Медленно сойдя с повозки, он направил нож на Лэнгли и хриплым резким голосом произнес что-то неразборчивое.

— Прошу прощения, но я не понимаю вас, — сказал Лэнгли.

Прозвучавшие слова настолько поразили старика, что он невольно подался назад и чуть было не выронил оружие. При этом внезапном движении сопровождавшие его люди присели и угрожающе выставили дротики. Их вождь выразил неодобрение этим их действиям и что-то прокричал — отдал приказ, понял Лэнгли. Дротики немедленно опустились. Убедившись, что приказ неукоснительно исполнен, старик повернулся к Лэнгли и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не знал… не думал, что когда-нибудь услышу, как говорят на этом языке. Я могу лишь читать на нем.

Акцент был довольно странным, но выражался

старик достаточно понятно.

— Чудесно. Я обязательно изучу ваш язык, а сейчас можно поговорить и на моем…

— Кто ты? И что это… за штука здесь? Она упала ночью со страшным шумом. Как ты сюда попасть?

Лэнгли заговорил медленно, четко выделяя каждое слово. Речь его, конечно, была подготовлена заранее.

— Я прибыл сюда с дружеским приветствием от моего народа. С помощью этой машины, которую вы видите перед собой, мы путешествуем на большие расстояния. Мы не из этого мира. Мы будем во многом помогать вам, а как — сейчас я расскажу подробнее. Мы можем лечить больных и исцелять их. Мы доставим вам пищу, если вы голодны. Я здесь один, и без вашего разрешения сюда никто, кроме меня, не придет. В обмен на нашу помощь мы бы хотели, чтобы вы ответили на те вопросы, которые я вам задам. Когда мы получим ответы на вопросы, мы, в свою очередь, ответим на любые вопросы, которые возникнут у вас.

Широко расставив ноги, старик напряженно вслушивался в каждое слово и безотчетно водил по ноге лезвием ножа, будто правил на оселке.

— Что тебе здесь нужно? Каковы твои истинные намерения… желания?

— У меня с собой лекарства, и я могу лечить больных. Я могу снабжать вас пищей. Я только прошу ответить на мои вопросы, ничего больше.

Под густыми длинными усами губы старика сложились в недоверчивую усмешку.

— Понятно. Делай, как сказал, — или ничего не делай. Что ж, пойдем со мной. — Он повернулся и грузно взобрался на заскрипевшую под ним повозку. — Я — Бекрнатус. А у тебя есть имя?

— Лэнгли. Буду счастлив сопровождать вас. Длинной вереницей процессия медленно перевалила через гребень холма и стала спускаться в неглубокую лощину. И хотя пройдено было совсем немного — каких-то четверть мили, — Лэнгли смертельно устал; ведь, сопротивляясь повышенной гравитации, его сердце и легкие работали с двойной нагрузкой.

— Погодите немного, — проговорил он, окончательно выбившись из сил. Давайте передохнем.

Бекрнатус поднял руку и отдал короткий приказ. Процессия остановилась, и люди тут же уселись в густую траву; большинство из них не могли даже сидеть и бессильно растянулись во весь рост, Лэнгли отстегнул флягу и жадно глот-

нул из нее. Бекрнатус пристально наблюдал за каждым его движением.

— Не хотите ли немного воды? — спросил Лэнгли, протягивая ему флягу.

— Очень хочу, — ответил старик и, взяв в руки флягу, внимательно осмотрел ее перед тем, как отпить из нее. — На вкус вода сильно отличается от нашей. Из какого металла сделан этот… сосуд?

— Думаю, из алюминия или одного из его сплавов. Надо ли было отвечать на этот вопрос? Конечно, вопрос прозвучал вполне безобидно. Впрочем, никогда нельзя предугадать. Возможно, ему не следовало отвечать, но он настолько устал, что эта проблема, честно говоря, его мало волновала.

Бородатые люди внимательно следили за ним, а ближайший к нему даже привстал, не сводя с фляги глаз.

— Простите, — сказал Лэнгли, отметив его покрасневшие от усталости глаза, и протянул флягу. — Не хотите ли тоже глотнуть?

Человек какое-то мгновение колебался, и Бекрнатус что-то хрипло выкрикнул. Тот протянул руку и быстрым движением схватил флягу, но вместо того, чтобы пить, повернулся и бросился бежать. Бегун из него оказался неважным.

Лэнгли, совсем сбитый с толку, увидел, как старик кинулся за беглецом и по рукоятку вонзил свой длинный нож в его спину.

Никто даже не шелохнулся, когда тот, с ножом в спине, пошатнулся и тяжело рухнул на землю. Он лежал на боку, глядя в никуда; изо рта ручьем текла кровь, и ослабевшие пальцы больше не сжимали свое нечаянное приобретение. Бекрнатус опустился возле него на колени и забрал флягу, затем одним сильным рывком выдернул из тела нож. Широко раскрытые, глаза остались неподвижны.

— Забери эту штуку для воды и не проходи… не подходи даже близко к другим людям, не вздумай давать им что-либо.

— Но это была лишь вода…

— Дело не в воде. Ты убил этого человека. Обескураженный, Лэнгли хотел было сказать, что уж ему-то совершенно ясно, кто убил его, но, вовремя опомнившись, прикусил язык. Он не имел ни малейшего представления об их обществе и уже успел совершить ошибку. Это факт. В известном смысле старик был прав: он убил того человека. Он нащупал в кармане стимулирующую таблетку, достал ее и запил водой из фляги, послужившей причиной раздора. И вовремя все

вдруг разом задвигались, снова трогаясь в путь.

Колония располагалась в долине, у подножия известняковой скалы; и к тому времени, когда они наконец подошли к поселению, Лэнгли совсем выбился из сил. Без специального снаряжения, служащего ему опорой, он не прошел бы и четверти пройденного пути. Лэнгли очутился среди домов, которые беспорядочно лепились к подножию скалы, прежде чем осознал, что находится среди них, — настолько хорошо они вписывались в окружающий ландшафт.

Это были землянки, лишь на одну десятую возвышавшиеся над землей, с плоскими крышами из дерна. Из дымовых отверстий большей части землянок тонкими струйками закручивался дымок. Вереница людей — и Лэнгли с ними — не останавливаясь, пропетляла среди вкопанных в землю домов и наконец приблизилась к скале. Лэнгли заметил в ней множество отверстий, прорубленных на уровне земли; самые большие из них наглухо закрывали бревенчатые двери. Приблизившись, он увидел, что в два очень похожих на окна отверстия вставлены стекла или какой-то другой материал, по прозрачности не уступавший стеклу. Хорошо бы, конечно, познакомиться с этим материалом поближе и, так

сказать, пощупать руками — но только не сейчас. Всему свое время. Пока он не отдохнет, не может быть и речи о каких-то исследованиях, а сейчас у него ни на что не осталось сил.

Он стоял, покачиваясь от усталости, пока Бекрнатус медленно сползал со своих носилок на колесах и подходил к бревенчатой двери. При его приближении дверь тотчас распахнулась. Лэнгли двинулся было следом, но слабость в конце концов его доконала: ноги его подкосились, и он почувствовал, что падает. Но прежде чем земля неожиданно вздыбилась перед ним и ударила его, он еще успел удивиться тому, что впервые в жизни теряет сознание…

Теплый воздух приятно согревал лицо, и он с наслаждением ощущал его ласковое прикосновение. Он не сразу понял, где находится, — даже когда открыл глаза. Его не отпускало чувство безмерной усталости, каждое движение давалось с усилием, даже мысли, словно одурманенные, лениво ворочались в голове. В комнате, где он лежал, царил сумрак. Он несколько раз оглядел ее, прежде чем детали обстановки стали приобретать более ясные очертания. Окно в глубине каменной стены. Смутные контуры громоздкой мебели и незнакомых предметов. Тусклый

желтый свет от огня в камине. Каменный очаг и каменные стены. Память уже вернулась к нему, и он понял, что находится, по всей вероятности, в одном из замеченных им ранее помещений, вырубленных в скале — в той ее части, которая обращена к долине. Потрескивал огонь, наполняя комнату едким, неприятным запахом дыма.

Позади него послышались шаги. Кто-то приближался, глухо шлепая по полу. Лэнгли слишком устал, чтобы поворачивать голову, но он отогнал эту чересчур себялюбивую мысль и с трудом обернулся.

Девичье лицо, длинные белокурые волосы, синие глаза.

— Привет. Не думаю, что мы когда-нибудь встречались, — произнес он.

От изумления глаза незнакомки широко раскрылись, и лицо исчезло. Лэнгли устало вздохнул и закрыл глаза. Задание оказалось мучительным для него, просто невыносимым. Может, стоит принять стимулятор. В ранце…

Его ранец! При мысли о нем сон окончательно исчез, и теперь он отчаянно пытался придать телу сидячее положение. Они забрали у него ранец! Его мгновенно охватил ужас — но тут он заметил свой ранец на полу рядом с кроватью.

Вернулась девушка и буквально вдавила его в кровать, заставляя лечь. Она оказалась на удивление сильной.

— Я — Лэнгли. А тебя как зовут?

Ее можно было назвать довольно привлекательной, если кому-то по вкусу девушки с квадратными лицами. Внушительный бюст, красиво выделявшийся в мягком кожаном платье, едва вмещался в него. Все остальное в ней было таким же внушительным. Слишком широкие плечи, слишком мощные бедра, слишком много мышц. Почти никакого отличия от других уроженцев этой суровой планеты. До него вдруг дошло, что ее глаза неотрывно следили за его взглядом, пока он рассматривал ее с ног до головы. Он улыбнулся.

— Меня зовут Лэнгли, а вот твоего имени, думаю, я никогда не узнаю. Вождь — как он там себя называл? — Бекрнатус, кажется, единственный, кто говорит на цивилизованном языке. Думаю, прежде чем я смогу разговаривать с тобой, мне придется изучить местное хрюканье и булькание.

— Не обязательно, — ответила она и, сверкая двумя ровными рядами белоснежных здоровых зубов, звонко расхохоталась при виде ошеломленного выражения на его лице. — Меня зовут

Патна, а Бекрнатус — мой отец.

— Что ж, очень приятно. — Он все еще не мог прийти в себя от изумления. Извини, если был груб. Наверное, на мне сказывается ваша гравитация — мне немного тяжело у вас.

— Что такое гравитация?

— Попозже я тебе расскажу о ней, а сейчас мне надо поговорить с твоим отцом. Он здесь?

— Нет. Но он скоро вернется. Сегодня он убил человека. Сейчас он, должно быть, утешает жену убитого и его семейство. Вся семья теперь перейдет к другому. А я не могу ответить на твои вопросы?

— Возможно. — Он коснулся кнопки на поясе, включив магнитофон. — Сколько ваших людей говорят на моем языке?

— Только я. И отец, конечно. Потому что мы — Семья, а остальные — Народ. Она выпрямилась, когда произносила эти слова.

— Сколько их здесь? Я имею в виду представителей Народа.

— Почти шестьсот. Эта зима прошла намного удачней предыдущих. Воздух был теплее обычного. Правда, запасы еды быстрее — как это сказать? — быстрее портились. И все же люди жили.

— Зима уже кончилась? Она рассмеялась:

— Конечно. Сейчас почти самое теплое время года. И они думают, что это тепло, подумал он. На что же тогда похожи их зимы? Он поежился при одной мысли о них.

— Расскажи мне, пожалуйста, подробнее о Семье и Народе. Чем они различаются?

— Они есть — и все, — сказала она и запнулась, будто никогда прежде не задумывалась над этим вопросом. — Мы живем здесь, а они живут там. Они работают и выполняют то, что мы им приказываем. У нас есть и металл, и огонь, и книги. Потому-то мы и говорим на вашем языке — ведь мы читаем то, что написано в книгах.

— Могу ли я взглянуть на эти книги?

— Нет! — Ее шокировала даже сама мысль о том, что кто-то посторонний увидит их книги. — Только Семья может видеть их.

— Что ж… Но разве ты не согласна с тем, что меня можно называть членом Семьи? Я умею читать, у меня с собой много вещей, сделанных из металла…

Только сейчас до него дошло, отчего его фляга стала причиной убийства. Она была из металла, а металл для большинства здешних людей являлся запретным, своего рода табу.

— А еще я умею вызывать огонь. — Он вытащил зажигалку и щелкнул ею.

Патна уставилась на крохотный язычок пламени.

— Нам труднее получить огонь. И все же я не уверена. Ведь отец узнает, что ты смотрел книги.

Увидев выражение его лица, она задумалась над возможным компромиссом.

— Есть тут одна книжка, небольшая. Отец разрешил мне оставить ее у себя. Она, правда, так себе, особой важности не представляет.

— Любая книга представляет собой какую-то ценность. Могу я взглянуть на нее?

Она нерешительно поднялась и направилась через всю комнату к бревенчатой двери, закрывавшей вход в глубину скалы, и изо всех сил потянула на себя мощный засов. Дверь открылась, и она осторожно, вытянув перед собой одну руку, ступила в темноту соседней комнаты — глубокой ниши, вырубленной в податливой толще скалы. После недолгого отсутствия она вернулась и тщательно закрыла за собой дверь.

— Вот, — сказала девушка, протягивая ему книгу, — ты можешь почитать ее.

Прилагая неимоверные усилия, Лэнгли кое-как сел и взял книгу. Она была довольно грубо пе-

реплетена в кожу — первоначальная обложка, по всей видимости, износилась еще в далеком прошлом. Книга слегка потрескивала в руках, когда он раскрывал ее. Страницы пожелтели и обтрепались по краям, к тому же, поскольку корешок оказался донельзя ветхим, они едва не вываливались из книги. Заинтригованный, он осторожно листал страницы, вглядываясь в архаичный шрифт, — тусклого света, проникавшего через окно, было явно недостаточно; затем вернулся к титульному листу.

— «Избранные стихотворения», — прочитал он вслух. — Издано в… — никогда не встречал такого названия — в… — а вот это важно: в 785 году… эры. Погоди, погоди… Кажется, я что-то слышал об этой системе летосчисления.

Он бережно положил книгу и наклонился к ранцу, почти теряя равновесие ведь его тянула вниз более чем двойная сила тяжести. От неимоверного напряжения внешний скелет глухо поскрипывал, но держал, не давая ему упасть. Справочник лежал сверху, и он быстро пролистал его.

— Вот, нашел. Записи только 913 года. А теперь, если перевести по Галактическому стандарту…

Он посчитал в уме и, молча положив спра-

вочник обратно, снова взял в руки «Избранные стихотворения».

— Тебе нравится поэзия? — поинтересовался он.

— Больше всего на свете. Хотя других стихов у меня нет. Ни в одной книге, кроме этой, я не нашла их. Хотя, конечно, есть и другие…

Она опустила глаза, и Лэнгли догадался почему.

— Эти другие… Ты ведь написала их сама, не так ли? Как-нибудь обязательно прочитаешь мне хоть одно…

В эту минуту у входа в жилище послышался грохот и лязг открываемых дверных засовов, и Патна, вырвав книгу из рук Лэнгли, бросилась с ней в темный угол комнаты.

Бекрнатус широко распахнул дверь и, тяжело ступая, вошел.

— Закрой дверь, — приказал он, отбросив в сторону шлем и устало опускаясь в мягкий шезлонг — полукровать, полукресло.

Патна метнулась к двери, выполняя распоряжение отца.

— Я устал, Лэнгли, — произнес он, — и мне необходимо выспаться. Поэтому, пока я не заснул, расскажи-ка мне, что ты здесь делаешь и что все

это значит.

— Разумеется. Но сначала ответьте мне на один-два вопроса. Чем занимаются здесь люди, кроме того, что спят, едят и собирают пищу?

— Вопрос расплывчат.

— Хорошо, я поясню. Добывают ли они руду и выплавляют ли из нее металл? Режут ли они по дереву или гравируют на металле, лепят ли изделия из глины, занимаются ли живописью, носят ли ювелирные украшения…

— Достаточно. Я понял, что ты имеешь в виду. Я читал обо всем этом и даже видел картинки. Очень красивые. Так вот ответ на твой вопрос: мы ничего этого не делаем. Я никогда не мог уразуметь, как создаются подобные вещи. Возможно, ты мне поведаешь об этом, когда будешь настроен отвечать на вопросы, а не задавать их. Мы просто живем, что само по себе довольно трудно. Мы засеваем свои поля, чтобы было что поставить на стол, собираем урожай, и после всего у нас ни на что больше не остается сил. Наш мир суров, и процесс выживания в нем занимает все наше время.

Он грубо рявкнул на дочь на местном языке, приказывая ей что-то, и та, шаркая ногами, направилась к очагу. Вернувшись с примитивной

глиняной миской, она подала ее отцу. Тот поднес миску к губам и, давясь и чмокая, жадно выпил ее содержимое.

— Не желаешь ли испробовать? — спросил он. — Мы сами делаем этот напиток; я даже не знаю, есть ли для него соответствующее слово в книжном языке. Наши женщины жуют корни и сплевывают жвачку в чашку.

— Нет, благодарю вас. — Лэнгли с трудом сдерживался, чтобы ненароком не выдать охватившего его отвращения. — И последний вопрос. Что вы знаете о людях, прибывших в этот мир? Вы ведь знаете, что пришли сюда из другого мира?

— Да, я знаю, хотя лишь немногим больше того, что услышал от тебя. История нашего появления здесь всегда передавалась из уст в уста, никаких записей не велось. Предание гласит, что мы пришли из другого мира, с неба, хотя мне непонятно, каким образом это совершилось. Но факты говорят сами за себя — ведь книги, например, явно не из этого мира. В них есть картинки из жизни не нашего мира. А еще металл, происхождение которого мы не знаем, и окна… Да, мы пришельцы.

— А кто-нибудь еще, кроме вас, не появлялся здесь? Как я, к примеру. Есть ли какие-либо записи на этот счет?

— Никаких. Надо было, конечно, записывать. Ну а теперь твоя очередь рассказывать, чужеземец из металлического ящика. Что ты здесь делаешь?

Прежде чем начать говорить, Лэнгли снова лег, очень медленно и осторожно, словно был сосудом из хрупкого стекла. Он заметил, что Патна, тоже не выдержав, уже сидела. Гравитации этой планеты надо было противостоять постоянно, беспрерывно.

— Прежде всего вы должны понять, что я вышел из металлического ящика, раньше меня здесь не было. По ночам вы видите звезды, и они такие же небесные светила, как и то, что сияет на вашем небосводе, только очень далекие. Вокруг них обращаются целые миры, подобные вашему. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно. Я — не из Народа. В книгах я читал кое-что из астрономии.

— Хорошо. Тогда вам следует знать, что в металлическом ящике находится передатчик материи. Представьте себе что-то наподобие двери. Двери, которая в то же время является двойной дверью. На своей планете, очень далеко отсюда, я вошел через одну дверь, а вышел через другую — на вашей планете. Я понятно говорю?

— Пожалуй. — Бекрнатус, прикрыв рукой рот, украдкой зевнул. — А можешь ли ты вернуться тем же путем? Шагнуть в ящик и выйти на планете — там, высоко в небе?

— Да, могу.

— Именно так мы и прибыли в этот мир?

— Нет. Вы прилетели сюда на космическом корабле — большом металлическом ящике, построенном для передвижения среди звезд в те годы, когда для покорения межзвездных пространств еще не додумались до мгновенного переноса материи. Говорю об этом так уверенно, потому что вижу, что ваше окно взято из звездолета. Догадываюсь, что ваш металл позаимствован оттуда же. А еще я знаю, как давно вы находитесь на этой планете, поскольку на первой странице поэтического сборника, что ваша дочь показала мне, стоит дата издания.

Патна испуганно ахнула, а Бекрнатус подскочил на своем шезлонге, выпустив из рук глиняную миску. Миска упала на пол и вдребезги разбилась.

— Ты показала ему книгу? — прошипел Бекрнатус и с трудом встал.

— Нет, погодите! — воскликнул Лэнгли, осознав вдруг, что его неосведомленность в области здеш-

них законов послужила причиной еще одного драматического инцидента.

Неужели он попытается убить свою дочь? Он с силой потянул за ранец.

— Это я виноват, я попросил книгу. Но у меня с собой много книг, сейчас я покажу их вам. Я дам вам несколько. Вот эту… и эту.

Бекрнатус не обращал внимания на его слова, даже если и слышал их. Но, увидев перед собой книги, тут же остановился. Он нерешительно протянул к ним руку.

— Книги, — зачарованно произнес он. — Книги, новые книги. Книги, которых я прежде не видел. Это чудо из чудес, у меня просто нет слов.

Он прижал книги к груди и почти упал на свое сиденье. Удачное вложение духовного капитала, молча порадовался Лэнгли. Никогда еще букварь и краткий словарь так высоко не ценились.

— У вас теперь могут быть любые книги, какие вы только пожелаете. Вы сможете ознакомиться с историей вашей колонии, причем во всех подробностях. Могу сказать, что, по моим грубым подсчетам, ваши люди появились здесь около трех тысяч лет тому назад. Скорее всего ваше прибытие на эту планету явилось результатом аварии. Есть две вещи, которые убедили меня

в правильности этого соображения. Во-первых, этот мир страшен и беспощаден. Ему нечего дать вам. Даже представить себе нельзя, что планету могли избрать объектом для колонизации. Ну а во-вторых, вы полностью оторваны от технологии и культуры. У вас крайне мало книг; по всей вероятности, они взяты с погибшего корабля. Да и металл, что достался вам, видимо, из его останков. То, что вы здесь выжили, иначе как чудом не назовешь. Легко объясним и тот факт, что у вас существуют социальные или классовые различия. Вашими предками, возможно, были ученые или представители командного состава корабля, что отличало их от обычных людей. И вы сохранили эту разницу.

— Я устал, — произнес Бекрнатус, любовно перебирая книги. — На меня сегодня обрушилось слишком много новой информации, над которой стоит поразмыслить. Поговорим завтра.

Закрыв глаза, он откинулся назад, удобно устраиваясь в шезлонге, но по-прежнему не выпуская из рук книг. Лэнгли самому давно хотелось спать настолько он изнурил себя теми неимоверными усилиями, которые он прилагал, выполняя простейшие движения. Дневной свет постепенно угасал; Лэнгли полюбопытствовал про себя на-

счет продолжительности дня на этой планете, но как-то лениво. Он достал из аптечки снотворное, гарантирующее восемь часов сна, и запил его водой из фляги. Ночной сон непременно взбодрит его, и утром все будет выглядеть в ином свете.

Ночью, сквозь сон, он чувствовал, как кто-то ходит по комнате, подходит к огню. Ему даже почудилось мягкое прикосновение к лицу чьих-то волос и легкий поцелуй в лоб. Правда, он не был уверен в реальности своих ощущений и решил, что видит сон.

Было уже совсем светло, когда он проснулся. Яркие лучи солнца били прямо в окно, и в потоке света серая каменная стена напротив окна неожиданно преобразилась. Ложе Бекрнатуса уже опустело. Патна, тихонько напевая, хлопотала у очага. Лэнгли пошевелился, и кровать скрипнула под ним. Патна живо повернулась и взглянула на него.

— Ты уже проснулся. Надеюсь, ты хорошо выспался. А отец взял топор и ушел на заготовку дров.

— Ты хочешь сказать, что он сам рубит дрова? — Лэнгли зевнул. Голова его все еще была тяжелой от сна.

— Нет, что ты! Просто лезвие топора — из ме-

талла, поэтому он только носит топор и следит, чтобы с ним ничего не случилось, пока им работают. Твой завтрак готов.

Зачерпнув в котле, она протянула ему одну из глиняных мисок, доверху наполненную жидкой кашей. Он улыбнулся и отрицательно качнул головой.

— Спасибо, конечно, за твою заботу обо мне, но я не могу употреблять ни один из ваших продуктов питания, пока не сделаны лабораторные анализы…

— Ты думаешь, что я собираюсь отравить тебя?

— Вовсе нет. Но ты должна понять, что в человеческом организме, оторванном от привычной среды, происходят серьезные метаболические изменения, то есть изменения в обмене веществ. В почве и в растениях могут встречаться такие химические вещества, которые вы с легкостью усваиваете, но от которых я могу даже умереть. Твоя еда пахнет чудесно, но она может причинить мне вред. Ты ведь не хочешь, чтобы это произошло?

— Нет! Конечно, нет! — Она почти отшвырнула от себя миску с кашей. — Что же ты тогда будешь есть?

Он открыл ранец, достал плотный целлофа-

новый пакет с едой и потянул за специальную петельку для разогревания пищи. Лэнгли только сейчас понял, насколько он проголодался; он, можно сказать, ощущал зверский голод, чего с ним никогда не случалось. Он торопливо вычерпал ложкой до дна весь концентрат, не дожидаясь, пока тот разогреется. Его тело, расходуя свои ресурсы на постоянную борьбу с бременем гравитации, жаждало питания.

— Ты знаешь, что это такое?

Он взглянул и увидел, что Патна держит в руках какой-то обгрызанный по краям обломок коричневого цвета.

— Нет, не знаю. Похоже на кусок дерева или кору.

— Это луб, волокнистая ткань дерева под корой; на нем мы обычно пишем. Но я не это имела в виду, когда спрашивала. Я имела в виду, что на нем что-то есть. Вот что я имела в виду…

Даже при тусклом свете Лэнгли разглядел, что она краснеет. Бедная девушка, ученая среди дикарей, на всю жизнь попавшая в ловушку этого гнетущего и обособленного от всех мира.

— Кажется, я догадываюсь, — мягко сказал он. — Не одно ли это из написанных тобой стихотворений? Если я прав — мне бы хотелось

услышать его.

Она стыдливо прикрыла рукой глаза и на мгновение отвернулась — карикатура на застенчивую девицу с приземистым телом борца.

Вскоре она справилась с собой и начала читать стихотворение, сначала тихо, затем все громче:

Просить не смею я
Ни ласки, ни любви;
Боюсь — меня тогда
Гордыней поразит.
Нет, нет… Мне только б знать,
Что ты живешь вблизи,
И воздух целовать,
Которым дышишь ты.

Под конец Патна почти кричала. Затем она резко повернулась, отбежала в дальний угол комнаты и застыла там лицом к стене. Лэнгли подбирал про себя нужные слова. Стихотворение было хорошим. А написала ли она его сама или просто списала, он не знал — да это и не имело значения. Стихами она высказала то, что хотела сказать.

— Стихи прекрасны, — сказал он ей. — Действительно, прекрасные стихи…

Не успел он закончить свою мысль, как она устремилась к нему через всю комнату, тяжело топая, и опустилась на колени перед его кроватью. Ее массивные сильные руки обняли его, а ее лицо прижалось к его лицу, вдавливая его в подушку. На своих щеках Лэнгли ощутил влагу мокрых от слез щек Патны и у самого уха услышал ее приглушенный голос:

— Я всегда знала, что ты придешь. И я знаю, кто ты, ведь ты, как рыцарь из поэмы на сказочном коне, должен был прийти издалека, чтобы меня спасти. Ты знал, что нужен мне. Мой отец и я — единственные члены Семьи, больше никого не осталось. Я должна была выйти замуж за кого-то из Народа. Это произошло еще до тебя. Урод и дурак — о, как я ненавижу их — он был еще самым лучшим из них. Мы пытались научить его читать, а он, тупица, так и не научился. Но ты пришел вовремя. Ты — член Семьи, и ты возьмешь меня…

Слова замерли у нее на губах; в неистовом и страстном порыве она с силой прижалась горячими, трепещущими губами к его губам, а когда он попытался удержать ее за плечи и оттолкнуть от себя, его внешний скелет жалобно застонал от напряжения, но она не сдвинулась ни на дюйм.

Обессиленная этим взрывом чувств, она наконец освободила его от своих объятий и зарылась лицом в подушку. Лэнгли встал, покачиваясь, и крепко ухватился за спинку кресла. Он заговорил, стараясь придавать словам искренность, чтобы хоть немного смягчить больно ранящие удары жестокой правды.

— Послушай, Патна, ты должна поверить мне. Ты мне нравишься, ты чудесная, превосходная девушка. Но этого просто не может быть. И не потому, что я уже женат — тот брак завершится еще до моего возвращения, — а из-за того, что мы живем с тобой в разных мирах. Ты не сможешь покинуть свой мир, а я умру, если останусь здесь. Адаптация в таких жестких условиях, через которую вынужден был пройти ваш народ, стоила невероятных усилий. Взять хотя бы систему кровообращения. Она должна была полностью перестроиться; ведь чтобы обеспечить приток крови к мозгу, ваше давление крови должно в несколько раз превосходить нормальное, а у стенок сосудов мышечный слой должен быть намного толще, чтобы гнать по этим сосудам кровь. Возможны также серьезные изменения в клапанах и в системе распределения крови. По всей вероятности, ты не сможешь иметь детей

от кого-либо не с этой планеты. Дети родятся мертвыми или умрут вскоре после рождения, абсолютно не приспособленные к жизни в мире высокой гравитации. Все, что я сказал — правда, ты должна поверить…

— Ты, тощий немощный урод, дылда, заткнись! — взвизгнула она и в ярости бросилась на Лэнгли, все так же не глядя на него.

Он попытался увернуться, но оказался слишком неповоротливым. Ее ладонь с размаху ударилась об его руку, и от неожиданной и резкой боли у него на мгновение померкло в глазах. Раздался треск.

«Вот стерва, сломала мне руку!» — вскрикнул он про себя, медленно оседая вниз. Предплечье, согнувшись под неестественным углом, беспомощно повисло, жестко связанное с внешним скелетом. И как же оно болело! Он бережно положил руку на колени и начал укачивать ее, словно пытался убаюкать боль; здоровой рукой он одновременно рылся в своих медикаментах. Патна попыталась было помочь ему, но он грубо прикрикнул на нее, и та отошла в сторону.

Пока затвердевала быстродействующая гипсовая повязка, Лэнгли принял хорошую дозу болеутоляющего, а заодно и транквилизатор — от

нервов. В это время вошел Бекрнатус, с топором на плече.

— Что с твоей рукой? — спросил тот, бросив топор на пол и падая на свое ложе.

— Несчастный случай. Мне нужна срочная медицинская помощь, а ее могут оказать только на моей планете. Поэтому давайте не будем откладывать наш разговор. Я расскажу обо всем, что вам необходимо знать.

— Будет очень кстати. Хотелось бы задать несколько вопросов…

— Для вопросов не осталось времени. — Боль все еще не отпускала его, и Лэнгли говорил отрывистыми фразами. — Будь у меня побольше времени, я бы все очень подробно, не торопясь, разъяснил вам, чтобы вы поняли и согласились со мной. Но сейчас я просто расскажу вам, и все. Если вам нужна помощь, вы обязаны заплатить за нее. Установка экрана передатчика материи на такой отдаленной планете, как ваша, довольно дорогостоящая затея. Медикаменты, пища, источники энергии — все, чем мы будем снабжать вас, — тоже стоят немалых денег. Вы должны будете возместить нам расходы.

— Мы будем вам, конечно, очень благодарны.

— На ваше спасибо ничего не купишь. — Боль

затаилась, но он чувствовал, как при любом неосторожном движении трутся друг о друга концы сломанных костей. С нервами была та же история, несмотря на транквилизатор. — Слушайте меня внимательно и постарайтесь понять, что я говорю. С неба не падают бесплатные булки. Что бесплатно — то негодно. Во Вселенной намного больше планет, чем вы можете себе представить; и людей, населяющих эти планеты, намного больше, чем я могу себе представить. А передатчик материи делает их всех ближайшими соседями. Вы можете вообразить, какие формы обрела культура, система управления, финансы за тысячелетия? Нет. По вашему лицу видно, что не можете. Тогда просто немного поразмыслите вот над чем. Чтобы достичь определенных целей, люди объединяются в кооперации, что-то среднее между кооперативом и корпорацией — не знаю, есть ли хоть в одной из ваших книг такие слова. Я вхожу в одну из кооперацій, которая именуется «Открыватели миров». Мы исследуем незаселенные планеты и время от времени обнаруживаем миры, подобные вашему, которые еще не охвачены сетью нуль-перехода. За предлагаемые услуги мы требуем полностью расплатиться.

Патна молча стояла рядом с отцом, положив

руку на его могучее плечо. Ее лицо, когда она взглянула на Лэнгли, выражало лишь ненависть и презрение. Бекрнатус, хорошо владевший собой, все еще не мог охватить разумом постулаты Галактики за пределами своей планеты.

— Мы с удовольствием заплатим вам сколько потребуется, но чем платить? У нас нет денег, нет и таких природных ресурсов, о которых ты спрашивал вчера вечером.

— Ваше богатство — вы сами, — бесстрастно заметил Лэнгли. Таблетки все глубже погружали его в состояние апатии. — В связи с тем, что, кроме этого богатства, вы ничем не владеете, выплата долга растянется на несколько поколений. Вам придется производить себе подобных быстрее и качественнее — в этом мы вам поможем. Не бесплатно, конечно. Мы проводим эксперименты в мирах с высокой гравитацией, и нам нужны наблюдатели. Автоматы не способны выполнять все операции. К тому же всегда найдутся желающие использовать таких выносливых работников, как вы…

— Ты явился сюда поработить нас, лишить свободы! — взревел Бекрнатус. Превратить свободных людей во вьючных животных. Никогда!

— Он схватил с пола топор и, размахивая им

над головой, стремительно, насколько позволяла сила тяжести планеты, поднялся. Но Лэнгли был готов к такому обороту дел. Тесная комнатка сотряслась от грохота его ружья. В каменной стене позади Бекрнатуса образовалась глубокая вмятина.

— А теперь представь, что эта штука могла сотворить с тобой. Садись и перестань валять дурака. Будь уверен, я убью тебя, чтобы спасти свою жизнь. Мы не можем лишить вас свободы, потому что мир высокой гравитации уже сам по себе является тюрьмой для вас. Вы — в оковах той силы, которая давит на вас, прижимая к земле, которая заставляет падать различные предметы, когда их бросают. Эта сила слабее в других мирах. Я могу покинуть вашу планету и законсервировать нуль-передатчик — и наши отношения на этом закончатся. Если вы действительно этого желаете. Выбор за вами. — Он махнул ружьем в сторону Патны. — А теперь открой ту дверь!

Бекрнатус стоял, растерянно опустив руки, позабыв о топоре. Мир, который он знал, внезапно изменился, все изменилось. Лэнгли с трудом повесил ранец на одно плечо и взмахом ружья велел Патне отойти в сторону. Еле переставляя ноги, он направился к выходу.

— Я еще вернусь, и тогда вы сможете мне сообщить о своем решении.

Переборов отвращение, Патна окликнула Лэнгли, когда тот уже был за порогом.

— Этот передатчик материи — когда мы сможем воспользоваться им? Посмотреть на чудеса иных миров…

— Не скоро. Во всяком случае, ты не доживешь до этого. Пользоваться нуль-передатчиком можно только тогда, когда уплачены все долги. — Он был вынужден сказать ей это для ее же блага: ведь чем скорее она узнает правду, тем быстрее приспособится к изменившимся обстоятельствам. — А ты займешься другим, более полезным делом. Будут нужны не крепкие спины, а умные специалисты, управляющие сложными механизмами. Твое чрево — единственное, которое может производить их на свет. Не позволяй ему отдыхать.

Изнемогая от ходьбы, он шел до тех пор, пока не оказался на свободном от строений пространстве. Остановившись, он с облегчением опустил ранец на землю. Ноша была слишком тяжела, чтобы нести ее к нуль-передатчику. Он включил механизм уничтожения и продолжил свой путь, не оборачиваясь на буйное пламя позади. Дорого-

стоящее снаряжение, конечно, но оно запишется на их счет. Никуда они не денутся и примут его условия, да им и не из чего особенно выбирать. Это пойдет им только на пользу. Не сразу, разумеется, но спустя какое-то время обязательно. Две приземистые фигуры все еще стояли на пороге дома, глядя ему вслед. Он пошел быстрее.

Чего они ожидали — милостыни? Вселенная не занимается благотворительностью. Нужно платить за все, что берешь у нее. Это естественный закон, и нарушить его невозможно.

А он выполняет свою работу, и все.

Всего лишь работу.

Он ведь помогает им?

Разве нет?

Спотыкаясь, утирая пот и задыхаясь, он спешил поскорее уйти отсюда.

Гарри Гаррисон
История конца

— Когда народный вождь Ийссел Дийк прошел сквозь двойник без всякого ущерба для себя и остановил встречный процесс концентрации, сводящий на нет все их устремления к расширению, он тем самым оказал влияние на будущее Эльстарана; отныне ничто не могло воспрепятствовать расширению пределов Эльстарана. Конец предложения. Конец параграфа. Конец главы. Конец книги. В набор.

Дехан с наслаждением потянулся. Экран, перед которым он сидел, потемнел, но уже через мгновение на нем появился продиктованный им текст. Легко прикасаясь к экрану стилосом, он внес в текст кое-какие поправки, затем удовлетворенно кивнул.

— В печать, — приказал он вслух и, оттолкнувшись от рабочего столика, взглянул на часы. Было почти семьдесят пять: в это время он обычно ходил купаться с Субуа, но сейчас он чувствовал себя безмерно уставшим для плавания. Работа требовала от него слишком большого напряжения и

концентрации сил; усердно трудясь над книгой, он частенько забывал даже про сон. Зевая, он снова потянулся — сказывалось хроническое недосыпание — и, предвкушая долгожданный отдых, отправился спать.

— Выключить свет, — произнес он и закрыл глаза, полностью отдавая себя во власть бархатистой тьмы. Дехан заснул.

Когда он проснулся, часы показывали восемьдесят четыре. Субуа, конечно, давно ушла, не дождавшись его, но он был бы не прочь искупаться и без нее. Быстро скинув повседневную одежду, он облачился в халат и, как всегда, направился к правой Двери, которой обычно пользовался при выходе. В мыслях он уже наслаждался солнечным светом и плеском волн, а пальцы, словно подчиняясь немому приказу, автоматически набирали на панели связи нужный двенадцатизначный цифровой код. Поверхность Двери замерцала, и он прошел сквозь нее.

Из прохладного подземного помещения, скрытого в толще скальных пород планеты, о которой он, в сущности, ничего не знал, он ступил прямо на побережье Итонга, под обжигающие лучи голубого солнца. Дыша полной грудью раскаленным, как в печи, воздухом, он пробежал по

золотистому песку до самой кромки воды, где неторопливо и равномерно набегали на берег волны, разбиваясь на шипящие пузырьки. Чувствуя, как весь покрывается испариной, Дехан сорвал с себя халат, скинул сандалии и бросился в воду. Прохладные волны тотчас сомкнулись над ним; он нырял и плавал, и снова выныривал, а то и просто барахтался в воде, испытывая при этом огромное удовольствие.

Поднимая над водой голову, Дехан видел узкую прибрежную полосу, теряющуюся в необозримой дали по обе стороны от него, и возвышающуюся над ней серую пологую стену. И, как всегда, глядя на огромный барьер из серого камня, он лениво спросил себя, что же там может находиться, за тем барьером; но мысль эта занимала его недолго. Как-то на пляже ему сказали, что там, по всей вероятности, всего лишь тот же камень, поскольку суша, как и здешнее море, оказалась не способна породить хотя бы простейшие формы жизни. Чуть ниже скалы и рядом с ней виднелось множество Дверей: ведь Итонг считался излюбленным местом для купания. Люди торопливо входили и выходили из них; все мелководье, насколько Дехан мог охватить взглядом справа и слева от себя, было усеяно купающимися. Прозрачная

свежая вода умиротворяюще действовала на него. Голову начало припекать, и он, полностью погрузившись в приятную прохладу волн, медленно поплыл вдоль совершенно ровного дна. Вынырнув, он заметил, как из Двери, которой он обычно пользовался, появился мужчина. Так же, как и Дехан, тот быстро пробежал к воде по обжигающему песку пляжа. Мгновение спустя он уже шумно плескался на мелководье, то ныряя, то снова появляясь на поверхности неподалеку от Дехана.

— Линкика, — представился незнакомец, заметив, что он здесь не один.

— Дехан.

Некоторое время они плавали рядом, соблюдая положенное время молчания — на случай, если кто-либо из них не расположен беседовать. Судя по тому, что никто из двоих не выказывал желания отплыть подальше, оба были настроены на разговор.

Дехан, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Время на этой планете, кажется, перевалило через полдень, — произнес он. — Видите, солнце начинает склоняться к воде?

— Да. Вскоре нам придется подыскивать себе другой пляж, пока солнце снова не вернется сюда.

Я тут как-то произвел некоторые расчеты, и у меня получились довольно интересные цифры. Оказывается, период вращения этой планеты — шесть тысяч четыреста тридцать единиц времени, а продолжительность дня — три тысячи двести пятьдесят. Впрочем, ранним утром здесь купаться слишком холодно.

— Вы ученый?

Насколько Дехан понимал, его собеседник должен был занимать в обществе высокое положение, иначе он не пользовался бы той Дверью, что и сам Дехан. Конечно, наслаждаться отдыхом на Итонге может любой, но у каждого определенного круга людей, занимающих одинаковое положение, были свои номера Дверей. Где-то на этом пляже была Дверь для детей, а возможно, и для сумасшедших. В последнем Дехан был не совсем уверен, да это и не интересовало его.

— Я — филогенетик.

Дехан не понял, тем не менее кивнул и плеснул водой на голову. Еще одно длинное слово. Еще одна специальность. Их, должно быть, тысячи, а может, и миллионы.

— А я — историограф.

— Как интересно. Я всегда хотел познакомиться с историографом.

Дехан закрыл глаза, мимикой изображая комическое недоверие.

— Правда? Я еще ни разу не встречал человека — кроме других историографов, конечно, — который хоть что-то слышал об этой специальности.

Его новый знакомый потер гладкую, как полированный шар, голову, начинающую краснеть под лучами солнца, и улыбнулся.

— Я не претендую на широкий диапазон моих познаний. Должен признаться, я отыскал значение этого слова в сноске, когда работал над…

При упоминании о его работе Дехан, естественно, пришел в замешательство и, нырнув, проплыл под водой круг, чтобы немного успокоиться. Существует определенный круг тем, которые не подлежат обсуждению во время купания.

— Я бы с удовольствием сейчас закрыл поры, — сказал он, снова вынырнув. А вы?

— Отличное предложение.

Они выбрались на берег и быстро оделись.

Иллюстрация Vincent diFate

— На днях я посетил совершенно необыкновенный охладитель, — охотно поделился информацией Линкика, в надежде сгладить свой недавний промах.

Он вслух произнес номер кода, пальцами непроизвольно набирая в воздухе комбинацию цифр.

— Не знал о таком. С удовольствием отправлюсь, туда вместе с вами.

Оживившись, Линкика подошел к Двери и активировал ее. Дехан шагнул за ним и… едва устоял под яростным напором снежного вихря и ледяного ветра; дыхание его перехватило. Они очутились на обледеневшем гребне, оба склона которого круто уходили вниз, в затянутую снежной пеленой пустоту. Впереди, прямо на шероховатой поверхности скалы, виднелись еще две Двери, еле различимые в снежной кутерьме. Вьюга грохотала и выла на все лады, и, чтобы быть услышанным, Линкике пришлось кричать в самое ухо Дехана.

— Когда нет снегопада, отсюда прекрасный обзор. Вечный снег на вершинах гор, сами горы, долины — впечатляющее зрелище!

— Я… запомню, — пробормотал Дехан занемевшими от холода губами.

Стараясь придерживаться дороги, протоптанной их предшественниками, они осторожно пересекли гребень, постоянно поскальзываясь на его гладкой ледяной поверхности; от внушающих ужас обрывов с обеих сторон гребня их отделяли только поручни, укрепленные по одному на уровне пояса. С видимым облегчением они

прошли сквозь Дверь и попали прямо в гардероб, где оба разошлись по кабинкам. Через малую Дверь Дехан отослал домой свою запачканную одежду, затем насухо вытерся и надел одноразовый костюм из распределителя. Кожа его горела; он чувствовал себя превосходно. Поистине то был прекрасный охладитель. Он обязательно наведается сюда еще раз, но лучше, конечно, в ясный день.

Линкика ждал его за столом возле огромного окна. Снаружи свет двойной луны заливал долину, наполняя ее всеми оттенками серого и черного там, где сливались друг с другом джунгли, холмы и река. Дехан узнал это место — они находились в одном из тропических миров, а помещение, из которого он любовался долиной, располагалось внутри высокого холма, и окно выходило на поверхность склона. Они кивнули друг другу и заказали себе по напитку. Заказ вскоре появился перед ними, и оба стали неторопливо потягивать содержимое бокалов.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Дехан. — Филоген… простите, не помню, как вы сказали.

— Филогенетик. Я пытаюсь проследить происхождение различных биологических видов, выявить их предшественников, установить связи

между видами. Моя работа приносит ощутимую пользу животноводству, продовольственному растениеводству и тому подобному.

Дехан одобрительно кивнул, хотя понятия не имел, о чем идет речь. Приободренный, Линкика продолжал:

— Не так давно я консультировал по поводу одного генетического заболевания. Я проследил этиологию болезни и выявил, каким образом можно вылечить больного. Этот случай заставил меня заинтересоваться самым необычным представителем животного мира — человеком, и я начал прослеживать историю человечества. Можно сказать, что в некотором смысле между моими скромными исследованиями и вашим грандиозным трудом есть небольшое сходство. Не сомневаюсь, что вы добились потрясающих результатов за последнее время, не так ли?

Дехан кивнул и улыбнулся. Что бы там ни было, а его собеседник обладал прекрасными манерами. Ведь хорошо воспитанные люди не рассуждают о своей работе во всех подробностях, пока все участники беседы не расскажут о своей.

— Я завершил свою работу над Эльстараном. Утомительное занятие, должен вам сказать. Это самая неясная страница в истории человечества,

причем написана сухим, невыразительным языком и изобилует ненужными подробностями, искажающими истинное значение этого периода истории для всего человечества. Конечно, то время было многим примечательно — взять хотя бы дюжину солнц и двадцать или около того планет, благополучно исчезнувших благодаря счастливой случайности, проявившей себя во взрыве Сверхновой. Я сократил более чем девятьсот томов до одного-единственного тома, не потеряв при этом ценности их содержания.

— Замечательно. Как мы нуждаемся в подобного рода таланте, чтобы из длинной ленты истории получились поддающиеся восприятию отрезки. Если бы не вы, нас бы захлестнул поток избыточной информации.

Могу заявить об этом со всей ответственностью, так как, занимаясь научной работой, я впервые осознал, в какое невероятно далекое прошлое уходит корнями история рода человеческого. Она, наверное, насчитывает миллионы единиц времени — как вы полагаете?

— Больше, много больше. — Дехан медленно и с чувством произнес эти слова.

— Вполне возможно. Я склонен верить этому. — Линкика наклонил голову, словно не выдержав

бремени мыслей. — Мгновение, которое стоит посвятить красоте, если не возражаете. Близок рассвет; посмотрите, как сменяются краски неба.

Некоторое время они молча любовались предрассветным небом. Оно светлело прямо на глазах, и ничего удивительного в том не было — такая стремительность смены дня и ночи всегда присуща тропической зоне. От реки и деревьев поднимался туман; и первый робкий отблеск розовой зари упал в предрассветную мглу, легко касаясь темных омутов и водоворотов невидимой кистью. Картина, открывающаяся перед ними, завораживала своей красотой, и они замерли перед ней в восхищении.

— Кстати, в этой бесконечной цепи развития прогресса я выявил странные, любопытные, необычные и приводящие в недоумение факты, — нарушил молчание Линкика. — Вы когда-нибудь задумывались, почему мы взяли за основу двенадцатеричную систему счисления?

— С точки зрения математики это самый удобный вариант. Надо помнить только одиннадцать цифр и ноль. К тому же возможен неограниченный диапазон действий. Делится на один, два, три, четыре и шесть. Прекрасная основа.

— И это все?

— Этого достаточно.

— А вы никогда не задумывались, что в далеком прошлом, еще на заре нашего рода человеческого, мы, впервые начав считать, по своей наивности использовали в качестве основной системы свои пальцы? — Он положил руки на стол и посмотрел на свои двенадцать пальцев. — Разве это так уж невозможно?

— Возможно. Но это лишь теория. С таким же успехом вы могли бы сказать, что, будь у нас по пять пальцев на каждой руке, мы бы взяли за основу десять.

Линкика внезапно побледнел и одним глотком осушил свой бокал. Самообладание вернулось к нему.

— Интересное число. Вы его выбрали случайно? Или же в математике использовалась десятеричная система, подобно двоичной системе в компьютерах?

— Не помню. Но это довольно легко выяснить.

Дехан не спеша пересек комнату и подошел к одному из выводов компьютера, которые служили одним из элементов внутренней отделки всех общественных мест. У него был большой опыт в области работы с компьютером, очень большой опыт; и в своем стремлении вскрыть

самые глубокие потаенные факты он был упрям до беспощадности, а эта задача показалась ему элементарной по сравнению с другими. Он всегда знал, какие вопросы ему следует задавать. И сейчас его пальцы безостановочно двигались по клавишам пульта управления, меняя отображение информации почти в тот же момент, как оно появлялось на дисплее. Через местный компьютер его сигналы передавались на пространственный, связанный через передатчики материи со всеми галактическими банками памяти, хранящими данные по математике, истории и даже далеко, казалось бы, отстоящим от данной задачи другим наукам. Получив ответ, он быстро вернулся к столу и отпил из бокала.

— Интересную информацию выдала мне машина.

Когда-то — о боже, боже, как же давно это было! — повсеместно использовалась именно десятеричная система счисления, которую впоследствии заменили на двенадцатеричную, явно из-за превосходства последней. Так что от теории с пальцами придется отказаться.

— Не так быстро. Мои исследования выявили неизвестный до сих пор факт, что когда-то у большей части человечества было только по десять

пальцев на руках.

— Совпадение, не больше. — В глубине души Дехан не верил в то, что сам говорил.

— Возможно. Но если моему факту есть объяснение — то каково оно? Если два факта взаимосвязаны, то вытекающий из этого логического уравнения результат может существовать в одном из двух вариантов. Переход от десятеричной системы счисления к двенадцатеричной повлек за собой изменение количества пальцев.

— Совершенно немыслимо.

— Согласен. Поэтому мы должны рассмотреть альтернативный вариант, а именно: человеческая раса исчезла в результате какой-то значительной мутации, кардинальных изменений или военного конфликта. Возможно, существовало противостояние двух враждующих групп населения, и в разразившейся между ними войне люди с двенадцатью пальцами победили людей с десятью…

— Подобной войны никогда не было. Я бы знал о ней.

— Разумеется. Но согласитесь, вопрос довольно интересный.

Некоторое время они молча потягивали напиток и наблюдали, как дневной свет постепенно

заливает долину. Утренние туманы испарились с первыми же лучами огромного оранжевого солнца, брызнувшими из-за острых вершин грозных, величественных скал. У реки раскинулся целый поселок из примитивных хижин, и, чтобы разглядеть их получше, Дехан тронул рычажки управления окном. В то же мгновение изображение увеличилось настолько, что возникло ощущение, будто они находятся среди хижин. Голубокожий абориген неуклюже перешагнул порог одной из них и широко зевнул, обнажая торчащие в длинных, как у ящера, челюстях ряды впечатляющих острых зубов. Существо подобрало палку и с раздражением ткнуло ее в глубокие складки кожи, холодно созерцая при этом нарастающее с каждой минутой пробуждение природы.

— Пленники времени, — произнес Линкика. — Когда-то и мы были такими же. Сама жизнь подтверждает теорию о сущности бытия.

— Что вы имеете в виду?

— Этих созданий. Их жизненный цикл связан с вращением планеты. Они спят в темное время суток и бодрствуют днем.

— Но это неестественно!

— Вовсе нет. Для любого организма, живуще-

го на планетах, это вполне естественно. Нам потребовались тысячи поколений, чтобы преодолеть зависимость от цикла бодрствование/сон и прийти к нынешнему состоянию, при котором мы спим лишь тогда, когда устаем, причем нам достаточно непродолжительного сна.

— Не представляю себе, как может быть иначе. Если все же допустить, что кардинальные изменения действительно имели место, то что могло послужить причиной?

— Но это же очевидно! Двери. Их повсеместное использование, несомненно, повлекло за собой перемены, коснувшиеся всех сторон нашей жизни.

Дехан в удивлении приподнял брови.

— Значит, вы — один из тех, кто не верит в существование Дверей с момента зарождения жизни во Вселенной?

— Сказка для детей. Двери — творение рук человека, и мы до сих пор продолжаем их производить. Хотя сейчас они представляют собой единый узел, прочный, неразъемный блок; конструкцию, практически неподдающуюся разрушению. Они не всегда были такими. В музеях можно найти более ранние модели. Вы никогда не задавались вопросом, почему Двери всегда

двойные? Всегда.

— Никогда не задумывался над этим. А разве их конструкция может быть иной? Мне она представляется такой естественной.

— Этому есть причина. Один инженер сказал мне: как ни совершенен механизм Двери, в нем случаются сбои, хоть и крайне редко. Если подобное когда-либо произойдет, то вторая Дверь всегда наготове. Ведь таких мест, где оставшемуся без Двери не позавидуешь, сколько угодно.

— Вы правы, — сказал Дехан, невольно поежившись при одной мысли о своей комнате.

Она находилась в самой толще скалы — в недрах мира, чье название он забыл. Он никогда не выходил на поверхность планеты, потому что там не было воздуха. В поисках драгоценных металлов на планете когда-то разрабатывались рудники, и в самом сердце каменных гор были пробиты огромные штольни. Когда запасы руды подошли к концу, штольни залили расплавленным шлаком. С промежутками. В результате получились своего рода отсеки, достаточно просторные, чтобы их можно было использовать как жилье — в конце концов, человек имеет право на частную жизнь. Каждый отсек снабдили Дверью. Без Дверей они были бы просто пузырями

в скале. Любого оказавшегося внутри одного из них ожидала бы медленная смерть в одиночестве и забвении.

— Логически рассуждая, можно прийти к единственному заключению, — сказал Линкика. — Очевидно, было время, когда человечество не располагало Дверьми как невероятно это ни казалось бы для нас.

— Значит, вы — сторонник теории развития человечества из одного первоисточника, а не из многих?

— Конечно. Во-первых, биология как наука отрицает возможность появления одного и того же вида в разных местах, а затем последующее смешение. И так же, как было время, когда мы жили без Дверей, было и время, когда мы, словно в заключении, обитали лишь в какой-то одной ограниченной области пространства.

— То есть на одной планете?

— Не я, но вы пришли к такому выводу, — улыбнулся Линкика. — Подобные мысли могут завести нас слишком далеко.

— Почему же? Я не тороплю вас с выводами, поскольку я такой же горячий приверженец теории развития человечества из одного первоисточника, как и вы, хотя сейчас и не принято

придерживаться этой теории. Я пойду даже дальше. Я уверен, что нашей прародиной действительно когда-то была одна-единственная планета. Так же как и у тех созданий снаружи, аборигенов этого мира, неспособных покинуть его.

— Вынужден согласиться с вами. Я признаю изменение физического облика, но, честно говоря, никогда не предполагал, что ему должны сопутствовать изменения в интеллекте. Вполне возможно, что при зарождении человечества мы были так же примитивны, как здешние аборигены. Но если так — то, очевидно, была лишь одна планета, на которой и возникло человечество.

— Я уже давно так думаю. За время своей работы я проследил весь путь человечества от наших дней назад, в глубь веков — конечно, насколько это было возможно. И всегда я сталкивался с явлением, когда простое перерастает в более сложное. Я завершил свои исследования и думаю, что полностью раскрыл неведомое нам доселе.

Линкика на мгновение закрыл глаза, всем своим видом показывая, как высоко он оценивает заслуги ученого.

— Не хотите ли вы сказать, что обнаружили этот протомир — нашу прародину?

— Возможно. Хотя порой меня одолевают сомнения. Я просмотрел все записи по нашей истории, даже самые древние, касающиеся событий невероятно далекого от нас времени. Я не совсем уверен, что найденная мной планета — та самая, но только древнее ее нет.

— Не будете ли вы так любезны сообщить мне ее код?

— С удовольствием. — И Дехан вслух произнес комбинацию цифр. — Более того, мы можем отправиться туда прямо сейчас и взглянуть на нее собственными глазами.

— Вы так добры. Признаться, я даже не ожидал такой любезности с вашей стороны.

— Буду рад пойти туда вместе с вами. Столь немногие проявляют интерес к этой теме.

Дехан первым прошел сквозь Дверь. Оба очутились в небольшой комнате, обстановка которой отличалась чрезвычайной простотой.

— Люди так редко приходят сюда, что это помещение чаще всего бывает закрыто. Взгляните, все мои посещения зафиксированы на счетчике. До меня в последний раз здесь были многие тысячи единиц времени тому назад. — Он посмотрел на показания контрольных приборов и удовлетворенно кивнул. — Воздух, температура — все

в норме.

Отперев дверь, они прошли в длинную, похожую на коридор, комнату. С одной стороны в стене находились наблюдательные амбразуры, все остальное пространство было занято шкафами и дисплеями.

— Никаких признаков жизни, — сказал Линкика, посмотрев в одну из амбразур на мертвый высохший мир.

Солнце; немногим более яркое, чем остальные звезды, в черном небе выглядело холодным немерцающим диском. Жизнь давно покинула эту планету, воздух улетучился, вода испарилась, и лишь голые скалы и бесплодные пески однообразно и уныло тянулись до самого горизонта. Однако ближайшие огромные монолиты, покрытые трещинами и изъеденные временем, все еще носили на себе следы обработки, напоминая о создавшем их разуме.

— В этих шкафах хранится несколько найденных здесь предметов, о назначении которых нужно еще догадаться.

Линкика с живейшим интересом повернулся к нему, ожидая увидеть нечто, потрясающее воображение. Однако оживление на его лице потухло и сменилось разочарованием.

— Все это может оказаться… ничем, — заметил он, указывая на бесформенные, тронутые временем глыбы металла и камня.

— Знаю. Но чего еще можно ждать от мертвой планеты?

— Ничего, вы совершенно правы.

Линкика еще раз глянул на обломки — немые свидетели ушедших веков, — затем снова перевел взгляд на безжизненную равнину и вздрогнул, словно от холода, хотя в помещении было тепло и уютно.

— Такое ощущение, будто все тысячелетия, что пронеслись над этим миром — а их было намного больше, чем я могу себе представить, — давят на меня своей непомерной тяжестью. Теперь я вижу, как мимолетен непродолжительный период моей жизни и как она незначительна.

— Я и сам не раз чувствовал здесь то же самое. Говорят, что человеческий разум не в состоянии вместить в себя идею собственной смерти, но, когда я здесь, я начинаю понимать, каким образом может вымереть биологический вид. Если бы не Дверь, мы навсегда остались бы на этой планете, словно в ловушке, и умерли бы здесь, как если бы то был единственный известный нам мир.

— Хорошо, что это не так. Для человека не су-

ществует границ. Мы правим повсюду.

— Но как долго? Не подобна ли одна галактика — в бесконечности времени одной планете? Не умрет ли она? Или — разве нас не может вытеснить какое-либо иное существо? Кто сильнее нас, совершеннее и лучше. Должен сказать, что в мои сны частенько врывается этот кошмар. Ведь Двери — повсюду. Разве не может оказаться одна из них там, где не следовало бы? Скажем, на планете, где то самое более сильное и совершенное существо, готовое к вторжению, дожидается удобного момента, чтобы незаметно проникнуть к нам, жить среди нас, постепенно нас вытесняя. Чтобы на вечные времена положить конец нашему существованию.

— Вполне вероятно, — согласился Линкика. — Нет ничего невозможного в нескончаемом потоке вечности. Думаю, что для нас вытеснение произойдет безболезненно. Впрочем, об этом мы никогда не узнаем. На что вы показываете? Что это?

— Подойдите сюда. Я хотел поговорить с вами прежде, чем вы увидите эту последнюю находку.

Они приблизились к ней, и освещение сразу усилилось, так что они без помех смогли разглядеть изображение незнакомого им существа. На

рисунок — или фотографию — был нанесен толстый защитный слой из прозрачного материала, и, несмотря на почтенный возраст изображения, многие детали на нем хорошо различались.

— Что это за существо? — спросил Линкика. — Оно очень похоже на человека. Но, взгляните, в отличие от нас на его черепе есть шерсть, к тому же на глазах нет мигательной перепонки. Другое строение организма, суставы… и, обратите внимание: на каждой руке по пять пальцев, всего десять…

Он умолк, пораженный внезапной мыслью, пришедшей ему в голову, и с безмолвным удивлением повернулся к Дехану. Тот медленно кивнул:

— Именно это и пугает меня. В надписи под изображением указано имя одного из вождей настолько великих, что я обнаружил ссылки на него в нескольких источниках. В наших источниках. В древних записях. Глядя на этого человека, для меня становится очевидным…

— Но ведь люди — это мы!

— А так ли это? Мы называем себя людьми и владеем наследием человечества. Но разве не могло произойти — как мы недавно теоретизировали — вытеснение человечества? Что мы

попросту вытеснили их?

— В таком случае кто же мы? — Линкика содрогнулся от догадки, промелькнувшей в голове.

— Мы? Сейчас мы являемся человечеством. И если не по кровному родству, то по общему культурному наследию. Но не это волнует меня. Мои мысли более эгоистичны.

Он надолго замолчал, и от воцарившейся тишины помещение казалось таким же мертвым, как сама планета.

— Меня ни на секунду не оставляют эти мысли. Кто же тот, ждущий за Дверью; который со временем — возможно, очень скоро — вытеснит нас?

Гарри Гаррисон
Источник опасности

— Двенадцать, замок шлема, — задребезжал голос Робсона из наружного динамика его герметизированного скафандра.

— Двенадцать, — отозвался Сонни Грир, глядя на красные стрелки, которые соприкасались остриями на шлеме и плече скафандра, затем ударил кулаком по замку. — Выровнен и заперт.

— Тринадцать, предохранительный клапан, — Робсон читал, глядя на список проверки, прикрепленный к переборке.

— Тринадцать, закрыт. — Сонни постучал костяшками пальцев по скафандру.

— Четырнадцать, сумка для аварийного ремонта.

— Четыр…

— Что ты делаешь, Сонни? Что, черт побери? — раздался голос капитана Хегга, вошедшего через воздушный шлюз.

— Помогаю профессору проверить готовность к выходу из корабля. Мне кажется, это очевидно, капитан.

— Помогаешь ему как можно скорее погибнуть, вот как я считаю. Ты должен относиться к этому серьезнее. Почему не проверил предохранительный клапан?

— Я осмотрел его: ручка поднята вверх и повернута вниз, как всегда. Клапан закрыт — но мне еще ни разу не приходилось видеть открытый клапан.

— Но ведь ты не можешь знать, что он действительно закрыт, пока не проверишь, — произнес Хегг терпеливо. — Может быть, ручка сломана или повернута только на пол-оборота.

— Нет, капитан, посмотрите сами. — Крошечная ручка не шевельнулась, когда Сонни нажал на нее. — Видите, я прав.

— Нет, Сонни. Ты не следуешь предписанной процедуре, а это самое главное.

— Меа сшра, — согласился Сонни. — Моя вина, — и он поднял руки над головой в шутливом жесте повиновения, обезоруживающе улыбаясь. — Примите во внимание мою молодость, капитан. Обещаю, что это не повторится.

— Надеюсь.

* * *

— Вы ведь не считаете, профессор, что я собираюсь убить вас? — спросил Сонни, печально глядя на удалявшуюся спину капитана. — Если вы умрете, у кого мне удастся иногда выигрывать в шахматы?

— Хегг привык к точному исполнению всех правил. — Через толстое стекло шлема была заметна улыбка Робсона. — Он хороший человек, хотя и ужасно пунктуален. Но капитан считает, что только в этом случае удастся соблюсти полную безопасность.

— Но почему тогда в капкан каждый раз попадает именно моя шея?

Робсон пожал плечами:

— Давай не будем медлить и закончим проверку готовности. Мне хочется забрать ловушки до наступления темноты.

— Вы совершенно правы, профессор. Итак, начинаем с пункта четырнадцатого.

…Сонни следил через иллюминатор, как капитан Хегг и Робсон, медленно и неуклюже двигаясь в герметических скафандрах, перевалили через ближайший хребет и исчезли среди деревьев, как-то странно похожих на земные. Уже не в

первый раз он встряхнул головой при мысли о неразумности всего этого.

— Может, сыграем? — предложил Аркадий со своей койки, держа в руке карманные шахматы. — Согласен дать фору — буду играть без ладьи.

— Думаешь, мне приятно совершать самоубийство? В прошлый раз ты выиграл у меня без ферзя.

— Тебе просто не повезло, Сонни. Играя с противником, у которого отсутствует ферзь, ты сумеешь победить даже великого Ботвинника — пусть будет вечной его память, — если будешь просто разменивать фигуры.

— Пожалуй, но я все время забываю об этом. Посмотри, Аркадий, какой прекрасный солнечный день на Кэссиди-2. В деревьях проносится ветер, растет трава — вот только едва заметный зеленоватый оттенок в атмосфере отличает ее от земной. Неужели тебе не хочется сбросить одежду, выйти из купола и прогуляться?

— Чтобы задохнуться через пять секунд? — пробормотал Аркадий, расставляя на доске шахматные фигуры, соответствующие очередной позиции. — Воздух снаружи наполнен смертельными ядовитыми газами, а смесь водорода и

метана будет гореть в этом помещении ярким пламенем. И не только в помещении, но и в твоих легких. Даже камни воспламенятся в такой атмосфере. Посмотри, как искусно выиграл Решевский у Эйве в средние века, в 1947 году.

— Да перестань, Аркадий, ты знаешь, что я хочу сказать. Я мог бы читать тебе лекции о прекрасной природе этой планеты. Не забудь, что я — минералог экспедиции, а ты всего лишь туго мыслящий русский горный инженер…

— Завтра утром и я примусь за работу.

— …Я имею в виду романтику, эмоции, искусство. Взгляни в иллюминатор. Иной мир отделен от нас только этой толстой стеной, но он более недоступен, чем Земля, находящаяся на расстоянии многих световых лет. Неужели ты не чувствуешь? Разве тебе не хочется выйти из этого проклятого купола?

— Если я покину купол без скафандра, через пять секунд мне конец.

— Ты — болван, лишенный воображения. Если славная русская революция в конечном итоге создала таких людей, как ты, пусть уж лучше царь вернется на престол.

— Это верно. Сегодня твоя очередь готовить еду.

— Неужели я могу забыть об этом? Не спал всю ночь, думая, что бы состряпать на ужин. Как по-твоему, осетровая икра пойдет с бефстроганов? Хорошо ли охладилась водка?

— Бифштекс из обезвоженного мяса и кофе — вот предел моих мечтаний, равнодушно ответил Аркадий, не отрывая взгляда от шахматной доски. — Не мучай себя, Сонни.

* * *

— Меня беспокоит молодой Грир, — произнес капитан Хегг, предварительно убедившись, что радиосвязь отключена и он говорит по связному контуру скафандров.

— Сонни — хороший парень, — ответил Робсон, шагая рядом. — К тому же он не так молод, как кажется. Он защитил докторскую диссертацию, провел весьма интересные исследования. Мне приходилось читать его работы.

— Меня беспокоит совсем не его исследовательская деятельность. Если бы он был плохим ученым, Космическая инспекция не предложила бы ему эту работу. Не сомневаюсь, он найдет месторождения полезных ископаемых на этой планете — если они существуют, — а Барабашев изыщет возможности их добычи. С этими пробле-

мами я совсем незнаком, но знаю свою работу, которая заключается в руководстве экспедицией. Моя задача состоит в том, чтобы все ее члены были живы и здоровы. А вот Грир ведет себя слишком беззаботно — особенно если принять во внимание условия на этой планете.

— У него есть опыт работы в полевых экспедициях.

— На Земле, — презрительно фыркнул Хегг. — В Антарктике, джунглях, пустынях. Детские игрушки. Это его первая космическая экспедиция на отдаленной планете, а он ведет себя безответственно. Надеюсь, профессор, вы меня понимаете.

— Отлично понимаю — это моя восьмая экспедиция на дальние планеты. Я не так уж необходим здесь — по крайней мере вы куда нужнее. Единственная причина, по которой начальство включает меня в состав каждой из них — меня или другого эколога, потребляющего изрядное количество пищи, — состоит в том, что оно хочет подчеркнуть научную ценность исследований на вновь открытой планете и в следующий раз потребовать выделения более значительных средств. Я теперь очень спокойно отношусь к таким экспедициям — хоть и находишься в их

составе, но не занимаешь ведущего положения, так сказать, где-то с краю. Нужно дать ему время освоиться и следить за ним. Неужели вы не помните, каким я был во время моей первой экспедиции? На Танарике-4?

Хегг рассмеялся:

— Да разве кто-нибудь из нас сможет это забыть? Прошло, должно быть, не меньше месяца, прежде чем выветрился запах.

— Тогда вы понимаете, что я имею в виду. Все вначале зеленые, как трава. И с ним все образуется.

— Пожалуй, вы правы.

— Смотрите, кто-то попался в мою ловушку! Серпентоид, клянусь всевышним! У него шесть ног!

В двух из остальных ловушек тоже находились образцы местной фауны, и Робсону потребовалось время, чтобы отравить их и поместить в герметический контейнер. Не было никакой возможности доставить образцы на Землю живыми или хотя бы содержать их в куполе — условия не позволяли. Животных придется препарировать и хранить в запечатанных пластиковых пакетах.

Когда они отправились в обратный путь с тяжелым контейнером, солнце начало садиться, и

темнота наступила задолго до того, как они подошли к куполу. Однако направленный луч вел их прямо домой, и они заметили прожектор на вершине радиомачты с расстояния в два километра. У них могли возникнуть трудности с воздухом — обоим уже пришлось перейти на резервные баллоны, однако, чтобы добраться до корабля, запаса было более чем достаточно.

Наружная дверь воздушного шлюза открылась. Хегг захлопнул ее за собой, повернул, колесо герметизации и включил насосы, удалившие из помещения шлюза смертоносный воздух планеты. Робсон включил душ, чтобы смыть со скафандров и контейнера ядовитый осадок и частицы почвы.

Из душа с ревом хлынула струя дезинфицирующей жидкости, но тут же прекратилась, и из сетки выпало несколько капель.

— Резервуар пуст, — заметил Хегг, взглянув на индикатор. — Кто должен был наполнить его?

— По-моему, Сонни, — неуверенно ответил Робсон. — Но я не помню списка дежурств.

— Зато я помню, — мрачно произнес Хегг. Он повернулся к аппарату внутренней связи, установленному на стене воздушного шлюза, и нажал на кнопку.

— В чем дело? — послышалось из крошечного динамика. — Этот пост работает днем и но…

— Ты не наполнил резервуар душа, Сонни. Сегодня это твоя обязанность.

— Вы совершенно правы, капитан. Совсем выскочило из головы — все время думал только о приготовлении ужина. Как только вы войдете в купол, я тут же займусь этим.

— Тогда объясни мне, как попасть в купол, если мы не можем очистить и продезинфицировать себя?

Наступила тишина. Через несколько секунд из динамика снова донесся голос Сонни:

— Мне очень жаль. Это всего лишь случайность. Как теперь поступить?

— Ты совершенно прав: предпринять что-то необходимо. Возьми дрель, установи в ней сверло диаметром чуть меньше шланга, находящегося в резервном контейнере. Обточи конец шланга, затем пусть один из вас встанет у резервуара, а другой начнет сверлить отверстие в переборке. Как только сверло проникнет внутрь шлюза, тут же выдерни его и воткни в отверстие конец шланга — и как можно быстрее. Давление с вашей стороны избыточное, так что с вами ничего не случится. Мы по-прежнему в скафандрах. После

этого пустите по шлангу жидкость из резервуара. Мы вымоемся под струей из шланга.

— Мне это представляется опасным, капитан. Неужели нет иного выхода?

— Нет. Делай так, как я сказал, и принимайся за работу немедленно.

— Мне кажется странным, что в воздушном шлюзе не поставили бак, который можно было бы наполнять из купола.

— При строительстве купола руководствовались тем, чтобы в герметической переборке, отделяющей внутренние помещения от воздушного шлюза, было как можно меньше отверстий — но давай обсудим недостатки проекта в другое время. Берись за дрель сейчас же!

Капитан Хегг терпеливо ждал. Время шло. Робсон не обладал бесконечным терпением капитана, и им все больше и больше овладевало беспокойство. Он то и дело поглядывал на индикатор, показывавший, сколько воздуха осталось в баллонах, и постукивал по нему пальцем. Стрелка уже достигла нулевого деления. Внезапно раздался пронзительный визг дрели, вгрызающейся в переборку из силиконовой бронзы, и Робсон едва не подпрыгнул от неожиданности. Визг превратился в равномерный рев, и из пе-

реборки появился черный наконечник сверла. Затем он исчез, и послышалось шипение воздуха, проникающего в шлюз. Шипение прекратилось, когда в отверстии показался наконечник шланга, из которого брызнула жидкость.

— Старайтесь вымыться как можно лучше — и перестаньте смотреть на указатель воздуха, — произнес Хегг. — В баллонах находится аварийный запас, не помеченный на индикаторе. Времени у нас вполне достаточно.

Они быстро вымыли друг друга грубыми щетками, стараясь проникнуть в укромные части скафандров. Робсону казалось, что он задыхается. Несмотря на то что он понимал — это чувство лишь воображаемое, ему с трудом удавалось удержаться от панического крика, пока капитан методично, тщательно и не спеша мыл под струей контейнер с образцами, переворачивал его на бок и чистил дно. Наконец Хегг принялся мыть сам воздушный шлюз, после чего проверил чистоту специальным прибором. Обнаружил пару подозрительных мест на полу рядом с дренажным отверстием и заставил Робсона помыть еще раз.

— Ну, теперь все в порядке. — Капитан выпрямился. — И выкачаны все газы, проникшие в шлюз вместе с нами. Включайте подачу воздуха,

а я открою дверь.

В помещение шлюза с шипением ворвался воздух, но внутренняя дверь, хоть и не была запертой, не открывалась из-за разницы давлений. Нетерпеливо сжимая и разжимая потные руки в армированных перчатках, Робсон стоял перед ней, стараясь казаться таким же спокойным, как Хегг, стоявший рядом. Наконец шипение поступающего воздуха прекратилось, и капитан открыл дверь. Робсон поспешно снял шлем. Хегг аккуратно поставил свой шлем на полку и подошел к бледному Сонни Гриру, замершему у дальней переборки.

— Ты понимаешь, что натворил? Имеешь хоть малейшее представление?

Слова, вырвавшиеся из уст капитана, удивили его самого, потому что он совсем не собирался произносить их. В равной степени он не хотел никакого насилия, но его кулак сам сжался и приготовился к удару. «Боже мой, — подумал Хегг, — неужели я хочу убить юношу?» Мышцы капитана были удивительно развиты в результате пребывания на множестве планет с повышенной силой тяжести, а его кулак в металлической перчатке мог сломать челюсть Сонни, а может быть, даже шею. Потребовалось немалое напряжение воли,

чтобы успокоиться и опустить руку.

Хегг снял перчатки и принялся растирать шею, чтобы снять напряжение.

— Я ведь уже сказал, капитан, что сожалею о случившемся. Видите ли…

— Неужели ты не можешь понять, Сонни? Никакие сожаления не помогут, если я погибну. У тебя есть опыт участия в полевых экспедициях на Земле. Как ты думаешь, что произойдет в проклятой пустыне Гоби — или где еще там ты побывал, — если ты забудешь наполнить бак душа?

— Я…

— Так вот, ничего не произойдет. Просто кто-то не сможет принять душ и будет ходить некоторое время грязным, вот и все. А что случится здесь в такой же ситуации? Два человека могли погибнуть, вот что! Неужели ты не замечаешь разницы, мистер школьник?

Лицо Сонни Грира покраснело, а затем внезапно побледнело от ярости, но он сдержался. Робсон стоял в дверном проеме, держа шлем в руках, и следил за происходящим.

— Успокойтесь, капитан, — тревожно произнес он. — Не надо заходить слишком далеко.

— Нет, профессор, капитан совершенно прав, —

вмешался Сонни. Его голос дрожал — трудно сказать, от гнева или каких-то других эмоций. — Я полностью заслужил эти упреки. — Да я и сам вышел бы из себя, окажись я в подобной ситуации.

Аркадий смотрел на них со своей койки и молчал. Капитан Хегг повернулся к ним спиной — чтобы не видели его лица — и расстегнул герметический скафандр. Он чувствовал, как его зубы оскалились, словно у зверя, готового укусить. Хладнокровная часть его мозга оценивала поведение, и капитан удивлялся своей жестокости по отношению к юноше. Хегг заставил себя снять скафандр и медленными, выверенными движениями уложил его на место. Все в порядке, он снова контролирует свое поведение, держит себя в руках. Аркадий помогал Робсону убрать скафандр в шкафчик; они слышали слова капитана, но не вмешивались.

— Послушай, Грир. Против тебя лично я ничего не имею, надеюсь, тебе это понятно. — Голос капитана звучал спокойно и размеренно.

— Я знаю, капитан. Иногда вы бываете жестоким, но всегда справедливым.

Хегг решил не обращать внимания на едва заметные насмешливые нотки в словах Сонни.

— Очень приятно, что ты согласен со мной.

Значит, поймешь, что мои действия продиктованы не личными чувствами, а существующими правилами и заботой о благе экспедиции. Тебе приходилось слышать об оценке поведения всех, кто работает за пределами Земли?

— Нет.

— Я так и думал. Такая система не является секретом, но ее просто не хотят рекламировать. Правила очень просты. Два выговора — и ты больше никогда не будешь работать в планетарных экспедициях, да и вообще в Космической инспекции. Сегодня ты получил свой первый выговор.

— Что вы хотите этим сказать?..

— Именно то, что сказал. Завтра я пошлю на Землю еженедельный отчет о работе экспедиции. Там будет указано, что по твоей вине остальные члены экспедиции оказались в опасном положении; мое мнение будет отмечено в твоей характеристике. Это не слишком хорошо, но и стыдиться тоже не следует — немало сотрудников Космической инспекции получали подобные выговоры. Важность такой системы двойная: убедить тебя в необходимости точно соблюдать правила и инструкции, а также заставить следить за своим поведением, чтобы не подвергать опасности жизнь остальных членов экспедиции.

Если произойдет еще одна такая ошибка, я запрошу замену.

— Боже мой, капитан, но ведь ничего не произошло! Обещаю, что подобного больше не случится. Я буду стараться изо всех сил — только не сообщайте на Землю.

— Ты будешь стараться изо всех сил именно потому, что я сообщу о твоем промахе. Если бы я был достаточно крут, то послал бы первое сообщение, когда ты не проверил предохранительный клапан на скафандре Робсона, и уже сейчас речь шла бы о твоей замене. Я считаю, что из тебя не получится хорошего космического исследователя.

Капитан повернулся и пошел прочь — насколько это было возможно в ограниченном пространстве купола. Сонни смотрел на его спину и беззвучно шевелил губами.

— Я проголодался, — заметил Аркадий, заглядывая в кастрюлю, стоявшую на электрической плите. В ней что-то булькало. — Как всегда, пахнет очень вкусно. Кто-нибудь составит мне компанию?

— Положи мне, Аркадий, — произнес Робсон, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

* * *

— У меня создалось впечатление, капитан, что ваше суровое обращение возымело эффект, — сказал Робсон, глядя в иллюминатор и ожидая возвращения Аркадия и Сонни. — Прошло уже больше двух недель, и наш молодой ученый изменил свое поведение, относится к исполнению обязанностей серьезно и очень внимательно.

— Боюсь, не так уж серьезно. Он снова принимается шутить. — Капитан Хегг пошевелил длинными пальцами, уставшими от работы на принтере. Он готовил отчет. — Ему следовало бы все время быть серьезным.

— Думаю, капитан, вы напрасно беспокоитесь. Человек может обладать чувством юмора и все-таки серьезно относиться к исполнению своих обязанностей. Боже мой, капитан, вы никогда не жалуетесь на мои шутки, хоть и не считаете их смешными.

— Здесь ситуация совершенно иная, профессор. Независимо от вашего самочувствия вы всегда исполняете свою работу одинаково — методично и правильно.

— Некоторые называют такое поведение скучным, как у старой девы.

— На Земле такой термин, может быть, и считался бы правильным — там трудно совершить критически важные ошибки. Здесь же речь идет о том, чтобы выжить. А посему человек может вести себя должным образом либо потому, что это заложено в его характере, либо заставить себя научиться правильному поведению. Есть люди, которым это никогда не удается, тогда они остаются на Земле и работают там. Я спал бы куда спокойнее, если бы наш минералог был в их числе.

— Легок на помине. Вон они возвращаются, волокут огромный контейнер. Надеюсь, капитан, вы не забыли наполнить бак.

— Нет, конечно. Ведь сегодня моя очередь… Хегг взглянул на Робсона и заставил себя улыбнуться, хотя и считал, что шутка не слишком остроумная.

За переборкой заревел душ. Хегг посмотрел на заплату, которую они наложили на просверленное отверстие, и решил завтра же заменить ее — постоянная смена давлений не способствовала прочности эластичного материала, из которого она была сделана. Уже не в первый раз он пожалел, что грузоподъемность корабля, доставившего их на планету, не позволяла захватить

слесарные инструменты. Шум воды прекратился, открылась внутренняя дверь, и два человека в скафандрах ворвались в купол, с триумфом указывая на тяжелый контейнер, который едва тащили за собой.

— Настолько чистый, что не понадобится даже обогащения! — воскликнул Аркадий, едва сняв шлем.

— Огромное месторождение, настоящее золотое дно, самая крупная находка в истории человечества — нет, в истории всей Галактики!

Сонни принял торжественную позу, поставил одну ногу на контейнер и широко раскинул руки.

— Из всего этого я делаю вывод, что вы нашли новую рудную жилу, — сухо заметил Робсон.

— Вы проверяли чистоту шлюза перед тем, как впустить в него воздух?

— Разумеется, капитан, старый вы сторожевой пес! — Сонни был настолько охвачен энтузиазмом, что осмелился фамильярно хлопнуть капитана по плечу и даже не заметил, как угрожающе сузились глаза Хегга. — С этого момента наша экспедиция будет считаться невероятно успешной!

— Корабль прибудет за нами только через три

месяца. Нам придется еще немало потрудиться…

— Скучная бумажная работа, капитан, старый мой друг! Целью нашей экспедиции было обнаружить достаточно богатые месторождения титана, бериллия и натрия, чтобы затем начать их добычу с помощью промышленных роботов, поскольку экономически невыгодно доставлять сюда кислород для людей.

— Мы нашли его, — вмешался Аркадий. — Целая гора руды! Чистый металлический натрий. Я уже вижу действующий рудник — работающие экскаваторы, роботы-шахтеры, конвейеры, гул могучих машин, космический порт…

— Стоит русскому ощутить поэтическое настроение, как речь сразу заходит о тракторах или могучих машинах, — заметил капитан Хегг, невольно заразившись их энтузиазмом. — А теперь вылезайте из скафандров. Мне хотелось бы получить письменный доклад о сделанном вами открытии — если вы способны на это. Нужно отправить сообщение как можно быстрее.

Этим вечером они на несколько часов забыли о ненадежности своего хрупкого воздушного пузырька с тонкими стенами, расположенного во враждебном мире, потому что праздновали. Их исследовательская работа оказалась успеш-

ной гораздо более успешной, чем можно было надеяться в самых оптимистических прогнозах. Планета Кэссиди-2 будет вынуждена отдать людям хранящиеся в ее недрах металлы, и члены экспедиции получат награды за удивительную находку.

Капитан Хегг залез на самое дно контейнера с обезвоженной рыбой, которую все ненавидели, и достал оттуда четыре бифштекса, припрятанных для особо торжественного случая. Робсон, исполнявший обязанности врача, выдал из своих запасов бутылку медицинского бренди. Алкоголь только улучшил приподнятое настроение; члены экспедиции вполне могли бы обойтись без него. Это был вечер, который запомнится надолго. Спать легли поздно, переговариваясь в темноте и заливаясь хохотом, когда Робсон принялся заливисто храпеть во сне. Затем уснули один за другим…

Капитан Хегг проснулся от внезапного предчувствия чего-то страшного. Он потряс головой, проклиная последствия выпитого бренди, пытаясь Понять, почему проснулся. В помещении было темно — светились только огоньки контрольной панели, следящей за происходящим в куполе. Даже с верхней койки капитан видел, что

все лампочки были зелеными. Значит, дело не в этом. Стоило хотя бы одной из лампочек стать красной, контрольная панель, включенная на автоматическое ночное дежурство, тут же подала бы пронзительный сигнал тревоги, способный пробудить мертвого. Так что же произошло? Он кашлянул и прочистил горло.

И вдруг капитана охватила паника — он глубоко вздохнул и зашелся в приступе кашля. Дым! Но в куполе не может быть дыма. Курение было запрещено, несмотря на то что здесь почти не было предметов, способных воспламениться…

Контейнер с образцами натрия!

* * *

— Подъем! — крикнул капитан Хегг, не то прыгнув, не то упав с верхней койки.

Вскочив, он бросился к выключателю. В тот момент, когда его рука коснулась выключателя, капитан увидел светящуюся красную полоску под крышкой контейнера.

— Всем вставать! Быстро!

Хегг стащил Сонни с верхней койки и одновременно пнул Аркадия в бок. Больше времени не оставалось. Он услышал шаркающие шаги Робсона у себя за спиной и бросился к контейнеру.

— Робсон! Открывайте дверь в шлюз!

Профессор схватился за колесо, открывающее дверь, еще до того, как Хегг закончил свою команду. Капитан уперся плечом в контейнер и стал толкать его к двери шлюза — и в это мгновение боковая стенка контейнера отвалилась. Ревущее пламя вырвалось наружу. Клубы густого белого дыма заполнили помещение, и ослепительный свет залил переборку. Хегг упал на спину, содрогаясь в приступе кашля и рвоты. Сонни перепрыгнул через него и накрыл контейнер охапкой одеял и простыней. Жаростойкий материал на мгновение погасил пламя и прекратил распространение дыма. Сонни с Аркадием принялись тащить контейнер к открытой двери шлюза.

Иллюстрация NODEL

В следующее мгновение пламя прорвалось сквозь тонкие одеяла, но контейнер был уже у самой двери. Из пылающего ящика капал расплавленный натрий. Аркадий поскользнулся и упал на колени в самую середину лужи жидкого металла. Молча, не издав ни единого звука, Аркадий откатился в сторону и принялся сбивать пламя с пижамных брюк голыми руками. И тут Сонни с Робсоном последним отчаянным усилием вытолкнули пылающий ящик в помещение шлюза. Робсон закрыл дверь.

— Откачивающий… насос… — пробормотал Хегг, сдерживающий приступ кашля, но Аркадий уже сумел подползти к панели, и мотор заработал.

Дым становился все гуще, пока последняя капля расплавленного металла не была собрана и сброшена в герметический контейнер для образцов. Контейнер изнутри был покрыт металлом; прежде чем металлические листы прогорели, туда успели закачать инертный газ — гелий. Пламя погасло, поскольку кислород, быстро окисляющий натрий, был удален из контейнера. Заработали вентиляторы, и с каждой секундой атмосфера в помещении купола становилась все

чище. Дым исчезал.

— Что случилось? — спросил Аркадий, потрясенный стремительностью происшедшего.

По его ногам текла кровь, но ни он, ни остальные не замечали этого.

— Один из замков на контейнере с образцами металлического натрия не был закрыт, — хрипло произнес Робсон. — Я заметил это, когда выталкивал контейнер через дверь шлюза. Правый замок не был защелкнут до конца. Достаточно, чтобы внутрь просочился воздух…

— Кто закрывал контейнер? — загремел голос капитана Хегга — приступ кашля у него или прошел, или он сумел перебороть его.

— Я, — ответил Аркадий и мрачно добавил:

— Но Сонни снова открыл его, чтобы положить последний образец.

Все трое повернулись в сторону Сонни словно по команде.

— Но я не хотел… может быть, совершенно случайно… — пробормотал тот, все еще не пришедший в себя от внезапности случившегося.

Робсон стоял ближе всех к Сонни.

— Ты… ты… — начал он, но не смог подобрать слов.

Низенького роста, с блестящей от пота лысой

головой и обвислыми щеками, он должен был выглядеть смешным в приступе ярости, но ничего смешного в нем не было. Словно по своей воле его правая рука размахнулась и ударила по щеке молодого человека. Сонни отшатнулся, прижав пальцы к появившемуся красному отпечатку ладони на бледной щеке.

С трудом передвигая ноги, Аркадий подошел к нему и, изо всех сил ударив тяжелым кулаком в лицо, опрокинул его на пол. И тут все трое накинулись на лежащего, избивая его руками и ногами.

Капитан Хегг еще раз пнул неподвижное тело в бок и лишь тут понял, кто он и что здесь происходит. Он сделал шаг назад и попытался громким окриком остановить избиение. Но ни Робсон, ни Аркадий не слышали его. Тогда капитан стал оттаскивать их — тоже тщетно. Наконец сильным ударом, нанесенным ребром ладони, Хегг усмирил Аркадия и, когда тот потерял сознание, сумел оттащить маленького профессора к его койке и держал его там до тех пор, пока Робсон не прекратил сопротивляться.

— Дайте ключ от аптечки, — сказал капитан, когда понял, что профессор слышит его голос.

Никто не обсуждал события этой ночи. Наутро

была произведена уборка помещения. Сонни Грир в течение трех суток лежал в кровати, перебинтованный и молчаливый, и закрывал глаза всякий раз, когда к нему подходили. Ожоги Аркадия были серьезными, их лечили, но он старался исполнять нетрудную работу, с трудом передвигаясь по куполу. Капитан Хегг начинал кашлять, стоило ему только взяться за тяжелую работу. Профессор Робсон, хотя и не пострадал физически, казалось, постарел, уменьшился ростом, и кожа на его лице обвисла еще больше. Все трое искали одиночества, и когда им приходилось разговаривать, делали это тихими голосами.

До прибытия космического корабля с новой сменой на борту оставалось тринадцать недель.

На четвертый день Сонни Грир встал с кровати. Если не принимать во внимание синяки на лице и бинты на различных частях тела, он выглядел способным исполнять свои обязанности.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он. Услышав его голос, Аркадий и Робсон отвернулись. Капитан Хегг заставил себя ответить:

— Вы можете помочь нам только следующим образом. Аркадий не может надеть скафандр, поэтому вам придется еще раз выйти вместе со мной из купола, чтобы собрать образцы. После

этого вы освобождаетесь от исполнения всех обязанностей. Я требую, чтобы вы находились в своей кровати или рядом с ней. Категорически запрещаю прикасаться к приборам или панели управления. Пищу вам будут приносить.

После этого никто не разговаривал с Сонни, даже передавая ему пищу. С каждым днем напряжение в маленьком куполе нарастало, и Хегг опасался, что может произойти что-то непоправимое.

Один раз, по пути от кровати к туалету, Сонни споткнулся и случайно оперся на консоль контроля воздуха внутри купола. Аркадий тут же ударил его, отбросив к противоположной переборке. Хегг все откладывал поход за образцами и наконец был вынужден назначить его на следующий день.

«Может быть, — подумал он, — если увести Сонни от двух остальных членов экспедиции на целый день, это поможет разрядить обстановку».

— Завтра мы выходим за образцами руды, — объявил он.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Разрешите мне помочь вам в проверке скафандра, капитан, — произнес наконец Аркадий.

— И мне тоже, — вскочил Робсон. — Если мы

с Аркадием будем проверять друг друга, ничего случайного произойти не сможет.

Хегг был вынужден согласиться. Теперь события развивались только таким образом. Все трое проверяли и перепроверяли друг друга, испытывая чуть ли не панический страх перед опасностями, ждущими их на поверхности планеты. Капитан Хегг не мог себе представить, как им удастся провести здесь оставшиеся три месяца. Когда Аркадий и Робсон отошли от шкафчика капитана, проверив его скафандр, Хегг почувствовал, что Сонни смотрит на него.

— Вы разрешите мне проверить свой скафандр, капитан? — спросил он.

До сих пор никто не подходил к его скафандру. Казалось, Сонни просто не существует.

— Давайте, — кивнул Хегг.

Когда Сонни принялся осматривать скафандр, капитан стоял позади него, следя за каждым движением. Это было его привычкой, и он не мог отказаться от нее.

* * *

Утро следующего дня было еще хуже. Сонни пришлось натягивать скафандр самому, потому что остальные не обращали на него внимания

и в то же время три раза проверили скафандр капитана, прежде чем признали Хегга готовым к выходу на поверхность планеты. Хеггу пришлось закрыть внутреннюю дверь шлюза, после чего он заставил себя подойти к Сонни и проверить его скафандр. Капитан, казалось, испытывал чувство отвращения при мысли, что ему нужно прикоснуться к Сонни.

— Один, — произнес Сонни. — Запасной баллон с кислородом полон.

— Один, — повторил Хегг и усилием воли заставил себя постучать пальцами по металлу скафандра, принадлежащего человеку, которого он ненавидел.

Они продолжили проверку.

— Тринадцать, предохранительный клапан.

— Тринадцать, клапан закрыт. И вдруг пальцы Хегга шевельнулись и приоткрыли клапан на пол-оборота.

— Одну минуту! Вот, теперь все в порядке.

Дрожащей рукой капитан снова закрыл предохранительный клапан.

«Что это нашло на меня? — подумал Хегг, когда они вышли из шлюза и направились к отдаленным холмам. — Почему я попытался сделать это?» Капитан не испытывал сознательного же-

лания убить Сонни, хотя понимал, что лучше бы ему было умереть, пока он, ставший источником постоянной опасности, не убил каким-то образом их всех.

Ситуация была простой. Сонни Грир ежедневно, ежеминутно угрожал всем. От него исходила смертельная угроза. Он не был больше их соратником. Сонни заключил союз с этой враждебной планетой, встал на ее сторону в борьбе против трех остальных. Именно поэтому Аркадий и Робсон сторонились его, как Ионы, презревшего Бога. Сонни и был Ионой, даже хуже Ионы. Он был связан со всемогущими силами, старающимися уничтожить их, и оба, по-видимому, чувствовали, как и сам капитан, что Сонни было бы лучше умереть.

В этот момент Сонни отпустил ручку контейнера для образцов, который нес вместе с Хеггом, споткнулся и упал.

Потрясенный, капитан смотрел, как Сонни беззвучно корчится, схватившись за шлем. Контур связи между скафандрами был отключен, и сквозь плотную атмосферу доносились только едва слышные звуки. Хегг склонился над ним, не понимая, что произошло. Тело Сонни изогнулось и безжизненно обмякло. Хегг перевернул его на

спину и посмотрел через прозрачное забрало шлема на мертвое, искаженное смертельными страданиями лицо.

Охватившее капитана чувство жалости тут же сменилось невероятным облегчением.

Сонни погиб, по-видимому, вдохнув ядовитую атмосферу планеты. Но как мог смертельный газ проникнуть в его герметический скафандр? В нем не могло быть трещин или порезов. Капитан был готов поклясться в этом — ведь он сам проверял скафандр Сонни. Затем он вспомнил про свои предательские пальцы, попытавшиеся открыть предохранительный клапан скафандра и, наклонившись, проверил его. Нет, клапан был закрыт.

Впрочем, действительно ли он закрыт? Ручка клапана поднята вверх вертикально вверх — но почему виден такой большой кусок винтовой резьбы? Хегг повернул мертвое тело, чтобы солнце освещало предохранительный клапан.

Он был наполовину заклинен металлической крошкой. Воздух был вытеснен из скафандра, и, когда давление упало, внутрь начали просачиваться ядовитые пары снаружи. Нет, не начали — а просочились, потому что Сонни Грир был мертв, действительно мертв.

И снова чувство облегчения охватило капита-

на, но вместе с ним возник назойливый вопрос: как металлическая крошка попала в предохранительный клапан? Случайно? Удивительный случай — крошка застряла в таком месте, что открытый клапан выглядел внешне и при проверке закрытым.

— Причина смерти — несчастный случай, — произнес капитан Хегг громче, чем следовало.

Он встал, стряхнул пыль с перчаток, затем потер их о бедра скафандра.

— Придется назвать это несчастным случаем, — обратился Хегг к неподвижному телу. — Я ведь не могу занести происшествие в журнал как самоубийство. В общем-то, можно назвать его актом самозащиты, или убийством в пределах необходимой самообороны, а может быть, еще как-нибудь. Но зачем осложнять дело, правда, Сонни?

Теперь, когда смерть устранила опасность, капитан впервые почувствовал жалость, которая раньше подавлялась стремлением выжить.

— Прости меня, Сонни, — тихо прошептал он и прикоснулся к безжизненному плечу. — Тебе не следовало быть здесь. Как бы мне хотелось, чтобы ради всех нас мы узнали об этом раньше… Но главным образом ради тебя, — сказал он, вставая.

Затем более твердым голосом произнес:

— Нужно вернуться на корабль, уладить формальности, попытаться восстановить нормальную жизнь.

И начать понемногу забывать о Сонни.

Гарри Гаррисон
Последняя встреча

Глава 1

Хаутамяки посадил корабль на маленьком участке поверхности, покрытом обломками скал, остатке древнего лавового потока рядом с ледником. Чьонд подумала, что можно было бы совершить посадку и поближе, но командовал разведывательным кораблем Хаутамяки, и он принимал все решения. Конечно, она могла бы остаться на корабле: никто не заставлял ее пускаться с мужчинами в это ужасное, изматывающее и опасное путешествие по ледяной поверхности, здесь и там усеянной глубокими трещинами. С другой стороны, она не могла остаться и не принять участия в подъеме.

Там, высоко на склоне, находился какой-то радиомаяк, с этой не населенной планеты непрерывно посылающий сигналы на дюжине различных частот. Ей было необходимо присутствовать при его осмотре.

Гальяс помог ей перебраться через самый трудный участок, и она благодарно поцеловала его в обветренную щеку.

Было трудно рассчитывать, что радиомаяк установлен здесь кем-то, кроме людей, несмотря на

то что корабль вел разведку участка Галактики, где люди еще не бывали. И все-таки существовала крошечная вероятность, что радиомаяк построен инопланетянами, не принадлежащими к человеческой расе. Чьонд решила обязательно присутствовать при его осмотре. Подумать только, сколько столетий искало человечество контакта с иными цивилизациями, сколько веков, исчезнувших во мраке прошлого…

Ей захотелось отдохнуть, она не привыкла к такому напряжению. Чьонд была в одной связке с двумя мужчинами — один находился выше ее, другой позади, — и когда она остановилась, пришлось остановиться и им. Почувствовав ее нерешительный рывок, Хаутамяки замер на месте, медленно обернулся и посмотрел на нее сверху. Он молчал, но все его тело — с могучими мускулами, загорелое и совершенно обнаженное под прозрачным герметическим скафандром — выражало его чувства. Хаутамяки дышал легко и свободно, бесстрастно и презрительно глядя на ее широко открытый рот, хвативший воздух, и тяжело вздымавшуюся грудь. Что ты за человек, Хаутамяки, если с таким презрением относишься к женщине?

Смириться с присутствием Чьонд оказалось

для Хаутамяки самым трудным. Когда два незнакомца поднялись по трапу на его корабль, он почувствовал себя оскорбленным.

Это был его корабль, его и Киискинена. Но Киискинен был мертв, а вместе с ним мертв ребенок, которого они так хотели. Мертв до рождения, даже до зачатия. Мертв потому, что погиб Киискинен и Хаутамяки больше никогда не захочет иметь ребенка. Однако работа еще не была закончена — они едва успели завершить половину обследования, порученного им, когда произошел несчастный случай. Хаутамяки решил не возвращаться на базу, что привело бы к колоссальной и ненужной трате топлива и времени, и попросил помощи. В результате прибыло подкрепление — новая исследовательская группа, совершенно неопытная.

Эта экспедиция оказалась для новичков первой — и хоть у них недоставало опыта, они все же были неплохо подготовлены. Да, они справятся с работой, которую им поручат, можно не беспокоиться. К тому же эти двое представляли собой группу, тогда как он, Хаутамяки, был всего лишь половиной группы, а значит, он обречен на одиночество, которое может превратиться в ужасную муку.

Если бы Киискинен был на корабле, Хаутамяки с радостью встретил бы новичков. Но Киискинен погиб, и Хаутамяки ненавидел пришельцев.

Первым к нему подошел мужчина и протянул руку:

— Меня зовут Гальяс, как вам уже известно, а это моя жена Чьонд.

Он кивнул в сторону женщины, стоявшей рядом, и улыбнулся. Его рука все еще была протянута.

— Добро пожаловать на борт моего корабля, — произнес Хаутамяки и стиснул руки за спиной. Если этот кретин незнаком с обычаями Мужчин, он, Хаутамяки, не собирается учить его.

— Извините, я забыл, что вы не обмениваетесь рукопожатиями и не прикасаетесь к незнакомцам.

Все еще улыбаясь, Гальяс сделал шаг в сторону и пропустил жену внутрь корабля.

— Как поживаете, капитан? — спросила Чьонд и тут же покраснела, увидев, что Хаутамяки совершенно обнажен.

— Я провожу вас в каюту.

Капитан повернулся и пошел по коридору, зная, что прибывшие последуют за ним. Боже мой, женщина! Ему приходилось видеть их на

разных планетах, даже разговаривать с ними, но он никогда не думал, что одна из них окажется на его корабле. Какие они безобразные со своими распухшими телами! Неудивительно, что в других мирах носят одежду, чтобы скрыть под ней эти жирные, свисающие части тела.

— Ты заметил — на нем нет даже ботинок! — с негодованием воскликнула Чьонд, как только за ними закрылась дверь каюты.

Гальяс рассмеялся:

— С каких это пор тебя беспокоит вид обнаженного тела? Ты вроде бы не испытывала подобного возмущения, когда мы проводили отпуск на Хью. К тому же обычаи Мужчин должны быть тебе известны.

— Но там все было по-другому! Все были одеты — или раздеты — одинаково. А здесь — это почти неприлично!

— То, что неприлично у одних, вполне прилично у других.

— Готова поспорить, что ты не сможешь произнести эту фразу три раза подряд.

— И все-таки это правда. Если взглянуть непредвзято, он тоже, наверно, полагает, что мы не правильно воспринимаем обычаи общества, так же, как и мы считаем его поведение неприличным.

— Тем не менее я уверена в правильности своего поведения! — сказала она, встала на цыпочки И куснула мужа за мочку уха белыми, идеальной формы зубами, похожими на зернышки риса. — Сколько времени мы женаты?

— Шесть дней, девятнадцать стандартных часов и сколько-то там минут.

— Сколько-то лишь потому, что ты не целовал меня ужасно долго.

Гальяс с улыбкой взглянул на маленькую прелестную фигурку, провел ладонью по теплой гладкой поверхности безволосой головы своей жены и по всему стройному телу, коснувшись крошечных, едва выступавших, почти рудиментарных грудей.

— Ты прекрасна, — прошептал он, наклонился и поцеловал ее.

Глава 2

Когда они перебрались через ледник, двигаться по плотному снегу стало гораздо легче. Не прошло и часа, как они добрались до подножия отвесной скалы. Она возвышалась в зеленоватом небе над их головами, черная, рассеченная трещинами. Чьонд запрокинула голову, взглянула на вершину скалы, и ей захотелось плакать.

— Она такая высокая! Нам никогда на нее не забраться! Но с помощью антигравитационных саней мы без труда поднимемся наверх.

— Мы уже говорили об этом, — ответил Хаутамяки, глядя на Гальяса — он всегда так делал, разговаривая с ней. — До тех пор пока мы не определим, что это за источник излучения, я запрещаю приближаться к радиомаяку с любым радиационным прибором. В результате аэрофотосъемки нам удалось всего лишь выяснить, что это, по-видимому, какой-то автономный маяк. Я стану подниматься первым. Если хотите, можете следовать за мной. Не думаю, что подъем будет особенно трудным — скала покрыта трещинами.

Действительно, подъем оказался не трудным, а практически невозможным. Чьонд цеплялась

за трещины, карабкалась, срывалась и не сумела продвинуться к вершине даже на высоту своего тела. Наконец она отстегнула свой карабин. Мужчины продолжали подъем, а она осталась у основания скалы, беспомощно рыдая и закрыв лицо руками. По-видимому, Гальяс услышал ее плач или почувствовал, что она прекратила подъем, потому что наклонился и крикнул вниз:

— Как только мы доберемся до вершины, я сброшу веревку с петлей на конце. Закрепи ее под мышками, и я подниму тебя наверх.

Чьонд была уверена, что это ему не под силу, но решила все-таки попытаться. Ведь маяк на вершине мог быть сооружен и не руками человека!

Петля впилась в тело Чьонд, и, к своему изумлению, она начала подниматься вверх. Стараясь смягчить удары о почти вертикальную поверхность скалы, Чьонд отталкивалась от нее руками. Наконец Гальяс протянул руку и втащил ее наверх. Хаутамяки сматывал веревку. Чьонд вдруг поняла, что на вершину скалы ее подняла сила этих могучих, словно свитых из стальных тросов, мускулов.

— Хаутамяки, я очень благодарна тебе…

— Сейчас мы осмотрим это устройство, — прервал ее капитан, глядя на Гальяса. — Вы оба

оставайтесь здесь, рядом с моим рюкзаком. И не подходите, пока не позову.

Он повернулся и решительными шагами направился к высокому выступу, у которого находился маяк. Приблизившись к нему, Хаутамяки опустился на одно колено и оставался в этом положении несколько бесконечных минут, закрывая прибор своим огромным телом.

— Что он делает? — прошептала Чьонд, прижимаясь к плечу мужа. — Что это? Что он там увидел?

— Можете подойти, — произнес Хаутамяки, вставая. В его голосе звучало волнение — им еще не приходилось слышать подобных эмоций в голосе своего капитана. Они подбежали, скользя на обледеневших камнях, — и остановились, натолкнувшись на его вытянутую руку.

— Что вы думаете об этом? — произнес Хаутамяки, не сводя глаз с приземистого устройства, намертво прикрепленного к скале.

* * *

Маяк представлял собой полусферу из желтоватого металла, нижняя часть которой прилегала к скальной поверхности, огибая все неровности. Это была центральная часть устройства. Из полу-

сферы выступали короткие стержни из того же металла, похожие на обрубки, прикрепленные по окружности у самого основания. На концах стержней торчали еще более короткие металлические трубки различной формы, похожие на что-то ищущие пальцы. Из полусферы выходил кабель толщиной в человеческую руку, змеившийся вверх по скале. В одном месте он внезапно выпрямлялся и поднимался вертикально в небо над головами людей. Гальяс указал на него.

— Я не знаю, каково назначение остальных частей, но готов поспорить, что это антенна, посылавшая сигналы, которые мы приняли, когда вошли в эту систему.

— Возможно, — согласился Хаутамяки, — но каково предназначение остальных частей устройства?

— Одна из трубок, направленных в небо, напоминает маленький телескоп, заметила Чьонд. — Думаю, так оно и есть.

Хаутамяки сердито пробормотал что-то и попытался остановить женщину, когда та встала на колени перед маяком, но опоздал. Она приникла к основанию трубки и закрыла один глаз, пытаясь что-то рассмотреть.

Nagel

Иллюстрация NODEL

— Ну, конечно, это телескоп! — Она открыла глаз и взглянула в небо. — Я отчетливо вижу там край облаков!

Гальяс оттащил ее в сторону, но никакой опасности, похоже, не было. Чьонд оказалась права — это был телескоп, и ничто иное. Они по очереди заглянули в объектив. И тут Хаутамяки обнаружил, что он медленно поворачивается.

— В таком случае должны поворачиваться все остальные, поскольку их оси параллельны друг другу, — сказал Гальяс, указывая на металлические трубки на конце каждого стержня. На одном из них был еще один объектив, похожий на объектив телескопа, но когда он заглянул туда, то ничего не увидел. — Ничего не видно, — покачал головой Гальяс.

— Может быть, он сделан таким образом, что ты и не должен ничего видеть, пробормотал Хаутамяки, глядя на загадочное устройство и задумчиво Дотирая подбородок. Он склонился над рюкзаком, достал из коробки мультирадиационный тестер и приложил его к объективу, в который только что смотрел Гальяс. Только инфракрасная радиация. Все остальные виды излучения отсекаются.

Соседняя трубка пропускала одни ультрафиолетовые лучи, а открытая сетка из металлических пластин служила источником радиоволн. И тут Чьонд выразила общую догадку:

— Если я смотрю в телескоп, то, может быть, все остальные приборы тоже являются телескопами, только приспособленными для глаз инопланетян! Что, если те, кто поставил здесь это устройство, не знали, кто прилетит сюда и станет изучать приборы? И позаботились о том, чтобы телескопы работали на самых различных длинах волн. Значит, наши поиски закончены! Мы — человечество — не одиноки во Вселенной!

— Не следует делать поспешных выводов, — нравоучительно заметил Хаутамяки, но тон его голоса противоречил словам.

— Почему? — воскликнул Гальяс, прижимая к себе жену в порыве восторга. Разве мы не можем оказаться теми, кто сумел обнаружить представителей инопланетной расы, отличающейся от человеческой? Если они существуют, то не могут не предполагать, что когда-нибудь мы нападем на их след! Галактика так велика — и одновременно конечна. Ищите и найдете — сказано в древних книгах. Именно эта фраза высечена над входом в академию!

— Но у нас нет веских доказательств, — возразил Хаутамяки, безуспешно пытаясь скрыть растущий энтузиазм. Ведь он руководитель экспедиции, напоминал себе Хаутамяки, и должен отстаивать противоположную точку зрения. — Это устройство могло быть изготовлено руками человека.

— Вот доказательства, — начал Гальяс, загибая пальцы на руке. — Первое устройство не похоже ни на что, когда-либо виденное нами. Второе — оно изготовлено из необыкновенно прочного, неизвестного нам сплава. Наконец, третье — мы находимся в той части Вселенной, которая еще никогда не исследовалась нашими кораблями. До ближайшей населенной системы много сотен световых лет, а корабли, способные совершать подобный перелет и возвращаться, появились относительно недавно…

— А вот и настоящее доказательство, безо всяких предположений! воскликнула Чьонд, и мужчины подбежали к ней.

Она прошла вдоль толстого кабеля до того места, где он переходил в антенну. У ее основания, там, где кабель крепился к скале, виднелись высеченные на скальной поверхности знаки. Их было, вероятно, несколько сотен; от подножия

скалы они поднимались вверх высоко над головами путешественников, причем каждый знак был четким и ясно различимым.

— Эти знаки не принадлежат представителям человеческой расы, торжествующе заявила Чьонд. — Они ничем не напоминают ни один алфавит, известный человечеству!

— Почему ты в этом так уверена? — спросил Хаутамяки, взволнованный до такой степени, что обратился прямо к ней.

— Потому, капитан, что это — моя профессия. Я изучала сравнительную филологию и специализируюсь в аббикиологии — истории алфавитов. Думаю, это единственная наука, тесно связанная с Землей…

— Но это невозможно!

— Возможно. Земля находится на другом конце Галактики. Насколько я помню, требуется примерно четыреста лет, чтобы получить ответ на посланный туда запрос. Аббикиология — это наука, способная развиваться на самых удаленных окраинах Галактики; мы изучаем четкие, весомые, неизменные факты. Алфавиты древней Земли составляют часть истории и не могут меняться коренным образом. Я изучила каждый из них, все буквы и остальные подробности, а также

рассматривала их изменение на протяжении тысячелетий. Мы обратили внимание на то, что, как бы ни менялись алфавиты, они сохраняют основные элементы своих прототипов. Возьмем букву «л», адаптированную для программирования компьютеров. — Чьонд нацарапала букву на скале острием ножа, затем начертала рядом другую букву — волнистыми линиями. — А вот это — «ламед», буква «л» в древнееврейском алфавите. Видите, как они похожи очертаниями? Древнееврейский язык — иврит — является протоалфавитом, настолько древним, что этому почти невозможно поверить. И тем не менее общая форма схожа. А взгляните на эти знаки — они ничем не напоминают любой алфавит, который мне когда-либо встречался.

* * *

Воцарилась тишина. Хаутамяки смотрел на женщину, словно по выражению ее лица пытался понять, насколько правдивы только что произнесенные слова. Наконец он улыбнулся.

— Хорошо, верю на слово. Не сомневаюсь, что ты хорошо знаешь свою профессию.

Он нагнулся к рюкзаку и начал доставать оттуда всякие приборы.

— Ты обратил внимание? — прошептала Чьонд на ухо мужу. — Он улыбнулся мне!

— Чепуха. Это была, по-видимому, невольная гримаса: у него замерзли губы, — пошутил в ответ Гальяс.

Хаутамяки приладил отвес к корпусу телескопа и замерил скорость его вращения.

— Гальяс, — окликнул он, — ты помнишь, каково время обращения этой-планеты вокруг своей оси?

— Примерно восемнадцать стандартных часов. Наши расчеты не были слишком уж точными. А зачем это тебе?

— Да, похоже на то. Мы находимся сейчас в районе восьмидесяти пяти градусов северной широты, что соответствует углу этих стержней, тогда как движение телескопов…

— …компенсирует вращение планеты, движущейся с такой же скоростью, но в противоположном направлении. Ну конечно! Как я сразу не догадался!

— О чем вы говорите? — недоуменно спросила Чьонд.

— Они постоянно направлены на одну и ту же точку в небе, — продолжал Гальяс. — На звезду.

— Это, возможно, какая-то планета в этой си-

стеме, — заметил Хаутамяки, потом покачал головой. — Нет, не может быть. Точка, на которую направлены телескопы, где-то очень далеко, за пределами этой звездной системы. Как только наступит темнота, все станет ясно.

В атмосферных скафандрах все трое чувствовали себя удобно. У них было достаточно воды и пищи. Они сфотографировали неизвестное устройство со всех возможных ракурсов, осмотрели его и даже обсудили природу источника питания. И все-таки часы перед наступлением темноты казались нескончаемыми. Появились облака, но исчезли до заката. Когда на небе загорелась первая звезда, Хаутамяки наклонился к окуляру телескопа.

— Ничего не вижу, только небо. Слишком светло… Ага, вот в поле зрения появилась какая-то светящаяся координатная сетка — пять тонких линий, радиально уходящих от окружности. Вместо того чтобы пересечься в центре, по мере сближения они угасают.

— Может быть, таким образом линии указывают на звезду, которая появится в центре, дабы не мешать обзору?

— Пожалуй. Да, я вижу звезду.

Это оказалась звезда седьмой величины, оди-

ноко светившаяся рядом с краем Галактики. Она выглядела как обычное небесное тело, если не считать того, что поблизости от нее не было никаких звезд. Исследователи по очереди смотрели на нее, определяя координаты, чтобы не ошибиться и не перепутать с какой-нибудь другой.

— Значит, мы отправляемся туда? — спросила Чьонд, хотя ее слова звучали больше как утверждение, чем вопрос, на который требуется ответ.

— Разумеется, — ответил Хаутамяки.

Глава 3

Как только корабль покинул пределы атмосферы, Хаутамяки послал сообщение на ближайшую ретрансляционную станцию. Ожидая ответа, путешественники занялись анализом собранного материала.

У них были все основания для энтузиазма. Металл оказался ничуть не тверже, чем применяемые ими прочные сплавы, но его химический состав был совершенно незнаком, как и процесс обработки металла, в результате которого молекулы поверхностного слоя уплотнились до удивительной твердости. Знаки, из которых была составлена надпись, ничем не напоминали известные человечеству алфавиты. Да и звезда, на которую был направлен маяк, находилась далеко за пределами пространства, исследованного кораблями Галактики.

Как только пришел ответ, гласивший: «Сообщение получено», корабль немедленно совершил прыжок по заранее рассчитанному и введенному в компьютер курсу. Еще перед вылетом в экспедицию были получены инструкции, согласно которым им надлежало исследовать

все, что можно, и докладывать о полученных результатах. Именно этим астронавты сейчас и занимались. Передав на базу сообщение о своих планах, теперь они были свободны. Им, только им предстояло вступить в первый контакт с представителями инопланетной расы — ведь эти трое людей уже изучили один из приборов, созданных инопланетянами. Неважно, что произойдет дальше, — заслуга этого величайшего открытия принадлежала отныне только им. И потому вполне естественно, что обед превратился в праздничный. Хаутамяки смилостивился до того, что выдал из корабельного погреба несколько бутылок вина. Последствия оказались едва ли не катастрофическими.

— Хочу произнести тост! — Чьонд поднялась из-за стола, с трудом сохраняя равновесие. — Выпьем за Землю и человечество, которое больше не одиноко во Вселенной!

— Больше не одиноко во Вселенной! — хором повторили все, и тут лицо Хаутамяки омрачилось, а наигранное веселье исчезло.

— Прошу вас вместе со мной выпить за человека, которого вы не знали, но который должен был быть сейчас здесь, вместе с нами, чтобы отпраздновать это величайшее достижение, —

торжественно произнес он.

— За Киискинена! — поднял бокал Гальяс. Он уже познакомился с архивными материалами и знал о трагедии, еще жившей в памяти Хаутамяки.

— Спасибо. Итак, за Киискинена. Все трое дружно подняли бокалы.

— Он был хорошим человеком, — сказал Хаутамяки, не в силах удержаться теперь, когда имя его бывшего партнера было впервые упомянуто вслух. — Один из самых лучших. Мы провели с ним на этом корабле двенадцать лет.

— У вас были… дети? — спросила Чьонд.

— Твое любопытство неуместно! — резко оборвал Гальяс жену. — Думаю, будет лучше, если мы оставим этот…

Хаутамяки поднял руку:

— Нет, пожалуйста. Мне понятен ваш вполне естественный интерес. Мы, Мужчины, заселили пока всего дюжину планет, и наши обычаи, по-видимому, непонятны для вас: пока мы все еще в меньшинстве. И если эта тема вас смущает, ищите причину у самих себя. Скажите, вам кажутся необычными двуполые отношения? Вот ты, Гальяс, смог бы поцеловать свою жену в присутствии других?

— Конечно, — кивнул он и тут же подтвердил свои слова, поцеловав Чьонд.

— Тогда ты понимаешь, что я имею в виду. Мы испытываем такие же чувства и ведем себя точно так же, хотя наше общество является однополым. В этом нет ничего странного. Таков естественный процесс эктогенеза.

— Вовсе нет, — возразила Чьонд, покраснев. — Естественный эктогенез нуждается в оплодотворенной яйцеклетке. Яйцеклетки вырабатываются в женском организме, поэтому эктогенетическое общество по своей природе должно быть женским. Чисто мужское общество, где отсутствуют женщины, неестественно.

— Все наше поведение является неестественным, — спокойно ответил Хаутамяки. — Человек — это животное, меняющееся в зависимости от окружения. Все люди, живущие за пределами Земли, находятся в «неестественном» окружении. В подобных условиях эктогенез представляет собой ничуть не более неестественное явление, чем наша жизнь здесь, в этой металлической скорлупке, без влияния космического времени. Таким образом, проявление эктогенеза, при котором оплодотворенная плазма создается в результате слияния двух мужских клеток вместо

оплодотворения яйцеклетки мужской спермой, является столь же обычным, как твои рудиментарные груди.

— Как ты смеешь оскорблять меня! — залилась краской Чьонд.

— Это совсем не оскорбление. Женские груди утратили свою первоначальную природную функцию, следовательно, они дегенерируют. Вы, двуполые существа, ничуть не более естественны, чем мы. Мужчины. Никто из нас не является жизнеспособным за пределами «неестественной» окружающей среды, созданной нами.

Волнение недавнего открытия все еще владело людьми; может быть, алкоголь и раздражение тоже содействовали тому, что Чьонд утратила контроль над собой.

— Да как ты смеешь называть меня неестественным созданием… ты, который…

— Ты забываешься, женщина! — прозвучал резкий голос Хаутамяки, заглушивший последние слова Чьонд. Он вскочил из-за стола. — Ты хочешь проникнуть в интимные подробности моей жизни и считаешь себя оскорбленной, когда я затрагиваю некоторые ваши запрещенные темы. Мужчины были правы, отказавшись от таких, как ты! — Он сделал глубокий вдох, повернулся

и вышел.

После этого вечера Чьонд не выходила из своей каюты почти неделю. Она изучала буквы незнакомого алфавита, а Гальяс приносил ей еду. Хаутамяки ни словом не обмолвился о происшедшем, а когда Гальяс попытался извиниться за поведение жены, резко его оборвал. Однако когда Чьонд снова, спустя неделю, появилась в рубке управления, он не высказал никаких возражений и вернулся к своему обычаю говорить только с Гальясом, не обращаясь прямо к Чьонд.

* * *

— Неужели он действительно захотел, чтобы я тоже присутствовала, и сказал об этом? — недоверчиво спросила Чьонд, выдергивая щипчиками волосок, портивший совершенно гладкий череп и лоб цвета слоновой кости. — Ты заметил, какие у него брови? Прямо здесь, над глазами? И даже у основания черепа и на голове растут волосы. Отвратительно, правда? Готова поспорить, что одной из главных характеристик их генетического кода является волосатость и Мужчины специально выбирают для продолжения своего рода наиболее ярких представителей. Но ты не ответил на мой вопрос — он пригласил меня?

— Ты не дала мне рта открыть, — произнес Гальяс, улыбкой смягчая резкость ответа. — Нет, он не назвал твоего имени — нельзя ожидать слишком многого. Просто сказал, что в девятнадцать часов состоится совещание всей команды.

Чьонд наложила на мочки ушей бледно-розовый крем, прикоснулась к крошечным ноздрям и закрыла косметичку.

— Я готова. Ну что, пойдем узнаем, что хочет от нас капитан?..

— Через двадцать часов мы выйдем из субпространства — наш прыжок заканчивается, — начал Хаутамяки, когда все трое собрались в рубке управления. — И вполне возможно, что мы встретим инопланетян — незнакомых нам существ, оставивших на той планете радиомаяк. Будем исходить из того — если не будет доказательств противоположного, — что они настроены к нам дружелюбно. У тебя вопрос, Гальяс?

— Капитан, на протяжении длительного периода шли дискуссии относительно намерений тех гипотетических рас, которые могут встретиться с нашими экспедициями. Единое мнение так и не было достигнуто…

— Это не имеет значения. Я — командир экспедиции. Доказательства, имеющиеся в нашем

распоряжении, указывают на то, что эта раса стремится установить контакт с другими, которые могут населять Вселенную. Не думаю, что у них господствует стремление покорить других. Я смотрю на эту проблему таким образом. У нас богатое и древнее прошлое, культура, уходящая корнями в тысячелетия. Пока мы пытались найти во Вселенной иную разумную форму жизни, одновременно во время экспедиций мы регистрировали огромное количество информации. Не такая многочисленная и богатая раса, как человеческая, может испытывать нехватку разведывательных кораблей, которые можно отправить в космос, — отсюда установка автоматических радиомаяков. Один корабль может легко установить множество автономных маяков в разных уголках Вселенной. Нет сомнения в том, что где-то, на других планетах, куда еще не ступала нога человека, установлены и другие. И все они должны привлечь внимание исследователей к одной-единственной звезде, установить там место рандеву.

— Но это совсем не значит, что у инопланетян мирные намерения. А вдруг это ловушка?

— Сомневаюсь. Существует немало более простых способов удовлетворить инстинкт за-

воевания, чем подобные изощренные ловушки. Короче говоря, по моему мнению, у них мирные намерения — и лишь это имеет значение. Поэтому я уже принял меры и сбросил в космос все корабельное вооружение…

— Ты разоружил корабль?

— …И теперь прошу вас сдать личное оружие, которое у вас имеется.

— Ты подвергаешь опасности наши жизни — даже не поинтересовавшись, что мы думаем об этом, — недовольно заметила Чьонд.

— Нет, — ответил Хаутамяки, не глядя на нее. — Вы подвергли свои жизни опасности в тот момент, когда приняли служебную клятву в Исследовательском корпусе. Теперь ваша обязанность — исполнять мои приказы. Все личное оружие должно быть сдано не позже чем через час; нужно, чтобы корабль был полностью разоружен еще до того, как мы покинем субпространство. Мы встретимся с инопланетянами, вооруженные только миролюбивыми намерениями, свойственными человеческой расе… Вот вы думаете, наверно, что мы, Мужчины, ходим обнаженными по какой-то причине извращенного характера, но это не так. Мы отказались от одежды, поскольку считаем, что она мешает пол-

ному общению с окружающей нас средой — наша нагота одновременно символична и практична.

— Надеюсь, ты не предложишь и нам раздеться? — язвительно поинтересовалась Чьонд, все еще рассерженная.

— Это ваше дело. Поступайте, как считаете нужным. Я всего лишь пытался объяснить свою мотивировку, чтобы попробовать достичь единодушия перед встречей с разумными существами, установившими маяк. Мы сообщили на базу о своей находке, и Исследовательский корпус знает, где мы находимся. Если мы не вернемся, за нами последует другая экспедиция, которая будет защищена всеми вооруженными силами человечества. Так что предоставим нашим инопланетянам все возможности убить нас — если они стремятся именно к этому. Расплата последует немедленно. А вот если у них нет враждебных намерений, мы установим с ними мирные отношения. Во имя этого стоит сто раз рисковать жизнью. Думаю, не нужно объяснять вам колоссальную важность первого контакта человечества с инопланетянами.

По мере приближения момента выхода из субпространства напряжение нарастало. Коробка с личным оружием, разрывные заряды, яды из

лаборатории, даже большие кухонные ножи — все давно было выброшено за борт. Трое астронавтов находились в рубке управления, когда раздался негромкий звонок корабль вернулся в обычное пространство. Здесь, на самом краю Галактики, звезды концентрировались с одной стороны. Впереди корабля, в черном мраке, сияла одинокая звезда.

— Вот она, — произнес Гальяс, направляя на нее спектральный анализатор, но мы слишком далеко — на таком расстоянии не удастся произвести точные наблюдения. Совершим еще один прыжок?

— Нет, — покачал головой Хаутамяки. — Сначала определим координаты.

* * *

Как только давление уменьшилось, экраны чувствительных приборов начали светиться. На их поверхности здесь и там возникали вспышки света — это в датчики попадали редкие молекулы воздуха. Передний экран стал таким же темным, как космическое пространство, и в его центре появилось изображение звезды, увеличенное во много раз.

— Но этого не может быть! — воскликнула

Чьонд, сидевшая в кресле наблюдателя позади мужчин.

— Почему же не может? — ответил Хаутамяки. — Разумные существа в состоянии создать что угодно, вот только природа не способна на такое. Существование подобной конструкции подтверждает, что и это удивительное сооружение рукотворно. Продолжим работу.

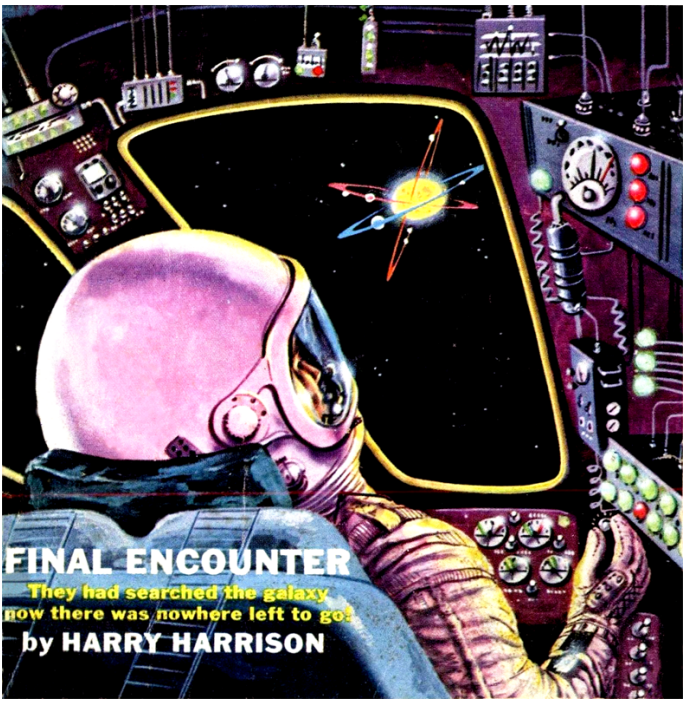


Иллюстрация DEMBER

Увеличенное изображение звезды горело прямо перед ними. Сама звезда не представляла собой ничего необычного — но как объяснить три пересекающихся кольца, окружающих ее? Их размеры соответствовали орбитам планет, вращавшихся вокруг звезды. Даже если они состояли из материала, такого же разреженного, как хвосты комет, соорудить подобные кольца было невероятно трудно, и они представляли собой исключительное достижение разума. А что могли означать цветные огни в этих кольцах, мчавшиеся вокруг звезды словно обезумевшие электроны вокруг атомного ядра?

По экрану пробежали искры, и изображение погасло.

— Возможно, это всего лишь маяк, — заметил Хаутамяки, снимая шлем. — Его назначение — привлечение к себе внимания, как у того радиомаяка, который заинтересовал нас и заставил совершить посадку на далекой планете. Какая раса, способная построить космические корабли, сможет устоять перед соблазном взглянуть на подобное украшение?

Гальяс продолжал вводить поправки к предстоящему курсу в бортовой компьютер.

— И все-таки это кажется мне странным, —

пробормотал он. — Если жители этой звездной системы могли создать такие гигантские кольца, почему бы им не построить огромный космический флот и не отправиться в путешествие по Вселенной с целью установления контакта с разумными существами — так же, как поступили мы?

— Надеюсь, мы получим ответ на этот вопрос достаточно скоро. Не исключено, что причиной является психология местных жителей. Возможно, им больше нравится привлекать внимание к себе, вместо того чтобы исследовать далекие звезды. Согласись, что их метод оказался успешным — мы прибыли к ним, а не наоборот.

Глава 4

На этот раз, когда корабль вынырнул из субпространства, сияющие кольца были видны в иллюминаторы невооруженным глазом. Хаутамяки включил радиоприемники, автоматически ищущие и регистрирующие все частоты.

И тут же послышался оглушительный шум сразу на нескольких волнах. Гальяс протянул руку и уменьшил громкость.

— Это похоже на ту передачу, которую мы приняли от радиомаяка, — заметил он. — Узкий пучок направленного радиоизлучения, исходящий от вон того золотого планетоида. Он огромного размера, но далеко не достигает величины планеты.

— Начнем сближение, — решил Хаутамяки. — Я принимаю на себя управление кораблем, а ты постарайся установить визуальную связь по видеоконтурам.

— Ничего, одни помехи, — сказал Гальяс через несколько мгновений. — Но я посылаю на планетоид видеосигнал — изображение нашей рубки управления. Если у них имеется соответствующее оборудование, они примут его, произведут

анализ частот и выберут необходимую… Смотри, изображение на экране меняется! Действительно, они не теряют времени.

По экрану побежали цветовые волны, появилось изображение, расплылось и появилось снова. Чьонд покрутила ручки фокусировки, и оно стало удивительно четким. Раздался общий возглас изумления.

— По крайней мере, это не змеи и не насекомые! — воскликнула Чьонд.

Существо, появившееся на экране, смотрело на них с таким же пристальным вниманием. Трудно было оценить его размеры, но, вне всякого сомнения, оно являлось гуманоидом. Три длинных пальца с перепонками, большой палец торчит в сторону. На экране виднелась только верхняя часть тела; к тому же она была скрыта под одеждой, так что рассмотреть особенности телосложения оказалось невозможно. Однако на экране отчетливо выделялось лицо инопланетянина золотистого цвета, безволосая голова, с большими, почти круглыми глазами. Его нос, если бы он принадлежал человеку, сочли бы сломанным — он был плоским, с широкими, выступающими вперед ноздрями. Это, а также раздвоенная верхняя губа придавали лицу угро-

жающее выражение.

Однако нельзя применять к инопланетянам человеческие мерки. С их точки зрения лицо могло быть красивым.

— Ш'бб'тиб, — произнес инопланетянин. Теперь визуальный канал дополнялся звуковым. Голос звучал резко, даже визгливо.

— Мы тоже приветствуем тебя, — ответил Хаутамяки. — Нам обоим известно, что мы в состоянии говорить, так что нужно научиться языку друг друга. Мы прибыли с мирными намерениями.

— Может быть, мы действительно прибыли с мирными намерениями, — вмешался Гальяс, — однако этого не скажешь про инопланетян. Взгляни на экран номер три.

На нем появилось изображение, принятое одним из передних датчиков, расположенных в носовой части корабля. Этот датчик передавал увеличенное изображение планетоида, к которому они приближались. На золотистой поверхности выделялась группа темных зданий, увенчанных лесом антенн. Вокруг зданий были расположены круглые объекты с приземистыми башенками на вершине, напоминающие артиллерию крупного калибра. Сходство усиливалось

от того, что трубы большого диаметра поворачивались, следуя за приближавшимся кораблем.

— Уменьшаю скорость приближения, — произнес Хаутамяки, быстро нажимая на ряд кнопок. — Гальяс, установи видеорекордер с многоразовыми кассетами и снимай эти объекты в сильно увеличенном изображении. Сейчас мы узнаем, каковы их намерения.

* * *

Как только скорость движения корабля стала синхронной со скоростью вращения планетоида, Хаутамяки повернулся и указал на экран с изображением орудий, направленных на корабль. Затем он постучал указательным пальцем по своей груди и поднял перед собой руки, широко растопырив пальцы, показывая, что в руках ничего нет. Инопланетянин следил за движениями человека блестящими золотистыми глазами. Он покачал головой из стороны в сторону и повторил жест Хаутамяки, указав пальцем себе на грудь, а затем на экран.

— Он сразу понял, что мы имеем в виду, — произнес Гальяс. — Смотрите, орудия исчезают внутри планетоида!

— Будем продолжать сближение. Ты записыва-

ешь все это на пленку?

— Да, конечно. Изображение, звук — все, что показывает каждый прибор. Записывающие аппараты были включены с того момента, когда мы впервые увидели звезду, и пленки автоматически опускаются в бронированное хранилище, как ты распорядился! Что дальше?

— Они уже сделали следующий шаг — смотри. Существо на экране протянуло руку куда-то за его пределы и достало небольшой шар. Из металлической сферы выступал стержень с небольшим рычагом. Когда инопланетянин нажал на рычаг, послышалось шипение.

— Баллончик с газом, — пробормотал Гальяс. — Интересно, что бы это значило? Впрочем, нет — не газ. Внутри сферы вакуум. Видите, в трубку втягиваются зернышки, рассыпанные на столе.

Инопланетянин удерживал рычаг в опущенном положении, пока шипение не прекратилось.

— Остроумно, — заметил Хаутамяки. — Он дал нам понять, что внутри шара находится проба их атмосферы.

...У шара не было никакого видимого движителя, но он мчался к их кораблю, вращавшемуся по орбите вокруг золотого планетоида. Затем остановился на расстоянии нескольких метров,

отчетливо видимый в иллюминаторы.

— Какой-то силовой луч, — решил Хаутамяки, — хотя ни один из приборов с наружными датчиками не зарегистрировал поля. Надеюсь, мы узнаем секрет этого луча. Сейчас я открою наружную дверцу шлюза.

Как только дверца открылась, шар влетел внутрь, и астронавты увидели через телевизионную камеру, установленную внутри шлюза, как он мягко опустился на палубу. Хаутамяки закрыл наружную дверь и повернулся к Гальясу.

— Надень перчатки с термоизоляцией и отнеси шар в лабораторию. Там проведи анализ газа, содержащегося внутри. Как только закончишь, выпусти из шара остатки газа, наполни его нашим воздухом и выброси через шлюз.

Корабельные анализаторы гудели, выясняя состав атмосферы планетоида, и инопланетяне занимались, по-видимому, тем же. Анализ был сделан быстро, поскольку представлял собой обычную процедуру, — и через несколько минут на контрольной панели появились цифры.

— Непригодно для дыхания — по крайней мере для нас, — заметил Гальяс. Достаточное количество кислорода, даже более чем достаточное, но сернистые соединения мгновенно разъедят наши

легкие. У них, должно быть, совершенно иной метаболизм — иначе как они дышат? Можно определенно сказать, что мы никогда не сможем соперничать с ними за обладание одними и теми же мирами…

— Смотрите! Изображение меняется, — воскликнула Чьонд, глядя на экран.

Инопланетянин исчез, и появилось изображение прозрачного выступа на поверхности планетоида. У них на глазах инопланетянин вошел внутрь откуда-то снизу. Картинка на экране снова изменилась — теперь они смотрели на инопланетянина из этого прозрачного помещения. Инопланетянин пошел по направлению к видеокамере, остановился посреди помещения, протянул руку и словно оперся на воздух.

— Купол разделен пополам прозрачной перегородкой, — заметил Гальяс. Начинаю понимать, что он хочет.

Видеокамера плавно повернулась и остановилась на противоположной стене купола, где была видна дверь, открытая настежь.

— Ну что ж, все достаточно очевидно, — произнес Хаутамяки, поднимаясь. Перегородка в центре купола герметична, таким образом, его можно использовать для переговоров. Я отправ-

ляюсь на планетоид. Записывайте на пленку все происходящее.

— Мне кажется, это ловушка. — Чьонд смотрела на купол с открытой дверью, неуверенно шевеля пальцами. — Ты рискуешь…

Хаутамяки рассмеялся — впервые с тех пор, как они прибыли на корабль.

— Ловушка? Неужели ты думаешь, что все это они проделали лишь для того, чтобы заманить меня в такую изощренную ловушку? Подобное самомнение смехотворно. Но даже если и так, неужели я мог бы отказаться?

* * *

Хаутамяки надел герметический скафандр, вошел в шлюз, подождал, пока давление выровняется, и открыл наружную дверь. Встал в проеме и оттолкнулся от корабля. Гальяс и Чьонд видели в иллюминатор, как исчезает вдали, становится все меньше и меньше одетая в космический скафандр фигура.

Молча, даже не осознавая этого, они прижались друг к другу, наблюдая за встречей. Хаутамяки медленно влетел в открытую дверь купола и коснулся ногами пола. Потом повернулся и увидел, как дверь закрылась. По радио раздавалось

шипение, сначала едва слышно, затем все громче и громче.

— Похоже, они повышают давление в той части купола, где ты находишься, пробормотал Гальяс.

— Да, я слышу шипение, и на наружном датчике регистрируется повышение давления, — кивнул Хаутамяки. — Как только оно достигнет нормального, я сниму шлем.

Чьонд начала было протестовать, но ее муж предупреждающе поднял руку, и она умолкла. Решение должен принять сам Хаутамяки, и никто не может помешать ему.

— Воздух самый обычный, хотя ощущаю едва заметный металлический запах, послышался голос Хаутамяки.

Он положил рядом с собой шлем и принялся снимать скафандр. Инопланетянин стоял у прозрачной перегородки, разделявшей две части купола. Хаутамяки подошел к нему. Они стояли, глядя друг на друга, почти одного роста. Инопланетянин приложил ладонь к перегородке, и человек прижал руку к тому же месту со своей стороны. Наконец они встретились друг с другом, и теперь их разделял всего один сантиметр прозрачной перегородки. Без нее обойтись невозможно. Глаза человека и инопланетянина

встретились, и они долго смотрели друг на друга, пытаясь понять чужие намерения и прочесть мысли. Наконец инопланетянин отвернулся и подошел к столу, на котором лежало множество разных предметов. Он взял один из них и показал Хаутамяки.

— Килт, — произнес инопланетянин.

Предмет походил на обломок скалы.

Хаутамяки только теперь заметил, что и на его половине купола находится стол с разложенными на нем предметами. По-видимому, на обоих столах лежали одни и те же предметы. Он увидел осколок, похожий на тот, что держал инопланетянин, взял его и поднял над головой.

— Камень, — сказал Хаутамяки и повернулся к невидимому видеопередатчику. Судя по всему, — произнес он, обращаясь к оставшимся на корабле, — мы начинаем с урока языка. Это очевидно. Проследите, чтобы все фиксировалось на пленке. Позже мы разработаем программу машинного перевода для компьютера — если это не сделают инопланетяне.

После того как истощились запасы предметов, которые тут же демонстрировались, урок языка пошел медленнее. Инопланетяне стали показывать фильмы — Хаутамяки стало ясно, что они

были приготовлены заранее, иллюстрирующие простые действия. Постепенно осваивались глаголы с временными формами. Инопланетянин даже не старался научиться чужому языку, а всего лишь следил за точностью передачи. Люди тоже записывали все происходящее. По мере того как продолжался урок, лицо Гальяса становилось все более озадаченным. Он начал делать заметки и вдруг прервал урок.

— Хаутамяки, это очень важно. Спроси своего партнера: они просто накапливают словарный запас или программируют компьютер для машинного перевода?

На вопрос Гальяса ответил сам инопланетянин. Он повернул голову в сторону, словно прислушиваясь к доносящемуся издалека голосу, затем начал говорить в чашевидное приспособление, от которого тянулся провод. Через мгновение послышался голос Хаутамяки, монотонный и бесстрастный, поскольку каждое его слово было записано отдельно.

— Я говорю через машину… говорю на своем языке… машина говорит с вами на вашем языке… меня зовут Лием… нам нужно записать больше слов, прежде чем будем говорить хорошо…

— Надо сделать кое-что без промедления, — за-

явил Гальяс, когда инопланетянин закончил. — Скажи им, что нам нужен образец их мышечной ткани. Я знаю, что они могут не понять тебя, но все-таки постарайся объяснить.

У инопланетян не было никаких возражений. Они даже не настаивали на том, чтобы им предоставили образец мышечной ткани с человеческими клетками, но приняли его. Герметически запечатанный контейнер с замороженным клочком мышечной ткани инопланетянина прилетел к двери шлюза по силовому лучу. Гальяс извлек его оттуда и направился в лабораторию.

— А ты следи за записью, — велел он жене. — Не думаю, что на этот раз мне потребуется много времени.

Глава 5

Действительно, времени потребовалось немного. Не прошло и часа, как Гальяс вернулся в рубку управления, двигаясь так тихо, что Чьонд, увлеченная уроком языка, не замечала его, пока муж не остановился рядом с ней.

— У тебя мрачное лицо, — сказала она, взглянув на Гальяса. — Что случилось? Что тебе удалось выяснить? Его лицо исказила мучительная гримаса.

— Уверяю тебя, ничего страшного. Однако ситуация совсем не такая, как мы предполагали раньше.

— В чем дело? — Лицо Хаутамяки на экране повернулось в их сторону.

— Насколько успешным был урок языка? — спросил Гальяс. — Ты хорошо понимаешь нас, Лием?

— Да, — ответил инопланетянин, — теперь мне понятны почти все слова. Однако машина может работать всего с несколькими тысячами слов, поэтому постарайтесь говорить попроще.

— Хорошо. То, о чем я буду говорить, совсем несложно. Сначала хочу задать вопрос. Твой на-

род прилетел с планеты, находящейся на орбите этой звезды?

— Нет, мы прилетели сюда издалека, долго искали место, где можно поселиться. Нашей родиной является очень далекий мир, среди вон тех звезд.

— И все вы живете в этом мире?

— Мы живем во многих мирах, но являемся детьми детей тех, кто когда-то жил в одном мире — очень давно.

— Мы тоже заселили многие миры, но у всех нас одна родина, — сказал Гальяс и посмотрел на листки бумаги, которые держал в руке. Он улыбнулся инопланетянину, смотрящему с экрана, но в его улыбке было что-то поразительно печальное. — Мы все когда-то жили на планете по имени Земля. И твой народ переселился оттуда же. Мы — братья, Лием.

— Что за безумие! — воскликнул Хаутамяки. Его лицо покраснело от гнева. Лием — гуманоид, он не принадлежит к человеческой расе. Он даже не может дышать нашим воздухом!

— Он — или она — действительно не может дышать воздухом, которым дышим мы, — спокойно ответил Гальяс. — Мы не занимаемся генной инженерией, но знаем, что это возможно. Не

сомневаюсь, что когда-нибудь узнаем, как соотечественники Лиема изменили свой генетический код до такой степени, что стали в состоянии жить в тех условиях, в которых живут сейчас. Нельзя исключить вероятности, что это результат естественного отбора и обычной мутации. Однако перемены, происшедшие с ними, кажутся мне слишком радикальными для подобного объяснения. Но не это важно. Разгадка заключается вот в чем. — Он протянул листы с расчетами и фотографиями. — Можете убедиться сами. Вот цепочка дезоксирибонуклеиновой кислоты ядра одной из моих клеток. А вот цепочка Лиема. Они идентичны. Лием и его соплеменники — такие же люди, как и мы.

— Но этого не может быть! — Чьонд озадаченно покачала головой. — Ты только посмотри на него — он совершенно не похож на нас! Да и их письменность — что ты скажешь о ней? Неужели я могла так ошибиться?

— Ты не приняла во внимание одну возможность — появление совершенно нового алфавита. Ведь ты сама говорила мне, что между китайской письменностью и западными алфавитами нет ни малейшего сходства — китайские иероглифы ничуть не походят на западные буквы. Если

народ, к которому принадлежит Лием, пережил культурную катастрофу, в результате которой им пришлось заново изобретать письменность, то у них вполне мог появиться свой собственный инопланетный алфавит, не похожий ни на какой другой. А что касается их внешнего вида подумай о тысячах столетий, миновавших с тех пор, как человечество покинуло древнюю Землю и расселилось по всей Галактике. Подумай и увидишь, что различия не такие уж и значительные. Некоторые из них являются естественными, другие искусственного происхождения, но самое главное в ином — генетический код не может лгать. Мы и они — дети одних предков.

— Да, это возможно, — впервые послышался голос Лиема. — Мне сообщили, что наши биологи согласны с такими выводами. Различий между вами и нами несравненно меньше, чем сходных черт. А где находится эта Земля и наша общая родина?

Хаутамяки указал на небо над головой, на гигантское пространство Млечного пути, заполненное бесчисленными звездами.

— Вон там, на противоположной стороне Галактики, примерно на полпути от ее центра.

— Да, центр Галактики дает нам частичное

объяснение случившегося, произнес Гальяс. — Он представляет собой ядро диаметром в тысячи световых лет и с температурой, превышающей десять тысяч градусов. Мы сумели исследовать только его наружную часть. Ни один корабль не может проникнуть внутрь его или хотя бы приблизиться на относительно небольшое расстояние, потому что ядро Галактики окружено пылевыми облаками. Поэтому мы начали двигаться от центра к окраинным областям, медленно огибая края Галактики и все время удаляясь от Земли. Если бы у нас было время подумать, мы поняли бы, что человечество двигалось и в противоположную сторону, тоже огибая центральное ядро — но в другом направлении.

— И наступило время нашей встречи, — послышался голос Лиема. — Я приветствую вас, братья по разуму. И в то же время эта встреча печальна, потому что я понимаю, что она означает.

— Да, мы, представители человечества, одиноки в этой Галактике. Хаутамяки поднял голову и взглянул на триллионы звезд. — Мы завершили путь — и встретили самих себя. Галактика принадлежит нам, но мы в ней одиноки.

Он повернулся, не заметив, что Лием, золотистый инопланетянин, тоже повернулся, и оба

посмотрели в противоположные стороны.

Они глядели в бесконечную глубину и темноту межгалактического пространства, которое не нарушал свет ни одной звезды. Где-то в колоссальной глубине смутно виднелись тускло светившиеся точки — но то были не звезды, а бесконечно далекие галактики, звездные острова, на краю одного из которых они находились.

Эти два разумных существа отличались друг от друга во многом: у них были разные дыхательные системы, цвет кожи, язык, традиции, культура. Они отличались друг от друга, как день от ночи: человечество, умевшее приспосабливаться к самым разным условиям, за многие тысячелетия изменилось так, что его представители не узнали друг друга. Однако время, расстояние и мутации не смогли изменить главного — они остались людьми.

— Значит, сомнений нет — мы одиноки в Галактике, — заметил Хаутамяки.

— Одиноки в этой Галактике.

Они посмотрели друг на друга — и отвернулись. За короткое мгновение они измерили свои человеческие качества одинаковыми мерками и поняли, что равны.

Они смотрели в межгалактическое простран-

ство, в сторону бесконечно удаленного островка света — еще одной Галактики.

— Нам будет нелегко добраться туда, — послышался чей-то голос.

Битва была проиграна. И все-таки это не было поражением.

Гарри Гаррисон
От каждого по способностям

— Вы только взгляните на ствол — в него палец можно засунуть, — сказал Арам Бриггс и тут же подтвердил свои слова делом. Неосознанно сладострастным движением он пропихнул в дуло огромного пистолета волосатый указательный палец и медленно его покрутил. — Его пуля уложит наповал любое животное из-за гидростатического шока, а если пуля будет разрывная, то она запросто свалит дерево или пробьет стену.

— Мне кажется, после первого же выстрела отдача такого пистолета просто сломает человеку кисть, — с нескрываемым отвращением заметил доктор Де Витт, близоруко щурясь на оружие, словно на змею, готовую нанести удар.

— Вы что, с луны свалились, Де Витт? Отдача пистолета такого калибра не сломала, а оторвала бы вам руку, не будь у него амортизатора. Это же 25-миллиметровая безоткатная модель. Вместо того чтобы ударить назад, энергия выстрела рассеивается через эти щели…

— Избавьте меня, пожалуйста, от описания принципа действия безоткатного огнестрельного

оружия — к тому же неточного. Я знаю о нем ровно столько, сколько пожелал узнать. Я посоветовал бы вам пристегнуться, потому что скоро начнется торможение перед посадкой.

— Что это вы разнервничались, док? Раньше-то вы не дергались.

Улыбка Бриггса была больше садистской, чем искренней, и Де Витт с трудом преодолел неприязнь, которую она невольно вызвала.

— Извините. Нервы, наверное. — Снова та же улыбка. — Признаться, я не привык к подобным миссиям, к тому же посадка на планету, где полно враждебно настроенных туземцев, меня мало привлекает.

— Вот поэтому я и здесь, Де Витт, и вы должны быть чертовски рады. Вы, яйцеголовые, вляпались в неприятности, и вам пришлось позвать кое-кого, кто не боится взять в руки пистолет, чтобы вас от них избавить. — Загудел сигнал, и на контрольной панели тревожно замигала красная лампочка. — Вы позволили Заревски сесть в галошу и не в состоянии сами его спасти…

— Через шестьдесят секунд нас запускают, это был сигнал пристегнуться.

Едва они перешли из большого корабля в маленький посадочный катер, Де Витт сразу уселся

в кресло и, конечно, аккуратно пристегнулся. Теперь он нервно переводил взгляд с крупного тела Бриггса, плавающего в невесомости, на мигающую лампочку. Бриггс двигался медленно, игнорируя предупреждение, и Де Витт сжал кулаки.

— Посадочный курс уже задан? — спросил Бриггс, медленно засовывая пистолет в кобуру и еще медленнее отталкиваясь в сторону кресла.

Он еще затягивал пояс, когда сработали двигатели. Первый тормозной импульс вышиб воздух из легких, и всякие разговоры стали невозможны, пока двигатели не смолкли.

— Курс задается автоматически, — выдавил Де Витт, с трудом делая вдох и с неприязнью ожидая следующего торможения. — Компьютер выведет нас в точку неподалеку от деревни, в которой держат Заревски, но садиться придется самим. Думаю, мы сядем на поляне возле реки — помните, я ее показывал на карте? От нее до деревни недалеко.

— Фигня. Сядем прямо в центре деревушки — там у них то ли площадь, то ли футбольное поле, черт их разберет.

— Вы не имеете права этого делать! — ахнул Де Витт, почти не обращая внимания на коррек-

тирующий тормозной импульс, вдавивший его в скрипнувшее кресло. — Там же туземцы, вы их убьете.

— Вряд ли. Мы пойдем прямо вниз, включим сирену и посадочные огни, а над самым грунтом немного зависнем. Когда мы сядем, все эти морды будут уже за километр от нас. А любого болвана, решившего остаться, мы просто поджарим, и хрен с ним. Но… это слишком опасно.

— А еще хуже садиться у реки. Хотите, чтобы они решили, будто мы их боимся? Коли сядете так далеко, не видать вам больше Заревски. Садимся в деревне!

— Пока что не вы тут командуете, Бриггс. Мы еще не сели. Но, возможно, вы и правы насчет реки…

— Конечно, прав, черт меня подери!

— Есть и другие причины, по которым не следует садиться слишком далеко, — продолжил Де Витт, проигнорировав грубость Бриггса. — Тем не менее посадка в деревне совершенно неприемлема. Мы не можем гарантировать, что кто-нибудь из них не угодит под ракетный выхлоп, а этого следует избежать любой ценой. Если вы взглянете на карту и найдете квадрат 17-Л, то согласитесь, что существует хороший компромисс. Там есть

примыкающий к поселку участок — скорее всего поле, на котором что-то растет. И ни на одной из фотографий туземцев там не видно.

— Ладно, годится. Раз уж не можем поджарить их самих, сделаем для них кукурузные лепешки. — Смех Бриггса был таким коротким и утробным, что прозвучал, как отрыжка. — В любом случае нагоним на них страху, пущай эти заразы усекут, что у нас на уме и что пятки смазать им уже не удастся.

Де Витт неохотно кивнул:

— Да, конечно. Вам, наверное, лучше знать.

Бриггс действительно разбирался в подобных вещах лучше, и поэтому ему предстояло руководить операцией после посадки, а он, Де Витт, близорукий и тщедушный, больше привыкший находиться в лаборатории, чем в инопланетных джунглях, переходил в его подчинение. Не так-то уж приятно выслушивать команды из уст такой личности, как Бриггс, но то было решение Совета, и он ему подчинился.

Посылка двух человек была оправданным риском, при котором шансы на успех, тщательно определенные компьютером, возрастали. Единственной альтернативой было небольшое военное вторжение без всякой гарантии на успех.

Среди атакующих в худшем случае было бы лишь несколько погибших, зато туземцев наверняка оказалось бы убито множество, а Заревски скорее всего был бы зарезан еще до того, как удалось бы до него добраться. И даже если бы это само по себе не служило достаточным аргументом, Космический Поиск в любом случае был всегда морально и конституционно против насилия по отношению к инопланетным расам. Они согласились рискнуть жизнью двоих людей, двоих вооруженных людей, которые станут сражаться, лишь защищая свою жизнь, но не больше. Были выбраны Арам Бриггс и Прайс Де Витт.

— А какая там внизу житуха? — неожиданно спросил Бриггс, и впервые за все время из его голоса исчез оттенок автоматического авторитета.

— Холодно, что-то вроде особенно сырой и ненастной осени, которая тянется без конца. — Де Витт с трудом сдержался, чтобы не проявить естественное удовлетворение от слегка привядшей заносчивости своего компаньона. — Планета холодная, и туземцы держатся поближе к экватору. Их климат вроде бы устраивает, но у нас во время первой экспедиции было чувство, что мы никогда не отогреемся.

— Вы говорите на их языке?

— Конечно, поэтому я и лечу с вами. Вам ведь, разумеется, об этом сказали. Мы все его выучили, он достаточно прост. Нам пришлось это сделать, раз уж мы хотели работать с туземцами, поскольку они категорически отказались выучить хотя бы одно наше слово.

— Почему вы продолжаете называть их туземцами? — спросил Бриггс с кривой усмешкой, искоса поглядывая на Де Витта. — У них же есть какое-нибудь название, так ведь? И у планеты должно быть название.

— Только едентафикационный номер, Д2-594-4. Вы ведь знаете политику Поиска в отношении названий.

— Но должно же у вас быть какое-то прозвище для туземцев, как-то вы их называете…

— Не пытайтесь притворяться дурачком, Бриггс, у вас плохо получается. Вы прекрасно знаете, что большинство из нас называют туземцев мордами, и столь же хорошо знаете, что сам я никогда это слово не произношу.

Бриггс усмехнулся:

— Конечно, док. Морды. Обещаю не говорить это слово при вас — даже если они и в самом деле морды.

Он снова засмеялся, но Де Витт не отозвался,

погруженный в свои мысли и в тысячный раз размышляя, есть ли у их плана спасения шансы на удачу. Заревски не получил разрешения отправиться на планету, нарушил запрет, каким-то образом разозлил туземцев и был захвачен в плен. За те дни, что прошли после его последнего радиосообщения, его уже могли убить. Несмотря на это, было решено сделать попытку его спасти. Де Витт испытывал к нему естественную ревность. Неужели ксенолог мог стать настолько важной персоной, что, даже нарушив все правила и законы, продолжал оставаться ценным специалистом, ради спасения которого шли на все? Десятилетняя карьера самого Де Витта в Космическом Поиске не была отмечена ничем, кроме медленного продвижения по службе и ежегодной прибавки к жалованью. Спасение эксцентричного Заревски из ловушки, которую тот сам себе устроил, наверняка станет самой важной записью в досье Де Витта — если им повезет. А уж это зависело от Бриггса, специалиста, человека с нужными способностями. Назойливый сигнал прервал его мысли.

— Сигнал, мы над районом посадки. Беру управление на себя и сажаю катер…

— И как только мы сядем, командовать ста-

ну я.

— Да, вы командир.

Де Витт произнес эти слова почти со вздохом и в который раз подумал, есть ли смысл во всем их плане.

Хотя теоретически кораблем управлял Де Витт, ему нужно было лишь указать нужную точку посадки и отдать приказ компьютеру. Тот управлял сближением, измеряя многочисленные силы, действующие при этом на катер, и точно компенсируя их включениями двигателей. Как только началась заключительная стадия спуска, Де Витту осталось лишь наблюдать за местом посадки, чтобы убедиться, что никто из туземцев не застигнут врасплох. Едва они коснулись грунта и рев двигателей смолк, Бриггс вскочил.

— Шевелись, шевелись, — хриплым голосом приказал он. — Хватай этот ящик с барахлом для обмена, и я покажу тебе, как шустро мы оттяпаем Заревски у этих морд.

Де Витт не сказал ни слова и никак не проявил свои чувства. Он просто перекинул лямку тяжелого ящика через плечо и потащился с ним к люку. Пока срабатывали двери шлюза, он застегнул спереди «молнию» на комбинезоне и включил обогрев. Едва дверь приоткрылась, обжигающий

ветер швырнул внутрь охапку коричневых листьев странной формы, а вместе с ними и затхлые, чужие запахи планеты. Едва щель достаточно расширилась, Бриггс протиснулся сквозь нее и спрыгнул на землю. Он медленно обернулся, держа пистолет наготове, затем удовлетворенно хмыкнул и засунул его обратно в кобуру.

— Можешь спускаться, Де Витт, никого не видно.

Он даже не пытался помочь своему тщедушному компаньону и лишь с едва скрываемым презрением ухмылялся, пока Де Витт спускал ящик за лямку, а потом неуклюже спрыгивал сам.

— Теперь потопали за Заревски, — сказал Бриггс и зашагал к поселку.

Де Витт поплелся следом.

Поправляя на плече лямку от ящика, он заметил троих туземцев на мгновение раньше Бриггса. Они внезапно появились из-за рощи кривых деревьев и уставились на вновь прибывших. Бриггс, который постоянно вертел головой по сторонам, увидел их чуть позднее. Он тут же прыгнул в сторону, упал, выхватывая пистолет, и, едва распластавшись на земле, нажал на спуск. Но выстрела не последовало. Туземцы тут же

залегли.

Де Витт не шевелился, хотя ему пришлось напрячь все силы, чтобы унять внезапную дрожь. У него на поясе болталась небольшая металлическая коробочка с несколькими кнопками, похожая на рацию. Он прижал палец к одной из кнопок и не отпускал до тех пор, пока Бриггс не перестал давить на спуск и не принялся с ошарашенным видом обследовать оружие.

— Не сработало… Но почему?

— Из-за холода, наверное. Детали примерзли, — отозвался Де Витт, торопливо переводя взгляд с Бриггса на туземцев, которые медленно поднимались. — Уверен, что в следующий раз пистолет сработает. И хорошо, что вы не выстрелили. Ведь они не нападали и не пытались подойти ближе, а просто смотрели.

— Пусть только попробуют выкинуть какой-нибудь фокус, — сказал Бриггс, вставая и засовывая пистолет в кобуру, но не снимая руки с рукоятки. — Ну и уроды, верно?

Иллюстрация FINLAY

По любым человеческим меркам аборигенов планеты Д2-594-4 нельзя было назвать привлекательными. Они лишь отдаленно напоминали людей: такие же очертания тела, голова да по паре рук и ног на худом туловище. Их тела были покрыты коричневой мохнатой чешуей, похожей на рыбью, но размером с мужскую ладонь. Каждая чешуйка кончалась меховой бахромой. То ли они линяли, то ли беспорядочное располо-

жение чешуй было естественным, но у всех на телах в чешуе виднелись проплешины, в которых просвечивала оранжевая кожа. На них не было ничего, кроме бечевок, на которых висели мешочки и примитивное оружие. Их головы с щелями ртов, покрытые многочисленными складками оранжевой кожи, выглядели даже отвратительнее тел. Де Витт и Бриггс знали, что за подрагивающими щелями в этих складках скрываются обонятельные и слуховые органы, но все же их сходство со смертельными ножевыми ранами было поразительным. Крошечные глазки злобно выглядывали из выпирающего на макушке черепа бугра. Де Витт провел на этой планете больше земного года, но все еще находил это зрелище отвратительным.

— Скажи им, чтобы не подходили ближе, — приказал Бриггс. Казалось, их внешность не произвела на него никакого впечатления.

— Оставайтесь на месте, — произнес Де Витт на местном языке.

Они мгновенно остановились, и стоящий справа, больше всех увешанный оружием, прошипел через ротовую щель:

— Ты говоришь на нашем языке.

Де Витт собрался было ответить, но промолчал.

Это было утверждение, а не вопрос, к тому же ему строго приказали не проявлять инициативу. Поскольку старшим считался Бриггс, Де Витту оставалось как можно прилежнее исполнять роль машины-переводчика. Не успел он перевести Бриггсу первую фразу, как туземец заговорил снова:

— Откуда ты знаешь наш язык? Другой тоже может на нем говорить?

— О чем эта тарабарщина? — спросил Бриггс и сердито фыркнул, когда Де Витт перевел. — Скажи ему, что твое дело — переводить, а мне некогда забивать голову этой чепухой, и еще скажи, что нам нужен Заревски.

Наступил момент проверки всей теории спасения, и Де Витт глубоко вдохнул, прежде чем заговорить. Он попытался перевести слова Бриггса как можно точнее и удивился, когда туземцы не только не возмутились оскорбительным тоном фразы, но даже слегка покачали головами, что у них означало одобрение.

— Где ты выучил наш язык? — спросил предводитель Де Витта, который, прежде чем ответить, перевел вопрос Бриггсу.

— На этой планете. Я был здесь с первой экспедицией.

Бриггс засмеялся.

— Держу пари, они тебя не узнали, для них все люди наверняка на одно лицо. Пусть меня разорвет, если они не считают нас уродами! — Улыбка исчезла столь же быстро, как и появилась. — Хватит скакать вокруг да около. Мы пришли за Заревски, и плевать на все остальное. Переведи.

Де Витт перевел, споткнувшись лишь на «скакать вокруг да около», хотя и ухитрился передать смысл.

— Иди со мной, — сказал предводитель, развернулся и зашагал к деревне.

Его спутники двинулись следом, но Бриггс удержал Де Витта, положив руку ему на плечо.

— Пусть пройдут немного вперед. Хочу быть наготове, если они решатся что-нибудь подстроить. И не следует делать точно так, как он говорит, иначе он решит, что нами можно командовать. Ну вот, теперь пошли.

На почтительном расстоянии, словно они случайно оказались идущими в одном направлении, обе группы шагали к деревне. Никого из ее обитателей не было видно, хотя из отверстий в верхушках угловатых домиков, сляпанных из жердей и соломы, поднимался дымок. Людей не покидало ощущение, что из глубины домиков за

ними наблюдают невидимые глаза.

— Там, — бросил через плечо туземец, одновременно махнув многосуставчатой рукой в сторону строения, ничем не отличавшегося от других.

Туземцы зашагали дальше, даже не обернувшись, и Бриггс замер, пристально глядя им вслед. Только когда они скрылись из виду, он повернулся и подозрительно оглядел указанное строение. Оно напоминало шалаш метров пяти высотой с ровными наклонными стенами до самой земли. Узкие щели пропускали внутрь немного света, а в плоской передней стене была проделана дверь, размером и формой похожая на открытый гроб. Должно быть, у Де Витта сложилось такое же впечатление, потому что он тоже разглядывал темное отверстие, сморщив от напряжения нос.

— Другой возможности нет, — сказал наконец Бриггс. — Нам надо войти, и единственный путь — через эту дверь. Иди вперед, а я буду тебя прикрывать.

Разница между двумя людьми была тут же доказана самым наглядным из всех возможных способов. У Де Витта были естественные сомнения насчет этой двери, но он загнал их внутрь, припомнил кое-какие приветственные фразы и наклонился, чтобы шагнуть внутрь. Не успел он

просунуть голову в дверь, как Бриггс схватил его за плечо и швырнул назад на землю. Он больно ударился задом, тяжелый ящик шарахнул его по ноге, но он уже с изумлением смотрел на торчащее из земли толстое копье, конец которого еще дрожал. Оно глубоко вонзилось в грунт точно в том месте, где он только что стоял.

— Что ж, это кое о чем говорит, — процедил Бриггс, рывком приподнимая на ноги ошарашенного Де Витта. — Мы нашли нужное место. Значит, работенка окажется короче и легче, чем я думал.

Он отбросил копье в сторону пинком тяжелого ботинка, согнулся и проскользнул в хижину. Де Витт заковылял следом.

Моргая от наполнявшего помещение дыма, они с трудом разглядели в дальнем конце комнаты группу туземцев. Бриггс направился к ним, не глядя по сторонам. Де Витт последовал за ним, отстав немного, чтобы разглядеть прикрепленный над дверью механизм. В тусклом свете, просачивающемся сквозь окна-щели, он увидел приделанную к стене раму, в которой был закреплен тяжелый деревянный лук двухметровой длины. Веревка, протянутая в другой конец комнаты, приводила в действие простой спусковой механизм. Ловушка

была совершенно не видна снаружи — и все же Бриггс о ней догадался.

— Давай сюда, Де Витт, — проревел он. — Я не могу без тебя разговаривать с этими мордами. Быстрее!

Де Витт изо всех сил заторопился вперед и сбросил тяжелый ящик перед пятью туземцами. Четверо стояли чуть позади, держа руки на оружии, а их глаза, отражавшие пламя костра, злобно светились в узких глазных щелях. Пятый сидел впереди на ящике, или платформе, из толстых досок. С его тела и конечностей свисало разнообразнейшее оружие, побрякушки и сосуды странной формы — местные знаки высокого положения, а в руках он держал оружие с длинным и узким лезвием, напоминающее короткий меч.

— Кто вы? — спросил туземец, и Де Витт перевел.

— Скажи ему, что мы сначала хотим узнать его имя, — сказал Бриггс, громко прочищая глотку и сплевывая на утоптанный земляной пол.

После короткой паузы, во время которой сидящий туземец не отрывал глаз от Бриггса, последовал ответ:

— Б'Деска.

— Мое имя Бриггс, и я пришел, чтобы забрать

похожего на меня человека, которого зовут Заревски. И не вздумай устраивать мне подлянки вроде той штуки над дверью, потому что, имея дело со мной, можно сделать лишь один бесплатный выстрел, и он уже сделан. В следующий раз я кого-нибудь убью.

— Ты будешь есть с нами.

— Что за бред он несет, Де Витт? Мы же не можем есть местное дерьмо.

— Есть можно, если захочешь, некоторые ксенологи это делали, но у меня духу не хватало. Местная пища может вызвать в худшем случае жестокий запор, и должен сказать, что вкус у нее отвратителен до тошноты. К тому же это местный обычай, все сделки заключаются только после совместной еды.

— Ладно, пусть несут жратву, — обреченно вздохнул Бриггс. — Надеюсь лишь, что этот Заревски ее стоит.

Услышав слово, которое прошипел вождь, один из туземцев положил оружие, прошел в темный угол комнаты и вернулся с фляжкой, заткнутой деревянной пробкой, и двумя чашками из грубо обожженной глины. Он положил фляжку на землю и поставил одну чашку перед гостем, а другую перед сидящим вождем. Бриггс присел на корточ-

ки, взял обе чашки и поднял их перед собой.

— Отличные чашки, — сказал он. — Большое мастерство. Скажи ему это. Скажи, что эти уродливые комки грязи — великие произведения искусства и что я восхищен его вкусом.

Де Витт перевел, и после этого Бриггс поставил чашки на землю. Даже Де Витт заметил, что он поменял чашки местами, и теперь перед каждым из них стояла чашка, предназначенная для другого. Ничего не сказав, Б'Деска вытащил пробку из фляжки и наполнил коричневой жидкостью сначала свою чашку, потом чашку Бриггса.

— Боже, какая гадость, — произнес Бриггс, сделав крошечный глоток и содрогнувшись. — Надеюсь, еда будет получше.

— Она будет еще хуже, но достаточно съесть лишь щепотку-другую.

Тот же туземец, что принес напиток, теперь появился с большой миской, доверху наполненной мелко порубленной серой массой, один запах которой вызывал тошноту. Б'Деска закинул горсть ее во внезапно распахнувшуюся ротовую щель и подтолкнул чашку к Бриггсу, который постарался ухватить как можно меньшую щепотку. Де Витт увидел, как вздрогнула спина Бриггса, когда тот слизнул массу с пальцев. Никакими усилиями

туземцам не удалось бы заставить его съесть еще одну. Б'Деска махнул рукой, миску унесли и на ее место поставили две миски поменьше. Бриггс взглянул на стоящую перед ним миску и медленно поднялся.

— Я предупреждал тебя, Б'Деска, — сказал он.

Не успел Де Витт перевести, как Бриггс наступил на мисочку, раздавив ее в лепешку, а затем каблуком вдавил ее содержимое в пол. Туземец, подававший еду, бросился к двери, и внезапно сообразивший Де Витт схватился за контрольное устройство на поясе, но на этот раз опоздал. Прежде чем его палец коснулся кнопки, которая помешала бы пистолету Бриггса выстрелить, раздался оглушительный грохот, и туземец упал. В его спине зияла огромная дыра.

Бриггс спокойно сунул оружие в кобуру и повернулся к Б'Деске, державшему свой меч так, что его конец упирался в ящик, на котором он сидел.

— Так вот, раз с церемониями покончено, скажи ему, что я хочу поговорить о деле. Скажи, что мне нужен Заревски.

— Зачем тебе нужен человек Заревски? — спросил Б'Деска, столь же невозмутимый, как и Бриггс.

Мертвый туземец лежал скорчившись, его

кровь медленно пропитывала землю, но оба они не обращали на него внимания.

— Я хочу его, потому что он мой раб, он очень дорогой и он сбежал. Я хочу его вернуть и избить.

— Этого я перевести не могу, — запротестовал Де Витт. — Если они подумают, что Заревски был рабом, они могут его убить…

Он не договорил, потому что Бриггс размахнулся и наотмашь хлестнул его по лицу. Удар оглушил его, а на глаза от боли навернулись слезы.

— Делай, что я тебе велю, идиот, — прорычал Бриггс. — Ты же сам говорил мне, что у них есть рабы, и если они поверят, что Заревски раб, то смогут потребовать за него ценный выкуп. Ты что, до сих пор не понял, что они и тебя принимают за раба?

До этой секунды Де Витт действительно этого не понимал. Он аккуратно перевел слова Бриггса. Б'Деска притворился, будто размышляет, но его глаза ни на миг не отрывались от ящика с побрякушками.

— Сколько ты за него заплатишь? Он совершил большое преступление, а это дорого стоит.

— Я заплачу хорошую цену. Потом я изобью его, затем привезу домой и на его глазах убью

его сына. Или, может быть, заставлю его самого убить своего сына.

Б'Деска согласно качнул головой, услышав перевод, после чего осталось лишь всласть поторговаться. Когда оговоренное количество бронзовых палочек и поддельных драгоценностей было извлечено из ящика, Б'Деска встал и вышел из комнаты. Остальные туземцы собрали выкуп и последовали за ним. Де Витт уставился им вслед, разинув рот.

— Но… где же Заревски?

— Да в ящике, конечно, — где же ему еще быть? Если уж он для нас такой ценный, что мы специально за ним явились, то Б'Деска решил держать его поблизости, чтобы никто другой не смог заключить с нами сделку. Ты что, не видел, как он держал свой тесак для свиней наготове, чтобы в любой момент вонзить его в ящик? Одно наше неверное движение, и Заревски бы за него поплатился.

— Но разве нужно было убивать одного из его людей? — спросил Де Витт, развязывая веревки, которыми был обмотан ящик.

— Конечно, а как иначе? В миске же явно был яд. Поэтому я убил его раба, как и обещал.

Крышка откинулась. Внутри, с кляпом во рту

и обмотанный веревками, словно поросенок на вертеле, лежал Заревски. Спасители разрезали его путы и растерли ему ноги, чтобы он смог идти. Де Витт подхватил Заревски под руку, и Бриггс махнул в сторону двери.

— Идите вперед, а я с ящиком пойду сзади. Не думаю, что возникнут какие-нибудь неприятности, но если что, я о вас позабочусь… о своих рабах! — И он оглушительно захохотал.

Они медленно ковыляли по пустым улицам. Заревски, обернувшись, улыбнулся. У него недоставало нескольких зубов, на лице были подсохшие ссадины, но он был жив.

— Спасибо, Бриггс. Я все слышал, но не мог произнести ни слова. Вы отлично справились. Я ошибся, попытавшись вести себя с этими свиньями по-дружески, и вы сами видели, что со мной случилось. Один из тех, с кем я разговаривал, умер, и они сказали, что я напустил на него порчу, а потом схватили меня. Жаль, что вас тогда со мной не было.

— Да ладно, Заревски, кто из нас не ошибается. — Интонации голоса Бриггса не оставляли сомнений, что уж ему-то ошибки неведомы. — Но лучше помалкивайте, пока не отойдем подальше. Они видят, что я с вами разговариваю, так что

сами понимаете, что мне необходимо сделать.

— Да, конечно.

Заревски отвернулся, закрыл глаза и вздрогнул еще до того, как его настиг удар. Затем Бриггс пнул его ногой в спину, отчего тот растянулся на земле. Бриггс даже не шевельнулся, когда Де Витт помогал Заревски подняться.

Когда они были уже недалеко от катера, Бриггс подошел к ним поближе.

— Еще немного, и делу конец.

— Вы работаете в Космическом Поиске? — спросил Заревски. — Что-то я не припоминаю вашего имени.

— Нет, это лишь временная работа.

— Вы должны получить постоянную должность! Как здорово вы справились с туземцами — там нужны такие люди, как вы. Не хотите ли заняться такой работенкой?

— Хочу, — ответил Бриггс. Он вспотел, несмотря на холод. — Неплохая идея. Я смог бы вам помочь.

— Уверен, что сможете. А уж без работы вы не останетесь.

— Заткнитесь, Заревски! Это приказ, — оборвал его Де Витт.

Заревски одарил его презрительным взглядом

и повернулся к Бриггсу, возбужденно потиравшему руки.

— Я мог бы брать в экспедицию помощника вроде вас. У меня хватает людей, что сидят в лаборатории и пишут отчеты, но нет никого для полевой работы…

— Замолчите, Заревски!

— …никого, кто действительно знал бы, как следует себя вести, такого, как вы.

— А я знаю! — выкрикнул Бриггс и запрокинул голову, царапая лицо ногтями. — Я смогу все. Я сделаю все лучше, чем любой другой, лучше всех в мире. Вы все против меня, но я все равно лучше всех…

— Бриггс! — закричал Де Витт, поворачиваясь и хватая его обеими руками. — Слушайте меня, Бриггс! Вечер-наступил! Слышите меня… ВЕЧЕР-НАСТУПИЛ!

Хрипло выдохнув, великан закрыл глаза. Его руки бессильно повисли. Де Витт попытался его удержать, но вес оказался слишком велик, и Бриггс повалился на землю. Заревски уставился на него с немым изумлением.

— Идите сюда, помогите. Вы сами его до этого довели, так что советую помочь дотащить его до катера, пока Б'Деска и остальная компания

не увидели, что произошло, и не примчались за нашими скальпами.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Заревски, когда они уложили неподвижное тело возле катера. Он тревожно озирался через плечо, пока открывался наружный люк. — Что с ним случилось?

— Сейчас ничего. Перед тем как мы вылетели, я на всякий случай ввел в него постгипнотическую команду с ключевым словом. Он спит, вот и все. Потом мы отвезем его в госпиталь и попробуем привести в чувство. Со всем остальным он справился очень хорошо, и я привел бы его на корабль, не начни вы свою идиотскую вербовочную речь. Спасибо вам огромное от Космического Поиска!

— О чем это вы болтаете? — фыркнул Заревски.

Тяжелая дверь закрылась за их спиной, и Де Витт резко повернулся к человеку, которого они спасали. Гнев все-таки сломил его самообладание.

— По-вашему, этот Бриггс — профессиональный герой из исторического романа, которого Поиск нашел и подрядил на это дело? Это больной человек, прямо из госпиталя, а я его врач — и это единственная причина, почему я здесь. С ним

должен был отправиться кто-то из персонала, а я оказался самым молодым, потому и вызвался сам.

— Про какой еще госпиталь вы говорите? — спросил Заревски, сделав последнюю попытку похорохориться. — Этот человек вовсе не болен…

— Он болен душевно и был уже на пути к выздоровлению, пока это не случилось. Мне не хочется даже думать, сколько времени уйдет на то, чтобы снова привести его в себя. Хоть он и не настолько болен, как другие, у него был классический случай паранойи, поэтому мы и смогли его использовать. Его мания преследования связана с тем, как он воспринимает окружающее, поэтому он и чувствовал себя здесь как дома. Если бы вы почитали все отчеты, а не бросились на планету сломя голову, то знали бы, что у туземцев развилось общество, в котором нормой являются условия, очень близкие к паранойе. Они считают, что все вокруг — враги, и они правы. Они все такие. В подобном обществе ни один нормальный человек не может быть уверен, что поступает правильно, — нам нужен был кто-то, страдающий той же болезнью. Единственное, что меня хоть отчасти утешает во всем этом бардаке, — не

я принимал решение отправить сюда Бриггса. Так решили наверху, а я сделал всю грязную работу. Я и Бриггс.

Заревски посмотрел на спокойное лицо лежавшего на полу человека, который тяжело дышал, даже будучи без сознания.

— Простите… Я не…

— Вы и не могли знать. — Доктор Де Витт сжался от гнева, нащупав быстрый, неровный пульс своего пациента. — Но вы знали кое-что другое. Вам не разрешали садиться на эту планету — и тем не менее вы сели.

— Это не ваше дело.

— Сейчас и мое тоже. На те несколько минут, пока мы не вернулись на корабль, пока я не возвратился к своим обязанностям и обо мне не успели благополучно позабыть, записав разве что небольшую благодарность в мое личное дело, и пока вы не стали снова великим Заревски, чье имя не сходит с заголовков газет. Я помог вытащить вас отсюда, и это дает мне право кое-что вам сказать. Вы пижон, Заревски, и меня от вас тошнит. Я… да ну вас к чертям собачьим…

Он отвернулся. Заревски открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Полет к большому кораблю был недолгим, и

они не разговаривали, потому что им действительно не о чем было говорить.

Гарри Гаррисон
Спасательная операция

Это рассказ о реальном событии, произошедшем в реальном месте. Все персонажи, за исключением одного, реальны, и со всеми я встречался на самом деле. Я ходил по тому острову и купался в том море. И именно тогда созрела идея этого рассказа.

* * *

Югославия, вероятно, наиболее примитивная страна Европы. Дикая, заброшенная, предмет многовековых военных споров, населенная всевозможными группами людей и нациями, вечно раздираемая на людской памяти сепаратизмом. Когда немцы захватили ее во время Второй мировой войны, в горы ушли вооруженные партизаны. И принялись сражаться друг с другом, лишь потом обратив оружие против общего врага. Вначале той же войны в стране (если не считать городов) имелось всего четырнадцать миль дорог с твердым покрытием.

Во времена маршала Тито все начало стре-

мительно меняться. Теперь страну пересекают широкие шоссе, по которым в страну едут туристы с твердой валютой. Югославия прочно вошла в двадцатый век.

Мне довелось стать одним из первых послевоенных путешественников, добравшихся до весьма отдаленных уголков страны, и мне подвернулась хорошая возможность наблюдать жизнь такой, какой она текла здесь столетиями. Сами понимаете, восхитительной ее не назовешь. Зато теперь в стране есть Институт ядерных исследований.

Югославия — микрокосм, отражающий весь мир. И под горячими лучами ее солнца я внезапно увидел, как можно расширить ее границы на всю планету, добавив лишь знакомое всем любителям фантастики устройство.

* * *

— Тяни! Тяни! Да не останавливайся ты!.. — крикнул Драгомир, хватаясь за смоленые сети.

Рядом с ним в душной темноте Прибыслав Поляшек, напрягая все силы, выбирал мокрый невод. Сеть была невидима в черной воде; захваченный ею голубой огонек поднимался все ближе и ближе к поверхности моря.

— Боже мой, он выскальзывает из сети… — в отчаянии простонал Прибыслав и схватился рукой за шероховатый планшир их небольшой лодки.

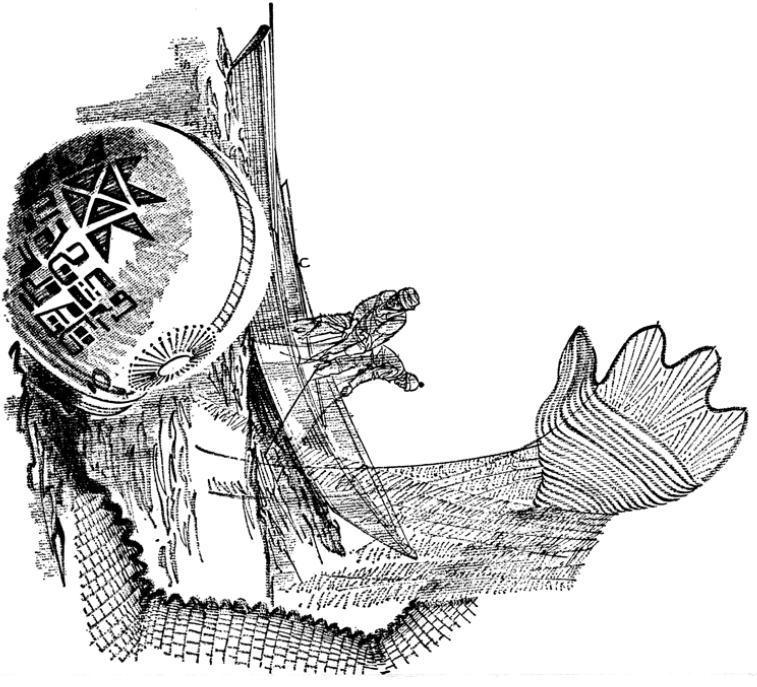


Иллюстрация Adolph Brotman

На мгновение он успел увидеть голубую лампочку на шлеме, прозрачное забрало и тело в скафандре — затем оно выскользнуло из сети и скрылось в темноте. Ему лишь удалось рассмотреть цилиндры на спине, перед тем как оно исчезло.

— Ты заметил? — произнес он. — Перед тем как выскользнуть из сети, он махнул рукой.

— Ну не знаю, может, у него просто шевельнулась рука и задела сеть. Или он еще жив?

Драгомир перегнулся за борт, его лицо почти касалось стеклянной поверхности моря, но ничего рассмотреть ему не удалось.

— Думаю, он жив.

Рыбаки сели на банки, глядя друг на друга в резком свете шипящего ацетиленового фонаря на носу. Между этими двумя мужчинами не было ничего общего — и все-таки они очень походили друг на друга: оба в испачканных мешковатых шароварах и выцветших хлопчатобумажных рубашках. Их руки покрывали глубокие шрамы и мозоли от многолетнего труда, а мысли были неторопливыми и размеренными, соответствуя числу прожитых лет и ритму местной жизни.

— Мы не сможем вытащить его неводом, — за-

метил наконец Драгомир, который, как всегда, заговорил первым.

— Значит, нам понадобится помощь, — рассудил Прибыслав. — Мы поставили буй и сумеем снова найти это место.

— Да, помощь нам понадобится, — согласился Драгомир. Он разжал большие сильные руки и наклонился через борт, чтобы втащить в лодку всю сеть. Ныряльщик, который живет в доме вдовы Кореч, знает, как поступить. Его фамилия Кукович; Петар говорит, он доктор наук из университета в Любляне.

Друзья вставили весла в уключины, и тяжелая лодка медленно заскользила по гладкой поверхности Адриатического моря. Еще до того как они достигли берега, небо посветлело, а когда рыбаки привязали носовой линь к ржавому рыму в стенке причала деревни Брбинчи, солнце уже встало над горизонтом.

Джозе Кукович смотрел на поднимающийся солнечный шар. Было раннее утро, однако становилось жарко. Он зевнул и потянулся. Вдова, шаркая, подошла к нему, пробормотала: «Доброе утро» — и поставила на каменные перила крыльца поднос с утренним кофе. Кукович отодвинул поднос, сел рядом на перила и вылил содержи-

мое маленького кофейника с длинной ручкой в чашку. Густой кофе по-турецки окончательно разбудит его, несмотря на такой ранний час. Сидя на перилах, он взглянул на немощеную пыльную улицу, ведущую к порту.

Деревня уже просыпалась. Две женщины, несущие воду в медных кувшинах на головах, остановились поболтать. Крестьяне везли на рынок продукты — корзины с капустой и картофелем, подносы помидоров были прикреплены к спинам маленьких осликов. Один из них пронзительно закричал — резкий неприятный звук разорвал тишину утра и отразился эхом от стен выбеленных солнцем домов. Жарко.

Деревня Брбинчи находилась в середине глухого края, настоящий медвежий угол, отгороженный от остального мира морем и голыми высохшими холмами. Казалось, деревня спала на протяжении веков, постепенно умирая. Здесь не было ничего привлекательного — если не считать моря.

Под зеркальной голубой поверхностью моря таился иной мир, неотразимо привлекавший к себе Джозе. Прохладные тенистые равнины, глубокие долины здесь скрывалось больше жизни, чем на выжженных солнцем берегах, окружав-

ших залив. А сколько интересного: накануне ему удалось найти римскую галеру, наполовину занесенную морским песком. Правда, это произошло уже в конце дня, и было слишком поздно для того, чтобы внимательно обследовать ее. Он спустится к ней сегодня — первый человек за последние две тысячи лет. Один Бог знает, что находится внутри галеры. Рядом с ней Джозе заметил осколки разбитых амфор — не исключено, что внутри находятся и целые.

С удовольствием глотая обжигающий кофе, он следил за небольшой лодкой, причалившей к пирсу. «Интересно, куда спешат эти два рыбака?» — подумал он. Они почти бежали, а ведь здесь никто не бегает летом. Рыбаки направились по улице в его сторону. Остановившись у крыльца, старший обратился к Джозе:

— Доктор, можно подняться к вам? У нас срочное дело.

— Да, конечно. Заходите. — Кукович был немало удивлен. Уж не принимают ли его за врача?

Драгомир поднялся по ступенькам и замешкался, не зная, с чего начать. Потом указал в сторону моря:

— Он упал прошлой ночью. Мы видели его своими глазами — это спутник, вне всякого со-

мнения.

— Путник?

Джозе Кукович наморщил лоб. Ему показалось, что он не правильно понял старого рыбака. Когда местные жители волновались и говорили очень быстро, ученому было трудно разобраться в их диалекте. Для такой маленькой страны, как Югославия, в ней было слишком много языков и наречий.

— Нет, не путник, а спутник, один из русских космических кораблей.

— Или американский, — в первый раз открыл рот Прибислав, но на его, слова не обратили внимания.

Джозе улыбнулся и помешал ложкой густую кофейную массу.

— А вы уверены, что не метеорит? В это время года наблюдается обильный метеоритный поток.

— Спутник, — упрямо настаивал Драгомир. — Сам корабль упал далеко от нас в Ядранском море и исчез под водой, мы видели. А космонавт опустился совсем рядом с нами и пошел на дно…

— Что вы сказали? — изумленно воскликнул Джозе и вскочил. Медный поднос со звоном упал на каменную поверхность крыльца, дребезжа

покатался кругами и замер. — В нем был человек — и ему удалось спастись?

Оба рыбака кивнули, и Драгомир продолжил свой рассказ:

— Когда спутник пролетал над нами, от него отделился огонек, опустившийся недалеко от нас. Мы не видели, что это такое, и стали грести изо всех сил по направлению к огоньку. Он погружался в воду, но мы успели закинуть сеть и поймали его…

— Вам удалось спасти космонавта?

— Нет, но когда мы подтянули сеть к самой поверхности, то увидели, что он одет в тяжелый скафандр, а в шлеме впереди окошко — как у водолазов. Кроме того, на спине у него было что-то похожее на баллоны, с которыми вы ныряете.

— Он успел махнуть нам рукой, — добавил Прибыслав.

— Мы не успели его рассмотреть. К вам мы пришли за помощью.

Наступила тишина, и Джозе понял, что он — единственный человек, способный оказать эту помощь, и что теперь ответственность за спасение космонавта лежит на нем. С чего начать? У космонавта могут быть кислородные баллоны — Кукович не имел представления, что преду-

смотрено при спуске космонавтов на воду. Если в баллонах действительно кислород, он еще жив.

Джозе расхаживал по крыльцу и размышлял. Он был невысоким коренастым мужчиной, одетым в шорты цвета хаки и сандалии. Его нельзя было назвать привлекательным: нос слишком велик, и зубы выступали вперед, — но от него исходило ощущение силы и власти. Внезапно Джозе остановился и ткнул пальцем в сторону Прибыслава.

— Нужно поднять его на поверхность. Вы можете найти это место?

— Да, мы поставили там буй.

— Отлично. Нам может понадобиться врач. В деревне врача нет, но, может быть, есть в Осоре?

— Доктор Братош, правда, он совсем старый…

— Пока не умер, он нам понадобится. Есть в деревне кто-нибудь, умеющий управлять автомобилем?

Рыбаки подняли глаза к небу и задумались. Джозе с трудом сдерживал нетерпение.

— По-моему, есть, — произнес наконец Драгомир. — Петар был когда-то в партизанах…

— Совершенно верно, — подтвердил Прибыслав. — Он все время рассказывает о том, как они крали у немцев грузовики и как он сидел

за рулем…

— Ну что ж, пусть один из вас отправится к этому Петару и передаст ему ключи от моей машины. Это немецкий автомобиль, так что он должен справиться. Передайте ему: пусть везет врача — и как можно быстрее.

Драгомир взял ключи из протянутой руки Куковича и тут же передал их Прибыславу, который быстро сбежал с крыльца.

— А теперь постараемся поднять со дна этого космонавта, — сказал Джозе, схватил снаряжение для плавания под водой и стремительными шагами направился к лодке.

Спасатели взялись за весла и, делая гребки, поплыли к бую Было заметно, что основную часть работы выполняет Драгомир.

— Какова глубина в том месте? — спросил Джозе. Он уже обливался потом, и солнечные лучи жгли его голую спину.

— Пролив Кварнерич становится глубже в направлении острова Раб, но мы ловили рыбу недалеко от Тристеника, а там гораздо мельче. Думаю, не больше четырех саженей. Смотрите, мы уже рядом с буем.

— Четыре сажени — это семь метров. Пожалуй, найти его будет нетрудно.

Джозе встал на колени и просунул руки в лямки баллонов. Проверил действие клапанов, потуже затянул ремни и, перед тем как вставить в рот загубник, повернулся к рыбаку:

— Удерживайте лодку у буя — я буду пользоваться ею в качестве ориентира. Если мне понадобится линь или какая-нибудь другая помощь, я всплыву прямо над космонавтом и вы подплывете ко мне.

Он включил подачу кислорода и опустился в воду. Прохлада приятно обняла его разгоряченное тело. Энергично двигая ногами, он плыл ко дну, опускаясь вдоль троса, ведущего к якорю буя, — и сразу увидел космонавта, распростертого на белом песке.

Несмотря на растущее волнение, Джозе заставил себя двигаться осторожно. По мере приближения к лежавшему на дне человеку Джозе различал все больше деталей. На скафандре не было никаких опознавательных знаков, он мог принадлежать в равной степени как американскому, так и русскому космонавту. Скафандр казался жестким, сделанным из металла или армированного пластика и был окрашен в зеленый цвет. На шлеме было одно плоское забрало.

Зная, что расстояния и размеры предметов под

водой искажаются, Джозе опустился на песок рядом с распростертой фигурой и лишь в это мгновение понял; что длина скафандра меньше четырех футов. Он открыл рот от изумления и едва не захлебнулся.

Затем он заглянул в стекло шлема и понял, что существо, заключенное в скафандр, не является человеком.

Джозе закашлялся, выпустив изо рта струю воздушных пузырьков, сразу устремившихся к поверхности, — он сдерживал дыхание и не замечал этого. Медленно двигая ногами, ученый плавал над лежавшей на дне фигурой, стараясь сохранять положение, и смотрел на лицо в шлеме.

Оно было неподвижным, словно сделанным из воска, зеленого воска, с шероховатой кожей и большим тонкогубым ртом. Выпуклые глазные яблоки были закрыты веками. Черты лица в общем напоминали человеческие, но у людей никогда не было такого цвета лица, равно как и гребня, начинавшего расти над закрытыми глазами и исчезавшего из поля зрения Джозе на макушке. Ученый смотрел на скафандр, сделанный из какого-то неизвестного материала, и на компактный аппарат регенерации атмосферы,

необходимой для дыхания космонавта, расположенный на груди инопланетянина. Но чем дышит пришелец? Джозе перевел взгляд на лицо инопланетянина и увидел, что тот открыл глаза и следит за ним.

Ученого охватил страх, он рванулся к поверхности, как испуганная рыба, и тут же рассердился на себя и вернулся. Инопланетянин слабым движением поднял и бессильно уронил руку. Джозе посмотрел через прозрачное забрало шлема — глаза снова закрылись. Пришелец был жив, но не мог двигаться, может быть, пострадал при приземлении и испытывал мучительную боль. То, что космический корабль инопланетянина свалился в море, говорило о том, что он был неисправен. Протянув руки, Джозе осторожно поднял маленькое тело инопланетянина с морского дна, пытаясь не обращать внимания на чувство отвращения, охватившее его, когда холодный материал скафандра коснулся голых рук. «Это всего лишь металл или пластик, — подумал Джозе, — нужно сохранять самообладание исследователя». Когда он выпрямился, глаза пришельца все еще оставались закрытыми, и, ученый поплыл к поверхности, держа неподвижное, почти невесомое тело.

— Ну-ка ты, мужик, помоги мне! — крикнул он, выплюнув изо рта загубник и энергично работая ногами, чтобы вновь не погрузиться. Однако Драгомир лишь испуганно покачал головой и отодвинулся на самый нос лодки, увидев, что поднял со дна ученый.

— Это пришелец из другого мира! Он не причинит тебе зла! — снова крикнул Джозе, но рыбак отодвинулся еще дальше.

Ученый громко выругался и с трудом поднял инопланетянина в лодку, затем вскарабкался сам. Несмотря на то что он был гораздо меньше и слабее Драгомира, с помощью угроз ему удалось заставить рыбака сесть за весла — но и тут рыбак выбрал самую дальнюю от кормы пару уключин, хотя грести здесь было намного труднее.

Джозе снял акваланг, бросил баллоны на дно лодки и внимательно посмотрел на быстро высыхающий материал, из которого был сделан скафандр инопланетянина. Его охватило любопытство исследователя, и ученый забыл о своем страхе перед неизвестным. По профессии Куквич был атомным физиком, но у него хватало знаний в области химии и механики, чтобы понять, что светло-зеленый скафандр изготовлен из материала, совершенно неизвестного на

Земле. Судя по всему, он был прочен и тверд, как сталь, и в то же время эластичен и легко сгибался в суставах — Джозе убедился в этом, подняв и опустив безжизненную руку инопланетянина. Он окинул взглядом крошечную фигурку пришельца: посреди его тела, там, где у человека поясница, находилось жесткое утолщение, с которого свисал объемистый мешок, похожий на большой шотландский спорран. Весь скафандр казался цельным, без соединений — тут взгляд Джозе упал на правую ногу инопланетянина. Боже мой! Она была искалечена, словно ее сжали гигантскими плоскогубцами. Возможно, поэтому инопланетянин и не приходил в сознание. Может быть, он страдает от болевого шока?

Глаза пришельца снова открылись, и Джозе внезапно с ужасом понял, что шлем наполнен водой. Она, по-видимому, просочилась внутрь, и инопланетянин задыхается, захлебывается в этой воде. Ученый в панике схватился руками за шлем, пытаясь открутить и снять его. Огромные глаза гостя из космоса безучастно следили за его движениями.

Джозе взял себя в руки. Прежде всего надо обдумать свои действия, решил он. Инопланетянин лежит спокойно, с открытыми глазами, из носа

или рта не выходят пузырьки воздуха. Дышит ли он? Вода просочилась внутрь шлема — или всегда была там? Да и вода ли это? Кто знает, чем дышит инопланетянин метаном, хлором, двуокисью серы, а может быть, водой? Жидкость действительно находилась внутри скафандра и не просачивалась наружу. Существо внутри скафандра не подавало никаких признаков беспокойства.

Джозе поднял голову и увидел, что лодка, влекомая могучими гребками перепуганного Драгомира, уже достигла берега, где собралась толпа.

Лодка едва не перевернулась, когда рыбак в панике выскочил, при этом оттолкнув ее от берега. Джозе увидел, что берег удаляется, взял со дна лодки швартовочный трос и свернул его в кольцо.

— Эй, вы! — крикнул он. — Ловите трос и привяжите его к рыму!

Никто на берегу не шелохнулся. Люди стояли, глядя на фигурку в зеленом скафандре, распростертую на дне лодки. В толпе раздался шепот — словно ветер пронесся через сосновый бор, шевеля ветки. Женщины прижимали руки к груди и крестились.

— Ну, ловите! — снова крикнул Джозе, стиснув зубы и стараясь не давать воли гневу.

Он швырнул трос на берег, и толпа отпрянула от него; только один мальчишка схватил трос и медленно продел его через ржавое кольцо. Его руки дрожали, голова склонилась набок, изо рта капали слюни. Он был слабоумным и не понимал, что происходит; мальчик всего лишь исполнил приказ.

— Помогите мне вынести его на берег, — произнес Джозе и тут же понял, что его просьба бесполезна.

Крестьяне отступили назад — темная толпа с одинаковыми, широко открытыми глазами, женщины, похожие на огромных кукол, в длинных широких юбках, черных чулках и высоких фетровых ботинках. Никто не придет на помощь, решил Джозе, и все придется делать самому. С трудом сохраняя равновесие в неустойчивой лодке, он поднял инопланетянина и осторожно опустил его на грубые камни портовой стенки. Толпа отпрянула еще дальше. Несколько женщин застонали и бросились бежать; среди мужчин послышался ропот. Джозе не обратил на это никакого внимания.

Ему не только не помогут, понял он, но могут

даже помешать. Самое безопасное место — его комната в доме вдовы Кореч; там его вряд ли решатся беспокоить. Джозе наклонился, поднял легкое тело инопланетянина, и в этот момент сквозь толпу кто-то протолкнулся.

— Дайте посмотреть — что это? Святая дева Мария, злой дух!

Старый священник с ужасом смотрел на инопланетянина в руках ученого и пятился назад, держась за распятие обеими руками.

— Ну что это за предрассудки, суеверия какие-то! — огрызнулся Джозе. — Это не дьявол, а пришелец из дальних миров, разумное существо. А теперь прочь с дороги!

Кукович двинулся вперед, и толпа расступилась. Он старался идти как можно быстрее, в то же время не создавая впечатления, что спешит. Толпа осталась позади. За спиной ученого слышался звук быстрых шагов; он оглянулся. Его догонял священник, отец Перч. Грязная сутана развевалась, и он задыхался от непривычной спешки.

— Скажите мне, доктор Кукович, что вы собираетесь делать с этим существом? Что это? Скажите…

— Я уже объяснил вам, святой отец. Это — ино-

планетянин. Два местных рыбака нынче ночью видели, как в море опустился космический корабль. Этот… инопланетянин прилетел на нем, а корабль утонул. — Джозе старался говорить как можно спокойнее. Население деревни может причинить ему массу неприятностей, но если священник окажется на его стороне, их можно избежать. — Это — существо из другого мира, святой отец, оно дышит в воде. Оно получило повреждения во время катастрофы, и наш долг помочь ему.

Отец Перч бежал рядом с Джозе, поспешно семеня и глядя на инопланетянина с очевидным отвращением.

— Не богоугодное это дело, — бормотал он. — Это нечистый, злой дух…

— Неужели вы не можете понять, что это не демон и не дьявол? Церковь признает возможность существования разумных существ на других планетах иезуиты даже настаивают на этом, — почему бы и вам не согласиться с такой точкой зрения? Даже папа римский считает, что на отдаленных планетах есть жизнь.

— Вот как? Неужели? — Старый священник недоуменно моргнул красными веками.

Джозе прошел мимо него и поднялся по сту-

пенькам в дом вдовы Кореч. Хозяйки нигде не было видно. Он прошел в свою комнату и осторожно опустил инопланетянина, все еще не приходящего в сознание, на кровать. Священник неуверенно топтался на пороге, перебирая четки дрожащими пальцами. Положив инопланетянина на кровать, Джозе выпрямился и посмотрел на него с такой же неуверенностью, как и священник. Что делать дальше? Гость из космоса ранен, может быть, даже умирает. Он должен спасти инопланетянина, что-то предпринять.

Внезапно издалека донесся звук мотора. В душной комнате словно повеяло свежим воздухом, и Кукович с облегчением вздохнул. Он узнал свой автомобиль, который должен был привезти доктора. Машина остановилась у крыльца, хлопнули дверцы, но шагов не было слышно. Джозе замер, напряженно прислушиваясь. Врач разговаривает с жителями деревни, которые рассказывают ему о происшедшем, понял он. Прошла минута, показавшаяся ему вечностью. Джозе пошел к выходу, но остановился перед священником, все еще стоящим на пороге. «Чего они не идут, черт их побери?» — подумал Джозе. Окно его комнаты выходило во двор, и он не видел улицу перед домом. Затем наружная дверь открылась, а он

услышал шепот вдовы: «Проходите сюда, доктор, прямо по коридору».

Вошли двое мужчин, покрытых пылью после поездки. Один из них был явно врачом — невысокий полный мужчина, лысая голова покрыта капельками пота. В руке он держал потрепанный черный саквояж. Рядом с ним был другой мужчина с загорелым и обветренным лицом, одетый как рыбак-Джозе понял, что это и есть Петар, бывший партизан.

Петар первый подошел к кровати; врач остановился посреди комнаты, сжимая черный саквояж и нервно оглядываясь до сторонам.

— Что это такое? — спросил Петар, затем наклонился, упершись руками в колени, и заглянул в прозрачное забрало шлема. — Безобразное существо, это уж точно.

— Я не знаю, кто это. Единственное, что нам известно, — это существо прилетело с какой-то другой планеты. А теперь отойдите — пусть на него посмотрит врач.

Джозе сделал приглашающий жест, и врач неохотно шагнул вперед.

— Вы, должно быть, доктор Братош? Меня зовут Джозе Кукович, я профессор атомной физики из Люблянского университета.

Джозе решил, что некоторый престиж не повредит ему, может быть, удастся заручиться поддержкой врача, пусть и против его желания.

— Здравствуйте. Для меня большая честь встретить профессора из университета. Но я не понимаю, что от меня требуется?

Когда врач говорил, его голова тряслась, и Джозе понял, что он очень стар, ему далеко за восемьдесят. «Да, — подумал ученый, — придется проявить терпение».

— Этот инопланетянин — кем бы он ни был — пострадал во время посадки и не приходит в себя. Нужно сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его.

— Но что я могу? Это существо заключено в металлический скафандр наполненный водой, по-видимому. Я врач, медицина — моя профессия, но я не лечу животных и таких вот существ.

— И я тоже не специалист в этой области — на Земле вообще нет ни единого специалиста по инопланетянам. Но нужно постараться, сделать все возможное. Мы должны снять с него скафандр и выяснить, как ему помочь.

— Но это невозможно! Внутри находится жидкость, она тут же вытечет.

— Да, конечно, поэтому нужно принять меры

предосторожности. Постараемся определить состав жидкости, затем наполнить ею ванну в соседней комнате. Я внимательно осмотрел скафандр, и у меня создалось впечатление, что шлем не составляет с ним единое целое, а просто закреплен на скафандре. Если мы ослабим крепления, то сможем взять образец жидкости.

В течение нескольких драгоценных секунд доктор Братош размышлял, беззвучно шевеля губами.

— Да, можно попробовать, но во что мы соберем жидкость? Все это так необычно и странно.

— Черт побери, какая разница, во что собрать жидкость? — огрызнулся Джозе, чувствуя, что спокойствие покидает его. Он повернулся к Петару, стоявшему рядом и молча курившему сигарету:

— Помогите нам. Найдите что-нибудь на кухне — суповую тарелку, наконец.

Петар кивнул и вышел из комнаты. Из кухни донеслись еле слышные возражения вдовы, но Петар тут же вернулся, держа в руках ее лучшую кастрюлю.

— Отлично, — произнес Джозе, наклонился и приподнял голову инопланетянина, — теперь подсуньте кастрюлю под шлем.

Установив кастрюлю, он повернул одну из защелок; та открылась — и только. В месте соединения появилась тоненькая щелка, но она осталась сухой. Однако, когда Джозе повернул второе крепление, внезапно хлынул поток прозрачной жидкости под давлением, и, пока он пытался закрыть защелку, кастрюля наполнилась до половины. Джозе снова приподнял голову инопланетянина, и Петар уже без подсказки достал из-под нее кастрюлю и поставил на стол у окна.

— Жидкость горячая, — заметил он. Джозе коснулся рукой стороны кастрюли.

— Теплая, но не горячая. Градусов сорок — сорок пять. Это из теплого океана на горячей планете.

— Но… вы полагаете, что это вода? — нерешительно спросил доктор Братош.

— Думаю, что вода, — но разве не вам предстоит дать заключение? Это пресная вода или соленая?

— Я не химик… как можно высказывать свое мнение… это очень сложно.

Петар засмеялся и взял с тумбочки стакан Джозе.

— Выяснить нетрудно, — оказал он и зачерпнул полстакана жидкости из кастрюли, поднял его перед глазами, понюхал, сделал глоток и намор-

щил лоб.

— На вкус — самая обыкновенная морская вода, но с каким-то привкусом, горьким. Джозе взял стакан из его руки.

— Но это опасно! — воскликнул врач.

Джозе не обратил на его протест никакого внимания. Да, соленая вода, теплая соленая вода с горьковатым привкусом. — Похоже, в ней больше йода, чем обычно. Вы не могли бы установить уровень содержания йода в этой воде, доктор?

— В таких условиях… нет, все это слишком сложно. В лаборатории с соответствующим оборудованием… — Он замолчал, открыл черный саквояж и заглянул внутрь. — Нет, только в лаборатории.

— У нас нет лаборатории и никакой посторонней помощи, доктор. Придется удовлетвориться тем, что у нас есть, — обычной морской водой.

— Я возьму ведро и наполню ванну, — предложил Петар.

— Хорошо. Но пока не наливайте — принесите воду в кухню, сначала нагреем ее и затем выльем в ванну.

— Понятно. — Петар прошел мимо застывшего в дверях священника и сбежал по ступенькам. Джозе посмотрел на отца Перча и вспомнил о

деревенских жителях.

— Не уходите, доктор, — сказал он. — Этот инопланетянин теперь ваш пациент, и мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме вас, подходил к нему. Садитесь рядом с кроватью.

— Да, конечно, вы совершенно правы, — с облегчением произнес доктор Братош, придвинул стул и сел.

Огонь, на котором готовили завтрак, все еще ярко пылал в большой печи, и Джозе подбросил туда охапку сучьев. Затем снял висевшее на стене медное корыто для стирки и со звоном опустил его на плиту. Позади него приоткрылась дверь, за которой располагалась спальня вдовы, но, когда Джозе обернулся, она снова захлопнулась. Появился Петар с ведром воды и вылил ее в корыто.

— Что делают жители? — спросил Джозе.

— Толкутся возле дома и шушукаются. Они не будут мешать нам. Если у вас есть опасения, профессор, я могу съездить в Осор и привезти полицейских или позвонить куда-нибудь.

— Нет, спасибо. Об этом мне нужно было подумать раньше. Сейчас вы нужны мне здесь. Вы — единственный, не страдающий от старческого слабоумия или полного невежества.

— Пойду принесу еще воды, — улыбнулся Петар. Ванна была маленькой, а корыто — большим. Когда нагретую воду вылили в ванну, она наполнилась больше чем наполовину — вполне достаточно, чтобы целиком покрыть водой маленького инопланетянина. В ванне был сток, но отсутствовали краны: обычно ее наполняли из шланга, надетого на кухонный кран. Джозе поднял инопланетянина, словно ребенка, и поднес к ванне. Глаза пришельца снова открылись, он следил за каждым движением ученого, но не протестовал. Джозе осторожно опустил инопланетянина в ванну, быстро выпрямился и глубоко вздохнул.

— Сначала снимем шлем, затем попытаемся выяснить, как открыть скафандр.

Он наклонился и медленно, одно за другим, повернул крепления шлема. Джозе приоткрыл щель между шлемом и скафандром, готовый закрыть ее при малейшей опасности. В шлем стала вливаться морская вода и смешиваться с находившейся там жидкостью — однако инопланетянин не выражал беспокойства. Спустя минуту Джозе осторожно снял шлем, придерживая одной рукой голову инопланетянина, чтобы она не ударилась о ванну.

Как только шлем сняли, гребень на голове пришельца выпрямился наподобие петушиного вдоль всей длины. От шлема к блестящему кусочку металла, прикрепленного с одной стороны к голове инопланетянина, тянулся провод. Там была какая-то впадина, и Джозе осторожно выдернул металлический контакт, по-видимому, что-то вроде наушника. Инопланетянин открывал и закрывал рот, внутри которого виднелись желтые костяные выступы. Послышалось низкое гудение.

Петар прижал ухо к наружной части металлической трубки.

— Это существо что-то говорит, я отчетливо слышу.

— Дайте мне ваш стетоскоп, доктор, — сказал Джозе, но врач не шевельнулся, и тогда он сам достал его из черного саквояжа. Действительно, когда ученый прижал стетоскоп к металлу, он услышал то усиливающееся, то замирающее гудение, — по-видимому, какая-то речь.

— Пока мы не можем понять, что он говорит, — произнес Джозе, возвращая стетоскоп врачу; тот автоматически взял его. — Надо попытаться снять с него скафандр.

На поверхности скафандра не было видно ни-

каких швов или креплений. Джозе пробежал пальцами по гладкой поверхности, но ничего не обнаружил. Инопланетянин понял, должно быть, его намерения, потому что с трудом поднял дрожащую руку и коснулся герметического металлического кольца у воротника. Скафандр плавно открылся на груди; шов раздваивался и проходил по каждой из ног. Из обнажившейся раненой ноги внезапно хлынул поток синей жидкости.

Джозе успел заметить странное зеленое тело и тут же повернулся к врачу:

— Доктор, быстро беритесь за свой саквояж. Пришелец ранен, эта жидкость, по-видимому, его кровь — нужно остановить кровотечение.

— Но я бессилен, — произнес доктор Братош, не двигаясь с места. — Своими лекарствами и антисептическими препаратами я могу погубить его — ведь нам ничего не известно о химическом строении его тела.

— Тогда не применяйте эти препараты. У него травма ноги, постарайтесь наложить повязку, перебинтовать рану.

— Да-да, конечно.

— Старый врач наконец-то сообразил, что может осуществить знакомые операции. Он извлек

из саквояжа бинты, стерильную марлю, клейкий пластырь и ножницы.

Джозе опустил руки в теплую и теперь уже мутную воду и заставил себя коснуться горячей зеленой ноги инопланетянина. Ощущение было непривычным — но не ужасным. Он поднял ногу из воды, и все увидели огромную рану, из которой сочилась густая синяя жидкость. Петар отвернулся, однако врач привычными движениями наложил на рану подушечку из марли и обмотал ее бинтом. Кровотечение как будто прекратилось. Инопланетянин шарил в снятом с него космическом скафандре, и от его движений раненая нога поворачивалась в руках Джозе. Ученый посмотрел вниз и увидел, что пришелец достал что-то из большой сумки. Его губы снова начали шевелиться, и Джозе расслышал негромкое жужжание голоса.

— Что это? Что вы хотите? — спросил Джозе. Инопланетянин обеими руками прижимал к груди какой-то предмет, похожий на книгу. Да, это могла быть книга; впрочем, с таким же успехом это могло быть что-то другое.

Но предмет был покрыт каким-то блестящим материалом с темными знаками; с края было видно, что он состоит из множества страниц,

скрепленных вместе. Наверное, это все-таки книга. Нога инопланетянина дергалась в руках Джозе, его рот широко открылся, словно в крике.

— Если мы опустим ногу в ванну, повязка промокнет, — сказал врач.

— А вы не могли бы обмотать ее пластырем, сделать повязку водонепроницаемой?

— Да, конечно, — мне понадобится много пластыря, он лежит в саквояже.

Пока они разговаривали, пришелец начал раскачиваться взад и вперед, выплескивая воду из ванны. Наконец ему удалось вырвать раненую ногу из рук Джозе. Сжимая книгу в одной тонкой руке с множеством пальцев, другой инопланетянин начал срывать повязку с только что перебинтованной ноги.

— Остановите его, он навредит себе, это ужасно, — пробормотал врач, отпрянув от ванны.

Джозе поднял с пола обрывок повязки.

— Идиот! Какой невероятный дурак! — закричал он в приступе ярости. — Эти компрессы, которые вы наложили на рану, пропитаны сульфаниламидом!

— Но я всегда пользуюсь ими. Это самые лучшие компрессы, сделанные в Америке, они предупреждают заражение и инфекцию.

Джозе оттолкнул его, опустил обе руки в воду, чтобы снять повязку, но инопланетянин вырвался и поднялся над водой, открыв рот в молчаливом ужасном вопле. Его глаза были широко открыты — и тут изо рта хлынула струя воды. Послышался хрип, струя превратилась в тонкую струйку, затем в капли, и когда воздух коснулся наконец голосовых связок инопланетянина, раздался ужасный крик боли. Этот крик эхом отразился от стен и потолка, выразив сверхчеловеческую агонию пришельца из далеких миров. Широко раскинув руки, инопланетянин упал в воду вниз лицом. Тело лежало неподвижно, и Джозе, даже не осматривая его, понял, что астронавт мертв.

Его рука, свисавшая из ванны, по-прежнему сжимала книгу. Медленно, один за другим, пальцы разжались, и, пока Джозе смотрел на инопланетянина, будучи не в силах пошевелиться, книга упала на поя.

— Помогите мне, — послышался голос Петара. Джозе обернулся и увидел, что врач лежит на полу и рядом на коленях стоит Петар. — Он потерял сознание… может быть, это сердечный приступ. Что нам делать?

Забыв о своем гневе, Джозе наклонился к врачу.

Тот дышал, казалось, нормально, его лицо сохраняло естественный цвет, — по-видимому, это был всего лишь обморок. Его веки дрогнули. Подошел священник и через плечо Куковича посмотрел належавшего врача.

Доктор Братош открыл глаза, взглянул на склонившиеся над ним лица.

— Извините меня… — с трудом пробормотал врач и снова закрыл глаза, словно был не в силах смотреть на окружавших его людей.

Джозе выпрямился и почувствовал, что весь дрожит. Священник исчез. Неужели все кончилось? Может быть, им все равно не удалось бы спасти инопланетянина, но так или иначе можно было бы действовать лучше.

Увидев на полу мокрое пятно, Джозе сообразил, что книга исчезла.

— Отец Перч! — яростно завопил он.

Священник забрал книгу, эту бесценную вещь, доставленную с другой планеты Джозе выбежал в коридор и увидел священника, выходящего из кухни У него в руках ничего не было Охваченный внезапной догадкой, ученый бросился на кухню, оттолкнув отца Перча. Наклонившись, Джозе открыл дверцу печи.

Там, среди пылающих дров, лежала книга. От

нее поднимался пар Да, конечно, это книга, на ее страницах виднелись странные знаки, рисунки и чертежи. Джозе повернулся, чтобы схватить кочергу, и в это мгновение позади него в печи полыхнуло пламя, выбросившее в кухню раскаленный белый язык Огонь едва не коснулся Джозе, но ученый не думал об этом Горящие угли были разбросаны по полу, а внутри печи догорали остатки драгоценной книги. Вещество, из которого она была сделана, оказалось горючим, и, едва книга высохла, она тут же воспламенилась.

— Все это от лукавого, — послышался голос священника, стоящего в кухонных дверях. — Злой дух, порождение дьявола. Нас предупреждали об этом, подобные события уже случались раньше, и поэтому правоверные христиане должны бороться со злом…

Петар вошел на кухню, протиснувшись мимо священника. Он смахнул горячие угли с обожженной кожи Джозе, помог ему встать и усадил на стул. Ученый не чувствовал ожогов — его охватила какая-то невероятная усталость.

— Ну почему здесь? — тихо спросил Джозе. — В таком огромном мире он совершил посадку именно тут. Несколько градусов к западу — и пришелец опустился бы рядом с Триестом, где

находятся научные центры и отлично оборудованные больницы, опытные врачи, хирурги; А если бы продолжал полет по тому же курсу — увидел бы огни и приземлился в Риеке. Там можно было бы что-то сделать. Но почему именно здесь? — Ученый вскочил и потряс сжатым кулаком, словно угрожая кому-то. — Здесь, в этом медвежьем углу, среди людей, полных суеверий и религиозных предрассудков! В каком мире мы живем, если всего в сотне миль от деревни, населенной слабоумными и примитивными жителями, находится ускоритель элементарных частиц? Этот инопланетянин пролетел бесчисленные миллионы — может быть, миллиарды — миль и совершил посадку совсем рядом с цивилизацией… совсем рядом… Но почему, почему?

Почему?

Джозе опустился на стул, чувствуя себя совсем старым и бесконечно усталым. Сколько можно было бы узнать из сожженной книги…

Он вздохнул, и вздох был таким глубоким, что все его тело задрожало, словно охваченное ужасной лихорадкой.

Гарри Гаррисон
Преступление

От первого удара молотка дверь тряхнуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной, — Я — бейлиф, и исполняю свой долг. Если ты застрелишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф, и в третий

раз он опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл, — бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери. — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от 1993 года вы объявляетесь виновным в преступном рождении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня... что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта.

— Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

– Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо...

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но эти не зна...

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительственного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники абортов...

— Убийцы!

— ...и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных последствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами Клиники умерщвления.

— Убирайтесь к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда. — Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

* * *

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась наверх. Один из них вырвался было из ревущего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего, и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить

неудачников, спускаясь вниз по лестнице. Один из лежавших на площадке приподнялся. Изо рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер... — бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь, — мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил его человек, промокая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф 46 Акта о преступном деторождении от 1993 года, пункт 14, касающийся

отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно, — бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Известно ли вам, что если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом,– резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана — ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы, осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для коммандос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и не читая расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бейлиф, глядя на свои ручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости. — Вы располагаете временем до 17.45 завтрашнего дня.

* * *

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери. — Я хочу знать, о чем они говорят. — Его лицо напряглось: он пытался расслышать невнятную речь. — Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери. — Впрочем это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать...

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон и тебе не угрожает опасность.

Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспокоился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.

— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии

— ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь — единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф и убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось

рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах гостиной, уселся в него.

* * *

Он опустил револьвер на правое колено, направил дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он заслышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все, что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских огней позволял ему ориентироваться в полумраке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было немедленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос стал все громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере не из гостиной. Единственно, что ему оставалось делать, это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом

сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть. тогда она сможет заснуть. А затем он миг бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стуча в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостиной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию. Женщина стояла у выключателя, щурясь от внезапного света.

— Я так беспокоилась...

Иллюстрация Kelly Freas

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглуша-

ющий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре

— Марш в ванную! — крикнул он, посылая пулю за пулей в темноту гостиной.

Он едва слышал сдавленный крик Марии и стук захлопнувшейся двери, и на мгновение забыл о боли. Гостиная наполнилась острым запахом пороха, и из нее потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошила стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, и вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и быстро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по его лодыжке, пропитывая носок. Пуля навылет пробила икру, оставив две круглые, темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной на ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю тебя, Бенедикт, у тебя неплохая реакция...

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился голос. Человек в гостиной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать, правда?

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные

ругательства, цветистые обороты, которые он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брани из его уст.

— Нервы, Бенедикт, — раздался сухой смешок из гостиной. — Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять, — сказал Бенедикт, осторожно вытаскивая левую руку из рукава. — Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твое имя, ты... мерзкая скотина. — Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что молча снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он

снова заговорил, чтобы скрыть стон. — Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплоше, чем у них... — Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он не успеет забинтовать ногу. Рубашка была вся пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда, — продолжал он. — Что другое могло толкнуть тебя на это? — Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно, — донесся

голос из темноты, — как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление — человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей. Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона.– Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плинтуса осыпали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон, — сказал Бенедикт. — Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подобно саранче, — ответил Мортимер. — Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьи-

руется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликому Янусу. Они хмурятся при виде убийства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент тоже не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же разнообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распорола стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью бросая на пол стреляные гильзы. — Это ты преступник, ты

пытаешься убить меня, — продолжал он. — Ты-орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец, — вздохнул Мортимер. — Ты-общественное животное и как таковое не колеблясь принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от общества лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей...

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими выродками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть

этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной, инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холоден и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит весь наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлось принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного предела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от защиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защищать свои интересы

с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство тоже нужно. Этот закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — преступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применить силу. Так что заткни мне глотку, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший, — прошипел Бенедикт, скрежеща зубами. — Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий своего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец, убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю, — равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной. — Я человек, добровольно помогающий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он. — Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть...

— Замолчи! Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я убью тебя...

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели

шаги. Безнадежным взглядом он окинул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной. — Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову. Пришло время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслед за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор, затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленно двигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую

секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную очередь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно беззащитным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не вонзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посылая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — вы-

крикнул Мортимер.

Последняя пуля вонзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый. Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами,

— Не надо... — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его, — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет... я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера.

— Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария плача наклонилась над Бенедиктом, прижимая

его голову к своей груди.

— Все... все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто нас не будет беспокоить.

— Я так рада, — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас... — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты хотела сказать...

— Да, — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

Гарри Гаррисон
Вы люди насилия

— Я ненавижу тебя, Рэйвер, — выкрикнул капитан, приблизив свое искаженное яростью лицо почти вплотную к стоявшему перед ним крупному мужчине, — и знаю, что ты тоже должен ненавидеть меня!

— Ненависть — это слишком сильное слово, — спокойным голосом ответил тот. — Я думаю, что гораздо лучше сказать: презрение.

Без всякого замаха — он был слишком умелым бойцом — капитан всадил кулак в живот стоявшего перед ним. Но единственным ответом Рэйвера оказалась чуть заметная снисходительная усмешка. Это привело капитана в бешенство. Хотя он и был на целую голову меньше Рэйвера, но все же его рост превышал шесть футов. И капитан привык встречать у людей, которых избивал, самые разные реакции, но только не презрение. В слепом гневе он принялся колотить не сопротивлявшегося и даже не пытавшегося уклониться человека, и наконец тот всем своим огромным телом навалился на капитанский

стол, а затем мягко сполз на пол. Из его носа и губ текла кровь.

— Выкиньте эту мразь, — приказал капитан, потирая ободранные костяшки пальцев. — И эту гадость тоже уберите. — Он указал пальцем на пятна крови, покрывавшие поверхность стола; почти все, что на нем было, свалилось на пол, когда Рэйвер упал. Капитан заметил, что и сам забрызган кровью, и принялся с отвращением оттирать ее с рукава носовым платком. Тем не менее от вида полубесчувственной массы, которую вытаскивали из рубки, он испытывал некоторое удовлетворение. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — крикнул он вслед и отправился к себе в каюту, чтобы умыться и переодеться.

Конечно, капитан и понятия не имел о том, что потерпел сокрушительное поражение. Рэйвер готовил это столкновение с того самого момента, когда его погрузили на тюремное судно две недели тому назад. Все его действия, более ранние стычки с капитаном, голодовка, объявленная в знак протеста против пыток, которым подвергли Фребана, — все, каждая мелочь, включая эту заключительную сцену, были тщательно запланированы. Рэйвер надавил на кнопки, ответная

реакция капитана оказалась точно соответствовавшей плану, и Рэйвер победил. Он прислонился к металлической стене своей камеры, сжимая в гигантском кулаке коммуникатор размером с карандаш. Он ухватил его в тот самый момент, когда упал на стол. Ради него все и затевалось.

Тяжело вздохнув, Рэйвер резко опустился на койку. То, что он лег спиной к стеклянному глазу монитора, а лицом к запертой двери, вовсе не было случайностью. Таким образом он закрылся от наблюдения и обезопасился от неожиданного появления непрошеных визитеров. Заключенный позволил себе улыбнуться и взялся за дело.

Из инструментов у него был только небольшой гвоздь, спрятанный под подошву ботинка. За несколько ночей он наточил его о металлический край своей койки и превратил в крошечную отвертку. Тисками служила его левая рука, а плоскогубцами ногти правой руки. Этого было вполне достаточно. Уже не было в живых ни одного человека, который знал бы настоящее имя Рэйвера, или что-нибудь, относящееся к его прежней жизни, к тому периоду, когда он еще не ввязался в политику и тем самым не стал преступником. Ну и, конечно, глядя на него, никто не сказал бы, что он похож на микротехника. Но как раз им он

и был, и к тому же высококвалифицированным. Несколькими умелыми прикосновениями он заставил крышку коммуникатора открыться, обнажив изящную плату, и приступил к работе. До посадки оставалось всего лишь несколько часов, и он должен был использовать их с пользой.

С бесконечным терпением он отсоединил часть деталей, а затем соединил их заново по схеме, которую выстроил в своем мозгу. Искрой от разряда батареи он кое-как припаял контакты и теперь мог лишь надеяться на то, что оставшегося заряда хватит для того, чтобы заставить созданное им устройство действовать. Работа заняла более трех часов, и все это время он лежал неподвижно, шевеля только кистями рук, — наблюдателям в центре контроля за заключенными должно было казаться, что он лежит без сознания или спит. И лишь когда все было закончено, он разрешил себе застонать, потянуться и, дрожа всем телом, с трудом подняться на ноги. А потом он, волоча ноги, побрел к двери, положил руку на замок, лбом уперся в холодный металл и замер в такой позе. На протяжении всех прошедших недель он стоял так большую часть времени, когда не спал, так что ничего необычного в его поведении не было.

Правой рукой, закрытой телом от объектива мо-

нитора, он ввел проволочную петлю в отверстие для электронного ключа и принялся медленно поворачивать крошечный верньер переменного конденсатора.

Радиоуправляемый замок теоретически не поддается взлому, но, увы, лишь теоретически. А на практике достаточно сведущий в своем деле электронщик может без большого труда заставить любой радиоприбор излучать ту самую частоту, которая отпирает замок, что и сделал Рэйвер. Язычок чуть заметно дернулся, и заключенный принялся еще медленнее поворачивать регулятор. В конце концов язычок отскочил в нейтральное положение и вернулся на место. Управляющая частота была найдена. После этого заключенный направился к умывальнику и смыл кровь с лица, одновременно вновь переделывая схему украденного приборчика, чтобы превратить зонд в передатчик. Все было готово.

Когда раздались звуки сирены, извещавшие о двухминутной готовности к торможению — это значило, что необходимо пристегнуться, — Рэйвер, как положено, направился к койке, которая выполняла также функции противоперегрузочной кушетки, и на секунду задержался перед дверью. Устройство сработало: он услышал щел-

чок, говоривший о том, что язычок отодвинулся в нейтральное положение и зафиксировался в нем. Дверь была открыта. Непосредственно перед тем, как заработали тормозные двигатели, он натянул на себя одеяло и отвернулся лицом к стене.

Ускорение возрастало, вес всего находившегося на корабле увеличился втрое, сетка койки натянулась и заскрипела, и в это время Рэйвер медленно поднялся на ноги. Это был единственный момент, когда он мог быть уверен в том, что охранники в центре контроля не станут следить за ним. Они страдают от торможения, а он за это время должен сделать свое дело. Преодолевая три «же», он, напрягая мышцы, одним шагом пересек камеру. Три металлических ножки табурета были приварены к полу; он заранее внимательно исследовал свое сиденье и хорошо знал, что с ним делать. Тяжело опустившись на колени, он ухватил ножку обеими руками, весь напрягся и потянул. Послышался громкий омерзительный скрип, и ножка отделилась от пола; затем он так же разделался с остальными двумя, медленно подошел к койке, положил туда табурет и накрыл его одеялом. Конечно, это чучело не смогло бы обмануть никого, кто посмотрел бы на него вблизи, но оно требовалось лишь для того, чтобы ввести

в заблуждение дураков-охранников, сидевших перед мониторами, и то ненадолго. А теперь обратно через камеру к двери, выйти, закрыть ее, запереть и дальше по коридору… Все больше тормозных двигателей включалось в работу, ускорение достигло пять «же», ноги Рэйвера подогнулись, но он пополз дальше на четвереньках. Он мог перемещаться беспрепятственно лишь в то время, пока работали двигатели. Как только они выключатся, экипаж и охрана вылезут из противоперегрузочных кушеток, выйдут из кают и его немедленно схватят. Преодолевая боль во всем теле, он заставил себя доползти по коридору до лестницы, соединявшей между собой палубы корабля, и начал спускаться вниз.

Двигатели выключились, когда он преодолел полпути. Чтобы не терять времени, он выпустил поручни и упал вниз.

Поскольку сила тяжести на Хоудте была заметно меньше нормальной земной, да и падал Рэйвер с высоты всего лишь пятнадцать футов, он ничего себе не повредил. Перекатившись по полу, он плечом ударил в дверь, вскочил на ноги, пока она еще раскрывалась, и бегом понесся к кладовой скафандров. Он знал, что все, находившиеся на корабле, отстегивали привязные ремни

и поднимались, чтобы вернуться к своим обязанностям. За спиной у него раскрылась дверь, послышался внезапный громкий ропот голосов. Кто-то вышел в коридор… повернулся, чтобы что-то сказать тем, кто оставался внутри…

Рэйвер толкнул дверь кладовой, вскочил внутрь, осторожно закрыл дверь за собой и прислонился к ней. Сигналов тревоги пока что не было.

Тем не менее нельзя было тратить время впустую. Он тяжело перевел дух и, игнорируя боль в перегруженных во время торможения мышцах, принялся перебирать аккуратно развешенные скафандры. Они были достаточно эластичны, и самый большой, растянувшись до предела, должен был ему подойти. Если он закроет шлем, это, несомненно, привлечет внимание каждого, кто попадется ему на пути внутри корабля, но если он оставит лицо открытым, его сразу же узнают. А вот запасные воздушные баллоны помогут закрыть лицо и послужат второй, не менее важной цели. Большой перезаряжаемый баллон весит более ста фунтов, так что он решился взять только два. Он мог унести и больше, но это тоже вызвало бы ненужный интерес. Ему нужно было идти налево, и поэтому он взвалил баллоны

на правое плечо и распахнул дверь. Выйдя в коридор, он пошел, почти касаясь стены левым плечом, а баллоны закрывали его лицо от встречных. — За спиной он услышал шаги, но человек не окликнул его. Рэйвер спустился на две палубы ниже и увидел охранника возле аварийного выхода. И в этот момент прозвучал сигнал тревоги: исчезновение заключенного из камеры было обнаружено. Но Рэйвер не ускорил и не замедлил шаг, хотя охранник нервно дернулся, скинул винтовку с плеча и взял оружие наизготовку.

— Что это? Что случилось? — обратился он к Рэйверу, а затем, быстро обернувшись, окинул взглядом продолжение коридора. Воздух разрывал пульсирующий вой сирены.

— Кто идет? — наконец спохватился охранник, когда Рэйвер подошел к нему почти вплотную. Солдат попытался вскинуть винтовку, но было уже поздно, слишком поздно.

Рэйвер вытянул свободную руку и взял человека за горло, чтобы он не смог закричать и вызвать подмогу, и подтянул его вплотную к себе, чтобы тот не смог выстрелить. Средний палец нащупал артерию ниже уха охранника и надавил на нее, перекрывая ток крови к мозгу. Несколько секунд человек вяло пытался сопротивляться, а затем

его тело обмякло; он потерял сознание. Рэйвер осторожно опустил его на палубу, забрал из ослабевших рук оружие, отцепил с пояса подсумок с патронами, перекинул ремень через плечо и открыл тамбур. В это время невдалеке послышались крики, но он, не обращая на них внимания, закрыл за собой дверь и тщательно запер ее.

* * *

— Схватите его! — зарычал капитан; его лицо побагровело от ярости. Притащите его ко мне. Убить его разрешаю только в самом крайнем случае: я хочу увидеть его смерть собственными глазами. Вам понятно?

— Да, сэр, — ответил лейтенант Н'Несс, сохраняя непроницаемое выражение на лице. — Мне понадобится группа из самых подготовленных людей.

— Считайте, что вы ее получили. Что вы собираетесь делать?

Н'Несс вынул из планшета карту и развернул ее на столе. Он был кадровым военным и после этой командировки должен был поступить в колледж, чтобы учиться на старшего офицера. И говорил он с профессиональной краткостью и четкостью.

— Корабль находится здесь, около подножия

скальной гряды, в обычной посадочной зоне. Рэйверу совершенно незачем идти к каторжным шахтам, которые находятся поблизости, да и на самом деле все радары указывают, что он идет по направлению восемьдесят шесть градусов в сторону предгорий. Это имеет смысл. Ближайшая горная выработка, кроме нашей каторги, находится вот тут, по другую сторону гор. Ее разрабатывают пулиаане.

— Проклятье!

— Совершенно согласен с вами. Если Рэйвер доберется до них, они дадут ему убежище и мы ничего не сможем с этим поделать.

— Моя бы воля, я с ними такое сделал бы… — пробормотал капитан, стискивая кулаки.

— И не только вы, — отозвался лейтенант Н'Несс. — Но Пулиаа втрое превосходит нас по численности населения и в пять раз по индустриальному потенциалу. А вот тут мы на самом деле ничего не можем поделать.

— И все равно! Сколько веревочке ни виться…

— Несомненно. Но беглый каторжник тем временем приближается к убежищу. Он взял два запасных баллона в дополнение к тому, что имелся в скафандре. С этим он сможет добраться до пулиаанской шахты, но только самым прямым

путем. На то, чтобы отсидеться где-нибудь или пойти в обход, у него времени не будет.

Я намереваюсь немедленно выйти в погоню с группой самых сильных и опытных людей. Каждый возьмет по одному запасному баллону с воздухом. Мы пойдем налегке и будем двигаться быстро. Мы схватим его и приведем обратно.

— Ну, так действуйте. Мои инструкции вы получили. Группа преследования уже облачилась в скафандры, и Н'Несс тоже поспешил переодеться. Несмотря на то что им нужно было спешить, он проверил у каждого оружие, подсумок с боеприпасами, воздушный баллон и только после этого дал команду на выход. И они быстрым шагом направились через равнину к предгорьям, следуя указаниям радиопеленгатора с корабля, который давал им точное направление к тому месту, где Рэйвер исчез из вида средств наблюдения.

— Я вижу след, — сообщил Н'Несс по радио. — Сдвинутые камни, отпечатки ног — совершенно ясный след, с которого просто невозможно сбиться. Следующая связь через час. — Он вел свою команду в горы планеты Хоудт.

Хоудт. Этот мир был разбит, выпотрошен и остался без атмосферы в каком-то немыслимо древнем катаклизме. Планета была практически

лишена коры, и наружу торчало голое металлическое ядро. Здесь валялись, дожидаясь, пока их соберут, невероятно огромные запасы тяжелых металлов, дававших энергию для путешествий длиной во множество световых лет. Ископаемых здесь было более чем достаточно для всех, и поверхность планеты была изрыта шахтами; все они принадлежали различным мирам или синдикатам. На лучших из них добычу вели роботы, а на худших — рабы.

Рэйвер не желал быть ни рабом, ни рабовладельцем, но в его родном мире не имелось никакого другого выбора. Он вошел в оппозицию правящему режиму, и можно было считать просто чудом, что она просуществовала столько лет, прежде чем пришла к неизбежному финалу: все ее члены попали на Хоудт. Но все же Рэйвер еще оставался в живых. Ему нужно было лишь перевалить через горы, спуститься в пулиаанское поселение — и он спасен.

Воздушные баллоны он навьючил на спину, чтобы освободить руки, так как на этих крутых склонах он не мог идти и ему приходилось карабкаться. Когда он подтягивался по растрескавшейся скальной стене, рядом с ним что-то беззвучно взорвалось, подняв облачко каменной

пыли. Он почувствовал кончиками пальцев сотрясение почвы, разжал руки и съехал вниз, под защиту зазубренных валунов. Выглянув в трещину, он впервые увидел своих преследователей; они выстроились в цепочку и, держа винтовки в руках, изготовились стрелять с колена. Как только он исчез из виду, они вскочили на ноги и двинулись дальше. Рэйвер тоже продолжил свой путь, выбрав такое направление, на котором он мог бы дольше прятаться от них за неровностями почвы.

— Привал, — скомандовал лейтенант Н'Несс, когда солнце коснулось горизонта. Его люди опустились наземь, где стояли. Преследование началось на рассвете; долгота дня здесь составляла двадцать стандартных часов. Они находились в далеких северных широтах, где, благодаря наклону оси планеты, ночь длилась менее трех часов. Вообще-то Н'Несс был готов продолжать преследование и в темноте, но идти на это не следовало. Ночью трудно карабкаться по скалам, да и его люди устали. Сейчас следовало поспать и поймать раба на следующий день до заката.

— Двое на посту, каждая смена по часу, — приказал он. — Сложите все запасные баллоны сюда. Утром мы наполним из них баллоны скафандров

и увидим, сколько можно будет бросить.

Большинство солдат уснули прежде, чем он умолк. Лейтенант пнул ногой того, кто оказался ближе всех к нему. Вдвоем они собрали баллоны, а потом сели спина к спине и принялись вглядываться в темноту.

Сначала солнечный свет появился на самых высоких пиках, но в отсутствие атмосферы, которая рассеивала бы свет, лагерь оставался в темноте. Третья смена, согласно приказу лейтенанта, разбудила всех остальных. Люди только-только начали потягиваться, когда ночь взорвалась.

Сначала ярко полыхнуло, затем вновь обрушилась тьма, в которой раздавались лишь крики испуганных людей. Лейтенант быстро восстановил порядок, а как только рассвет достиг лагеря, они увидели, что весь склад их запасных воздушных баллонов уничтожен.

Восстановить ход событий было совсем не трудно. Рэйвер, должно быть, в темноте подполз к лагерю, перед самым рассветом прокрался в него и лег среди спящих: всего лишь еще один человек в скафандре. Он поместил какую-то бомбу среди баллонов, а затем, воспользовавшись растерянностью, вызванной взрывом, убежал. Н'Несс недооценил его.

— Он поплатится за это, — холодно сказал лейтенант. — Вернувшись сюда, он лишился своего отрыва и не сможет вновь наверстать его. Садитесь и проверьте свои баллоны.

Да, запасные воздушные баллоны погибли, но ведь в баллонах скафандров что-то еще оставалось. С безжалостным практицизмом Н'Несс стравил содержимое баллонов своих людей в свой, пока его баллон не заполнился до отказа, а баллоны спутников почти опустели.

— Возвращайтесь на корабль, — приказал он. — Как только перейдете последнюю гряду холмов, начинайте вызывать по радио; вы сможете связаться или с кораблем, или с шахтой. Скажите им, чтобы они вышли вам навстречу с кислородом, если того, что осталось у вас, не хватит, чтобы добраться до корабля. А я пойду дальше и задержу беглого. Передайте это капитану. А теперь проваливайте.

Иллюстрация CHAFFE

Н'Несс не стал провожать своих подчиненных взглядом; на самом деле он сразу же забыл об их существовании. Он намеревался поймать Рэйвера и привести его назад под дулом ружья. Капитан от этого будет счастлив, ну а в послужном списке лейтенанта появится очень лестная запись. Чуть ли не бегом он бросился вверх по склону.

Лейтенант был гораздо легче, нес на себе меньше груза, к тому же ему не нужно было разыскивать следы преследуемого; он мог просто идти в нужном направлении, уверенный, что в конце концов нагонит беглеца. Там, где Рэйвер был вынужден огибать нагромождение скал, Н'Несс шел прямиком, полагаясь на свою ловкость и проворство. Он не снижал темпа, не отдыхал, и его срывающееся дыхание, словно эхо, откликалось свисту работавшей с перегрузкой климатической установки, не успевавшей удалять избыточный пар, углекислый газ и отводить тепло, вырабатывавшееся телом лейтенанта. Это была безумная погоня, но у нее мог быть только один исход (если, конечно, преследователь не подвернет ногу или не потеряет сознание от переутомления).

Рэйвер взобрался на широкий карниз и сквозь

расщелину увидел впереди высокие копры пулиаанских шахт. Он направился к ним, и в этот момент радио затрещало, и в шлеме послышался отчетливый голос Н'Несса:

— Стой где стоишь. Не двигайся. Рэйвер замер как вкопанный и медленно осмотрелся. Лейтенант Н'Несс стоял на карнизе над ним и держал его на прицеле лучевой винтовки.

— Повернись, — приказал Н'Несс, — и шагай в обратном направлении, туда, откуда пришел. — Он повел стволом винтовки в нужном направлении.

— Благодарю вас, нет, — ответил Рэйвер и сел на землю, положив рядом с собой кислородный баллон. — У меня нет ни малейшего желания возвращаться, несмотря даже на ваше приглашение.

— Хватит разговоров. Даю тебе десять секунд: или ты делаешь то, что тебе приказано, или я нажимаю на спуск.

— Нажимайте, и будьте прокляты. Я с равным успехом могу умереть здесь или же вернувшись туда. Какая для меня разница?

Н'Нессу, не ожидавшему такого поведения, пришлось на мгновение задуматься, подыскивая дальнейшие слова. Когда он вновь заговорил, в

его голосе уже не было слышно командирской стали.

— Ты ведь разумный человек, Рэйвер. Нет никакого смысла умирать здесь, когда ты можешь жить и работать…

— Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть на самом деле, вам это не идет. Мы с вами оба знаем, что рабы попадают на шахты пожизненно, а жизнь у них не бывает долгой. У меня не будет другой возможности убежать. А вы — наемный убийца. Стреляйте.

Н'Несс оценил запасы воздуха в своем баллоне, прибавил к ним содержимое запасного баллона, который нес Рэйвер, и уселся напротив преследуемого.

— Ты можешь не утруждаться, стараясь оскорбить меня, — сказал он. — Да, мне приходилось убивать по долгу службы, но я никогда никого не пытал и не убивал людей с такой жестокостью, как ваша так называемая Пацифистская партия…

— Стоп, — прервал его Рэйвер, поднимая голову. — Вы просто жертва вашей собственной пропаганды. Все это ложь. Мы не убиваем. Подумайте сами, если, конечно, вы на это способны. Вам когда-нибудь приходилось видеть хоть одно

из тех злодеяний, о которых вы говорите? Совершенных кем-либо, кроме ваших собственных людей.

— Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой…

— Ответ неверный. Попробуйте еще раз. Вы когда-нибудь видели такое?

— Нет, не видел… Но… но только потому, что мы стреляли первыми, прежде чем они успевали совершиться.

— Тоже неудовлетворительно, лейтенант. Вы уклоняетесь от правды. Вы убиваете, а мы этого не делаем. Это основное и принципиальное различие между нами. Вы животный атавизм человечества, а мы его будущее.

— Не прикидывайся святым, пожалуйста. Ты напал на охранника на корабле, а вчера вечером пытался убить меня и моих людей.

— Это не правда. Я не убиваю. Я привел охранника в бессознательное состояние, а его винтовку и боеприпасы использовал для того, чтобы уничтожить ваш кислород и заставить вас повернуть обратно. Разве кто-нибудь был ранен?

— Нет, но…

— Да, но, — громко прервал его Рэйвер, одним движением поднимаясь на ноги. — В этом вся разница. Наши агрессивные черты позволили нам

подняться на вершину животного мира, а теперь мы должны отказаться от убийства, чтобы иметь возможность дальнейшего прогресса. Тяга к насилию существует в нашей природе я не отрицаю, что и во мне она тоже есть, — но чего же стоит наш разум, если мы не можем контролировать ее? Любой человек может пожелать женщину, которую видит на улице, или драгоценности, выставленные в витрине, и все же только больной человек совершит насилие или кражу.

— Это вовсе не болезнь, — возразил Н'Несс, взмахнув ружьем в сторону Рэйвера, — всего лишь здравый смысл, который помогает выиграть спор. Разумный человек знает, что не может голыми руками бороться против ружья, и потому добывает ружье себе и уравнивает шансы. Вот этому-то вы, ребята, никогда не научитесь. Мы всегда побеждаем. Мы убиваем вас.

— Да, вы убиваете нас во множестве, но никак не можете победить. Вы не меняете сознание человека, устраняя его. Что вы будете делать, когда все окажутся на противоположной стороне? Расстреляете всех? А потом, когда убьете всех мужчин, женщин и детей — что вы станете делать с вашим миром?

— Теперь ты прикидываешься дураком. Это

уже не раз происходило: когда лидеры убиты, толпа начинает делать то, что ей приказывают.

— Но теперь во Вселенной появилось нечто новое, — спокойно сказал Рэйвер. — Возможно, это следующая ступень развития, homo superior, мутация, люди, которые по своей природе не способны убивать. Это не моя теория, по этому поводу написано множество научных трудов…

— Все это ерунда!

— Вовсе нет. Вспомните о том, что случилось на Пулиаа…

— Пропаганда! Пацифистская партия смогла на время прийти к власти, но посмотрим, что случится при первых признаках неурядиц.

— Неурядицы у них уже были, и пока что они все благополучно переживали. А правда заключается в том, что они пришли к власти в результате всемирного ненасильственного восстания. Этого хотел каждый.

— Ложь!

— Сомневаюсь в этом. — Рэйвер улыбнулся. — Вы не можете игнорировать тот факт, что теперь все жители планеты стали вегетарианцами. Что-то произошло. Почему бы вам не задуматься над этим, прежде чем окажется слишком поздно? Я не первый из тех, кто верил, что те, кто живет

мечом, от меча и погибнут.

— Ну, поговорили, и хватит, — сказал Н'Несс, поднимаясь на ноги. — А теперь ты пойдешь со мной.

— Нет.

— Если ты не пойдешь, то я застрелю тебя, а потом пришлю людей за твоим трупом. У тебя нет выбора.

— Вы это сделаете? Так просто нажмете на спусковой крючок и убьете человека? Лишите его жизни без всякой причины? Мне трудно это представить; я не способен на такое злодеяние.

— Это не зло, к тому же у меня есть причины. Ты враг, а мне отдан приказ…

— Это не причины, а просто оправдания. Животное убивает, чтобы есть, или для защиты своей собственной жизни, или жизней других. Все остальное — это извращение.

— Еще одно последнее предупреждение, — сказал Н'Несс, недрогнувшей рукой наводя оружие прямо в середину широкой груди огромной фигуры в скафандре. Все твои доводы ничего не значат. Или ты идешь со мной, или я застрелю тебя.

— Подумайте о себе, лейтенант. У вас есть шанс, который редко выпадает таким, как вы. Вы мо-

жете перестать убивать. Вы можете отправиться вместе со мной на Пулиаа и своими глазами увидеть, что значит не быть животным. Разве вы не понимаете, что насильник в первую очередь насилует сам себя? Разве кому-нибудь хочется оказаться в шкуре насильника? И потому убийца убивает сам себя, и это, вероятно, единственный вид убийства, который человек мира может осознать. Мы не любим этого делать, но при необходимости идем на это. Только после того, как ваша раса уйдет, моя раса сможет превратить эту галактику в то, чем она должна быть.

— Дурак! — выкрикнул лейтенант. — Это ты умрешь, а не я. Даю тебе последний шанс.

— Вы убиваете сами себя, — спокойно отозвался Рэйвер.

Губы лейтенанта натянулись в злой ухмылке, он выкрикнул что-то невнятное и нажал на спуск.

Ружье взорвалось, убив его на месте.

— Простите меня, — сказал Рэйвер. — Я старался предупредить вас. Ночью я немного повозился с вашей и со всеми остальными винтовками, чтобы они взрывались при выстреле. Но я надеялся убедить вас пойти со мной.

Опустив голову в неподдельном горе, Рэйвер

повернулся и зашагал к видневшейся неподалеку шахте.

Гарри Гаррисон
Парни из С.В.И.Н. и Р.О.Б.О.Т.

ПРОЛОГ
Выпускники

Их было более 11 тысяч, выстроившихся стройными рядами в огромном зале. Упрямые подбородки, широкие плечи, зоркие глаза, лучшие из лучших, отборные парни, собранные со всех планет, на которых поселился человек. И теперь, после нескольких лет усилий, они стали выпускниками. Через несколько секунд они будут уже не кадетами, а полноправными членами Патруля.

ПАТРУЛЬ! Космические воины и полисмены, могучие люди, стоящие между цивилизованными планетами и хаосом галактики. Нет людей сильнее, никому не завидуют сильнее.

Офицер-командир глядел на их лица, улыбаясь несмотря на свой обычно строгий вид. Он был счастлив приветствовать их в рядах Патруля. Когда он заговорил, наступила абсолютная тишина.

— Патрульные, я приветствую вас. Когда вы покинете этот зал, то будете уже не кадетами, а членами Патруля. Вы с гордостью будете носить форму и станете достойны своего названия.

Некоторые из вас возглавят огромные боевые звездолеты, стоящие на страже против вторжения инопланетян. Другие заступят на долгую одиночную вахту на разведывательных катерах. Те из вас, кто способны к технике, уже высказали интерес к работе на субмолекулярной связи, установке радаров, инженерному конструированию.

Патрулю нужен каждый человек, каждый талант, и все носящие форму равны. Поэтому я прошу тех, кто более склонен к необычной работе, выбрать Специальные Поручения. Вы очень мало слышали о них, потому что это один из наиболее охраняемых секретов Патруля. Теперь настало время узнать о них больше. Как прекрасный пример операций Специальных Поручений, я расскажу о проблемах, возникших на планете Троубри, и о том, как эти проблемы были решены.

Человек из С.В.И.Н.
Глава 1

— Ей-богу, губернатор, конец нашим неприятностям! — воскликнул фермер. Стоявший рядом крестьянин согласно кивнул и оказался настолько тронут этой мыслью, что поднял над головой шляпу, крикнул «Ура!» И нахлобучил шляпу обратно.

— Ну, я не могу ничего обещать точно, — сказал губернатор Хейдин, но в голосе его чувствовался более чем намек на нетерпение, и он теребил свои усы с удивительной страстью. — Я же знаю об этом не более чем вы. Мы радировали о помощи, и Патруль ответил, что что-нибудь придумает…

— И теперь на орбите крейсер Патруля, а сейчас уже приземляется, — вставил фермер, заканчивая фразу губернатора. — По мне, так это здорово.

Подмога уже в пути!

Словно в ответ на его слова в небе загрохотало, копье ослепительного пламени прожгло низкие облака над полем, и показались угловатые очертания тендера. Толпа на краю поля — почти все население Троубри Сити — разразилась привет-

ственными воплями. Они сдерживались, пока корабль изливал ярость тормозного выхлопа на грязное поле, порождая облако пара, но как только двигатели смолкли, толпа бросилась на поле, окружая корабль.

— А что там, губернатор, — спросил кто-то, — отряд космических коммандос или вроде того?

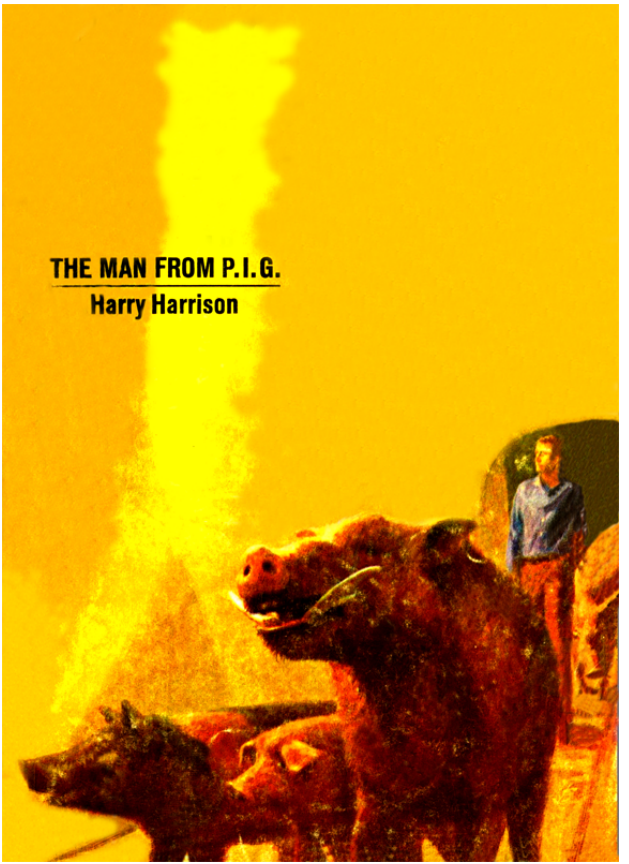
— В сообщении ничего не говорилось — только передали запрос на посадку.

Когда из щели под люком выскользнул пандус и конец его плюхнулся в грязь, наступила мертвая тишина. Тонко взвыл электромотор, крышка люка откинулась, из отверстия вышел человек и оглядел толпу.

— Привет, — сказал он, потом обернулся внутрь и помахал рукой. — Давайте, вылезайте, — крикнул он, потом сунул пальцы в рот и резко свистнул.

THE MAN FROM P.I.G.

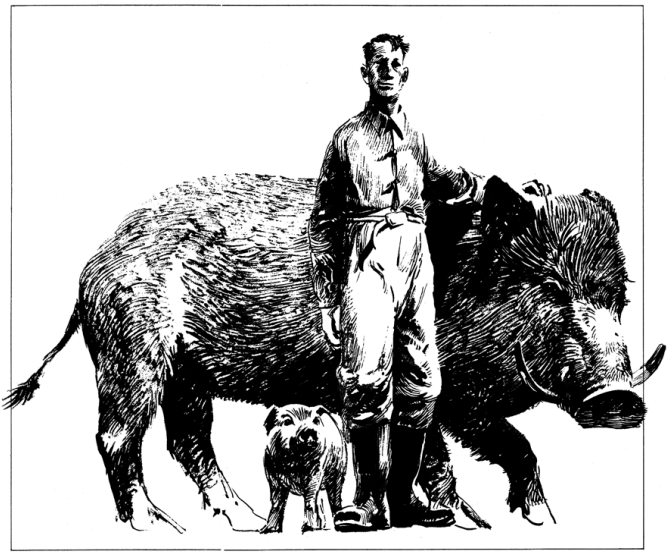
Harry Harrison



В ответ на его слова из тендера донесся писк и визг. Затем из люка и вниз по пандусу с грохотом побежали животные. Колыхались розовые, черно-белые и серые спины, копыта дробно стучали по перфорированному металлу.

— Свиньи! — Сердито воскликнул губернатор, перекрикивая хор свиного повизгивания. — Неужели на борту корабля нет никого, кроме свиней?

— Есть еще я, сэр, — сказал человек, останавливаясь перед губернатором. — Вурбер меня звать, Брон Вурбер, а это мои хрюшки. Ужасно рад с вами познакомится.



Иллюстрации John Scoenherr

Пылающий взгляд губернатора Хейдина прожег дорожку в грязи и медленно поднялся вверх, поглощая каждый дюйм стоящего перед ним пар-

ня и отметил высокие резиновые сапоги, грубый материал изжеванных брюк, тяжелые протертые складки когда-то красной куртки, широкое улыбающееся лицо и голубые глаза свиного фермера. Губернатор содрогнулся, заметив в его волосах соломинки. Он проигнорировал протянутую Вурбером руку.

— Тебе чего здесь надо? — Рявкнул он.

— Участок хочу. Буду заводить свиное ранчо. Это будет единственное свиное ранчо на пятьдесят световых лет в любом направлении — ей-богу, не хвастаюсь, честное слово. — Он вытер правую руку о куртку и протянул ее вперед. — Звать Вурбер, многие зовут меня Брон, такое у меня имя. Кажется, я не расслышал вашего?

— Хейдин, — сказал губернатор, неохотно протягивая руку. — Я здешний губернатор. — Он рассеянно посмотрел на откормленных, похрюкивавших свиней, которые бродили вокруг них.

— О, так рад встретится с вами, губернатор. Наверное, вы тут здорово поработали, — сказал Брон, счастливо тряся руку Хейдина.

Остальные зеваки уже расходились, и когда одна из свиней — крупная, округлая хавронья — оказалась недалеко от них, какой-то человек повернулся и дал ей пинка подкованным бо-

тинком. Свинья помчалась по полю, визжа, как свихнувшаяся электропила.

— Эй, полегче, — крикнул Брон через спины остальных свиней. Сердитый абориген лишь погрозил ему кулаком и пошел вслед за расходящейся толпой.

«Очистить площадку!» — Проревел голос в динамиках тендера. — «Старт через минуту. Повторяю, до старта шестьдесят секунд.»

Брон свистнул снова и показал пальцем на рощицу на краю поля. Свиньи взвизгнули в ответ и затрусили в нужном направлении. Машины и грузовик уже разъехались, и когда стадо — с Броном и губернатором в центре — достигло края поля, осталась на месте лишь машина губернатора. Брон начал что-то говорить, но его голос потонул в грохоте двигателей и последовавшей за этим оглушительным ревом взлетавшего корабля. Когда шум затих, он заговорил снова.

— Я вот думаю, коли вы едете в город, сэр, то не подбросили бы вы меня с собой. Мне бы заполнить заявку на земельный участок и другие бумажки.

— Я бы не стал этого делать, — сказал губернатор, озираясь в поисках предлога, который позволил бы ему отвязаться от этого свинопа-

са. — Твое стадо — ценная собственность, и не стоит бросать здесь свиней без присмотра.

— Вы хотите сказать, что в вашем городе есть преступники и даже ВОРЫ?

— Я этого не говорил, — рявкнул губернатор. — Люди здесь такие же достойные и законопослушные, как и любые другие. Дело, видишь ли, в том, что у нас маловато мясных животных, а вид бегающей свежей свинины…

— Да это же черт знает какие преступные намерения, губернатор. Это лучшее племенное стадо, что можно купить, и ни одна из них не для бойни. Вы понимаете, здесь каждый поросенок станет когда-нибудь предком целого стада…

— Только не надо мне читать лекцию о свиноводстве. У меня в городе дела ждут.

— Не могу задерживать хороших людей, — сказал Брон с простой и широкой улыбкой. — Я поеду с вами, а обратно вернусь пешком — Я уверен, мои свинки здесь будут вполне в безопасности. Пусть пороются немного в лесочке, корешки покопают.

— Что ж, это будут ваши похороны — а может быть и их, — пробормотал Хейдин, забираясь в электромобиль и захлопывая дверцу. Он посмотрел на залезающего с другой стороны Брона и его

озарила внезапная мысль — Послушай, а где твой багаж? Ты не забыл его в тендере?

— Как здорово, что вы так заботитесь обо мне. — Он указал на свое стадо, которое немного разбрелось и с довольным видом рылось в лесной подстилке. К спине большого борова были привязаны два чемодана, а у свиньи поменьше, рядом с ним на спине болтался потрепанный чемоданчик.

— Люди даже не подозревают, насколько полезны свиньи. На Земле их тыщи лет использовали как вьючных животных, вот что я скажу, сэр. Для чего только эти свиньи не годятся. Вот, древние египтяне с ними семена сажали. Знаете, у них копытца маленькие и острые, и в мягкой земле семена они затаптывают аккурат на нужную глубину.

Губернатор Хейдин выжал реостат до упора и молча крутил руль, пока над его головой витал буколический экскурс в свинологию.

Глава 2

— Это и есть ваш муниципалитет? — Спросил Брон. — Какая прелесть.

Губернатор нажал на тормоз, и электромобиль,

прошуршав по дороге, остановился перед строением. Пыль, поднятая с дороги, где не было и намека на покрытие, окутала их клубящимся облаком. Губернатор подозрительно уставился на Брона.

— Не дорос еще, чтоб насмехаться, — фыркнул он. — Так получилось, что это одно из первых зданий, что мы тут построили, и оно выполняет свои функции, даже если немного… гм… состарилось.

Состарилось — это не то слово, понял он, впервые за многие годы посмотрев на дом свежим взглядом. Он стал абсолютно лохматым. Наружные стены были сделаны из древесностружечных панелей. Затем из покрыли пластиком, потом ремонтировали, но нерегулярно. Теперь пластик отвалился, и по всей поверхности курчавились коричневые стружки.

— Я вовсе не насмехаюсь над вашим домом, — сказал Брон, выбираясь из машины. — На других планетах я видел куда как хуже — кривые, косые, тронуть боишься, чтобы не развалились, такие вот дела. А ваши парни построили хороший крепкий дом. Простоял много лет, и еще несколько протянет. — Он дружелюбно похлопал по стене, затем взглянул на ладонь. — Хотя, конечно, не мешало бы его побрить или постричь.

Губернатор пинком открыл дверь и вошел, бормоча что-то себе под нос, и Брон зашел следом, улыбаясь с простодушным удовлетворением. Через все здание проходил коридор — он мог видеть выход на его противоположном конце — а по обе его стороны располагались двери. Губернатор вошел в дверь с табличкой «Не входить», и Брон последовал за ним по пятам.

— Да не сюда, болван, — громко возмутился Хейдин. — Здесь мой личный офис. Тебе нужна дверь рядом.

— Ой, очень извиняюсь, — пробормотал Брон, пятясь под твердым нажимом упертой в его грудь руки. Через плечо губернатора он разглядел скудно обставленное конторское помещение, а сквозь приоткрытую дверь в дальней стене была видна жилая комната. Единственное, что представляло действительный интерес, была съежившаяся в кресле девушка. У нее были медно-красные волосы и на вид она казалась молодой и стройной. Больше он ничего не мог про нее сказать, ему только почудилось, что она плакала, уткнувшись лицом в платок. Дверь захлопнулась перед его носом.

За соседней дверью оказался довольно большой офис, разделенный посередине барьером

высотой ему по грудь. Он облокотился на покрашенные доски и стал с некоторым интересом читать вырезанные на них надписи. В дальней стене открылась дверь и вошла девушка. Она действительно оказалась молодой, стройной и рыжей с еще более красными от слез глазами. Несомненно, это была та самая девушка, которую он увидел в офисе губернатора.

— Мне так жаль, что я видел, как вы плачете, мисс, — сказал Брон. — Не могу ли я чего сделать, чтобы вам помочь?

— Но я не плачу, — твердо произнесла она и шмыгнула носом. — Это всего лишь… аллергия, вот что.

— Тогда сходите к доку, он вам закатит какой-нибудь укольчик…

— Не займетесь ли вы делом, я сегодня очень занята.

— Ладно, ладно, не буду вас отвлекать с этой вашей аллергией и делами. А может, мне с кем другим стоит утрясти?

— Не с кем. Я — и эти компьютеры — весь штат губернатора. Так что вы хотите?

— Хочу оформить заявку на участок, а зовут меня Брон Вурбер.

Она коротко пожала его протянутую руку,

потом уронила ее, словно та была раскалена докрасна, и взяла пачку бланков. — Я Леа Дэвис. Заполните бумажки и постарайтесь не пропустить ни одного пункта. Если появятся вопросы, спросите, прежде чем писать. А вы писать-то можете? — Спросила она, заметив, с какой сосредоточенностью он уткнулся в бумаги.

— Пишу очень понятно, мэм, так что не волнуйтесь. — Он вытащил из кармана рубашки сильно обгрызенный обломок карандаша, добавил пару свежих отметин и принялся за работу.

Когда он закончил, она проверила все написанное, сделала несколько исправлений и подала ему пачку карт. — Здесь все ближайшие участки, которые не заняты; они отмечены красным. Земля, которая вам лучше всего подойдет, зависит, конечно, от того, что вы на ней собираетесь выращивать.

— Свиней, — ответил он, радостно улыбаясь, но не получил ответной улыбки. — Я сейчас поброжу по окрестностям и посмотрю, что к чему, потом вернусь и скажу, нашел ли что подходящее. Спасибо, мисс Дэвис.

Брон сложил карты в толстую пачку, которую рассовал по карманам брюк.

По дороге к своему стаду, что ждало его возле

космопорта, ему нужно было пройти через центр Троубри Сити, который городом только назывался. Он шел по единственной улице, неуклюже ступая тяжелыми сапогами, поднимая на каждом шагу облака пыли. Все дома ярко подтверждали правоту выражения, что нет ничего более постоянного, чем временное. Их строили быстро, но не заменяли на более прочные, потому что растущему городу срочно требовались новые. Фабричного изготовления дома и хижины из прессованных плит чередовались с каркасными сооружениями и земляными развалюхами. Таких было много — брали глинистую почву и плотно забивали ею деревянную форму, затем форму разбирали, а стены оббивали пластиком, чтобы их не размыло дождем.

Несмотря на это, многие такие дома выглядели кривобокими и приплюснутыми, медленно оседая в землю, из которой когда-то поднялись. Брон прошел мимо маленьких складских домиков и гаража. Городские заводики располагались на окраине, а дальше начинались фермы. Впереди виднелась парикмахерская, о чем возвещал вездесущий знак в виде шеста в белую и красную полосу; стену ее подпирало несколько мужчин.

— Эй, свинопас, — громко сказал один из них,

когда Брон проходил мимо, — меняю горячую ванну для тебя на пару свиных отбивных. — остальные бездельники захохотали над столь очевидной для них мудрой фразой.

Брон остановился и повернулся к ним.

— По-моему, — сказал он, — этот городишка страсть как процветает, если может прокормить такую толпу молодых мужиков, для которых нет работы.

В ответ раздалось сердитое бормотание, а их самозваный оратор шагнул вперед и заорал:

— Думаешь, что ты большой умник, или как?

Брон не стал отвечать. Он лишь холодно улыбнулся и ударил сжатым кулаком другой руки. Раздался громкий, смачный шлепок, а кулак оказался явно большим и тяжелым. Мужчины снова прислонились к стене и заговорили между собой, игнорируя Брона.

— Он хулиган, ребята, и вам следует его проучить, — раздался голос из парикмахерской. Брон подошел и заглянул в открытую дверь. В кресле сидел человек, который ударил одну из его свиней в космопорту, а за его спиной со счастливым видом хлопотал робот-парикмахер.

— Послушай, не стоит так про меня говорить, приятель, ты же ничего обо мне не знаешь.

— Не знаю и знать не желаю, — сердито отозвался мужчина. — Можешь забирать своих свиней и…

Брон продолжая улыбаться, протянул руку, нажал на кнопку «горячее полотенце», и дымящееся полотенце заглушило окончание фразы. Робот отстриг лоскут, потом вспыхнула лампочка неисправности, и он замер, громко гудя.

Брон пошел дальше, и никто не встал у него на пути.

— Не очень-то приветливый городок, — пробормотал он себе под нос. — Но почему бы ему таким не быть? — Тут он увидел вывеску «Еда» и зашел в маленькое кафе.

— Отбивных нет, — сказал бармен.

— Кофе, я хочу только кофе, — ответил ему Брон, садясь на табурет.

— Приятный у вас городок, — сказал он, когда появился кофе.

Бармен буркнул что-то неразборчивое и принял деньги. Брон попробовал снова.

— Я хочу сказать, что тут хорошие земли и много шахт и минералов. Комиссия по космическим поселениям финансировала меня, чтобы я смог приобрести здесь участок. Наверное, то же было и с всеми, кто тут живет. Хорошая планета.

— Мистер, — сказал бармен. — Я не говорю с вами, а вы не разговаривайте со мной, хорошо? — Он отвернулся, не дожидаясь ответа, и принялся начищать ручки автоматического шеф-повара.

— Приветливые люди, — сказал Брон, шагая по дороге. — У них есть все, что им может понадобиться — и все же никто не выглядит счастливым. А та девушка все-таки плакала. Что же на этой планете не в порядке? — Засунув руки в карманы и посвистывая, он шел дальше, оглядываясь по сторонам. До космопорта было недалеко, потому что он располагался рядом с городом — просто расчищенная площадка и контрольная башня.

Подходя к роще, в которой он оставил животных, он услышал резкое сердитое взвизгивание. Он ускорил шаг, потом перешел на бег, когда к первому визгу присоединились другие. Некоторые из свиней продолжали беззаботно пастись, но большинство собралось вокруг высокого дерева, увитого листами и утыканного короткими ветками. Из толпы свиней выступил боров и поддел клыками дерево, отодрав метровую полосу коры. С вершины донеслись слабые крики о помощи.

Брон просвистел инструкции, подергал за хвосты, раздал несколько тычков в толстые бока и

в конце концов заставил свиней разойтись. Как только они принялись выкапывать корешки и объедать с кустов ягоды, он крикнул вверх:

— Эй, кто там наверху? Можешь слезать, опасности нет.

Дерево затряслось, посыпались кусочки коры, и с вершины стал медленно спускаться высокий тощий мужчина. Он остановился над головой Брона, крепко держась за ствол. Его брюки были порваны, а на одном из ботинок недоставало каблука.

— Кто вы такой? — Спросил Брон.

— Это ваши животные? — Сердито отозвался человек. — Их всех надо пристрелить. Они злобно на меня напали, убили бы, если бы я не залез на дерево…

— Кто вы такой? — Повторил Брон.

— …злобные и неуправляемые. Если вы не в состоянии с ними справиться, то я об этом позабочусь. У нас на Троубри есть законы…

— Если вы не заткнетесь и не скажете, кто вы такой, мистер, можете оставаться на дереве до тех пор, пока не рассыплетесь в пыль, — спокойно сказал Брон. Он показал на большого борова, что лежал в трех метрах от дерева, поглядывая на него маленькими красными глазками. — Мне

ничего не придется делать, а свиньи сами с вами справятся. Это у них в крови. Пекари в Мексике загоняли человека на дерево, а потом по очереди его караулили, пока он не умирал или не падал вниз. Эти животные никого не атакуют без причин. А причина, по-моему, в том, что вы пришли и попытались схватить одного из поросят, потому что ощутили страстное желание отведать свежей свинины. Кто вы такой?

— Вы называете меня *лжецом*? — Завопил человек.

— Да. Кто вы такой?

Боров подошел к дереву, потерся о ствол и утробно хрюкнул. Мужчина вцепился в ствол обеими руками, и весь гонор из него тут же вышел.

— Я… Реймон, здешний радист. Я был в башне, сажал тендер. Когда он улетел, я сел на велосипед и поехал в город. Потом увидел этих свиней и остановился, просто посмотреть, а они на меня напали. Без всякой причины…

— Хватит заливать, — сказал Брон. Он присел и стал почесывать борову бок. Тот прижал к голове уши и довольно хрюкнул. — Вам нравится сидеть на дереве, мистер Реймон?

— Ну хорошо, я наклонился, чтобы потрогать одну из ваших грязных свиней — не спрашивайте

меня зачем. Тогда на меня напали остальные.

— Это уже больше похоже на правду, и я не стану мучить вас глупыми вопросами вроде почему это у вас возникло страстное желание приласкать грязную свинью. Можете слезать и ехать дальше.

Боров махнул кончиком хвоста и скрылся в подлеске. Реймон с опаской спрыгнул на землю и отряхнулся. Он оказался темноволосым статным мужчиной, черты лица искажал плотно сжатый от злости рот.

— Вы еще услышите обо мне, — бросил он через плечо, отходя в сторону.

— Сомневаюсь, — отозвался вслед Брон. Он вышел на дорогу и дождался, пока электровелосипед с гудением не покатил к городу. Только тогда он вернулся и свистком подозвал к себе все стадо.

Глава 3

В ухе Брона зазвучал негромкий металлический звон, становясь все громче и громче, пока он его игнорировал. Зевая, он протянул руку, снял с мочки уха клипсу-будильник, выключил его ногтем и сунул в карманчик на поясе. Брон ощутил прохладу ночного воздуха, протирая со сна гла-

за, а над его головой сквозь прозрачный воздух ярко сияли незнакомые созвездия. До рассвета оставалось еще несколько часов, лес был темен и тих, лишь иногда доносилось похрапывание или глухое похрюкивание спящей свиньи.

Брон вылез из спального мешка, в который он залез, не раздеваясь, и натянул сапоги, стоявшие перевернутыми, чтобы не отсырели. Обуваясь, он прислонился к боку Квини. Восьмисотфунтовая свинья приподняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон наклонился и приподнял ей ухо, чтобы в него можно было шептать.

— Я ухожу, но к рассвету вернусь. Со мной пойдет Жасмина. Присмотри за остальными.

Квини издала звук, очень похожий на «угу» и снова улеглась. Брон мягко свистнул, в ответ послышался топоток острых копыт маленькой Жасмины.

— Иди за мной, — сказал Брон. Жасмина изменила походку, ступая на всю площадь ступни, и они вместе пошли прочь от лагеря, бесшумные как тени.

Была безлунная ночь, и Троубри Сити спал в ночной темноте. Никто не заметил две тени, пересекшие городок и скользнувшие к черному ходу муниципального здания. Никто не услы-

шал, как беззвучно открылось окно, и обе тени исчезли внутри.

Губернатор Хейдин резко сел, когда в его спальне зажегся свет. Первое, что он увидел, была маленькая розовая свинка, сидящая на коврике возле кровати. Она повернула голову и посмотрела ему в глаза, а потом моргнула. У нее были красивые длинные белые ресницы.

— Очень извиняюсь, что потревожил вас в такое время, — донесся голос Брона от окна, где он проверял, плотно ли задернуты шторы, — но мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о нашей встрече.

— Катись отсюда, свинопас ненормальный, или я тебя вышвырну! — взревел Хейдин.

— Не так громко, сэр. — Предупредил Брон. — Вас могут услышать. Вот мое удостоверение. — Он протянул пластиковый прямоугольник.

— Я и так знаю, кто ты такой, так какая разница…

— Но это удостоверение вы даже не видели. Вы ведь просили Патруль прислать кого-нибудь на планету, правильно?

— Что ты об этом знаешь? — Глаза губернатора расширились. — Ты хочешь сказать, что имеешь к ним какое-то отношение?

— Мое удостоверение, — сказал Брон, протягивая руку и постукивая по нему, чтобы привлечь внимание.

Губернатор схватил его обеими руками.

— «С.В.И.Н.» — прочитал он. — Что это? — Затем он ответил на свой вопрос, негромко прочитав следующую строчку.

— «Свиные Войска Индивидуального Назначения»! Это что, шутка?

— Вовсе нет, губернатор. С.В.И.Н. лишь недавно были созданы и активированы. Сведения об их деятельности до сих пор оставались в кругу командования, и их операции считались строго секретными.

— Что-то ты внезапно перестал говорить, как свиной фермер.

— Я свиной фермер, губернатор. Но у меня есть ученая степень в области разведения животных, докторская степень по галактической политике и черный пояс по дзюдо. А свиной фермер я лишь для рабочего прикрытия.

— Выходит, что ты — ответ на мой отчаянный запрос Патрулю.

— Совершенно верно. Не могу раскрыть вам секретные сведения, но вы наверняка знаете, как сильно рассеяны силы Патруля в наше время — и

еще будут рассеяны в последующие годы. Когда открывается новая планета, это расширяет сферу влияния Земли в линейном направлении, но объем пространства, который должен контролироваться, является кубом расстояния.

— А вы не объясните все попроще?

— С удовольствием, — Брон огляделся и заметил на столе миску с фруктами. Он взял два круглых красных плода и поднял их. — Этот плод — «сфера влияния». Если Земля находится в его центре, звездолеты могут лететь в любом направлении до самой его кожицы, а весь его объем должен контролироваться Землей. Хорошо, допустим, открыта новая планета. Корабль летит от Земли по прямой линии, вот настолько. — Он раздвинул пальцы на диаметр одного из плодов. — Это линейное расстояние, но Патруль не летает только по прямой. — Он приставил второй плод к первому. — Теперь Патруль должен отвечать за весь объем внутри второго плода, потому что его корабли не всегда летают по одинаковым курсам, а двигаются от планеты к планете. Работа очень большая, и все время увеличивается.

— Я понял вашу мысль, — сказал губернатор, посмотрев немного на плод, потом взял и положил его обратно в миску.

— В этом суть проблемы. Патруль должен действовать между всеми планетами, а этому соответствует такой объем пространства, что его невозможно представить. Надеются, что когда-нибудь будет такое количество кораблей Патруля, что они заполнят весь этот объем, и крейсер сможет откликнуться на любой призыв о помощи. Но пока что следует искать другие способы поддержки. Предложено несколько проектов, и С.В.И.Н. — один их первых реализованных. Вы видели мой отряд. Мы можем перемещаться на любом коммерческом средстве, и поэтому действовать без поддержки Патруля. У нас есть питание, но при нужде можем обойтись подножным кормом. Мы оснащены настолько, что способны справиться почти с любой тактической ситуацией.

Хейдин попытался понять, но для него это оказалось слишком сложно. — Я слышал, о чем вы говорите. И все же… — он запнулся, — …все же у вас есть лишь стадо свиней.

Брон с трудом сдержался, и его глаза сузились в щелочки от усилия. — А вы почувствовали бы себя лучше, если бы я приземлился здесь со стаей волков? Это дало бы вам чувство безопасности?

— Ну, должен признать, что так все смотрелось

бы по-другому. Тут был бы какой-то смысл.

— Да неужели? Несмотря на то, что волк — или волки — в природе всегда убегают от взрослого дикого кабана, даже не пытаясь его атаковать? А у меня есть боров — мутант, который сдерет с шести волков шесть драных шкур за столько же минут. Вы в этом сомневаетесь?

— Дело не в сомнениях. Но вы должны признать, что есть нечто… ну, не знаю… нелепое, что ли в стаде свиней.

— Ваше наблюдение далеко не оригинально, — отозвался Брон ледяным тоном. — Именно поэтому я взял все стадо, а не только одних боровов, и именно поэтому я разыгрываю из себя дурака. На меня не обращают внимания, и это помогает расследованию. И также поэтому я встречаюсь с вами ночью и таким образом я не хочу сбрасывать маску, пока в этом нет нужды.

— Это единственное, о чем вам не следует беспокоится. Наша проблема не связана ни с кем из поселенцев.

— А в чем конкретно ваша проблема? Из вашего сообщения это не совсем ясно.

Губернатор почувствовал себя неуютно. Он немного поерзал, потом снова изучил удостоверение Брона. — Мне надо ее проверить, прежде

чем что-то рассказывать.

— Пожалуйста.

На краю стола стоял флюороскоп, и Хейдин тщательно сравнил невидимый в обычных условиях узор с кодовой копией, которую достал из сейфа.

Наконец, почти неохотно, он вернул карточку Брону. — Настоящая, — признал он.

Брон сунул удостоверение в карман.

— Ну, так в чем дело? — Осведомился он.

Хейдин посмотрел на свинку, которая счастливо похрапывала, свернувшись на коврике.

— Привидения, — еле слышно выдавил он.

— А не вы ли только что смеялись над свиньями?

— Не надо обижаться, — горячо отозвался губернатор. — Я знаю, что это звучит странно, но тем не менее все так и есть. Мы называем их — или эти явления — привидениями потому, что ничего о них не знаем. Можно гадать, сверхъестественные они, или нет, но что они не физические — точно. — Он повернулся к карте на стене и постучал пальцем по окрашенному в желтоватый цвет участку, выделяющемуся на фоне окружающей зелени. — Все происходит вот здесь — на Плато Духов.

— И что же происходит?

— Трудно сказать — это в большинстве ощущения. С самого начала заселения планеты, то есть теперь уже 15 лет, люди не любили приближаться к плато, хотя оно и лежит почти в окрестностях города. Там, наверху, всех охватывает чувство, что что-то не в порядке. Даже животные его избегают. И кроме того, там совершенно бесследно исчезали люди.

Брон посмотрел на карту, провел пальцем по контуру желтого пятна. — А его исследовали? — Спросил он.

— Конечно, еще в самом начале. Вертолеты до сих пор над ним летают, и не замечают ничего необычного. Но только днем. Никто еще не пролетел, не проехал и не прошел через Плато Духов ночью и

остался в живых. Ни одного тела не нашли.

Голос губернатора прервался от горя; не было сомнения, что он говорит искренне. — И что-нибудь с тех пор было сделано? — Спросил Брон.

— Да. Мы поняли, что от этого места надо держаться подальше. Это не Земля, мистер Вурбер, пусть даже она во многом ее напоминает. Это чужая планета с чужой жизнью, а наше человеческое поселение — всего лишь булавочный укол на ее теле. Кто знает, какие… существа бродят

там по ночам. Мы поселенцы, а не искатели приключений. Мы поняли, что плато надо избегать, по крайней мере ночью, и с тех пор у нас не было неприятностей.

— Зачем же вы тогда вызвали Патруль?

— Потому что совершили ошибку. Старожилы мало говорят о плато, а многие новички полагают, что их рассказы — всего лишь… байки. Некоторые из нас даже начали сомневаться в своих воспоминаниях. В любом случае, исследовательская группа решила приглядеть новые участки для закладки шахт, а единственные нетронутые места вблизи города находились на плато.

Несмотря на наши предупреждения, они все же ушли, их возглавлял инженер по имени Хью Дэвис.

— Не родственник ли вашей ассистентки?

— Брат.

— Это объясняет ее беспокойство. И что произошло?

Зрачки Хейдина расширились от страшных воспоминаний. — Это было ужасно, — выдавил он наконец. — Конечно, мы приняли все меры предосторожности — весь день за ними следовал вертолет, который отметил место их лагеря. Вертолеты были с прожекторами, и мы дежурили

всю ночь. У них было три передатчика, и все работали одновременно, чтобы не случилось перерыва в связи. Мы прождали всю ночь, и ничего не случилось. И тут, перед самым рассветом — безо всякой тревоги или предупреждения — передатчики отключились. Мы были там через несколько минут, но все уже было кончено. То, что мы обнаружили, слишком ужасно, чтобы описать. Все — их оборудование, палатки, припасы — все разломано и уничтожено. Сломанные деревья и земля были забрызганы кровью, но людей не было, исчезли. Не было никаких следов машин или животных — ничего. Мы проверили кровь — человеческая. А клочки мяса были… тоже человеческими.

— Но что-то же должно было остаться, — настойчиво спросил Брон. — Какие-нибудь отметки, хотя бы намеки, возможно, запах взрывчатки — или отметки на радаре, раз плато так близко.

— Мы тоже не дураки. У нас есть и техники, и ученые. Не было ни следов, ни запахов, и на радаре ничего. Повторяю, ничего.

— И тогда вы решили вызвать Патруль?

— Да. Мы поняли, что сами не справимся.

— Вы поступили абсолютно верно, губернатор. С этого момента я беру все на себя. Фактически, у

меня уже есть очень неплохие идеи насчет того, что произошло.

Хейдин вскочил. — Не может быть! В чем здесь причина?

— Боюсь, сейчас немного рано об этом говорить. Утром я собираюсь сходить на плато и посмотреть на то место, где произошла бойня. Не могли бы вы сообщить мне его координаты по карте. И не говорите никому о моем визите, пожалуйста.

— Насчет этого можете не волноваться, — сказал Хейдин глядя на свинку. Она встала, потянулась и громко принюхалась к миске с фруктами на столе.

— Жасмина не отказалась бы от штучки-другой, — сказал Брон. — Вы не возражаете?

— Берите, берите, — безропотно отозвался губернатор, и громкое чавкание наполнило комнату, пока он записывал координаты и направления.

Глава 4

Им пришлось поторопиться, чтобы покинуть город до рассвета. Когда они подошли к лагерю, небо на востоке уже стало серым, и животные проснулись и шевелились.

— Думаю, мы останемся здесь по меньшей мере еще на день, — сказал Брон, вскрывая ящик с витаминным кормом. Квини, восьмисотфунтовая свинья польско-китайской породы, весело хрюкнула, услышав его слова, поддела охапку листьев и подбросила ее в воздух.

— Да, здесь у вас конечно, неплохая кормежка, особенно, если вспомнить, сколько времени вы провели на корабле. Я собираюсь немного прогуляться, Квини, и вернусь к вечеру. Присмотри пока за порядком.

— Кудряш! Мо! — Крикнул он.

В ответ из леса донесся треск, и через секунду из кустов вырвались два длинных серовато-черных тела — тонна костей и мышц на копытах. На пути Кудряша оказалась трехдюймовая ветка, но он не стал ни тормозить ни сворачивать в сторону. Послышался резкий треск, и он подбежал к Брону, украшенный сломанной ветвью. Брон отбросил ее в сторону и осмотрел свое ударное войско.

Это были два борова, близнецы из одного помета, и весили они более полутонны каждый. Обычный дикий кабан весит до 400 килограммов и является самым быстрым, опасным и раздражительным из крупных животных. Кудряш и Мо были мутанты, на треть тяжелее своих диких

предков и во много раз умнее. Но ничего не изменилось; они все так же оставались быстрыми, опасными и раздражительными. Их десятидюймовые клыки были покрыты колечками из нержавеющей стали, предохраняющими от обламывания.

— Мо, я хочу, чтобы ты остался здесь с Квини, а она будет за старшего.

Мо сердито взвизгнул и затряс большой головой. Брон ухватил горсть толстой щетины между лопатками Мо, в его любимом месте, и стал ее почесывать и подергивать. Мо с довольным видом забурчал через нос. Он был гений среди свиней, что делало его на человеческом уровне чем-то вроде слабоумного с задержкой развития — если не считать того, что он все-таки не человек. Он понимал простые команды и выполнял их в пределах своих способностей.

— Останься и охраняй, Мо, останься и охраняй. Смотри на Квини, она знает, что делать. Охраняй, но не убивай. Здесь растет много вкусностей — а когда я вернусь, получишь сахар. Кудряш идет со мной, и все получат сахар, когда мы вернемся. — Отовсюду донеслось счастливое хрюкание, и толстый бок Квини прижался к его ноге.

— Ты тоже идешь, Жасмина, — сказал Брон, —

Хорошая прогулка не даст тебе наделать глупостей. Пойдет еще Мейзи-Ослиная-Нога; ей тоже не мешает размяться.

Жасмина была его трудным ребенком. Хотя она выглядела как наполовину выросшая хавронья, на самом деле это была взрослая свинья карликовой породы — одной из пород маленьких свиней, которых когда-то вывели для лабораторных нужд. В этой породе селекция шла по разумности и понятливости, и Жасмина, вероятно, имела самый высокий I.Q. из всех свиней, вышедших из стен лаборатории. Но тут была и обратная сторона: вместе с разумностью возрастала и нестабильность, почти человеческая истерия, словно ее ум постоянно балансировал на грани срыва. Если ее оставляли с другими свиньями, она принималась их дразнить и мучить, и нарывалась на неприятности, поэтому Брон всегда брал ее с собой, когда приходилось оставлять стадо, даже на короткое время.

Мейзи была совсем другой — типичная хорошо упитанная свинья одной из распространенных пород. Она не отличалась особым умом, то есть была нормальной свиньей, зато плодовитой. Некоторые жестокие люди могли бы сказать, что она хороша лишь для бекона. Но у нее был

приятный характер, и она была хорошей матерью; она только что кончила выкармливать свой очередной выводок. Брон взял ее с собой, чтобы дать отдохнуть от поросят и сбросить лишний вес, потому что она чересчур располнела в полете от малой подвижности.

Брон изучил карты и обнаружил обозначенную на них просеку, тянущуюся в том направлении, куда он собирался идти, почти до самого плато. Он легко мог пройти со своими свиньями и по открытой местности, но идя по просеке, они сэкономили бы немного времени. Сориентировав карманный гирокомпас по отметкам на флюгере контрольной башни космопорта, он установил направление, которое должно было вывести к дороге, ведущей на Плато Духов.

Брон указал рукой в нужную сторону, и Кудряш, наклонив голову, бросился в кусты. Послышался хруст и треск — совершенный первопроходец проделывал дорогу там, где ее не существовало.

По поросшей травой дороге, вьющейся среди холмов, шагать было легко. В лагере лесорубов, должно быть, уже давно никто не бывал, потому что на дороге не виднелось отпечатков колес. Свиньи рыскали в сочной траве, время от времени отправляя в рот кусочек чего-нибудь слишком

соблазнительного, чтобы удержаться от искушения, хотя Мейзи протестующе повизгивала от непривычной для нее нагрузки. Вдоль дороги иногда попадались деревья, но в основном земля была расчищена и засажена. Кудряш остановился, повернулся и показал на густые заросли, вопросительно буркнув. Жасмина и Мейзи остановились рядом с ним, глядя в ту же сторону, подняв головы и прислушиваясь.

— Что? Что там такое? — Спросил Брон.

Опасности не было, это было ясно, потому что иначе Кудряш уже готовился бы к атаке. Свиньи, с их более тонким слухом, прислушивались к чему-то, что он не слышал, и что-то заинтересовало, но не испугало их.

— Пошли, — сказал он. — Нам еще далеко идти. — Он подтолкнул Кудряша в бок, но с таким же успехом он мог бы пнуть ногой каменную стену. Кудряш, стоя на месте, пропахал в земле копытом борозду и дернул головой в направлении зарослей. — Ладно, согласен, если ты настаиваешь. Я никогда не спорю с боровами, весящими полтонны. Пойдем, посмотрим, что там такое.

— Он потрепал ему толстую щетину между лопаток, и Кудряш побежал в сторону деревьев.

Не прошли они и пятидесяти метров, как Брон

сам услышал звук — пискливое вскрикивание птицы или какого-то мелкого животного. Но почему это обеспокоило свиней? Потом он внезапно понял, что это такое.

— Это ребенок — он плачет! Вперед, Кудряш!

Ободренный Кудряш поспешил вперед, пробиваясь сквозь заросли так быстро, что Брон едва поспевал за ним. Они выбежали на пологий илистый берег темного пруда, и крик превратился в громкое всхлипывание. Маленькая девочка, не старше двух лет, сидела по пояс в воде, мокрая и несчастная.

— Держись, сейчас я тебя вытащу, — крикнул Брон, и всхлипывание перешло в рев. Кудряш встал на краю скользкого илистого берега, и Брон, держась за его крепкую неподвижную лодыжку, наклонился к воде. Ребенок потянулся к нему, он подхватил ее свободной рукой и вытянул на берег. Она была мокрая и несчастная, но сразу перестала плакать, когда он взял ее на руки.

— Ну и что же нам теперь с тобой делать? — Спросил Брон, выбравшись на сухое место. На этот раз он услышал ответ одновременно со свиньями.

Издалека донесся непрерывный звон колокольчика. Он направил свиней в нужном

направлении, а сам зашагал следом по дороге, пропаханной в зарослях Кудряшом.

За опушкой зарослей начинался открытый луг. На вершине холма стоял красивый фермерский дом. Возле дома стояла женщина, звонившая в большой ручной колокол. Она заметила Брона, как только он вышел из-за деревьев, и побежала ему навстречу.

— Эми, — воскликнула она, — ты цела, малышка! — Она прижала к себе ребенка, не обращая внимания на потоки грязи, потекшие на ее белый передник.

— Нашел ее возле пруда, мэм. Она застряла в грязи и не могла выбраться. По-моему, она всего лишь перепугалась.

— Не знаю, как вас и благодарить. Я думала, что она заснула, когда я пошла доить коров. Должно быть выбралась из кроватки…

— Благодарите не меня, мэм, а моих свиней. Они услышали, как она плачет, а я лишь последовал за ними.

Тут женщина впервые заметила животных.

— Какая прекрасная свинья, — сказала она, с восхищением разглядывая округлые бока Мейзи. — Мы держали дома свиней, но когда эмигрировали сюда, то купили коров для молочной

фермы. Теперь я об этом жалею. Позвольте мне дать им свежего молока — и вам тоже. Это самое малое, чем я могу вас отблагодарить.

— Большое спасибо, но нам надо торопиться. Мы присматриваем участок для хутора, и мне хотелось бы добраться до плато и вернуться до темноты.

— Только не туда! — С ужасом воскликнула женщина, прижимая к себе девочку — Туда нельзя!

— Почему нельзя? На карте эти земли выглядят совсем неплохо.

— Нельзя и все… там есть кто-то. Мы стараемся о них не говорить. Их нельзя увидеть. Но я знаю, что они там есть. Мы когда-то пасли коров на склоне того холма, а склон был обращен к плато. И знаете, почему мы перестали это делать? Они стали давать меньше молока — почти вдвое меньше, чем другие коровы. Там происходят странные вещи, очень странные. Можете сходить посмотреть, если надо, но обязательно вернитесь до захода солнца. Вы быстро поймете, что я имею в виду.

— Спасибо, что сказали, я вам очень благодарен. Ну, раз с девочкой все в порядке, то мы пойдем.

Брон свистнул свиньям, помахал на прощание

фермерше и зашагал в сторону дороги. Плато начинало его интересовать все больше и больше. Поэтому он все время поторапливал свиней, несмотря на тяжелое дыхание и укоризненные взгляды Мейзи, и через час они прошли мимо покинутого лагеря лесорубов — не из-за странных ли событий на плато? — И стали подниматься вверх по склону, заросшему лесом. Здесь был край плато.

Они пересекли ручей, и Брон дал свиньям вволю напиться, пока он вырезал себе палку для облегчения подъема. Мейзи, разгоряченная быстрой ходьбой, с оглушительным шумом плюхнулась в воду и стала купаться. Привередливая Жасмина гневно взвизгнула и, отбежав в сторону, стала кататься по траве, чтобы вытереть те места, где ее забрызгало. Кудряш, пыхтя и урча, как довольный жизнью локомотив, подсунул нос под гнилое бревно весом почти в тонну, отодвинул его в сторону и теперь с удовольствием поглощал многочисленных насекомых и прочую живность, обнаруженную под бревном. Отдохнув, они двинулись дальше.

Подъем на плато не был долгим, и поднявшись наверх, они увидели пологую равнину с растущими кое-где деревьями. Брон снова сверился

с компасом и показал Кудряшу направление. Кудряш фыркнул и пропахал в земле борозду копытом, прежде чем двинуться вперед, а Жасмина с повизгиванием прижалась к ноге Брона. Он тоже почувствовал это, и подавил невольную дрожь. Было что-то — как бы это описать? — странное в этом месте. Он не имел понятия, почему у него появилось такое ощущение, но оно возникло. И свиньи, казалось, чувствовали тоже самое. Была и другая странность: не было видно ни одной птицы, хотя на холмах внизу их обитало множество. Не виднелось и ни одного животного. Свиньи, конечно, привлекли бы его внимание к ним, если бы он этого не заметил.

Брон поборол странное чувство и пошел вслед за Кудряшом, а две другие свиньи, все еще протестуя, мелкими шажками бежали рядом, стараясь быть как можно ближе к его ногам. Было очевидно, что все они ощущали это присутствие опасности и были встревожены. Все, кроме Кудряша, потому что любые странные эмоции или ощущения лишь подстегивали его раздражительность, и он рвался вперед, полный рвущейся наружу ярости.

Когда они вышли на открытое место, не осталось сомнений, что они пришли куда хотели.

Повсюду валялись сломанные и скрученные ветви, выдранные молодые деревца, а всю поляну усеивали обрывки палаток и обломки снаряжения. Брон поднял остатки передатчика и увидел, что его металлический корпус сдавлен и покорежен, словно его выкручивала рука гиганта. И все время, что он провел на поляне, он ощущал напряженность и беспокойство.

— А ну-ка, Жасмина, — сказал он, — попробуй взять след. Я знаю, что здесь уже несколько недель поливали дожди и светило солнце, но какой-нибудь след мог остаться. Давай-ка, понюхай.

Жасмина задрожала, отрицательно покачала головой и снова прижалась к его ноге: он ощутил, как она трясется. У нее наступил один из приступов, и она ни на что не годится, пока он не пройдет. Брон ни в чем ее не обвинял — он, в какой-то степени, сам был в таком же состоянии. Он дал Кудряшу понюхать один из ящиков, И боров мощно втянул воздух, но все его внимание было направлено на другое. Его глазки шарили по сторонам, пока он принюхивался, затем он обежал поляну по краю, обнюхивая землю, чихая и фыркая, чтобы очистить нос от грязи. Брон решил, что боров что-то нашел, когда тот начал рыть землю клыками, но это оказался всего лишь

сочный корень, который он учуял. Он начал его жевать, и вдруг поднял голову и направил настороженные уши в сторону леса, забыв о торчащем из рта корне.

— Что там? — Спросил Брон, потому что обе другие свиньи тоже смотрели в ту сторону, внимательно прислушиваясь. Их уши дернулись, и внезапно раздался громкий треск, словно что-то большое ломилось сквозь кусты.

Внезапность атаки едва не погубила Брона. Треск еще раздавался в отдалении, когда Прыгун с торчащими из пасти желтыми футовыми клыками выскочил из леса прямо перед Броном. Брон видел изображения этого вида гигантских сумчатых, живших на планете, но действительность снова отличалась от того, что он представлял. Четырехметровый зверь стоял на задних ногах, и даже знание того, что это не хищник, а клыки нужны ему, чтобы копаться в болотах, вовсе не прибавляло спокойствия. Они использовались и против врагов, а Брон явно относился в этот момент к данной категории. Существо прыгнуло вперед и нависло перед ним; клыки метнулись вперед.

Кудряш, рыча от ярости, ударил зверя в бок. Даже четыре метра покрытого коричневым мехом животного не смогли устоять против полутонного разъяренного борова, и гигант покачнулся и упал на спину. На бегу Кудряш дернул головой, вонзил клыки в ногу зверя и сделал в ней длинную рану. С быстротой молнии боров развернулся и повторил атаку.

Прыгун понял, что нарвался на неприятность. Ревя от боли и страха, он побежал обратно как раз в тот момент, когда его приятель, во время схватки продиравшийся через лес, появился на поляне. Кудряш снова развернулся на месте и бросился в атаку. Прыгун — этот, судя по размеру, был самцом — мгновенно оценил ситуацию, и она ему не понравилась. Его приятелю было больно — и он громко возвещал об этом всему миру — а причиной тому явно было разъяренное злобное существо, со свистом мчащееся ему навстречу. Недолго думая, второй Прыгун повернулся и исчез среди деревьев.

Во время этих событий Жасмина носилась вокруг, не имея возможности помочь и находилась на грани нервного срыва. Мейзи, не обладая быстрой реакцией, лишь стояла, хлопая ушами и изумленно хрюкая.

Когда Брон сунул руку в карман, чтобы достать успокоительную таблетку для Жасмины, из кустов ему под ноги выползла длинная зеленая змея. Он застыл на месте, наполовину вынув руку из кармана, потому что знал, что смотрит в лицо смерти. Это был «ползучий ангел», самая ядовитая змея на Троубри, и более ядовитая, чем любая из змей Земли. Она обладала тем же аппетитом к мясу, что и удавы — потому что была удавом по манере охоты — но также и клыками и полными ядом ядовитыми железами. Змея была возбуждена, извивалась и готовилась напасть.

Было очевидно, что упитанная розовая Мейзи, заботливая мать, не обладает рефлексами и темпераментом нужными, чтобы справиться с атакующим зверем вроде Прыгуна, но змея — совсем другое дело. Мейзи взвизгнула и прыгнула вперед, передвигая свое массивное тело с удивительной ловкостью.

Змея, увидев приближающуюся массу колышущейся плоти, нанесла удар, мгновенно отклонилась назад и ударила снова. Мейзи, пыхтя от усилий, повернула голову, обернулась, еще раз взвизгнула и стала наступать на колышущуюся в боевой стойке змею. Та громко зашипела и снова ударила клыками, вероятно, удивляясь каким-то

уголком своего недоразвитого мозга, почему этот обед не падает замертво, чтобы его можно было съесть. Если бы она знала о свиньях немного больше, то вела бы себя совсем по-другому. Вместо этого она атаковала опять, израсходовав остатки яда.

Порода свиней, к которой принадлежала Мейзи, отличается плодовитостью, поэтому самки этой породы обрастают довольно толстым слоем жира. Мейзи, к тому же, дополнительно располнела в полете. А в жировой прослойке нет кровеносных сосудов. В ней и остался змеиный яд, и оттуда он не мог попасть в кровь и повредить свинье. Со временем ее организм нейтрализует его и выведет. Змея атаковала снова — но беззвучно, потому что яд у нее совсем кончился. Мейзи подалась вперед и ударила ее копытами — прочным и острым орудием. Как змеям может нравиться убивать свиней, так и свиньям очень нравиться поедать змей. Визжа и тяжело дыша, Мейзи наступила на змею и оттоптала ей голову. Тело еще извивалось, и она продолжала топтать, пока змея не превратилась в несколько неподвижных обрубков. Только тогда она остановилась и принялась за еду, урча от удовольствия. Змея оказалась большой, и она поделилась ею

с Кудряшом и Жасминой. Брон ждал, пока они наедятся, рассчитывая, что трапеза их успокоит. Только тогда, когда исчез последний кусочек, он повернулся и зашагал в сторону лагеря. Время от времени он оборачивался и убеждался, что для всех них путь прочь от Плато Духов оказался большим облегчением.

Глава 5

Когда они подошли к остальному стаду, отовсюду раздалось приветственное похрюкивание. Наиболее умные животные не забыли об обещанных лакомствах и в ожидании столпились вокруг Брона. Он открыл ящик свиных деликатесов с добавками солей и витаминов. Раздавая их Брон услышал звон своего телефона — очень слабый, потому что еще не распаковал ящик, где тот находился. Заполняя все нудные для приобретения участка бумаги, он, конечно, указал и свой номер телефона, потому что это была почти что часть его имени. Номер давался каждому при рождении и на всю жизнь.

Компьютеризованные каналы связи позволяли связаться с любым человеком на планете, набрав его номер. Но кто мог вызывать его здесь? Нас-

колько он знал, только Леа Дэвис знала его номер. Он вытащил компактный телефон — размером не более ладони с установленной атомной батареей, которой хватало на всю жизнь — и выдвинул маленький экран. Это включило телефон на прием, на экранчике появилось цветное изображение, а из динамика послышался статический шум.

— Надо же, я только что думал о вас, мисс Дэвис, — сказал он. — Вот это совпадение!

— Еще бы, — ответила она, еле шевеля губами, словно выдавливая слова.

Она была красивая девушка, но сейчас выглядела измученной. Смерть ее брата сильно повлияла на нее. — Мне необходимо встретиться с вами… мистер Вурбер. Как можно скорее.

— Так рад вас слышать, мисс Леа, мне просто не терпится вас увидеть.

— Мне нужна ваша помощь, но нельзя, чтобы нас видели вместе. Можете вы прийти как только стемнеет, один, к черному ходу муниципалитета? Я вас там встречу.

— Я там буду — можете на меня положиться, — сказал он и отключил телефон.

Что все это означало? Знает ли эта девушка что-то, что неизвестно никому другому? Вполне возможно. Но почему она обратилась к нему?

Разве что губернатор рассказал ей о том, кто он такой — что очень вероятно, потому что она его единственная помощница. К тому же она очень привлекательна, когда не плачет. Накормив стадо, он тут же вытащил из чемодана чистую одежду и бритву.

Брон ушел в сумерках, и Квини, приподняв голову, наблюдала, как он уходил. Она оставалась за главного, пока он не вернется — остальные свиньи знали об этом — а Кудряш и Мо были готовы справиться с любыми неприятностями, если они возникнут. После дневных приключений Кудряш спал, спокойно посапывая; рядом с ним спала еще более усталая Жасмина. Все было в порядке.

Подойти к муниципальному зданию со стороны неосвещенного черного входа не было проблемой, потому что он уже проделал это предыдущим вечером. Все же беготня и недосыпание теперь сказались на нем, и он зевнул, прикрыв рот кулаком.

— Мисс Леа, вы здесь? — Негромко позвал он, толкнув незапертую дверь.

За ней было темно, и он остановился на пороге.

— Да, я здесь, — отозвался ее голос. — Заходите.

Брон распахнул двери и вошел, и тут же полу-

чил сильный удар по голове, боль от которого на мгновение помутила его сознание. Он попытался что-то сказать, но не смог, хотя оказался в состоянии поднять руку. Новый удар угодил по руке, она онемела и бессильно повисла, а третий удар погрузил его в глубокий мрак.

* * *

— Что случилось? — Спросило колышущееся розовое пятно. Моргая, Брон смог сфокусировать взгляд и узнал встревоженное лицо губернатора Хейдина.

— Это вас надо спросить, — хрипло отозвался Брон. Он почувствовал сильную боль в голове и едва не потерял сознание снова. К его шее прикасалось что-то мокрое и холодное, он протянул руку и нащупал ухо Жасмины.

— По-моему я велел убрать отсюда свинью, — произнес чей-то голос.

— Пусть останется, — с трудом выдавил Брон, — и расскажите мне, что же произошло. Он с предельной осторожностью повернул голову и увидел, что лежит в офисе губернатора. Рядом стоял похожий на доктора джентльмен со строгим лицом, на груди которого болтался стетоскоп. В дверях толпилось еще несколько человек.

— Мы нашли вас здесь, — сказал губернатор. — Это все, что нам известно. Я работал у себя в офисе, когда услышал эти вопли — как будто девушка кричит от сильной боли — ужасные были вопли. Другие люди, что стоят здесь, услышали их с улицы, и мы все побежали сюда. И нашли вас возле задней двери — без сознания, с разбитой головой, а эта свинья стояла рядом и вопила. Никогда бы не подумал, что это животное способно издавать подобные звуки. Оно никого к вам не подпускало — стояло на страже и весьма угрожающе выставляло клыки. Когда доктор пришел, она немного успокоилась, и в конце концов позволила ему подойти.

Брон быстро обдумал ситуацию — по крайней мере, насколько быстро он был в состоянии это сделать, когда тупая боль раскалывала ему затылок.

— Тогда вы знаете столько же, сколько и я, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы выяснить кое-что о моих бумагах по поводу земельного участка.

Дверь была заперта, и я подумал, что, может быть, я смогу войти сюда сзади, если в здании еще кто-нибудь есть. Я вошел через заднюю дверь, и что-то ударило меня, а больше я ничего не пом-

ню, до тех пор, пока не очнулся здесь. Наверное, мне надо благодарить за это Жасмину. Наверное, она пошла за мной и увидела, как мне врезали. Тут она, должно быть завизжала, вы же слышали, и наверняка тяпнула за лодыжку того, кто меня ударил. Зубы у свиней — дай боже. Должно быть, испугала она его, кто бы то ни был. — Он застонал; это было нетрудно. — Дали бы вы мне что-нибудь от головы, док. — Попросил он.

— Есть вероятность сотрясения мозга, — сказал доктор.

— Я лучше рискну, док; лучше небольшое сотрясение, чем две половинки моей головы.

К тому времени, как доктор закончил свое дело, а толпа разошлась, боль в голове из резкой стала вполне терпимой, и Брон поглаживал ссадину на руке, которую только что обнаружил. Он подождал, когда губернатор закрыл и запер дверь, и лишь тогда заговорил.

— Я не все вам рассказал.

— А я и не думал, что все. Так что же произошло?

— Меня ударил один или несколько неизвестных — и в этом смысле то, что я сказал, правда; и если бы Жасмина не проснулась, не обнаружила, что меня нет и не впала бы в истерику, я, вероят-

но, сейчас был бы уже мертв.

Это была ловко подстроенная ловушка, и я угодил прямо в нее.

— Что вы имеете в виду?

— То, что в этом замешана Леа Дэвис. Она позвонила мне, назначила здесь встречу и ожидала меня, когда я пришел.

— Так вы хотите сказать…

— Уже сказал. А теперь попросите девушку прийти сюда, чтобы она сама все объяснила.

Когда губернатор пошел к телефону, Брон медленно опустил ноги на пол и решил попробовать что будет, если он встанет. Ощущение оказалось не из приятных. Он стоял прислонившись к кушетке, вокруг него медленно вращалась комната, а пол качался, словно палуба корабля. Жасмина прижалась к его ноге и сочувственно застонала.

Через некоторое время, когда мебель перестала двигаться, а дом — вращаться, он проковылял на кухню.

— Не могу ли я вам помочь, сэр? — Спросила автоматическая кухня, когда он вошел — Не закажете ли вы легкий ужин?

— Тогда, только черный кофе — и побольше.

— Сию секунду, сэр. Но специалисты по питанию утверждают, что кофе вредно пить на пустой

желудок. Возможно, сандвич из слегка поджаренных тостов, или котлета-гриль…

— Заткнись! — Его голова снова заныла. — Я очень не люблю ультрасовременные роботизированные кухни, которые слишком много болтают.

Мне больше по душе старые модели, у которых лишь загорается лампочка «Готово» — и это все, что они умеют говорить.

— Ваш кофе, сэр, — сказала кухня явно обиженным тоном. Распахнулась дверца под прилавком и появился дымящийся кофейник. Брон огляделся. — А как насчет чашки? Или мне придется пить из ладони?

— Ах, чашку, ну конечно, сэр. Вы же не сказали, что желаете чашку. — Внутри машины что-то стукнуло, и по наклонной дощечке скатилась щербатая чашка.

«Как раз то, что мне нужно», — подумал Брон. «Темпераментная кухня-робот». Вошла Жасмина, постукивая копытцами по полу. «Надо бы поскорее помириться с кухней, а то как бы мне не влетело от губернатора».

— Раз уж ты упомянула об этом, кухня, — сказал он самым льстивым тоном, какой смог изобразить, то должен сказать, что много слышал о том, как ты замечательно готовишь. Не сделаешь ли

ты мне яйца по-бенедиктински?

— Секундное дело, сэр, — счастливо откликнулась кухня, и всего через несколько секунд появилась дымящаяся тарелка, сложенная салфетка, нож и вилка.

— Чудесно, — сказал Брон, ставя тарелку перед Жасминой. — Никогда не ел ничего вкуснее. — В комнате раздалось громкое чавкание.

— И в самом деле, вы очень быстро едите, сэр, — проворковала кухня, — наслаждайтесь, наслаждайтесь.

Брон взял с собой кофе в соседнюю комнату и снова осторожно уселся на кушетку. Губернатор посмотрел на него, держа в руках телефон и тревожно нахмурился.

— Ее нет дома, — сказал он, — нет ни у друзей ни везде, где я спрашивал. Ближайшие кварталы осмотрел патруль, а я послал общий вызов на все местные телефоны. Никто ее не видел — и следов ее нигде нет. Быть такого не может. Я попробую вызвать станцию на шахте.

Губернатору потребовалось больше часа, чтобы убедиться, что Леа исчезла. Освоенная часть Троубри покрывала небольшую площадь, и любому человеку можно было позвонить. Никто не видел ее и не знал, где она. Она пропала. Брон пред-

видел этот факт задолго до того, как губернатор согласился его признать — и он знал, что следует делать. Он в полудреме развалился на кушетке, положив ноги на теплый бок Жасмины.

Маленькая свинка мгновенно заснула, наслаждаясь заслуженным отдыхом.

— Она пропала, — сказал Хейдин, закончив последний телефонный разговор. Как это могло произойти? Она не могла иметь никакого отношения к тому, что на вас напали.

— Могла — если ее заставили.

— О чем это вы говорите?

— Просто высказываю предположение, но оно имеет смысл. Предположим, что ее брат не погиб…

— Что вы сказали?

— Дайте мне закончить. Допустим, ее брат жив, но в смертельной опасности. И у нее есть шанс спасти его, если она сделает то, что ей приказали — то есть вызвать меня сюда. Не будем плохо о ней думать: вряд ли она знала, что они хотели меня убить. Должно быть, она начала с ними бороться — вот почему ее увезли.

— Что вы еще знаете, Вурбер? — Выкрикнул губернатор. — Расскажите мне все. Я здесь губернатор, и имею право знать.

— И вы узнаете, когда у меня будет что сказать, кроме догадок и предположений. Это нападение и похищение означают, что кому-то очень не по душе мое присутствие, что также означает, что я близок к разгадке. Я собираюсь ускорить события, и посмотрим, удастся ли мне застать этих «привидений» врасплох.

— Так вы думаете, что есть связь между всем этим и Плато Духов.

— Я это знаю. Вот почему я хочу, чтобы утром всем стало известно, что я собираюсь завтра отправиться на свой земельный участок. Сделайте так, чтобы все узнали, где он находится.

— Где?

— На Плато Духов — где же еще?

— Это самоубийство!

— Не совсем. У меня есть кое-какие догадки о том, что там произошло и, как я надеюсь, способы защиты. Кроме того, со мной моя команда, а они уже дважды сегодня себя показали в деле. Я иду на риск, но мне придется рискнуть, иначе вряд ли у нас будет надежда снова увидеть девушку живой.

Хейдин сжал кулаки, положив руки на стол, и задумался. — Я могу запретить это, если захочу — но не стану, если вы сделаете все, что я скажу.

Полная радиосвязь, вооруженная охрана, вертолеты наготове…

— Нет, сэр, большое вам спасибо, но я помню, что случилось с последним отрядом, который пытался пройти на Плато таким образом.

— Тогда я пойду с вами сам. Я отвечаю за девушку. Или вы берете меня с собой, или никуда не пойдете.

Брон улыбнулся. — Вот это другое дело, губернатор Мне не помешает лишняя пара рук, а, возможно и свидетель. Этой ночью на плато будет очень весело. Но только никакого оружия!

— Это самоубийство.

— Вспомните первую экспедицию и делайте все по-моему. Я оставлю здесь большую часть своего снаряжения. Думаю, вы сможете договориться, чтобы его перевезли на склад, пока мы не вернемся. Мне кажется, вы поймете, что всему, что я делаю, есть причина.

Глава 6

Брон ухитрился проспать десять часов, потому что почувствовал, что еще одну ночь без сна он не выдержит. К полудню пришел грузовик, забрал его вещи и уехал, и они отправились в путь.

Губернатор Хейдин оделся, как и полагается в таких случаях, в подходящую одежду из грубой ткани и охотничьи сапоги, и двинулся впереди процессии. Нельзя сказать, что они шли слишком быстро; они подстраивались под скорость самого медленного поросенка, со всех сторон доносилось шумное похрюкивание, а самые шустрые свиньи ухитрялись на ходу перекусить чем-нибудь, растущим на обочине. На этот раз они двигались по тому пути, где прошла первая экспедиция — извилистой тропе, которая медленно взбиралась на плато, большей частью пролегая рядом с большой мутной речкой. Брон указал на нее губернатору.

— Это та река, что течет с плато? — Спросил он.

Хейдин кивнул. — Та самая. Она начинается вон в тех горах впереди.

Брон кивнул, потом побежал на помощь визжавшему поросенку, который ухитрился застрять в расщелине.

* * *

Они разбили лагерь перед закатом — на поляне совсем рядом с той, где встретила свой конец предыдущая экспедиция.

— По-вашему, это хорошая идея? — Спросил

Хейдин.

— Отличная, — ответил Брон. — Самое лучшее место для наших планов.

Он посмотрел на низко висящее над горизонтом солнце.

— Давайте теперь поедим; я хочу, чтобы мы управились со всеми делами до темноты.

Брон установил огромную палатку, в которой ничего не было — если точнее, то лишь два складных стула и аккумуляторный фонарь.

— Вам не кажется, что это чересчур по-спартански? — Спросил Хейдин.

— Не вижу смысла в том, чтобы тащить барахло за сорок пять световых лет лишь для того, чтобы его здесь уничтожили. Со стороны видно, что мы разбили лагерь — а это и есть самое главное. Все необходимое снаряжение здесь. — Он похлопал по небольшому пластиковому мешку, висевшему на плече.

— А теперь давайте пожуем.

Столом послужил пустой ящик из-под свиного корма. Хороший офицер всегда в первую очередь заботится о подчиненных, поэтому животные были уже накормлены.

Брон поставил на стол два саморазогревающихся обеда, пробил в нужных местах дырки и

вручил Хейдину пластиковую вилку.

Было уже почти темно, когда они кончили есть, и Брон высунулся из открытого конца палатки и свистом подозвал Кудряша с Мо. Оба борова примчались на полной скорости и резко затормозили, пропахав борозды в земле.

— Хорошие ребята, — сказал Брон, почесывая щетинистые головы. Свиньи довольно захрюкали и подняли на него глаза. — Знаете, они считают, что я их мать. — Он спокойно ждал, пока Хейдин боролся с выражениями на своем лице, побагровев от подобных усилий. — Это может звучать немного странно, но это правда. Их отделили от остальных поросят сразу после рождения, и я вырастил их сам. Поэтому я «впечатался» как их родитель.

— Их родителями были свиньи. На мой взгляд вы не очень-то похожи на свинью.

— Просто вы не слышали о «запечатлении» или импринтинге. Известно, что если котенок растет вместе со щенками, то он всю жизнь считает себя собакой. Это гораздо больше, чем простая ассоциация, оставшаяся с раннего детства. Здесь действует физический процесс, известный как импринтинг. Он работает так, что первое существо, которое животное видит, впервые открыв

глаза, осознается как родитель. Обычно это и есть родитель — но не всегда.

Котенок думает, что его мать собака. Эти два огромных борова тоже считают, что я их родитель, неважно как бы физически невозможным это казалось для вас. Я тщательно в этом убедился, прежде чем начал их тренировать. Это единственный способ, при помощи которого я могу быть среди них в полной безопасности, потому что какими бы умными они ни были, они продолжают оставаться раздражительными и смертельно опасными животными. Это также означает, что я в безопасности, когда они рядом. Если кто-нибудь станет мне хотя бы угрожать, его разорвут за несколько секунд. Я говорю это для того, что бы вы не пытались сделать никаких глупостей. А теперь не будете ли вы так любезны, и не отдадите ли мне пистолет, который вы обещали не брать?

Рука Хейдина метнулась к карману брюк и тут же замерла, как только два борова повернулись к нему в ответ на это движение. Брон продолжал чесать им головы, и капельки слюны стекали у счастливого Мо с кончиков десятидюймовых клыков.

— Он мне нужен для самозащиты, — запроте-

стовал Хейдин.

— Вы будете в большей безопасности без него. Выньте его, только медленно.

Хейдин осторожно вытащил компактный энергетический пистолет, затем бросил его Брону. Брон поймал оружие и повесил его на крючке возле фонаря.

— Теперь освободите карманы, — сказал он. — Я хочу, чтобы все металлическое осталось на этом ящике.

— Зачем все это?

— Мы поговорим об этом позднее — сейчас у нас мало времени.

Выворачивайте.

Хейдин посмотрел на свиней и начал опустошать карманы, пока Брон занимался тем же. На ящике появилась коллекция монет, ключей, перочинных ножей и мелкого инструмента.

— Жаль, что ничего нельзя сделать с металлическими крючками на ваших сапогах, но не думаю, что они причинят большие неприятности. Сам я надел ботинки с эластичными боками.

Было уже темно, и Брон увел своих подопечных в соседние заросли, рассеяв их под деревьями в доброй сотне метров от просеки. Рядом с ним осталась только умная Квини, тяжело улегшаяся

на землю возле его стула.

— Я требую объяснений, — сказал губернатор.

— Не отвлекайте меня; пока что у меня есть только предположение. Если до утра ничего не случится, то вы получите все разъяснения — вместе с извинением. Разве она не красавица? — Добавил он, кивая на массивную свинью возле ног.

— Боюсь я использовал бы для ее описания другое слово.

— Дело ваше, только не произносите его вслух. Квини довольно хорошо понимает сказанное, и мне не хочется, что бы она обиделась.

Все из-за непонимания, свиней называют грязными только потому, что их заставляют жить в грязи. По природе они очень чистые и разборчивые животные. Они могут быть толстыми. У них есть склонность к неподвижности и тучности — совсем как у людей — поэтому они набирают вес, если хватает еды. И вообще, они гораздо более близки к людям, чем любые другие животные. Они зарабатывают себе язвы и сердечные приступы точно таким же способом, что и мы. Как и у людей, у них не так много волос на теле, и даже зубы у них вроде наших.

Да и темперамент тоже. Сотни лет назад древ-

ний психолог Павлов, который проводил научные эксперименты на собачках, попытался сделать то же самое со свиньями. Но как только он помещал их на операционный стол, они начинали вырываться и визжать со всех сил. Он сказал, что у них «врожденная истерия» и вернулся снова к собачкам. Что показывает, что даже самые умные люди не всегда делают правильные выводы. Свиньи были не истеричными, а всего лишь здравомыслящими, это у собак не хватало соображения. Свиньи реагировали так же, как себя повел бы человек, если бы его попытались связать для быстрой вивисекции… Что там, Квини?

Брон спросил это, потому что Квини внезапно подняла голову, насторожила уши и выразительно хрюкнула.

— Ты что-то слышишь? — спросил Брон. Свинья снова хрюкнула и поднялась на ноги. — Это похоже на шум приближающихся моторов? — Квини очень по-человечески кивнула.

— Скорее в лес — прячьтесь за деревьями, — крикнул Брон, поднимая Хейдина. — И скорее — иначе вы покойник.

Они помчались со всех ног, и были уже среди деревьев, когда до их ушей донесся нарастающий вой. Хейдин раскрыл рот, чтобы что-то спросить,

но Брон ткнул его лицом в листья.

На просеке показался воющий и ревущий предмет, заслоняющий звезды.

Это было что угодно, кроме привидения — но что? Сверху на них посыпались листья и мусор, и Хейдин почувствовал, что что-то дернуло его за ноги с такой силой, что они подскочили. Он снова попытался спросить, но тут Брон свистнул в пластиковый свисток и заорал:

— Кудряш, Мо — в атаку!

В ту же секунду он выхватил из мешка палкообразный предмет и бросил его на просеку.

Он упал, хлопнул и залил все вокруг ослепительным светом.

Темная тень оказалась машиной — что было вполне очевидно: круглая, черная, шумная, не менее трех метров в диаметре, она висела в футе над грунтом, а по ее окружности располагалось несколько дисков. Один из них развернулся в сторону палатки, раздалась серия хлопающих взрывов, и разодранная палатка рухнула на землю. В то же мгновение с противоположного края просеки поднялись атакующие кабаны. Они мчались как боевые машины, с невероятной скоростью, нагнув головы и мелькая ногами. Один из них, на секунду опередив другого, вру-

бился в бок машины, пробив корпус. Раздался металлический лязг и визг поврежденного двигателя, аппарат качнулся, наклонился и едва не перевернулся.

Другой боров, чей ум был так же быстр, как и его рефлексы, мгновенно использовал ситуацию и, с разбегу взвился в воздух, перепрыгнул через

борт в открытую сверху машину. Хейдин был потрясен. Машина уже почти касалась земли, то ли из-за поврежденных двигателей, то ли из-за веса обоих свиней — первое животное вскарабкалось на борт и почти исчезло внутри. Сквозь рев двигателя стали слышны громкие удары и треск рвущегося металла — а также пискливые вопли. Что-то задребезжало и лопнуло, двигатель умолк с затихающим свистом. Когда он почти замер, стало слышно, как приближается вторая машина.

— Еще одна идет! — крикнул Брон, вскочил на ноги и снова свистнул.

Один из боровов выставил голову из обломков машины и спрыгнул на землю.

Второй продолжал шумную работу. Первый рванулся в сторону приближающегося звука и оказался в нужном месте как раз в тот момент, когда машина оказалась на краю просеки. Он тут же бросился в атаку, поддевая ее клыками. Что-то порвалось, и с бока аппарата повис длинный лоскут черного материала. Машина дернулась, и ее водитель, должно быть, увидел обломки первой, потому что резко развернулся и исчез в том направлении, откуда прибыл.

Брон зажег вторую осветительную шашку и

бросил ее туда, где лежала догоравшая первая. Это были двухминутные шашки, а все эти события — от начала до конца — прошли еще за меньшее время. Брон пошел к обломкам машины, Хейдин заторопился следом. Боров спрыгнул на землю и стоял, тяжело дыша, потом вытер клыки о траву.

— Что это? — Спросил Хейдин.

— Аппарат на воздушной подушке — ховеркрафт, — ответил Брон. — Теперь их нелегко встретить, но когда-то их много использовали. Они могут передвигаться над любой открытой местностью или водой, не оставляя следов. Но над лесом или сквозь него они не пройдут.

— Никогда не слыхал ни о чем подобном.

— И не должны были. С тех пор, как широко стали использовать передачу энергии по лучу и емкие аккумуляторы, придумали гораздо лучшие средства передвижения. Но в одно время строились ховеркрафты размером с дом. Эти машины — что-то среднее между наземным и воздушным транспортом. Они летят по воздуху, но опираются на грунт, потому что висят на воздушной струе под днищем.

— Вы знали, что такие машины прилетят, и поэтому спрятали всех в лес?

— Я это подозревал. И у меня были очень веские

причины подозревать их. — Он указал внутрь разбитого аппарата, и Хейдин отпрянул от него в шоке.

— Кажется, я позабыл — думаю, и все остальные тоже, — сказал губернатор. — Я видел инопланетян только на рисунках, поэтому они для меня не очень реальны. Но эти существа… кровь… зеленая кровь. Похоже, они все мертвы. Серая кожа, трубчатые конечности. По тем рисункам, что я видел, возможно это…

— Сулбами. Вы правы. Одна из трех разумных рас инопланетян, которые мы встречали во время расселения по галактике — и единственная, которая обладала межпространственным двигателем до того, как мы появились на сцене. Они уже успели застолбить свой небольшой уголок галактики и совсем не обрадовались нашему появлению. Мы старались держаться от них подальше и пытались их убедить, что у нас нет территориальных устремлений на их планетах. Некоторых людей очень трудно убедить. Некоторых инопланетян — еще труднее. Сулбами из них — самые худшие. Подозрительность у них в крови.

Все указывало на их присутствие здесь, на Троубри, но я не мог быть абсолютно уверен, пока не столкнусь с ними лицом к лицу. Использова-

ние высокочастотного оружия для них типично. Вы знаете, что если частоту звука поднимать все выше и выше, он становится для человека неслышимым — хотя животные продолжают его слышать. Поднимите еще выше, и животные тоже перестанут его слышать — но смогут ощущать его так же, как и мы. Ультразвук может проделать многие странные вещи.

Он ткнул ногой в один из боковых дисков, похожих на микроволновую антенну.

— Это был первый намек. Они поставили в лесу ультразвуковые излучатели, работающие на частоте, которая не слышна, но вызывает у большинства животных чувство страха и напряженности. Вот откуда взялась та призрачная аура, заставлявшая людей почти все время держаться подальше от плато. — Он поднял свистком команду для сбора. — Животные как и люди, тоже бегут от источника излучения, и они использовали это, чтобы согнать в нашу сторону самых опасных местных животных. Когда же это не помогло, и мы вернулись на плато, они применили самое мощное оружие. Посмотрите на свои ботинки — и на этот фонарь.

Хейдин охнул. В его ботинках исчезли колечки для шнурков, а из рваных дырок торчали об-

рывки кожи. Фонарь, как и все металлические предметы погибшей экспедиции, был скручен и исковеркан.

— Магнитострикция, — пояснил Брон. — Они излучали переменное магнитное поле огромной напряженности. Эта технология используется на заводах, для формования металла, и она столь же успешно работает в поле.

После этого дело завершают ультразвуковые излучатели. Даже обычный радар обожжет вас, если стоять с ним рядом, а ультразвук определенной частоты способен мгновенно испарить воду и взорвать органические материалы. Так они расправились с вашими людьми в этом лагере — внезапно налетели и застали их в палатках, набитых снаряжением, которое стало взрываться и ломаться, что помогло выгнать их наружу. А теперь пора идти.

— Не понимаю, что все это значит. Я…

— Потом. Надо поймать того, кто убежал.

На краю просеки, по которой скрылась вторая машина, они подобрали оторванную полосу черного пластика.

— Кусок юбки ховеркрафта, — пояснил Брон. — Она удерживает воздух и создает дополнительную тягу. С его помощью мы их выследим. — Он

протянул кусок Квини, Жасмине и другим свиньям, что толпились вокруг. — Знаете, собаки идут по следу, ощущая рассеянный в воздухе запах, а у свиней нюх такой же, если не лучше. В Англии многие годы использовали охотничьих свиней, и еще их тренировали на поиски трюфелей. Они взяли след!

Похрюкивая и повизгивая, вожаки стада побежали в темноту. Двое людей, спотыкаясь, двинулись за ними, а следом — остальные свиньи. Через несколько метров Хейдину пришлось остановиться и связать ботинки полосками, оторванными от носового платка, иначе он не мог бежать. Он держался за пояс Брона, тот в свою очередь, за толстую щетину на спине Кудряша, и в таком порядке они продирались через лес. Ховеркрафту приходилось двигаться над открытыми местами, в противном случае их безумная гонка оказалась бы невозможной.

Когда впереди стала различаться темная масса гор, Брон свистком дал команду остановиться. — Стоять, — приказал он. — Останетесь с Квини.

Кудряш, Мо и Жасмина — со мной.

Они медленно двигались вперед, пока трава не уступила место россыпи камней у подножия почти вертикальной стены. Слева в узком ущелье

бурлила река.

— Вы же говорили, что эти штуки не летают, — сказал Хейдин.

— Конечно, не летают. Жасмина, след!

Маленькая свинка, подняв голову и принюхиваясь, уверенно пробралась между обломками камней и указала носом на голую поверхность скалы.

— А не может ли здесь оказаться потайной вход? — Спросил Хейдин, ощупывая грубую поверхность скалы.

— Несомненно, может — и у нас нет времени отыскивать к нему ключ.

Идите за ту скалу и ждите там, пока я его не вскрою.

Он вынул из мешка бруски глиноподобной взрывчатки и приклеил их к скале в том месте, куда показала Жасмина. Потом он воткнул в один из брусков взрыватель, дернул зажигательное устройство и побежал. Едва он успел броситься на землю рядом со всеми остальными, как в небо взметнулось пламя и под ними вздрогнула земля; сверху посыпался каменный дождь.

Они побежали вперед сквозь тучу пыли и увидели свет, льющийся из узкого отверстия в скале. Боровы бросились вперед и расширили дыру.

Войдя в нее, они увидели, что к скале приделана металлическая дверь, способная подниматься вверх и открыть доступ к большой полости где они стояли. Брон закусил губу и стал вглядываться в туннель, ведущий в сердцевину скалы.

— Что дальше? — Спросил Хейдин.

— Про это я как раз и думаю. Ночью и на открытом месте я бы рискнул поставить своих свиней против сулбами — или даже людей, если на то пошло.

Но эти туннели для них — смертельная ловушка. Даже их скорость не спасет от огнестрельного оружия. Все же придется рискнуть. Всем прижаться к стене!

Губернатор повиновался достаточно быстро, но потребовалось дергание за хвосты и несколько тщательно нацеленных пинков, чтобы заставить возбужденных боровов подчиниться. Только когда все заняли исходную позицию, Брон включил рубильник на стене входного шлюза туннеля. Большая металлическая дверь медленно двинулась вверх — и тут же сквозь образовавшееся отверстие с шипением пронеслись лазерные лучи.

— Ангар ховеркрафтов, — прошептал Брон. — Похоже, что некоторые их них еще здесь.

Боровам не нужны были приказы. Они ждали, дрожа от сдерживаемой энергии, пока путь не расшириться достаточно, чтобы пропустить их. В то же мгновение две фурии исчезли внутри.

— Не ломать оружие! — Крикнул вслед Брон. Снова бешено заметался лазерный луч, потом погас. Изнутри донесся громкий треск.

— Теперь можно войти, — сказал Брон.

Внутри пещеры с обработанными стенами они обнаружили тело лишь одного сулбами. Скорее всего это был механик, потому что со стоящего рядом ховеркрафта была снята разорванная юбка, а новая стояла рядом для замены.

Брон переступил через труп и поднял лазерное ружье.

— Никогда из такого не стреляли? — Спросил он.

— Нет, но не прочь поучиться.

— В другой раз. Я опытный стрелок именно из такого оружия, и буду счастлив это доказать. Оставайтесь тут.

— Нет.

— Дело ваше. Тогда держитесь за мной, и, может быть, я и вам добуду оружие. Пойдем быстрее, пока мы еще можем извлечь пользу от внезапности.

Осторожно, с двумя боровами по бокам, они зашагали по хорошо освещенной пещере. Неприятности начались после пересечения с другим туннелем. Когда они отошли от перекрестка метров на двадцать, внезапно выскочил сулбами с ружьем наизготовку. Брон выстрелил с бедра, вроде и не целясь, и инопланетянин рухнул на пол туннеля.

— Взять их! — крикнул он, и оба борова метнулись вперед, каждый в свой конец перекрестка туннелей. Брон стрелял поверх их голов, поочередно в каждую сторону, пока воздух не стал потрескивать и светиться от лазерных разрядов. Оба человека побежали вперед, но когда они достигли перекрестка, битва уже закончилась. У Мо был обожжен бок, что не остановило, а лишь еще больше раздразнило его. Сопя, как паровоз, он разваливал сделанную на скорую руку баррикаду из ящиков и мебели.

— Вот ваше ружье, — сказал Брон, протягивая неповрежденный лазер. — Я поставил его на одиночные выстрелы, мощность максимальная. Надо только направить и нажать на спуск. А теперь пошли. Они знают, что мы теперь внутри, но, к счастью, не готовы к битве внутри своего убежища.

Они побежали, рассчитывая на скорость и внезапность, останавливаясь лишь тогда, когда натыкались на сопротивление. Пробегая мимо входа в один из туннелей, они услышали отдаленные крики, и Брон остановился и подозвал остальных.

— Слышите? Там. Похоже на голоса людей.

Металлическая дверь была вделана в скалу, но луч лазера превратил замок в расплавленную лепешку, и Брон толчком распахнул дверь.

— Я уже поверила, что нас никогда не найдут, что мы умрем здесь, — сказала Леа Дэвис. Она вышла из пещеры, опираясь на высокого человека с такими же медного цвета волосами.

— Хью Дэвис? — Спросил Брон.

— Он самый, — ответил тот, — но давайте отложим более тесное знакомство на потом. Когда они затащили меня сюда, я смог увидеть довольно много. Самое главное здесь — центральный контрольный пост. Оттуда управляют всем — даже их электростанция находится рядом. Там же и оборудование для связи.

— Я иду с вами, — сказал Брон. — Если пост будет в наших руках, мы сможем отключить энергию и вынудим их действовать в темноте. Моим боровам это придется по вкусу. Они про-

берутся по туннелям и позаботятся о том, чтобы наши знакомые не скучали до прибытия подкрепления. Оттуда же мы свяжемся с городом.

Хью Дэвис показал на лазерное ружье в руках Хейдина.

— Не одолжите ли вы его мне ненадолго, губернатор? Мне надо вернуть несколько старых долгов.

— Держите. А теперь показывайте дорогу.

Благодаря боровам битва за контрольный пост оказалась недолгой. Почти вся мебель была разломана, но аппаратура вроде бы не пострадала.

— Встаньте пока возле входа, Хью, — сказал Брон, — потому что я умею читать по-сулбамски, а вы, вероятно, нет.

Он пробормотал себе под нос несколько звуков, потом удовлетворенно улыбнулся.

— «Цепи освещения» — подпись может означать только это. — Он ткнул кнопочку, и все светильники погасли.

— Надеюсь, что темно стало везде, а не только здесь, — сказала Леа Дэвис из темноты.

— Конечно, везде, — отозвался Брон. — Так, а включение аварийного освещения для этой комнаты должно быть здесь.

На потолке замигали и зажглись редкие синие

лампы. Леа громко вздохнула.

— Честное слово, я уже стала волноваться, — сказала она.

Оба борова выжидательно смотрели на Брона, их глазки недобро светились.

— Идите, ребята, — разрешил Брон. — Только постарайтесь не пораниться.

— Вряд ли им это грозит, — заметил Хью, когда два больших зверя пулей вылетели в дверь, часто стуча копытами. — Я видел, как они работают, и счастлив, что это не относится ко мне. — Отдаленный треск и вопли подтвердили его слова.

Губернатор Хейдин оглядел ряды контрольных приборов и кнопок:

А теперь, — сказал он, — когда пыл прошел, и непосредственной опасности пока нет, не снизойдет ли кто-нибудь до того, чтобы объяснить мне, что здесь происходит и для чего все это предназначено?

— Шахта, — сказал Хью, указывая на схему тунелей, висящую на дальней стене. — Урановая шахта — секретная, и работающая уже много лет. Не знаю, как они вывозили металл, но здесь они его добывали и частично очищали, используя автоматическое оборудование, а породу мололи в пыль и сбрасывали в реку.

— Я расскажу, что происходило потом, — сказал Брон. — Когда набиралась партия груза, его поднимали на катере в космос и переносили на звездолет. У сулбами есть весьма обширные замыслы насчет расширения своей зоны контроля на большие объемы космоса. Но им не хватает энергетических металлов, а Земля делает все для того, чтобы ситуация не изменилась. Одна из причин, по которой эта планета была заселена, это то, что она находится вблизи сулбамийского сектора, и, хотя нам самим не нужен уран, мы не хотим, чтобы он попал к ним в руки. Патруль и понятия не имел, что они разрабатывают уран на Троубри — хотя знал, что они откуда-то его достают — но такая вероятность была. И когда местный губернатор направил нам запрос о помощи, вероятность этого возросла.

— И все-таки я не понимаю, — сказал Хейдин. — Мы бы засекли любой корабль, садящийся на планету — наш радар работает хорошо.

— Не сомневаюсь, что он прекрасно работает — но у инопланетян был по крайней мере один человеческий сообщник, который обеспечивал тайну таких посадок.

— Человеческий…! — охнул Хейдин. От этой мысли его кулаки сжались. — Это невозможно.

Предатель человечества. Кто бы смог им стать?

— Это же очевидно, — сказал Брон, — после того, как подозрение насчет вас отпало.

— Меня?!

— Вы были под сильным подозрением — потому что ваше положение идеально для этого подходило. Именно поэтому я не был с вами особенно откровенным. Но вы ничего не знали о ховеркрафтах, и вас убило бы при их атаке, если бы я не бросил вас на землю, поэтому я вычеркнул вас из списка подозреваемых. Остался очевидный человек — радиооператор Реймон.

— Верно, — сказала Леа. — Он позволил мне поговорить с Хью по телефону — а потом заставил меня позвонить вам, угрожая тем, что Хью иначе будет убит. Он не сказал зачем ему надо увидеться с вами, я не знала…

— И не могли знать, — улыбнулся ей Брон. — Вряд ли он похож на убийцу, и, должно быть, выполнял инструкции сулбами, чтобы избавиться от меня. Он зарабатывал свои деньги, не видя их корабли на радаре. И обеспечив обрыв радиосвязи с экспедицией Хью в тот момент, когда на них напали сулбами. Вероятно, он записывал нужные сигналы и дал убийцам час или два, чтобы закончить свое дело, прежде чем сообщил, что

связь прервана. Это прибавило таинственности всей трагедии. А теперь, губернатор, я надеюсь, что вы дадите благоприятный отзыв об этой операции С.В.И.Н.

— Наилучший из возможных, — сказал Хейдин. Он посмотрел на Жасмину, которая пробралась к ним в контрольный пост, и теперь разлеглась у его ног, грызя плитку сулбамийского концентрата. — Более того, я почти готов принести клятву не есть свинины до конца моих дней.

Человек из Р.О.Б.О.Т.
Глава 1

Корпус помятого корабля все еще вибрировал от удара при посадке, когда, завизжав, открылся грузовой люк. Из него высунулась стрела крана и стала выбрасывать на запекшуюся землю ящики разной величины, затем из люка вылетел и распластался на ящиках пестрый, в разноцветных заплатах балахон.

Продолжая терпеливо работать, стрела вынесла наружу стулья, чашки, роботов, охладитель воды, ящик для денег, плевательницу и другие разнообразные предметы.

Немного в стороне, в разгар самой лихорадочной работы, из люка, затрещав, упала металлическая лестница, и по ней, уклоняясь от размаха стрелы, вышел человек. Он был одет в клетчатый плащ и поношенный, ярко раскрашенный круглый старомодный шлем, известный под названием «дерби». Не успев сойти на землю, человек уже сильно вспотел. Его звали Генри Уинн, хотя друзья называли Хенк.

Сухая пыль летела из-под ног, когда он утом-

ленно дотащился до длинного ящика и упал на стул рядом с ним. Он щелкнул выключателем, из ящика полилась громкая, с медными звуками музыка. Когда он достал из охладителя бумажный стаканчик с водой, музыка сменилась гремящей записью его голоса:

«Приходите! Приходите купить их, хватайте, пока они горячие, холодные или теплые! Вы никогда в жизни не видели таких машин, домашних приспособлений и роботов, подобных этим. ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ! Пока они не кончились!»

Вся эта деловая активность возле корабля казалась неуместной среди бесплодного ландшафта. Оранжевое солнце палило, низко вися над горами, поднимая жаркое марево. Корабль приземлился в дальнем конце космопорта, состоящего из огромного чистого поля. На другом конце его сквозь струящееся марево виднелась башня и легкое здание порта. Почва была спекшейся, нигде ничего не двигалось.

Генри снял шлем, вытер ладонью пыль и пот, тут же выступивший опять, и подрузил шлем на место. Льющуюся музыку и слова всасывала горячая, нескончаемая тишина.

Illustrated by Peter Skirka

Иллюстрации Peter Skirka

В дальнем конце поля возникло какое-то движение, и, приближаясь к кораблю, стало быстро расти облако пыли. Оно мчалось к кораблю до тех пор, пока сквозь него не стало видно темное пятно. Нарастал звенящий рев. Генри прикрыл глаза, защищая их от пыли. Когда он снова открыл их, то увидел, что темное пятно превратилось в огромного мужчину, слезающего со своего экипажа. Он очень внятно заговорил, в смысле его слов можно было не сомневаться.

— Залезай в свой корабль и убирайся отсюда!

— Был бы счастлив сделать вам это одолжение, — тепло улыбаясь, сказал Генри, — но у меня повреждена дюза.

Наступила напряженная тишина, пока стороны изучали друг друга. Они представляли собою контраст. Мужчина перед трициклом (разновидность мотоцикла с гидростабилизатором и прочными гусеницами вместо колес) был высоким, с обветренным лицом. Он смотрел на Генри из-под широких полей шляпы, держа правую руку на потертой рукоятке пистолета, торчащей из кобуры. Выглядел он весьма эффектно.

Генри Уинн, напротив, выглядел весьма неэффектно. Расплылось в улыбке его широкое лицо

— злые языки часто называли его толстяком. Он все время разваливался там, где все люди садились прямо. И сейчас он был весь в поту. Белокожая рука его сильно дрожала, когда он протянул незнакомцу стакан с холодной водой.

— Хотите пить? — спросил он. — Хорошая ледяная вода. Моя фамилия Уинн, друзья называют меня Хенк. Я убежден, что не задержу вас, шериф, — добавил он, разглядев золотой значок, приколотый к широкой груди собеседника.

— Грузи свой утиль на корабль и убирайся отсюда! Даю тебе две минуты, потом буду стрелять!

— Поверьте мне, я люблю делать одолжения. Но состояние дюзы…

— Прошла одна минута. Выметайся!

— Пощадите меня! Не могу. Вы случайно не знаете, есть ли кто-нибудь в космопорту?

— Выметайся, — повторил шериф, но уже не так напористо. Было видно, что он задумался о поврежденной дюзе и о том, как можно вышвырнуть этот корабль с планеты. Генри воспользовался временным затишьем и нажал коленом на выключатель в задней стенке своего ящика.

— Настоящее старое реттката виски — лучшее в Галактике! — пронзительно заверещал выпрыгнувший из ящика маленький робот.

Казалось, он был сделан из секции трубы, с плоскогубцами вместо челюстей. В клещеобразных манипуляторах он держал янтарную бутылку, протягивая ее шерифу.

Отреагировал тот мгновенно. Выхватил длинноствольный пистолет и выстрелил. Взлетело облако пыли и дыма, раздался громкий треск и бутылка перестала существовать.

— Ты пытался убить меня? — заорал шериф, наводя пистолет на Генри и нажимая спуск. Генри не шелохнулся и продолжал улыбаться. Пистолет щелкнул, потом еще раз, когда шериф вторично нажал на спуск. Не сводя с Генри глаз, шериф сунул пистолет в кобуру, завел двигатель и в туче пыли умчался прочь.

— Что все это значит? — спросил Генри, говоря, казалось, пустоте.

Пустота ответила эхом, но хриплый голос прошептал ему в ухо:

— Тип с огнестрельным оружием намеревался причинить вам вред. Оружие сделано из сплавов, поэтому я выработал узконаправленное магнитное поле огромной напряженности, чтобы внутренние части оружия не двигались и оно не сработало.

— Он посчитает это очень странным.

— Вряд ли. Записи моих измерений показывают, что оружие склонно к неисправности. Эта неисправность называется «осечка».

— Я знаю это, — Генри сделал глоток воды.

— Что вы знаете? — раздался пронзительный голос из-за ящика.

Генри наклонился и увидел мальчишку, стоящего за ящиком. Голова его была ниже ящика.

— Я знаю, что вы — мой первый покупатель на этой далекой планете.

Поэтому вам причитается специальный приз Первого Покупателя.

Он быстро сыграл на установленной перед ним клавиатуре и наверху ящика открылась дверца. Из нее показался робот с трубчатыми конечностями и изверг из себя огромный леденец. Генри протянул его мальчишке, который подозрительно оглядел леденец со всех сторон.

— Что это?

— Разновидность сладостей. Возьми за палочку рукой и засунь в рот.

Мальчишка нерешительно захрустел леденцом.

— Ты знаешь человека, который только что уехал отсюда? — спросил Генри.

— Шериф, — чавкая, ответил мальчишка.

— Это его единственное имя?

— Шериф Мердит. Ребята не любят его.

— Я бы не стал упрекать их за это…

— Что это он ест? — раздался голос.

Генри обернулся и увидел мальчишку постарше, который тоже появился бесшумно.

— Конфету. Ты любишь конфеты? Первая даром.

Подумав несколько секунд, второй мальчишка кивнул. Генри наклонился над выдвижным ящиком, так, что его лицо полностью скрылось, и что-то прошептал. Мальчишки не слышали его, но на корабле слышали очень хорошо.

— Что здесь происходит? Откуда взялись эти мальчишки? Вы что, спите?

— Компьютеры не спят, — ответил голос в ухе. — Мальчики не вооружены и двигались очень тихо и осторожно. С моей точки зрения, они не представляют угрозы. Еще пятеро приближаются к кораблю с разных сторон.

Они подходили к ящику один за другим и каждый получал леденец. Генри нажал кнопку денежного регистратора, звякнул колокольчик, открылся небольшой ящичек и в окошечке появилась надпись: «Не для продажи».

— Конфеты даром, — объяснил он ребятам. —

Не хотите ли чего-нибудь еще? Бегите домой, ломайте свои копилки и получите все. Даже роботов, с памятью, телеуправляемых…

— А ружье? — с надеждой спросил один подросток.

— Робби уже большой, ему скоро может потребоваться ружье, — объяснил мальчишка поменьше, и все закивали.

— Извините, но у меня нет оружия, — сказал Генри, что было абсолютной ложью. — И даже если бы оно у меня было, я не имею права продавать его несовершеннолетним.

— Когда мне понадобится ружье, я возьму его у своего дяди, — с мрачной свирепостью сказал Робби.

Денежный регистратор несколько минут весело звенел, пока мальчишки поняли, сколько привлекательных вещей есть для них у Генри.

— Приятная планетка, — сказал Генри, подталкивая Робби пачку звуковых комиксов.

Раздалось несколько микровзрывов, пока мальчишки листали страницы.

— Неплохая книга, если вам нравятся коровы, — пробормотал Робби, впившись в новый комикс.

— Вашу планету часто посещают другие люди?

— Никто и никогда. У нас на Олгетере не любят чужаков.

— Недавно к вам должны были прилетать. По крайней мере, один человек.

Мне известно, что Галактическая Перепись посещала вашу систему. Руководил экспедицией командор Сергеев.

— Вот он! — донесся с открытой страницы звукокнижки низкий вопль. — Он только что совершил посадку и теперь уходит вправо…

Робби захлопнул книжку и к чему-то прислушался. Потом положил книжку и убежал. Остальные мальчишки тоже исчезли со своими покупками, и через мгновение вокруг было пусто.

Глава 2

— Что это значит? — громко спросил Генри.

— Со стороны космопорта приближается машина, — ответил компьютер. — У мальчиков тонкий слух, они услышали шум мотора.

— Они молоды, поэтому слышат более высокие частоты, — проворчал Генри. — Теперь я тоже слышу. И даже прекрасно вижу пыль — острота зрения у меня единица.

— Я просто констатирую факты, — безжизненным голосом ответил компьютер.

Новый экипаж оказался полугусеничным автомобилем, который оглушительно ревел, приближаясь к кораблю, и затормозил с душераздирающим скрежетом. На Генри вновь налетело облако пыли.

Неужели все здесь передвигаются столь стремительно? — подумал он.

Выпрыгнувший из машины мужчина мог показаться родным братом или близким родственником шерифа. Та же широкополая шляпа, стальной взгляд, дубленая кожа и оружие под рукой.

— Здравствуйте, — сказал Генри, разглядывая черный зрачок дула. — Мое имя Генри Уинн, но друзья называют Хенком? А вас как?

Единственным ответом на дружелюбный вопрос Генри был хмурый взгляд. Генри ответил на него улыбкой и снова попытался завязать разговор.

— Ну, ладно, тогда перейдем к сути дела. Могу я что-то сделать для вас? Не желаете ли купить маленький летающий транзистор, который будет всюду следовать за вами и услаждать вас музыкой день и ночь?

— Для вашего корабля подойдет тридцатисантиметровая труба? — спросил мужчина.

— Конечно, — живо ответил Генри. — Вы не скажете, где я могу достать ее?

— Здесь, — ответил тот, вытаскивая из машины длинную металлическую трубу и подкатывая ее к ящику. — Она стоит 467 кредитов.

Генри кивнул и раскрыл денежный регистратор.

— Могу дать вам 3,25 кредитов наличными, а на остальные выписать чек.

— Только наличными.

— Тогда прошу вас подождать немного, пока я не продам свои превосходные товары, так как в наличии у меня сейчас мало денег.

Глаза мужчины сощурились, палец лег на спусковой крючок пистолета.

— Тогда вот что: давайте меняться. Я обменяю эту трубку на оружие — автоматы, пистолеты…

— Извините, но я не торгую оружием. Однако, у меня есть прекрасные роботы для этих целей.

— Боевые роботы-убийцы?

— Нет, не такие. Но я могу снабдить вас роботами-телохранителями, которые защитят вас от кого угодно. Ну, как?

— Если он работает, то сделка состоится. По-

кажите его.

Генри набрал на панели код. Робот был общего назначения, но теперь его реакции были настроены именно на такую работу. Менее чем через десять секунд на корабле открылся люк, по лестнице стремительно сбежал робот. Оказавшись на земле, он энергично отсалютовал Генри.

— К какому виду роботов ты относишься?

— Я робот-телохранитель. Я всегда должен охранять «его», «ее» или то, что мне поручат.

— Это — «он». Охраняй его, — указал Генри на мужчину.

Робот стремительно обежал своего нового хозяина и, не обнаружив опасности, остановился, настороженно жужжа.

— А как я узнаю, что робот действует?

— Сейчас я продемонстрирую это.

Из выдвижного ящичка Генри достал большой охотничий нож и, крепко сжав его рукоятку, бросился вперед с криком:

— Убью! Убью!

Противодействие последовало от робота раньше, чем мужчина успел выхватить свое оружие. Нож полетел в пыль, а Генри оказался на земле с ногой робота на шее.

— Сделка заключена, — сказал мужчина, засо-

вывая пистолет в кобуру. — Забирайте трубу и улетайте отсюда, иначе не доживете до рассвета.

— Очень приятно, что предупредили меня. Осталась маленькая формальность. Мне нужна ваша фамилия для платежного счета и регистрации продажи робота.

Мужчина выказал все признаки сильного раздражения.

— Для чего вам моя фамилия? — Слова так и брызгали недоверием.

— Все совершенно законно. Без вашей фамилии счет будет недействителен и вы не будете владельцем прекрасного робота. Его могут забрать и подвергнуть вас…

— Сайлас Эндерби, — хрипло прошептал мужчина, с трудом выталкивая слова изо рта. И стремительно укатил вместе с покупкой.

— Странно, бедняга Сайлас вел себя так, словно произнесение имени вслух — табу. Что у них за диковинные обычаи? — Генри задумался и обратился к компьютеру:

— Ты поверил мальчишке, что Сергеева нет на этой планете?

— Очень сомнительно, — ответил тот. — 97,346 шанса из 100 против этого. Командор Галактической Переписи не мог покинуть планету без

своего корабля.

— А корабль похоронен на этом поле. На какой глубине?

— Скрываемый корабль находится в пятнадцати футах от поверхности и на расстоянии ста тридцати футов шести дюймов на северо-восток от вашей правой ноги. Перед посадкой я точно установил его местонахождение и связался с его компьютером. Я подозревал, что нас сразу же атакуют, если мы сядем возле места приземления.

— Правильное решение. Как дела с туннелем?

— Закончен. Буровая машина достигла корабельного люка около 3,36 минуты тому назад. Теперь машина роет второй туннель в вашу сторону.

— Сообщи, когда она закончит. Я искренне надеюсь, что на этот раз ты укрепил стенки туннеля?

Прошла минута, прежде чем компьютер подыскал нужное выражение в бездонных кладовых своей памяти.

— По моему заключению, из-за происшествия на Гальмагене-4, где туннель был меньше, вы наводите панику в негативной и сатирической форме.

Я уже объяснял вам, что это произошло совершенно случайно…

— Я слышал твои объяснения. Я только хочу, чтобы подобное не повторилось.

— Сделано все необходимое, — ответил компьютер, и в тоне его вряд ли можно было заметить какое-либо раздражение.

Генри налил второй бумажный стаканчик воды и постучал по трубе. Та мелодично зазвенела. Роботы могли установить ее за час, но если он возьмет лебедку и постарается установить ее сам, то провозится до темноты. Тем самым, у него появится повод оставаться на планете подольше. Генри сомневался, что успеет завершить работу до утра.

— Туннели закончены, — прошептал в его ухо голос компьютера.

— Хорошо, будь начеку. Я пошел.

На тот случай, если за ним наблюдали, Генри продолжал играть свою роль. Он снова глотнул воды и поставил стаканчик на край ящика. Зевнув, сладко потянулся и демонстративно похлопал себя по губам, широко раскрыв рот. Заканчивая потягиваться, он сшиб стакан на землю. Он наклонился якобы за ним и оказался за ящиком, невидимый для наблюдателей с другой стороны поля. Задняя стенка ящика распахнулась и Генри пролез в отверстие. Почти тотчас же его

фигура возникла за ящиком, но теперь это был человекоподобный робот. Робот держал стакан. Выпрямившись, он сел на стул.

Посторонний наблюдатель несомненно решил бы, что это именно Генри сел на стул и стал терпеливо ждать окончания ремонта.

А Генри в это время уже пробирался по туннелю в двадцати футах под поверхностью планеты.

Глава 3

— Этот туннель выглядит намного лучше предыдущего, — сказал Генри.

— Верно, — ответил компьютер из говорящего устройства небольшого многоцелевого робота, державшего в клешне фонарь. На стенах были нанесены светящиеся стрелки и надписи: «Захороненный корабль». Генри двинулся в указанном направлении.

Конечно, невероятно, что корабельный компьютер мог чувствовать вину, но, возможно, он считал, что раньше уделял этому недостаточно внимания.

Туннель был облицован стальными плитами, сваренными друг с другом. Высота его была достаточна, чтобы Генри мог идти, не сгибаясь. Из

скрытых приемников тихо лилась музыка.

Туннель круто повернул и закончился у главного коридора, идущего от корабля. Робот-сварщик прервал свою работу, чтобы дать Генри пройти, и указал направление.

— Захороненный корабль там, — ровным, монотонным голосом сказал робот.

— Неплохо, неплохо, — заметил Генри, особенно восхитившись фотографией земного леса, покрывавшей одну из стен.

Туннель закончился у металлического бока захороненного корабля, в центре которого виднелся люк шлюзовой камеры. Высокий робот, склонившись над электродрелью, сверлил отверстие в боку.

— Ты, кажется, говорил, что уже давно все сделано.

— Вы забыли спросить о входе, — ответил компьютер через робота-сверлильщика. — Компьютер этого корабля — низкоорганизованная система, не способная рационально мыслить. Он может выдавать навигационные данные, как это запрограммировано, но открыть люк отказался, поскольку нам неизвестна кодовая фраза. Следовательно, необходимо отключить его от управления.

В это время дрель закончила работу. Робот, очистив отверстие, прошел немного вперед и шагнул в сторону. Со стороны корабля Генри по туннелю пробежал крошечный робот. Он был не больше человеческого пальца и из-за многочисленных ног походил на насекомое. За ним тянулся провод и, когда робот вбежал на борт, Генри увидел похожий на драгоценный камень телеобъектив, установленный над злобно выглядевшими челюстями-кусачками робота. Робот двинулся прямо к отверстию, таща за собой провод.

— Для чего он предназначен?

— Для моего прямого управления этим кораблем. Я отключу корабельный компьютер и возьму управление на себя.

Это было очевидно. Через минуту ожили мониторы и люк входного шлюза открылся. Генри двинулся вдоль провода, протянутого роботом, в рубку управления. Воздух на корабле был чистым, не было заметно никаких признаков присутствия человека.

— Что ты обнаружил? — спросил Генри.

Ответил корабль Сергеева, хотя Генри знал, что говорит его собственный корабль:

— Последняя запись в судовом журнале сделана около года назад.

Точнее, 372 дня. Записано: «Совершил посадку в 16.45».

— Не очень-то разговорчив наш командор Сергеев. Должно быть, он приземлился, сделал запись и вышел наружу. Мы можем предположить, что это уже после захоронения корабля.

— В памяти есть еще только серия радиопредупреждений. Они поступили в дела местного робота через три дня после посадки. Мы можем лишь догадываться, что с командиром произошло что-то плохое, чего вполне можно ожидать от этой «мирной» планеты. Имеющие к этому отношение зарыли корабль, чтобы скрыть улики.

— Что будем делать теперь?

— Я предложил бы вам вернуться. К кораблю приближается экипаж.

— Видео!

Загорелся один из навигационных экранов, когда корабль получил сигнал своего адаптера. На экране появилась туча пыли.

— Я не успею вернуться до приближения машины, так что оставь робота на месте, — приказал Генри.

— Он запрограммирован лишь на выполнение несложных движений и слов.

— Переключи его на меня, это же легко.

Компьютер повиновался. Человекоподобный робот сел прямее и хихикнул, когда гусеницы замерли и на землю спрыгнула группа мужчин.

— Что вам угодно, джентльмены? Готов предложить вам свои товары.

Компьютер задержал слова Генри на сто миллисекунд для программирования челюстей робота. Обман, видно, сработал, поскольку мужчины расселись вокруг робота. Одним из них был шериф. Остальные были одеты и вооружены так же, как он.

— Вы тут задавали какие-то вопросы.

— Кто? Я? — переспросил Генри и робот ткнул себя в грудь.

— Да, вы. Вы спрашивали о командоре Сергееве.

Пока шериф произносил эти слова, слева на экране появилась надпись:

«Один мужчина обходит ящик. В руках у него тяжелый предмет».

— Я не упоминал этого имени, — сказал Генри и прикрыл микрофон рукой, — если они хотят убить меня — пусть. Этим мы добьемся большего.

— А мне кажется, вы спрашивали о нем. Я знаю, что вы спрашивали о нем.

«Вам нанесли удар сзади по голове», — появилась надпись и экран показал робота, падающего на ящик.

— О-о-о, — простонал Генри и замолчал.

— Теперь вы отключены, — сообщил компьютер.

— Установи в их машине несколько скрытых датчиков. Настрой их на большой радиус действия.

Олгетерцы двигались быстро. Двое взяли Генри-робота под мышки и швырнули через борт. Третий схватил его за ноги и втащил подальше в кузов.

Шериф уже сидел за рулем, заводя мотор. Как только ноги последнего оторвались от почвы, он послал машину вперед. Прошло всего несколько минут. Олгетерцы действовали быстро.

Еще быстрее действовали роботы. Так что пока мужчины наклонялись к павшему, электронные импульсы открыли корабельное хранилище. Мужчины сгибались под тяжестью ноши, а сотня роботов стремительно исполняла команды.

Большинство работали под землей и были размерами меньше муравья.

Всеми управлял корабельный компьютер. Роботы рекой текли по туннелю и лезли из-под ящика.

Они карабкались на грузовик, разбегались по нему стремительной ордой.

— Показывай мне, что находится перед машиной, — сказал Генри, откидываясь в пилотском кресле и собираясь провести свое похищение как можно комфортабельнее. Экран мигнул и показал клубящуюся пыль.

— Слишком низко. Подними до уровня кабины.

Сцена переместилась. Теперь стали хорошо видны приближающиеся здания космопорта. Они мелькнули мимо, когда грузовик свернул и помчался по колеям грязной дороги.

— Дороги оставляют желать лучшего. Теперь мне понятно, почему все их машины имеют гусеницы. Надеюсь, ты воспользовался преимуществами поездки, сидя в грузовике?

— Да, все сделано. В настоящий момент установлено шесть датчиков и адаптеров, в ближайшее время их число увеличится. Все будет зависеть от продолжительности поездки.

— Длительная поездка на этом жуке? Куда это они направляются? Кажется, в город на той стороне?

— Да.

Дорога еще раз повернула и стала извилистой.

Внезапно впереди сквозь пыль показалось что-то движущееся. Не снижая скорости, шериф свернул с дороги и стал продираться по кустам, объезжая препятствие. Пересеченная местность оказалась ровнее дороги, и скоро впереди показалось стадо сбившихся в кучу животных, которое объезжал шериф. Генри с удивлением разглядывал вращающиеся глаза, вздымающиеся холки и громадные острые рога на голове каждого животного.

— Как называются эти странные звери?

Корабельный компьютер порылся в памяти и через несколько миллисекунд выдал ответ:

— На Земле они относятся к породе «Ves dominus». Эти животные выведены от обычных коротконогих коров в одной из крупнейших стран Земли — Соединенных Штатах, в Техасе, и предназначались для развлечений. Есть данные, что начало таким развлечениям было положено в Испании…

— Должно быть, это было великолепное зрелище, но если ты углубишься в детали, мне станет плохо. Очевидно, эти животные составляют основу экономики Олгетера. Очень интересно. Поставь «жука» на ноги вон тому человеку, сопровождающему стадо.

— Слово стадо означает крупную группу жи-

вотных. Человека при этом следует называть пастухом.

— Будешь ты что-нибудь делать? Почему ты читаешь мне лекции?

— Указанная операция завершена.

Внезапно последовала стрельба, потом сильный взрыв. Экран заполнился клубами пыли и потух.

Глава 4

— Вряд ли ты можешь сообщить мне, что произошло, — сказал Генри, вложив в эти слова весь свой сарказм.

— Буду счастлив информировать вас, — ответил компьютер, игнорируя тон Генри, — что полугусеничная машина сначала вспыхнула, потом подорвалась на мине. Сейчас дам изображение.

На экране возникла картина полнейшей неразберихи. Никто из пассажиров, казалось, серьезно не пострадал, когда машина перевернулась, и все залегли за ней, ведя огонь по людям, сопровождавшим животных. Те покинули своих подопечных и, используя в качестве прикрытия неровности рельефа, палили в грузовик. Трещали выстрелы, ревели животные. Генри-робот лежал

в пыли, съежившись, как выброшенная кукла.

Потом наступило затишье. Возможно, стрелки перезаряжали оружие. Из-за перевернутого грузовика замахали белым флагом. Несколько пуль пробили ткань, прежде чем стрельба прекратилась.

— Бросайте оружие, конокрады! — крикнул один из пастухов. — Иначе мы вздернем вас еще до захода солнца!

— Какие конокрады? — раздраженно взревел шериф. — Я шериф. Ваш шериф, избранный в прошлом месяце. Почему вы обстреляли и взорвали нашу машину?

— Вы пытались украсть наших коров!

— Нужны мне ваши коровы! Мы захватили человека из внешнего мира.

— Покажите его.

Генри увидел робота, поднятого над кузовом грузовика, и задрожал, ожидая, что в него пустят пули. Но ничего подобного не произошло.

— Ладно, можете ехать дальше. Но больше не пытайтесь красть скот, слышите?

— Как мы можем уехать, если вы повредили машину?

После долгих и многословных препирательств обе группы появились из укрытия, не выпуская

из рук оружие, и осмотрели повреждения. Их оказалось немного. Видимо, при постройке машины ее создатели рассчитывали на подобные случаи. Обвязав машину веревками, пастухи дернули ее своими трициклами и поставили на гусеницы. Спутники шерифа снова забрались в кузов и обе группы расстались, обменявшись многочисленными хмурыми взглядами.

— Их нельзя упрекнуть в избытке дружелюбия, — сказал Генри, когда путешествие возобновилось.

Грузовик проезжал мимо загонов для скота, бесчисленных стад коров. Дорога заканчивалась у огромного здания с малым количеством окон. Грузовик затормозил и, когда пыль рассеялась, ехавшие в нем мужчины собрались у запертой двери.

Эта дверь была самой запертой дверью в мире, и Генри посмотрел на нее со страхом. На ней было более дюжины засовов, с них свисали замки всех форм и размеров. Причина создания такой конструкции стала ясна, когда к прибывшим присоединилась еще небольшая группа, вступившая с ними в спор. Они стояли не тесно, а слегка рассредоточились и образовали кольцо, внутри которого оказались прибывшие, удобно

положившие руки на рукоятки оружия.

Соглашение было достигнуто довольно быстро. Генри не следил за разговором, так как компьютер записывал его и, в случае необходимости, всегда мог ознакомить с этой записью. Каждый человек отпер свой замок и все бочком, один за другим, стали протискиваться в дверь.

— Не очень-то они доверчивые люди. Очевидно, у каждого свой ключ и, чтобы отпереть дверь, их надо собрать всех вместе. Что же за секреты таятся за этой дверью?

— После локации здания стало ясно, что в нем находится…

— Довольно, оставь мне маленькую тайну. Твой разум слишком холоден и склонен к вычислениям, компьютер. Ты не пытался эксперимента ради обзавестись предчувствием, яростью, сомнениями?

— Благодарю вас, мне неплохо и без этих эмоций. Машине вполне хватает удовлетворения от приобретения знаний и совершения логических действий.

— Да, могу себе это представить! Но наши друзья ушли. Дверь открыта, они вносят меня в здание. Включи внутренние датчики, чтобы мы могли узнать тайну этого дома.

Оптические датчики, очевидно, были установлены на шляпах людей.

— Бойня, — сказал Генри. — Ну, конечно же!

Это была не просто бойня. После того, как животные попадали из загонов в дальний конец этого здания, все операции производились автоматически. Отсюда животных заставляли двигаться электроуколами к сепаратору. Успокоительные газы, болеутоляющие средства и гипнотические препараты наполняли воздух и счастливые животные радостно шли к своему концу. Мгновенно и безболезненно они превращались в говядину, передвигаемую далее по конвейеру. Некоторые говяжьи туши грузились в герметические корабли-рефрижераторы, другие разрубались и укладывались в холодильник. Все операции производились быстро, полностью автоматически.

За прозрачной стеклянной перегородкой не было видно ни единого человека. Конвейерные линии шли бесконечным потоком с постоянной скоростью и не нуждались в человеческом вмешательстве. Здесь также был центр управления, куда поступали на обработку и хранение все компьютерные данные, именно туда и направились ковбои, неся похищенного. Шериф

открутил большой болт, запирающий металлическую дверь, и Генри-робота внесли в центр. Не все спутники шерифа последовали за ним, так что изображения на экране замелькали, когда компьютер выбирал наилучшую точку для наблюдения.

События развивались быстро. Шериф и все остальные вышли и заперли дверь. Генри-робота оставили внутри.

— Что там происходит? — спросил Генри и получил ответ, не успев закончить вопроса.

Генри-робот сел и открыл глаза. Его взгляд скользнул по кандалам, охватившим его лодыжки, и по цепи, соединявшей кандалы со стеной, к которой она была привернута болтами. Вдоль стены были установлены компьютеры и банки информации, а в дальнем конце помещения имелась дверь, в которой показался человек, протирающий глаза ото сна. Он резко остановился, заметив гостя.

— Наконец-то один! — взревел он, бросаясь вперед. Его пальцы сомкнулись на шее робота. — Выпусти меня или я убью тебя!

Глаза-объективы робота заполнило разгневанное лицо. Развевалась черная борода и блестела лысая голова. Генри дал сигнал компьютеру,

чтобы тот подключил его к роботу.

— Я предполагаю, что вы Сергеев?

— Сейчас я сверну тебе шею, — проворчал Сергеев, сжимая пальцы, хотя руки его уже начали уставать.

— Очень рад с вами встретиться, командор Сергеев. Хотя предпочел бы, чтобы вместо шеи вы пожимали мне руку. Если вы глянете вниз, то заметите, что я такой же пленник, как и вы, так что вам нет никакой нужды душить меня.

Сергеев отпустил шею и отступил. Из комнаты, откуда он появился, за ним тянулась цепь.

— Кто вы такой и что здесь делаете?

— Меня зовут Генри Уинн, для друзей — Хенк. Я бедный торговец хорошими роботами, на которого напали бандитствующие жители этой планеты.

— Я почти готов поверить вам, так как после того, что произошло со мной… Однако, у вас что-то странное с шеей…

По экрану побежала надпись: «Комнаты обысканы, найден только один «жучок». Я отключил его и снабжаю фальшивой информацией из памяти».

— Отлично, — сказал Генри. — На некоторое время мы прикрыты. Поднимите цепи.

Сергеев шагнул назад, потянув робота за руки.

— Теперь нечего опасаться, — продолжал Генри. — Вы командор Сергеев из Галактической Переписи. Последнее сообщение от вас поступило восемь стандартных месяцев назад. Меня послали найти вас.

— Ну, вот вы и нашли меня. Что дальше?

— Не валяйте дурака, командор. Вот мое удостоверение. — Робот открыл рот, извлек оттуда удостоверение и протянул Сергееву.

— Отличный фокус. Оно даже не намокло.

— И не могло намокнуть. Тот, с кем вы сейчас разговариваете, мой дубликат-робот. Сам я нахожусь в космопорте. Если вы взглянете на удостоверение…

— Р.О.Б.О.Т.! Что это значит? Этот глупый большеротый робот дал мне удостоверение и говорит, что он робот?

— Прочтите, пожалуйста, надпись мелким шрифтом.

— Генри Уинн, старший офицер, — медленно прочитал Сергеев и с удивлением огляделся. — Где же ваш батальон? Это что — шутка?

— Это не шутка. Вы ведь, как офицер Галактической Переписи, имеете допуск к классификационным документам?

— Даже если это так, я не стану вам ничего рассказывать.

— И не нужно. Вы должны знать, что Патруль не в силах следить за соблюдением законов во всей сфере влияния человека. Большинство населенных людьми планет достаточно хорошо справляются с этим сами. Но не все. Патруль тоже не всегда может справиться. Следовательно, необходимо создать спецслужбы.

— Да, я слышал о С.В.И.Н. — свиньях межзвездной охраны. У вас тоже свиньи?

— Извините, у меня не свиньи, но думаю, вы убедитесь, что Р.О.Б.О.Т. сделает это не хуже. Я работаю один, но у меня прекрасная аппаратура…

— Инвентаризацию мы произведем позже, а пока что высвободите меня отсюда.

— Скоро, командор, скоро. Но сначала нам надо решить небольшую проблему. Почему вы оказались в тюрьме? Чем здесь занимаетесь? Я могу легко освободить вас отсюда, но это же не изменит общепланетную ситуацию.

— Это необходимо сделать! — Сергеев зашагал взад-вперед по комнате, гремя цепью. — Эта сельскохозяйственная планетка приходит в упадок. Здесь царит извращенный дух пограничной жизни, где каждый человек — индивидуалист

и убивает всякого, кто хоть чуть-чуть коснется его дел.

— Звучит не обнадеживающе, — пробормотал Генри.

— Кто позаботится о них? На Форбунге вряд ли, хотя планета принадлежит к их системе и вначале была их колонией. Вокруг их звезды вращаются четыре планеты.

— Знаю, я посетил их, пока искал вас. На Форбунге мне сказали, что вы отбыли на Олгетер, хотя вас предупреждали, чтобы вы не делали этого.

— Я серьезно отношусь к присяге Переписи, поэтому должен был. После гнета тотальной индустриализации на Форбунге жители, переселившиеся на Олгетер, с удовольствием избрали свой образ жизни. Они полностью порвали связь с внешним миром и создали общество, которое я считаю самым отвратительным за все мое шестимесячное путешествие.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

— Что вам уже известно? — подозрительно спросил Сергеев.

— Только поверхностные факты. Форбунг — высокоиндустриальная планета, и Олгетер играет важную роль в его экономике. Эта планета является идеальным местом для выращивания

крупного рогатого скота и здесь, кажется, ничем другим и не занимаются. Мясо загружают в контейнеры, запускают на орбиту, откуда буксиры доставляют их на Форбунг. Продолжительность перелета контейнеров не играет роли, так как этот процесс непрерывен. На другом конце трассы их подбирают буксиры и притормаживают, так что под рукой всегда имеется постоянный запас мяса.

— Вы знаете об их договоре?

— Да.

— С Олгетера грузят мясо в контейнеры и отправляют на орбиту. Корабли с Форбунга доставляют все товары ширпотреба, необходимые здесь… Их корабли никогда не садятся на Олгетер. На первый взгляд, все кажется полностью согласованным, если не приглядеться к этой планете пристальнее.

— У вас есть основания так говорить?

— Только я, Сергеев, знаю всю правду об этой планете. И она такова, что кровь стынет в жилах. Одно время я, как и вы, смеялся, когда меня предостерегали…

Глава 5

— Можно назвать это… своеобразными родственными аналогиями, — сказал официальный представитель Форбунга, нервно постукивавший пальцами по столу.

— А именно? — спросил Сергеев, стараясь приглушить свой голос.

Открытое позади него окно выходило на космопорт Форбунга. Командор, обернувшись, поглядел на свой корабль, только что заправленный топливом.

Он страстно хотел улететь. Произвести перепись населения здесь было так же легко, как съесть пирожное. Планета была высокоорганизованной, с вычислительными центрами в каждом городе. Сергеев провел здесь несколько дней и убедился, что вся жизнь планеты запечатлена в его записях. Перепись заключается в том, что надо определить плотность населения и численность людей, живущих на планете. Микросекундой позже эти данные были отпечатаны на экране и он получил экземпляр на собственном бланке. Огромное количество цифр. Следующая планета, Олгетер, будет представлять более трудную про-

блему и, следовательно, будет интереснее.

— Мясо, — говорил представитель, — единственный источник белка для нашего населения. Мы понимаем, что на Олгетере развились… как бы это сказать помягче?… экзотические местные обычаи, и здесь мы ничего не можем поделать. Из-за недоброжелательного отношения к чужакам наши люди никогда не посещают эту планету. Так что мы не можем оказать вам помощь в случае каких-либо неприятностей…

— В моей работе всегда встречаются неприятности. Мы не нуждаемся в помощи. Если это все, то я приступаю к выполнению своей задачи. Ни дождь, ни буря, ни ночная темнота не останавливают нас во время подсчетов.

— Ладно, поверю в это. Удачи вам, командор! — Представитель слабо пожал руку Сергеева.

Настроение у Сергеева было бодрое, он радовался отлету. Его высокие сапоги громко стучали по металлической лестнице, когда он поднимался на корабль. Документы отбытия были в порядке, церемонии завершены, он закрыл шлюз и прошел в рубку. Он сел в кресло, пристегнулся. Напряженно хмуря брови, склонился над пультом управления.

«Курс на Олгетер», — выбил он на пульте, до-

ждался сигнала готовности и нажал кнопку СТАРТ. Корабль стартовал. Компьютер занялся пилотированием и прокладыванием курса. Только когда корабль лег на курс к Олгетеру, Сергеев заспешил в игровую комнату, с удовлетворением потирая руки.

Последние несколько дней, занятый активной работой, он не обдумывал второе сражение на Спике-3. Военные рассматривали его, как классическое, в котором денебцы потерпели поражение. Все теории соглашались с этим, а командор Сергеев — нет. Он воспроизводил сражение.

Игровая комната была собственноручно им переоборудованным помещением, связанным с корабельным компьютером. В память компьютера были внесены все великие сражения в прошлом и большинство мелких. Эти сражения могли быть снова проиграны в комнате Сергеева, им самим против компьютера. Интересно то, что ход сражения можно было менять и они всегда заканчивались не так, как в прошлом. За этим занятием Сергеев проводил все дни, отрываясь лишь тогда, когда компьютер доставлял ему еду или выключал свет на ночь.

— Второе сражение на Спике-3! — громко сказал он, входя в комнату.

Воздух потемнел и наполнился символами космических кораблей, висевших неподалеку от раскаленной звезды. Командор уселся за пульт управления и со слабой улыбкой стал отдавать приказы.

Он не мог оторваться от этого даже тогда, когда компьютер напомнил ему, что они достигли орбиты Олгетера. Не получив ответа, компьютер прервал игру. Свет заполнил помещение, зрелище разбитых кораблей исчезло.

Сергеев обалдело заморгал.

— Ты бросил игру именно тогда, когда я начал побеждать!

— Вы уже проигрывали это сражение девятнадцать раз подряд, — терпеливо напомнил компьютер. — Мои анализаторы говорят, что вы проиграли его и на этот раз. Мы на орбите Олгетера.

— Я мог выиграть, — бормотал Сергеев, надевая мундир, расчесывая и смазывая кремом опущенные усы. — Я должен был победить.

Посадка была совершена компьютером с такой же легкостью, как и отлет с Форбунга. На планете находился радиобуй, и по его лучу сели в пыльном, заброшенном космопорту. Командор вызвал по стандартной частоте начальника космопорта

и не получил ответа. Удивленно пожав плечами, он не стал повторять, а начал передавать вызов на других частотах. Но результат был прежним: ответа не было.

— Негостеприимно, — проворчал Сергеев. — Никто не имеет права игнорировать Галактическую Перепись.

Рукавом кителя он отполировал козырек фуражки и надел ее. Удостоверение находилось во внутреннем кармане, а на ремне висело церемониальное оружие. Он был готов. Перепись нельзя игнорировать!

Спускаясь по трапу и уже начиная потеть в своем мундире, он заметил несущееся к кораблю облако пыли. Он не ступил на землю, решив подождать и посмотреть, какой прием его ожидает. Прием оказался совсем не таким, на какой он рассчитывал. Из пыли вынырнула машина, представляющая собой смесь колесного и гусеничного экипажа. Она резко затормозила перед кораблем, пройдя юзом по земле. В кабине находилось двое мужчин. Оба вскочили на ноги и открыли по Сергееву огонь, один из пистолета, другой — из автомата.

У Сергеева сработал старый боевой рефлекс. Пока его ошеломленный мозг посылал проклятия

убийцам, военный опыт бросил его на землю, и он покатился по пыли в сторону. Катясь, он выхватил пистолет — церемониальный или нет, Сергеев всегда чистил и смазывал его. Это было доброе старое оружие, стреляющее разрывными реактивными пулями. Пули выбивали пыль вокруг него и с воем рикошетировали от стального трапа, но не причиняли ему ни малейшего вреда.

Зато первый же его выстрел попал в армированное ветровое стекло автомобиля. Второй выбил автомат из руки нападавшего. Третий уничтожил дверцу автомобиля и ранил одного из бандитов. Четвертый превратил двигатель в кучу металлолома.

Нападающие начали отступать, пошатываясь. Сергеев торопливо стрелял, целясь в землю, пока они не исчезли из поля зрения.

— Все требования должны быть удовлетворены, — пробормотал он, отряхиваясь от пыли. — Галактическая Перепись не терпит такого обращения.

Затем он посмотрел на полугусеничный вездеход и пожалел, что так основательно раздолбал его. Здание космопорта находилось на дальнем конце посадочного поля, на приличном расстоя-

нии от корабля. Пока он раздумывал, что делать дальше, показалось новое облако пыли, и на этот раз командор заранее подготовился к встрече, укрывшись за подбитой лестницей, предполагая снова что-то подобное.

Но прибывший в четырехколесной машине двигался намного медленнее и затормозил на приличном расстоянии от корабля.

— Я один! — крикнул он. — Я не вооружен!

Он замахал в воздухе пустыми руками.

— Подходите медленно, — ответил командор, не спуская глаз с пришельца.

Мужчина действительно оказался один. Он вылез из машины, дрожа от страха и ожидая выстрела. Руки его все время были подняты вверх.

— Я шериф, — сказал он. — Мне надо поговорить с вами.

— Разговор — дело хорошее, а стрельба — нет. — Сергеев вышел из-за укрытия не снимая руки с пистолета.

— Простите, незнакомец, но некоторые наши парни слишком возбуждаются при виде чужих людей и всего такого. Я шериф и официально заявляю вам: добро пожаловать!

— Это уже лучше. Я командор из Галактической Переписи. Прилетел сделать перепись вашей

планеты.

— Не знаю, производилась ли у нас когда-нибудь перепись. Я никогда не слышал о ней.

— Если бы мы поехали в вашу контору, где, я надеюсь, есть кондиционеры, я бы вам все объяснил, — сказал командор, стараясь тоном не выдать своего отвращения. Глупость жителей некоторых отдаленных планет была выше всякого понимания.

— Прекрасная идея, если вы с этим согласны. Мы можем отправиться Поездка оказалась короткой. Машина вроде бы и не набирала скорости.

Она шла вперед, пока не остановилась перед длинным рядом полуразрушенных зданий. Шериф вошел в замусоренный холл и командор последовал за ним.

Когда он переступил порог, шериф обернулся и обхватил его за туловище, прижав руки к бокам.

Гневно взревев, командор Сергеев изо всех сил пнул шерифа по ноге, вырвался из захвата и схватился за оружие. Но на нем уже повисло несколько человек. Они, наверное, притаились в соседней комнате, а один даже выскочил из-под стола. Они набросились на него и повалили на пол, несмотря на его бешеное сопротивление и отчаянную ругань. Оружие у него вырвали, а

самого быстро и крепко связали.

— Что все это значит? — гневно закричал Сергеев. — Вы понимаете, что делаете?

— Мы все понимаем, — сказал шериф, зло сверкая глазами. — Наш последний управляющий заводом умер, а машины не могут сами смотреть за собой. Мы вам дадим хорошую работу.

Глава 6

— Вот и вся моя история, — закончил Сергеев и снова зашагал по комнате. Его цепь звенела и волочилась за ним. — С тех пор я нахожусь здесь, жертва этих туземных кретинов. Я их раб, здешние жители невероятно эгоистичны, крайне недоверчивы и фантастически ленивы. Они пасут стада и враждуют друг с другом — в этом проходит вся жизнь.

— И вы не пытались сопротивляться?

— Конечно, я отказался! — рявкнул Сергеев. — Тогда они перестали меня кормить. Теперь я сотрудничаю с ними. Для меня это слишком примитивная работа, мне остается только протирать шкалы — машины все делают сами. Теперь вы понимаете, что нам с вами нужно как можно скорее покинуть это место.

— Скоро, скоро, — сказал Генри, и компьютер вложил в голос Генри-робота успокаивающие нотки, сопровождаемые теплой улыбкой. — Здесь вы будете в безопасности, и как только я закончу исследования, мы покинем…

— Сейчас же! Немедленно! — закричал Сергеев.

— Вы должны понять, что я тоже, как и вы, несу ответственность за здешних жителей. И вы причините вред только себе. Первое «О» в слове Р.О.Б.О.Т. означает вторжение. Этим мы и займемся. Мы сунули нос туда, куда нам не следовало. С этой планетой что-то не так, и я намерен выяснить, что именно. Вы будете здесь в безопасности, пока я не выполню эту задачу. Это займет несколько дней…

— Вы оставляете меня здесь одного? Вы собака, свинья, дурак…

— Как вы прекрасно ругаетесь на своем родном языке после стольких лет путешествий! Вы не будете одиноким, с вами остается робот. Он связан с моим компьютером. Он может петь вам песни и читать книги. Вы неплохо проведете время, пока я буду занят.

Генри поспешно отключился.

— К кораблю приближаются три экипажа, —

сообщил компьютер.

— Засыпь туннель, ведущий к ящику, погрузи его на борт и закрой люки.

Брось холодильник и все лишнее.

— Я сделаю все, как вы сказали.

Генри торопливо покинул захороненный корабль и задумчиво направился к своему. Он напряженно хмурил брови и не замечал ни приятного прохладного ветерка из вентиляторов, ни приятной музыки, звучавшей как бы издали.

Туннель, ведущий под ящик, был уже засыпан и робот-сварщик как раз устанавливал стальную плиту на бывшее соединение туннелей, когда Генри проходил мимо. В конце туннеля его ждал подъемник, рассчитанный на одного человека, который быстро поднял Генри в рубку управления.

Генри упал в кресло перед пультом и нажал кнопку. Экран перед ним ожил, на нем возникло прекрасное изображение, подаваемое с вершины корабля. Все снаряжение было уже погружено в корабль, люки закрыты.

Через несколько секунд на песке перед кораблем остановились три гусеничных машины. Одна из них аккуратно раздавила холодильник с водой. Из машин выскочили мужчины, засверкали

вспышки, затрещали выстрелы, производимые по кораблю. Иногда до Генри доносился звон, когда пуля попадала в корабль и отскакивала от обшивки. Им понадобится более мощное оружие, если они хотят что-то сделать с кораблем. Несколько мужчин посовещались, сели в машину и умчались.

— Вечно они торопятся, — заметил Генри. — Я думаю, они привезут то, что причинит больше вреда. На этой планете таится что-то нехорошее.

Компьютер не ответил, так как не получил прямого вопроса, но слушал внимательно. Прищурив левый глаз, Генри взглянул на солнце, заходившее за горизонт.

— Я проголодался, — сказал он. — Дай мне пищу для размышлений. Жареное мясо. Немного жареной говядины из Форбунга. Я устал, словно прошел несколько миллионов миль.

— Недожаренное мясо с чесночным соусом, зеленый салат, хлеб и бутылка красного вина, — предложил компьютер.

— Отлично, но исключи чеснок. Он испортит обо мне впечатление, если придется с кем-либо беседовать. И выключи свет.

Небо над горизонтом после захода успело стать из багряного зеленым, когда прибыл ужин. Генри

хорошо подкрепился и выпил, волна удовлетворения, идущая от желудка, захлестнула его мозг.

— Хотя наш друг командор Сергеев пробыл на этой планете около года, я считаю, что он ошибся. Это место приятнее, чем он думает. Ты нашел информацию о его прошлом?

— Да, — ответил компьютер. — До перехода в Галактическую Перепись служил в Патруле командиром крейсера и был отчислен по ранении.

— Прекрасно! Солдаты никогда не проявляли интереса к антропологии и прочим другим «логиям», которые их окружали. Мы должны отказаться от его выводов и провести собственное исследование. В этом обществе имеются некоторые факторы, сбивающие меня с толку. Надо подумать над ними. Что заставляет детей избегать взрослых? Не всех детей — только мальчишек. Нет девчонок и не видно женщин. Почему? И зачем столько замков на бойне?

— У меня не хватает информации для ответа на эти вопросы.

— Ладно, потом, когда станут известны некоторые факты. Посмотрим, что творится у них в домах. Я уверен, что ты записывал всю информацию от робота-телохранителя, врученного Сайласу Эндерби.

— Да.

— Покажи его дом снаружи и изнутри.

На экране замелькало изображение приближающегося дома с глухим фронтоном. Правда, не совсем глухим: хотя там не было окон, но были просверлены узкие отверстия, не похожие на бойницы. Но и бойницы тоже были. Робот обошел вместе со своим покупателем вокруг дома, с задней стороны которого находился вход, защищенный толстой стеной. Сайлас остановился возле двери с массивными заклепками и стальной окантовкой.

— Дай звук, — приказал Генри.

— Дождь поливает сады, — сказал Сайлас.

— В садах вырастает трава, — последовал ответ из-за двери и она стала медленно открываться.

— Пароль и отзыв, — заметил Генри. — Это больше походит на крепость, чем на жилой дом.

Дом и был крепостью. За дверью стояла подставка с оружием, самодельными гранатами и боеприпасами. По мере осмотра дома Генри видел системы обнаружения и оповещения о вторжении воров, запасы пищи, воды, сжиженного кислорода, отравляющие газы в баллонах и электрогенератор.

Более интересными для него были измученная

женщина и две девушки, которых заметил Генри, когда они поспешно закрывали дверь в свою комнату. Они жили в стороне от главных помещений дома и хозяин не разрешал им покидать их комнаты.

— Все больше странностей, — пробормотал Генри. — Это надо исследовать. Как ты думаешь, можешь ты доставить меня в эту комнату, не подняв тревогу?

— Проще простого. Робот может легко отключить сигнализацию.

— Тогда поехали. Подай уницикл и подними аэрокоптер с телеобъективом.

— Вам не нужен боевой робот для охраны?

— Нет, слишком громко он топает своими ногами. Я полагаю, что моя реакция и твои разумные цепи уберегут меня от неприятностей.

Генри встал, одел шлем и вышел.

На корабле был потайной ход через посадочную опору, менее заметный, чем люк. Уницикл уже ждал Генри. Установленный вертикально, он торопливо жужжал. Он представлял собой одноколесный, вернее, одношаровый экипаж, поддерживаемый в вертикальном положении встроенным гирокомпасом. Сфера, на которой он двигался, была из мягкого материала и при

движении раздавался лишь тихий шелест. Позади и впереди Генри несли охрану невидимые летающие роботы-наблюдатели.

— Каковы вести из города? — спросил Генри.

— В настоящий момент уничтожено шесть «клопов» по случайным причинам, девять обнаружено. Под непрерывным наблюдением находится 43 человека. Перед вами большой ров, я бы советовал взять немного правее.

— Потом дашь мне проводника. Пусть проводник показывает самый короткий и безопасный путь до города. Что делает шериф?

Впереди показался тусклый зеленый огонек. Это снизился один из роботов показывать Генри дорогу. Из приемника, укрепленного в ухе Генри, вновь послышался голос компьютера:

— Он ужинает вместе с женщиной, которую называет женой. Какой-то странный у них ужин.

— Что-нибудь экзотическое?

— Я имею в виду манеры поведения за ужином. Все блюда подаются в закрытой посуде. Шериф ставит каждое перед женой и проверяет, не отравлена ли пища. Когда жена отведает ее, то ставит тарелку перед ним и он доедает.

— В этом нет ничего странного. Вспомни дегустаторов на старой Земле.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, — через минуту ответил компьютер. — Он боится быть отравленным, поэтому ест пищу только после того, как кто-нибудь попробует ее. Пожалуйста, снизьте скорость и приготовьтесь повернуть налево. Я проведу вас по тихим улицам к дому, который вы желаете посетить… СТОП!

Уницикл задрожал и остановился, удерживаемый вертикально, когда Генри нажал на тормоз.

— Почему ты остановил меня? — прошептал он.

— За углом вон того дома три человека. Очевидно, они скрываются и следят за кораблем. Это женщина и двое детей. Мальчик по имени Робби, с которым вы уже встречались сегодня утром, и девочка того же возраста.

— У них не видно оружия? Помнится, Робби интересовался им.

— Детекторы не обнаружили никакого оружия.

— Отлично. Подключи меня к одному из охраны и приблизь меня к ним.

— Готово. Он парит над ними.

— Здравствуйте! Говорит Генри Уинн. Вы хотите меня видеть? — спросил Генри через робота. В ответ послышалось удивленное бормотание

и приглушенные вскрики, потом раздался женский голос:

— Где вы? Я не вижу вас.

— Да, пожалуй, это важно. — Даже через микрофон он ощутил напряженность ее голоса. — Сейчас я появлюсь.

Они ждали его, стоя в тени, прижавшись друг к другу. Мальчик стоял впереди, прикрывая женщин.

— Это не моя идея, — сказал он, шагнув вперед со сжатыми кулаками. — Мне все это не очень нравится. Но моя мать сказала, что пойдет сама, и я пошел с ней. Знаете, я не спускаю с нее глаз.

— Замечательно и очень правильно. Рад встретиться с вами, мадам. — Генри слегка приподнял шлем, как опытный придворный кавалер.

— Вы должны помочь мне, — нервно заговорила женщина. — Когда покинете эту планету, возьмите с собой на Форбунг детей. Там их ждут.

— Я не хочу уезжать, — твердо сказал мальчик. — Но Китти должна уехать, это верно.

Взошла луна Олгетера и робко осветила узкие улицы. Китти была похожа на своего брата, возможно, на год-два старше его — ей было около пятнадцати. Она походила на мать, красивую женщину с матовой кожей и длинными черными

волосами.

— А что ты скажешь, Китти? — спросил Генри.

— Это так далеко, — ответила девочка. — Я знаю, что больше не вернусь сюда. Я не хочу покидать мать, но… в то же время… Я знаю, что она права… — В голосе девочки зазвучали слезы. Ее мать подошла поближе и взглянула на Генри.

— Вы из внешнего мира, поэтому я могу сказать вам: вы никогда не поймете и не поверите, до чего тяжело быть женщиной на этой планете. Моя дочь должна избежать этой участи. Я тайно связалась с властями на Форбунге. Они сказали, что на этой планете надо создавать школы для обучения местных жителей на пилотов звездных кораблей. Это была прекрасная идея. Вы заберете детей? — В голосе женщины прозвучала откровенная мольба.

— Это можно сделать, хотя я тоже лечу не один. И есть осложнение…

— Скрывайтесь! — спустившись, предупредил робот. — Сюда приближаются машины, с них стреляют.

Глава 7

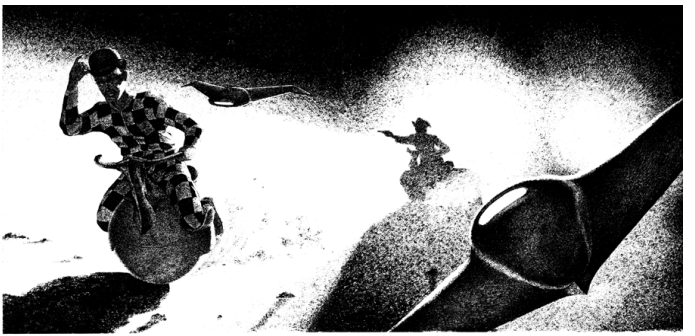
Женщина с детьми нырнула в убежище. Генри протащил уницикл за ними, услышав треск первого выстрела. Низко пригнувшись, он следил за двумя приближающимися гусеничными машинами. Их фары качались и беспорядочно бросали свет, двигатели ревели. Водители, очевидно, управляли ими одной рукой, а другой стреляли, что не помогало ни движению, ни меткость стрельбы: пули с визгом рикошетировали от стен над головой Генри, когда машины промчались мимо и скрылись за поворотом. Шум постепенно стих.

Генри поднялся и, осмотревшись, обнаружил, что остался один. СПИЕС кружил неподалеку.

— Они вернулись домой, — сообщил он. — Могу провести вас в здание, если хотите.

— Потом. Сейчас у меня более неотложное дело. Нужно взять интервью у олгетерца в его собственном доме и получить ответы на вопросы. Подмигивай мне фонариком, указывая направление.

СПИЕС полетел вперед. Генри поднял уницикл и последовал за ним.



— Следующий дом на правой стороне, — прошептал в его ухе компьютер.

— Я узнал его. Как попасть внутрь?

— Робот отключил сигнализацию и подключился к радиореле замка внешней двери. Когда вы подойдете к ней, он отопрет.

— Присматривай за велосипедом, — сказал Генри, останавливаясь на темном углу и выключая мотор. — Я не знаю, сколько времени пробуду там.

Он подошел к бесшумно открывшейся двери,

скользнул в нее, и дверь захлопнулась, словно поймав его в ловушку. Он очутился в замкнутом пространстве — узком коридорчике не шире плеч. Коридорчик был тускло освещен электрической лампочкой в каркасе из металлических прутьев.

Генри торопливо проскользнул к вешалке рядом с дверью, где были оружие и амуниция — оружие очень эффективное.

Дом походил на крепость. Но почему? У Генри было ощущение, что, если он ответит на этот вопрос, то разрешит все остальные загадки планеты.

Главный коридор выглядел достаточно обычным по любым стандартам, не считая незапертого ящика с газовыми гранатами, привлекательными кинжалами для рукопашного боя и дубинками, усеянными гвоздями. Но было на общем тускло-коричневом фоне несколько цветных пятен — ковер, прикрепленный к полу крючками, и картины в рамках, висевшие на стене. Генри рассматривал одну из них, изображавшую тропический остров в голубом море, вырезанную из журнала, когда в дверь в дальнем конце холла проскользнул робот-телохранитель и бесшумно приблизился к Генри.

— Докладывай, — приказал Генри.

— Сайлас Эндерби заканчивает ужин, миссис Эндерби обслуживает его, дети смотрят по видео космическую оперу.

— Прекрасно. Устрой мне встречу с твоим хозяином.

Робот распахнул дверь и отошел в сторону, чтобы Генри мог пройти.

Генри вошел в комнату, приподнял шлем и, широко улыбаясь, изо всех сил постарался убедить своим видом чету Эндерби в лучших дружеских намерениях.

— Добрый вечер, сэр и мадам. Я искренне надеюсь, что вы хорошо поужинали.

Миссис Эндерби пронзительно завизжала — нечто среднее между воплем кошки, которой наступили на хвост, и визгом свиньи, получившей пинок, — швырнула блюдо, которое наполняла, прикрыла лицо передником и с рыданиями кинулась из комнаты. Ее муж реагировал менее восторженно. Он застыл, не донеся кусок до рта, выпучив глаза, словно в шоке. Когда Генри шагнул вперед, Эндерби затрясся, как паралитик, и зацарапал ногтями по кобуре, пытаясь достать пистолет. Но рычаг кобуры запутался в скатерти, и он поволок всю еду на пол, пока, наконец, смог

открыть кобуру.

Генри с сожалением покачал головой, протянул руку и забрал оружие из вялой ладони хозяина дома.

— Как… — прохрипел Сайлас, — как вы… попали сюда?

— Очень просто. Позвонил в дверь и ваш робот-телохранитель впустил меня.

— Предатель! — сквозь сжатые зубы выдавил Сайлас. Он выхватил откуда-то маленький пистолет и два раза успел выстрелить в робота, прежде чем Генри отобрал у него и это оружие. Пули отскочили от стального корпуса робота и застряли в стене.

— Еще никто… никто в этом доме, — пробормотал Сайлас и застыл в кресле, уставившись остекленевшими глазами в пространство.

— Мы ни секунды не сомневались в этом, — сказал Генри, роясь в кармане куртки. — Я воспитывался в приличном месте и, по моим стандартам, степень вашего гостеприимства оставляет желать лучшего. Но, обратите внимание, я не жалуюсь. Живи и давай жить другим — вот мой девиз. Я побывал на многих планетах и многие из них драчливее вашей, хотя и ваша доставляет много хлопот. Я, конечно, не собира-

юсь оскорблять вас… — Генри, наконец, нащупал бланки контрактов и положил на стол перед собой. — Если вы подпишитесь вот здесь, мистер, я не задержу вас больше ни на секунду. Без вашей подписи ваша покупка недействительна, а мы оба заинтересованы в законности сделки.

Продолжая находиться в шоковом состоянии, Сайлас нацарапал свою подпись и упал обратно в кресло.

— Убейте меня, — громко прошептал он. — Я знаю, вы пришли убить меня. Сделайте это поскорее, чтобы я не мучился.

— Ничего подобного, — Генри похлопал дрожащего мужчину по плечу, тот застонал и чуть не свалился на пол. — Это не мое дело. Я торговец, а не полицейский. Мне будет очень неприятно, если вы умрете.

— Вы не убьете меня? — изумленно спросил Сайлас, выпрямляясь в кресле.

— Никогда не был столь далек от этой мысли, как сейчас. Я могу продать вам еще одного робота, если хотите.

— Предатель, — завопил Сайлас, с ненавистью глядя на неподвижного робота.

— Он только выполнял свой долг, — сказал Генри, подвигая себе стул и садясь. — Не беспо-

койтесь об этом роботе. Он будет охранять вас, пока не кончится смазка. Не забывайте, что эта машина запрограммирована всегда быть на вашей стороне. Многим людям нельзя доверять, в отличие от машин.

— Никому нельзя доверять, — хозяин отодвинул свое кресло подальше от Генри и с вожделением уставился на коллекцию топоров, развешанную на стене.

— Могу в это поверить, — сказал Генри, засовывая бланки в карман и не спуская с Сайласа глаз. — Но меня интересует, почему вы так считаете.

— Они хотят убить меня, — сказал Сайлас, разглядывая один предмет в комнате за другим, за исключением своей руки, медленно ползущей к фруктовой вазе, наполненной ручными гранатами.

— Несомненно, они хотят убить вас и всех остальных. Но меня интересует, из-за чего? Что вызывает эту поголовную подозрительность и ненависть ко всем? Должна же быть какая-то причина.

— Умри, убийца! — закричал Сайлас, сунув руку в вазу. Когда он взмахнул гранатой, Генри пнул ногой робота.

— Очень опасно, хозяин, — сказал робот, протягивая руку и осторожно вынимая гранату из сжатых пальцев Сайласа. Он положил гранату в вазу, а ее отодвинул подальше. — Я охраняю вашу жизнь, сэр. Если граната взорвется в маленькой комнате, вы, несомненно, тоже пострадаете.

Сайлас задрожал, отшатнулся от робота и принялся яростно грызть ногти. Генри притворился, что не обратил внимания на этот инцидент.

— Меня удивляет, почему жители вашей планеты так подозрительны. Что послужило толчком для этого? Чего вы боитесь?

— Дикарей. Они хотят убить нас всех. Дикари только и ждут удобного случая.

— Дикари? — У Генри едва не стали торчком уши, как у собаки, от такой неожиданной информации. — Кто они?

— Дикари живут рядом, за холмами. Прячутся, нападают на наши стада и убивают всех, кто попадется. Их много. — Сайлас усиленно замотал головой, подчеркивая серьезность своих слов.

— Значит, дикари, — поддержал его энтузиазм Генри. — Они очень дико кричат, они, должно быть, причина всех беспокойств. Хорошо, теперь мне все ясно. Благодарю вас за гостеприимство. Не нужно провожать меня, я знаю дорогу.

Но Сайлас был уже на ногах, восстанавливая спокойствие и ход мыслей.

Всю дорогу он пятился, провожая Генри в холл и, прежде чем закрыть дверь, осмотрел окрестности в перископ.

— А теперь убирайтесь побыстрее и никогда не возвращайтесь сюда.

— Было очень приятно познакомиться с вами, — сказал Генри, обращаясь к захлопнувшейся двери. Он шагнул на улицу и в этот миг мир взорвался шумом и грохотом.

Генри метнулся назад, ища место, где можно укрыться. Стена здания напротив опрокинулась с чудовищным грохотом и прямо на Генри, громко завывая мотором, помчалась полугусеничная машина. Свет ее фар пришпилил Генри к стене, как насекомое. Со всех сторон гремели выстрелы, пули вонзались в стену рядом с головой Генри.

Глава 8

Внезапно фары погасли и машина помчалась прочь. Генри отшатнулся, когда она проносилась мимо стены, у которой он укрылся.

Стрельба продолжалась. Собралось уже несколько машин и выстрелы звучали, как рас-

каты грома. Из дома Сайласа, по которому велся огонь, началась ответная стрельба, на дороге что-то взорвалось с ошеломляющим треском и яркой вспышкой. Дверь дома Сайласа была, несомненно, заперта, так что Генри побежал к своему уницикл у и прыгнул в седло. Перед посещением Сайласа он выключил двигатель и остановил гироскоп. Уницикл медленно двинулся вперед, испустив дребезжащий стон, виляя и кренясь, как брыкающаяся лошадь. Генри крепко держался за руль, направляя шатающуюся машину по улице, уходя от разгорающегося за спиной сражения. Когда гироскоп набрал обороты, уницикл выпрямился и пошел устойчивее.

— Скорость еще недостаточна! — прокричал Генри, придерживая шлем. — О всевидящий бог роботов, может, ты объяснишь мне, что все это значит? Нападение застало нас врасплох, не так ли?

— Приношу вам свои извинения, но невозможно все знать, — ответил компьютер.

— Ты всегда утверждал, что способен на это.

— Пришлось бы обследовать каждый дом. Они, очевидно, держали двери под наблюдением — неизвестный человек или люди в здании напротив. План нападавших заключался в том,

чтобы силой ворваться в дом, когда откроется дверь. И когда это началось, вы случайно попали в самую середку.

— Нападающие ворвались в дом?

— Нет. Я приказал СПИЕСАМ разбить фары и атакующие не попали в кромешной темноте по двери. В сражение оказались вовлечены другие машины и я с сожалением должен сообщить, что одна из них преследует вас.

— Удивительно, что тебе удалось заметить это, — проворчал Генри, до отказа поворачивая регулятор скорости, стараясь догнать свою тень, вытягивавшуюся в приближающемся свете фар машины преследователей. — Ты можешь разбить их фонари?

— У меня поблизости от вас только два СПИЕСа и один мне нужен для поддержания связи. — Свет исчез, как только эти слова прозвучали в ушах Генри. — Один израсходован. Советую вам повернуть как можно скорее, так как вторая машина намеревается перерезать вам путь. Я подслушал их радиопередатчик.

— Заглуши их!

— Уже сделано, но вторая группа знает о вашем местонахождении и направляется к вам. — Советую вам повернуть направо… — Генри повернул

руль. — Нет, не туда!

Впереди возникла стена, завизжали тормоза. Генри вылетел из седла, а уницикл врезался в кирпичи. Генри поднялся, испытывая головокружение, весь в синяках, придерживаясь за стену, а в ушах продолжали звучать последние слова компьютера:

— …не туда, это тупик! Следующий поворот!

— Ты немножко запоздал с этой информацией, — через ноющие зубы процедил Генри, ощупывая себя и сдвигая сбившийся на глаза шлем. — Какие у тебя еще есть бесценные предложения о том, как мне выбраться отсюда?

Он мрачно наблюдал, как тормозит полугусеничная машина, блокируя выход из проулка, как с нее спрыгивают двое мужчин и бросаются к нему.

— Вы можете уйти отсюда, — прошептал компьютер, — если последуете за мной.

Впереди что-то взорвалось, проулок наполнился густым дымом.

— Мне очень нравится твое предложение, если я смогу что-либо разглядеть, — сказал Генри и закашлялся, вдохнув клубы дыма. Что-то слегка толкнуло его в плечо.

— Держитесь за СПИЕС.

Генри положил руку на дрожащий стабилизатор СПИЕСа и, спотыкаясь, двинулся за ним через дым. Позади он услышал шарканье ног, что-то с металлическим звоном упало на остатки его уницикла, раздался громкий взрыв, свист пуль и жалобы на то, что ничего не видно. Что-то металлическое промелькнуло перед его лицом, и он отскочил в сторону.

— Это лестница, — сообщил компьютер.

— Ну и что?

— Если вы зайдете на нее, вас поднимут на катер, висящий над вами. Я полагаю, вы хотите вернуться на корабль?

— Ты ошибаешься, — сказал Генри, поднимаясь по лестнице. — Вверх, вверх, прочь отсюда. Направляйся к холмам. Я хочу встретиться с дикарями, о которых говорил Сайлас.

Лестница задрожала под его весом, затем легко пошла вверх. Через секунду Генри повис над клубящейся тучей дыма, из которой доносился треск выстрелов. Отдельные, напоминающие крепости городские дома рассеялись внизу, а вдали на горизонте высилась темная громада гор. Черный диск воздушного подъемного крана заслонял звезды. Паукообразный робот спустился по лестнице, зацепившись клешней за плечо

Генри, и сказал ему на ухо:

— Нынче ночью уже мало что можно сделать. Я советую вам вернуться на корабль, а утром…

— Тихо, ты, наседка слабоумных компьютеров. Я сказал, лететь к холмам и только туда. Снабди меня спальником, я посплю под звездами. А пока буду спать, пошли СПИЕСов сфотографировать холмы в инфракрасных лучах, чтобы утром мне было легче отыскать дикарей. Понятно?

Прошло несколько секунд, прежде чем прозвучал ответ, что означало одно из двух: либо компьютер задумался, либо обиделся.

— Я сделаю все, как вы сказали. Вы собираетесь путешествовать на этой лестнице?

— Да. Ночью освежающе прохладно после дневной жары. Поехали.

Темный ландшафт тихо поплыл внизу, среди бесцветной травянистой равнины встречались холмы. Они были покрыты смешанными лесами и лугами, среди которых поблескивали озера. Когда машина приблизилась к отвесным утесам горной цепи, кран медленно затормозил и стал снижаться. На скалистой вершине одной из гор оказалась травяная лужайка, окруженная со всех сторон отвесными обрывами.

— Это место неприступно, — сказал механиче-

ский паук, — и невидимо с подножия. Я надеюсь, вам здесь будет удобно.

— Гм… — Генри зевнул. — Я чувствую, мне надо поспать.

Сверху лился рассеянный свет. Генри спустился и увидел, что компьютер занят работой. Генри вновь спросил о мешке и компьютер задал множество туманных вопросов. На траве была установлена пирамидальная палатка, украшенная цветными флагами. Внутри горел свет, золотистыми бликами сверкала медная кровать с чеканными линиями. Возле кровати под балдахином стояли стол и легкое кресло. Когда ноги Генри коснулись земли, из парящего над столом СПИЕСа сверкнули огоньки и зажгли свечи. Они осветили соблазнительные блюда с икрой, ломтиками хлеба, свежим луком и сваренными вкрутую яйцами. Паукообразный робот спрыгнул с плеча Генри и понесся к ведерку с шампанским, вскарабкался на него и схватил бутылку за горлышко.

— Закусите слегка перед сном, — сказал робот, скрежеща стальными клешнями по пробке.

Раздался хлопок, пробка вылетела, шампанское зашипело. Генри опустился в кресло и взял бокал.

— Большое спасибо, — сказал он, потягивая шампанское маленькими глоточками. — За ваше сочувствие и советы, но я должен сегодня вечером поработать сверхурочно. — Он взял из клешней робота бутерброд с икрой и принялся жевать. — Мне необходимо найти причину всего этого… М-м, всегда любил пикники на природе!

Поужинав, он добрался, спотыкаясь, до кровати и погрузился в такой глубокий сон, что лишь сдвоенный стук по медному тазу, в который на рассвете забарабанил робот-парикмахер, разбудил его.

Робот-парикмахер вытащил таз из своей грудной клетки и наполнил его из втулки на конце пальца теплой водой.

— Я обнаружил за ночь несколько источников тепла, которые оказались гигантскими животными, коих нельзя отнести к «дикарям». Эти животные робкие и травоядные, при малейшей опасности спасаются бегством, полагаясь на быстроту своих ног. Тем не менее, в ближайших окрестностях мне удалось обнаружить пять туземцев, имеющих приличное оружие, которые подходят под определение «дикари», что я получил.

— Местные гуманоиды? — спросил Генри, спо-

лоснув лицо и набрав в ладони жидкого мыла из другого пальца робота.

— Очень сомнительно. Фотометрические исследования планеты показали семьдесят точек, где живут люди. Можно предположить, что «дикари» — это обычные люди, живущие по неизвестным причинам в примитивных условиях. — Робот стал умывать Генри.

— Все неизвестное интересно, — пробурчал Генри сквозь зубную пасту. — Сразу же после завтрака мне нужно будет взглянуть поближе на этих отщепенцев.

Чашка исходящего паром черного кофе скользнула в его руку. Испытывая пренебрежение к обнаруженным людям, Генри допил ее и сел за стол. Плотно закусив поджаренной колбасой с рисовой кашей, он взял вторую чашку кофе и стал прогуливаться по краю утеса, наслаждаясь приятным видом холмов, выплывающих из тумана. Когда все снаряжение было упаковано, позади Генри раздался топот ног робота.

— Я готов, — сказал Генри, нажал кнопку «дезинтеграция» на чашке и швырнул ее вниз с утеса. Не пролетев и десяти футов, чашка превратилась в тончайшее облако пыли. — Как мы вступим в контакт с объектом?

— Кран доставит вас на место поблизости от объекта, — сказал паукообразный робот, спуская лестницу. Генри поднялся по ней. — Я буду вашим проводником весь остаток пути.

Глава 9

Поездка оказалась недолгой. Лестница исчезла в брюхе крана, Генри с роботом остались на гребне горы, от подножия которой уходила долина, ведущая к равнине.

— Мы на месте, — сказал паук. Он спрыгнул на землю, Генри последовал за ним.

— На этом гребне я бы посоветовал двигаться помедленнее.

— Я бы посоветовал тебе замолчать. Показывай дорогу и предоставь мне беспокоиться о том, как подкрасться к добыче.

Они продолжали путь в молчании, пробираясь по высокой траве под низко нависающими ветвями деревьев. Паук молча проскользнул между двумя каменными глыбами на краю крутого склона и указал клешней вниз. Генри снял шлем, лег в траву и заглянул за край обрыва. Пред ним предстало великолепное зрелище.

Он увидел обугленный и полуобглоданный

коровий бок, лежавший в остывшей золе костра прямо перед ним. Рядом с мясом, наполовину в золе, наполовину на траве, растянулся необычный представитель человеческой расы.

Его одежда, если можно назвать ее так, состояла из плохо выделанных шкур, скрепленных полосками кожи. У него были длинные, связанные узлом волосы и длинная спутанная борода. Шкуры и их владелец были щедро вываляны в золе.

Из-под шкур виднелся чудовищный переполненный живот, похожий на перезрелую дыню. Очевидно, он устроил пир и набил живот жареным мясом. Человека что-то беспокоило, несомненно, пищеварение, он стонал и катался по земле, не открывая глаз. Его рука, лежащая в золе, скребла землю, как огромное насекомое, и отщипывала кусочки от туши. Все это сопровождалось жеванием, глотанием и отрыгиванием — пиршество не прекращалось даже во сне.

— Очень приятное зрелище, — сказал Генри. — Оно на неделю отобьет мне аппетит. Пойдем посмотрим, что скажет нам этот Розебоунд.

Паук спрыгнул с его плеча, когда Генри заскользил вниз по склону.

Дикарь внезапно проснулся, что потребовало от него значительных усилий, и удивленно уста-

вился на Генри.

— Очень рад встретиться с вами, сэр, и рад видеть, что вы хорошо позавтракали, — любезно сказал Генри. — Позвольте представиться…

— Убью! Убью! — заорал дикарь, хватаясь за каменный молоток, лежавший возле него, и швыряя его в Генри удивительно быстрым движением. Молоток полетел прямо в лоб Генри. У того не оставалось времени уклониться.

Паук-робот изогнулся и метнулся навстречу молотку. Они столкнулись в воздухе и упали на землю. Паук хрустнул и затих.

— Заверяю вас, сэр, в самых дружеских чувствах…

— Убью! — снова забубнил дикарь и так же быстро метнул в Генри увесистый камень. Генри был уже настороже и легко уклонился от него.

— Давайте обсудим, как люди, некоторые…

— Убью! — заскрежетал зубами дикарь и кинулся в атаку, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами. Генри не шевельнулся. Когда дикарь очутился возле него, Генри рубанул его ребром ладони по шее, отступил в сторону, и дикарь рухнул на землю.

— Уверяю вас, мы вполне можем добиться взаимопонимания, — сказал Генри, вытирая

сальную руку о траву. У его уха зажужжало какое-то насекомое, он отмахнулся и тут же услышал тоненький голосок:

— Докладываю: по ущелью сюда направляется второй дикарь. Кажется, вооружен.

— Слабое утешение.

Раздался топот и перед ним появился другой дикарь. Он был так же грязен, как и первый, носил такие же засаленные шкуры, но на этом сходство заканчивалось. Во-первых, он был намного старше, с седыми волосами и бородой. Во-вторых, на шее у него болтался какой-то отрывок, настолько запачканный, что трудно было узнать в нем галстук. На носу восседали остатки очков. Одного стекла не хватало, а второе было так испещрено трещинами, что вряд ли можно было что-либо разглядеть через него. Мужчина остановился, склонив голову набок и, часто моргая, стал рассматривать Генри через треснувшее стекло. Потом закудахтал:

— Ну, ну… Что вы тут делаете?

Шаркая ногами, он стал медленно подходить к Генри.

— Вот такой разговор мне больше по душе. Очень приятно встретиться с вами…

— Приятно? Не пользуйтесь этим словом

слишком часто, — сказал старик и присел возле обугленной туши. — Речь — точный инструмент, слова имеют цену. Например, имя… — Говоря все это успокаивающим голосом, старик незаметно погрузил пальцы в мясо и стал засовывать кусочки себе в рот, так что под конец слова его стали почти неразборчивыми.

— Я верю в это, — сказал Генри, — и готов согласиться с вами. Но должен спросить, что такой образованный человек, как вы, делает здесь, живя в этих жутких условиях?

— Отдыхаю, больше ничего. — Чавканье и треск, когда зубы его впивались в мясо, дробя кости. — И на секунду не думайте, что я уроженец этой планеты. Я ученый Форбунга, наблюдаю здесь за отдельными формами жизни. Ученый мир…

— Мое, мое! — заорал, вернувшись к жизни, первый дикарь и потащил тушу к себе. Продолжая одной рукой запихивать в рот мясо, пришедший другой схватил камень и треснул по голове владельца туши. Тот со стоном упал спиной в костер. Генри молчал, наблюдая, не делая никаких попыток прекратить драку.

— Очень интересно, — сказал он. — Как человек другого мира и ученый, вы должны иметь свою

точку зрения на местную жизнь. Наверное, вы знаете, почему люди на этой планете так недоверчивы и склонны к драке.

— Да, знаю… — Чавканье.

Пауза тянулась до тех пор, пока Генри не спросил:

— И можете рассказать об этом?

— Конечно, доверие за доверие. Но помните, все это я опубликую первым. Все дело в радиации, я знаю. На планете существует пагубная радиация, которую можно обозначить символом «Х». Потому эту величину «Х» мы должны использовать при уточнении длины волны радиации…

Далее последовало множество слов, подобных предыдущим. Генри громко вздохнул.

— Он полоумен, бедняга.

— Если вы имеете в виду его психическое состояние, то вы правы. — Геликоптер завершил вираж. — Я сравнил его психическую деятельность со своими записями и обнаружил, что на другой планете он имел бы 97,89 шансов из 100 угодить в психиатрическую лечебницу.

— Даже все сто. Это трагедия! Интеллигентный человек, прибывший изучать местные формы жизни, не выдержал напряжения. Мы должны сообщить, чтобы его забрали обратно.

— Я сделаю отметку в записях.

— Давайте возвращаться, — сказал Генри. — Здесь нет ничего полезного для нас… Что случилось?

Внезапно старик встрепенулся и приложил ладонь к уху. Затем оторвал от туши здоровенный кусок мяса и кинулся бежать. Второй дикарь тоже очнулся. Он застонал и сел, потом вскочил на ноги и быстро исчез из виду.

— Они услышали шум приближающихся трициклов, — объяснил компьютер. — Едут сюда со стороны равнины, где пасутся стада.

— Сообщай все, что узнаешь.

— Это еще не опасно, поэтому я не сообщал вам.

— Продолжай непрерывно информировать меня. Как мне отсюда выбраться?

— Кран уже в пути. Советую вам влезть на гору до прибытия этих людей.

Они разыскивают похитителей своей коровы и, несомненно, проедут мимо, продолжая погоню.

— Было бы хорошо, если бы ты оказался прав.

Наверху оказался великолепный наблюдательный пункт. Оттуда Генри, невидимый сам, следил за трициклами, которые с ревом затормозили возле туши.

— Вот туша! — закричал кто-то. — Они сперли бычка и съели. Я же говорил вам, что не хватает бычка.

— Куда пошел вор?

— Охотничья собака покажет.

Генри махнул рукой орнитоптеру, тот сложил крылья и сел рядом с его головой.

— Что такое «охотничья собака»?

Через микросекунду компьютер ответил:

— Так называется животное с сильно развитым обонянием. Используется для розыска дичи по запаху. В наше время так называют особый прибор, который находит следы по запаху, подобно животному с таким же названием.

— Где кран?

— Прибудет через три минуты.

— Немедленно отсюда!

— Эй! — раздался голос внизу. — Собака показывает три следа. Два уходят прочь, а третий ведет прямо на гору.

— Кто-то сидит наверху!

— Лови его!

Генри хорошо поработал, но на стороне противника было численное преимущество. Трициклы взревели и появились рядом с ним.

Генри выдернул первого из седла и швырнул

в остальных. Раньше он служил в Морском Патруле и умел драться. Но он так и не узнал, что ударило его сзади…

Глава 10

Генри застонал, открыл глаза и возникшее зрелище очень не понравилось ему, поэтому он закрыл и снова открыл глаза.

— Объясните, что случилось, — потребовал командор Сергеев, так близко наклоняясь к Генри, что борода щекотала нос.

— Джунгли, прочь! — сказал Генри, осторожно отводя бороду. — Расскажите, что вам стало известно, пока я вел исследования. Я дополню.

— Вот те на! Вы позволили захватить себя. Теперь мы будем жить на бойне.

— Тише. Попытайтесь не кричать. Я вытащу вас отсюда, только расскажите, что случилось.

— Вы знаете, что случилось, или робот, похожий на вас, знает это. Я мог бы спать, но это создание вообще не спит, поэтому мы играли в шахматы. Внезапно он вскочил — несомненно, с целью уронить фигуры — и оторвал цепь, приковывающую его ногу к стене. Если бы я знал, что он способен на это, то давно бы заставил его освободить меня.

Затем он влез на запоминающее устройство и спрятался. Пока я окликал его, дверь внезапно открылась и внесли вас, так похожего на робота. Вас моментально приковали и все ушли. Теперь ваш грязный робот совершенно игнорирует меня и режет дыру в стене. Сумасшедший!

Генри взглянул наверх. Прицепившись ногами и свисая вниз головой под потолком, робот ковырял стены полоской стали. У Генри закружилась голова, он застонал и закрыл глаза.

— Мне нужен врач.

— Помощь сейчас придет! — крикнул робот и проделал отверстие. Через несколько секунд в это отверстие влетел СПИЕС и сел на пол возле Генри. Он был в форме птицы и ярко блестел. Он выжидающе пожужжал, потом в задней стенке его открылся ящичек. Робот-Генри спрыгнул со стены и подбежал к СПИЕСу. Он вытащил из ящичка пакет, СПИЕС мгновенно взлетел и скрылся в дыре.

— Аптечка, — сказал робот. — Я буду лечить ваши раны.

— Сначала сними боль, — сказал Генри. — Объяснишь потом.

Все было выполнено немедленно. Накладывая на синяки мазь, робот начал рассказывать:

— Для остановки ваших противников у меня не хватило активных единиц, имевшихся поблизости. Но мне удалось предотвратить ваше убийство, произведя в их оружии некоторые дефекты. Я рассудил, что вас должны доставить сюда, откуда, по их мнению, вы сбежали. Я оказался прав.

— А если бы ты ошибся?

— Я приготовился ко всем возможностям. Тяжелые машины уже в пути.

Самодовольство компьютера объяснялось тем, что тяжелые машины — боевые роботы — имели атомное оружие. Генри пошевелился.

— Мы должны немедленно покинуть это место, — потребовал Сергеев, сжимая пальцы так, словно они кого-то душили.

— Да, согласен с вами. Но терпение, дайте мне несколько секунд собраться с мыслями.

— Десять минут, не больше! — Сергеев принялся расхаживать по комнате, поглядывая на свои часы.

— Щедрый вы человек, командор. Как вас, должно быть, любили ваши подчиненные.

— Возможно, но они никогда не говорили мне об этом. Мне вполне хватало того, что они повиновались моим приказам.

— Вы не смогли бы набрать экипаж на этой планете. Мужчины!

Вероломные, подозрительные, смертельно опасные — выбирайте любую формулировку. Их образ жизни уже укоренился, а изменить все общество почти невозможно!

— Зачем изменять? Надо просто уйти! Пусть они живут со своими коровами, пылью и стрельбой. Все они сумасшедшие!

Глаза Генри внезапно расширились, он сел,

выпрямившись.

— Что вы сказали?

— Вы что, глухой? Сумасшедшие! А сейчас мы должны убираться отсюда, ваше время истекло.

Генри медленно встал, шатаясь.

— Но может быть, если все они психически больны, это объясняет многое…

— Не наседайте, пожалуйста, командор, — сказал робот-Генри, становясь между своим хозяином и разгневанным представителем Галактической Переписи, который наступал на Генри, вытянув руки со скрюченными пальцами.

— Успокойтесь, командор, мы уходим, — сказал Генри, снова беря дело в свои руки. — Компьютер, я думаю, ты можешь извлечь нас отсюда?

— Раз плюнуть. Следуйте за мной, господа.

С легким треском робот разорвал цепь на ноге Генри, затем Сергеева.

Они последовали за роботом к двери, которую он просто вышиб. Они прошли через зал к внешней двери.

— Ему не удастся так легко разбить эту дверь, — сказал Сергеев, указывая на толстые стальные брусья, из которых состояла наружная дверь.

— Будьте любезны отойти в сторону, — попро-

сил робот.

Когда они отошли, дверь разлетелась бесформенными обломками металла.

Выйдя наружу, Генри и командор увидели массивного робота с энергопушкой на месте головы. Глаза и рот его были на животе.

— Вам необходимо скорее уйти отсюда, — посоветовал робот-Генри. — Ваше бегство уже подняло тревогу. Обстановка такова, что все мужчины в городе проснулись и сбегаются сюда.

После этого предупреждения роботы и люди бросились бежать сквозь мрак. Тучи закрыли луну и звезды, а улицы не освещались. Беглецы сумели избежать встречи с машинами, которые искали их. Когда, наконец, они добрались до космопорта, то увидели, что корабль окружен. От прожекторов и ручных фонарей было светло, как днем. Генри остановился, пригнулся и ткнул пальцем в ближайшего робота.

— Не притворяйся, что ты не знал об этом. Или ты оставил эту доброжелательно настроенную группу в качестве сюрприза?

— Нет, я бы информировал вас об этом. Но как я знал, новость о том, что корабль окружен, огорчит вас и помешает действовать разумно.

— Вот я тебе сейчас дам разумно! — крикнул

Сергеев и пнул робота, но ничего, кроме жгучей боли в ноге, не почувствовал.

— Как же мы попадем на корабль?

— Следуйте за мной, — сказал робот. — Захороненный корабль командора Сергеева находится вне кольца окружения. Я прорыл туннель под охраняемой площадкой. Вы можете пойти этим путем.

— У нас нет выбора. Пойдемте, командор.

Свет был ярким и последнюю сотню ярдов им пришлось проползти на животе в узкой канаве. Они устали, вымазались в грязи и вымокли, когда вползли в широкую водосточную канаву.

— Прибыли, — сказал робот-Генри. — Если вы подождете несколько минут, туннель будет выведен прямо сюда. А пока я прошу вас соблюдать полную тишину, так как в нашем направлении движется вооруженный человек.

— Мы можем захватить его, не подняв тревоги?

— Это возможно. Пожалуйста, соблюдайте тишину!

Едва они успели залечь за грязным откосом канавы, как послышались приближающиеся шаги. Человек держал в руке револьвер, но ничего не видел в темноте, как ни всматривался.

Робот-Генри метнулся вперед и схватил человека за лодыжки. Прежде чем тот успел закричать или пустить в ход оружие, они очутились в канаве. Генри сильно ударил его в подбородок, человек согнулся и рухнул на землю. Лицо его обратилось наверх, к свету, и Генри радостно прошептал:

— Наш старый приятель-шериф. Я не мог ожидать ничего лучшего!

Под землей раздался громыхающий лязг и на поверхности появился вращающийся наконечник бура. Через несколько секунд в отверстии показался робот-бурильщик и остановился, вибрируя небольшими колесами.

— Быстро в туннель, — посоветовал робот-Генри. — Я потащу шерифа за вами. Должен предупредить, что туннель не закреплен и выдержит только три-четыре минуты, а потом обвалится.

— Черт бы побрал тебя и твои дешевые туннели! — крикнул Генри, ныряя в туннель.

Сергеев следовал за ним по пятам. Когда их ноги исчезли, в туннель полез робот-Генри, крепко держа вялое тело шерифа. Замыкал процессию робот-бурильщик. В канаве остался лишь боевой робот, неся охрану.

Глава 11

Путешествие оказалось не из веселых. Кровля туннеля царапала Генри спину. Внутри было темно и душно, а Генри и так устал. Казалось, этому не будет конца. Он явственно чувствовал вес породы над головой и знал, что может не доползти.

Потом туннель повернул, выровнялся, и Генри различил впереди свет.

Последним усилием он добрался до входа в укрепленный туннель и ввалился в него. Ожидавший в туннеле робот отряхнул с него грязь, затем выдернул из отверстия, как пробку из бутылки, командора. Робот-Генри с шерифом вылезли из туннеля только наполовину, когда тот обвалился. Мужчины могли только в изнеможении сидеть, пока роботы откапывали шерифа.

— Я подумал, что, может быть, вы захотите холодного пива, — сказал робот, появляясь из соединительного туннеля с подносом, на котором стояли две запотевшие бутылки. — Как вы думаете, командор присоединится к вам?

Командор Сергеев пробормотал что-то невнятное и схватил одну из бутылок. Отбив горлышко, он поднес бутылку к губам и наполовину опусто-

шил ее, прежде чем остановился перевести дух. Генри выпил свою бутылку не спеша, маленькими глотками.

— Ваш корабль вон там, командор, — указал он Сергееву. — Захоронен, но цел и невредим. Может, вы присоединитесь ко мне, пока мы не извлечем его?

Отдых и пиво значительно улучшили настроение командора.

— Буду счастлив побыть с вами. Кажется, я на всю жизнь набегался под землей.

Охая, они встали и направились по туннелю к кораблю Генри. Прежде чем подняться наверх и переодеться в чистую одежду, Генри дал корабельному компьютеру тщательные инструкции относительно шерифа. Он сидел в кресле, задрав ноги, читал письменный доклад компьютера и жевал сэндвич, когда к нему присоединился Сергеев.

— Садитесь и заказывайте, что вам нравится, командор, — предложил Генри, кивнув в сторону кресла. — Я рад, что удалось найти одежду вашего размера.

— Размера — да, но не материала. Я не нашел ничего, кроме отвратительной клетчатой ткани, из которой сшита ваша одежда. — Сергеев глянул

в меню, протянутое ему роботом. — Что за доклад вы читаете?

— Разгадка тайны этой планеты. У шерифа в крови достаточное количество ДШПП или тараксеина, как иначе называется это вещество. Анализы указали на его источники.

Командор отметил в меню свой выбор, вернул его роботу и, нахмурившись, взглянул на Генри.

— Вы сошли с ума? — спросил он.

— Не я, а шериф. Этого человека на других планетах посчитали бы психически больным. Вам известно, что такое параноидальная шизофрения?

— Разновидность психического заболевания. Какое это имеет к нему отношение?

— Шериф болен ею, — объяснил Генри. — Параноики живут в вымышленном ими мире и не доверяют никому. В одной из форм этого заболевания жертва страдает манией преследования: человек убежден, что весь мир настроен против него. Он может действовать разумно, но не всегда.

— Вы хотите сказать…

— Точно. Все мужчины на этой планетке — душевнобольные, и им требуется лечение. При паранойе одна мысль нарушает строгий пси-

хологический порядок, она берет свое начало в детских конфликтах и тому подобном. Возможно, сложившийся здесь уклад жизни — лишь спусковой крючок для болезни, которая вызывается явно химическими причинами. Причины эти заключаются в нарушении коры головного мозга. Тараксеин — антитело, производится организмов в ответ на вторжение инородных веществ. Похоже, он уничтожает не только болезненное начало, но и причиняет вред самому мозгу.

Командор зевнул.

— Вы хотите сказать, что этот… тараксеин или как он там называется?… делает человека психически больным и причиняет вред? Если это так, откуда же он берется?

— Компьютер еще не закончил анализы, но уже обнаружил микроорганизмы, на которые можно возложить ответственность за это. Эти простейшие — очень слабые бактерии, и они, очевидно, медленно проникают в ткани человеческого организма. Но эта форма инфекции — худшая из всех, подобная проказе, так как ее действие такое медленное и слабое, что организм не замечает ее и не борется. Эти бактерии медленно и упорно накапливают силы, пока организм борется с другими врагами, и постепенно вырабатывают

тараксеина достаточно для того, чтобы возникло заболевание.

— И сколько они действуют?

— Должно быть, около тринадцати-пятнадцати лет. Я встретил пятнадцатилетнего мальчика, у которого уже были признаки этого заболевания.

— А женщины и девочки?

— У них, должно быть, природный иммунитет — это самое логичное объяснение, поскольку бактерии существуют всюду…

— Тогда надо их уничтожить! — потребовал Сергеев.

— Успокойтесь. Конечно, мы сделаем это, но вспомните, результат станет известен только через пятнадцать лет. Наше преимущество в том, что мы знаем причину. С Форбунга прибудут врачи и возьмут дело в свои руки.

Сергеев схватил огромный сэндвич, принесенный роботом, откусил огромный кусок, а остатками махнул в сторону Генри.

— В ваших рассуждениях есть слабое место. Если эта болезнь так широко распространена, тогда бактерии должны быть и в мясе. Почему же на Форбунге нет никаких признаков этой болезни?

— Очень просто. Замораживание мяса убивает почти все организмы, не привыкшие к таким

условиям. Ведь мясо отправляется отсюда замороженным и летит несколько месяцев. Других контактов с этой планетой Форбунг не имеет.

— Это разумно, — нехотя согласился Сергеев, приканчивая сэндвич и посылая робота за другим. — В таком случае, мне придется остаться здесь, пока не выкопают мой корабль. Местные жители больны, их надо лечить. А когда их вылечат, а проведу полную перепись населения. Это моя работа.

— Для них наступит лучшая жизнь. Дети уедут учиться, потом вернутся строить более разумное общество. Они сделают это скорее, чем чужаки. — Генри криво улыбнулся. — Это очень трогательно.

— Что? — спросил командор, более заинтересованный новым сэндвичем и бутылкой пива, чем разговором.

— Дети. Дети всегда бунтуют, пока молоды, свысока смотрят на старое поколение. Про них нередко думают, что они слишком тупы, чтобы понять идеи своих отцов. Но на Олгетере дети правы!

ЭПИЛОГ

Потом было сказано еще много речей, церемония заканчивалась. Кадеты выходили из строя, высоко подняв головы, и получали документы об окончании училища. Один за другим проходили они простую церемонию, пока она не завершилась.

ВСЕ, они больше не кадеты!

— Патрульные, я приветствую вас, — сказал командор и голос его потонул в радостных криках. Эхо отражалось от купола крыши, стихнув только тогда, когда юноши выбежали навстречу своим назначениям и своей судьбе.

Командор остался один, думая уже о новых воспитанниках, которые прибудут на следующий день.

...Они проходят из зала, с Земли, распространяясь по планетам и звездам Галактики, и в этом помогут им верные свиньи, преданные роботы, надежные друзья-мужчины, путешествующие вместе с ними в космосе и помогающие в завоевании далеких звезд.

Рука об руку свиньи, роботы и люди твердо шагают в удивительное будущее.